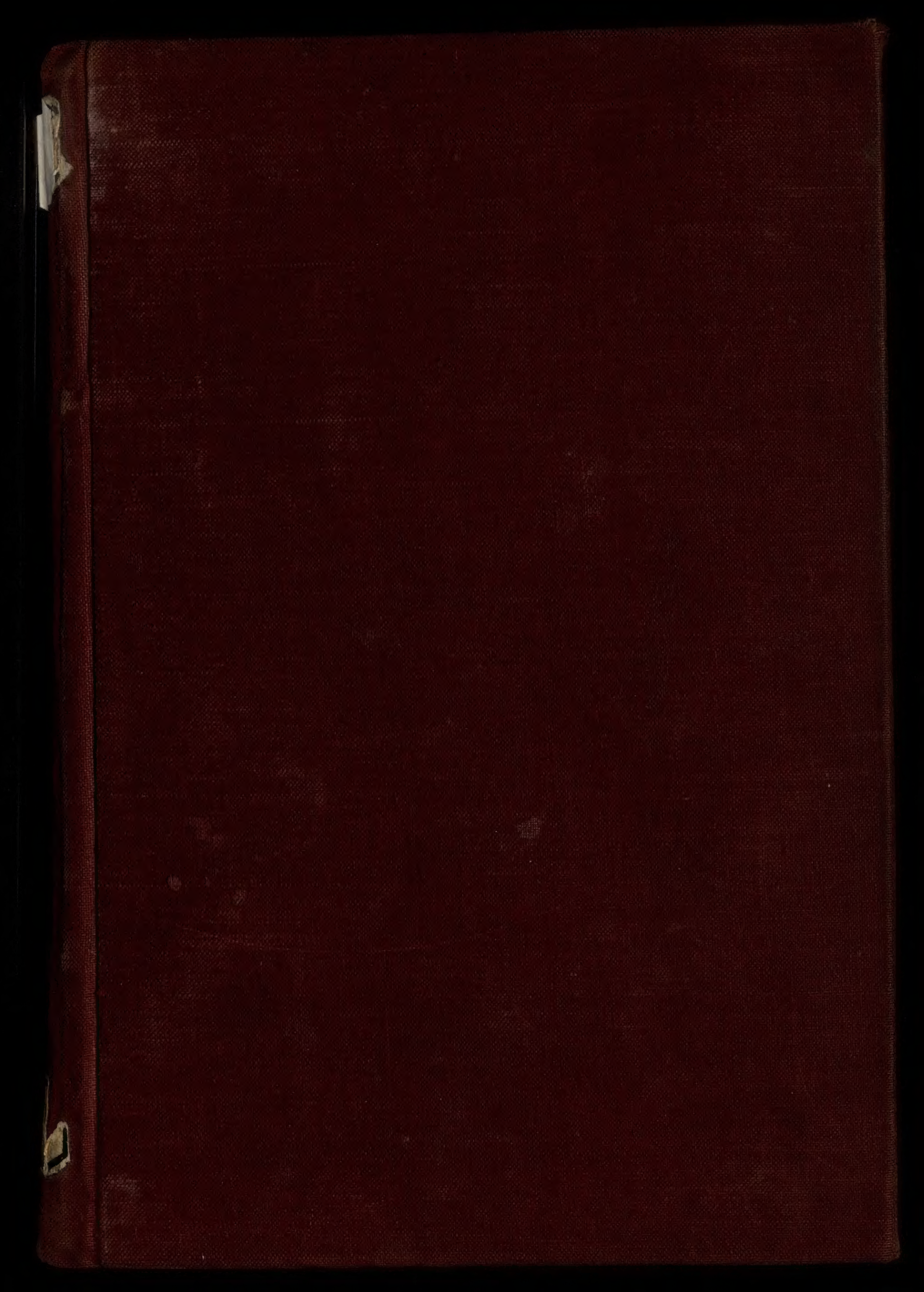
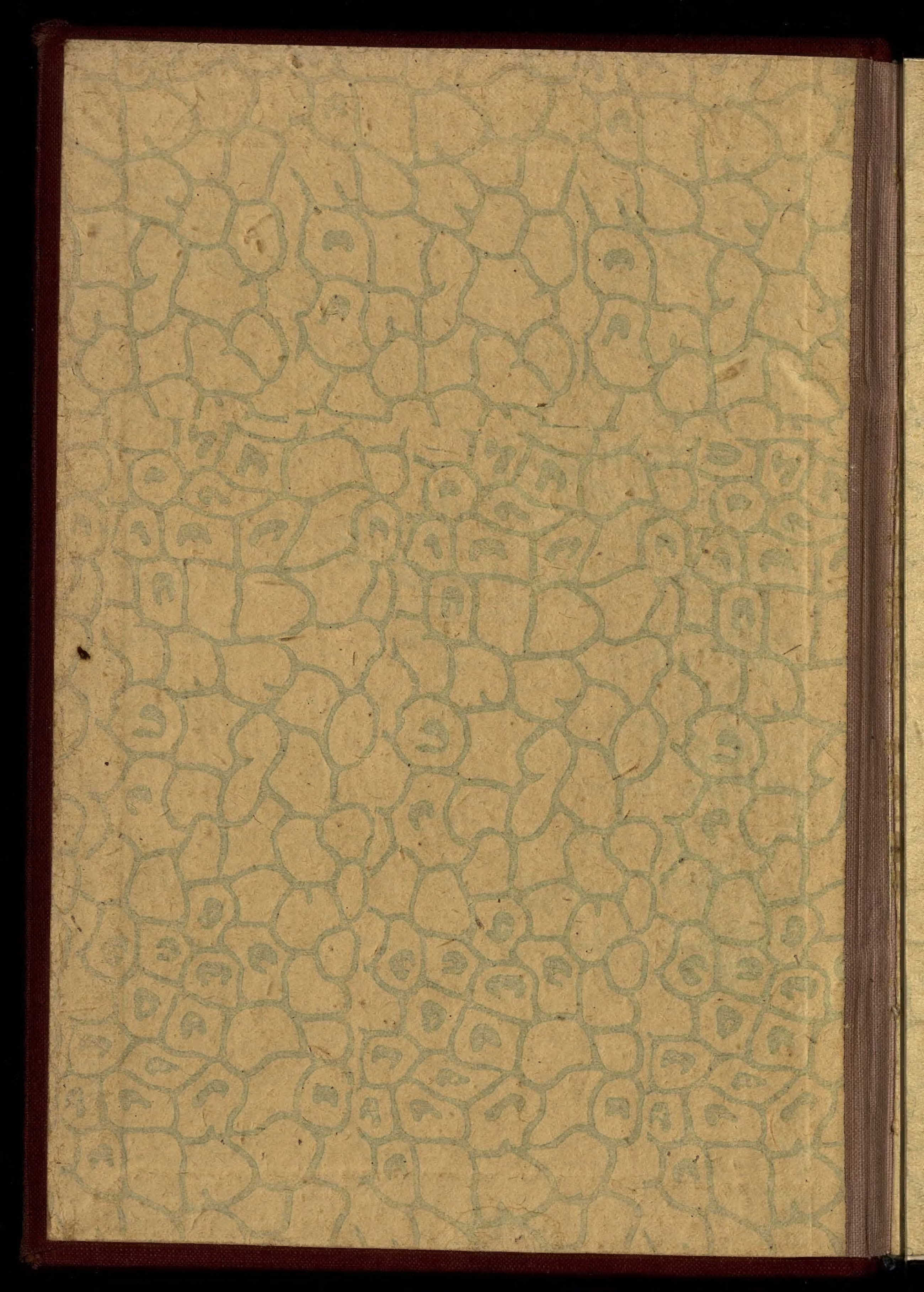
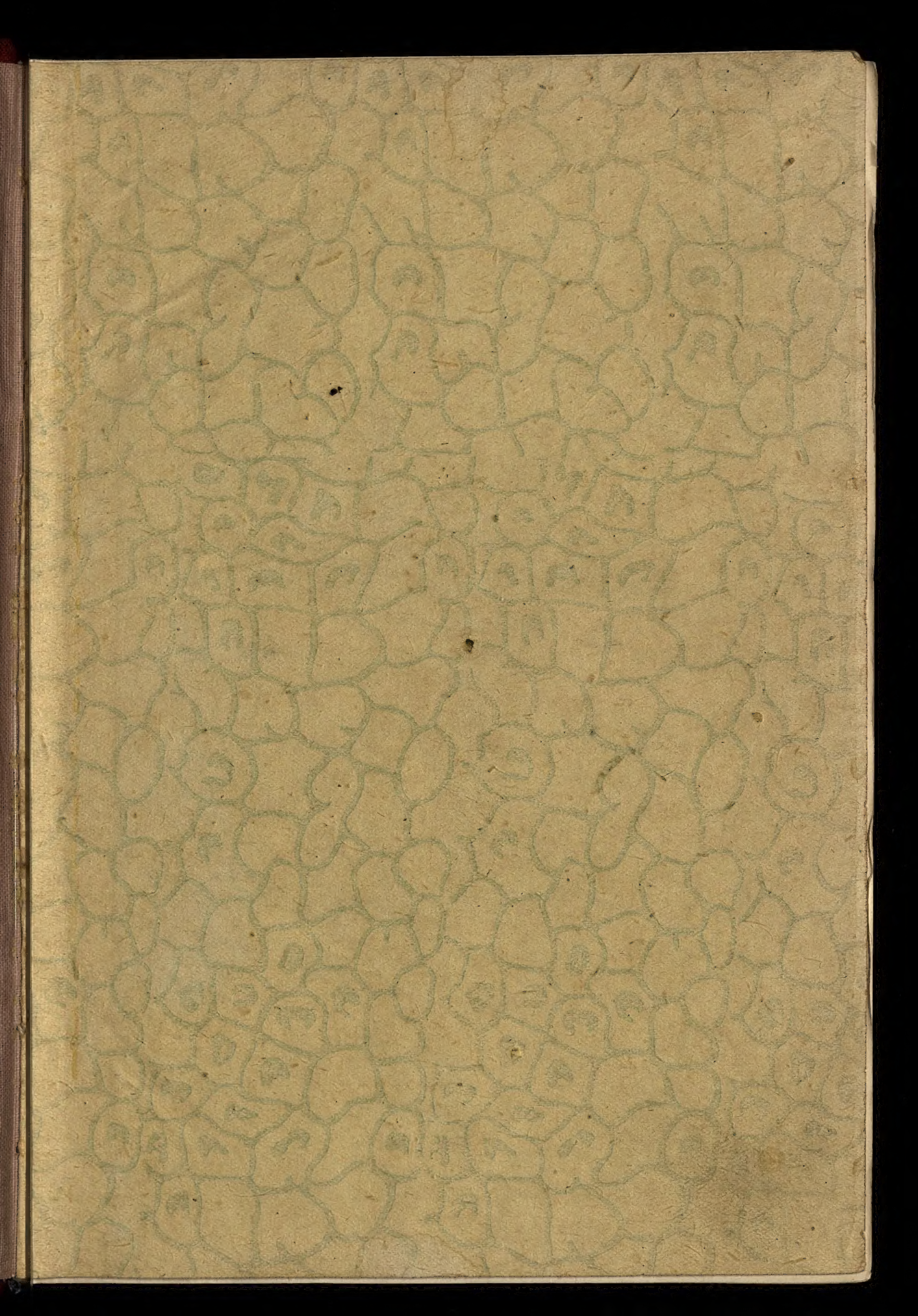

БИБЛИОТЕКА
МГУ
им. ГОРЬКОГО

А. И. Герценъ въ молодости.

(Съ портрета А. Витберга, 1836 г.).

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА.

Томъ I.

СОЧИНЕНІЯ

А. И. ГЕРЦЕНА

и

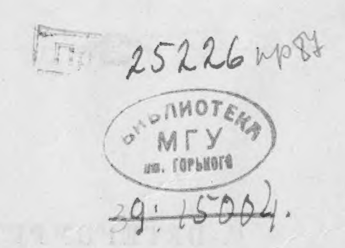
Переписка съ Н. А. Захарьиной.

ВЪ СЕМИ ТОМАХЪ.

Съ примѣчаніями, указателемъ и 8 снимками (7 портретовъ и 1 статуя).

Томъ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Ф. Павленкова.
1905.

Типографія М. Меркушева, Невскій, 8.

Оглавленіе I-го тома.

—

Погрѣшность: Въ примѣчаніяхъ (стр. 490) къ стр. 88 сказано относительно минеральнаго источника Шпруделя, что онъ выдѣляетъ обильный осадокъ углекислоты; слѣдуетъ сказать—углекислой извести.

Вмѣсто предисловія.

Настоящее изданіе — *первое* изданіе собранія сочиненій Александра Ивановича Герцена въ Россіи. Родился Герценъ 25 марта 1812 г., умеръ 9 января 1870 г. Слѣдовательно, онъ принадлежитъ не только всецѣло прошедшему вѣку, но и большею частью своей жизни, и наибольшимъ развитіемъ своихъ силъ—нашей, такъ называемой, дореформенной эпохѣ. Онъ—одинъ изъ самыхъ яркихъ представителей знаменитаго круга людей сороковыхъ годовъ, изъ числа которыхъ русская литература чтитъ высоко и неизмѣнно Бѣлинскаго, Грановскаго, Станкевича и др. По общественнымъ и политическимъ условіямъ то было темное, непроглядно темное время и сильные умы, горячія сердца истекали кровью не столько отъ чрезмѣрности усилій въ борьбѣ съ окружающей ихъ мглой, сколько отъ невозможности приложить и проявить свои силы въ этой несчастной дѣйствительности. Въ 1847 г. Герценъ, уже занимавшій тогда довольно замѣтное положеніе въ русской журналистикѣ, оставляетъ Россію, уѣзжаетъ за границу, становится близко къ революціоннымъ движеніямъ Италіи и Франціи; оковы спадаютъ съ мысли и она развертывается во всю ширь. *Такой* Герценъ былъ не по плечу офиціальной Россіи, онъ слишкомъ далеко ушелъ отъ того, что считала допустимымъ офиціальная Россія того времени. И вотъ онъ, равно какъ нѣсколько позже и ближайшій другъ его Н. Огаревъ, а также М. Бакунинъ, становится эмигрантомъ, а все то, что онъ писалъ, даже и совершенно невинное съ точки зрѣнія тогдашней цензуры, запрещается и воспроизведеніе не только писаннаго заграницей, но и того, что было напечатано ранѣе въ русскихъ журналахъ, дѣлается невозможнымъ. Такъ широкіе круги чи-

тающей публики лишились великаго русскаго писателя и лишились надолго, такъ какъ отпечатанные въ одно время его романъ «Кто виноватъ» и сборникъ подъ заглавіемъ «Раздумье» носили совершенно случайный характеръ и появлялись въ видѣ какой-то контрабанды.

Первый рѣшительный шагъ къ возвращенію великаго изгнанника на родину сдѣлалъ покойный издатель Ф. Ѳ. Павленковъ. Онъ пріобрѣлъ въ 1894 г. право собственности на изданіе сочиненій А. И. Герцена въ Россіи отъ наслѣдниковъ, его сына, лозанскаго профессора А. А. Герцена, и дочерей. Тогда же многіе удивлялись: какъ-это такой опытный издатель, какъ Ф. Павленковъ, и поступаетъ такъ непрактично, — покупаетъ то, что по условіямъ реализаціи, съ издательской точки зрѣнія, не стоитъ ничего. И, дѣйствительно, всѣ попытки Ф. Павленкова разбивались о цензурныя условія и онъ умеръ въ 1899 г., не доживъ до осуществленія своей завѣтной мечты. Душеприказчики его, въ лицѣ Н. Розенталя, В. Черкасова и В. Яковенко, сочли одной изъ своихъ главнѣйшихъ обязанностей довести это дѣло до конца. Къ тому времени, благодаря многочисленнымъ статьямъ и замѣткамъ, появлявшимся въ періодической печати и разъяснявшихъ значеніе Герцена, почва была уже болѣе подготовлена для снятія запрещенія, тяготѣвшаго надъ его сочиненіями, и въ концѣ 1900 г. послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на изданіе сочиненій Герцена въ Россіи подъ отвѣтственностью главного управленія по дѣламъ печати и съ указаніемъ въ главнѣйшихъ чертахъ того, что изъ написаннаго Герценомъ должно быть изъято изъ изданія, печатаемаго въ Россіи.

Теперь, казалось, дѣло было поставлено на рельсы и ему оставалось быстро катиться къ нетерпѣливо ожидавшему читателю. Казалось... Но тутъ Герценъ, его нетлѣнные останки, бережно переносимые нами, были подхвачены вихремъ событій, переживаемыхъ Россіею съ вступленіемъ въ XX вѣкъ. Всякое, сколько нибудь крупное событіе изъ нашей внутренней жизни за это время отражалось на ходѣ пересмотра цензурнымъ вѣдомствомъ сочиненій Герцена. А смѣна министровъ внутреннихъ дѣлъ, смѣна главныхъ начальниковъ по дѣламъ печати... У каждаго свой взглядъ, свои соображенія, и въ результатѣ безконечная затяжка дѣла. Наконецъ, издателями было получено въ концѣ 1904 г. разрѣшеніе отъ главнаго управленія по дѣламъ печати приступить къ печатанію сочиненій Герцена.

Въ основу настоящаго изданія положено десятитомное женевское изданіе «Oeuvres d'Alexandre Herzen. Сочиненія А. И. Герцена», 1875—1879 г.; затѣмъ «Сборникъ посмертныхъ статей», изданіе второе 1874 г. и «Колоколъ» за 1857—1865 г., изъ ко-

тораго въ настоящее изданіе вошли лишь немногія статьи. Кромѣ того, собраны почти всѣ статьи (за самыми незначительными и сомнительными исключеніями), написанныя Герценомъ въ ранній періодъ его дѣятельности, но напечатанныя уже много спустя послѣ его смерти въ разныхъ русскихъ журналахъ. Наконецъ, напечатана полностью переписка Герцена съ Натальей Александровной Захарьиной, на которой онъ женился въ 1838 г.; переписка эта печаталась въ журналахъ «Русская Мысль» и «Новое Слово», но прервана была на половинѣ; въ настоящемъ же изданіи она доведена до конца.

Языкъ Герцена высоко художественный и отличается глубокой оригинальностью. Выступилъ онъ на литературное поприще еще въ 30-хъ годахъ. Естественно, что его языкъ изобилуетъ своеобразностями, какихъ мы теперь уже не встрѣчаемъ въ нашемъ современномъ обычномъ литературномъ языкѣ. Своеобразности эти обязательно должны быть соблюдены и тутъ недопустима никакая «редакція». Къ сожалѣнію, однако, далеко не всегда можно было выполнить это требованіе въ настоящемъ изданіи. Подлинныхъ рукописей (кромѣ переписки съ Н. А. Захарьиной и нѣкоторыхъ юношескихъ произведеній) въ распоряженіи издателей не было, а заграничное изданіе страдаетъ многочисленными опечатками, на ряду съ которыми, несомнѣнно, было допущено и искаженіе второстепенныхъ стилистическихъ особенностей въ слогѣ Герцена. Кое-что можно было исправить путемъ сопоставленія текста въ двухъ заграничныхъ изданіяхъ (напр., «Былое и Думы» въ нѣкоторыхъ частяхъ); но и такая свѣрка, вслѣдствіе отсутствія подъ рукой всѣхъ заграничныхъ изданій и быстроты, съ какой, получивъ, наконецъ, разрѣшеніе, слѣдовало печатать, не могла быть систематически осуществлена. Единственное отступленіе въ этомъ отношеніи, сознательно допущенное въ настоящемъ изданіи отъ заграничныхъ текстовъ, касается написанія иностранныхъ словъ и собственныхъ именъ, которыя передавались согласно установившемуся теперь написанію ихъ (такъ, вмѣсто дипломація печаталось дипломатія, ценсура—цензура, широкко—сирокко, Шведенборгъ—Сведенборгъ и т. д.).

Весь матеріалъ размѣщенъ по такимъ главнѣйшимъ отдѣламъ: 1) повѣсти, разсказы и романы; 2) «Былое и Думы»; 3) публицистическія и критическія статьи; 4) «Дневникъ» и статьи изъ «Колокола» (не на мѣстѣ, такъ какъ разрѣшены къ печатанію уже въ то время, какъ составъ предыдущихъ томовъ опредѣлился) и 5) переписка съ Н. А. Захарьиной. Хронологическій порядокъ въ этихъ отдѣлахъ не всегда соблюденъ, такъ какъ надъ хронологіей произведеній Герцена библіографамъ нужно немало потрудиться для того, чтобы установить ее окончательно.

Къ каждому тому приложены примѣчанія, поясняющія давно забытыя или мало извѣстныя въ широкихъ кругахъ публики имена и событія, раскрывающія намеки, инціалы (въ нѣкоторыхъ случаяхъ). Непосредственно подъ текстомъ сохранены лишь примѣчанія самого Герцена, немногочисленные варіанты (добавляющіе что-либо къ *содержанію* текста) и, наконецъ, касающіяся болѣе технической стороны изданія и необходимыя для читателя примѣчанія издателя. Въ перепискѣ съ Н. А. Захарьиной введенъ условный знакъ (прямыя скобки [ ]) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ текстѣ приходилось отмѣчать что-нибудь недостающее.

Нижеслѣдующія произведенія Герцена подготовлены къ печати (т. е. свѣрены съ рукописями, если таковыя были въ нашемъ распоряженіи, или съ печатными текстами) и снабжены примѣчаніями М. Гершензономъ: 1) «Отрывки изъ Дневника»; 2) «Легенда о св. Ѳеодорѣ»; 3) «Встрѣчи»; 4) «Отдѣльныя мысли»; 5) «Отдѣльныя замѣчанія о русскомъ законодательствѣ»; 6) «Изъ римскихъ сценъ»; 7) «Послѣдній праздникъ дружбы»; 8) «Реклама»; 9) «Письмо первое о Москвитянинѣ»; 10) Публичныя чтенія г. Грановскаго, 11) «Публичныя чтенія г-на профессора Рулье»; 12) «Трагедія за стаканомъ грока»; 13) «Оба лучше». 14) «Старика Вѣдрина крѣпкое до польскихъ братій словцо»; 15) «Изъ воспоминаній объ Англіи»; 16) «Изъ писемъ путешественника во внутрь Англіи»; 17) «Русская колонія въ Парижѣ» и 18) «Скуки ради».

Переписка съ Н. А. Захарьиной вся провѣрена по подлиннымъ письмамъ В. Яковенко; причемъ исправлены погрѣшности и возстановлены пропуски, сдѣланные Е. Некрасовой при печатаніи этихъ писемъ въ журналѣ «Русская Мысль», вѣроятно изъ ложной деликатности, тогда какъ о такихъ людяхъ, какъ Герценъ, говоря его же словами, «нечего умалчивать, ихъ щадить нечего».

Примѣчанія и указатель составлены библіографомъ Д. Сильчевскимъ.

Собраніе сочиненій и въ особенности такого писателя, какъ Герценъ, который по истеченіи лишь 35 лѣтъ послѣ смерти является передъ широкими кругами русской читающей публики, должно бы сопровождаться критико-біографическимъ очеркомъ. Издатели признаютъ это всецѣло и если такого очерка нѣтъ при настоящемъ изданіи, то это произошло вслѣдствіе случайныхъ причинъ: неопредѣленности, тяготѣвшей все время надъ изданіемъ и затѣмъ поспѣшности, съ которой оно печаталось. Въ послѣдующихъ изданіяхъ этотъ недостатокъ будетъ исправленъ. Что касается собственно біографической стороны, то въ

произведеніяхъ Герцена (въ «Былое и Думахъ», въ «Дневникѣ», «Перепискѣ») читатель найдетъ такую возвышенную, художественную автобіографію, съ которой едва ли можетъ сравняться «очеркъ», написанный любымъ изъ нашихъ современниковъ.

Большая часть портретовъ, снимки съ которыхъ приложены къ этому изданію, доставлены сыномъ А. И. Герцена, профессоромъ А. А. Герценомъ.

С.-Петербургъ, 28 мая 1905 г.

В. Яковенко.

Содержаніе семи томовъ.

родъ и соціализмъ. - Крещеная собственность. — Старый міръ и Россія. — Юрьевъ день! Юрьевъ день!—Еще варіація на старую тему.—Лишніе люди и желчевики.—Старика Вѣдрина крѣпкое до польскихъ братій словцо.—Концы и Начала.—Императоръ Александръ I и В. Н. Каразинъ.—Еще разъ Базаровъ.—Къ старому товарищу. **Приложенія:** Примѣчанія.

ТОМЪ VI. **Дневникъ.—Статьи изъ „Колокола":** Что сдѣлано для освобожденія крѣпостныхъ людей. — Революція въ Россіи. — Лобное мѣсто.—Западныя книги.—Что значитъ судъ безъ гласности.—„На дняхъ мы получили письмо..."—Черезъ три года.—Розги и розги!..—Матеріалы для некролога Авраамія Сергіевича Норова.—Тамбовское дворянство.—Дворянство Сумскаго уѣзда.—1 іюля 1858 —Опять надежды.—А. Ивановъ.—Насъ упрекаютъ.—Америка и Сибирь.—Обвинительный актъ.—Россія и Польша (отвѣтъ автору статьи о русской типографіи въ Лондонѣ).—О бородѣ А. А. Иванова. — Генералы отъ цензуры и В. Гюго на батареѣ Сальванди. — Отвѣтъ русской дамѣ.—Война.—Very dangerous!!! —На углу.—Выговоръ по службѣ.—Миръ —Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе.—Россія и Польша.—(второе письмо).—Библіотека дочь Сенковскаго.—Записки И. В. Лопухина.—Розги долой! —Духу не стало!—Манифестъ.—Repetitio est mater studiorum.—Mortuos plango.—М. А. Бакунинъ.—Мясо освобожденія.—Сенаторамъ и тайнымъ совѣтникамъ журнализма.—Личное объясненіе.—Дурныя оружія.—Письмо къ г.г. Каткову и Леонтьеву.—Съ континента.—Ввозъ нечистотъ въ Лондонъ.—Изъ заведенія А. А. Краевскаго.—Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ.—Письма къ будущему другу.—Письма къ противнику.—П. Ж. Прудонъ.—**Приложенія:** Примѣчанія.

ТОМЪ VII. **Переписка А. И. Герцена съ Н. А. Захарьиной.** **Приложенія:** Примѣчанія.—Указатель.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ И РОМАНЫ.

Легенда о св. Θеодо́рѣ.

Tu, e non è...
Non sara tutto tempo senza reda...
Del Purgatorio.

(Посвящено сестрѣ Наташѣ).

Non enim habemus hic manentem civitatem, sed futuram inquirimus.
Ep. ad Hebr. Cap. 13, v. 14.

I.

Якоже отребп міру быхомъ, всѣмъ попраніе доселѣ.
Къ Коринѳ. I посл., гл. IV.

Нѣсколько мѣсяцевъ тюрьмы, нѣсколько мѣсяцевъ безъ открытаго неба, безъ чистаго воздуха!.. Тюрьма не есть уединеніе: чувство, что человѣкъ выброшенъ изъ общества, отрѣшенъ отъ всѣхъ его условій, давитъ. Душа сосредоточивается, занимаетъ наименьшее пространство, уменьшается.

Томно шло время и однообразно до крайней степени, — сутки потеряли свое измѣреніе: всѣ 24 часа превратились въ одну тяжелую сѣрую массу, въ одинъ осенній вечеръ; изъ моего окна видны были казармы, длинныя, безконечныя казармы, и надъ ними голубая полоса неба, изрѣзанная трубами и обезцвѣченная дымомъ. Наконецъ, потребность воздуха, солнца, неба превратилась въ болѣзнь, въ тоску. Мнѣ позволили гулять. Съ какимъ искреннимъ удовольствіемъ вышелъ я на печальный дворъ, отовсюду обставленный солдатами, чистый, плоскій, выметенный, безъ травы, безъ зелени! Правда, по угламъ стояли деревья, но они были печальны: мертвые листья падали съ нихъ, и они казались мнѣ то потерянными бѣдными узниками, грустящими, оторванными отъ родныхъ лѣсовъ, то часовыми, которые безъ смѣны стерегутъ заключенныхъ. Удовольствіе мое тускло, темнѣло; къ этому прибавилась еще причина: кто не былъ въ тюрьмѣ, тотъ

врядъ ли пойметъ чувство, съ которымъ узникъ смотритъ на своихъ провожатыхъ, которые смотрятъ на него какъ на дикаго звѣря. Я хотѣлъ уже возвратиться въ свою маленькую горницу, хотѣлъ опять дышать ея сырымъ, каменнымъ воздухомъ, и съ какою-то ненавистью видѣлъ, что и это удовольствіе, къ которому я такъ долго приготовлялся, отравлено, какъ вдругъ мнѣ попалась на глаза бесѣдка на краю ограды.

— Можно идти туда?

— «Я думаю», отвѣчалъ офицеръ послѣ нѣкотораго молчанія.

Я взошелъ и чуть крикъ восторга не вырвался изъ моей груди: пространство болѣе, нежели на двадцать верстъ, раскрывалось внезапно, нечаянно. Кто не знаетъ чувствованій, съ которыми смотритъ человѣкъ вдаль съ горы? Я самъ часто испытывалъ ихъ; но тутъ явилось что-то новое въ моей груди, сжатой каменными стѣнами, въ груди колодника...

Вся Москва, весь этотъ огромный, пестрый гигантъ, распростертый на сорокъ верстъ, блестящій своею чешуею, вся эта необъятная узорчатая друза кристалловъ, неправильно осѣвшихся!.. Я всматривался въ каждую часть города и въ каждой грудѣ камней находилъ знакомаго, пріятеля, котораго давно не видалъ. Вотъ Кремль, вотъ Воспитательный домъ, вотъ крыша театра, вотъ такая-то церковь... Осеннее солнце, «какъ итальянская луна», не ослѣпляло. Полосами была Москва наводнена его свѣтомъ, полосами была темна; и эти полосы перебѣгали: Москва, казалось, то улыбается, то браздитъ морщинами чело свое. Вся московская жизнь представлялась мнѣ ясно, живо, со всей пустой шумливостью и дѣятельностью безъ цѣли; я почти зналъ, что дѣлается вотъ подъ этой зеленой крышею большого дома, на который Москва не позволяетъ дунуть вѣтру, и подъ досчатымъ навѣсомъ этой хижины, которую Москва толкаетъ въ рѣку. Вспомнилась прошедшая жизнь. И святыя минуты чистыхъ восторговъ, и буйныя вакханаліи, и нѣмая боль скуки, и ядовитыя объятія разврата,—все, все виднѣлось мнѣ изъ кирпичныхъ массъ.

Не знаю, долго ли бы простоялъ я тутъ, или долго ли бы мнѣ позволили простоять; но раздался густой, протяжный, одинокій звукъ колокола съ другой стороны. Звукъ колокола заставляетъ трепетать: онъ слишкомъ силенъ для человѣческаго уха, слишкомъ силенъ для сердца; въ немъ есть доля угрызенія совѣсти и печальный упрекъ; онъ зоветъ, но не проситъ; онъ напоминаетъ о небѣ, но пренебрегаетъ землею.

Доселѣ я не обращалъ вниманія на другую сторону: Москва поглотила меня. Страшный звукъ мѣди среди этой тишины заставилъ обернуться. Все перемѣнилось. Печальный, уединенный Симоновъ монастырь съ черными крышами, какъ на гробахъ, съ

мрачными стѣнами стоялъ на обширномъ полѣ; небольшая рѣка тихо обвивала его, не имѣя силъ подвинуть нѣсколько остановившихся барокъ; кое-гдѣ курились огоньки и около нихъ лежали мужики, голодные, усталые, измокшіе,—и голосъ мѣди вырывался изъ гортани монастыря. Какъ непохожъ Симоновъ монастырь, заключенный со всѣхъ сторонъ въ ограды, на Москву, раскрытую со всѣхъ сторонъ! Въ немъ было столько тишины и спокойствія, столько святаго и поэтическаго... Печаленъ видъ его и грустенъ его колоколъ; но онъ зналъ лучшія времена, онъ былъ знаменитъ и славенъ, торжественно звалъ его колоколъ тогда; теперь ежели бы онъ не напомнилъ о себѣ, можетъ быть, я не замѣтилъ бы его. Старинная архитектура указывала время его славы; и онъ не хочетъ переодѣться, такъ, какъ многія желаютъ умереть въ вѣнчальномъ платьѣ. Тогда ему еще нужны были стѣны для защиты *отъ врага*. Счастливое время! На что теперь эти стѣны, эти башни? Врагъ умѣетъ ихъ миновать, умѣетъ вездѣ найти свою жертву. И не въ твоихъ ли оградахъ лежитъ *юноша, который такъ много жилъ въ своей короткой жизни?* Тогда *врагъ* являлся въ видѣ вооруженнаго Савла,—можно было ждать обращенія; теперь въ видѣ руды,—одна надежда на самоубійство.

Возвратившись въ мою горницу, я вспомнилъ всю блестящую эпоху монастырей. Живо представились мнѣ эти люди съ пламенною фантазіей и огненнымъ сердцемъ, которые проводили всю жизнь гимнами Богу, которыхъ обнаженныя ноги сжигались знойными песками Палестины и примерзали ко льдамъ Скандинавіи. Эта жизнь для идеи, жизнь для водруженія креста, для искупленія человѣка казалась мнѣ высшимъ выраженіемъ общественности; ея нѣтъ болѣе и она невозможна теперь. Тогда были вѣка, умѣвшіе вѣровать, умѣвшіе понимать власть идеи, умѣвшіе покоряться, умѣвшіе молиться въ храмѣ и умѣвшіе воздвигать храмы. Великая кисть художника увѣковѣчила на стѣнахъ Ватикана торжественную минуту силы идей: рабъ рабовъ Божіихъ отираетъ сандаліи свои о вѣнчанное чело цезаря... И тутъ же, казалось, я слышалъ свистъ и смѣхъ, съ которыми встрѣтило XIX столѣтіе религіозное направленіе.

Забудемте, ради Бога, забудемте нашъ вѣкъ, переселимтесь въ эти времена тихаго созерцанія, въ эти времена неба на землѣ!

II [1].

Аминь, глаголю тебѣ: днесь со мною будеши въ раи.
Лук., гл. XXIII, ст. 43.

Юноша въ простой одеждѣ вышелъ изъ городскихъ воротъ Александріи и скорыми шагами пробѣгалъ некрополисъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на дивныя пещеры, изсѣченныя въ камнѣ, ни на дивныя картины, покрывавшія ихъ стѣны.
Эта невнимательность отнюдь не происходила отъ одной привычки, пріучающей человѣка безъ удивленія смотрѣть на все, но отъ того, что онъ былъ занятъ какою-то мыслію, которая ревниво отталкивала весь міръ. Сильныя страсти боролись на его лицѣ; мертвая блѣдность покрывала щеки; иногда слеза тихо скатывалась и онъ не замѣчалъ ея. Бѣлое лицо его было чрезвычайно нѣжно, и, когда онъ отбрасывалъ рукою кудри, падавшія ему на глаза, его можно было принять за дѣву. Большіе черные глаза выражали особое чувство грусти и задумчивости, которое видимъ въ юныхъ лицахъ жителей юга и востока, столь непохожее на мечтательность въ очахъ сѣверныхъ дѣвъ: тутъ—небесное, тамъ—рай и адъ чувственности. Во взорахъ юноши проглядывалъ фанатизмъ, что то восторженно-религіозное, принадлежащее его родинѣ, колыбели христіанскаго аскетизма и кенобитіи отшельниковъ ѳиваидскихъ, гдѣ самое умерщвленіе страстей превратилось въ страсть. Удалившись нѣсколько отъ города, юноша остановился, долго слушалъ исчезающій раздробленный голосъ города и величественный единый голосъ моря [2]). Потомъ, какъ

---

[1]) Легенда, предлагаемая здѣсь, находится въ житіи святыхъ за сентябрь мѣсяцъ. Для чего же я переписалъ ее? Гёте говоритъ: «Nun erzählt die Gesellschaft dem Wunsche gefällig jene Legende... Hier lernte man das eigentliche Wesen der Sage kennen, wenn sie von Mund zu Mund, von Ohr zu Ohr wandelt. Widersprüche kommen nicht vor, aber unendliche Unterschiede, welche daher entspringen wochten, dass jedes Gemüth einen andern Antheil der Begebenheit genommen (Sanct. Pastor. Fest zu Bingen. 23 Ap. XLIII B.)».
«Теперь, согласно желанію, общество услужливо разсказываетъ легенду... Въ это-то время, когда она входитъ изъ устъ въ уста, и познается настоящій смыслъ саги. Противорѣчія не возникаютъ, но являются безконечные варіанты вслѣдствіе того, что каждый разсказывающій, смотря по своему настроенію, различно относится къ передаваемому имъ событію».
Метафрастъ писалъ мартирологъ при Константинѣ Багрянородномъ, — теперь XIX вѣкъ!

[2]) Le Seigneur...
Mêle éternellement dans un fatal hymne
Le chant de la nature au cri du genre humain.
V. Hugo.

«Господь безконечно сливаетъ въ роковомъ гимнѣ пѣніе природы съ крикомъ рода человѣческаго».

будто укрѣпленный этой симфоніею, остановилъ свой влажный взоръ на едва виднѣющейся Александріи.

Александрія—Греція, возвратившаяся въ Египетъ, памятникъ славы сына Юпитера Аммона, надгробный памятникъ Клеопатры—засыпáла въ золотой пыли, въ туманѣ свѣта и жара. Усталое солнце только погружало лицо свое въ Средиземныя волны, раскаляя длинную полосу на морѣ, которое готово было вспыхнуть. Нѣсколько забытыхъ, опоздалыхъ лучей солнца играли на крестахъ храмовъ христіанскихъ. Александрія была тогда поклонница Христова, придавая чистой религіи его свои неоплатоническіе оттѣнки и свою мистическую теургію Прокла и Аполлонія. Уже храмъ Сераписа, Кёльнскій соборъ міра языческаго, съ своими сводами, галлереями, портиками, безчисленными колоннадами, мраморными стѣнами, покрытыми золотомъ, давно былъ разрушенъ, и колоссальная статуя Сераписа, на челѣ которой останавливался солнечный лучъ, не смѣя миновать его, была разбита и превращена въ пепелъ. Но Александрія, еще сильная и могущественная, не лишенная прелестей, коими ее надѣлилъ Динократъ, прелестей, коими надѣлила ее Клеопатра, наряжая себя, пышно и сладострастно смотрѣла на юношу, не предвидя, что скоро превратится въ Искандери арабовъ.

Грустенъ былъ взоръ юноши. Онъ говорилъ: мы разстаемся, я болѣе не гражданинъ твой... Но ему было жаль Александріи: тутъ онъ узналъ жизнь, тутъ онъ любилъ, тутъ, можетъ быть, былъ любимъ, тутъ... Какое-то страшное воспоминаніе пролетѣло по лицу юноши, какое-то угрызеніе совѣсти, и онъ, обратясь къ востоку, бросился на колѣни, и горячія слезы раскаянія сопровождали молитву его. Она была безъ словъ, безъ мыслей, можетъ быть, но она была истинна и глубока; мысли и слова отняли бы всю духовность ея, такъ, какъ они ее отнимаютъ у музыки. Чиста и прелестна молитва невинности, какъ весеннее утро, какъ вода нагорнаго потока; но въ ней есть чувство собственнаго достоинства, требованіе награды. Дѣва чистая называетъ себя невѣстою Христа, невѣстою Того, котораго Соломонъ называлъ женихомъ церкви. Не такова молитва преступнаго: рыдающій, поверженный въ прахъ, онъ алчетъ одного прощенія; его молитва раздираетъ его душу; въ ней вся его надежда и вмѣстѣ отчаяніе; онъ чувствуетъ свою недостойность, но чувствуетъ и безмѣрную благость Бога, онъ боится, трепещетъ, уничтожаетъ себя и возрождается, живетъ токмо въ немъ, въ Искупителѣ рода человѣческаго. Сильна и пламенна молитва преступника, какъ потокъ каленаго металла, бросаемаго изъ огнедышащаго жерла къ небу. И не для грѣшника ли создана молитва?.. Праведному—гимнъ.

«Я пришелъ въ домъ твой, и ты воды мнѣ на ноги не далъ,

а она слезами облила мнѣ ноги и волосами головы своей отерла, а потому сказываю тебѣ: прощаются грѣхи ея многіе за то, что она возлюбила много».

Окончивъ свою молитву, юноша всталъ, прощальнымъ взоромъ поцѣловалъ Александрію и пошелъ далѣе. Темнѣло, и онъ, углубляясь въ плоскую даль пустыни, едва былъ виденъ и исчезъ наконецъ.

На другой день проходилъ онъ къ вечеру дикое и пустынное мѣсто и, казалось, еще не отдыхалъ: шаги сдѣлались тише, дыханіе тяжелѣе. Въ темнотѣ можно было разглядѣть массу еще темнѣйшую, которая грубо и тяжело вырѣзывалась на небосклонѣ. Увидѣвъ ее, юноша собралъ послѣднія силы, удвоилъ шаги и скоро подошелъ къ каменной оградѣ. Ворота были заперты. Нѣсколько разъ подымалъ онъ руку, чтобы постучаться въ окошко привратника; но рука не поднималась,—видно было, что поступокъ, имъ предпринимаемый, слишкомъ измѣнялъ всю жизнь его, слишкомъ глубокимъ оврагомъ отрѣзывалъ все прошедшее отъ всего будущаго. Раскаяніе, негодованіе на свою слабость показались на его чертахъ и онъ коснулся до окна. Трепетъ пробѣжалъ по его членамъ; казалось, что стучатъ у него въ сердцѣ, и сѣдая голова привратника два раза повторяла уже свое привѣтствіе сонными устами и спрашивала о причинѣ поздняго прихода, прежде нежели юноша вымолвилъ: «Отецъ мой, иди къ игумну, скажи, что у воротъ стоитъ презрѣнный грѣшникъ, что онъ умоляетъ принять его въ монастырь, что онъ пришелъ обмыть ваши святыя ноги и работать и трудиться».

Сѣдая голова исчезла. Слова какой-то молитвы коснулись ушей юноши, потомъ послышались тихіе шаги, которые звучали по камню; потомъ все умерло и ничего не было слышно... Каждый шагъ чувствовалъ юноша въ своей груди, — онъ дѣлалъ его на поприщѣ имъ избранномъ,—и мысль, къ которой онъ давно приготовлялся, теперь, казалось, была слишкомъ сильна для его груди. Не такъ ли трепещетъ человѣкъ, ведя къ алтарю свою возлюбленную?

Юноша бросился на большой камень; волненіе его утишилось, высокое чувство вѣры восходило подобно солнцу изъ возмущенныхъ волнъ, освѣщая ихъ, согрѣвая, передавая имъ свой свѣтъ. Онъ отрѣшался отъ міра земного, — онъ слышалъ гласъ Іисуса, призывавшій его туда, въ обитель любви и надежды, туда, гдѣ поютъ Бога чистые ангелы, гдѣ души праведныхъ Его видятъ, гдѣ между ними и покаявшіеся грѣшники... Долго сидѣлъ онъ неподвиженъ, склонивъ голову на обѣ руки, по коимъ разсыпались его кудри. И въ это время онъ, казалось, гармонировалъ и съ мертвою тишиною пустыни, и съ мрачною недвижностью мо-

настыря, и съ сухими, печальными растеніями береговъ Африки, и всего болѣе съ своею родиной — Египтомъ, который однажды жилъ, остановился на своихъ обелискахъ и пирамидахъ и стоитъ съ замершею на устахъ нѣмою рѣчью іероглифовъ.

Проходятъ часы; нѣтъ привратника. По временамъ пронзительный вой шакала раздается протяжно и длинно, не встрѣчая препятствій, подобно голосу военной трубы: онъ ищетъ жертвы и вторитъ, не находя ея. Юноша ничего не замѣчалъ. Но вотъ вблизи его быстрыми скачками, едва дотрогиваясь до земли, пронесся барсъ. Юноша содрогнулся и нѣмое гнетущее чувство одиночества овладѣло имъ.

Ужасно чувство, съ которымъ человѣкъ видитъ, что онъ оставленъ всѣмъ свѣтомъ, когда онъ невольно обращаетъ умоляющій взоръ вокругъ себя, зная, что никто не подастъ ему помощи, и когда взоръ его встрѣчаетъ, вмѣсто спасителя, ярящіяся волны океана, улыбающійся взглядъ инквизитора или взглядъ безъ выраженія палача.

Первое движеніе юноши было бѣжать, куда, — онъ самъ не зналъ; но вѣра въ Провидѣніе остановила его. Онъ осѣнилъ себя крестомъ и спокойно сѣлъ на свой камень. Христіанинъ побѣдилъ человѣка. Ночь прошла, зардѣлъ востокъ, но привратникъ не являлся. Ужели онъ не исполнилъ просьбы юноши? Ужели игуменъ не спѣшитъ утѣшить страждущаго сына?

III.

> Двѣ любви создали двѣ веси: любовь къ себѣ до презрѣнія Бога — весь земную; любовь Бога до презрѣнія себя—весь небесную. Св. Августинъ.

Въ бѣдной кельѣ, сложенной изъ огромныхъ камней, при скупомъ свѣтѣ треножной лампы, на большомъ четвероугольномъ кускѣ гранита сидѣлъ монахъ лѣтъ за пятьдесятъ. Передъ нимъ лежалъ развернутый свитокъ Августина. Одна рука поддерживала голову, покрытую черными волосами, перемѣшавшимися съ сѣдиною, другой онъ придерживалъ свитокъ. Лицо его было блѣдно и желто; глубокія морщины на лбу и пламенные глаза показывали, что въ душѣ его горѣли страсти сильныя и что доселѣ онѣ не потухли. Рѣзкое лицо и болѣе строгое, нежели кроткое, могло показаться холоднымъ съ перваго взгляда, но только съ перваго. Онъ родился въ Антіохіи и судьба готовила ему съ раннихъ лѣтъ путь особый отъ пути, по которому она гуртомъ толкаетъ людей. Онъ не зналъ любви матери, ни ея нѣжной ласки,

отъ которой мягчится сердце: родившись, былъ онъ убійцею ея. У него не было ни сестеръ, ни братьевъ. Отецъ, погруженный въ торговые обороты, богатый и надменный, рѣдко жившій въ Антіохіи, былъ для него посторонній. Словомъ, узы родства, тысячью цѣпями привязывающія человѣка къ домашней жизни, къ маленькому кругу дѣйствій, никогда ему не были извѣстны. Сильная, огненная душа юноши, отъ природы чувствительная и возвышенная, жаждала симпатіи, любви, и находила одинъ холодъ дѣйствительнаго міра. Мрачность черными струями разливалась по его характеру; онъ сталъ скрытенъ, задумчивъ, искалъ отрады въ чтеніи поэтовъ Греціи и не находилъ ея. Свѣтлое, яркое небо Эллады, высокое чувство красоты и ея красота ваятельная худо согласовались съ его больной душою. Страшно жжетъ душу огонь ея, когда нѣтъ отверстій, куда бы онъ вылился, когда нѣтъ вѣры, которая одна можетъ обратить его къ небу, когда нѣтъ любви, которая одна можетъ благотворнымъ сдѣлать пламень его.

Долго блуждалъ онъ, не приставая никуда и терзая свою душу потребностями, которымъ не находилъ удовлетворенія. Перебѣгая отъ предмета къ предмету, онъ напалъ на христіанскихъ писателей. Здѣсь ему раскрылся новый міръ, исполненный обширности, глубины и силы. Одаренный восточною фантазіей, онъ увлекся африканскимъ краснорѣчіемъ Оригена и Тертулліана: наполнилась пустота въ душѣ, сильная вѣра очистила огонь, ее пожиравшій. Но что болѣе поразило его,—это сами христіане, дѣятельность ихъ для развитія идеи, безпредѣльная вѣра въ нее и чистое, святое самоотверженіе. Надобно вспомнить, что тогда было время великой борьбы противъ аріанизма. Никогда рвеніе христіанскихъ учителей не было обширнѣе. Весь міръ участвовалъ въ спорахъ и гонцы спѣшили по всему міру передавать мысль Августина, слово Аѳанасія. Эта дѣятельность съ колоссальною цѣлью пересоздать общество человѣческое, пересоздать самаго человѣка, возвратить его Богу и черезъ него всю природу, опираемая на божественное основаніе Евангелія, волновала юношескую душу. Онъ увидѣлъ, что нашелъ свое призваніе, заглушилъ всѣ страсти, питалъ одну, поклялся сдѣлать изъ души своей храмъ Христу, то-есть храмъ человѣчеству, участвовать въ апостольскомъ посланіи христіанъ, — и сдержалъ слово. Въ груди сильной можетъ быть одна страсть! Его ничто не привязывало ни къ родительскому дому, ни къ родинѣ. 19-ти лѣтъ бѣжалъ онъ въ Грецію. Много лѣтъ провелъ въ кельяхъ учителей, собирая манну ихъ словъ, учась ихъ примѣромъ и утѣшая ихъ строгостью своихъ нравовъ. Наконецъ, учители признали его силу, благословили его и велѣли идти, проповѣдуя слово Божіе. Мечтая о началѣ боже-

ственнаго Сіона, явился онъ къ людямъ, и человѣчество представилось ему худшею частью своею—Византіею. Византія, которой гніеніе началось вмѣстѣ со славою, развратная, гнусная, должна была ужаснуть юношу. Съ негодованіемъ видѣлъ онъ, что христіанство тамъ ограничивается одними преніями безъ вѣры, что оно такъ же не идетъ къ Византіи, какъ статуя, которую Констансъ хотѣлъ туда перевезти изъ Рима и за которую боялся Горландтъ, что ей будетъ тѣсно.

Противоположность чистыхъ, высокихъ учителей, простиравшихъ руку всѣмъ слабымъ и труждающимся и часто отнимавшихъ ее отъ сильныхъ и богатыхъ, съ міромъ, погрузившимся въ пороки, съ которыхъ спала даже завѣса стыда, заживо разлагающимся, сдѣлала его несправедливымъ. Онъ видѣлъ одно цѣлое, хорошее, неповрежденное въ мірѣ духовенство; ему хотѣлъ бы онъ отдать и вѣнецъ, и порфиру; въ немъ полагалъ всѣ свои надежды; въ его апостольскомъ призваніи видѣлъ возможность спасти людей и обратить ихъ. Онъ оставилъ Византію. Римъ, разрушаемый Аларихомъ, страшилъ его; онъ не зналъ, что тамъ нашелъ бы зародышъ исполненія своей мысли, — и удалился въ пустыню Ѳиваидскую. Здѣсь, среди аскетизма и восторженности, среди людей, избранныхъ Богомъ, еще больше окрѣпъ его характеръ и еще больше возгнушался онъ міромъ.

Первое желаніе, явившееся въ груди его, было удаленіе въ пустыню, въ которой бы можно было забыть все и помнить одного Христа; но это худо согласовалось съ мыслью распространенія слова Божія. Не отдѣльность нужна для развитія идеи, а совокупность. Онъ возвратился на родину, роздалъ бѣднымъ богатое наслѣдство свое и вступилъ въ Октодекадскій монастырь. Вскорѣ братія избрала его игумномъ, и онъ былъ пастырь строгій: поучалъ примѣромъ, наказывалъ всякую слабость и отрѣзывалъ болѣе и болѣе монаховъ отъ міра.

Монастырскій чинъ и устройство христіанскаго духовенства явило дивный примѣръ согласованія двухъ идей, повидимому враждующихъ,—іерархіи и равенства, въ то время, какъ политическая исторія человѣчества показываетъ одно безпрерывное стремленіе къ этому согласованію, стремленіе несчастное, ибо способы, для этого употребляемые, бѣдны и мелки. Имѣя такой примѣръ передъ глазами, люди не умѣли понять его...

Вотъ къ этому монаху поздно ночью отворилъ дверь привратникъ. Сперва онъ постучалъ въ нее, но, не слыша отвѣта и думая, что игуменъ спитъ, онъ вошелъ въ келью. Игуменъ, не замѣчая его, продолжалъ чтеніе: онъ былъ въ восторгѣ, глаза его горѣли юношескимъ пламенемъ, въ лицѣ было столько торжественности, что, казалось, оно распространяетъ лучезарный свѣтъ

и что ему, какъ Моисею, нужно покрывало. Красота восторга лучше всѣхъ красотъ человѣческихъ, ибо тогда человѣкъ перестаетъ быть земнымъ и начинаетъ быть небеснымъ; для нея не нужно ни юности, ни украшеній. Наконецъ, онъ поднялъ голову и увидѣлъ пришедшаго.

— У воротъ, св. отецъ, сказалъ привратникъ, благословленный игумномъ, стоитъ юноша, проситъ, чтобъ ты принялъ его въ монастырь; онъ печаленъ, слезы льются изъ его очей, говоритъ о какомъ-то преступленіи. Прикажешь ли пустить его?

Игуменъ молчалъ. Черты его измѣнялись, теряли свою торжественность и превращались въ холодное, недовѣрчивое и строгое выраженіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на несовершенный міръ; но душа его отстала,—она еще не пришла въ обыкновенное положеніе. «Юноша... — говорилъ онъ самъ съ собою... Прелестное время... Тогда родятся высокія мысли... Гдѣ-то теперь другъ моей юности»?... И воспоминаніе чего-то, давно прошедшаго, навертывалось въ умѣ его и манило къ себѣ; но онъ былъ царемъ души своей, остановилъ порывъ и продолжалъ: «...Минутная злоба на міръ, мечтаемое отчаяніе, которое такъ любятъ юноши,— вотъ что ихъ гонитъ, а пуще всего гордость. Гордость... Ею владѣетъ нашъ врагъ. Всякое преступленіе скорѣе гордости искупится. Не уничтожить себя во Христѣ хотятъ они, а возвыситься надъ другими».

Все это говорилъ онъ въ полслуха, потомъ, обращаясь къ привратнику:

— «Старикъ, поди и лягъ спать. Отвѣта не давай ему, не выходи до утра. Ежели останется, ежели смиренно перенесетъ это униженіе, тогда увидимъ».

— А дикіе звѣри? — замѣтилъ съ жалостливымъ видомъ старикъ.

— «Они не растерзали Даніила въ пещерѣ львиной».

— Но холодъ ночей?

— «Вседержитель умѣетъ хранить избранныхъ, сынъ мой. Да будетъ на тебѣ благословеніе Божіе».

Привратникъ вышелъ, а игуменъ, развлеченный его приходомъ, принялся за свитокъ. Но чтеніе не шло впередъ: то трещала свѣтильня лампы, то горѣла очень тускло, — онъ долженъ былъ прерываться и поправлять. Но это происходило отъ другой причины: его занималъ юноша. Какъ искренно, горячо желалось ему, чтобъ онъ перенесъ униженіе, чтобъ остался вѣренъ избранному поприщу; тогда онъ перельетъ въ него всю душу: ему нуженъ чистый, юный человѣкъ. И Богъ знаетъ, какія надежды онъ строилъ на немъ... Но еще искусъ его не долженъ былъ кончиться одною ночью: нѣтъ, скорѣе онъ лишился бы осталь-

ныхъ братій, нежели въ одной іотѣ избавить пришельца отъ цѣлаго ряда трудовъ и униженій.

IV.

Шедше убо, научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа.

Матѳ. гл. XXVIII, ст. 19.

О семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.

Іоан. гл. XIII, ст. 35.

Солнце уже склонилось къ западу, пышная природа юга была во всей красѣ своего вѣчнаго лѣта, когда въ длинной платановой аллеѣ, обвитой каменной оградой монастыря, показался игуменъ съ юнымъ другомъ своимъ Ѳеодоромъ. Уже неоднократно изливалъ онъ долго страдавшую душу свою въ этотъ чистый сосудъ, сосудъ церковный, Божій. Старецъ радовался, найдя человѣка, который такъ вполнѣ понимаетъ его. Въ сотый разъ повѣствовалъ онъ ему свою жизнь и свои надежды, и въ сотый разъ съ умиленіемъ и благодарностью слушалъ юноша.

Они сѣли на простой скамьѣ, отѣненной широкими листьями пальмы. Каленый воздухъ наносилъ дивный запахъ алоэ и лимонныхъ деревьевъ. Огромные цвѣты магнолій, прощаясь съ солнцемъ, хвастались своими красивыми вѣнчиками. Ручныя антилопы спокойно щипали траву. Пунцовые ориксы и зеленые голуби перелетали съ вѣтки на вѣтку. Старикъ, казалось, помолодѣлъ и такимъ образомъ продолжалъ свой разговоръ:

«Что можетъ быть выше призванія апостольскаго?.. Съ живымъ словомъ въ душѣ, съ пламенной вѣрой, съ пламенной любовью ко всему человѣчеству и къ каждому человѣку идетъ онъ въ общество людей. Для ихъ блага переноситъ гоненія и страданія; въ ихъ души, не отверстыя истинѣ, зароняетъ слово вѣры. И какое наслажденіе, когда слово не погибнетъ, разовьется! Сильно живое слово, — ничто не остановитъ его. Тщетно земной человѣкъ противодѣйствуетъ своему спасенію,—оно увлечетъ его. Посмотри, какъ человѣкъ усиливается воздвигнуть башню Вавилонскую и какъ не можетъ ничего сдѣлать! Римъ, твердѣйшій столпъ храма земного, сильнѣйшее проявленіе человѣка Адамова, послѣдняя твердыня его, развѣ не нашелъ зародышъ своей гибели въ самомъ развитіи своемъ? Бореніе составляло его жизнь, ибо бореніе назначено въ удѣлъ Адаму, — потъ, и потъ кровавый. Но какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ. Господь примиряетъ съ собою человѣка, и чѣмъ же? Онъ сниз-

шелъ до человѣка, чтобы человѣка возвысить до Бога. Море благости и милосердія, онъ не хочетъ прямо простить человѣка: это уронило бы падшаго, грѣховнаго; онъ даетъ ему самому средство искупленія во Христѣ [1]). И Христосъ, единый правый, страдаетъ за всѣхъ виновныхъ. Весь земная падаетъ, весь небесная создается. Что за торжественный день для міра, когда онъ огласился въ первый разъ Евангеліемъ! Міръ, истерзанный войною, услышалъ слово мира, міръ попранный—слово свободы, міръ ненависти — слово любви, міръ невѣрія — слово вѣры. Всѣмъ говорило Евангеліе: исчезли племена и состоянія, фарисей и садукей отвергнуты, эллинъ и іудей приняты. Всѣхъ манило оно въ лоно Божіе, всѣхъ—въ объятія братства. Первый Адамъ сталъ душою живущей, послѣдній Адамъ есть духъ животворящій. И чтобы человѣкъ остался безотвѣтенъ гласу апостольскому,—никогда, никогда! Нѣтъ, слишкомъ мрачно смотрѣлъ любимецъ его съ Патмоса, когда, увлеченный своимъ восторгомъ, онъ писалъ огненныя строки Откровенія. Сіонъ Божій, Весь Христова, еще здѣсь, на семъ мірѣ осуществится, она уже началась и вспять идти не можетъ: «се дахъ передъ тобою двери отверсты и никтоже можетъ затворити ихъ»... Палъ Вавилонъ, палъ Вавилонъ, и не воскреснетъ болѣе. Палъ великій городъ, облеченный въ виссонъ, и порфиру, и багряницу, украшенный златомъ и камнями, и плачутъ о немъ купцы, издали всматриваясь въ развалины города, гдѣ они торговали и муррой, и фиміамомъ, и конями, и тѣлами, и душами человѣческими. Силенъ врагъ, живущій въ развалинахъ, но онъ побѣжденъ, и міръ, какъ Савлъ, сдѣлается изъ гонителя апостоломъ, изъ воина крови—воиномъ Христовымъ. Понятны мнѣ грустные звуки, вырывающіеся изъ души Іоанна,—его пламенный нравъ не умѣлъ ждать; но не правъ онъ: развѣ не при немъ началась битва, на которую ангелъ звалъ врановъ пожирать трупы сильныхъ? И онъ, нѣкогда склонявшій главу на грудь Его, уже видѣлъ потрясенный Римъ словомъ Евангелія. И кто же потрясли его? Эти гонимые, униженные, отреби міру, скитающіеся, нагіе, въ то время, какъ о силу его раздробились народы всей земли, — оттого, что голосъ ихъ былъ голосъ Бога, голосъ человѣчества, оттого, что они душою предали себя Христу и своему призванію. Этого голоса не сковали темницы, не казнили сѣкиры, не растерзали тигры. Что противъ этой любви и вѣры могли легіоны, и патриціи, и цезари? Эти люди вѣры были сильнѣе сильныхъ міра сего, которые съ улыбкою презрѣнія говорили о назарянахъ: «Ничего не имѣя, по словамъ Павла, и всѣмъ обладая».—Сынъ мой, несмотря на то, что я горько

---

[1]) Это мысль Данта.

обманулся въ людяхъ, я убѣжденъ въ скоромъ утвержденіи царства Христова. Священныя минуты, когда явилась мнѣ впервые мысль этого Сіона, когда я прозрѣлъ ее въ Евангеліи, когда такъ близко казалось мнѣ осуществленіе ея!.. Насталъ для человѣчества день исхожденія изъ Египта. Труденъ путь: и степи, и голодъ, и жаръ; но снова раздѣлитъ Іегова намъ Чермное море и введетъ въ землю обѣтованную. Мы, можетъ, погибнемъ въ пути, но они перейдутъ. Не достаточно ли одной этой мысли, чтобы съ сладкою надеждой явиться предъ Судіею, исполнивъ долгъ свой? Долго намъ еще странствовать и ужасно теперешнее состояніе. Гоненія остановились, но слабые пали духомъ, христіане сдѣлались хуже язычниковъ. Гдѣ эта семья, у которой было одно сердце, одна душа, гдѣ собственности не было, а было все общее, какъ говоритъ Лука? Гдѣ братство, въ которомъ были и невѣжды, и ремесленники, и пахари, и старыя женщины, и изъ коихъ выбирались вожди церкви Христовой, и какіе вожди? Но не будемъ сѣтовать; пускай смердятъ и разлагаются остатки древняго міра: не изъ развалинъ его построится Сіонъ,—онѣ нечисты. Ежели бъ ты зналъ, что такое Византія! Грѣхи ея дошли до неба, и Богъ воспомянулъ неправоты ея. На ней совершится громовое пророчество Исаіи: она будетъ рабою иноплеменниковъ. И тамъ, въ этой-то Византіи, я видѣлъ великихъ свѣтильниковъ церкви: духовенство отдѣлилось отъ мірянъ и въ немъ сохраняется весь Христова. Оно-то собиралось въ Никеѣ въ этотъ великій день вѣры; оно не простило Константина, облитаго тройною кровью—сына, племянника и жены. Да, среди пустынь, за стѣнами монастырей, возростетъ слово Христово: «И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма его не объяла». И оттуда пересадится на открытое поле, когда изъ него исторгнутся плевелы. Догнивайте же остатки Вавилона, снѣдаемые собственными пороками! Гибните въ сладострастіи и сребролюбіи, гибните въ гнусныхъ, позорныхъ рукахъ евнуховъ и женщинъ!»

— Неужели, отецъ мой, ты рядомъ ставишь женщинъ съ этими полулюдьми? спросилъ юноша.

— «Нѣтъ. Но, — сказалъ игуменъ, строго взглянувъ на Ѳеодора,—бойся женщинъ: ихъ красота—красота Авадонны».

— Но красота отъ Бога и есть проявленіе его,—говоритъ Августинъ, который самъ любилъ.

— «Горе тебѣ, ежели ты только это нашелъ въ Августинѣ, возразилъ старецъ. Далила, обрѣзывающая власы Самсона — вотъ образъ всѣхъ женщинъ. Вспомни, что Спрахъ боялся ихъ, какъ ядовитыхъ скорпіоновъ, — болѣе нежели тигра и дракона. Ихъ слабыя души, ихъ нѣжныя тѣла привязываютъ къ землѣ. Не имѣя силы, онѣ коварны; не имѣя возможности подняться,

онѣ держатъ насъ, какъ жена Пентефрія, за край одежды. Женщина требовала главу Іоанна; женщина была первая преступница въ обществѣ апостольскомъ... Но, отчего же ты огорчился, Ѳеодоръ? Но я знаю тебя... Нашъ разговоръ зашелъ далеко, пора готовиться къ девятому часу... Вѣрь мнѣ, юноша: скуделенъ сосудъ этотъ и гибельна красота его. Благословимъ память Марка, основавшаго въ твоей родинѣ жизнь монастырскую. Здѣсь мы можемъ работать для человѣчества и ничто не отвлечетъ насъ. Семья Іисуса были его ученики; семья наша—братія».

Игуменъ кончилъ, всталъ и пошелъ по аллеѣ. Юноша долго смотрѣлъ ему вслѣдъ и былъ взволнованъ. «Женщина требовала главу Іоанна,—думалъ онъ,—но дѣва родила Христа. Сирахъ... Сирахъ же говоритъ, что женщина добродѣтельная есть солнце, восходящее на небѣ Господнемъ, ясный свѣтильникъ на церковномъ подсвѣчникѣ. И кто распялъ Его? И кто стоялъ при крестѣ? О ты, ты одинъ справедливъ, Сынъ Божій, — ты простилъ даже преступную»... Но вдругъ лицо его вспыхнуло, слезы налились въ глаза и онъ воскликнулъ: «ты правъ, ты правъ, отецъ святой!»

V.

15. За тѣмъ я вышла раннимъ утромъ изъ дома, чтобъ найти тебя,—и нашла.
16. Я ложе мое украсила цвѣтными коврами египетскими.
17. Я облила его муррою, алоэ и кинамонами.
18. Приди насладиться любовью.
Пр. Соломона, гл. VII.

За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ игуменъ доказывалъ Сирахомъ, что женщины страшнѣе дракона, и Ѳеодоръ оправдывалъ ихъ Сирахомъ, говоря, что онѣ похожи на солнце,—опустѣлъ домъ одного богатаго гражданина въ Александріи. Этотъ гражданинъ былъ женатъ на прелестной египтянкѣ, любилъ ее, какъ африканецъ, и она любила его до тѣхъ поръ, пока не пріѣхалъ въ Александрію греческій вельможа съ сыномъ. Византійскій юноша, прелестный собою, со всей изысканностью нравовъ падающаго царства, со всею привлекательностію ложнаго просвѣщенія, понравился египтянкѣ; она измѣнила мужу, потомъ сдѣлалась грустна, задумчива,—какая-то сокровенная мысль терзала ее; она не могла смотрѣть на обманутаго и оставила его. Тщетно искалъ онъ ее,—никогда не было ни малѣйшей вѣсти о преступной. Съ того времени пышный домъ его превратился въ гробъ, тоска снѣдала сердце, растерзанное сомнѣніями: онъ не зналъ

объ измѣнѣ и не понималъ причины бѣгства. Худой, убитый, онъ больше походилъ на вызваннаго духа, нежели на человѣка. Много лѣтъ прошло въ печали и слезахъ, и какъ наиболѣе питаютъ надежду люди, не имѣющіе на нее никакого права, такъ и онъ ждалъ безпрерывно то ея возвращенія, то какого нибудь извѣстія, и, не получая никакого, тѣмъ съ большею увѣренностью хватался за всякую тѣнь надежды.

И вотъ однажды снится ему сонъ, будто ангелъ Господень, съ вѣчно-юнымъ лицомъ, съ улыбкой на устахъ, летитъ съ неба, летитъ прямо къ нему, останавливаетъ свой полетъ надъ его головою, качается на дивныхъ крыльяхъ и, сказавъ: «Нынче у храма св. Петра»,—летитъ наверхъ пѣть Бога. Онъ проснулся. Сны иногда бываютъ такъ ярки, такъ выразительны, что нельзя имъ не вѣрить. Онъ добавилъ къ словамъ ангела смыслъ, который хотѣлъ, поспѣшно одѣлся и отправился къ храму св. Петра.

Съ ранней зарею сидѣлъ онъ уже на каменныхъ ступеняхъ, подъ колоннадою храма, осматривая каждаго человѣка, какъ таможенный приставъ. Сначала прохожіе были рѣдки, потомъ цѣлыми толпами двигались они по площади. Житель странъ полуденныхъ не умѣетъ сидѣть дома. Многіе укрывались отъ солнечнаго зноя подъ тѣмъ же порталомъ. Но гдѣ же она? Никто не обращалъ на него вниманія, никто не говорилъ съ нимъ, и онъ пользовался этимъ уединеніемъ особаго рода, которое ощущаетъ человѣкъ въ толпѣ людей, когда не дѣлитъ съ ними ни ихъ желаній, ни ихъ мыслей. Твердо полагаясь на гласъ Божій, онъ ждалъ и ждалъ. Кто-то ѣхалъ на ослицѣ въ черномъ платьѣ; онъ не спускалъ глазъ съ него. Но это былъ монахъ.

Инокъ подъѣхалъ къ храму, слѣзъ съ ослицы и, какъ бы пораженный неподвижностью сидящаго, дрожащимъ голосомъ сказалъ ему едва внятно: «Добрый день, господинъ!»—Онъ не обратилъ на него вниманія,—не его искалъ несчастный. Монахъ оставилъ ослицу и взошелъ въ храмъ. Потомъ народъ опять началъ рѣдѣть, уходить. Солнце садилось, ночь наступала, и отчаянный мужъ, второй разъ теряя свою жену, тихими шагами побрелъ домой. Черезъ нѣсколько времени вышелъ монахъ, тотчасъ обратилъ глаза на то мѣсто, гдѣ сидѣлъ несчастный, и, какъ бы обрадованный его уходомъ, поспѣшно сѣлъ на свою ослицу, вздохнулъ, перекрестился, еще разъ вздохнулъ и поѣхалъ къ городскимъ воротамъ.

Было поздно. Сильный вѣтеръ дулъ со взморья. Черныя тучи, окровавленныя снизу лучами солнца, роняли огромныя капли теплой воды на растрескавшуюся землю. Ѳеодоръ, взволнованный встрѣчей и боясь грозы, не хотѣлъ ѣхать далѣе и свернулъ въ монастырь Энатъ, лежащій возлѣ Александріи. Служитель Божій,

гражданинъ всего міра христіанскаго, въ тѣ времена вездѣ находилъ отворенную дверь, и всюду приходъ его считался счастіемъ, тѣмъ паче въ монастырѣ, куда приходили всѣ бѣдныя и труждающіяся дѣти церкви.

Вечерняя молитва началась. Ѳеодоръ взошелъ въ церковь и удалился въ небольшое углубленіе, бывшее въ стѣнѣ; тамъ, никѣмъ незримый, хотѣлъ онъ принесть свою молитву Искупителю. Тихое, стройное пѣніе монаховъ едва было слышно, и тѣмъ невещественнѣе, тѣмъ неопредѣленнѣе, тѣмъ святѣе становилась пѣснь. Полузвуки согласовались съ полумракомъ, въ которомъ былъ погруженъ храмъ; своды, казалось, исчезли, стѣны—какими-то массами тумана; дымъ изъ кадильницъ, віясь около изображеній, придавалъ имъ таинственное движеніе. И шаги по каменному полу, и мельканіе черной рясы, и ея шорохъ увеличивали торжественность, возможную только въ храмѣ Божіемъ и которую испыталъ всякій, съ чистой душою входившій въ церковь. Тѣмъ сильнѣе дѣйствовала она на мечтательнаго Ѳеодора. Его можно было принять за изваяніе: именно онъ, какъ статуя, выражалъ одно чувство—чувство молитвы. Иногда слабый вздохъ вырывался изъ груди его, какъ будто онъ упрекалъ себя въ чемъ-то, иногда и слеза навертывалась; но восторгъ все поглощалъ, соединяя всѣ мысли въ гимнъ.

Близъ углубленія, гдѣ былъ Ѳеодоръ, стояла молодая женщина, прелестная собой, какъ тѣ дѣвы Востока, о которыхъ пѣлъ Низами. Сначала молилась и она, но вскорѣ молитва исчезла съ устъ ея,—безпрерывно смотрѣла она на юношу. Освѣщенный послѣднимъ остаткомъ свѣта, окруженный мракомъ, Ѳеодоръ казался ей чѣмъ-то принадлежащимъ не здѣшнему міру; она думала видѣть архангела, принесшаго благую вѣсть Дѣвѣ іудейской. Огненная кровь египтянки пылала.

Окончилось вечернее моленіе. Ѳеодоръ пошелъ къ игумну, не обративъ на нее ни малѣйшаго вниманія, сказалъ ему о причинѣ пріѣзда и просилъ дозволенія переночевать. Игуменъ былъ радъ и повелъ Ѳеодора къ себѣ. Первое лицо, встрѣтившее ихъ, была женщина, стоявшая близъ Ѳеодора, дочь игумна, который удалился отъ свѣта, лишившись жены, и съ которымъ былъ еще связанъ своею дочерью. Она пріѣхала гостить къ отцу и собиралась вскорѣ возвратиться въ небольшой городокъ близъ Александріи, гдѣ жила у сестры своей матери.

Въ лѣнивой груди жителя юга бываютъ минуты торжественныя; въ такую минуту онъ переживетъ все, что по мелочи испытаетъ гиперборей. У него страсть родится, подобно дочери Зевса, въ полномъ вооруженіи; зажженная однажды, она можетъ горѣть и жечь его до гроба. Его страсть любитъ до уничтоженія пред-

мета любви, пылаетъ местью до уничтоженія самого себя. Это— огненная масса, внезапно воспламеняющаяся и никогда не тухнущая. Египтянка любила Θеодора пламенно, безвозвратно. Блѣдныя дѣвы сѣвера не повѣрятъ этому, онѣ не знаютъ этого ада страстей, привыкнувшія къ своимъ мечтамъ о духовномъ, о небѣ, то-есть не о настоящемъ небѣ, а о томъ, которое онѣ создали себѣ для бѣгства отъ скупой и туманной природы. Она съ жадностію впивала каждый взоръ его, но этотъ взоръ былъ обращенъ къ небу; съ жадностію слушала каждое слово, но это слово было о Богѣ. «Любовь,—сказалъ онъ,—вотъ основаніе міра, а апостолъ говоритъ, что недостаточно вѣры, ежели нѣтъ любви». Но не о земной любви говорилъ юноша, о земной понимала дѣва.

Вошедши въ келью, для него приготовленную, Θеодоръ бросился на скудную постель изъ банановыхъ листьевъ и не тушилъ еще лампы, какъ вдругъ начала отворяться дверь и тихо-тихо вошла какая-то старуха съ темнымъ, загорѣлымъ лицомъ нашихъ цыганъ, со впалыми щеками и невѣрнымъ взглядомъ. Украдкой окинувъ горницу, она сказала: «Служитель Христовъ! есть человѣкъ, нуждающійся въ твоей помощи, — не откажись идти за мною».

Θеодоръ молча всталъ и пошелъ за нею.

Вышли на дворъ,—все было темно; подошли къ какой-то маленькой двери. Старуха отворила ее, — за нею еще мрачнѣе; пустила его впередъ и исчезла. Но недолго стоялъ Θеодоръ,—его взялъ кто-то за руку, и на этотъ разъ не высохшая, костлявая, угловатая рука старухи, а нѣжная, мягкая, трепещущая рука, горячая, какъ каленое желѣзо. Прикосновеніе во мракѣ всегда наводитъ ужасъ, и Θеодоръ содрогнулся. «Сюда!»—прошепталъ едва внятный голосъ, и онъ смиренно шелъ. Небольшой переходъ оканчивался дверью. Ее отворилъ его путникъ, и въ немъ Θеодоръ узналъ прелестную дочь игумна.

Полунагая, едва одѣтая легкою тканью, которая болѣе обнаруживала ея красоту, нежели скрывала своими фантастическими драпри, трепещущая и огненная, стояла она передъ нимъ, не смѣя ни поднять на него взора, ни оторвать его отъ пестрыхъ цвѣтовъ ковра, до котораго чуть касались ея маленькія ножки. Слезы катились изъ ея глазъ, засыхая на разгорѣвшихся, воспаленныхъ щекахъ.

— Странникъ, — сказала она, долго принуждая себя сказать то, о чемъ молчать ей казалось такъ трудно, — прости меня... Странникъ, я люблю тебя... Но Бога ради не смѣйся надо мною... Я видѣла, какъ ты молился: твой вдохновенный взоръ, твое лицо, твой страстный взглядъ нейдутъ молитвѣ; твоя душа пламенна,— она не можетъ удовлетвориться молитвою. Ты обманываешь себя...

Люби меня!.. Можетъ, тебѣ неизвѣстно это море блаженства? Я тебѣ раскрою его, мы потонемъ въ его волнахъ; я сожгу тебя моими поцѣлуями, я обовьюсь какъ эфеу около тебя, я умру, цѣлуя тебя!..

И, говоря это, дѣва въ самомъ дѣлѣ тонула въ океанѣ страстей и, полумертвая, дрожащая, готова была броситься въ объятія юноши; но они не раскрылись. Спокоенъ и тихъ былъ взоръ Ѳеодора. Такимъ взоромъ смотритъ луна на бѣшеную Этну, пламенемъ раздирающую свою грудь.

— «Дѣва, сказалъ онъ ей, благодари судьбу, что ты это говоришь мнѣ, отжившему для міра сего,—я не воспользуюсь слабостью овцы гибнущей. Вспомни, что ты христіанка. Я соединю свои молитвы съ твоими, чтобы Господь извелъ изъ тебя злого духа, губящаго душу твою. Дѣва, и я былъ порученъ, и я зналъ, какъ слабы женщины,—тѣмъ сильнѣе будетъ молитва моя, тѣмъ спасительнѣе тебѣ».

— Какъ, ты любилъ, воскликнула она! — Ты любилъ! — и ревность къ прошедшему взволновала ея грудь, въ которой не было мѣста и одной страсти. — Гдѣ она?.. Но... можетъ, ея ужъ нѣтъ? Можетъ, она измѣнила? Можетъ, въ ней не было этой бѣшеной страсти? О, я замѣню ее! Я свободна, какъ птица небесная. Бѣжимъ въ Грецію, тамъ...

— «Остановись!»—сказалъ Ѳеодоръ, и ланиты его показали, что онъ еще человѣкъ; но что ихъ оцвѣтило: любовь или воспоминаніе? «Я Богу далъ клятву и ничто не сокрушитъ ея».

— Лицемѣръ! дѣвѣ далъ ты клятву. Обманщикъ! тебѣ ли носить монастырское платье! Да, это ясно; теперь все понимаю. Но я умѣю мстить. Ты видѣлъ, какъ необузданны страсти мои? Неужели твое сердце до того принадлежитъ другой, что нѣтъ мѣста для меня? Одинъ часъ, одну минуту дай насладиться тобою,—и я счастлива, и возьми послѣ жизнь мою... на что мнѣ она тогда? И въ этой минутѣ я солью все—и рай позавидуетъ мнѣ... Ты смущенъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, эта грудь не изъ гранита! — И она бросила лампу на полъ, и душистое масло струями разлилось по ковру, и свѣтильня, вспыхивая и потухая, и курясь, прожгла его... Судорожная рука обвилась около юноши, дрожащія уста съ своимъ огненнымъ, сладострастнымъ дыханіемъ коснулись устъ Ѳеодора. Тщетно хотѣлъ онъ вырваться.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты мой, я тебя не пущу!—шептала она, цѣлуя его...

Ясно и душно было утро, когда на ослицѣ тихо подъѣзжалъ Ѳеодоръ къ Октодекадскому монастырю, везя елей для храма. Черты лица его, утомленныя зноемъ, выражали опять то же спокойное, святое чувство, съ которымъ онъ выѣхалъ за два дня

изъ этой ограды. По временамъ взоръ его дѣлался мечтателенъ, далеко устремлялся въ пространное поле и, казалось, выпрашивалъ какого-нибудь предмета или искалъ кого-нибудь, но тотчасъ приходилъ онъ въ свое всегдашнее положеніе. Молитва виднѣлась на устахъ, молитва во взорѣ, молитва въ немъ самомъ... И привратникъ, тотъ же старецъ, котораго онъ ждалъ цѣлую ночь, но еще старѣе, отворилъ ему ворота, и онъ опять въѣхалъ въ этотъ тихій, умершій дворъ, гдѣ люди не измяли зеленой травы, гдѣ однѣ черныя ризы мелькали межъ бѣлыхъ надгробныхъ камней, гдѣ душистые лимоны и пышныя смоковницы заслоняли однѣ черныя рясы и бѣлые надгробные камни.

VI.

19. И сказала ему: еврейскій рабъ, котораго Ты привелъ въ домъ свой, хотѣлъ меня обезчестить.
20. Тогда онъ бросилъ его въ темницу.
21. Но Господь былъ съ нимъ.
Моисей, Кн. Бытія, гл. 39.

— «Нѣтъ, это клевета, сказалъ игуменъ Октодекадскаго монастыря, гнусная, черная клевета!» И тѣнь сомнѣнія уже прокралась на его лицѣ, и онъ, казалось, разувѣрялъ себя болѣе, нежели стоящаго возлѣ монаха.

— Но поясъ...—возразилъ тотъ.

— «Хорошо. Неси лобзаніе мира нашему брату и скажи, что я спрошу у обвиняемаго, и да падетъ вся строгость на голову преступную».

Монахъ склонился и вышелъ.

Лицо игумна было ужасно; жилы на вискахъ налились кровью и бились. Онъ былъ смущенъ, несмотря на свою обычную твердость, и не зналъ, вѣрить ли, или нѣтъ какому-то обвиненію, и то укорялъ себя въ сомнѣніи, пріискивая наказаніе виновному, то вѣрилъ обвиненію, пріискивая доказательства къ опроверженію его. Онъ то вставалъ и прохаживался, то садился. Наконецъ, обращаясь къ молодому монаху, сказалъ: «Позови брата Ѳеодора и оставь его со мною наединѣ».

Тихая аскетическая жизнь подняла такъ фантазію Ѳеодора, такъ пріучила его къ созерцательности, что онъ цѣлые часы проводилъ, мечтая то о прелестной жизни, которая готовится праведнику въ обители рая, то о содѣланіи всей земли одною паствою Христа, то погружался въ созерцаніе Бога и, долго теряясь въ

2*

безконечномъ, вдругъ спускался на землю. И какъ хороша она ему казалась тогда, какъ ясно выражала Его и какъ понятно говорило и это вѣтвистое дерево, и эта пернатая птица! Въ такой-то созерцательной минутѣ былъ онъ, когда его позвали къ игумну. Это было такъ обыкновенно, что онъ, нисколько не удивляясь, пошелъ къ нему съ свѣтлымъ вдохновеннымъ лицомъ, торопясь пересказать все, что чувствовалъ.

Съ холоднымъ и важнымъ видомъ встрѣтилъ его игуменъ, пристально посмотрѣлъ на прелестнаго юношу и уже почти оправдалъ его въ душѣ.

— «Θеодоръ, сказалъ онъ, подавая письмо, прочти его и скажи, правда ли?»

Θеодоръ сталъ читать письмо.

Игуменъ остановилъ на немъ испытующій взоръ; но юноша спокойно прочелъ и твердо сказалъ:

— Видитъ Богъ, что ложь.

— «Твой ли это поясъ?»

— Мой.

— «Гдѣ ты потерялъ его?»

— Не помню, св. отецъ. Я хватился его, возвратясь изъ Александріи, уже дома.

— «Это поясъ женскій», прибавилъ игуменъ, разсматривая.

— Я съ нимъ пришелъ семь лѣтъ тому назадъ, — отвѣтилъ Θеодоръ, не совсѣмъ вѣрнымъ голосомъ и наклоняя голову, чтобы скрыть пурпуръ, покрывавшій щеки его.

Игуменъ не замѣтилъ. Туча пронеслась.

— «Я былъ увѣренъ въ твоей невинности, сынъ мой. Нѣтъ, ты не могъ такъ пасть: Богъ не даетъ порочному такой души; тебя избралъ онъ въ свое воинство». И игуменъ обнялъ его, и тронутый Θеодоръ, рыдая, цѣловалъ въ плечо старика.

Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять явились монахи энатскіе; они принесли съ собой младенца, бросили его середь двора и съ злобной усмѣшкой сказали: «Братія, ваше дѣло вскормить чадо порочной жизни вашей!» Обиженная братія требовала, чтобы назвали виновнаго. Ей отвѣчали именемъ Θеодора. Никто не вѣрилъ, всѣ просили игумна, чтобы онъ допросилъ виновнаго, и игуменъ, непоколебимый въ своей довѣренности, спокойно сказалъ: «Судите его сами», твердо убѣжденный, что одно слово, одинъ видъ Θеодора будетъ полнымъ оправданіемъ. Онъ въ тайнѣ даже радовался торжеству своего друга.

Призвали Θеодора. Игуменъ ждалъ съ нетерпѣніемъ оправданія, ободрялъ его взглядомъ, улыбкой. И каково же было удивленіе старика, когда Θеодоръ, преклоняя колѣна, трепещущій, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, едва произнесъ:

— Прости, отецъ святой, прости... я обманулъ тебя, ужасно обманулъ!

Старецъ былъ притоптанъ къ землѣ, не могъ поднять глазъ, ни вымолвить слова; пятна вышли на его лицѣ, рука перестала перебирать четки и судорожно дрожала. Наконецъ, гордо взглянувъ на братію, онъ сказалъ повелительнымъ голосомъ:

— «Изгнать презрѣннаго обманщика изъ монастыря,—онъ пятнаетъ насъ!»

И озлобленная братія, униженная поступкомъ Өеодора, осыпала его насмѣшками и бранью; даже нѣсколько камней полетѣло въ юношу. Все волновалось и кричало; одинъ обвиненный стоялъ спокойно. Минута волненія прошла, — это былъ прежній Өеодоръ, тоже вдохновенное лицо, и ясно обращался его взоръ на братію и къ небу. И когда игуменъ, боясь тронуться его видомъ, спросилъ: «Чего же медлите вы?» Тогда Өеодоръ возвелъ очи къ небу, говоря: «Господи! теперь я вижу, что Ты обратился ко мнѣ, что грѣшная молитва дошла до подножія Твоего». Потомъ упалъ онъ ницъ передъ игумномъ и сказалъ: «Не прощенья молю я, но молись о душѣ преступной, которая никогда не забудетъ тебя». Слезы не дозволили ему продолжать. «Молитесь и вы, братія», прибавилъ онъ, вставая и низко кланяясь имъ. Наконецъ, подошелъ къ ребенку, взялъ его на руки, поцѣловалъ и съ видомъ искренней любви сказалъ ему: «Не плачь, дитя, не плачь». Далѣе не могъ вытерпѣть игуменъ: онъ чувствовалъ, что слезы готовы брызнуть изъ глазъ, — онъ всталъ и пошелъ въ келью. Вошедши въ нее, раздраженный и недовольный собою, сѣлъ къ окну и смотрѣлъ, какъ монахи вели Өеодора къ воротамъ, наперерывъ осыпая бранью, какъ вытолкнули его. Все было къ Өеодору немилосердно, даже старый привратникъ ударилъ его тростью. Өеодоръ терпѣлъ все, защищая ребенка и какъ будто взоромъ говоря: «Онъ-то чѣмъ виноватъ?»

«Такъ я никогда не былъ обманутъ, думалъ игуменъ. Это искушеніе дьявола... Но какъ добръ, какъ восторженъ онъ былъ сначала и всѣ семь лѣтъ! Я его любилъ, какъ сына,—болѣе, нежели сына... Но какъ же онъ читалъ письмо такъ спокойно? Надобно быть очень порочну, чтобы скрывать пороки. Его погубила, увлекла эта женщина, а онъ еще защищалъ ихъ, порожденіе ехидны, лишившее рая перваго человѣка... И въ самое то время, какъ онъ признавался, въ моемъ сердцѣ кричалъ голосъ «онъ невиненъ». Никогда не надобно довѣрять этому голосу. А какъ онъ перенесъ стыдъ и наказаніе! Какимъ взоромъ взглянулъ на меня!.. О, Өеодоръ, зачѣмъ ты палъ? Ты мнѣ былъ такъ необходимъ! Кто замѣнитъ тебя?.. Но не стыдно ли жалѣть о немъ!.. Старикъ, вотъ плоды твоей опытности: мальчишка обма-

нулъ тебя».—И онъ смѣялся судорожнымъ смѣхомъ.—«Не правъ ли я былъ, сомнѣваясь принять его въ монастырь?» Тутъ онъ остановился: эта мысль мирила его съ собою, и онъ началъ думать не о Θеодорѣ, но о новыхъ искусахъ для приходящихъ.— Ужасно хоронить друга, но еще ужаснѣе видѣть свою ошибку въ человѣкѣ, съ которымъ дѣлилъ душу, помыслы: это—кусокъ мяса, оторванный отъ сердца, горячій, кровавый. Игуменъ послѣ этого происшествія сдѣлался еще мрачнѣе, не велѣлъ при себѣ поминать бывшаго друга, старался стереть его въ памяти и не могъ забыть.

Между тѣмъ несчастный Θеодоръ, опозоренный, униженный, изгнанный, былъ встрѣченъ людьми, которые слышали о его винѣ и ругались надъ нимъ еще злѣе монаховъ. Посредственность до того ненавидитъ все высшее, что для нея торжество—всякое паденіе; сверхъ того, она воображаетъ, что, бросая камень въ виновнаго, закроетъ свои пороки. Яростными голосами кричала толпа: «Гдѣ же сынъ живого мертвеца, отказавшагося отъ земли?» Θеодоръ вынималъ младенца изъ мантіи и говорилъ: «Вотъ онъ». Но въ этомъ не была видна дерзость злодѣя, который нагло показываетъ клеймо варнака, но какое-то самоотверженное чувство своего преступленія; казалось, онъ просилъ ихъ наказать себя и былъ готовъ все перенести.

У Θеодора не было ничего. Бѣдность грозила ему своими худыми руками, посинѣвшими отъ стужи, изсохшими отъ голода. Никто не подавалъ ему милостыни. На послѣднія деньги купилъ онъ молока младенцу, самъ питался кореньями и морскими раковинами. «*И хождаше по пустынѣ скитаяся, очернѣ же плоть отъ зимы и зноя, и очи потемнѣша отъ горькаго плача, и живяше со звѣрьми*» — этими словами описываетъ мартирологъ его жизнь.

VII.

Простри длани твоя и пріими душу мою, юже въ жертву принесохъ любви ради твоея.

Житіе св. Екатерины.

У гроба Θеодорова сидѣлъ грустный игуменъ и съ нимъ тотъ самый алексадріецъ, который такъ усердно ждалъ свою жену у храма Петра. Александріецъ плакалъ, игуменъ молился; никто не прерывалъ тишины, — она продолжалась нѣкоторое время. Но вдругъ отворилась дверь и вошелъ игуменъ энатскій съ монахомъ, котораго онъ присылалъ обвинять Θеодора. Тѣло усопшаго было

покрыто. Игуменъ Октодекадскаго монастыря открылъ голову и спросилъ своего собрата:

— «Это ли Θеодоръ».

— Онъ самый,—отвѣчалъ тотъ.

— Обезчестившій у насъ дѣвицу,—прибавилъ монахъ.

Съ горькой улыбкой отдернулъ игуменъ покрывало и указалъ женскія перси.

— «Это жена его, Θеодора», сказалъ онъ, указывая на александрійца.

— «Воплощенный ангелъ! прости мнѣ, что я, слабый грѣшникъ, не постигъ твоего величія, и моли у Всевышняго, да отпустятся мнѣ грѣхи мои».

Старикъ залился слезами и склонилъ голову свою къ покойницѣ. Небесная улыбка видна была на холодныхъ устахъ, которыя, казалось, хотѣли открыться еще разъ для того, чтобы сказать игумну: «Я прощаю тебя».

. . . И написующе тое неточіе на хартіяхъ, но и въ сердцахъ вашихъ, простирахуся къ подвигамъ великимъ и благоугождаху Богу.

Крутицкія казармы, 1835 г., февраль.
(Переписано въ Вяткѣ 1836 г., марта 12).

Встрѣчи.

Точкою пересѣченія называется мѣсто встрѣчи двухъ линій.

Франкеръ, «Курсъ чистой математики». Т. I—«Геометрія».

Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга, узнавали даже степень свою въ таинствахъ и силу въ орденѣ при первой встрѣчѣ. Это кажется странно, удивительно. Но пусть разберетъ каждый человѣкъ (въ самомъ дѣлѣ!), не случалось ли ему въ продолженіе жизни встрѣтиться съ незнакомцемъ, котораго онъ никогда не видалъ, котораго никогда не увидитъ и въ которомъ съ перваго взгляда открывается близкій родственникъ души,—человѣкъ, котораго онъ хочетъ имѣть другомъ, съ которымъ ему жаль разстаться. Какая-то симпатія, какой-то магнитизмъ влечетъ къ нему, и эта встрѣча остается навсегда въ памяти, ибо существованія ихъ пересѣклись, опять раздвоились, но слились въ точкѣ пересѣченія. Чѣмъ бурнѣе была жизнь человѣка, чѣмъ болѣе страсти пережигали его душу, тѣмъ болѣе такихъ встрѣчъ.

Итакъ, мы всѣ—храмовые рыцари. Посторонніе не знали знаковъ ордена; такъ и теперь толпа, это постороннее всего одушевленнаго, не понимаетъ людей глубоко чувствующихъ. Помнится, Дидеротова кухарка очень удивилась, услышавъ, что ея господинъ—великій человѣкъ. Сколько Дидеротовыхъ кухарокъ!

Первая встрѣча.

(Посвящено другу Сазонову).

Was die französiche Revolution Gutes oder Böses stiftet, kann ich nicht beurtheilen; so viel weiss ich, dass sie mir diesen Winter einige Paar Strümpfe mehr einbringt.

Göthe.

Вошедши въ гостиную, я увидѣлъ незнакомаго человѣка, котораго тотчасъ почелъ за иностранца, ибо нѣсколько молодыхъ людей безпрестанно выказывали ему себя, безпрестанно тормошили его. У насъ свой маперъ принимать иностранцевъ, нѣчто въ томъ родѣ, какъ слѣпни принимаютъ лошадь въ лѣтній день.

Онъ былъ пожилой человѣкъ, средняго роста, худой и плѣшивый. Молочный свѣтъ лампы, покрытой тусклымъ колпакомъ, придавалъ что-то восковое его блѣдному лицу, которое, несмотря на лѣта, было такъ нѣжно, такъ бѣло, какъ видимъ на хорошихъ бюстахъ изъ каррарскаго мрамора. Сѣрые глаза его блестѣли, какъ у молодого человѣка; ротъ дѣлалъ нѣчто въ родѣ улыбки, которая съ перваго взгляда могла показаться за добродушіе, но въ которой второй взглядъ видѣлъ насмѣшку, а смотря далѣе—казалось, что ея совсѣмъ нѣтъ и что этотъ ротъ не можетъ улыбаться. Вообще лицо его было чрезвычайно холодное; но въ этомъ холодѣ видѣлся огонь, какъ въ холодномъ реверберѣ лампы... «Кто это?»—Мнѣ отвѣтили нѣмецкой фамиліей, которую я тутъ же забылъ.

Говорили о французской литературѣ, метали наружу все, что есть въ головѣ. Незнакомецъ молчалъ, играя эмалевой цѣпочкой отъ часовъ, и рѣшительно не показывалъ ни согласія, ни противорѣчія. Когда необходимость заставила и его сказать что-нибудь, онъ сказалъ, что чрезвычайно отсталъ, что мало читаетъ, что ему надоѣло вездѣ въ литературѣ видѣть эгоизмъ и мистификаціи, что тѣ, которые должны бы были писать, которыхъ голосъ звученъ и силенъ, молчатъ, подавленные толпою публицистовъ.

— «Неужели?» сказалъ кто-то, готовя что-то.

— Это не тезисъ, продолжалъ незнакомецъ, перебивая его, который я стану защищать. Я не осмѣлюсь бороться съ такими защитниками нашего вѣка, хотя бы чувствовалъ въ себѣ всю силу Ринальдо, и потому не трудитесь снимать ваши *шелковыя* перчатки,—прибавилъ онъ съ улыбкой.

Защитники вѣка успокоились, разговоръ потухалъ, и Корина (хозяйка дома) требовала отъ германца, чтобъ онъ что-нибудь разсказалъ.

— Что же вамъ разсказать?.. Я былъ въ 91 году въ Парижѣ и въ 1815 въ Италіи, таскался весь этотъ промежутокъ по родинѣ, и теперь, простившись навсегда съ Европою, ѣду на Востокъ отдохнуть отъ нея. Много великихъ событій было у меня передъ глазами, со многими великими людьми сталкивался я...

Его перебили:

— «Ради Бога, встрѣчу съ великимъ человѣкомъ,—близость ихъ какъ-то поднимаетъ насъ».

— Извольте, я возьму на себя роль Карла Нодье, который такъ подробно разсказываетъ всѣ встрѣчи свои съ двухлѣтняго возраста.

Молча подвинулись мы ближе, и вотъ его разсказъ.

— Я родился во Франкфуртѣ, но, прибавилъ онъ съ злою улыбкой, foi d'honnête homme, ни родства, ни знакомства съ Шарлемъ Dupui не имѣлъ. Семейныя обстоятельства принудили мою мать оставить мужа и ѣхать со мною въ свою родину—Парижъ. Мнѣ было 16 лѣтъ, а христіанству 1788. Это переселеніе сдѣлало во мнѣ чрезвычайный переворотъ. Франкфуртъ доселѣ имѣетъ что-то ганзеатическое: кривыя улицы, печальные дома и рынки, рынки и конторы. Его германскій характеръ, съ своими мрачными церквами и безобразной ратушей, съ своими факторіями и Judengasse, отдѣлялъ его тогда еще болѣе отъ Франціи. И вдругъ изъ этого тихаго, смирнаго города, который каждое воскресенье въ праздничномъ кафтанѣ ходитъ въ церковь, внимательно слушаетъ предику и каждую субботу свѣряетъ свои приходо-расходныя книги,—изъ тихаго и смирнаго дома моего родителя я попалъ въ Парижъ. Что тогда было въ Парижѣ, вы знаете. Родственникъ, у котораго мы жили, былъ главою какого-то клуба, котораго члены безпрестанно толкались у него въ домѣ съ яростными взглядами, съ напудренными париками на головѣ и съ ужасными рѣчами въ устахъ. Я съ трепетомъ и недоумѣніемъ смотрѣлъ, какъ они попираютъ ногами все святое, все прошедшее, какъ низвергаютъ зданіе, подъ крышей котораго живутъ. Революція усиливалась; какъ-то 1792 годъ проглядывалъ сквозь туманъ Assemblée nationale, и отецъ мой желалъ, чтобъ я воротился. Онъ даже просилъ своего пріятеля, также германца, снабдить меня деньгами и какъ можно скорѣе выслать. Но этотъ пріятель былъ никто иной, какъ Анахарсисъ Клоотсъ, который дѣлалъ совсѣмъ на-изнанку: требовалъ, чтобъ я остался, и обѣщалъ меня вести знакомить съ великимъ человѣкомъ, который, по его мнѣ-

нію, опередилъ всѣхъ и не только отвергаетъ всякаго рода гражданское устройство, но даже право собственности. Впослѣдствіи я узналъ, что этотъ великій человѣкъ—Эбертъ. Брауншвейгскій между тѣмъ издалъ свой смѣшной манифестъ, на который ему отвѣчали еще болѣе смѣшнымъ. Выжившій изъ лѣтъ старикъ бранился съ дерзкимъ мальчишкой. Иностранцамъ было опасно оставаться и еще опаснѣе ѣхать. Напрасно просилъ я безумнаго Клоотса, онъ и слушать не хотѣлъ, говорилъ, что одинъ врагъ рода человѣческаго можетъ теперь думать объ отъѣздѣ, что кто ѣдетъ, тотъ агентъ Питта и Кобурга, ставилъ себя въ примѣръ и, гордо показывая засаленное платье свое, прибавлялъ: «Ты знаешь, какъ я былъ богатъ? Все отдалъ человѣчеству и всѣмъ для него пожертвую. А ты хочешь бѣжать... Стыдись! Взгляни хоть на Сенъ-Жюста: онъ не старѣе тебя, а какъ пламенно принимается онъ работать pour la république une et indivisible, pour l'emancipation du genre humain. Онъ будетъ великій филантропъ... Впрочемъ, ежели хочешь ѣхать, я первый выдамъ тебя: надобно очистить родъ человѣческій отъ слабыхъ». И все это говорилъ онъ не шутя и съ полнымъ убѣжденіемъ. Послѣднее замѣчаніе показало мнѣ, что надлежитъ дѣйствовать рѣшительно, и я всѣми неправдами, обманывая и подкупая, нашелъ средство бѣжать въ союзную армію. Жаль мнѣ было оставить Парижъ; я не въ состояніи былъ его покинуть явно, оффиціально, и потому душевно былъ радъ, что разстался съ нимъ sans adieux, тайкомъ ночью. Разумѣется, не безъ приключеній достигъ я цѣли бѣгства, и ежели-бъ я былъ настоящій нѣмецъ, то поставилъ бы себѣ за святѣйшую обязанность издать на скверной бумагѣ съ еще сквернѣйшею печатью: Reise-Abenteuer eines Flüchtlings aus der Hauptstadt der Franzosen zur Zeit der grossen Umwälzung, Anno 1792 nach Christigeburt. Но я не настоящій нѣмецъ.

— Voilà vos chiens de Brunswick!—сказалъ мнѣ эльзасецъ, проводивши меня къ пикетамъ, и я очутился на родинѣ, потому что родина моя вздумала очутититься въ Эльзасѣ. Половину цѣпи занимали прусскіе солдаты и половину австрійскіе. Я до того отвыкъ отъ ихъ физіономіи, до того привыкъ къ живымъ, одушевленнымъ французамъ, что смотрѣлъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ на длинныя, растянутыя, неуклюжія лица австрійцевъ съ ихъ свинцовыми глазами, съ ихъ усами свѣтлѣе щекъ и съ ихъ мундирами свѣтлѣе усовъ. Должно ли дивиться, что они поразили лэди Морганъ въ Италіи, гдѣ насмѣшливая судьба перемѣшала ихъ съ вороными головами итальянцевъ, въ которыхъ видна какая-то артистическая отдѣлка? Прибавьте, что они стояли по колѣна въ грязи, оттого что не хотѣли переступить за лужу, что ни одинъ мускулъ не двигался на ихъ лицѣ, что ихъ рты были

полуоткрыты, что это все дурно сдѣланныя и облитыя грязью статуи командора изъ Донъ-Жуана... Съ другой стороны, пруссаки съ карими глазами, съ римскимъ носомъ и коротенькой трубкой, которую нельзя отдѣлить отъ ихъ лица, не испортивъ его, такъ, какъ нельзя отдѣлить ушей, щекъ и проч. У нихъ что-то глубокомысленное снаружи и совершенное отсутствіе мыслей, кромѣ повиновенія фельдфебелю, внутри; по крайней мѣрѣ, эти двигались, говорили.

Послѣ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ, меня отправили къ дежурному генералу, удостовѣрившись, кто я, откуда, зачѣмъ, куда... Но не было никакой надежды ѣхать далѣе, ибо всѣ лошади были взяты арміей. Это было то самое критическое время, когда новый Готфридъ увидѣлъ, что онъ за тѣмъ только пришелъ во Францію, чтобъ увеличить ея торжество. Надобно было провести нѣсколько дней въ несчастномъ войскѣ, которое страдало и отъ дождей, и отъ голода, и отъ стыда.

На другой день пригласилъ меня къ себѣ одинъ владѣтельный князь, вѣроятно желая знать, какіе новые ужасы сдѣлали парижскіе антропофаги. Онъ занималъ небольшой домъ въ близлежащемъ городѣ, и я ввечеру отправился къ нему. Въ залѣ было нѣсколько полковниковъ, какъ всѣ нѣмецкіе полковники,—съ сѣдыми усами и съ сигарами въ зубахъ,—и нѣсколько адъютантовъ, которые все еще не сомнѣвались, что имъ придется попировать въ Palais Royal и тамъ оставить и свой здоровый цвѣтъ лица, и способность краснѣть, которая только и осталась у нашего юношества. Вездѣ мундиры, шпоры, сабли. Наконецъ, взошелъ не-военный.

— «Вѣрно, Шатобріанъ»,—сказалъ кто-то мнѣ на ухо.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—Шатобріанъ только тогда ѣздитъ во Францію за непріятелемъ, когда ses amis les ennemis бьютъ его соотечественниковъ.

Мужчина хорошаго роста, довольно толстый, съ гордымъ видомъ, въ которомъ выражалось спокойствіе и глубокое чувство собственнаго достоинства. Величіе и сила въ правильныхъ чертахъ лица, въ возвышенномъ челѣ. Всякій человѣкъ, однажды взглянувъ на него, видѣлъ, что онъ ему не товарищъ,—такъ подавляла, угнетала его наружность; его взоръ не протягивалъ вамъ руки на дружбу, но заставлялъ васъ быть его вассаломъ, прощалъ вамъ вашу ничтожность. Большіе глаза блистали, но блистали такъ, какъ у Наполеона, намекая издали на обширность души. Эти глаза были осѣнены густыми бровями, въ которыхъ я замѣтилъ именно Омировское движеніе. Всѣ манеры показывали свѣтскаго человѣка и аристократа; но печать германизма ясно обнаруживалась въ особыхъ пріемахъ, которые мы называ-

емъ steif. Вездѣ, гдѣ онъ проходилъ, вставали, кланялись, признавали его власть. Онъ принималъ знаки уваженія, какъ законную дань, то есть съ той деликатностью, которая еще выше подымаетъ его и еще ниже роняетъ ихъ. Я не спускалъ съ него глазъ. Онъ сѣлъ возлѣ герцогова сына, долго говорилъ съ нимъ и, наконецъ, обращаясь къ намъ, сказалъ, придавая особую важность своимъ словамъ:

— Нынче поутру только въѣзжаю въ лагерь, вижу какого-то генерала верхомъ. Судите о моемъ удивленіи, когда, подъѣзжая, узнаю короля прусскаго. Его величество ѣхалъ прямо ко мнѣ. «Чья это карета?» спросилъ его величество лаконическимъ образомъ.—«Герцога Веймарскаго»...

Онъ продолжалъ говорить, но я не продолжалъ слушать, удивляясь, какъ Зевсова голова попала на плечи къ веймарскому дипломату, и завелъ рѣчь съ сидѣвшимъ возлѣ меня эмигрантомъ. Эмигрантъ этотъ былъ военный и, не смотря на бивачную жизнь, нашелъ средства одѣться по бальному. Онъ со слезами меня разспрашивалъ о судьбахъ Парижа, — не всего Парижа, а Faubourg Saint Germain, — и со слезами мнѣ разсказывалъ о чувствахъ, наполнившихъ его душу, когда онъ нынче утромъ видѣлъ, что, несмотря на проливной дождь, одинъ изъ принцевъ крови ѣхалъ верхомъ съ прусскимъ королемъ въ одномъ легкомъ плащѣ. Мнѣ онъ показался дотого смѣшонъ, что я забылъ на минуту дипломата и съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ важный разсказъ о ничтожныхъ предметахъ. Но вдругъ подозвалъ меня герцоговъ сынъ и, подводя къ своему сосѣду, сказалъ, что я изъ Парижа и могу разсказать самыя новыя новости. Онъ взглянулъ своимъ страннымъ взглядомъ и мнѣ показалось, что онъ меня придавилъ ногой.

— Правда ли, что генералъ Лафайетъ разсорился съ якобинцами, отсталъ отъ нихъ и теперь соединяется съ королемъ?

— «Лафайетъ,— отвѣчалъ я, — никогда не принадлежалъ къ клубу якобинцевъ. Впрочемъ, не смотря на его ненависть къ бѣшенымъ республиканцамъ, онъ, я думаю, не будетъ ренегатомъ...»

— То-есть не образумится и не воротится къ законной власти, хотите вы сказать?

Я закусилъ губы и извинился привычкою къ jargon revolutionnaire.

— Что несчастный король?

— «Все еще содержится. Скоро будетъ публичный процессъ его».

— Для меня удивительно, какъ шайка безумныхъ мечтателей, какой-нибудь клубъ якобинцевъ, забралъ такую волю, несмотря на омерзеніе, съ которымъ смотритъ на нихъ нація.

— Жаль, очень жаль, что эти безпорядки такъ долго продолжаются,—сказалъ онъ, обращаясь къ герцогову сыну. Я собирался ѣхать во Францію, но я хотѣлъ видѣть Францію—блестящую и пышную монархію, процвѣтающую столько столѣтій, хотѣлъ видѣть тронъ, подъ лиліями котораго возникли великіе геніи и великая литература, а не развалины его, подъ которыми уничтожалось все великое, не второе нашествіе варваровъ. Мое счастіе, что успѣлъ насладиться Италіей,—и она начинаетъ перенимать у французовъ. Можетъ, еще съѣзжу туда, чтобы взглянуть на страну изящнаго прежде, нежели ее убьютъ и исковеркаютъ. Впрочемъ, увидите, горячка эта не долго будетъ продолжаться, и ежели сами французы не образумятся, *ихъ образумятъ*.

Послѣднее слово онъ произнесъ отдѣльно, и маленькая улыбка, и маленькій огонь въ глазахъ показали, какъ герцоговъ сынъ доволенъ былъ этимъ комплиментомъ.

Кто не знаетъ ужасную откровенность военныхъ, особенно германскихъ? Ихъ изрубленныя лица, ихъ прострѣленныя груди даютъ имъ право говорить то, о чемъ мы имѣемъ право молчать. По несчастію, за герцоговымъ сыномъ стоялъ, опершись на саблю, одинъ изъ сѣдыхъ полковниковъ. Въ наружности его были видны и пять-шесть кампаній, и жизнь, проведенная съ 12 лѣтъ на бивакахъ и въ лагеряхъ, и независимость, которая такъ идетъ къ воину,— словомъ, въ немъ было немного Циттена и немного Блюхера.

— «Если и проучать ихъ, такъ, вѣрно, не теперь»,—сказалъ онъ съ этой вольностью казармъ, которую породила, можетъ, самая дисциплина ихъ.—«Дивлюсь я на эту кампанію: не приготовивъ ничего, бросили насъ осенью въ непріятельскую землю; увѣрили, что насъ примутъ съ распростертыми объятіями, а намъ скоро придется умереть съ голода, потонуть въ грязи и быть выгнанными безъ малѣйшей славы. Хоть бы ужъ идти назадъ, пока есть время... Скорѣе голову положу на полѣ битвы, нежели перенести стыдъ такой кампаніи...»—И онъ жалъ рукою эфесъ сабли и какъ будто радовался, что высказалъ эти слова, давно тяготившія грудь его.

— Счастіе намъ худо благопріятствовало, отвѣчалъ дипломатъ; но не совсемъ такъ отвернулось, какъ думаетъ г. полковникъ. И наша теперешняя жизнь, исполненная недостатковъ и лишеній, послужитъ намъ пріятнымъ воспоминаніемъ, — въ ней есть своя поэзія. Знаете, чѣмъ утѣшался любимецъ Людовика Святаго въ плѣну, когда всѣ унывали? „Nous en parlerons devant les dames“, говорилъ онъ.

Герцоговъ сынъ поблагодарилъ взглядомъ, но неумолимый полковникъ не сдался.

— «Хорошо утѣшенье!»—сказалъ онъ глухимъ голосомъ, гордо улыбаясь и сжимая до того свою сигару, что дымъ пошелъ изъ двадцати мѣстъ.—«Боюсь одного, что не *мы*, а *они* будутъ разсказывать нашимъ дамамъ объ этой кампаніи».

Въ лицѣ его было тогда столько гордости, даже восторга (ибо не одни художники умѣютъ восторгаться), что я увидѣлъ въ немъ соперника дипломату.

— Охота намъ говорить о войнѣ, о политикѣ, подхватилъ дипломатъ, видя непреклонность воина. — Когда, бывало, среди моихъ занятій въ Италіи мнѣ попадались газеты, я видѣлъ себя столь чуждымъ этому міру, что не могъ найти никакой занимательности: это что-то такое временное, перемѣнное и потомъ совершенная принадлежность нѣсколькихъ особъ, коимъ провидѣніе вручило судьбы міра, такъ что стыдно вмѣшиваться безъ призыва. И теперь я далекъ отъ всѣхъ политическихъ предметовъ и такъ спокойно занимаюсь, какъ въ своемъ веймарскомъ кабинетѣ.

— А чѣмъ вы теперь занимаетесь? спросилъ герцоговъ сынъ, силясь скрыть радость, что разговоръ о войнѣ окончился.

— Въ особенности теоріею цвѣтовъ. Я уже имѣлъ счастіе излагать ее свѣтлѣйшему братцу вашему, и онъ былъ доволенъ. Теперь я дѣлаю чертежи.

Удивительный человѣкъ, думалъ я: въ 1792 году въ арміи, которую бьютъ, среди колоссальныхъ обстоятельствъ, которыхъ не понимаетъ, — занимается физикою! Я видѣлъ, что онъ не дипломатъ и не могъ догадаться.

— Кто это?—спросилъ я у герцогова адъютанта.

— «Про кого вы спрашиваете?»—сказалъ съ удивленіемъ адъютантъ.

— Вотъ про этого высокаго мужчину, который теперь всталъ, во фракѣ.

— «Неужели вы не знаете?—Это Гёте!»

— Гёте, сочинитель «Гёца»?

— «Да, да».

— Вольфгангъ Гёте, сочинитель «Гёца», «Вертера»...

Я обернулся, но онъ былъ уже въ дверяхъ, и я не могъ посмотрѣть на Гёте, какъ на Гёте. Вотъ вамъ моя встрѣча.

— Вы послѣ его не видали? спросила Корина.

— Одинъ разъ, отвѣчалъ онъ, нѣсколько недѣль спустя. Въ какомъ-то городкѣ давали его пьесу. Я забылъ ея названіе; помню только, что это — фарсъ надъ революціей, маленькая насмѣшка надъ огромнымъ явленіемъ, которое все имѣло въ себѣ, кромѣ смѣшного. Тогда уже вполнѣ обозначился грозный характеръ переворота и вся мощность его. Разбитое войско возвраща-

лось домой, въ Германію; палачъ ждалъ вѣнчанную главу. Испуганная, печальная публика не смѣялась. И, по-правдѣ, насмѣшка была натянута.

Гёте сидѣлъ въ ложѣ съ герцогомъ веймарскимъ, сердился, досадовалъ,—Гёте былъ весь авторъ. Я издали смотрѣлъ на него и ото всей души жалѣлъ, что этотъ великій человѣкъ, развивавшій цѣлый міръ высокихъ идей, этотъ поэтъ, удивившій весь міръ, испытываетъ участь журналиста, попавшаго не въ тонъ. Печальныя мысли заняли меня до того, что я содрогнулся, услышавъ, что меня взялъ кто-то за руку. Обернувшись, увидѣлъ я полковника, съ которымъ встрѣтился у герцогова сына. Онъ былъ совершенно тотъ же, какъ и тамъ,—съ тѣмъ же гордымъ видомъ, съ тѣмъ же независимымъ лицомъ. Я замѣтилъ одну перемѣну: лѣвая рука его была въ перевязкѣ.

— «Есть же люди, которые находятъ улыбку тамъ, гдѣ всѣ плачутъ», — сказалъ онъ, пожимая плечами и съ негодованіемъ крутя сѣдой усъ свой.—«Неужели это право великаго человѣка?»—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Я взглянулъ на него, взглянулъ на Гёте, хотѣлъ сказать очень много и молча пожалъ его руку.

Тутъ онъ остановился, глаза его прищурились, онъ закусилъ нижнюю губу, и, казалось, сцена сія со всею точностью повторилась въ его головѣ и онъ чувствовалъ все то, что чувствовалъ за сорокъ лѣтъ.

— Vous êtez ennemi juré de Goethe,—сказала Корина.

— Вы принадлежите къ партіи Менцеля,—прибавилъ спекулятивный философъ, другъ Корины.

— Я готовъ преклонить колѣна передъ творцемъ «Фауста», возразилъ германецъ.

— Но разсказъ вашъ, — продолжалъ обиженный философъ, заявленный обожатель Гёте,—разсказъ вашъ набросилъ на этого мощнаго генія какую-то тѣнь. Я не понимаю, какое право можно имѣть, требуя отъ человѣка, сдѣлавшаго такъ много, чтобъ онъ былъ политикомъ. Онъ самъ сказалъ вамъ, что все это казалось ему слишкомъ временнымъ. И зачѣмъ ему было выступать дѣятелемъ въ мірѣ политическомъ, когда онъ былъ царемъ въ другомъ мірѣ,—мірѣ поэзіи и искусства? Неужели вы не можете себѣ представить художника, поэта, безъ того, чтобъ онъ не былъ политикомъ,—вы, германецъ?

Путешественникъ во время своего разсказа мало-по-малу одушевлялся. Теперь, слушая философа, онъ принялъ опять свою ледяную маску.

— Я вамъ разсказалъ фактъ. Случай показалъ мнѣ Гёте такъ. Не политики, симпатіи всему великому требую я отъ генія. Ве-

ликій человѣкъ живетъ общею жизнью человѣчества: онъ не можетъ быть холоденъ къ судьбамъ міра, къ колоссальнымъ обстоятельствамъ; онъ не можетъ не понимать событій современныхъ,—они должны на него дѣйствовать, въ какой-бы то формѣ ни было. Сверхъ того, всеобъемлемости человѣку не дано,—напрасно стремились къ ней Дидро и Вольтеръ. И что можетъ быть изящнѣе жизни нѣкоторыхъ людей, посвятившихъ всѣ дни свои одному предмету, — жизнь Винкельмана, напримѣръ? Посмотрите на это германское дерево, пересаженное на благодатную почву Италіи, на этого грека въ XVIII столѣтіи, на эту жизнь въ музеумѣ и въ свѣтлой, ясной области изящнаго! Надобно имѣть очень дурную душу, то-есть совсѣмъ души не имѣть, чтобы не придти въ восторгъ отъ его жизни. Скажу болѣе: я люблю Гоффмана въ питейномъ домѣ, но ненавижу пуще всего мистификацію и эгоизмъ, все равно,—въ Гёте или въ Гюго. Ужели онъ вамъ нравится придворнымъ поэтомъ, по заказу составляющимъ оды на пріѣзды и отъѣзды, сочиняющимъ прологи и маскарадные стихи?

— Вы забываете, что Гёте жилъ въ Германіи, гдѣ доселѣ сохранилось то патріархальное отношеніе между властителями и народомъ, которое служило основою феодализму,—отношеніе, которое, съ одной стороны, заставляло поэта воспѣвать добраго отца семейства, а короля—искать мѣста для *скромнаго ордена* своего на груди поэта; поэта—праздновать своей лирой торжество властителя, а властителя иллюминовать свой городъ въ день рожденія поэта.

— Извините, я, право, вижу какую-то либеральную arrière pensée въ вашихъ словахъ.

— Напрасно вы принимаете меня за карбонара. Повѣрьте, мое сердце умѣетъ биться за Ларошъ-Жаклена, бѣшенаго вандейца,—умѣетъ сочувствовать старику Малербу, склоняющему главу свою на плаху... Они откровенно одушевлены были любовью къ монархіи; они—герои, въ нихъ нѣтъ мистификаціи. Отчего всѣ доселѣ съ восхищеніемъ читаютъ переписку Вольтера съ Екатериной II?—Оттого, что всякій видитъ, что они поняли другъ друга, отдали справедливость, любили другъ друга, — оттого, что душа Екатерины была обширна, какъ ея царство, и душа Вольтера сочувствовала своему вѣку. И отчего же никто не читаетъ стиховъ Гёте на пріѣзды, отъѣзды, разрѣшенія отъ бремени, выздоровленія и т. д.?

— Я не знаю по-русски, но я много слышалъ о вашемъ Державинѣ, и именно о томъ чувствѣ искренней преданности, которая доводитъ его до высочайшаго идеализированія Екатерины. Не зная Державина, я понимаю чувства, одушевлявшія его, понимаю истинность его восторга. Но этой-то истинности и нѣтъ въ Гёте; ея нѣтъ въ большей части его сочиненій, онъ *паради-*

руетъ, онъ на сценѣ театра при свѣтѣ ламиъ, а не на сценѣ жизни при свѣтѣ солнца... Лафатеръ, увидѣвъ въ первый разъ Гёте, не могъ удержаться, чтобъ не сказать: «Я полагалъ, что у васъ совсѣмъ не такія черты лица». А Лафатеръ рѣдко ошибался. Читая Гёте, онъ вѣрилъ, что каждая строка его отъ души, и поэтому построилъ въ фантазіи его черты и не нашелъ ихъ въ лицѣ его, ибо ихъ не было и въ душѣ у Гёте, такъ, какъ въ немъ не было ничего восточнаго, несмотря на то, что онъ, насилуя свой мощный геній, написалъ „Der West-ostliche Divan“, который такъ и дышетъ запахомъ Аллаха, стихами Саади и Низами. Тотъ, кто вѣренъ себѣ, и на челѣ, и на устахъ, и во взорѣ носитъ отпечатокъ того, чѣмъ полны его сочиненія. Какъ часто останавливался я въ Веймарѣ передъ бюстомъ Шиллера. Славный Даннекеръ отвердилъ, такъ сказать, прелестную форму, въ которой обитала прелестная душа. И нѣтъ возможности Шиллера представить себѣ иначе.

— Читайте Гётеву автобіографію, — и вы увидите, что вся жизнь его протекала въ безпрерывныхъ занятіяхъ; тамъ увидите, что онъ пренебрегалъ толпою,—для чего же ему было мистифицировать ее?

— Да, да надобно читать этотъ драгоцѣнный комментарій къ его сочиненіямъ, эту огромную исповѣдь эгоизма. Тамъ Гёте весь; тамъ вы увидите, что его «я» поглощаетъ все бытіе; тамъ онъ самъ признается вамъ, какъ въ 1804 году онъ мистифицировалъ m-me Staële, а она его... О, уморительный документъ пустоты нашего вѣка!.. Вмѣсто симпатій генія, таланта, славы, этотъ первый мужчина своего вѣка съ этой первой женщиной встрѣчаются въ маскахъ, обманываютъ другъ друга. Одинъ представляетъ изъ себя мрачнаго поэта Тевтоніи, мечтающаго о высшемъ мірѣ, и въ душѣ смѣется; другая представляетъ чувствительное сердце, плачетъ о политическихъ событіяхъ, страхъ жалѣетъ объ убитыхъ, придаетъ себѣ видъ отчаянія,—и еще болѣе смѣется въ душѣ. И какъ безжалостно Гёте приводитъ за кулисы этой комедіи! Удивляюсь генію этого человѣка, но любить его не могу... Когда Гёте возвратился изъ Италіи, былъ онъ однажды въ большомъ обществѣ и, какъ разумѣется, въ аристократическомъ обществѣ; тамъ собиралъ онъ похвалы и расточалъ свои разсказы, придавая огромную важность всѣмъ словамъ своимъ и всѣмъ поступкамъ. Тутъ же въ углу сидѣлъ задумчиво кто-то. Долго и внимательно смотрѣлъ онъ на Гёте своими голубыми глазами, въ которыхъ такъ ярко было написано, что этотъ человѣкъ не принадлежитъ землѣ и что душа его грустнтъ по другому міру, который создала святая мечта и чистое вдохновеніе. Онъ любилъ его за «Вертера» и за «Берлихингена»; онъ нарочно пришелъ, чтобъ увидѣть его

и познакомиться съ нимъ. Этотъ кто-то всталъ, наконецъ, и сказалъ: «Съ нимъ мы никогда не сойдемся!»—И знаете ли, что этотъ кто-то былъ никто иной, какъ Шиллеръ?

— Но вспомните, что они послѣ сдѣлались неразрывными друзьями и любили другъ друга.

— Не вѣрю. Гёте подавилъ своимъ геніемъ и авторитетомъ кроткаго Шиллера, но они не могли искренно любить другъ друга. Я вамъ уже сказалъ, что я готовъ преклонить колѣна передъ творцомъ «Фауста», такъ же, какъ готовъ раззнакомиться съ тайнымъ совѣтникомъ Гёте, который пишетъ комедіи въ день Лейпцигской битвы и не занимается біографіей человѣчества, безпрерывно занимаясь своею біографіею.

Въ заключеніе возвращусь къ страшному обвиненію, которое вамъ угодно было сдѣлать послѣ моего разсказа: чтобъ я требовалъ отъ Гёте политики, и особенно въ наше время, когда все дышетъ посредственностью, все идетъ къ ней, въ нашъ вѣкъ, который похожъ на Паскаля,—не на Паскаля всегда (слишкомъ много чести), а на Паскаля въ тѣ минуты, когда онъ принималъ Христову вѣру по тому, что не отвергалъ ее.

Англійскій корсаръ увезъ съ собою на Беллерофонѣ дѣятельное начало нашего вѣка и хорошо сдѣлалъ, — бронзовый бюстъ, доставшійся въ позорныя руки Гудзонъ Ловъ, худо гармонировалъ съ нашими стѣнами подъ мраморъ, съ нашими бюстами изъ гипса; для того бюста океанъ и подземный огонь образовали пьедесталъ.

Sagt, wo sind die Vortrefflichen hin, wo find ich die Sänger,
Die mit dem lebenden Wort horchende Völker entzückt?..
Doch, noch leben die Sänger, nur fehlen die Thaten die Lyra
Freudig zu wecken...

Schiller.

Гёте понялъ ничтожность вѣка, но не могъ стать выше его; онъ самъ осудилъ и вѣкъ, и себя, сказавъ: «Древніе искали фактъ, а мы эффектъ; древніе представляли ужасное, а мы ужасно представляемъ»,—тутъ все выражено. Мы восторгаемся для того, чтобы печатать восторги; мы чувствуемъ для того, чтобы изъ чувствъ строить журнальныя статейки; живемъ для того, чтобы писать отрывки нашей жизни, какъ будто дѣйствовать есть что-нибудь низшее, а писать—цѣль человѣка на землѣ; словомъ, *мы слишкомъ авторы, чтобъ быть людьми*. Знаете ли, какъ генералъ Ламаркъ называлъ нынѣшнее состояніе Франціи?—Hutte dans la boue.

— Вѣрите ли вы въ совершенствованіе человѣка?

— А вѣрите ли вы, что вся природа есть переходъ, исполненный страданія? — спросилъ германецъ, быстро взглянувъ на философа.

Философъ улыбнулся.

Разговоръ прекратился. Въ горницѣ было душно и я вышелъ на балконъ. Мѣсяцъ свѣтилъ всѣмъ лицомъ своимъ и небольшой вѣтеръ освѣжалъ прохладою и обливалъ запахомъ воздушныхъ жасминовъ. Это была одна изъ тѣхъ пяти или шести ночей, когда можно въ Москвѣ быть на воздухѣ, не проклиная ея сѣверной широты. Что за человѣкъ, думалъ я, этотъ нѣмецъ? Нисколько не похожъ онъ на blasés нынѣшняго вѣка, которые сыплютъ насмѣшки и рѣзкія сужденія, чтобы обратить на себя вниманіе, ругаютъ нынѣшній вѣкъ и всѣхъ великихъ людей, всѣмъ недовольны, давая чувствовать, что у нихъ построенъ въ головѣ какой-то пантеонъ для всего человѣчества, въ то время, какъ у нихъ ничего не построено въ головѣ. Отъ него не вѣяло морознымъ холодомъ этихъ людей... Онъ самъ перервалъ мои мысли, выйдя на балконъ. Мнѣ весьма хотѣлось поговорить съ нимъ; но онъ, кажется, вышелъ именно для того, чтобы быть одному, и не говорилъ ни слова. Отложивъ деликатность въ сторону, я сказалъ ему: «Строго осудили вы нашъ вѣкъ, и я откровенно скажу вамъ, что не могу во всемъ согласиться съ вами. Какой необъятный шагъ сдѣлало человѣчество послѣ Наполеона!»

Онъ молчалъ, и еще болѣе я замѣтилъ, что онъ все вниманіе обратилъ на луну. Наконецъ, онъ вздохнулъ и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ: «Я теперь вспомнилъ прелестную ночь, одну изъ самыхъ святыхъ минутъ моей жизни. Года два тому назадъ я жилъ въ Венеціи. Въ мірѣ много земель и городовъ, но *одна* Италія и *одна* Венеція! Я былъ на балу у эрцгерцога; онъ давалъ его, помнится, по случаю взятія Варшавы. Придворный балъ вездѣ скученъ. Ложный свѣтъ воска и ложная радость людей нагнали на меня чрезвычайную тоску, — и я ушелъ. Что это за ночь была! Вы меня извините,—нынѣшній вечеръ одно блѣдное подражаніе, даже непохожее; я упивался и луною, и воздухомъ, и видомъ. Левъ Святаго Марка убитъ; но его вдова, красавица Венеція, sara la boignosa (?), все еще также прелестна, также сладострастно плещется въ волнахъ Адріатики. Я бросился въ гондолѣ къ лагунамъ. Вы, вѣрно, знаете, что тамъ доселѣ встрѣчаются gondoliery, которые поютъ стансы изъ Тассо и Аріосто, одинъ тутъ, другой тамъ—далеко... Прежде это бывало часто, теперь Италія начинаетъ забывать своихъ поэтовъ. Но въ эту ночь счастіе улыбнулось мнѣ. Издали раздался простой кантъ, усиливался болѣе и болѣе, и я ясно слышалъ три послѣдніе стиха,— они остались у меня въ памяти:

Dormi Italia imbriaca, e non ti pesa,
Ch' ora di questa gente, ora di quella
Che già serva ti fu, sei fatta ancella...

Еще далѣе отвѣчали съ другой гондолы слѣдующимъ стансомъ и слабый голосъ, стелясь по волнамъ и смѣшиваясь, и переплетаясь съ ихъ плескомъ, выражалъ и просьбу, и упрекъ. Эта ночь никогда не изгладится изъ моей памяти.

Теперь пришла моя очередь молчать, и я молчалъ.

— «Но что же будетъ далѣе?»—сказалъ я, наконецъ.

— Знаете ли вы, чѣмъ кончилъ лордъ Гамильтонъ, проведя цѣлую жизнь въ отыскиваніи идеала изящнаго между кусками мрамора и натянутыми холстами?

— «Тѣмъ, что нашелъ его въ живой ирландкѣ».

— Вы отвѣчали за меня,—сказалъ онъ, уходя съ балкона.

Крутицкія казармы.
1834, декабрь.
(Переписано въ Вяткѣ
1836, іюня 20).

Вторая встрѣча.

Wer nie sein Brod mit Thränen ass,
Wer nie die kummervollen Nächte
Auf seinem Bette weinend sass,
Der kennt euch nicht, ihr himmlichen Mächte.

Göthe, Wilh. Meister's Lehrj.

Холодный ледяной вѣтеръ дулъ изъ-за Камы. Такъ дышетъ Уральскій хребетъ вѣчнымъ льдомъ своихъ вершинъ, такъ дышетъ холодная грудь Сибири на Европу. Кама, широкая и быстрая, мчала съ неимовѣрной скоростью множество тяжело нагруженныхъ судовъ; кое-гдѣ двигались запоздалыя льдины, поворачиваясь и какъ бы нехотя слѣдуя теченію рѣки. Порывами вѣтеръ наносилъ membra disjecta [1]) пѣсенъ бурлаковъ и ихъ громкіе возгласы. Было грустно. Я сидѣлъ, закутавшись въ плащъ, на высокомъ берегу. Съ противоположной стороны садилось солнце красное, но холодное. Раны моего сердца были свѣжи. Недавно оставилъ я родимый городъ, хотя давно уже былъ оторванъ отъ всѣхъ близкихъ душѣ моей. Всѣ подробности 9-го апрѣля явились въ моемъ воображеніи: день свиданія послѣ мрачной разлуки, день разлуки послѣ мрачнаго свиданья. Въ этотъ день переломилось мое существованіе... Прощальный поцѣлуй, облитый слезами, запечатлѣлъ небесной печатью воспоминанія, за кото-

[1] Отрывочные звуки.

рыми пустота и мракъ. Было грустно; мнѣ занадобились люди, чтобы разсѣяться, люди,—которые мелкимъ пескомъ своихъ словъ могутъ засыпать раны сердца, доколѣ порывъ вѣтра не снесетъ его. На дворѣ становилось холоднѣе, Кама почернѣла, барки превратились въ какихъ-то ракообразныхъ животныхъ, съ огромными ребрами; огонь, разложенный на нихъ, казался огненной пастью чудовищъ... Я пошелъ съ тѣмъ, чтобы зайти къ кому-нибудь изъ знакомыхъ на скорую руку, и зашелъ *къ кому-то.* Не обращая ни малѣйшаго вниманія на двухъ человѣкъ, бывшихъ въ горницѣ, я бросился на турецкій диванъ и курилъ сигару.

Разговоръ шелъ безцвѣтный и холодный, какъ всегда между людьми, которыхъ не связываютъ ни общія идеи, ни симпатіи души, ни даже привычка. Меня разспрашивали о столицѣ, мнѣ разсказывали о провинціи,—незамѣтно я развлекся. Хозяинъ грузинъ тѣшилъ меня своею ненавистью къ морозу, которая у него á l'oriental доходила до личной вражды. Вдругъ ему вздумалось перемѣнить тему и на мѣсто своей термометрической антипатіи разсказывать о томъ, какъ онъ покидалъ отцовскій домъ. Душа моя встрепенулась. Холодная маска упала, и я въ пламенныхъ и горячихъ словахъ описывалъ имъ мое 9-е апрѣля. Чувства бушевали во мнѣ, и радостныя, что нашли отверстіе, лились потокомъ словъ. Я всталъ съ своего мѣста и вдругъ взоръ мой встрѣтился со взоромъ одного изъ тѣхъ лицъ, которыхъ я едва замѣтилъ, входя. Глаза наши столкнулись, и рѣчь моя, какъ бы скошенная, остановилась. Мужчина лѣтъ сорока, въ черной венгеркѣ, обшитой шнурками, склонивъ голову на руку, опершуюся на диванъ, и крутя другою длинные русые усы, со всѣми знаками самаго усиленнаго вниманія смотрѣлъ этимъ взоромъ на меня. Грудь его подымалась, ноздри раздувались и крупная слеза тихо катилась по щекѣ. Но глаза—теперь вижу ихъ—издавали какой-то свѣтъ, въ нихъ было что-то отъ пламени молній. Я остановился, и онъ, какъ бы обиженный, грубо обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Продолжайте». Мы помѣнялись взоромъ, и я, чувствуя, что понятъ, продолжалъ еще съ большимъ одушевленіемъ. Когда кончилъ я, онъ всталъ, прошелъ раза два по горницѣ, приблизился ко мнѣ и, прямо смотря въ глаза, сказалъ: «Мы—друзья!»—«Друзья!»—отвѣчалъ невольный голосъ изъ моей груди, какъ эхо на его вызовъ, какъ инструментъ, невольно издающій звукъ, взятый на другомъ. Потомъ онъ сѣлъ на старое мѣсто и принялъ неподвижную фигуру статуи; лицо его сдѣлалось мрачно, длинные волосы падали на глаза, и онъ не поправлялъ ихъ, молчалъ и, можетъ, въ мысляхъ перебиралъ свое 9-е апрѣля. Пора было идти домой. Онъ проводилъ меня съ хозяиномъ до дверей, сжалъ мнѣ руку и сказалъ: «Первый лучъ солнца

послѣ долгой зимы!»—«Да,—подхватилъ грузинъ, не понимая его словъ,—нынче первый ясный день съ августа мѣсяца. Ужасно! Морозы доходили до 45°». Я ушелъ. Незнакомецъ занималъ меня безпрерывно; я не зналъ, ни кто онъ, ни что онъ, но многое понялъ, догадался. Исторія его сердца должна быть ужасна, но его сердце должно быть высоко. Приготовленія къ дорогѣ, мелочи, хлопоты заставили на время забыть незнакомца. На другой день къ ночи надобно было ѣхать.

Въ самый день отъѣзда меня пригласили на большой обѣдъ къ одному богачу, и я пошелъ, чтобы взглянуть на beau monde того края. Провинція запечатлѣла весь этотъ домъ, и хозяинъ въ яхонтоваго цвѣта фракѣ, съ непомѣрной величины Анною на шеѣ и съ волосами, вгладь вычесанными, такъ же не годился въ модную гостиную, какъ его кресла изъ цѣльнаго краснаго дерева, тяжеле 10-фунтоваго орудія, и украшенныя позолоченою рѣзьбою въ видѣ раковинъ и выгнутыхъ листьевъ... Попарно и съ какимъ-то благоговѣніемъ шли въ столовую, гдѣ дожидался столъ длинный, узкій, изогнутый глаголемъ. Поскорѣе подалъ я руку какой-то барышнѣ, которой никто не даетъ руки ни къ вѣнцу, ни къ обѣду, и замкнулъ процессію. Толпа лакеевъ въ сюртукахъ, съ часами на бисерныхъ шнуркахъ, въ пестрыхъ галстукахъ, суетились подъ предводительствомъ дворецкаго, который своею дебелостью доказывалъ, что ему идетъ на пользу дозволеніе ѣсть съ барскаго стола остатки. Толпа мальчишекъ, всѣ въ разныхъ костюмахъ, но не всѣ въ сапогахъ, мѣшали имъ и дрались изъ-за чести, кому за кѣмъ стоять, не имѣя понятія, что мѣстничество уничтожено. Но оно и не уничтожено въ провинціи. Провинція смѣло можетъ похвастать порядкомъ распредѣленія мѣстъ за обѣдомъ, это статья изъ адресъ-календаря. Тутъ-то вполнѣ узналъ я, что значитъ предсѣдатель уголовной палаты, которому губернаторъ *предлагаетъ*, и совѣтникъ губернскаго правленія, которому губернаторъ *предсѣдательствуетъ*, и земскій исправникъ, которому губернаторъ *повелѣваетъ*, наконецъ, что такое прокуроръ, партизанъ никому не подчиненный, кромѣ Бога и министра юстиціи, о которомъ губернаторъ даже не *аттестуетъ* и который губернатору говоритъ «вы». Такъ все въ провинціи отнесено къ губернатору, понятно, онъ—центръ, остальное — периферіи; онъ—солнце, остальное—созвѣздія; словомъ, онъ—необходимая координата, безъ которой нельзя составить уравненія этихъ безконечно малыхъ величинъ. Главное дѣйствующее лицо за обѣдомъ былъ докторъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ забывшій медицину, которой учился пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Геттингенѣ, но твердо помнящій всѣ филистерскія затѣи. Онъ поѣхалъ въ Россію съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ Москвѣ по улицамъ ходятъ мед-

вѣди, и, занесенный сюда нѣмецкой страстью пытать счастье по всему бѣлому свѣту, остался дожидаться, пока разстройство животной экономіи и засореніе vasorum absorbentium превратитъ его самого въ соръ. Этотъ старикъ, весьма веселый и очень маленькій ростомъ, плѣшивый и съ быстрыми глазами, острилъ надо всѣми, шутилъ, отпускалъ вольтеровскія замѣчанія, дивилъ своимъ матеріализмомъ, смѣшилъ своими двусмысленностями. Его всѣ любили, и онъ всѣхъ любилъ. Да и какъ было ему не любить всѣхъ? Это поколѣніе родилось, выросло, занемогло, выздоровѣло при немъ, отъ него; онъ не только зналъ ихъ наружности, но зналъ ихъ внутренности и l'amour de la science заставило любить ихъ. Второе лицо былъ какой-то флотскій капитанъ, который, по несчастію, сидѣлъ возлѣ меня и, поймавъ новаго человѣка, тѣмъ голосомъ, которымъ кричатъ съ палубы на мачту, разсказывалъ мнѣ весь обѣдъ, продолжавшійся три добрыхъ часа, какъ онъ минутъ двадцать тонулъ у Алеутскихъ острововъ, со всѣми техническими выраженіями, которыя живутъ на кораблѣ и приплываютъ къ материку только въ романахъ Сю и въ повѣстяхъ Бестужева. Онъ душевно желалъ, чтобы путь мой былъ въ Березовъ, гдѣ живетъ отставной мичманъ Филиппъ Васильевичъ, который былъ свидѣтель этого происшествія и могъ мнѣ прибавить то, чего онъ не помнитъ, ибо былъ безъ памяти нѣсколько времени. Я съ иронической улыбкой поблагодарилъ его за желаніе. Еще кто былъ за столомъ? Наливки изъ всѣхъ растеній, оканчивающихъ ягодою свой цвѣтъ, *старое французское* и—place au grand' homme—шампанское, которое лилось не по столичному въ узенькіе бокалы, а въ стаканы, и пребольшіе. Наконецъ, *пережилъ* я обѣдъ. Всѣ торопливо бросились за карты, кромѣ доктора, который свято исполнялъ однажды возложенныя на себя гигіеническія правила: долженъ былъ послѣ обѣда 25 минутъ ходить по горницѣ для пищеваренія.

Я обнялъ хозяина, который съ искренней добротой пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и вышелъ на улицу, улыбаясь и приводя на память всѣ пустые разговоры, которыхъ былъ свидѣтелемъ. Время было хорошо; хотѣлось походить, и я отправился на бульваръ, идущій отъ Московской заставы до Сибирской. Бульваръ этотъ превосходенъ. Обхватывая полгорода съ наружной стороны, онъ простирается версты на три: огромныя, толстыя березы, прямыя и вѣтвистыя, отдѣляютъ его съ одной стороны отъ города, съ другой—отъ обширнаго поля, и чугунныя заставы, какъ черные колоссальные латники, стерегутъ его съ обѣихъ сторонъ. Скупа природа того края: зелень едва виднѣлась и кое-гдѣ вешніе цвѣты—блѣдные, слабые недоноски, долженствующіе умереть отъ холодныхъ утренниковъ. Несмотря на это, какой-то человѣкъ

гербаризировалъ. Тотчасъ узналъ я вчерашняго незнакомца и пошелъ къ нему. Онъ такъ былъ занятъ своей работой, что долго не замѣчалъ меня. Я взялъ его за руку и онъ съ видомъ сильной радости сказалъ, оборачиваясь:

— «Итакъ, мнѣ еще суждено видѣть васъ! Благословляю нашу вчерашнюю встрѣчу. Вотъ уже два года не слыхалъ я человѣческаго голоса, а вчера ваши слова, какъ симфонія Бетховена, какъ пѣснь родины, пробудили мою душу. Вы помирили меня съ людьми, высказывая чувства, которыя бились и въ моей груди... Два года—много времени, и все чужое, кромѣ природы; мы съ нею вдвоемъ и понимаемъ другъ друга. Какъ звученъ языкъ ея и какъ утѣшителенъ! Я всякій день бываю на этомъ полѣ,—я люблю его. Мы—старые знакомые. Вотъ этотъ монтодонъ уже третьяго дня распустился и два раза видѣлись мы. Люблю природу! Говоря съ нею, я отвыкъ отъ человѣческаго языка, а вы мнѣ напомнили его. Прелестенъ и онъ, когда выходитъ изъ самаго сердца, когда не запыленъ...» Онъ пріостановился.

— «Вы, вѣрно, много страдали,—сказалъ я,—вѣрно, очень несчастны?»

—«Да, я много страдалъ, но не несчастенъ; несчастны они въ своемъ счастіи, а мы счастливы! Съ гордостью смотрю я на душу мою, всю въ рубцахъ отъ гоненій и бѣдствій, ибо совѣсть моя чиста, ибо я, какъ воинъ, ни разу не бѣжалъ съ поля несчастія. И вотъ я заброшенъ сюда и безъ куска хлѣба, а все тотъ же, какъ былъ. Они ничего не отняли у меня, — душа осталась. Да неужели вы не чувствовали особой сладости страданій высокихъ, страданій за истину? Правда, иныя минуты доводятъ до отчаянія. Я помню, когда меня оторвали отъ моей жены во время ея родовъ и какъ она — одна безъ помощи служанки, покинутая всѣми—мучилась смертельною болѣзнью. Холодный потъ выступаетъ, когда подумаю... Но Богъ печется объ несчастныхъ,—она выздоровѣла. Теперь я безъ куска хлѣба, а былъ богатъ; бѣдность гнететъ иногда, но душа стала выше этихъ предразсудковъ. И можно ли за одно чистое, святое наслажденіе созерцательной минуты взять цѣлую жизнь, спокойную и безмятежную, этой толпы, которую ничто не грѣетъ, ничто не влечетъ?.. Часто сажусь я вотъ на этой горѣ и перебираю жизнь мою. Какъ ярко напечатлѣны въ памяти минуты поэтическихъ восторговъ, когда душа, вырываясь изъ цѣпей, парила! Эти минуты свѣтятъ, подобно форосу, по болотистому пути жизни. А мгновенія, когда я услышалъ первое слово любви,—это мощное слово, которое одно можетъ пересоздать человѣка,—не выкупили ли они впередъ всѣ несчастія!.. Въ шестнадцать лѣтъ схватили меня волны и умчали, крутя, въ какой-то bufere infernal. И я, подобно моряку, приставшему

на безплодный утесъ, вспоминаю всѣ бури, всѣ волны, бившія о мой корабль, и благодарю провидѣніе, что спасло меня, забывая потери. Счастіе—слово безъ смысла въ нечистыхъ устахъ толпы. Для чего счастіе человѣку, одаренному душою высокой, которая внутри себя найдетъ блаженство? И когда же были счастливы становившіеся выше узкихъ рамъ, которыми сковались ничтожные люди? Птицы небесныя имѣютъ гнѣзда и лисы—язвины, убѣжище, но Сыну человѣческому негдѣ главы преклонить. И развѣ Онъ счастіемъ манилъ учениковъ? Развѣ счастіе оставилъ имъ въ наслѣдство?—Нѣтъ, крестъ! И съ радостію взяли они это наслѣдство и понесли крестъ Его... Никогда человѣкъ въ счастіи не узнаетъ всей глубины поэзіи, въ его душѣ лежащей; но страданія, вливая силы, разверзнутъ цѣлый океанъ ощущеній и мыслей. Когда Данте былъ въ раю? Торжествуя ли въ своей Firenze, или будучи въ ссылкѣ, «испытывая горечь чужого хлѣба и крутизну чужихъ лѣстницъ»? Иной всю жизнь провелъ бы, не зная сокровенныхъ областей души своей, и она не вышла бы изъ своей хризолиды, — такъ искусно толпа умѣетъ подавить, задушить чувство даже въ другомъ. Но его поражаетъ несчастіе, и душа вспорхнетъ, отрясетъ прахъ земной, взлетитъ къ небу. Одна мысль: *я перенесъ это* — исполняетъ гордостью и наслажденіемъ. Человѣкъ, не согнувшій выю свою передъ обстоятельствами, выдержавшій твердую борьбу съ ними, можетъ сознать свое достоинство и посмотрѣть на людей тѣмъ взоромъ, которымъ смотрѣлъ Марій съ развалинъ Карѳагена на Римъ и Наполеонъ изъ Лонгвуда на вселенную. Да, одна мысль эта достаточна, чтобы вознестись надъ толпою, которая такъ боится всякихъ ощущеній и лучше соглашается жить жизнію животнаго, нежели терпѣть несчастія, сопряженныя съ жизнію человѣка...»

Слова незнакомца нашли отзывный звукъ въ моемъ сердцѣ. Долго говорили мы. Наконецъ, пора мнѣ было собираться въ дорогу.

— «Вамъ не нужно совѣтовъ: душа ваша не померкнетъ»,—сказалъ онъ.

«И если она изнеможетъ, возразилъ я, подъ ударами судьбы, придетъ въ отчаяніе, я вспомню васъ и покраснѣю за свою слабость». Онъ плакалъ.

— «Зачѣмъ вы ѣдете? Я останусь опять въ моемъ одиночествѣ... Здѣсь сердца холодны, какъ руды изъ Уральскаго хребта, и также жестки. Но сладостно будетъ мнѣ воспоминаніе нашей встрѣчи».

Я бросился въ его объятія и не могъ вымолвить слово благодарности. Онъ снялъ чугунное кольцо съ руки и, подавая мнѣ, сказалъ:

— «Не бросай его. Ты молодъ, твоя судьба еще перемѣнится, страданія не подавятъ твоей души. Но ты, можетъ, будешь счастливъ... Тогда береги свою душу; тогда, взглянувъ нечаянно на это кольцо, вспомни нашъ разговоръ». Я былъ тронутъ до крайности, взялъ его кольцо, отстегнулъ запонку съ своей груди и молча подалъ ему.

— «Со мною до гроба»,—сказалъ онъ.

Мы разстались и болѣе я никогда не видалъ его.

Черезъ часъ кто-нибудь изъ гуляющихъ по тому же бульвару могъ видѣть быстро промчавшуюся коляску на почтовыхъ, съ лихимъ усачомъ въ военной шинели на козлахъ, который, безпрерывно поправляя пальцемъ въ своей трубкѣ, погонялъ ямщика.

Вѣроятно, прохожій остановился; но, когда затихъ колокольчикъ, унялась пыль,—спокойно продолжалъ свою прогулку [1]).

Вятка.
1836, марта 10.

---

[1]) Въ концѣ статьи сдѣлана приписка: «Посвящено барону Упсальскому».
Примѣч. издат.

Это было 22-го октября, 1817 г.

I.

Въ большой залѣ, мертвой, какъ кладбище, сидѣлъ на окнѣ мальчикъ лѣтъ пяти. Блѣдной цвѣтъ лица, маленькой ростъ, нѣжность и хрупкость (grêle) членовъ показывали слабую, болѣзненную организацію; но черты его лица были рѣзки, и ребячьи глаза искрились огнемъ. Есть дѣтскія лица, которыя явственно пророчатъ всю будущую жизнь ихъ. Смотря на мальчика, сидѣвшаго на окнѣ, навѣрное можно было ему предсказать рядъ страданій, навѣрное можно было предсказать, что грубыми руками люди захватаютъ, погнутъ, сломаютъ нѣжной сосудъ этотъ, сосудъ сильной мысли и сильнаго чувства, и что онъ рано уйдетъ на родину обиженной, оскорбленной, ежели Богъ не подастъ ему руку помощи. И также навѣрное можно было предсказать, что Богъ эту руку помощи подастъ, потому что онъ никому не отказываетъ, потому что и весь міръ матеріальной ничто иное, какъ рука помощи падшему ангелу.

Мальчикъ задумчиво смотрѣлъ на небо, можетъ, безъ всякихъ мыслей; можетъ, игривой, пестрой мечтой своего возраста, маленькой Сведенборгъ представлялъ себѣ хрустальные домы ангеловъ съ множествомъ цвѣтовъ, съ райскими птицами.

II.

А съ неба смотрѣлъ на мальчика Духъ жизни, благодатной путеводитель каждаго смертнаго, всего рода человѣческаго и всей вселенной по стезѣ, начертанной провидѣніемъ. Рои свѣтоносныхъ ангеловъ летали около него. Горестно смотрѣлъ Духъ. — «Жаль мнѣ тебя, молодой гость земли, мало *тѣла* досталось на твой удѣлъ и много души. Толпу страданій обрушитъ на тебя огненной нравъ твой, а нѣтъ въ тебѣ мощной силы, которую вѣрнымъ щитомъ можетъ человѣкъ противопоставить врагу. Странникомъ

будешь ты скитаться между людей, они тебя не признаютъ за родного, а родины не найти тебѣ самому. Огонь въ твоихъ глазахъ — не лазоревой свѣтъ неба, а пурпуръ земного пламени. Мысль гордая унесетъ тебя, какъ дикій конь, а люди бросятъ камни на дорогу, о которые ты разобьешься».

Одинъ изъ ангеловъ, изливавшій кроткое, нѣжное сіяніе, задумался и свѣтилъ голубымъ взоромъ своимъ на мальчика, который между тѣмъ засыпалъ.

Духъ обратился къ ангелу и продолжалъ:

— «Среди ужасной бури родился онъ: одинъ изъ разрушающихъ, допотопныхъ переворотовъ, какъ отчаянное усиліе противъ гармоніи и просвѣтленья, мечомъ и огнемъ пробѣгалъ по землѣ. Онъ протянулъ руку изъ колыбели, и непріятельской воинъ, буйной и пьяной, схватилъ за нее; онъ ступилъ на землю и маленькая нога его обагрилась кровью человѣческой. Въ сырую осеннюю ночь лежалъ онъ на мостовой; море огня, пожиравшее огромной городъ, едва могло отогрѣть посинѣвшіе члены младенца, искры сыпались на него, конскія копыты дотрогивались, онъ былъ голоденъ и не могъ кричать, изнуренная грудь матери не имѣла для него капли молока. Жизнь начинала тухнуть, ночь распространялась передъ глазами малютки. Я спасъ его, но спасъ тѣлесно. Душа наслѣдовала что-то и отъ бури, и отъ пожара, и отъ крови».

Ангелъ не спускалъ глазъ съ спящаго ребенка, болѣзненное выраженіе стало еще замѣтнѣе, лихорадочныя движенія пробѣгали по немъ, казалось, что-то чудовищное стоитъ передъ нимъ и стращаетъ его.

«Жаль мнѣ малютку!» сказалъ ангелъ съ первою слезою на вѣчно радостномъ окѣ.

— «Спаси его

«О, я готовъ!»

— «Но помни. Законы неизмѣнны, путь спасенія всему падшему показанъ: онъ тотъ же для вселенной, для человѣчества и для одного человѣка. Двухъ огромныхъ жертвъ требуетъ онъ: *земной жизни и страданія.* А какъ утомительна эта жизнь въ оковахъ тѣла, эта зависимость отъ стихій! А какъ жгучи эти земныя несчастія съ ядомъ на губахъ, съ заразой въ дыханіи...»

«Все перенесу, мнѣ жаль падшаго брата, я вижу на челѣ его не совсѣмъ стертую печать красоты Люцифера, той красоты, которою онъ увлекъ толпы ангеловъ. Какъ хорошъ былъ Люциферъ до своего паденія съ пурпуровымъ свѣтомъ своимъ, съ высокой, необъятной мыслью. Ребенокъ этотъ какъ-то напоминаетъ его черты; о, я люблю его, лишь бы благословилъ меня отецъ, и я привелъ бы его въ родительской домъ, домъ радости и молитвы;

чѣмъ больше страданій, чѣмъ больше трудностей, тѣмъ чище будетъ онъ!»

— «И такъ да будетъ!»—воскликнулъ Духъ, осѣнивъ ангела таинственнымъ знакомъ. Вдругъ тѣсно стало ему, грудь взволновалась, прозрачная мысль отуманилась, сонъ, неизвѣстный жителямъ неба, оковалъ его, ему казалось, что онъ падаетъ, было душно... онъ пересталъ себя понимать... исчезъ.

III.

Шаги послышались въ ближней комнатѣ, блѣдной мальчикъ проснулся. Уже смерклось. Онъ взглянулъ на небо — лазоревая звѣзда низверглась съ быстротою молніи на землю. Ему жаль стало звѣздочки.

Растворилась дверь. Женщина прелестная собой взошла со свѣчею въ залу:

«Александръ! Александръ! гдѣ ты?»

— Я здѣсь, maman,—отвѣчалъ Александръ.

«Куда ты это спрятался? Я тебѣ скажу радость: у тебя родилась маленькая сестрица».

Глаза ребенка сверкнули, будто онъ понялъ всю высокую мистерію этого рожденія.

— Вѣдь дѣти съ неба?—спросилъ онъ.

«Да, ихъ Богъ дастъ».

— Такъ эта свѣтлая звѣздочка, которая сейчасъ упала, дожно быть и есть моя сестра?

— «Дитя!» сказала мать, улыбаясь.

А писано 22 октября, 1837 года, Вятка.

Записки одного молодого человѣка.

Вступленіе.

Твое предложеніе, другъ мой, удивило меня. Нѣсколько дней я думалъ о немъ. Въ эту грустную, томную, безцвѣтную эпоху жизни, въ этотъ болѣзненный переломъ, который еще, Богъ-вѣсть чѣмъ, кончится, «писать мои воспоминанія». Мысль эта сначала испугала меня; но когда мало-по-малу образы давно-прошедшіе наполнили душу, окружили радостной вереницей, — мнѣ жаль стало разстаться съ ними, и я рѣшился писать, для того, чтобъ остановить, удержать воспоминанія, пожить съ ними подольше; мнѣ такъ хорошо было подъ ихъ вліяніемъ, такъ привольно... Сверхъ того, думалось мнѣ, пока я буду писать, подольется вешняя вода и смоетъ съ мели мою барку.

А странно! Съ начала юности искалъ я дѣятельности, жизни полной; шумъ житейскій манилъ меня; но едва я началъ жить, какая-то bufera infernale завертѣла меня, бросила далеко отъ людей, очертила кругъ дѣятельности карманнымъ циркулемъ, велѣла сложить руки. Мнѣ пришлось въ молодости испытать отраду стариковъ: перебирать былое и вмѣсто того, чтобъ жить въ самомъ дѣлѣ, записывать прожитое. Дѣлать нечего! Я, вздохнувши, принялся за перо; но едва написалъ страницу, какъ мнѣ стало легче; тягость настоящаго дѣлалась менѣе чувствительна; моя веселость возвращалась; я оживалъ самъ съ прошедшимъ: разстояніе между нами исчезало. Моя работа стала мнѣ нравиться, я увлекался ею и, какъ комаръ Крылова, «изъ Ахиллеса сталъ Омиромъ»; и почему же нѣтъ, когда я прожилъ свою Илліаду?.. Цѣлая часть жизни окончена; я вступилъ въ новую область; тутъ другіе нравы, другіе люди: почему же не остановиться, перейдя межу, пока пройденное еще ясно видно? Почему не проститься съ нимъ по-братски, когда оно того стоитъ? Каждый день

насъ отдаляетъ другъ отъ друга, а возвращенія нѣтъ. Моя тетрадка будетъ надгробнымъ памятникомъ доли жизни, канувшей въ вѣчность. Въ ней будетъ записано, сколько я схоронилъ себя. Но скучна будетъ Илліада человѣка обыкновеннаго, ничего несовершившаго, и жизнь наша течетъ теперь по такому прозаическому, гладко-скошенному полю, такъ исполнена благоразумія и осторожности, etc., etc. — Я не вѣрю этому; нѣтъ, жизнь столько же разнообразна, ярка, исполнена поэзіи, страстей, коллизій, какъ житье-бытье рыцарей въ среднихъ вѣкахъ, какъ житье-бытье римлянъ и грековъ. Да и о какихъ совершеніяхъ идетъ рѣчь? Кто жилъ умомъ и сердцемъ, кто провелъ знойную юность, кто человѣчески страдалъ съ каждымъ страданьемъ и сочувствовалъ каждому восторгу, кто можетъ указать на *нее* и сказать: «вотъ моя подруга», на *него* и сказать: «вотъ мой другъ»,—тотъ *совершилъ кое-что.* «Каждый человѣкъ», говоритъ Гейне, «есть вселенная, которая съ нимъ родилась и съ нимъ умираетъ; подъ каждымъ надгробнымъ камнемъ погребена цѣлая всемірная исторія», и исторія каждаго существованія имѣетъ свой интересъ. Это понимали Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Теньеръ, вся фламандская школа. Интересъ этотъ состоитъ въ зрѣлищѣ развитія духа подъ вліяніемъ времени, обстоятельствъ, случайностей, растягивающихъ, укорачивающихъ его нормальное, общее направленіе.

Какая-то тайная сила заставила меня жить; тутъ моего мало. Для меня избрано время, въ немъ мое владѣніе; у меня нѣтъ на землѣ прошедшаго, ни будущаго не будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Откуда это тѣло, крѣпости котораго удивлялся Гамлетъ,—я не знаю. Но жизнь — мое естественное право; я распоряжаюсь хозяиномъ въ ней, вдвигаю свое «я» во все окружающее, борюсь съ нимъ, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь міръ, переплавляю его какъ въ горнилѣ, сознаю связь съ человѣчествомъ, съ безконечностью,—и будто *исторія* этого выработыванія отъ ребяческой непосредственности, отъ этого покойнаго сна на лонѣ матери, до сознанія, до требованія участія во всемъ человѣческомъ, до самобытной жизни — лишена интереса. Не можетъ быть!

Но довольно:

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten,
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt;
Versuch ich wohl euch diesmal festzuhalten?

Съ восхищеніемъ переживу я еще мои 25 лѣтъ, сдѣлаюсь опять ребенкомъ съ голой шеей, сяду за азбуку, потомъ встрѣчусь *съ нимъ* тамъ, на Воробьевыхъ горахъ, и упьюсь еще разъ

всѣмъ блаженствомъ первой дружбы; и тебя вспомню я, «старый домъ»: [1])

> Въ этой комнаткѣ—счастье былое,
> Дружба родилась и выросла тамъ,
> А теперь запустѣнье глухое,
> Паутины висятъ по угламъ.

Потомъ и вы, товарищи аудиторіи, окружите меня, и съ тобою, мой ангелъ, встрѣчусь я на кладбищѣ...

О, съ какимъ восторгомъ встрѣчу я каждое воспоминаніе... Выходите-жъ изъ гроба. Я каждое прижму къ сердцу и съ любовью положу опять въ гробъ...

Владиміръ на Клязьмѣ.
Весной 1838.

I.

Ребячество.

> Das Hœchste was wir von Gott und der Natur erhalten haben ist das Leben. . .
> Goethe.

До пяти лѣтъ я ничего ясно не помню, ничего въ связи... Голубой полъ въ комнаткѣ, гдѣ я жилъ; большой садъ и въ немъ множество воронъ. Идучи въ садъ, надобно было проходить сарай; тутъ обыкновенно сидѣлъ кучеръ Мосей съ огромной бородой, который ласкалъ меня и на котораго я смотрѣлъ съ какимъ-то подобострастіемъ; съ нимъ, кажется, ни за какія блага въ мірѣ я не рѣшился бы остаться наединѣ. Тогда при мнѣ уже была M-me Proveau, которая водила меня за руку по лѣстницѣ, занималась моимъ воспитаніемъ и, сверхъ того, по дружбѣ, въ свободные часы, присматривала за хозяйствомъ. Еще года два-три наполнены смутными, неясными воспоминаніями; потомъ мало по малу образы яснѣютъ, какъ деревья и горы, изъ-за тумана вырѣзываются мелкія подробности дѣтства и крупныя событія, о которыхъ всѣ говорили и которыя дошли даже до меня. Помню смерть Наполеона. Радовались, что Богъ прибралъ это чудовище, о которомъ было предсказано въ апокалипсисѣ; проницательные не вѣрили его смерти; болѣе-проницательные увѣряли, что онъ въ Греціи. Всѣхъ больше радовалась одна богомольная старушка, скитавшаяся изъ дома въ домъ по бѣдности и не работавшая по

---

[1]) Огаревъ «Старый домъ» написалъ въ 1840 году. Стихи эти прибавилъ я, отдавая Бѣлинскому статью въ концѣ сорокового года.

благородству,—она не могла простить Наполеону пожаръ въ Звенигородѣ, при которомъ сгорѣли двѣ коровы ея, связанныя съ нею нѣжнѣйшей дружбой. Разсказами о пожарѣ Москвы меня убаюкивали; сверхъ того, у меня были карты, гдѣ на каждую букву находилась каррикатура на Наполеона съ острыми двустишіями, напримѣръ:

Широкъ французъ въ плечахъ, ничто его неймеѳтъ,
Авось-либо моя нагайка зашибетъ.

и съ еще-болѣе острыми изображеніями, напр. Наполеонъ ѣдетъ на свиньѣ, и проч. Мудрено ли, что и я радовался смерти его?—Помню умерщвленіе Коцебу. За что Зандъ убилъ его, я никакъ не могъ понять, но очень помню, что племянникъ M-me Proveau, регезель въ аптекѣ на Моросейкѣ, отъ котораго всегда пахло ребарбаромъ съ розовымъ масломъ, человѣкъ отчаянный и ученый, приносилъ картинку, на которой былъ представленъ юноша съ длинными волосами, и разсказывалъ, что онъ убилъ почтеннаго старика, что юношѣ отрубили голову, *и я очень жалѣлъ, разумѣется, юношу*.

Я былъ совершенно одинъ; игрушки стали скоро мнѣ надоѣдать, а ихъ у меня было много: чего-чего не дарилъ мнѣ дядюшка! И кухню, въ которой готовился недѣли три обѣдъ, готовился бы и до сего дня и часа, ежели-бъ я не отклеилъ задней стѣны, чтобъ подсмотрѣть секретъ,—и избу, покрытую мохомъ, въ которой обиталъ купидонъ, весь въ фольгѣ, и lanterne magique, занимавшій меня всего болѣе.... Вотъ является на стѣнѣ яркое пятно и больше ничего; надумаешься тутъ,—что-то явится въ этихъ лучахъ славы и вогнутаго стекла... Вдругъ выступаетъ слонъ, увеличивается, уменьшается, точно живой; иной разъ пройдетъ вверхъ ногами, чего живому слону и не сдѣлать; потомъ Давидъ и Голіаѳъ дерутся и двигаются оба вмѣстѣ; потомъ арапъ, черный какъ моська Карла Ивановича, камердинера дядюшки (и она уже умерла, бѣдная Крапка!). Весело было смотрѣть на такое общество и вверхъ головою и вверхъ ногами. Но не доставало важнаго пополненія: некому было мнѣ показать его, и потому я часто покидалъ игрушки и просилъ Лизавету Ивановну что-нибудь разсказать, смиренно садился на скамеечку и часы цѣлые слушалъ ее съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Молчаливость не принадлежала къ числу добродѣтелей M-me Proveau: она не заставляла повторять просьбу и, продолжая вязать свой чулокъ, начинала разсказъ. Вязала она безпрестанно. Я полагаю, если бы сшить вмѣстѣ все связанное ею въ 58 лѣтъ, то вышла бы фуфайка, ежели не шару земному, то лунѣ (ей же и нужнѣе для ночныхъ прогулокъ). Дай Богъ ей царство небесное! Недолго

пережила она Наполеона и умерла такъ же далеко отъ своей родины, какъ онъ—только въ другую сторону. Но что же она мнѣ разсказывала? Во-первыхъ — это была ея любимая тема — какъ покойный мужъ ея былъ какимъ-то метр-д'отелемъ въ масонской ложѣ; какъ она разъ зашла туда: все обтянуто черным сукномъ, а на столѣ лежитъ черепъ на двухъ шпагахъ... Я дрожалъ, какъ осиновый листъ, слушая ее. На стѣнахъ висятъ портреты, и ежели кто измѣнитъ, стрѣляютъ въ портретъ, а оригиналъ падаетъ мертвый, хотя бы онъ былъ за тридевять земель, въ тридесятомъ государствѣ. Потомъ разсказывала она интересные отрывки изъ исторіи французской революціи: какъ опять-таки покойный сожитель ея чуть не попалъ на фонарь, какъ кровь текла по улицамъ, какіе ужасы дѣлалъ *Робеспьеръ*; и отрывки изъ собственной своей исторіи: какъ она жила при дѣтяхъ у одного помѣщика въ Тверской губерніи, который увѣрилъ ее, что у него по саду ходятъ медвѣди. «Ну, вотъ, я и пошла разъ уфъ садъ; клешу, клешу, идетъ медвѣдь престрашучій... Я только ахъ! и въ обморокъ, а почтенный сожитель чуть не выстрѣлилъ въ медвѣдя; кажется, за тѣмъ дѣло стало, что съ нимъ не было ружья; а медвѣдь былъ камердинеръ барина, который велѣлъ ему надѣть шубу шерстью вверхъ». Господи, какъ нравились мнѣ разсказы эти... Я ихъ послѣ искалъ въ «Тысячѣ-Одной Ночи»—и не нашелъ.

Въ русской грамотѣ мы оба тогда были недалеки: съ тѣхъ поръ я выучился по толкамъ, а Лизавета Ивановна умерла и можетъ доучиваться изъ первыхъ рукъ у Кирилла и Меѳодія.

Однако горестное время ученія подступило. Разъ вечеромъ, батюшка говорилъ съ дядюшкой, не отдать ли меня въ пансіонъ. Фу!.. Услышавъ это ужасное слово, я чуть не умеръ отъ страха, выбѣжалъ въ дѣвичью и горько заплакалъ: ночью просыпался, осматривался, не въ пансіонѣ ли я, и старался увѣрить себя, что страшное слово только приснилось. Впрочемъ, батюшка рѣшился воспитывать меня дома. И воспитанье мое началось, какъ разумѣется, съ французской грамоты. M-r Bouchot — первое лицо, являющееся возлѣ Лизаветы Ивановны въ дѣлѣ моего воспитанія; вслѣдъ за нимъ выступаетъ Карлъ Карловичъ [1]). M-r Bouchot былъ французъ изъ Меца, а Карлъ Карловичъ нѣмецъ изъ Сарепты и училъ музыкѣ. Параллель этихъ людей не безъ занимательности. Мужчина высокаго роста, совершенно плѣшивый, кромѣ двухъ, трехъ пасмъ волосъ безконечной длины на вискахъ, вѣчно въ синемъ фракѣ толстаго сукна, на стаметовой подкладкѣ,— таковъ былъ M-r Bouchot; важность отпечатлѣвалась не только

---

[1]) Иванъ Ивановичъ Экъ. Онъ давалъ долго уроки моему брату, но на меня имѣлъ очень мало вліянія. Портретъ его вѣренъ.

въ каждомъ поступкѣ его, но въ каждомъ движеніи (онъ кланялся ногами, улыбался одной нижней губой); голова у него ни разу не гнулась съ тѣхъ поръ, какъ перестали его пеленать, а это было очень давно, лѣтъ полтораста тому назадъ. Ко всему этому надобно прибавить французскую физіономію конца прошлаго вѣка, съ огромнымъ носомъ, нависшими бровями,—одну изъ тѣхъ физіономій, которыя можно видѣть на хорошихъ гравюрахъ, представляющихъ народныя сцены временъ федераціи. Я боялся Бушо, особенно сначала. Карлъ Карловичъ былъ тоже высокъ, но такъ тонокъ и гибокъ, что походилъ на развернутый англійскій футъ, который на каждомъ дюймѣ гнется въ обѣ стороны; фракъ у него былъ сѣренькій, съ перламутровыми пуговицами; панталоны черные, какой-то непонятной допотопной матеріи: они смиренно прятались въ сапоги à la Souvaroff, съ кисточками, и ихъ онъ выписывалъ изъ Сарепты; онъ свободно бралъ своими сухими, едва обтянутыми сморщившейся кожицей пальцами около двухъ октавъ на фортепьяно. Имѣя такой рѣшительный талантъ, мудрено ли, что Карлъ Карловичъ посвятилъ себя мусикійскому игранію? Карлъ Карловичъ провелъ свою жизнь въ чистѣйшей нравственности; это было одно изъ тѣхъ тихихъ, кроткихъ нѣмецкихъ существъ, исполненныхъ простоты сердечной, кротости и смиренія, которыя, неузнанныя никѣмъ, но счастливыя въ своемъ маленькомъ кружочкѣ, живутъ, любятъ другъ друга, играютъ на фортепьяно и умираютъ тихо, кротко, какъ жили. Онъ былъ женатъ въ незапамятныя времена; я пилъ малагу на золотой свадьбѣ его, и право, старичекъ и старушка любили другъ друга, какъ въ медовый мѣсяцъ.

Изъ сказаннаго можно себѣ составить понятіе о Карлѣ Карловичѣ: это лицо изъ легендъ реформаціи, изъ времени пуританизма во всей чистотѣ его. И Бушо былъ человѣкъ добрый, такъ точно, какъ лошадь — звѣрь добрый, по инстинкту, и къ нему, однако, какъ къ лошади, не всякій рѣшился бы подойти ближе размѣра ноги и копытъ. Онъ уѣхалъ изъ Парижа въ самый разгаръ революціи, и, припоминая теперь его слова и лицо, я воображаю, что citoyen Bouchot не былъ лишнимъ или празднымъ ни при взятіи Бастиліи, ни 10 августа; онъ обо всемъ говорилъ съ пренебреженіемъ, кромѣ Меца и тамошней соборной церкви; о революціи онъ почти никогда не говорилъ, но, какъ-то грозно улыбаясь, молчалъ о ней. Холостой, серьезный, важный, онъ со мной не тратилъ словъ, спрягалъ глаголы, диктовалъ изъ les Incas de Marmontel, разстанавливалъ accent grave и aigu, отмѣчалъ на полѣ сколько ошибокъ, бранился и уходилъ, опираясь на огромную сучковатую палку; *его никто никогда не билъ* [1]).

[1]) Это окончаніе искажено цензурой. Я заключалъ очеркъ характеристическимъ анекдотомъ. И. П. Экъ молодымъ человѣкомъ былъ сидѣль-

Не смотря на занимательность педагоговъ, я скучалъ; мнѣ некуда было дѣть мою дѣятельность, охоту играть, потребность раздѣлить впечатлѣнія и игры съ другими дѣтьми. Одинъ товарищъ, одна подруга была у меня—Берта, полу-шарлотъ и полуиспанская собака батюшки. Много дѣлилъ я съ нею времени, запрягалъ ее, бывало, ѣздилъ на ней верхомъ, дразнилъ ее, а въ зимніе дни сидѣлъ съ нею у печки: я пою пѣсни, а она спитъ, — и время идетъ незамѣтно. Тогда она была ужъ очень стара, а все еще кокетничала и носила длинныя уши съ мохнатой коричневой шерстью. Не я одинъ любилъ Берту: лакей нашъ Яковъ Игнатьевичъ не могъ пережить ее, просто умеръ съ горя и съ вина, черезъ недѣлю послѣ ея смерти. Кромѣ Берты, былъ у меня еще рессурсъ: дѣти повара, никогда не утиравшія носъ и вѣчно валявшіяся гдѣ-нибудь въ дряни на дворѣ. Но съ ними играть было мнѣ строго запрещено, и я, побѣждая разныя опасности, могъ едва на нѣсколько минутъ ускользнуть на дворъ, чтобъ порубить съ ними ледъ около кухни зимою, или замараться въ грязи лѣтомъ. Сверхъ того, я и играть почти не умѣлъ съ другими: малѣйшая оппозиція меня бѣсила, оттого что игрушки не перечили ни въ чемъ, а дѣти вообще большіе демократы и не терпятъ товарища, который беретъ верхъ надъ ними.

Между тѣмъ, важныя обстоятельства совершились. Лизавета Ивановна занемогла. Домовый лекарь сказалъ, что это легкая простуда, затопилъ ей внутренность ромашкой, залѣпилъ болѣзнь мушкой и очень удивился, заставъ однимъ добрымъ утромъ свою выздоравливающую на столѣ. Да, она умерла. Карлъ Карловичъ былъ ея душеприказчикомъ и тогда поссорился съ племянникомъ Лизаветы Ивановны, каретникомъ Шмальцгофомъ, у котораго носъ былъ красно-фіолетовый. Какъ теперь помню ея похороны: я провожалъ тѣло старухи на католическое кладбище и плакалъ.

Въ жизни моей много перемѣнилось: кончились разсказы Лизаветы Ивановны, кончилось патріархальное царствованіе ея надо мною; кончилась непомѣрная благость, съ которой она вступалась за обиды, нанесенныя мнѣ. Словомъ, весь прежній бытъ ниспровергнулся; во время Лизаветы Ивановны ходила за мною няня, столько же добрая какъ она, Вѣра Артамоновна, какъ двѣ капли воды похожая на индѣйку въ косынкѣ,—такая же шея въ складочкахъ и морщинахъ, тотъ же видъ ingénu. Теперь приста-

---

цемъ въ сарептской лавкѣ въ Москвѣ. Какой-то изъ дикихъ вельможъ того времени разгнѣвался на него и ударилъ его въ щеку. Экъ—кротко и спокойно—подставилъ другую. Дикой посмотрѣлъ на него—и вдругъ бросился ему на шею, прося прощенія. Съ тѣхъ поръ онъ былъ съ нимъ пріятелемъ до конца жизни. Почему цензура выпустила это? (Здѣсь, какъ и дальше, говорится объ искаженіяхъ цензуры 40-хъ годовъ).

вили ко мнѣ камердинера Ванюшку, которому я обязанъ первыми основаніями искусства курить табакъ (завертывая его въ мокрую бумажку, свернутую трубочкой) [1] и богатой фразеологіей, въ которой хозяиномъ раскинулся русскій духъ. Время, въ которое ребенка передаютъ съ женскихъ рукъ въ мужскія — эпоха, переломъ; съ мальчикомъ это бываетъ лѣтъ въ семь, восемь; съ дѣвочкой лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать.

Ребячество оканчивалось преждевременно; я бросилъ игрушки и принялся читать. Такъ иногда въ теплые дни февраля наливаются почки на деревьяхъ, подвергаясь ежедневно опасности погибнуть отъ мороза и лишить дерево лучшихъ соковъ. За книги принялся я скуки ради, само собою разумѣется, не за учебныя. Развившаяся охота къ чтенію выучила меня очень скоро по-французски и по-нѣмецки, и съ тѣмъ вмѣстѣ послужила вѣчнымъ препятствіемъ доучиться. Первая книга, которую я прочелъ con amore, была «Лолотта и Фанфанъ», вторая «Алексисъ или домикъ въ лѣсу». Съ легкой ручки мамзель Лолотты, я пустился читать безъ выбора, безъ устали, понимая, не понимая, старое и новое, трагедіи Сумарокова, «Россіаду», «Россійскій Ѳеатръ» etc. etc. И повторяю, это неумѣренное чтеніе было важнымъ препятствіемъ ученію. Покидая какой-нибудь томъ «Дѣтей Аббатства» и весь занятый лордомъ Мортимеромъ, могъ ли я съ охотой заниматься грамматикой и спрягать глаголъ aimer съ его адъютантами être и avoir, послѣ того какъ я зналъ, какъ спрягается онъ жизнію и въ жизни. Къ тому же романы я понималъ, а грамматику нѣтъ; то, что теперь кажется такъ ясно текущимъ изъ здраваго смысла, тогда представлялось какими-то путами, нарочно выдуманными затрудненіями. Бушо не любилъ меня и съ сквернымъ мнѣніемъ обо мнѣ уѣхалъ въ Мецъ. Досадно! Когда поѣду во Францію, заверну къ старику. Чѣмъ же мнѣ убѣдить его? Онъ измѣряетъ человѣка знаніемъ французской грамматики и то не какой-нибудь, а именно восьмымъ изданіемъ Ломондовой,—а я только не дѣлаю ошибокъ на санскритскомъ языкѣ, и то потому, что не знаю его вовсе. Чѣмъ же? Есть у меня доказательство,—ну ужъ, это мой секретъ, а старикъ сдастся, какъ бы только онъ не поторопился на тотъ свѣтъ. Впрочемъ, я и туда поѣду: мнѣ очень хочется путешествовать.

Перечитавъ всѣ книги, найденныя мною въ сундукѣ, стоявшемъ въ кладовой, я сталъ промышлять другія, и провизоръ на Маросейкѣ, приносившій когда-то Зандовъ портретъ и всегда занахъ ребарбара съ розой, прислалъ мнѣ засаленные и ощипанные томы Лафонтена; томы эти совершенно свели меня съ ума.

[1]) Тогда не знали сигаретокъ.

Я началъ съ романа Der Sonderling и пошелъ, и пошелъ!.. Романы поглотили все мое вниманіе: читая, я забывалъ себя въ камлотовой курточкѣ и переселялся послѣдовательно въ молодого Бургарда, Алкивіада, Ринальдо-Ринальдини и т. д. Но какъ мое умственное обжорство не знало мѣры, то вскорѣ не достало въ фармаціи на Маросейкѣ романовъ, а я началъ отыскивать вездѣ всякую дрянь, между прочимъ, отрылъ и «Письмовникъ Курганова», этотъ блестящій предшественникъ нравственно-сатирической школы въ нашей литературѣ. Богатымъ запасомъ истинъ и анекдотовъ украсилъ Кургановъ мою память; даже до сихъ поръ не забыты нѣкоторые, напр.: «Нѣкій польскій шляхтичъ вѣтрогоннаго нрава, желая оконфузить одного ученаго, спросилъ его, что значитъ оболъ, параболъ, фарболъ? Сей отвѣчалъ ему» и т. д... Можете въ самомъ источникѣ почерпнуть острый отвѣтъ.

Полезныя занятія Кургановымъ и Лафонтеномъ были вскорѣ прерваны новымъ лицомъ. Къ человѣку французской грамоты присоединился человѣкъ русской грамматики, Василій Евдокимовичъ Пациферскій [1]), студентъ медицины. Господи, Боже мой, какъ онъ, бывало, стучитъ дверью, когда прійдетъ, какъ снимаетъ калоши, какъ топаетъ! Волосы носилъ онъ ужасно длинные и никогда не чесалъ ихъ по выходѣ изъ рязанской епархіальной семинаріи; на иностранныхъ словахъ ставилъ онъ дикія ударенія школы, а французскія щедро снабжалъ греческой λ и русскимъ ъ на концѣ. Но благодарность студенту медицины: у него была теплая человѣческая душа, и съ нимъ съ первымъ сталъ я заниматься, хотя и не съ самаго начала.

Пока дѣло шло о грамматикѣ, которая шла въ корню, и о географіи и ариѳметикѣ, которыя бѣжали на пристяжкѣ, Пациферскій находилъ во мнѣ упорную лѣнь и разсѣянность, приводившую въ удивленіе самаго Бушо, не удивлявшагося ничему (какъ было сказано), кромѣ соборной церкви въ Мецѣ. Онъ не зналъ, что дѣлать, не принадлежа къ числу записныхъ учителей, готовыхъ за билетъ часъ цѣлый толковать свою науку каменной стѣнѣ. Василій Евдокимовичъ, краснѣя, бралъ деньги и нѣсколько разъ хотѣлъ бросить уроки. Наконецъ, онъ перемѣнилъ одну пристяжную и, наскоро прочитавши въ Геймѣ, изданномъ Титомъ Каменецкимъ, о ненужной и только для баланса выдуманной части свѣта Австраліи, принялся за исторію, и вмѣсто того, чтобъ задавать въ Шреккѣ *до отмѣтки ногтемъ*, онъ мнѣ разсказывалъ, что помнилъ и какъ помнилъ; я долженъ былъ на дру-

[1]) Иванъ Евдокимовичъ Протопоповъ, онъ былъ впослѣдствіи штабъ-лекаремъ въ какомъ-то карабинерномъ полку; носились слухи, что онъ былъ убитъ во время старорусскаго бунта.

гой день ему повторять *своими* словами и я исторіей началъ заниматься съ величайшимъ прилежаніемъ. Пациферскій удивился и, утомленный моею лѣнью въ грамматикѣ, онъ поступилъ какъ настоящій студентъ, положилъ ее къ сторонѣ, и, вмѣсто того, чтобъ мучить меня мѣстничествомъ между *е* и *ѣ*, онъ принялся за *словесность*. Повторяю, у него душа была человѣческая, сочувствовавшая изящному,—и лѣнивый ученикъ, занимавшійся во время класса вырѣзываніемъ іероглифовъ на столѣ, быстро усвоивалъ себѣ школьно-романтическія воззрѣнія будущаго медико-хирурга. Уроки Пациферскаго много способствовали къ раннему развитію моихъ способностей. Въ двѣнадцать лѣтъ я помню себя совершеннымъ ребенкомъ, не смотря на чтеніе романовъ; черезъ годъ я уже любилъ заниматься, и мысль пробудилась въ душѣ, жившей дотолѣ однимъ дѣтскимъ воображеніемъ.

Но въ чемъ-же состояло преподаваніе словесности Василія Евдокимовича? Мудрено сказать: это было какое-то отрицательное преподаваніе. Принимаясь за риторику, Василій Евдокимовичъ объявилъ мнѣ, что она пустѣйшая вѣтвь изъ всѣхъ вѣтвей и сучковъ древа познанія добра и зла, вовсе ненужная, «кому Богъ не далъ способности красно говорить, того ни Квинтиліанъ, ни Цицеронъ не научатъ, а кому далъ, тотъ родился съ риторикой» Послѣ такого введенія, онъ началъ по порядку толковать о фигурахъ, метафорахъ, хріяхъ. Потомъ онъ мнѣ предписалъ diurna manu nocturnaque переворачивать листы *Образцовыхъ Сочиненій*, гигантской хрестоматіи, томовъ въ двѣнадцать, и прибавилъ, для поощренія, что десять строкъ «Кавказскаго Плѣнника» лучше всѣхъ образцовыхъ сочиненій Муравьева, Капниста и компаніи. Не смотря на всю забавность отрицательнаго преподаванія, — въ совокупности всего, что говорилъ Василій Евдокимовичъ, проглядывалъ живой, широкій современный взглядъ на литературу, который я умѣлъ усвоить и, какъ обыкновенно дѣлаютъ послѣдователи, возвелъ въ квадратъ и въ кубъ всѣ односторонности учителя. Прежде я читалъ съ одинакимъ удовольствіемъ все, что попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы восьмидесятыхъ годовъ разныхъ комедій и романовъ; теперь я сталъ выбирать, цѣнить. Пациферскій былъ въ восторгѣ отъ новой литературы нашей, и я, бравши книгу, справлялся тотчасъ, въ которомъ году печатана и бросалъ ее, ежели она была печатана больше пяти лѣтъ тому назадъ, хотя-бы имя Державина или Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости. За то поклоненіе юной литературѣ сдѣлалось безусловно,—да она и могла увлечь именно въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь. Великій Пушкинъ явился царемъ-властителемъ литературнаго движенія; каждая строка его летала изъ рукъ въ руки; печатные экземпляры «не

удовлетворяли», списки ходили по рукамъ. «*Горе отъ Ума*» надѣлало болѣе шума въ Москвѣ, нежели всѣ книги, писанныя по русски отъ «Путешествія Коробейникова къ Святымъ Мѣстамъ» до «Плодовъ чувствованій» князя Шаликова. «Телеграфъ» начиналъ энергически свое поприще и неполными, угловатыми знаками своими быстро передавалъ европеизмъ; альманахи съ прекрасными стихами, поэмы сыпались со всѣхъ сторонъ; Жуковскій переводилъ Шиллера, Козловъ Байрона, и во всемъ, у всѣхъ была бездна надеждъ, упованій, вѣрованій горячихъ и сердечныхъ. Что за восторгъ, что за восхищеніе, когда я сталъ читать только что вышедшую первую главу «Онѣгина»! Я ее мѣсяца два носилъ въ карманѣ, вытвердилъ на память. Потомъ, года черезъ полтора я услышалъ, что Пушкинъ въ Москвѣ. О, Боже мой, какъ пламенно я желалъ увидѣть поэта! Казалось, что я выросту, поумнѣю, поглядѣвши на него. И я увидѣлъ, наконецъ, и всѣ показывали, съ восхищеніемъ говоря: «вотъ *онъ*, вотъ *онъ*».... [1])

Чацкій.

Вы помните?

Софья.

Ребячество?

Чацкій.

Да-съ, а теперь.....

Нѣтъ лучше промолчимъ, потому что Софья Павловна Фамусова совсѣмъ не параллельно развивалась съ нашей литературой...

Бушо уѣхалъ въ Мецъ; его замѣнилъ Mr. Маршаль. Маршаль былъ человѣкъ большой учености (въ французскомъ смыслѣ), нравственный, тихій, кроткій; онъ оставилъ во мнѣ память яснаго лѣтняго вечера безъ малѣйшаго облака. Маршаль принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые отъ роду не имѣли знойныхъ страстей, которыхъ характеръ свѣтелъ, ровенъ, которымъ дано настолько любви, чтобъ они были счастливы, но не настолько, чтобъ она сожгла ихъ. Всѣ люди такого рода классики par droit de naissance; его прекрасныя познанія въ древнихъ литературахъ дѣлали его, сверхъ того, классикомъ par droit de conquête. Откровенный почитатель изящной, ваятельной формы греческой поэзіи и вываянной изъ нея поэзіи вѣка Людовика XIV, онъ не зналъ и не чувствовалъ потребности знать глубоко-духовное искусство Германіи. Онъ вѣрилъ, что послѣ трагедій Расина нельзя читать варварскія драмы Шекспира, хотя въ нихъ и проблески-

[1]) Цензурный пропускъ.

ваетъ талантъ; вѣрилъ, что вдохновеніе поэта можетъ только выливаться въ глиняныя формы Батё и Лагарпа; вѣрилъ, что бездушная поэма Буало есть Corpus juris poeticis; вѣрилъ, что лучше Цицерона никто не писалъ прозой; вѣрилъ, что драмѣ такъ же необходимы три единства, какъ жиду одно обрѣзанье. При всемъ этомъ, ни въ одномъ словѣ Маршаля не было пошлости. Онъ сталъ со мною читать Расина въ то самое время, какъ я попался въ руки шиллеровымъ «Разбойникамъ»; ватага Карла Моора увела меня надолго въ богемскіе лѣса романтизма. Василій Евдокимовичъ неумолимо помогалъ разбойникамъ, и китайскіе башмаки лагарповскаго воззрѣнія рвались по швамъ и по кожѣ.

Изъ сказаннаго уже видно, что все ученье было безсистемно; оттого я выучился очень немногому и, вмѣсто стройнаго цѣлаго, въ головѣ моей образовалась безпорядочная масса разныхъ свѣдѣній, общихъ мѣстъ, переплетенныхъ фантазіями и мечтами. Наука за то для меня не была мертвой буквой, а живою частью моего бытія; но это увидимъ послѣ. Ко времени, о которомъ рѣчь, относится самая занимательная статья моего дѣтства. Міръ книжный не удовлеторялъ меня; распускавшаяся душа требовала живой симпатіи, ласки, товарища, любви, а не книгу,—и я вызвалъ, наконецъ, себѣ симпатію, и еще изъ чистой груди дѣвушки.

Jetzt mit des Zuckers
Linderndem Saft
Zaehmet die herhe, brennende Kraft.
Schiller.

Еще въ тѣ времена, когда были живы M-me Прово и M-me Берта, Бушо не уѣзжалъ въ Мецъ, а Карлъ Карловичъ не улеталъ въ рай съ звуками органа, гостила у насъ иногда родственница, пріѣзжавшая изъ Владимірской губерніи; сначала она была маленькая дѣвушка, потомъ дѣвушка побольше. Пріѣзжала она изъ Меленокъ всегда въ сопровожденіи своей тетки, разительно похожей на принцессу ангулемскую и на брабантскія кружева; эта тетка имѣла пріятное обыкновеніе ежегодно класть деньги въ ломбардъ. У меленковской родственницы была душа добрая, мечтательная; дѣвицы вообще несравненно экспансивнѣе нашего брата, въ нихъ есть теплота всегда грѣющая, есть симпатія всегда готовая любить; у нихъ рѣдко чувства подавлены эгоизмомъ и нѣтъ мужского, разсчетливаго ума. Она въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ приголубила меня, приласкала; ей стало жаль, что я такъ одинокъ, такъ безъ привѣта; она со мною, тринадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, стала обходиться, какъ съ большимъ; я полюбилъ ее отъ всей души за это; я подалъ ей съ горяч-

ностью мою маленькую руку, поклялся въ дружбѣ, въ любви, и теперь, черезъ 13 другихъ лѣтъ, готовъ снова протянуть руку,— а сколько обстоятельствъ, людей, верстъ протѣснилось между нами!.. Свѣтлымъ призракомъ прилетала она съ береговъ Клязьмы и надолго исчезала потомъ; тогда я писалъ всякую недѣлю эпистолы въ Меленки и въ этихъ эпистолахъ сохранились всѣ тогдашнія мечты и вѣрованія. Она въ долгу не оставалась, отвѣчала на каждое письмо и расточала съ чрезвычайной щедростью существительныя и прилагательныя для описанія меленковскихъ окрестностей, своей комнаты съ зелеными шторочками и съ лиловыми левкойчиками на окнахъ. Но я мало довольствовался письмами и ждалъ съ нетерпѣніемъ ея самой; рѣшено было, что она пріѣдетъ къ намъ на цѣлые полгода; я разсчитывалъ по пальцамъ дни... И вотъ, однимъ зимнимъ вечеромъ сижу я съ Васильемъ Евдокимовичемъ; онъ толкуетъ *о четырехъ родахъ* поэзіи и запиваетъ квасомъ каждый родъ. Вдругъ шумъ, поцѣлуи, громкій разговоръ радости, ея голосъ... Я отворилъ дверь: по залѣ таскаютъ узелки и картончики; щеки вспыхнули у меня отъ радости, я не слушалъ больше, что Иванъ Евдокимовичъ говорилъ о дидактической поэзіи (можетъ, потому и поднесь не понимаю ея, хотя съ тѣхъ поръ и имѣлъ случай прочесть петрозиліусову поэму «О фарфорѣ»); черезъ нѣсколько минутъ, она пришла ко мнѣ въ комнатку и послѣ оскорбительнаго: «Ахъ, какъ ты выросъ!»—она спросила, чѣмъ мы занимаемся. Я гордо отвѣчалъ: «Разборомъ поэтическихъ сочиненій». Даже красное мериносовое платье помню, въ которомъ она явилась тогда передо мною. Но, увы! времена перемѣнились: она волосы зачесала въ косу; это меня оскорбило,—меня съ воротничками à l'enfant: новая прическа такъ рѣзко переводила ее въ совершеннолѣтнюю. Она знала мою скорбь о локонахъ, и въ мое рожденье, 25-го марта, причесалась опять по-дѣтски. Чудный день былъ день моего рожденія! Она подарила мнѣ кольцо чугунное на серебрянной подкладкѣ; на немъ было вырѣзано ея имя, какой-то девизъ, какой-то знакъ, змѣиная голова и проч.; вечеромъ мы читали на память отрывокъ изъ «Фингала»,—она была Моина, я Фингалъ (вѣроятно, я сюрпризомъ для себя твердилъ ко дню рожденья стихи), съ тѣхъ поръ еще ни раза я не развертывалъ Озерова. Лѣнивѣе опять пошло ученье: живая симпатія мнѣ нравилась больше книги. Ни съ кѣмъ и никогда до нея я не говорилъ о чувствахъ, а между тѣмъ ихъ было ужъ много, благодаря быстрому развитію души и чтенію романовъ. Ей-то передалъ я первыя мечты, мечты пестрыя, какъ райскія птицы, и чистыя, какъ дѣтскій лепетъ; ей писалъ я разъ двадцать въ альбомъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки, даже, помнится, по-латынѣ. Она пресерьезно выслу-

шивала меня и увѣряла еще больше, что *я рожденъ быть* Роландомъ Роландини или Алкивіадомъ; я еще больше полюбилъ ее за эти удостовѣренія. Отогрѣвался я тогда за весь холодъ моей короткой жизни милою дружбою меленковской пери. Передавъ другъ другу плоды чувствованій, мы принялись вмѣстѣ читать сначала разныя повѣсти: «Векфильдскаго Священника», «Нуму Помпилія» Флоріана и т. п., обливая ихъ рѣками горючихъ слезъ; потомъ принялись за «Анахарсисово Путешествіе», и она имѣла самоотверженіе слушать эту, положимъ, чрезвычайно ученую, полезную и умную, но тѣмъ не менѣе скучную и безжизненную компиляцію въ семь томовъ.

Не знаю, было-ли ея вліяніе на меня хорошо во всѣхъ смыслахъ. При многихъ истинныхъ и прекрасныхъ достоинствахъ, маленковская кузина не была освобождена отъ натянутой «сентиментальности,» которая прививается дѣвушкамъ въ дортуарахъ женскихъ пансіоновъ, гдѣ онѣ выкалываютъ булавками вензеля на рукѣ, гдѣ даютъ обѣты годъ не снимать такой-то ленточки; не была она также свободна отъ моральныхъ сентенцій, этой лебеды, наполнявшей романы и комедіи прошлаго вѣка. Она любила, чтобъ ее звали Темирой, и всѣ родственники звали ее такъ; ужъ это одно доказываетъ сентиментальность; просто человѣкъ не согласится въ XIX вѣкѣ называться Пленирой, Темирой, Селеной, Усладомъ. Я вскорѣ взбунтовался противъ классическаго имени, совѣтовалъ ей, на зло Буало [1]), назваться Toinon; а когда вышла вторая книжка «Онѣгина», совѣтовалъ рѣшительно остаться Татьяной, какъ священникъ крестилъ. Перемѣна имени мало помогла: Таня, по-прежнему, при каждой встрѣчѣ съ блѣдной подругой земного шара, дѣлала къ ней лирическое воззваніе, по-прежнему сравнивала свою жизнь съ цвѣтками, брошенными въ «буйныя волны» Клязьмы; любила она въ досужные часы поплакать о своей горькой участи, о гоненіяхъ судьбы (которая гнала ее, впрочемъ, очень скромно, такъ, что со стороны ея удары были вовсе незамѣтны), о томъ, что «никто въ мірѣ ея не понимаетъ». Это—лафонтеновскій элементъ. Не лучше его былъ и жанлисовски-моральный: она меня, который читалъ чортъ-знаетъ что, умоляла не дотрогиваться до Вертера, рекомендовала нравственныя книги и проч. Теперь все это мнѣ кажется смѣшно, но тогда Таня была для меня валкирія: я покорно слушался ея прорицаній. Она очень хорошо знала свой авторитетъ, и потому угнетала меня; когда же я возмущался, и она видѣла опасность потерять власть, слезы текли у ней изъ глазъ, дружескіе, теплые упреки изъ устъ; мнѣ

---

[1]) Et changer, sans respect de l'oreille et du son .
Lycidas en Pierrot, et Philis en Toinon. — Art Poétique.

становилось жаль ея; я казался себѣ виноватымъ, и тронъ ея стоялъ опять незыблемо. Надобно замѣтить, дѣвушки лѣтъ въ 18-ть вообще любятъ пошколить мальчика, который имъ попадется въ руки и надъ которымъ онѣ пробуютъ оружіе, приготовленное для завоеваній болѣе важныхъ; зато какъ же и ихъ школятъ мальчики потомъ, лѣтъ восьмнадцать къ ряду, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже! Итакъ, я слушался Тани, сентиментальничалъ, и подъчасъ нравственныя сентенціи, блѣдныя и тощія, служили финаломъ моихъ рѣчей. Воображаю, что въ эти минуты я былъ очень смѣшонъ; живой характеръ мой мудрено было обязать конфектнымъ билетомъ ложной чувствительности, и вовсе мнѣ не было къ лицу ваять нравственныя сентенціи изъ патоки безъ инбиря, жанлисовской морали. Но что дѣлать! я прошелъ черезъ это, а, можетъ, оно и не дурно: сентиментальность развела, подсластила «жгучую силу» и, слѣдственно, поступила по фармокопеѣ Шиллера [1]); самый возрастъ отчасти способствовалъ къ развитію нѣжности. Для меня наставало то время, когда ребячество оканчивается, а юность начинается: это обыкновенно бываетъ въ 16 лѣтъ. Ребячья наивная красота пропадаетъ, юношеская еще не является; въ чертахъ дисгармонія, онѣ дѣлаются грубѣе, нѣтъ граціи, голосъ переливается изъ тонкаго въ толстый, глаза томны, а подъчасъ заискрятся, щеки блѣдны, а подъ-часъ вспыхнутъ,—физическое совершеннолѣтіе наступаетъ. То же происходитъ въ душѣ: неопредѣленныя чувства, зародыши страстей, волненіе, томность, чувство чего-то тайнаго, невѣдомаго, и вслѣдъ за тѣмъ юность, восторженный лиризмъ, полный любви, раскрытыя объятія всему міру божьему... Ранній цвѣтокъ, я скорѣе достигъ этой эпохи, и распукольки въ моей душѣ развернулись въ 14 лѣтъ; я чувствовалъ, что ребячество кончилось, а юность началась, и обижался, что никто не замѣчаетъ перелома въ моемъ бытіи. По несчастію, замѣтилъ это Василій Евдокимовичъ и началъ въ силу того преподавать мнѣ эстетику, въ которой, не тѣмъ будь помянутъ, онъ былъ крайне недалекъ, и тогда же заставилъ меня писать статьи. Жаль, очень жаль, что, когда мы переѣзжали изъ стараго дома въ новый, пропали эти статьи! Съ какимъ наслажденіемъ перечиталъ бы я ихъ теперь! Чего я не писалъ! Были статьи, писанныя взапуски съ Темирой, были литературные обзоры и въ нихъ я «уничтожалъ» классицизмъ. Василій Евдокимовичъ приходилъ въ восторгъ, поправляя (и немудрено, его же мысли повторялись мною). Я перевелъ свои обзоры на французскій языкъ и гордо подалъ Маршалю: «Вотъ, молъ, какъ я уважаю вашего Буало». Были и историческія статьи: сравненіе Марѳы Посадницы (то

[1]) См. эпиграфъ.

есть не настоящей, а той спартанской Мареы, о которой повѣсть написалъ Карамзинъ) съ Зиновіей Пальмирской; Бориса Годунова съ Кромвелемъ. Жаль, что я не писалъ моихъ сравненій по-французски, а то я увѣренъ, что они были настолько негодны, что попали бы образцами въ Ноэлевъ «Курсъ словесности», въ отдѣленіе Parallèles et Caractères.

Такъ оканчивался періодъ прозябанія моей жизни. Вотъ предыдущее, съ которымъ я вошелъ въ пропилеи юности. Маршаль завѣщалъ мнѣ любовь къ изящной формѣ, любовь къ Греціи и Риму, логическую ясность, исторію французской литературы и art poétique Буало, котораго первую пѣснь помню до сихъ поръ; Василій Евдокимовичъ завѣщалъ поклоненіе Пушкину и юной литературѣ, метафизическую неясность романтизма и тетрадь *писанныхъ* стиховъ, которые я еще лучше вытвердилъ на память, нежели Буало; Темира—искреннее, теплое чувство любви и дружбы, слезы о «Векфильдскомъ Священникѣ» и потомъ о ней самой, когда она осенью уѣхала въ Меленки. Ergo, съ одной стороны, классицизмъ въ видѣ Маршаля, съ другой, романтизмъ въ видѣ Пациферскаго, и жизнь въ видѣ Темиры,—а въ средоточіе всего я самъ, мальчикъ пылкій, готовый ко всякимъ впечатлѣніямъ, не по лѣтамъ умудрившійся, развитый отчасти насильственно, или вѣрнѣе, искусственно, чтеніемъ романовъ и вѣчнымъ одиночествомъ.

Такъ продолжалась моя жизнь до пятнадцатаго года.

II.

Юность.

Respect vor den Traumen deiner jugend!
Schiller

Gaudeamus igitur
Juvenes dum sumus!..

Прелестное время въ развитіи человѣка, когда дитя сознаетъ себя юношею и требуетъ въ первый разъ доли во всемъ человѣческомъ: дѣятельность кипитъ, сердце бьется, кровь горяча, силъ много, а міръ такъ хорошъ, новъ, свѣтелъ, исполненъ торжества, ликованія, жизни... Удаль Ахиллеса и мечтательность Позы наполняютъ душу. Время благородныхъ увлеченій, самопожертвованій, платонизма, пламенной любви къ человѣчеству, безпредѣльной дружбы; блестящій прологъ, за которымъ часто, часто слѣдуетъ пошлая, мѣщанская драма.

Разумъ восходитъ,—но, проходя черезъ облака фантазій, онъ окрашиваетъ, какъ восходящее солнце, пурпуромъ весь міръ. Освѣщенье истинное, которое исчезаетъ, должно исчезнуть, но прелестное, какъ лѣтнее утро на берегу моря. О, юность, юность!..

И я въ Аркадіи родился!

Беззаботно отдался я стремительнымъ волнамъ; онѣ увлекли меня далеко за предѣлы тихаго русла частной жизни! Мнѣ нравились упругія волны, безконечность; будущее рисовалось какимъ-то ипподромомъ, въ концѣ котораго ожидаетъ стоустая слава и дѣва любви, вѣнокъ лавровый и вѣнокъ миртовый; я предчувствовалъ, какъ моя жизнь вплетется блестящей пасмой въ жизнь человѣчества, воображалъ себя великимъ, доблестнымъ... Сердце раздавалось, голова кружилась... Право, хороша была юность! Она прошла; жизнь не кипитъ больше, какъ пѣнящееся вино; элементы души приходятъ въ равновѣсіе, тихнутъ; наступаетъ совершеннолѣтній возрастъ, и да будетъ благословенно и тогдашнее бѣшеное кипѣніе, и нынѣшняя предвозвѣстница гармоніи! Каждый моментъ жизни хорошъ, лишь бы онъ былъ вѣренъ себѣ; дурно, если онъ является не въ своемъ видѣ. Не люблю я скромныхъ, чопорныхъ, образцовыхъ молодыхъ людей, они мнѣ напоминаютъ Алексѣя Степановича Молчалина; они не постигли жизни, они не питали теплой кровью своего сердца отрадныхъ вѣрованій, не рвались участвовать въ міровыхъ подвигахъ. Они не жили надеждами на великое призваніе, они не лили слезъ горести при видѣ несчастія и слезъ восторга, созерцая изящное, они не отдавались бурному восторгу оргіи, у нихъ не было потребности друга,—и не полюбитъ ихъ дѣва любовью истинной; ихъ удѣлъ утонуть съ головою въ толпѣ. Пусть юноши будутъ юношами. Совершеннолѣтіе покажетъ, что провидѣніе не отдало такъ много во власть каждаго человѣка; что человѣчество развивается по своей міровой логикѣ, въ которой нельзя перескочить черезъ терминъ въ угоду индивидуальной воли; совершеннолѣтіе покажетъ необходимость частной жизни; почка, принадлежавшая человѣчеству, разовьется въ отдѣльную вѣтвь, но, какъ говоритъ Жуковскій о волнѣ:

Влившися въ море, она назадъ изъ него не польется.

Душа, однажды предавшаяся универсальной жизни, высокимъ интересамъ, и въ практическомъ мірѣ будетъ выше толпы, симпатичнѣе къ изящному; она не забудетъ моря и его пространства... Но я забываю себя; вотъ что значитъ заговорить о юности.

Темира уѣхала въ Меленки. Я долго смотрѣлъ на вороты, пропустившія коляско-бричку, въ которой повезли ее; день былъ

мертво-осенній. Печально воротился я въ свою комнатку и развернулъ книгу. Старый другъ... опять книга, одна книга осталась товарищемъ; я принялся тщательно перечитывать греческую и римскую исторію. Разумѣется, я за исторію принялся не такъ, какъ за книгу народовъ, зерцало того и сего, а опять какъ за романъ и читалъ ее по той же методѣ, то-есть самъ выступая на сцену въ акрополисѣ и на форумѣ. Еще больше разумѣется, что Греція и Римъ, возстановленные по Сегюру, были нелѣпы, но живы и соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ. Театральныхъ натяжекъ, всѣхъ этихъ Курціевъ, бросающихся въ пропасти, вовсе не существующія, Сцеволъ, жгущихъ себѣ руки по локоть, и пр., я не замѣчалъ, а гражданскія добродѣтели ихъ понималъ. Напрасно нынче возстаютъ противъ прежней методы пространно преподавать дѣтямъ древнюю исторію, это эстетическая школа нравственности. Великіе люди Греціи и Рима имѣютъ въ себѣ ту поражающую, пластическую, художественную красоту, которая навѣкъ отпечатлѣвается въ юной душѣ. Оттого-то эти величественныя тѣни Ѳемистокла, Перикла, Александра провожаютъ насъ черезъ всю жизнь, такъ какъ ихъ самихъ провожали величественные образы Зевса, Аполлона. Въ Греціи все было такъ проникнуто изящнымъ, что самые великіе люди ея похожи на художественныя произведенія. Не напоминаютъ ли они собою, напримѣръ, свѣтлый міръ греческаго зодчества? Та же ясность, гармонія, простота, юношество, благодатное небо, чистая дѣтская совѣсть; даже черты лица плутарховыхъ героевъ такъ же дивно изящны, открыты, исполнены мысли, какъ фронтоны и портики Парфенона. Самое тріединое зодчество Греціи имѣетъ параллель съ героями ея трехъ эпохъ; такъ изящное тѣсно спаяно было у нихъ съ ихъ жизнію. Гомерическіе герои—не дорическія ли это колонны, твердыя, безъискусныя? Герои персидскихъ войнъ и пелопонезской не сродни ли іоническому стилю, такъ, какъ Алкивіадъ изнѣженный—тонкой, кудрявой коринѳской колоннѣ? Пусть же встрѣчаютъ эти высоко изящныя статуи юношу при первомъ шагѣ его въ область сознанія, съ высоты величія своего вперятъ ему первые уроки гражданскихъ добродѣтелей...

Сильно дѣйствовало на меня чтеніе греческой и римской исторіи. Я скорбѣлъ о томъ, что этотъ міръ добродѣтелей и энергіи давно схороненъ, плакалъ на его могилѣ, какъ вдругъ болѣе внимательное чтеніе одного автора, бывшаго въ моихъ рукахъ, доказало мнѣ, что и тотъ міръ, который окружаетъ меня, въ которомъ я живу, не изъятъ доблестнаго и великаго. Открытіе это сдѣлало переворотъ въ моемъ бытіи.

Шиллеръ! благословляю тебя, тебѣ обязанъ я святыми минутами начальной юности! Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ

на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей! Ты по превосходству поэтъ юношества. Тотъ же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее: «туда, туда!», тѣ же чувства благородныя, энергическія, увлекательныя; та же любовь къ людямъ, и та же симпатія къ современности... Однажды взявъ Шиллера въ руки, я не покидалъ его, и теперь, въ грустныя минуты, его чистая пѣснь врачуетъ меня. Долго ставилъ я Гёте ниже его. Для того, чтобъ умѣть понимать Гёте и Шекспира, надобно, чтобъ всѣ способности развернулись, надобно познакомиться съ жизнію, надобны грозные опыты, надобно пережить долю страданій Фауста, Гамлета, Отелло. Стремленье къ добродѣтели, горячая симпатія къ высокому достаточны, чтобъ сочувствовать Шиллеру. Я боялся Гёте; онъ оскорблялъ меня своимъ пренебреженіемъ, своимъ несимпатизированіемъ со мною,—симпатіи со вселенной я понять тогда не могъ. Пусть, думалъ я, Гёте—море, на днѣ котораго невѣсь какія драгоцѣнности, я люблю лучше германскую рѣку, этотъ Рейнъ, льющійся между феодальными замками и виноградниками, Рейнъ, свидѣтель тридцатилѣтней войны, отражающій Альпы и облака, покрывающія ихъ вершины. Я забывалъ тогда, что рѣка вливается тоже въ море, въ землеобнимающій океанъ, равно нераздѣльный съ небомъ и съ землею. Гораздо послѣ, мощный Гёте увлекъ меня; я тогда еще не вполнѣ понялъ его, но почувствовалъ его *морскую* волну, его глубину, его пространство и (болѣзнь юности никогда не знать вѣса и мѣры!) на Шиллера взглянулъ иначе, тѣмъ взглядомъ, которымъ юноша, пріѣхавшій въ отпускъ, смотритъ на добрыя черты старца-воспитателя, привыкнувъ къ строгому лицу своего начальника,—немножко внизъ, немножко съ благосклонностью. Но я скоро опомнился, покраснѣлъ отъ своей неблагодарности и съ горячими слезами раскаянія бросился въ объятія Шиллера. Имъ обоимъ не тѣсно было въ мірѣ,—не тѣсно будетъ и въ моей груди; они были друзьями,—такими да идутъ въ потомство.

Но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, я никакъ не могъ понимать Гёте: у него въ груди не билось такъ человѣчески-нѣжное сердце, какъ у Шиллера. Шиллеръ съ своимъ Максомъ, Донъ-Карлосомъ жилъ въ одной сферѣ со мною,—какъ же мнѣ было не понимать его. Суха душа того человѣка, который въ юности не любилъ Шиллера, завяла у того, кто любилъ да пересталъ!

У меня страсть перечитывать поэмы великихъ maestri: Гёте, Шекспира, Пушкина, Вальтеръ-Скотта. Казалось бы, зачѣмъ читать одно и то же, когда въ это время можно «украсить» свой умъ произведеніями гг. А. В. С.? Да въ томъ-то и дѣло, что это не одно и то же; въ промежутки какой-то духъ мѣняетъ очень много

въ вѣчно-живыхъ произведеніяхъ маэстровъ. Какъ Гамлетъ, Фаустъ прежде были шире меня, такъ и теперь шире, не смотря на то, что я убѣжденъ въ своемъ расширеніи. Нѣтъ, я не оставлю привычки перечитывать, по этому я наглазно измѣряю свое возрастаніе, улучшеніе, паденіе, направленіе. Прошли годы первой юности и надъ Мооромъ, Позой выставилась мрачная, задумчивая тѣнь Валленштейна, и выше ихъ парила Дѣва Орлеанская; прошли еще годы—и Изабелла, дивная мать, стала рядомъ съ гордой дѣвственницей. Гдѣ-же прежде была Изабелла? Мѣста, приводившія меня пятнадцатилѣтняго въ восторгъ, поблекли, напр. студентскія выходки, сентенціи въ «Разбойникахъ», а тѣ, которыя едва обращали вниманіе, захватываютъ душу. Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ, и особенно Шиллера, поэта благородныхъ порывовъ, чтобъ поймать свою душу, если она начнетъ сохнуть! Человѣчество своимъ образомъ перечитываетъ цѣлыя тысячелѣтія Гомера и это для него оселокъ, на которомъ оно пробуетъ силу возраста. Лишь только Греція развилась,—она Софокломъ, Праксителемъ, Зевксисомъ, Еврипидомъ, Есхиломъ повторила образы, завѣщанные колыбельной пѣснью ея, Иліадой; потомъ Римъ попытался возсоздать ихъ по своему, стоически, Сенекою; потомъ Франція напудрила ихъ и надѣла башмаки съ пряжками — Расиномъ; потомъ падшая Италія перечитала ихъ чернымъ Альфіери; потомъ Германія возсоздала своимъ Гете Ифигенію, и на ней увидѣла всю мощь его....

Тутъ недостаетъ нѣсколькихъ страницъ... А досадно, должно быть, онѣ занимательны. Кстати, я не догадался объяснить въ предисловіи (можетъ быть, потому что его вовсе нѣтъ), какъ мнѣ попалась эта тетрадь; потому, пользуясь свободнымъ мѣстомъ, оставленнымъ выдранными страницами, я объяснюсь въ *междусловіи*, и притомъ считаю это необходимымъ для предупрежденія догадокъ, заключеній и пр. Тетрадь, въ которой описываются похожденія любезнаго молодого человѣка, попалась мнѣ въ руки совершенно нечаянно и—чему не всякій повѣритъ—въ Вяткѣ, окруженной лѣсами и черемисами, болотами и исправниками, вотяками и становыми приставами, — въ Вяткѣ, засыпанной снѣгомъ и всякаго рода дѣлами, кромѣ литературныхъ. Но должно ли дивиться, что какая-нибудь тетрадь попалась въ Вятку?.. «Нашъ вѣкъ, вѣкъ чудесъ», говаривалъ Фонтенель, жившій въ прошломъ вѣкѣ... Тетрадь молодого человѣка была забыта, вѣроятно, самимъ молодымъ человѣкомъ на станціи; смотритель, возивши для ревизованія книги въ губернскій городъ, подарилъ ее почтовому чиновнику. Почтовый чиновникъ далъ ее мнѣ,—я ему не отдавалъ ея. Но прежде меня онъ давалъ ее поиграть черной quasi-датской собакѣ; собака, болѣе скромная, нежели я,

не присвоивая себѣ всей тетради, выдрала только мѣста, особенно пришедшія на ея quasi-датскій вкусъ; и, говоря откровенно, я не думаю, чтобъ это были худшія мѣста. Я буду отмѣчать, гдѣ выдраны листья, гдѣ остались одни городки, и прошу помнить, что единственный виновникъ—черная собака; имя же ей *Пултусъ*. — Послѣ выдранныхъ страницъ продолжается рукопись такъ [1]).

Поза, Поза! гдѣ ты, юноша-другъ, съ которымъ мы обручимся душою, съ которымъ выйдемъ рука-объ-руку въ жизнь, крѣпкіе нашей любовью? Въ этомъ вопросѣ будущему было упованіе и молитва, грусть и восторгъ. Я вызывалъ симпатію, потому что не было мѣста въ одной груди вмѣстить все, волновавшее ее. Мнѣ надобна была другая душа, которой я могъ бы высказать свою тайну; мнѣ надобны были глаза полные любви и слезъ, которые были бы устремлены на меня; мнѣ надобенъ былъ другъ, къ которому я могъ бы броситься въ объятія, и въ объятіяхъ котораго мнѣ было бы просторно, вольно. Поза, гдѣ же ты?..

Онъ былъ близокъ.

Въ мірѣ все подтасовано: это старая истина; ее разсказалъ какой-то аббатъ на вечерѣ у Дидро. Одни *честные* игроки не догадываются и ссылаются на случай. Счастливый случай, думаютъ они, вызвалъ любовь Дездемоны къ мавру; несчастный случай затворилъ душу Эсмеральды для Клода Фролло. Совсѣмъ нѣтъ, все подтасовано, и лишь только потребность истинная, сильная, потребность друга захватила мою душу, онъ явился, прекрасный и юный, какимъ мечтался мнѣ, какимъ представлялъ его Шиллеръ. Мы сблизились по какому-то тайному влеченію, такъ, какъ въ растворѣ сближаются два атома однороднаго вещества непонятнымъ для нихъ сродствомъ.

Въ маломъ числѣ моихъ знакомыхъ былъ полу-юноша, полуребенокъ, однихъ лѣтъ со мною, кроткій, тихій, задумчивый; печально сидѣлъ онъ обыкновенно на стулѣ и какъ-то невнимательно смотрѣлъ на окружающіе предметы своими большими сѣрыми глазами, особо разсѣченными и того сѣраго цвѣта, который лучше голубого. Непонятною силою тяготѣли мы другъ къ другу; я предчувствовалъ въ немъ брата, близкаго родственника душѣ,— и онъ во мнѣ то же. Но мы боялись показать начинавшуюся дружбу; мы оба хотѣли говорить *ты*, и не смѣли даже въ запискахъ употреблять слово «другъ», придавая ему смыслъ обширный и святой... Милое время дѣтской непорочности и чистоты

---

[1]) Бѣлинскій показывалъ рукопись мою цензору до посылки въ цензуру. Онъ отмѣтилъ нѣсколько мѣстъ—какъ совершенно невозможныя. Вотъ что подало мысль ихъ выпустить предварительно и отмѣтить въ текстѣ.

душевной!.. Мало-по-малу слова дружбы и симпатіи начали врываться стороною, какъ бы нехотя; посылая мнѣ «Идилліи» Геснера, онъ написалъ маленькое письмецо и въ раздумьи подписалъ: «вашъ другъ ли,—не знаю еще». Передъ отъѣздомъ моимъ въ деревню онъ приносилъ томъ Шиллера, гдѣ его «Philosophische Briefe», и предложилъ читать вмѣстѣ... Ахъ, какъ билось сердце, слезы навертывались на глазахъ. Мы тщательно скрывали слезы. «Ты уѣхалъ, Рафаилъ,—и желтыя листья валятся съ деревьевъ, и мгла осенняго тумана, какъ гробовой покровъ, лежитъ на вымершей природѣ. Одиноко брожу я по печальнымъ окрестностямъ, зову моего Рафаила, и больно, что онъ не откликается мнѣ». Я схватилъ Карамзина и читалъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ Агатона, нѣтъ моего друга». Мы явно понимали, что каждый изъ насъ адресуетъ эти слова отъ себя, но боялись прямо сказать. Такъ дѣлаютъ *неопытные* влюбленные, отмѣчая другъ другу мѣста въ романахъ; да мы и были à la lettre влюбленные, и влюблялись съ каждымъ днемъ больше и больше. Дружба, прозябнувшая подъ благословеніемъ Шиллера, подъ его благословеніемъ расцвѣтала: мы усвоивали себѣ характеры всѣхъ его героевъ. Не могу выразить всей восторженности того времени. Жизнь раскрывалась предъ нами торжественно, величественно; мы откровенно клялись пожертвовать наше существованіе во благо человѣчеству; чертили себѣ будущность несбыточную, безъ малѣйшей примѣси самолюбія, личныхъ видовъ. Свѣтлые дни юношескихъ мечтаній и симпатіи, они проводили меня далеко въ жизнь...

(Здѣсь опять не достаетъ двухъ-трехъ страницъ).

...Въ деревнѣ я сдѣлалъ знакомство, достойное сдѣланнаго въ Москвѣ,—я въ первый разъ послѣ ребячества явился лицомъ къ лицу съ природой, и ея выразительныя черты сдѣлались понятны для меня. Это отдохновеніе отъ школьныхъ занятій было на мѣстѣ: я закрылъ учебную книгу, не смотря на то, что надобно было готовиться къ университету. Колоссальная идиллія лежала развернутая передо мной, и я не могъ наглядѣться на нее: такъ нова она была мнѣ, выросшему въ третьемъ этажѣ на Пречистенкѣ. Читалъ я мало, и то одного Шиллера; на высокой горѣ, съ которой открывались пять-шесть деревенекъ, пробѣгалъ я «Теля», и въ мрачномъ лѣсу перечитывалъ Карла Моора,—и, казалось, молодецкій посвистъ его ватаги и топотъ конницы, окружавшей его, раздавался между соснами и елями. Но чаще всего я бросалъ книгу и долго-долго смотрѣлъ на окружающія поля, на рѣку, перерѣзывающую ихъ, на храмъ божій, бѣлый какъ лилія и какъ лилія окруженный зеленью. Иногда мнѣ казалось, что вся эта даль — продолженіе меня, что гора со всѣмъ окружающимъ—мое тѣло, и

мнѣ слышался пульсъ ея, и мы вмѣстѣ вдыхали и выдыхали воздухъ. Иногда мнѣ казалось, что я совершенно потерянъ въ этой безконечности — листокъ на огромномъ деревѣ, но безконечность эта не давила меня, мнѣ было хорошо лежать на моей горѣ; я понималъ, что я дома, что все это родное...

Смѣшно, что я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ медоваго мѣсяца моей жизни; я очень знаю, что всѣ видали природу днемъ и ночью, и чувствовали при этомъ и то, и сё; что тысяча лѣтъ тому назадъ люди восхищались ею, потому что въ ней также просвѣчивалъ на каждой строчкѣ ея творецъ,—но... но... но, пожалуй, воротимся въ Москву. Вотъ глубокая осень, грязь по колѣно; иное утро подмерзнетъ, иное льется мелкій дождь; работы оканчиваются, одинъ цѣпъ стучитъ въ тактъ; сборы, хлопоты; священникъ съ просвирою и напутственнымъ благословеніемъ;... староста провожаетъ верхомъ за десять верстъ на мірской лошади, чтобъ убѣдиться, что господа точно уѣхали... Карета вязнетъ въ грязи проселочной дороги, едва двигается, иногда склоняется на бокъ, и всякій разъ батюшкинъ камердинеръ, преданный, какъ въ «Айвенго» Гуртъ Седрику Саксону, выходитъ изъ кибитки и поддерживаетъ карету; а самъ такой тщедушный, что десяти фунтовъ не подыметъ. Наконецъ, вотъ Драгомиловскій мостъ, освѣщенныя лавочки, «калачи горячи»,—и мы въ Москвѣ.

Такъ доѣхалъ я чрезъ Драгомиловскій мостъ до окончанія первой части моей юности. Отсюда начинается новая жизнь, жизнь аудиторіи, жизнь студента; отселѣ не пустынныя четыре стѣны родительскаго дома, а семья трехсотголовая, шумная и неугомонная...

III.

Годы странствованія.

Отъ нашедшаго тетрадь.

Помѣстивъ отрывокъ изъ первой тетради «Записокъ одного молодого человѣка» въ XIII томѣ «Отеч. Записокъ» (кн. 12, 1840), мы объяснили въ приличномъ «междусловіи», какъ намъ досталась тетрадь и какъ не достались нѣкоторые листы изъ нея. Теперь пришло намъ на мысль помѣстить отрывокъ изъ другой тетради. Между первой и второй тетрадями потеряны годы, версты, дести. Мы разстались съ молодымъ человѣкомъ у Драгомиловскаго моста на Москвѣ-рѣкѣ, а встрѣчаемся на берегу Оки-рѣки, да притомъ вовсе безъ моста. Тогда молодой человѣкъ шелъ въ университетъ, а теперь ѣдетъ въ городъ Малиновъ, худшій городъ въ мірѣ, ибо ничего нельзя хуже представить для города,

какъ совершенное несуществованіе его. *Молодой человѣкъ* дѣлается *просто* „*человѣкъ*" (не сочтите этого двусмысленнаго слова за намекъ, что онъ пошелъ въ лакеи). Завиральныя идеи начинають облетать, какъ желтые листья. Въ третьей тетради—*полное развитіе:* тамъ никакихъ уже нѣтъ идей, мыслей, чувствъ; отъ этого она дѣльнѣе, и видно, что молодой человѣкъ «въ умъ вошелъ»; вся третья тетрадь состоитъ изъ расходной книги, формулярнаго списка и двухъ довѣренностей, засвидѣтельствованныхъ въ гражданской палатѣ. Пока вотъ отрывокъ изъ начала второй тетради, будетъ и изъ третьей, если того захотятъ, во-первыхъ, читатели, во-вторыхъ, издатель «Отеч. Записокъ», въ-третьихъ, кто бишь въ-третьихъ, дай Богъ память... Вспомню, скажу послѣ.

So bleibe denn die Sonne mir im Rucken,
Am f a r b i g e n A b g l a n z haben wir das Leben.
Fauts II Theil.

Per me si va nella citta dolente!
Dante. Del' Inferno.

Я устроенъ чрезвычайно гуманно. Читая розенкранцеву «Психологію,» имѣлъ я случай убѣдиться, что устроенъ рѣшительно по хорошему современному руководству. Оттого меня нисколько не удивляетъ, что всякое первое впечатлѣніе бываетъ смутнѣе, слабѣе, нежели отчетъ въ немъ. Непосредственность только пьедесталъ жизни человѣческой, и именно отчетомъ поднимается человѣкъ въ ту сферу, гдѣ вся мощь и доблесть его. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю, какъ съ другими бываетъ, а я никогда не чувствовалъ всей полноты наслажденія въ самую минуту наслажденія (само собой разумѣется, что рѣчь идетъ не о чувственномъ наслажденіи: котлеты въ воспоминаніи, право, меньше привлекательны, нежели во рту). Наслаждаясь, я дѣлаюсь страдателенъ, воспринимающъ. Послѣ—блаженство какъ-то дѣятельно струится изъ меня и я постигаю, по этой силѣ исходящей, всю полноту его. То же въ горестяхъ: никогда не чувствовалъ я всей горечи разлуки такъ сильно, какъ отъѣхавъ нѣсколько станцій. Впрочемъ, такая организація не есть исключительно гуманная; покойникъ А. Л. Ловецкой, Professor ord. Mineralogiae etc., etc., читалъ, когда еще былъ въ бренной оболочкѣ, о камнѣ, называемомъ болонскимъ, который, полежавши на солнцѣ, затаиваетъ въ себѣ свѣтъ, а послѣ ночью свѣтится (не знаю, имѣютъ ли то же свойство болонскія собаки, но сомнѣваюсь). Такъ случилось и теперь. Съ какимъ-то тяжело-смутнымъ, дурно-неяснымъ чувствомъ проскакалъ я 250 верстъ. Было начало апрѣля. Ока разлилась ши-

роко и величественно, ледъ только-что прошелъ. На большой паромъ поставили мою коляску, бричку какого-то коннаго офицера, ѣхавшаго получать богатое наслѣдство, и коробочку на колесахъ ревельскаго купца въ ваточномъ халатѣ, сверхъ котораго рисовалась шинель water proof. Мы ѣхали вмѣстѣ третью станцію, и я радъ былъ встрѣчи съ людьми, хотя въ сущности радоваться было нечему. Офицеръ разсказывалъ съ необычайною плодовитостью свои похожденія въ Москвѣ, на Мѣщанской, съ казарменнымъ цинизмомъ, кричалъ въ интервалахъ ужаснымъ голосомъ: «Юрка, трубку!» и бурнымъ потокомъ словъ обдавалъ каждаго смотрителя. Купецъ ревельскій, чрезвычайно похожій на Пріапа, былъ въ восторгѣ отъ геройскихъ подвиговъ господина-офицера, и только съ чувствомъ глубокой грусти иногда говорилъ, качая голово: «хорошо имѣть эполеты, а вотъ нашъ братъ...» Офицеръ самодовольно поглаживалъ усы послѣ такого замѣчанія и еще громче кричалъ: «Юрка, трубку!»... А я все-таки радовался встрѣчѣ.

Небо было безоблачно, солнце свѣтило; какой-то особой запахъ весны носился надъ водою. Плавно, тихо двинулся паромъ; разливъ простирался верстъ на десять. Прѣсненскіе Пруды въ Москвѣ были наибольшее количество воды, видѣнное мною прежде. Меня поразила рѣка. Ревельскій Пріапъ вытащилъ фляжку съ ромомъ и, наливая въ крышку, подалъ мнѣ, говоря: «Я купилъ этотъ ромъ у Кистера, въ Москвѣ; онъ очень хорошъ: пейте! вамъ *долго* не придется пить такого рома; *тамъ* продаютъ кизлярку съ мадерой за ромъ... На водѣ же не мѣшаетъ». Я выпилъ, повернулся лицомъ къ водѣ и оперся на загородку. «Долго не придется», повторилъ я, и неопредѣленныя чувства, тяготившія грудь, вдругъ стали проясняться; грусть острая, жгучая развивалась и захватывала душу. Я пристально смотрѣлъ на гладкую, лоснящуюся поверхность Оки. Московскій берегъ отодвигался далѣе и далѣе; глубь, вода, пространство, препятствія меня отдѣляли болѣе и болѣе... А тотъ берегъ — чуждый, непріязненный, изъ темно синей полосы превращался въ поля, деревни становились ближе и ближе... На московскомъ берегу у меня все: впалыя щеки старца, по которымъ недавно катилась слеза... и другія слезы... О, Боже!.. А на томъ берегу ничего для меня, ни желанія ступить на него, ни воли не ступать. Слезы полились изъ глазъ; это бываетъ рѣдко со мною, и я опять твердилъ: «долго, долго»... Ярче я никогда не чувствовалъ разлуки. Тихое, спокойное движеніе по водѣ само собою наводитъ грусть; рѣка была какимъ-то олицетвореніемъ препятствій и ихъ возрастанія, рубежей и ихъ непреодолимости, семи тяжелыхъ замковъ, которыми запирается все милое. Потомъ прошедшее осѣнило меня какъ бы въ утѣшеніе, и грустная,

но вспрянувшая душа придавала ему чудное изящество: образъ друга, окруженный свѣтомъ заходящаго солнца на горахъ, образъ дѣвы-утѣшительницы, окруженный полумракомъ, среди надгробныхъ памятниковъ кладбища, слетѣли съ неба. Когда они были близко, когда я могъ связать ихъ, они были еще люди; разлука придала имъ идеальную невещественность; они мнѣ казались тогда свѣтлыми видѣніями... И я былъ даже счастливъ въ эти минуты тяжкой грусти...

Паро̀мъ стукнулся и остановился. Офицеръ хотѣлъ перескочить на берегъ прежде, нежели положили доску, и по колѣни увязъ въ грязи.

— Можетъ ли что-нибудь быть ужаснѣе! кричалъ онъ, бѣсясь отъ досады.—Юрка, Юрка!

— «Можетъ», отвѣчалъ я; но ему было не до моихъ возраженій.

— А что? спросите вы.

— «Быть отложительнымъ глаголомъ латинской грамматики и спрягаться *страдательно*, не будучи страдательнымъ».

На Волгѣ я чуть не потонулъ, однакожъ не потонулъ, что очень хорошо.

Наконецъ, послѣ разнообразнѣйшихъ приключеній, я благополучно сталъ на якорѣ передъ городомъ Малиновымъ, и его-то именно я хочу описать. Жаль только, что у меня голова устроена какъ-то безсмысленно. Плано-Карпини, напримѣръ, разсказываетъ свое путешествіе какъ по писанному, и, сказавъ въ началѣ: dicende de cibis dicendum est de moribus, знаетъ уже, что какъ опишешь десертъ, такъ и слѣдуетъ о нравахъ. Я сколько ни думалъ, не придумалъ, въ какой порядокъ привести *любопытные* отрывки изъ моего журнала, и помѣщаю его въ томъ видѣ, какъ онъ былъ писанъ.

Патріархальные нравы города Малинова.

Посвящаю памяти Кука и его (вѣроятно) превосходительству Дюмон-д'Юрвилію, Capitaine de Vaisseau.

Великія океаниды! вы не пренебрегали бѣдными островами, которыхъ все населеніе составляютъ гадкіе слизняки, двѣ-три птицы съ необыкновеннымъ клювомъ и столбъ, вами же поставленнный. Отвергнете ли вы городъ Малиновъ?

Тщетно искалъ я въ вашихъ вселенскихъ путешествіяхъ, въ которыхъ описанъ весь кругъ свѣта, чего-нибудь о Малиновѣ. Ясно, что Малиновъ лежитъ не въ кругѣ свѣта, а въ сторону отъ него (оттого тамъ вѣчныя сумерки). Я не видалъ всего круга

свѣта и, будто въ пику вамъ и себѣ, видѣлъ одинъ Малиновъ [1]),— посвящаю его вамъ и себя съ нимъ повергаю на палубу вашихъ землеоблетающихъ фрегатовъ.

Summâ cum pietate.
etc., etc., etc.

Паромъ двигался тихо; крутой берегъ, гдѣ грѣлось на солнцѣ желтое, длинное зданіе присутственныхъ мѣстъ, едва приближался, и мнѣ было грустно — разлука или предчувствіе были причиною — не знаю: вѣроятно, то и другое. Для меня въѣздъ въ новый городъ всегда полонъ думъ, и думъ торжественныхъ; кучка людей, живущихъ тутъ, не имѣла понятія обо мнѣ, я объ нихъ; они родились, выросли, страдали и радовались безъ меня, я безъ нихъ, — и вдругъ наши жизни коснутся и, почему знать, можетъ, въ этой кучкѣ найду я себѣ друга, который проведетъ меня черезъ всю жизнь, врага, который пошлетъ пулю въ лобъ. Если же и ничего этого не будетъ, все же ихъ жизни для меня раскроются, и я, какъ дѣятельный элементъ, войду въ кругъ чуждый и, почему знать, какъ подѣйствую на него, какъ онъ подѣйствуетъ на меня...

Паромъ остановился, коляску заложили, и я въѣхалъ въ Богомъ-хранимый градъ Малиновъ, шагомъ тащась на гору по глинистой землѣ. Благочестивый городъ не завелъ еще гостиницы: я остановился на постояломъ дворѣ, довольно грязномъ и чрезвычайно душномъ. Первымъ дѣломъ было раскрыть окно: низенькіе домики стоятъ по обѣимъ сторонамъ улицы, травка растетъ возлѣ деревянныхъ тротуаровъ и изрѣдка проѣзжаютъ, особымъ образомъ дребежжа, какія-нибудь желтыя или свѣтлозеленыя дрожки, дѣланныя до француза. «Должно быть, эти люди въ простотѣ душевной живутъ-себѣ тихо и хорошо», думалъ я и (такъ какъ это было на другой годъ послѣ университета) прибавилъ: «Beatus ille qui procul negotiis—ѣздитъ по улицамъ, на которыхъ растетъ трава».

Такъ какъ идиллическое расположеніе не могло меня насытить, я спросилъ хозяина, что у него есть съѣстнаго. «Есть, пожалуй, рыба славная».—Дай рыбу!—Онъ принесъ черезъ полчаса кусокъ рыбы съ запахомъ лимбургскаго сыра; я люблю, чтобъ каждая вещь пахла сама собою, и потому не могъ въ ротъ взять рыбы. — Еще что есть? — «Да ничего, *пожалуй*, нѣтъ». Хозяйка пожалѣла обо мнѣ и изъ другой комнаты, минутъ черезъ пять,

———

[1]) Правдивость заставляетъ сказать, что до меня одинъ путешественникъ былъ въ Малиновѣ и вывезъ оттуда экземпляръ безхвостой обезьяны, названной имъ по-латынѣ Bedovik. Она чуть не пропала между Петербургомъ и Москвой (См. «Отеч. Зап.» 1839. Т. III. Отд. III, стр. 136—245: «Бѣдовикъ»).

принесла яичницу, въ которой были куски сыромятной кожи, состоявшіе въ должности ветчины, какъ надобно думать. Дѣлать было нечего: я наѣлся яичницы. Такъ какъ дѣло шло къ вечеру, а я былъ разбитъ весенней дорогой, то и легъ спать.

Черезъ недѣлю.

Я переѣхалъ изъ нечистаго постоялаго двора на нечистую квартиру одного изъ самыхъ большихъ домовъ въ городѣ. Домъ этотъ состоитъ изъ разныхъ пристроекъ, дополненій, прибавленій, и отдается въ наймы разнымъ семьямъ, которыя всѣ пользуются садомъ, заросшимъ крапивою и лопушникомъ. Вчера вечеромъ мнѣ вздумалось посѣтить нашъ паркъ; я нашелъ тамъ, во-первыхъ, хозяина дома, во-вторыхъ, всѣхъ его жильцовъ. Хозяинъ дома — холостой человѣкъ, лѣтъ 45, отростившій большія бакенбарды для того, чтобъ жениться, болтунъ и дуракъ — дружески адресовался ко мнѣ и тотчасъ началъ меня рекомендовать, и мнѣ рекомендовать. Тутъ былъ какой-то старикъ подслѣпый, съ Анной въ петлицѣ нанковаго сюртука, отставленный членъ межевой конторы; какая-то блѣдная семинарская фигура съ тѣмъ видомъ рѣшительнаго идіотизма, который мы преимущественно находимъ у такъ называемыхъ «ученыхъ»,—и въ самомъ дѣлѣ, это былъ учитель Малиновской гимназіи. Межевой членъ, поднося мнѣ табакерку, спросилъ:

— «Изволите служить?»

— Теперь нѣтъ; дѣла мои требовали, чтобъ я покинулъ службу на нѣкоторое время.

— «А, ежели смѣю спросить, имѣете чинъ?»

— Титулярный совѣтникъ.

— «Боже мой!»—сказалъ онъ съ видомъ глубокаго оскорбленія:—«я думаю, вы не родились, а я уже былъ помощникомъ землемѣра при генеральномъ межеваніи, и мы въ одномъ чинѣ! Хоть бы при отставкѣ дали ассесора! Единъ Богъ знаетъ мои труды! Да за что же васъ произвели въ такой рангъ?»

Мнѣ было немножко досадно; однако, уважая его лѣта, я ему объяснилъ университетскія права. Онъ долго качалъ головою, повторяя:

— «И служи послѣ этого до сѣдыхъ волосъ!»

Въ то время, когда участникъ генеральнаго межеванія страдалъ отъ университетскихъ правъ, учитель гимназіи принялъ важный видъ и самодовольно замѣтилъ, что и онъ, на основаніи права лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, состоитъ въ 9 разрядѣ, протянулъ мнѣ руку, какъ гражданинъ reipublicae litterarum своему согражданину. Человѣкъ этотъ чрезвычайно безобразенъ, нечистъ и, судя по видимымъ

образчикамъ его бѣлья, надобно думать, что онъ мѣняетъ его только въ день Кассіана-Римлянина.

— «Какого факультета-съ?»

— Математическаго.

— «И я-съ; да знаете, трудная наука, сушитъ грудь-съ; напряженіе вниманія очень нездорово; я оставилъ теперь математику и преподаю риторику»...

Хозяинъ потащилъ меня, перерывая педагога, рекомендовать дамамъ; вообще онъ старался показать, что со мною старый знакомый и, какія границы я ни ставилъ его дружбѣ, она, какъ всѣ сильныя чувства, ломала ихъ.

«Вотъ нашъ столичный гость», кричалъ онъ *прекрасному полу*, сидѣвшему подъ качелями, рѣшительно похожими на висѣлицу.

Старуха, съ померанцовыми лентами на чепцѣ, начала меня тотчасъ разспрашивать о Москвѣ и о *Филаретѣ*. Потомъ звала приходить къ нимъ *поскучать* и, указывая на трехъ барышень, изъ которыхъ двѣ смотрѣли мнѣ прямо въ глаза, а третья, довольно хорошенькая, сидѣла поодаль съ книгой, объявила, что это ея дочери. Учитель гимназіи приступилъ ко мнѣ съ неотступной просьбой идти къ нему чай пить. Дивясь такой необыкновенной учтивости, я пошелъ. Учитель привелъ меня въ комнату, въ которой сидѣла премолоденькая женщина и, сказавъ: «Сè ма фамъ», прибавилъ: «прошу безъ церемоніи трубочку Фаллеру; у насъ, ученыхъ, нѣтъ церемоній». Жена его премиленькая и проста до безконечности; она говорила, что ей скучно жить на свѣтѣ, что хочетъ умереть, и при этомъ дѣлала такіе предсмертные глазки, что мнѣ пришли въ голову фантазіи совершенно противоположныя смерти; впослѣдствіи я убѣдился, что я не такъ далекъ былъ отъ ея мыслей въ этой противоположности.

Конечно, все это смѣшно; но гдѣ же найдешь въ большомъ городѣ такое радушіе, гостепріимство? Люди всегда судятъ по наружности; что за дѣло до формы [1])!

Черезъ двѣ недѣли.

Жаль, право, что эти добрые люди такъ сплетничаютъ: это отнимаетъ всю охоту ходить къ нимъ. Я начинаю думать, что все гостепріимство ихъ основано на скукѣ; они другъ другу страш-

---

[1]) Напередъ предувѣдомляемъ читателей: мы увѣрены, что неизвѣстный намъ авторъ «Записокъ» все предыдущее и послѣдующее въ этой статьѣ о городѣ Малиновѣ просто выдумалъ, и что ничего изъ разсказываемаго имъ въ дѣйствительности не было и быть не могло, точно такъ-же, какъ нѣтъ и никогда не бывало въ мірѣ города Малинова, котораго не найдете ни на какихъ картахъ древняго и новаго свѣта. — Ред. От. Зап. Каковъ макіавелизмъ!

но надоѣли, и новый пріѣзжій, особенно изъ столицы, для нихъ акробатъ, фокусникъ, обязанный занимать ихъ, разсказывать имъ новости; за это они строютъ ему куры, кормятъ на убой, поятъ до-нельзя, заставляютъ для него дочерей пѣть, аккомпанируя на пяти-октавномъ фортепьяно съ сковородными звуками. Когда выспросятъ его обо всемъ, и тогда даже интересъ его далеко не исчерпанъ: они начинаютъ всѣми средствами узнавать о его дѣлахъ, о его родныхъ; иные дѣлаютъ это изъ видовъ; наприм., старуха совѣтница, живущая противъ меня (я каждое утро вижу, какъ она, повязанная платкомъ, изъ-подъ котораго торчатъ нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ палецъ толщиною, осматриваетъ свое хозяйство), познакомилась у воротъ съ моимъ камердинеромъ Петромъ Ѳедоровичемъ и спрашивала его, женатъ я или нѣтъ, и если нѣтъ, имѣю ли охоту и склонность къ браку. Въ это время выбѣгала за нею (разумѣется ненарочно) дочка, рыжая и курносая, у которой не только на лицѣ, но и на платьѣ были веснушки. Другіе находятъ просто поэтическое удовольствіе въ томъ, чтобъ знать всѣ домашнія дѣла новоприбывшаго...

Черезъ мѣсяцъ.

Былъ на большомъ обѣдѣ у одного изъ здѣшнихъ аристократовъ. Ужасно смѣшно все безъ исключенія, начиная отъ хозяина въ свѣтло-яхонтовомъ фракѣ и съ волосами, вычесанными вгладь, до креселъ изъ цѣльнаго краснаго дерева, тяжеле 10-фунтоваго орудія, украшенныхъ позолоченной рѣзьбою, въ видѣ раковинъ и амуровъ. Торжественной процессіей отправился beau monde въ столовую: губернаторъ съ хозяйкой дома впередъ; за нимъ всѣ въ почтительномъ разстояніи и въ томъ порядкѣ, въ какомъ чиновники пишутся въ Адресъ-Календарѣ. Толпа лакеевъ въ какихъ-то чижоваго цвѣта сюртукахъ, пестрыхъ галстухахъ и съ бисерными шнурками по жилетамъ, суетились за стульями, подъ предводительствомъ дворецкаго, котораго брюхо доказывало, что онъ вполнѣ пользуется правомъ ѣсть съ барскаго стола. Изъ-за полузатворенной двери выглядывала босая баба, одѣтая въ грязь, съ тарелкой въ рукѣ и съ полотенцемъ. Вице-губернаторъ хотѣлъ-было сѣсть за второй столъ, за которымъ помѣстились барышни и молодые люди; но старуха, мать хозяина, начала кричать: «помилуйте, Сергѣй Львовичъ, что вы дѣлаете; куда это вы сѣли?»—Да развѣ вы меня считаете старикомъ?—«Охъ, батюшка», отвѣчала старуха, «лѣтами-то ты молодъ, да чинъ-то твой старъ». Малиновъ смѣло можетъ похвастать порядкомъ распредѣленія мѣстъ за обѣдомъ.

Главное дѣйствующее лицо за обѣдомъ былъ докторъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ забывшій медицину и учившійся, пятьдесятъ

лѣтъ тому назадъ, въ Геттингенѣ. Онъ поѣхалъ въ Россію съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ Москвѣ по улицамъ ходятъ медвѣди и, занесенный въ Малиновъ нѣмецкой страстью пытать счастья по всему бѣлому свѣту, обжился здѣсь, привыкъ и остался дожидаться, пока разстройство животной экономіи и засореніе vasorum absorbentium превратитъ его самого въ соръ. Этотъ старичокъ, весьма веселый и крошечнаго роста, лукаво посматривалъ сѣренькими глазками, острилъ въ глаза надъ всѣми, шутилъ, отпускалъ вольтеровскія замѣчанія, смѣшилъ двусмысленностями и приводилъ въ ужасъ матеріализмомъ. При этомъ онъ умѣлъ принимать такой видъ кліентизма и уничиженія, такой видъ бономіи и самоуничтоженія, что его вылазки даже на особу его превосходительства принимались милостиво. Я воображаю, что подобную роль играли жиды въ замкахъ рыцарей, когда они имъ были нужны. Его всѣ любили и онъ всѣхъ любилъ. Это поколѣніе родилось, выросло, занемогло, выздоровѣло при немъ, отъ него; онъ не только зналъ ихъ наружность, но зналъ внутренности,—и еще больше нежели наружность и внутренности, я замѣтилъ это по нѣкоторымъ сардоническимъ взглядамъ, отъ которыхъ пылали нѣкоторыя щечки.

За обѣдомъ первый тостъ пили за *здравіе* его превосходительства, съ благоговѣйнымъ чиномъ, вставши. Докторъ сложилъ руки на груди и сказалъ: «Ваше превосходительство, ну, могу ли я откровенно пить такой ужасный тостъ для меня?»... Всѣ захохотали; чиновники качали головой, будто говоря «экій смѣльчакъ!» и я хохоталъ, потому что въ самомъ дѣлѣ выходка была смѣшна.

Когда кончился обѣдъ съ своими 26-ю блюдами и 15 тостами, всѣ бросились къ карточнымъ столамъ. Барышни столпились въ уголъ залы. Докторъ, слѣдуя гигіеническимъ правиламъ, еще возложеннымъ въ Геттингенѣ и отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, всякій разъ стрѣляя остротами, когда подходилъ къ барышнямъ. Я ушелъ.

Черезъ полтора мѣсяца.

Жена почтмейстера, принимающая во мнѣ родственное участіе, сказала, что на меня дуется весь городъ, зачѣмъ я не дѣлалъ визитовъ. Безъ вины виноватъ! Мнѣ отъ роду не приходила въ голову возможность ѣхать въ незнакомый домъ. Завтра нанимаю я у хозяина дома дрожки (досадно только, что онѣ обиты кирпичнаго цвѣта сукномъ) и ѣду.

На другой день.

Вездѣ приняли какъ роднаго и подчивали водкой. Право, они предобрые люди! Глупы ужасно,—ну, да что-жь дѣлать. Дамы намекали что-то на то, что я прежде познакомился съ почтмейстер-

шей. Какое вниманіе ко мнѣ! Немного досадно, что онѣ такъ дурно думаютъ о моемъ вкусѣ. Жена тощаго учителя въ тысячу разъ милѣе и ближе къ натурѣ. Вчера мы съ ней гуляли по саду въ лунный вечеръ. Луна и здѣсь такъ же сентиментальна, какъ вездѣ. Въ саду есть бесѣдка, изъ оконъ которой прекрасно смотрѣть на луну...

Черезъ полгода.

Бѣдная, жалкая жизнь! не могу съ нею свыкнуться... Пусть человѣкъ, гордый своимъ достоинствомъ, пріѣдетъ въ Малиновъ посмотрѣть на тамошнее общество—и смирится. Больные въ домѣ умалишенныхъ меньше безсмысленны. Толпа людей, двигающаяся и влекущаяся къ однимъ призракамъ, по горло въ грязи, забывшая всякое достоинство, всякую доблесть, тѣсныя узкія понятія, грубыя, животныя желанія... Ужасно и смѣшно! Въ природѣ есть какая-то сардоническая логика, по которой она безжалостно развиваетъ нелѣпости чрезвычайно послѣдовательно. И именно въ этихъ-то развитіяхъ тѣсно спаянъ, какъ въ шекспировскихъ драмахъ, глубоко-трагическій элементъ съ уморительно-смѣшнымъ. И жаль ихъ отъ души, и не удержишься отъ смѣха... Бѣдные люди! Они подъ тяжелымъ фатумомъ; виноваты ли они, что съ молокомъ всосали въ себя понятія нечеловѣческія, что воспитаніемъ они исказили всѣ порывы, заглушили всѣ высшія потребности? Такъ же не виноваты, какъ альбиносы, которые вдыхаютъ въ себя сѣверный болотный воздухъ, лишающій ихъ силъ и заражающій ихъ организмъ.

И этотъ міръ нелѣпости чрезвычайно послѣдовательно учредился такъ, какъ Японія, и въ немъ всякое измѣненіе на сію минуту невозможно, потому что онъ твердо растетъ на прошедшемъ и вѣренъ своей почвѣ. Вся жизнь сведена на матеріальныя потребности: деньги и удобства—вотъ граница желаній, и для достиженія денегъ тратится вся жизнь. Идеальная сторона жизни малиновцевъ—честолюбіе, честолюбіе дѣтское, микроскопическое, вполнѣ удовлетворяющееся приглашеніемъ на обѣдъ къ губернатору и его пожатіемъ руки.

Утромъ Малиновъ на службѣ; въ два часа Малиновъ ѣстъ очень много и очень жирно, что и обусловливаетъ необходимость двухъ большихъ рюмокъ водки, чтобъ сдѣлать снисходительнымъ желудокъ. Послѣ обѣда Малиновъ почиваетъ, а вечеромъ играетъ въ карты и сплетничаетъ. Такимъ образомъ жизнь наполнена, законопачена, и нѣтъ ни одной щелки, куда бы прорѣзался лучъ восходящаго солнца, въ которую бы подулъ свѣжій, утренній вѣтеръ. И, что меня выводитъ пуще всего изъ себя, это удушливое однообразіе, это отвратительное semper idem. Ежели танцуютъ,—все тѣ же кавалеры и тѣ же фраки; иногда мѣняются перчатки.

Какъ теперь вижу красное платье, цвѣту давленной брусники, на женѣ директора гимназіи; это платье пятьдесятъ разъ мелькало передо мною въ разныхъ временахъ года, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, въ разныхъ танцахъ; даже мнѣ памятенъ особый, померанцовый запахъ отъ него, въ родѣ кюрасо. И говорятъ все одно и то же. Всякій вечеръ играютъ четыре мученика другъ съ другомъ въ бостонъ, и всякій разъ однѣ и тѣ же остроты. Одинъ скажетъ: «пришестнемъ» вмѣсто шесть; «не вистъ, а вистище», и трое другихъ хохочутъ всякій разъ! Да вѣдь это ужасно! Человѣчество можетъ ходить взадъ и впередъ, Лиссабонъ проваливаться, государства возникать, поэмы Гёте и картины Брюлова являться и исчезать,—малиновцы этого не замѣтятъ. Наполеону надобно было предпринять походъ 1812 года и пройти нѣсколько тысячъ верстъ самъ-полмилліона для того, чтобъ обратить на себя ихъ вниманіе. И то какое вниманіе! О французѣ они услышали какъ о саранчѣ; вѣдь никто не спрашиваетъ, откуда саранча и зачѣмъ,—довольно знать, что хлѣбъ дороже будетъ...

Встрѣчались люди, у которыхъ сначала былъ какой-то зародышъ души человѣческой, какая-то возможность,—но они крѣпко заснули въ жалкой, узенькой жизни. Случалось говорить съ ними о смертномъ грѣхѣ противъ духа—обращать человѣческую жизнь въ животную: они просыпались, краснѣли; душа, вспоминая свою орлиную натуру, расправляла крылья; но крылья были тяжелы, и они какъ куры только хлопали ими, на воздухъ не поднялись и продолжали копаться на заднемъ дворѣ. Я глядѣлъ на нихъ и чуть не плакалъ.

Чтобъ познакомить еще болѣе съ жизнію малиновцевъ, я опишу типическій день отъ 8 ч. утра до 3 ч. ночи.

Праздникъ ✠ въ кружкѣ. На дворѣ трескучій морозъ, на улицахъ снѣгъ на аршинъ; плохо разсвѣло, а снѣгъ ужъ скрипитъ подъ санями непремѣннаго члена приказа, который отправляется къ губернатору рапортовать о состояніи богоугодныхъ заведеній и поздравить его съ праздникомъ. Онъ увѣренъ, что губернаторъ еще спитъ, что онъ его прождетъ часа полтора; но въ томъ-то и сила, чтобъ придти раньше всѣхъ,—почтительнѣе. Сальные лакеи для него не встанутъ; шубу онъ самъ снялъ, на первой ступенькѣ лѣстницы; калоши оставилъ въ саняхъ, а сани у воротъ. Черезъ полчаса начинаютъ подъѣзжать къ воротамъ чиновники низшаго разряда,—все это, чтобъ поздравить «генерала» съ праздникомъ. Наконецъ, являются аристократы; они гордо въѣхали на дворъ и смѣло вошли въ переднюю въ шубахъ. Зала наполняется. Смиренно въ углу стоитъ какой-нибудь исправникъ; онъ всѣмъ кланяется, всѣхъ уважаетъ; онъ дрожитъ до тѣхъ поръ, пока не доберется опять до своихъ лѣсовъ. Полиціймей-

стеръ, въ мундирѣ безъ эполетъ, держитъ рапортъ о благосостояніи города, правитель канцеляріи съ портфелью ждетъ у дверей кабинета; исправникъ бросаетъ тоскливые взоры на эту портфель... Погодя немного, съ шумомъ влетаетъ изъ внутреннихъ дверей, notez bien cela—чиновникъ особыхъ порученій, безъ шляпы; «мы, дескать, свои люди». Онъ одинъ громко говоритъ,—остальные шепчутъ; исправникъ похудѣлъ, когда онъ вошелъ, и поклонился низко; чиновникъ особыхъ порученій потолстѣлъ, увидѣвъ исправника, и поклонился ему наизнанку, то-есть, закинувъ голову на спину. Между тѣмъ, компанія раздѣлилась на двѣ части,—аристократы сами по себѣ, плебеи сами по себѣ. Да кто же тутъ аристократы? Сейчасъ объясню вамъ это. Есть чиновники, сидящіе за перегородкой, передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ; эти чиновники пишутъ по одному слову на каждой бумагѣ, это—*совѣтники*, аристократы; это—люди, которые приглашаются къ обѣденному столу его превосходительства. Есть другіе чиновники, сидящіе по сю сторону перегородки, передъ столами, которые покрыты чернильными пятнами: эти пишутъ по одному милліону словъ на каждомъ листѣ, но они не аристократы, они—*канцелярскіе*. Эти два міра нигдѣ не смѣшиваются; одинъ переходный мостъ между ними — секретарь; секретарь, какъ Лафайетъ, — человѣкъ двухъ міровъ. Безъ него совѣтникамъ было бъ нечего подписывать, а канцелярскимъ списывать. Онъ и въ обществѣ играетъ ту же ролю. Если нѣтъ вблизи четвертаго, его сажаютъ съ собою за бостонъ аристократы, и онъ одѣваетъ бѣлый галстухъ. А завтра, на именинахъ у *канцелярскаго*, для него составятъ бостонъ изъ двухъ столоначальниковъ и частнаго пристава и онъ придетъ въ сюртукѣ и растегнетъ двѣ пуговки на жилетѣ. Есть еще разные двусмысленные чиновники, Zwittergestalten, лавирующіе между двумя мірами, и, смотря по обстоятельствамъ, прикрѣпляющіеся то къ одному, то къ другому: губернскій стряпчій, правитель дѣлъ губернатора, но истинно завидное общественное положеніе принадлежитъ чиновнику особыхъ порученій. Партизанъ юридическихъ набѣговъ, онъ съ презрѣніемъ смотритъ на все, кромѣ губернатора; его аристократы боятся, плебеи ему удивляются, всѣ завидуютъ; онъ въ синемъ фракѣ обѣдаетъ у губернатора, онъ отправляетъ на почту письма ея превосходительства. Около міровъ губернскаго чиновничества, обращаются міры уѣздныхъ; о нихъ въ другой главѣ. Внѣ всего этого, шага на два, отдѣльные владѣтельные князья: прокуроръ, директоръ гимназіи, удѣльный начальникъ; ихъ отношенія не такъ правильно истекаютъ изъ главной идеи, какъ въ мірѣ, подчиненномъ губернатору.

Но двери въ кабинетъ растворились, и «генералъ» вышелъ,

съ нимъ его гость и другъ, малиновскій откупщикъ, толстый мужчина съ свиными глазами. Губернаторъ Малинова говоритъ съ тремя-четырьмя изъ аристократовъ, на остальныхъ не обращаетъ вниманія, а ежели кому случится встрѣтиться съ его взглядомъ, тотъ тотчасъ кланяется, хотя-бъ въ пятый разъ; многіе выставляются, чтобъ заявить свое присутствіе. Директоръ гимназіи, пріѣхавши позже всѣхъ, поднимаетъ голосъ:

— Ваше превосходительство, не соблаговолите-ли ѣхать въ каѳедральный соборъ? Отецъ-ректоръ семинаріи, высокопреподобный Макридій, будетъ говорить слово.

— «Какъ же! непремѣнно. Онъ хорошо говоритъ?»

— Ораторское искусство Цицерона, ваше превосходительство! — и директоръ гордо смотритъ на окружающихъ.

Губернаторъ, обращаясь ко всѣмъ, произноситъ: «И вы, вѣроятно, въ соборъ? Надобно молиться!» и всѣ ѣдутъ въ соборъ.

Обѣдъ я описывалъ. Вечеромъ балъ у полицмейстера. Губернаторъ отдаетъ приказъ, чтобъ раньше собирались: онъ не любитъ, когда кто-нибудь позже его пріѣзжаетъ.

Выспавшись, городъ начинаетъ торопиться, надѣваетъ пестрый жилетъ, коричневый фракъ, надѣваетъ всего чаще вицъ-мундиръ, и ѣдетъ на балъ. Дамскій туалетъ я описать не возьмусь: отъ одного описанія можетъ зарябить въ глазахъ. Плошки горятъ у воротъ полицмейстера, въ окнахъ свѣтъ. Въ восьмомъ часу начинаетъ собираться beau monde, пьяный *квартальный* снимаетъ шубы и прячетъ ихъ, чтобъ никто не уѣхалъ; въ передней тѣсно: четыре семинариста въ затрапезныхъ халатахъ, два солдата и канцелярскій служитель въ фризовой шинели, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ, составляютъ оркестръ. Начинаютъ подъѣзжать экипажи и огромный возокъ почтмейстера, мыча и скрыпя, остановился у крыльца. Возокъ этотъ дѣланъ около царствованія Анны Іоанновны и, отодвигаясь каждое двадцатилѣтіе на нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, оканчивалъ преклонныя лѣта свои въ сараѣ почтмейстера. Встарь онъ былъ внутри покрытъ мѣхомъ; теперь оплѣшивѣлъ и окна качаются у него, какъ зубы у старухи. Изъ возка вынимаютъ человѣкъ восемь обоего пола: какъ они помѣстились съ накрахмаленными юбками, съ Станиславомъ (во весь ростъ) на шеѣ у почтмейстера, съ цвѣтами на челѣ почтмейстерши,—трудно постигнуть; но кому же и умѣть укладываться, какъ не почтовымъ? Это гости почетные, и ихъ полицмейстеръ встрѣчаетъ въ передней. Въ залѣ становится людно и сильно пахнетъ духами, которые *троитъ* á Paris Мусатовъ. Но ни картъ не даютъ, ни чаю, ни музыка не играетъ. Подполковница гарнизоннаго баталіона—дама отважная, дама, хорошо воспитанная въ разныхъ казармахъ и кордегардіяхъ, начинаетъ роптать и повторяетъ

свою вѣчную фразу: «когда я стояла съ мужемъ въ Молдавіи, то самъ господарь...» Квартальный сбиваетъ гостей съ ногъ, ищетъ хозяина и кричитъ: «Ваше высокоблагородіе, его превосходительства карета *изволила* на мостъ въѣхать!» Полицмейстеръ, прихрамывая отъ тарутинской пули, бѣжитъ съ лѣстницы, чтобъ встрѣтить генерала. Генералъ пріѣхалъ съ откупщикомъ. Входитъ. Музыка гремитъ польскій, генералъ открываетъ балъ и отправляется за карточный столъ. Машина спущена. Чай подается, карты сдаются, vis-à-vis выбираются, пары становятся...

Балъ провинціальный описывали тысячи разъ; разумѣется, онъ имѣетъ нѣкоторыя сходства съ столичнымъ баломъ, такъ какъ есть же общее въ портретахъ Кутузова цѣною въ десять рублей и цѣною въ десять копеекъ. Иногда танцующіе ссорятся за мѣста, и тутъ недалеко до членовредительства; есть дамы, въ томъ числѣ подполковница, которая непремѣнно хочетъ быть въ первой парѣ въ мазуркѣ и готова щипать несчастную даму, стоящую передъ ней. Есть кавалеры, которые какъ то прищелкиваютъ каблуками, такъ что изъ другой комнаты можно думать, что дверью кто-нибудь давитъ грецкіе орѣхи. За то есть голыя плечи, ни чуть не хуже столичныхъ, пластически прелестныя, отъ которыхъ трудно отвести глаза, особенно стоя за стуломъ; есть свѣжія лица, очень хорошенькія, но глазъ съ выраженіемъ нѣтъ. Во всемъ Малиновѣ было три глаза выразительные: два изъ нихъ принадлежали одной пріѣзжей барышнѣ, третій—кривой болонкѣ губернаторской. Въ антрактахъ, между одной кадрилью и другою, наполняютъ «желудка бездонную пропасть», какъ говоритъ Гомеръ: дамамъ сластями, мужчинамъ водкой, виномъ и солеными закусками. Отсюда немудрено понять, что балъ разгорается болѣе и болѣе. Матери семействъ, сидящія неподвижно около стѣнъ, громче сплетничаютъ; лица барышень пылаютъ, юность и веселье беретъ верхъ надъ этикетомъ,—словомъ, балъ во всей красѣ.

Въ двѣнадцать часовъ губернаторъ окончилъ бостонъ, выходитъ въ залу и танцуетъ кадриль съ хозяйкой дома. Въ Малиновѣ всѣ танцуютъ — отъ грудныхъ дѣтей до столѣтнихъ старцевъ, такъ какъ всѣ играютъ въ бостонъ. Можно думать, что всѣ жители заражены пляской Витта. Потомъ трескъ, шумъ, sensation... «Ваше превосходительство, еще минуту!» Генералъ неумолимъ, генералъ твердъ, генералъ не ужинаетъ, генералъ въ шубѣ, генералъ уѣхалъ. Нѣсколько человѣкъ, не смѣвшіе танцовать съ нимъ подъ одной крышей, являются на паркетѣ, уѣздный казначей кричитъ въ котильонѣ: «окончимъ *попурями*, я смерть люблю попури». Отъ *попурей* за ужинъ, съ ужина матери семействъ укладываются, цѣлуются, уѣзжаютъ съ дочерями; изъ дамъ остается одна подполковница,—ее не испугаешь ничѣмъ: бывалой человѣкъ.

Шампанское льется рѣкой. Пьяный подполковникъ умоляетъ жену пройдти съ нимъ «русскую», — одни свои, чужіе разъѣхались. Канцелярскій въ фризовой повелъ смычкомъ «барыню», и салонъ незамѣтно переливается въ Перовъ трактиръ. Часа въ четыре гости разъѣзжаются. Хозяинъ доволенъ, потираетъ себѣ руки, говоря: «жаркій денекъ! удался»...

Но довольно вязнуть въ этомъ болотѣ; тяжело ступать, тяжело дышать. Перейдемъ въ сферу, гдѣ человѣкъ отъ животныхъ отдѣляется не одними зоогностическими признаками, которые упрочиваютъ за нимъ почетное мѣсто возлѣ обезъянъ и лемуровъ.

Вотъ одна человѣческая встрѣча въ Малиновѣ, и очень странная притомъ.

Недалеко отъ Малинова города живетъ какой-то помѣщикъ, разсказы о которомъ безконечны у малиновцевъ,—богатый человѣкъ, выписывающій вещи изъ Парижа и изъ Лондона, устроившій свое имѣнье по ученому, по *агрaномiи*, польско-прусскій дворянинъ и проч., и проч.

«Почему онъ не женится?» говорили одни. «Потому что онъ фармазонъ, а въ ихъ вѣрѣ даютъ обѣтъ монашества, масоны и іезуиты—вѣдь это одно», отвѣчали люди мудрые, вершавшіе окончательно трудные вопросы, которые изрѣдка возникали въ малиновскихъ головахъ. «Онъ скупъ, какъ кащей», говорили чиновники: «ни одного *стола* не сдѣлалъ во всю жизнь, нашъ братъ живетъ лучше его, не смотря на бѣдные оклады». «Онъ развратилъ своихъ крестьянъ, говорили помѣщики, до того, что они въ будни ходятъ въ сапогахъ, да еще имѣютъ у себя батраковъ». «Сумасшедшій, просто сумасшедшій», увѣрялъ пятидесятилѣтній корнетъ, обладатель 20 душъ и камердинера въ плисовыхъ панталонахъ.

Наконецъ, я познакомился съ нимъ.

Трензинскій сдѣлалъ на меня самое странное впечатлѣніе. Чортъ знаетъ, какъ онъ съ такимъ апатическимъ равнодушіемъ умѣлъ соединить силу дѣйствовать на душу странными мнѣніями и парадоксами. Ему удалось нанести глухой ударъ нѣкоторымъ изъ теплыхъ вѣрованій моихъ. Да что это,—какъ я слабъ, или какъ слабы мои теоріи, когда первый встрѣчный можетъ потрясти ихъ! И прескверная манера у него: онъ почти не споритъ, онъ на теоретическія разрѣшенія вопросовъ смотритъ, какъ на что-то постороннее, школьное, безъ вліянія на жизнь и безъ корня въ ней. Оттого, вмѣсто спора и опроверженія, онъ преравнодушно соглашается, и иной разъ, кажется, откровенно.

Я ему былъ рекомендованъ единственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ съ нимъ постоянныя сношенія, докторомъ медицины, проживавшимъ въ одномъ изъ большихъ заводовъ малиновскихъ.

Самъ докторъ лицо примѣчательное. Имѣя практику въ городѣ, онъ въ недѣлю раза два являлся въ Малиновъ. Я часто встрѣчался съ нимъ, но никогда не слыхалъ отъ него ни одного слова, которое относилось бы къ чему нибудь постороннему для его занятій, ни даже о погодѣ, о дорогѣ, и проч. А между тѣмъ проническая улыбка и яркіе глаза показывали, что онъ многое могъ бы сказать, и что ему дорого стоитъ прилѣпить языкъ къ гортани. Мнѣ нездоровилось, и я просилъ доктора заѣхать; онъ явился, и не знаю какъ, но у меня онъ не игралъ своей молчаливой роли. Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга, узнавали даже степень свою въ таинствахъ и силу въ орденѣ при встрѣчѣ. Это только съ перваго взгляда кажется удивительнымъ: мы всѣ храмовые рыцари, и *свой своего* узнаетъ по тремъ, четыремъ словамъ. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что два выходца университета поняли тотчасъ другъ друга въ Малиновѣ. Докторъ посѣщалъ меня вдвое чаще, нежели требовала моя полуболѣзнь, и сидѣлъ вдвое долѣе, нежели у всѣхъ больныхъ малиновцевъ. Онъ говорилъ съ восхищеніемъ о Трензинскомъ. И однимъ добрымъ утромъ мы поѣхали къ нему.

Трензинскій принялъ европейски-учтиво, т. е. малиновски-грубо, безъ полуварварскаго гостепріимства, безъ трехъ четвертей варварскихъ церемоній и безъ вполнѣ варварскаго принужденія пить и ѣсть, когда не хочется. Поговоривъ о томъ, о семъ, онъ сказалъ намъ, что въ это время ежедневно осматриваетъ заводъ, и просилъ или идти съ нимъ, или, пока онъ возвратится, погулять въ саду. Мы пошли на заводъ.—Трензинскій человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно худой, лицо нѣжное, очень бѣлое; эта бѣлизна придаетъ что то мертвое, отжившее всѣмъ чертамъ, и если-бъ не большіе, сѣро-голубоватые глаза и улыбка на губахъ, то онъ былъ бы похожъ на хорошо сдѣланную восковую фигуру. И улыбка его примѣчательна: сначала она кажется добродушіемъ, потомъ насмѣшкой, и, наконецъ, убѣждаешься, что этотъ ротъ вовсе не можетъ улыбаться, а что движеніе губъ его болѣзненно-судорожное сжиманіе. Ему за пятьдесятъ, но онъ прямъ и бодръ; «чело какъ черепъ голый». Исторія его жизни, должно быть, представляетъ длинную повѣсть мыслей, страстей, ощущеній, коллизій; но повѣсть кончена, а жизнь продолжается. Такъ казалось мнѣ, когда я пристально всматривался въ его лицо; оно мнѣ напомнило мраморные, холодные, гладкіе надгробные памятники, поставленные надъ прахомъ, въ которомъ клокоталъ когда-то огонь. Въ его кабинетѣ мало книгъ: «Mémorial de S-te Helène», и какой-то трактатъ о черепословіи лежали на столѣ между Тэромъ, Берцеліусомъ и книгами, прямо относящимися къ заводскому дѣлу. На окнахъ стояли реторты, стлянки и банки, на стѣнахъ висѣло

нѣсколько видовъ Венеціи, копія съ Рембрандова Яна Собѣсскаго, двѣ-три головы съ свѣтлыми усами и картина, тщательно завѣшанная тафтою.

Осмотрѣвъ заводъ, пришли мы въ садъ и сѣли на террасѣ; день былъ очень хорошъ, запахъ воздушныхъ жасминовъ и тополей доносился къ намъ, вмѣстѣ съ неопредѣленнымъ лѣтнимъ говоромъ природы—говоромъ, въ которомъ перепутаны и шелестъ листьевъ, и чириканье птицъ, и звуки кузнечика и жужжанье пчелъ, и еще сотня разныхъ звуковъ, свидѣтельствующихъ, что все вокругъ васъ живо, весело и радуется солнцу. Ничего нѣтъ удивительнаго, что разговоръ мало по малу оживился и сдѣлался откровеннымъ. Человѣку вовсе несвойственно безпрерывно корчить дипломата и надобно ему пройти великую школу разврата духовнаго, чтобъ подозрительно затаивать всякую мысль отъ каждаго вновь встрѣтившагося человѣка.

— «Славно живете вы, сказалъ я; особенно въ хорошую погоду; но, признаюсь, удивляюсь, какъ вамъ не скучно въ такомъ одиночествѣ и въ такой глуши!»

— Конечно, подчасъ бываетъ скучно, но не думайте, чтобъ болѣе, нежели гдѣ нибудь. Скука внутри имѣетъ зародышъ. Повѣрьте, кто понялъ душею, что на свѣтѣ *можетъ быть* очень скучно, тому придется иной разъ поскучать, гдѣ бы онъ ни жилъ —отъ Нью-Іорка до Малинова. Вообще, здѣсь я меньше скучаю, нежели скучалъ прежде, кочуя изъ города въ городъ, здѣсь у меня положительныя занятія.

— «Я не понимаю, откровенно говоря, возможность жить и не имѣть подлѣ себя ни одного близкаго существа».

— Вамъ, кажется, лѣтъ двадцать, а мнѣ пятьдесятъ шесть. И не смотря на то, что есть много истиннаго въ вашемъ замѣчаніи, я увѣряю васъ, что человѣкъ можетъ всячески жить: таково устройство его, и я въ этомъ нахожу высочайшую премудрость; брошенный совершенно во власть случайности, не имѣя возможности измѣнить внѣшнее на волосъ, онъ былъ бы несчастнѣйшимъ существомъ, если-бъ не доставало ему эластичности, хорошо прилаживающейся къ обстоятельствамъ. Вы не имѣете повода думать, чтобъ я отталкивалъ отъ себя симпатію; одинъ человѣкъ образованный и съ душою, на 300 верстъ кругомъ,—это докторъ, и онъ бываетъ у меня; давно ли вы пріѣхали въ Малиновъ, и такъ ли, иначе ли, вы здѣсь,—и я чрезвычайно радъ. Но понимаю, что тотъ же случай могъ сдѣлать и съ тою-же безсознательностію, чтобъ вы не были въ Малиновѣ, чтобъ вмѣсто доктора, привезеннаго ко мнѣ моимъ управляющимъ безъ моего вѣдома, пріѣхалъ нѣмецъ буффъ, котораго, вѣроятно, вы видѣли. И я былъ бы одинъ. Власти надъ случаемъ у меня нѣтъ.

Что-жъ бы мнѣ дѣлать? Писать элегіи—лѣта ушли. Съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, что случай управляетъ индивидуальнымъ существованіемъ и цѣлыми семействами, я отдался ему во власть: онъ меня бросилъ въ Малиновъ, тогда какъ я и имени этого города не слыхалъ прежде, могъ бы бросить въ Канаду, и я сдѣлался бы тамъ куперовскимъ колонистомъ...

— «Случай, которому вы, кажется, придаете всю мощь греческаго фатума, имѣетъ вліяніе надъ внѣшнею стороной жизни, такъ сказать, надъ обстановкой. Въ томъ-то вся задача, чтобъ, подобно какому нибудь Гёте, стоять головою выше всѣхъ обстоятельствъ и ихъ покорять,—чтобъ внутренній міръ сдѣлать независимымъ отъ наружнаго».

— Гёте вы поставили не совсѣмъ хорошо въ примѣръ. Тотъ же случай, о которомъ я говорю, далъ ему, во-первыхъ, огромную дозу эгоизма и, во-вторыхъ, организацію холодную къ многому, волнующему другихъ. Тутъ нѣтъ побѣды, что человѣкъ, не чувствующій потребности пить вино, не пьянствуетъ. Что касается до вашего внутренняго міра, все это хорошо въ стихахъ и въ трактатахъ, а не на самомъ дѣлѣ и не для всѣхъ. Я тоже сошлюсь на Гёте: онъ чрезвычайно глубокомысленно сказалъ въ одной эпиграммѣ, которая, вѣроятно, вамъ извѣстна, что жизнь не имѣетъ *ни ядра, ни скорлупы*. Съ другой стороны, я не спорю, внутренняя полнота, особенно при экзальтаціи воображенія, можетъ сдѣлать человѣка совершенно независимымъ отъ всего внѣшняго; но еще разъ—это не для всѣхъ: для этого надобно имѣть, можетъ быть, слабонервныхъ родителей, вообще склонность къ сумасшествію... Вѣдь и сумасшествіе есть независимость отъ внѣшняго міра.

— «Помилуйте! вскричалъ я, выведенный изъ себя результатомъ. Идеалъ высшаго гармоническаго существованія кажется вамъ болѣзнію близкой къ сумасшествію, и совершенную потерю божественной искры въ человѣкѣ вы сравнили съ безконечною высотою духа, пренебрегающаго всѣми суетами и гордо находящаго цѣлый міръ въ себѣ!»

— А вы сейчасъ сказали, что не понимаете жизни безъ близкаго существа. Тутъ противорѣчіе. Это близкое существо будетъ внѣ васъ, и случай—сквозной вѣтеръ, напримѣръ,—можетъ отнять его у васъ: ну, что-то тутъ скажетъ ваша теорія внутренней полноты?

— «Она самоотверженно склонитъ главу и воспоминаніемъ, самою грустью замѣнитъ былое».

— Хорошо, что у ней гибкая шея. А если-бъ у нея была непреклонная выя Байрона, если-бъ самоотверженіе для нея было столько же невозможно, какъ для рыбы дышать воздухомъ?.. Ко-

нечно, и спорить нечего: воздухъ славная среда для дыханія, жиденькая, прозрачная, — а рыба умираетъ въ ней. Я вижу, вы большой идеалистъ. Это дѣлаетъ вамъ честь, идеализмъ доступенъ только высшимъ натурамъ; идеализмъ одна изъ самыхъ поэтическихъ ступеней въ развитіи человѣка и совершенно по плечу юношескому возрасту, который все пытаетъ словами, а не дѣломъ. Жизнь послѣ покажетъ, что всѣ громкія слова только прикрываютъ кисейнымъ покровомъ пропасти, и что ни глубина, ни ширина ихъ не уменьшается отъ того ни на волосъ. Увидите сами.

— «Увѣряю васъ, что я не позволю какому-нибудь отдѣльному, случайному факту, несчастію потрясти моихъ убѣжденій».

— Богъ знаетъ, судя по живости вашей, я не думаю, чтобъ вы могли пасть въ незавидное положеніе нѣмецкихъ ученыхъ, которые, выдумавъ теорію, всю жизнь ее отстаиваютъ, хотя бы каждый день опровергалъ ее. Конечно, это такъ невинно и безвредно, что жаль ихъ бранить, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно смѣшно. Они мнѣ напоминаютъ старика англичанина, съ которымъ я познакомился въ началѣ нынѣшняго вѣка. Благородный лордъ доказывалъ ясно, какъ $2 \times 2 = 4$, что Наполеона не должно признавать императоромъ и называлъ его «генераломъ Бонапарте». Это навлекло на него разныя гоненія, и онъ долженъ былъ безпрерывно оставлять городъ за городомъ; наконецъ, поселился въ Вѣнѣ,—тутъ ему было раздолье опровергать права Наполеона. На бѣду, генералъ Бонапарте сталъ близокъ австрійскому императору, лордъ покинулъ Австрію, увѣряя, что ежели весь міръ признаетъ Бонапарте императоромъ, то онъ одинъ станетъ противъ всего міра и скорѣй положитъ свою сѣдую голову на плаху, нежели назоветъ его государемъ. Почтенный человѣкъ! Я всегда съ любовью протягивалъ ему руку; душа отдыхала, находя въ ту эпоху флюгерства человѣка съ такимъ мощнымъ убѣжденіемъ,— а бывало, слушая его, внутренне смѣешься, переносясь въ Парижъ, гдѣ короли ждутъ большаго выхода и склоняются передъ Наполеономъ.

— «Всякая крайность имѣетъ свою смѣшную сторону. Но я никогда не думалъ, чтобъ толпа, погруженная въ ежедневность и направляемая ею, не знающая, что она завтра будетъ дѣлать, и которой вся жизнь опредѣляется внѣшнимъ стеченіемъ обстоятельствъ, была ближе къ назначенію человѣка, нежели гордый духъ, отвергающій всякое внѣшнее вліяніе и непокоряющійся ничему имъ непризнанному».

— То и другое, кажется, дурно. Толпа виновата тѣмъ, что она не понимаетъ, почему она такъ живетъ; а гордый духъ, говоря вашими словами, виноватъ вдвое тѣмъ, что, умѣя понимать, не

признаетъ очевидной власти обстоятельствъ и тратитъ силу свою на отстаиваніе мѣста, то-есть на чисто отрицательное дѣло. Не лучше ли, куда бы и какъ бы судьба ни забросила, стараться дѣлать maximum пользы, пользоваться всѣмъ настоящимъ, окружающимъ,—словомъ, дѣйствовать въ той сферѣ, въ которую попалъ, какъ бы ни попалъ.

— «Извините, я не могу удержаться отъ вопроса, какъ вы, напримѣръ, попали на мысль сдѣлаться малиновскимъ помѣщикомъ? Этотъ вопросъ идетъ прямо къ вашимъ словамъ».

— Моя жизнь нейдетъ въ примѣръ. Для того, чтобъ быть брошену такъ безцѣльно, такъ нелѣпо въ мірѣ, какъ я, надобенъ цѣлый рядъ исключительныхъ обстоятельствъ. Я никогда не зналъ ни семейной жизни, ни родины, ни обязанностей, которыя вростаютъ въ сердце съ колыбели. Но замѣтьте, я нисколько не былъ виноватъ, я не навлекъ на себя этого отчужденія отъ всего человѣческаго: обстоятельства устроили такъ. Когда-нибудь я разскажу больше; теперь только скажу о пріѣздѣ сюда. Въ 1815 году жилъ я въ Карлсбадѣ, это время мнѣ очень памятно, я никогда не страдалъ такъ, какъ тогда. Побѣдители Франціи возвращались гордые и ликующіе. Политическія партіи кипѣли; одни хвалились своими ранами, другіе своими проектами; все было занято: побѣжденные слезами, униженные воспоминаніями, но все же заняты. Я одинъ былъ посторонній во всемъ, какимъ-то дальнимъ родственникомъ человѣчества... Это давило меня, я былъ еще помоложе. Всѣ больные разъѣхались; я оставался въ Карлсбадѣ, потому что не могъ придумать куда ѣхать и зачѣмъ. Жилъ цѣлую зиму, пришла весна, явились новые больные, и я вмѣстѣ съ ними принялся пить Шпрудель. Я велъ большую игру и, вѣрьте или нѣтъ, съ радостью видѣлъ, какъ мое богатство утекало широкою рѣкой, предвидя, что, наконецъ, нужда рѣшитъ вопросъ о томъ, что мнѣ дѣлать. Разъ, въ казино, мечу я банкъ; русскій князь, бросавшій деньги горстями и дѣлавшій удивительныя глупости, о которыхъ, я полагаю, до сихъ поръ говорятъ въ Карлсбадѣ, подошелъ къ столу.—«Сколько въ банкѣ?» спросилъ онъ.—Тысяча червонцевъ.—«Не стоитъ и руки марать», замѣтилъ князь съ презрительной улыбкой. Это взбѣсило меня.—Князь! закричалъ я ему вслѣдъ:—я отвѣчаю за банкъ, сколько бы вы ни выиграли; вотъ небольшая гарантія,—и бросилъ на столъ вексель въ огромную сумму.—«Теперь посмотримъ», сказалъ князь, вынулъ карту и поставилъ на нее тысячу червонцевъ. Нѣсколько игроковъ и больныхъ, стоявшихъ возлѣ, взглянули на него, какъ на великаго человѣка. Этого то онъ и хотѣлъ, и за это заплатилъ тысячу червонцевъ, потому что карта была убита. Игра завязалась, и довольно сказать, что въ пять часовъ

утра князь дрожащимъ мѣломъ сосчиталъ 630.000 франковъ, два раза провѣрилъ и съ пятнами на лицѣ признался, что у него такой суммы теперь нѣтъ. На другой день онъ мнѣ прислалъ билетъ въ 130.000 франковъ и предложеніе заложить свое имѣніе въ Малиновской губерніи. Новая мысль блеснула у меня въ головѣ, я просилъ за долгъ уступить имѣніе, онъ обрадовался,—и я сдѣлался властителемъ и обладателемъ 550 душъ въ Малиновской губерніи. Въ 1818 году, я пріѣхалъ съ княземъ въ Россію и, по окончаніи нужныхъ формъ, явился сюда. Десять лѣтъ я работалъ денно и нощно. Представьте, не зная ни слова по-русски, будучи незнакомъ съ нравами, видя, что мои нововведенія принимаются съ ропотомъ и неудовольствіемъ,—я, разомъ ученикъ и распорядитель, впадалъ въ грубѣйшія погрѣшности, судилъ о русскомъ мужичкѣ à la Robert Owen, и въ то же самое время усердно занимался химіей и заводскими дѣлами. Это счастливѣйшіе годы моей жизни! Въ 1829 г. поѣхалъ я посмотрѣть Петербургъ, пробылъ тамъ зиму, соскучился и воротился сюда. Это была для меня минута, полная наслажденія. Тутъ только увидѣлъ я разомъ плоды десятилѣтнихъ трудовъ. Поля моихъ крестьянъ отличались отъ сосѣднихъ, какъ небо отъ земли; ихъ одежда... ну, словомъ, ихъ благосостояніе тронуло меня до слезъ. Съ тѣхъ поръ продолжаю я еще ревностнѣе устраивать мое имѣніе, хочу осушить болота, увеличить заводъ, и меня тѣшитъ явное улучшеніе того клочка земли, который судьба мнѣ дала. Я работаю, а между тѣмъ жизнь идетъ, да идетъ. Et, c'est autant de pris sur le diable!

— Прошу въ столовую, прибавилъ онъ, вставая и принимая опять свой холодный видъ, котораго онъ было лишился, разсказывая свою агрономическую поэму.

Я остался въ раздумьи отъ этой встрѣчи. Въ умномъ хозяинѣ моемъ не было ничего мефистофельскаго, ни бальзаковскихъ yeux fascinateurs, ни лихорадочнаго взора героевъ Сю, ни... ни всѣхъ необходимыхъ діагностическихъ и прогностическихъ признаковъ разочарованныхъ, мизантроповъ, бѣснующихся девятнадцатаго вѣка. Совсѣмъ напротивъ, въ немъ было много добраго, а между тѣмъ, его слова производили какое-то тяжкое, грустное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ была доля истины и что онъ жизнію дошелъ до своихъ результатовъ.

Послѣ обѣда люди дѣлаются вообще гораздо добрѣе. Это одно изъ тѣхъ убійственныхъ замѣчаній, которыя глубоко оскорбляютъ душу мечтательную, а между тѣмъ оно до того справедливо, что Гомеръ въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» и Шекспиръ, не помню гдѣ, говорятъ объ этомъ. Итакъ, мы сдѣлались добрѣе и сѣли на турецкій диванъ, въ маленькой угольной комнатѣ, потому что солнце свѣтило теперь прямо на террасу. На стѣнѣ висѣло нѣсколько

эстамповъ, я всталъ, чтобъ посмотрѣть ихъ, и остановился передъ гравюрой съ Раухова бюста Гёте. Господи, какъ въ преклонныя лѣта сохранилась такая мощная и величественная красота! Эта голова могла бы послужить типомъ для греческаго ваятеля. Это чело, возвышенное и мощное по самой формѣ, эти спокойныя очи, эти брови... Самое слабое старческое тѣло придавало глубокій смыслъ его лицу, смыслъ, понятый тѣмъ изъ его современниковъ, который по многому могъ стать возлѣ него. «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ воспрянуть во всей славѣ и красотѣ своей безтѣлесности» [1]). Я долго стоялъ передъ изображеніемъ поэта и спросилъ у Трензинскаго:

— «Видали-ли вы Гёте и похожъ ли этотъ бюстъ?»

— Два раза, отвѣчалъ онъ.—Да, онъ въ иныя минуты былъ похожъ на свой бюстъ. Раухъ точно геніально умѣлъ схватить высшее выраженіе его лица.

— «Разскажите, пожалуйста, гдѣ и какъ вы его видѣли. Я страстно люблю разсказы очевидцевъ о великихъ людяхъ».

— Я не думаю, чтобъ вамъ понравился мой разсказъ; вы мечтатель, вамъ вѣроятно Гёте все представляется молніеноснымъ Зевсомъ, глаголющимъ міровыя истины и великія слова. Я, напротивъ, никогда не умѣлъ уничтожаться въ поклоненіи и адуляціи знаменитыхъ индивидуальностей, и смотрѣлъ на нихъ безъ заготовленныхъ теорій, и большею частію видѣлъ, что онѣ—sont ce que nous sommes, имѣютъ лицевую сторону и изнанку. Вы, поэты, именно изнанки-то и не хотите знать, а безъ нея индивидуальность не полна, не жива. Вотъ вамъ моя встрѣча послѣ предисловія, за которое прошу не сердиться.

— Я былъ мальчикомъ лѣтъ 16, когда видѣлъ его въ первый разъ. Въ началѣ революціи отецъ мой былъ въ Парижѣ и я съ нимъ. Régime de terreur какъ-то проглядывалъ сквозь сладкоглаголивую жиронду. Люди совершенно безумные, съ растрепанными волосами и въ сальныхъ кафтанахъ, показывались въ парижскихъ салонахъ и проповѣдывали громко уничтоженіе всѣхъ прежнихъ общественныхъ связей. Иностранцамъ было опасно ѣхать и еще опаснѣе оставаться. Отецъ мой рѣшился на первое, и мы тайкомъ выбрались изъ Парижа. Много было хлопотъ, пока мы доѣхали до Эльзаса. Если-бъ я былъ настоящій пруссакъ, я издалъ бы непремѣнно толстую книгу на оберточной бумагѣ подъ заглавіемъ «Ausserordentliche Reise-Abenteuer eines Flüchtlings aus der Hauptstadt der Franzosen zur Zeit der grossen Umwälzung—Anno 1792 nach der Erlösung etc.». Въ самомъ

[1]) Гегель въ «Эстетикѣ».

дѣлѣ, мы нѣсколько разъ подвергались опасности быть принятыми за переметчиковъ. Наконецъ, кривой мальчишка, провожавшій насъ черезъ лѣсъ, указалъ вдали огни и, сказавъ: V'la vos chiens de Brunswick, взялъ обѣщанный червонецъ и скрылся въ лѣсу, крича во все горло «ça ira!» Насъ остановили на цѣпи, и, пока фельдфебель ходилъ съ паспортомъ, не знаю куда, я съ удивленіемъ смотрѣлъ на солдатъ. Караулъ былъ занятъ австрійцами; я такъ привыкъ къ живымъ одушевленнымъ физіономіямъ французовъ, что меня поразила холодная нѣмота этихъ лицъ, съ свѣтлыми усами и въ бѣлыхъ мундирахъ. Неподвижно, угрюмо стояли они, точно загрязнившіяся статуи командора изъ «Донъ-Жуана». Насъ повели къ генералу, и послѣ разныхъ допросовъ и разспросовъ позволили ѣхать далѣе, по возможности никакой не было достать лошадей: всѣ были взяты подъ армію, для которой тогда наступило самое критическое время. Армія гибла отъ голода и грязи. На другой день пригласилъ насъ одинъ владѣтельный князь на вечеръ. Въ маленькой залѣ, принадлежавшей сельскому священнику, мы застали нѣсколько полковниковъ, какъ всѣ нѣмецкіе полковники, съ сѣдыми усами, съ видомъ честности и неслишкомъ большой дальновидности. Они грустно курили свои сигары. Два, три адъютанта весело говорили по-французски, коверкая германизмомъ каждое слово; казалось, они еще не сомнѣвались, что имъ прійдется попировать въ Palais Royal и тамъ оставить свой здоровый цвѣтъ лица, завѣтный локонъ, подаренный при разлукѣ, и нѣмецкую способность краснѣть отъ двусмысленнаго слова. Вообще было скучно. Довольно поздно явился еще гость во фракѣ, мужчина хорошаго роста, довольно плотный, съ гордымъ, важнымъ видомъ. Всѣ привѣтствовали его съ величайшимъ почтеніемъ; но его взоръ не былъ привѣтливъ, не вызывалъ дружбы, а благосклонно принималъ привычную дань вассальства. Каждый могъ чувствовать, что онъ не товарищъ ему. Князь предложилъ кресло возлѣ себя; онъ сѣлъ, сохраняя ту особенную Steifheit, которая въ крови у нѣмецкихъ аристократовъ. «Нынче утромъ», сказалъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій: «я имѣлъ необыкновенную встрѣчу. Я ѣхалъ въ каретѣ герцога, какъ всегда, вдругъ подъѣзжаетъ верхомъ какой-то военный, закутанный шинелью отъ дождя. Увидѣвъ веймарскій гербъ и герцогскую ливрею, онъ подъѣхалъ къ каретѣ и—представьте взаимное наше удивленіе—когда я узналъ въ военномъ его величество короля, а его величество нашелъ вмѣсто герцога — меня. Этотъ случай останется у меня долго въ памяти».

Разговоръ обратился отъ разсказа чрезвычайной встрѣчи къ королю и естественно перешли къ тѣмъ вопросамъ, которые тогда занимали всѣхъ бывшихъ въ залѣ, т. е. къ войнѣ и политикѣ.

Князь подвелъ моего отца къ дипломату и сказалъ, что отъ моего отца онъ можетъ узнать самыя новыя новости.

«Что дѣлаетъ генералъ Лафайетъ и всѣ эти антропофаги?» спросилъ дипломатъ.

— Лафайетъ, отвѣчалъ мой отецъ, неустрашимо защищаетъ короля и въ открытой борьбѣ съ якобинцами.—Дипломатъ покачалъ головою и выразительно замѣтилъ:

«Это одна маска. Лафайетъ, я почти увѣренъ, за одно съ якобинцами».

— Помилуйте! возразилъ мой отецъ:—да съ самаго начала у нихъ непримиримая вражда.—Дипломатъ иронически улыбнулся и, помолчавъ, сказалъ:

«Я собирался ѣхать въ Парижъ года два тому назадъ, но я хотѣлъ видѣть Парижъ Людовика Великаго и великаго Аруэта, а не орду гунновъ, неистовствующихъ на обломкахъ его славы. Можно ли было ожидать, чтобъ буйная шайка демагоговъ имѣла такой успѣхъ? О, если-бъ Неккеръ въ свое время принялъ иныя мѣры, если-бъ Людовикъ XVI послушался не ангельскаго сердца своего, а преданныхъ ему людей, которыхъ предки столѣтія процвѣтали подъ лиліями, намъ не нужно бы было теперь подниматься въ крестовый походъ! Но нашъ Готфредъ скоро образумитъ ихъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, да и сами французы ему помогутъ; Францiя не заключена въ Парижѣ».

Князь былъ ужасно доволенъ его словами.

Но кто не знаетъ откровенности германскихъ воиновъ, да и воиновъ вообще? Ихъ разрубленныя лица, ихъ прострѣленныя груди даютъ имъ право говорить то, о чемъ мы имѣемъ право молчать. По несчастію, за княземъ стоялъ, опершись на саблю, одинъ изъ сѣдыхъ полковниковъ, въ наружности было видно, что онъ жизнь провелъ съ 10 лѣтъ на бивакахъ и въ лагеряхъ, что онъ хорошо помнитъ стараго Фрица; черты его выражали гордое мужество и безусловную честность. Онъ внимательно слушалъ слова дипломата и, наконецъ, сказалъ:

— Да неужели вы не шутя вѣрите до сихъ поръ, что французы насъ примутъ съ распростертыми объятіями, когда всякій день показываетъ намъ, какой свирѣпо-народный характеръ принимаетъ эта война, когда поселяне жгутъ свой хлѣбъ и свои дома для того, чтобъ затруднить насъ? Признаюсь, я не думаю, чтобъ намъ скоро пришлось обращать Парижъ на путь истинный, особенно, ежели будемъ стоять на одномъ мѣстѣ.

«Полковникъ не въ духѣ, возразилъ дипломатъ и взглянулъ на него такъ, что мнѣ показалось, что онъ придавилъ его ногой.—Но я полагаю, вы знаете лучше меня, что осенью, въ грязь, невозможно идти впередъ. Въ полководцѣ не благородная

запальчивость, а благоразуміе дорого; вспомните Фабія Кунктатора».

Полковникъ не струсилъ ни отъ взора, ни отъ словъ дипломата:

— Разумѣется, теперь нельзя идти впередъ, да и назадъ трудно. Впрочемъ, вѣдь осень въ нынѣшнемъ году не первый разъ во Франціи, грязь можно было предвидѣть. Я молю Бога, чтобъ дали генеральное сраженіе; лучше умереть передъ своимъ полкомъ съ оружіемъ въ рукѣ, отъ пули, чѣмъ сидѣть въ этой грязи...—И онъ жалъ рукою эфесъ сабли. Началось шептанье и издали слышалось: «ja, ja, der Obrist hat recht... Wäre der grosse Fritz... oh! der grosse Fritz!» Дипломатъ, улыбаясь, обернулся къ князю и сказалъ:

«Въ какой бы формѣ ни выражалась эта жажда побѣдъ воиновъ тевтонскихъ, нельзя ее видѣть безъ умиленія. Конечно, наше настоящее положеніе не изъ самыхъ блестящихъ, но вспомнимъ, чѣмъ утѣшался Жуанвиль, когда былъ въ плѣну съ Святымъ-Лудовикомъ: Nous en parlerons devant les dames».

— Покорно благодарю за совѣтъ! возразилъ неумолимый полковникъ.—Я своей женѣ, матери, сестрѣ (если-бъ онѣ у меня были) не сказалъ бы ни слова объ этой кампаніи, изъ которой мы принесемъ грязь на ногахъ и раны на спинѣ. Да и объ этомъ, пожалуй, нашимъ дамамъ прежде насъ разскажутъ эти чернильные якобинцы, о которыхъ насъ увѣряли, что они исчезнутъ какъ дымъ при первомъ выстрѣлѣ.

Дипломатъ понялъ, что ему не совладать съ такимъ соперникомъ, и онъ, какъ Ксенофонтъ, почетно отступилъ съ слѣдующими 10,000 словами:

«Міръ политики мнѣ совершенно чуждъ, мнѣ скучно, когда я слушаю о маршахъ и эволюціяхъ, о преніяхъ и мѣрахъ государственныхъ. Я не могъ никогда безъ скуки читать газетъ; все это что-то такое преходящее, временное, да и вовсе чуждое по самой сущности намъ. Есть другія области, въ которыхъ я себя понимаю царемъ. Зачѣмъ же я пойду безъ призыва, дюжиннымъ резонёромъ, вмѣшиваться въ дѣла, возложенныя провидѣніемъ на избранныхъ имъ нести тяжкое бремя управленія? И что мнѣ за дѣло до того, что дѣлается въ этой сферѣ!»

Слово «дюжинный резонёръ» попало въ цѣль: полковникъ сжалъ сигару такъ, что дымъ у нея пошелъ изъ двадцати мѣстъ, и впрочемъ довольно спокойно, но съ огненными глазами сказалъ:

— Вотъ я, простой человѣкъ, нигдѣ себя не чувствую ни царемъ, ни геніемъ, а вездѣ остаюсь *человѣкомъ*, и помню, какъ еще будучи мальчикомъ, затвердилъ пословицу: Homo sum et

nihil humani a me alienum puto. Двѣ пули, пролетѣвшія сквозь мое тѣло, подтвердили мое право вмѣшиваться въ тѣ дѣла, за который я плачу своею кровью.

Дипломатъ сдѣлалъ видъ, что онъ не слышитъ словъ полковника; къ тому же тотъ сказалъ это, обращаясь къ своимъ сосѣдямъ.

«И здѣсь, продолжалъ дипломатъ, среди военнаго стана, я такъ же далекъ отъ политики, какъ въ веймарскомъ кабинетѣ».

— А чѣмъ вы теперь занимаетесь? спросилъ князь, едва скрывая радость, что разговоръ перемѣнился.

«Теоріею цвѣтовъ; я имѣлъ счастіе третьяго дня читать отрывки свѣтлѣйшему дядюшкѣ вашей свѣтлости».

Стало, это не дипломатъ. «Кто это»? спросилъ я эмигранта, который сидѣлъ возлѣ меня и, не смотря на бивачную жизнь, нашелъ средство претщательно нарядиться, хотя и въ короткое платье. «Ah, bah; c'est un celèbre poête allemand M-r Koethe, qui a écrit, qui a écrit... ah, bah;.. la Messiade»!

Такъ это-то авторъ романа, сводившаго меня съ ума: «Werthers Leiden», подумалъ я, улыбаясь филологическимъ знаніямъ эмигранта. Вотъ моя первая встрѣча.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мрачный терроръ скрылся за блескомъ побѣдъ. Дюмурье, Гошъ и наконецъ Бонапартъ поразили міръ удивленіемъ. То было время первой итальянской кампаніи, этой юношеской поэмы Наполеона. Я былъ въ Веймарѣ и пошелъ въ театръ. Давали какую-то политическую фарсу Гётева сочиненія. Публика не смѣялась, да и по правдѣ насмѣшка была натянута и плосковата. Гёте сидѣлъ въ ложѣ съ герцогомъ. Я издали смотрѣлъ на него и отъ всей души жалѣлъ его; онъ понялъ очень хорошо равнодушіе, кашель, разговоры въ партерѣ, и испытывалъ участь журналиста, попавшаго не въ тонъ. Между прочимъ, въ партерѣ былъ тотъ же полковникъ; я подошелъ къ нему; онъ узналъ меня. Лицо его исхудало, какъ-будто лѣтъ десять мы не видались, рука была на перевязкѣ.

— Что же Гёте тогда толковалъ, что политика ниже его, а теперь пустился въ памфлеты? Я *дюжинный резонёръ* и не понимаю тѣхъ людей, которые хохочутъ тамъ, гдѣ народы обливаются кровью, и, открывши глаза, не видятъ, что совершается передъ ними. А, можетъ быть, это право генія...

Я молча пожалъ его руку и мы разстались. При выходѣ изъ театра, какіе-то три, вѣроятно, пьяные бурша съ растрепанными волосами въ честь Арминія и тацитова сказанія о германцахъ, съ портретомъ Фихте на трубкахъ, принялись свистать, когда Гёте садился въ карету. Буршей повели въ полицію, я пошелъ домой и съ тѣхъ поръ не видалъ Гёте.

— «Что вы хотите всѣмъ этимъ сказать?» спросилъ я.

— Я хотѣлъ исполнить ваше желаніе и разсказать мою встрѣчу; тутъ нѣтъ внѣшней цѣли, это фактъ. Я видѣлъ Гёте такъ, а не иначе; другіе видѣли его иначе, а не такъ,—это дѣло случая.

«Но вы какъ-то умѣли сократить колоссальную фигуру Гёте, даже умѣли покорить его какому-то полковнику».

— Что нибудь одно: или вы думаете, что я лгу,—въ такомъ случаѣ у меня нѣтъ документовъ, чтобъ убѣдить васъ въ противномъ, или вы вѣрите мнѣ,—и тогда вините себя, ежели Гёте живой не похожъ на того, котораго вы создали... Всѣ мечтатели увлекаются безусловно авторитетами, строятъ себѣ въ головѣ фантастическихъ великихъ людей, одностороннихъ и, слѣдовательно, невѣрныхъ оригиналамъ. Лафатеръ, читая Гёте, составилъ идею его лица по своей теоріи; черезъ нѣсколько времени они увидѣлись, и Лафатеръ чуть не заплакалъ: Гёте живой нисколько не былъ похожъ на Гёте а priori. Я вамъ предсказывалъ, что вы будете недовольны моимъ разсказомъ. Въ томъ-то и дѣло, что все живое такъ хитро спаяно изъ многаго множества элементовъ, что оно почти всегда стороною или двумя ускользаетъ отъ самыхъ многообъемлющихъ теорій. Отсюда рядъ ошибокъ. Когда мы говоримъ о римлянахъ, у насъ все мелькаетъ передъ глазами театральная поза, цивическія добродѣтели, форумъ. Будто жизнь римлянъ не имѣла еще множества другихъ сторонъ! Такъ поступаютъ и съ историческими людьми. Для идеалистовъ задача: какъ Рембрандтъ могъ быть скупцомъ и великимъ художникомъ, какъ Тиверій могъ быть жестокимъ и между тѣмъ глубокомысленнымъ, проницательнымъ монархомъ. Живая индивидуальность—вотъ порогъ, за который цѣпляется ваша философія, и Шекспиръ, безсомнѣнно, лучше всѣхъ философовъ, отъ Анаксагора до Гегеля, понималъ *своимъ путемъ* это необъятное море противорѣчій, бореній, добродѣтелей, пороковъ, увлеченій, прекраснаго и гнуснаго,—море, заключенное въ маленькомъ пространствѣ отъ діафрагмы до черепа и спаянное неразрывно въ живой индивидуальности... Но довольно философствовали, пойдемте гулять; погода прекрасная, жаль въ комнатѣ сидѣть.

— «Въ томъ то вся великая задача, сказалъ я, вставая,—чтобъ умѣть примирить эти противорѣчія и боренія и соткать изъ нихъ одну гармоническую ткань жизни и эту-то задачу разрѣшитъ намъ Германія, потому что она ее громко выговорила, и одной ею и занимается».

— Дай, Богъ, успѣха! Но я боюсь, чтобъ не повторилась исторія отыскиванія всеобщаго лекарства отъ болѣзней, которое занимало Парацельса и умнѣйшія головы того вѣка. Спору нѣтъ, всякое примиреніе хорошо, и мы всѣ чѣмъ-нибудь примиряемся

съ жизнію: безъ этого пришлось бы застрѣлиться. Философы примиряются съ несчастіями, слѣпо и грубо поражающими ежедневно индивидуальность мыслью о ничтожности индивидуума. Мистикъ примиряется съ этими же несчастіями, полагая, что ими искупается паденіе Люцифера, и что за это будетъ награда;.. по крайней мѣрѣ, это мнѣніе не такъ ледяно-холодно. А потомъ и человѣкъ чѣмъ-нибудь да примиряется съ жизнію: одинъ — тѣмъ, что онъ не вѣритъ ни въ какое примиреніе, и это выходъ; другой, какъ вы, напримѣръ, вѣря, что вы убѣждены разумомъ въ томъ, во что вы вѣрите; я — тѣмъ, что будто бы дѣлаю существенную пользу, копая землю. Повѣрьте, всѣ мы дѣти и, какъ дѣти вообще, играемъ въ игрушки и принимаемъ куклы за дѣйствительность. Мнѣ теперь пришелъ на память лордъ Гамильтонъ, ѣздившій по Европѣ и Азіи отъискивать идеалъ женской красоты между статуями и картинами. Знаете, чѣмъ онъ кончилъ?

— «Нѣтъ».

— Тѣмъ, что женился на доброй, бѣлокуренькой ирландкѣ и кричалъ: «нашелъ! нашелъ!» Ха, ха, ха!.. Ей Богу, дѣти! — Но время идетъ. Пойдемте.

Мы пошли.

Примѣчаніе нашедшаго тетрадь. — Считаю себя обязаннымъ, предупреждая недоразумѣніе, сказать нѣсколько словъ о разсказѣ Трензинскаго относительно Гёте. Больно было-бы мнѣ думать, что разсказъ этотъ сочтутъ мелкимъ камнемъ, брошеннымъ въ великаго поэта, передъ которымъ я благоговѣю. Въ Трензинскомъ преобладаетъ скептицизмъ d'une existence manquée, это равно ни скептицизмъ древнихъ, ни скептицизмъ Юма, а скептицизмъ жизни, убитой обстоятельствами, безпредѣльно грустный взглядъ на вещи человѣка, котораго грудь покрыта ранами незаслуженными, человѣка, оскорбленнаго въ благороднѣйшихъ чувствахъ, и между тѣмъ человѣка полнаго силы (eine kernhafte Natur). Я разскажу со временемъ всю жизнь его, и тогда можно будетъ увидѣть, какъ онъ дошелъ до своего воззрѣнія. Трензинскій—человѣкъ по преимуществу практическій, всего менѣе художникъ. *Онъ могъ* смотрѣть на Гёте съ такой бѣдной точки, да и долженъ ли былъ вселить Гёте уваженіе къ себѣ, подавить авторитетомъ человѣка, который рядомъ бѣдствій дошелъ до неуваженія лучшихъ упованій своей жизни? Съ другой стороны, люди практической сферы рѣдко умѣютъ свой острый умъ прилагать къ сужденію о художникахъ и о ихъ произведеніяхъ. Фридрихъ II, прочитавъ «Геца фон-Берлихингена», сказалъ: «Encore une mauvaise tragédie dans le genre anglais!»—Гёте простилъ ему это сужденіе отъ всей души.

Сверхъ того, не увлекаясь авторитетами, мы должны будемъ сознаться, что жизнь германскихъ поэтовъ и мыслителей чрезвы-

чайно одностороння, я не знаю ни одной германской біографіи, которая не была бы пропитана *филистерствомъ*. Въ нихъ, при всей космополитической всеобщности, не достаетъ цѣлаго элемента человѣчности, именно практической жизни, и хоть они очень много пишутъ, особенно теперь, о конкретной жизни, но уже самое то, что они пишутъ о ней, а не живутъ ею, доказываетъ ихъ абстрактность. Просимъ вспомнить для того, чтобъ разомъ увидѣть все необъятное разстояніе между ими и людьми жизни, біографію Байрона... Трензинскій, конечно, не могъ симпатизировать съ германцами и, какъ человѣкъ, въ которомъ нѣкогда была развита именно та сторона жизни, которая вовсе не развита у нѣмцевъ, не могъ съ нею и примириться за другія стороны.

Лициній и Вильямъ Пенъ.

SCENARIO

двухъ драматическихъ опытовъ.

I.

Лициній [1]).

Первая сцена.—Римъ во времена Нерона. Празднество новаго года у Пизона, пышная оргія à l'antique; у Пизона собрались сановитые патриціи, художники, поэты, поклонники старины, представители славнаго прошедшаго, недовольные, *легитимисты* римской республики. Они увѣрены, что императорство не устоитъ и въ тиши работаютъ, чтобъ низвергнуть тирана. У нихъ есть заговоръ, въ немъ участвуютъ избранные изъ избранныхъ, самъ Пизонъ, поэтъ Луканъ, строгій, стоическій римлянинъ древнихъ дней Тразей и восторженная куртизана Эпихарисъ, которая не уступитъ ему въ энергіи и героизмѣ.

Пиръ идетъ своимъ порядкомъ: тосты, желанія, политическіе намеки, цвѣты, вино, яства. Въ общемъ разгулѣ не участвуетъ одинъ молодой человѣкъ, больной, нѣсколько юродивый, племянникъ Пизона, Лициній. Онъ недавно возвратился изъ Аѳинъ; родные замѣтили, что онъ съ тѣхъ поръ сталъ заговариваться. Вызванный изъ своихъ мечтаній, Лициній на веселый тостъ отвѣчаетъ печальной рѣчью. Онъ не вѣритъ въ воскресеніе древняго

[1]) Вслѣдъ за «Записками молодаго человѣка», помѣщаю я Scenario моихъ несчастныхъ драматическихъ опытовъ, безжалостно убитыхъ Бѣлинскимъ (XVI глава I части «Былого и Думы»), который просилъ меня переписать стихи въ строку, чтобы нельзя было замѣтить, что они писаны рубленой прозой, на манеръ стиховъ. Сцены эти относятся къ 1838 г.

Рима и, еще хуже, онъ и не желаетъ его. На Римѣ лежитъ грѣхъ, грѣхъ Ромула; какъ бы, вызывая прошедшее изъ могилы, не вызвать Рема—голоднаго, одичалаго въ подземной жизни своей! Его ждутъ не граждане Рима, не патриціи, его ждутъ безправные покрытые рубищемъ, чернь спартаковская.

Гости привыкли къ бреду Лицинія, но тѣмъ не меньше на разсвѣтѣ, послѣ оргіи, слова его дѣйствуютъ на нервы. Пиръ разстроивается.

Вторая сцена.—Въ саду Пизоновской виллы. Лициній очень боленъ, его мучитъ тоска, онъ велѣлъ себя положить подъ деревомъ. Возлѣ него другъ его первой молодости, юноша, блестящій умомъ и красотой, пылающій здоровьемъ, Мевій. Мысль Лицинія занята смертью; какъ настоящій римлянинъ, онъ философствуетъ, чувствуя ея приближеніе. Печаленъ его взглядъ. Онъ видитъ ясно, какъ всѣ его близкіе несутся въ неминуемую гибель, онъ знаетъ о ихъ заговорѣ, онъ не вѣритъ въ его успѣхъ, и вообще не вѣритъ, чтобъ Римъ можно было воскресить; его часъ насталъ, и спасти его нельзя и не нужно.

Мевій съ нимъ согласенъ; онъ ясно понимаетъ, что тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя поддерживали древнюю республику, нѣтъ больше. Онъ тоже не видитъ выхода въ смыслѣ реставраціи, но онъ находитъ безумнымъ страдать о вещахъ, которыхъ нельзя перемѣнить; не остается ли человѣку еще другая жизнь, чисто личная, принадлежащая ему? Развѣ у него можно взять способность наслаждаться? Пусть же человѣкъ пользуется всѣми дарами жизни, пользуется тѣмъ мгновеніемъ, которое ему уступлено судьбой и которое дается только разъ. Мевій увѣряетъ Лицинія, что вообще въ природѣ нѣтъ ни того счастія, ни того несчастія, о которомъ мечтаютъ люди и котораго боятся; жизнь почти всегда одинакая, и перемѣны поражаютъ только со стороны. «Сегодня цвѣтетъ одно дерево, а завтра другое». Теперь, гдѣ-нибудь въ полуразрушенныхъ Ѳивахъ, нѣтъ прежней исторической жизни, а змѣямъ и ящерицамъ жить веселѣе и птицамъ привольнѣе вить себѣ гнѣзда.

Лициній не слушаетъ его; онъ вспоминаетъ о втрѣчѣ съ какимъ-то пророкомъ или волхвомъ, котораго вѣра была такъ полна покоя, надежды,—если-бъ онъ могъ вѣрить, онъ былъ бы счастливъ, но вѣры нѣтъ въ его сердцѣ. Онъ забывается, или впадаетъ въ забытье. Старикъ, плѣшивый аѳинскій старикъ, волхвъ передъ нимъ, онъ зоветъ его... Дыханіе слабѣетъ и юноша умираетъ.

Третья сцена, на форумѣ.—Державный народъ у себя дома, въ своей пріемной залѣ. Импровизаторъ поетъ напвычурнѣйшими стихами оду о доблестяхъ божественнаго, августѣйшаго Нерона,

отца отечества. Лазутчики подсматриваютъ, восхищаются ли люди, хорошо одѣтые. За плебеями никто не смотритъ, они и бранятъ Цезаря, но они его любятъ; бранятъ они его за то, что онъ сталъ скупъ на гладіаторовъ; агенты успокоиваютъ народъ, говорятъ, что скоро будутъ травить въ циркѣ дикими звѣрями какихъ-то назареевъ, что они ужъ привезены и содержатся въ клѣткахъ, т. е. тигры и львы, а назареевъ скоро пригонятъ. Это успокоиваетъ умы.

Патриціи потомъ толкуютъ о тяжелыхъ временахъ. Новая несправедливость Нерона сильно оскорбила ихъ: какой-то сенаторъ былъ убитъ рабомъ, наслѣдники хотѣли въ наказанье убить всѣхъ рабовъ до единаго; Неронъ сказалъ, что это глупо, и запретилъ. Послѣ этого гдѣ же неприкосновенная святость собственности?

Приходитъ какой-то рабъ и разсказываетъ, что недалеко отъ города, на Аппіевой дорогѣ, онъ видѣлъ какого-то колдуна съ востока, что ему на встрѣчу шли изъ Рима люди въ бѣлой одеждѣ съ зелеными вѣтвями, что за колдуномъ идетъ толпа нищихъ, женщинъ, онѣ разсказываютъ, что онъ лечитъ прикосновеніемъ руки, что ночью около его головы видно сіяніе... «Въ циркъ его, въ циркъ!» кричатъ со всѣхъ сторонъ. «Но сначала пойдемте его смотрѣть!»

Четвертая сцена. — Via Appia. Съ одной стороны дороги родовой колумбарій Пизона, все приготовлено для сожженія тѣла Лицинія. Похоронная процессія, отецъ Лицинія идетъ печально за тѣломъ; его утѣшаетъ Сенека, приводя въ примѣръ всѣхъ знаменитыхъ отцовъ, потерявшихъ дѣтей, разсказывая мнѣнія египтянъ о смерти.

Патриціи заговорщики рады случаю пошептать, съ важностью сообщаютъ они другъ другу неважныя вѣсти, таинственно сговариваются на пустой сходъ. Родные устали и хотятъ ѣсть.

Въ это время, съ противоположной стороны, показывается на дорогѣ поднимающійся въ гору *апостолъ Павелъ* и останавливается передъ разстилающимся амфитеатромъ вѣчнаго города. Онъ благословляетъ языческую весь и, обращаясь къ своимъ, произноситъ рѣчь.

Отецъ Лицинія придирается къ нему и проситъ воскресить сына: «если твой Богъ великъ, отдай мнѣ сына и возьми у меня, что хочешь». Апостолъ говоритъ ему, чтобъ онъ молился и вѣрилъ, потомъ снова обращаясь къ народу, пророчитъ кончину стараго міра и водвореніе новаго, смерть въ первомъ Адамѣ и жизнь во второмъ. Окончивъ проповѣдь, онъ молится колѣнопреклоненный.

Лициній открываетъ глаза, приходитъ въ себя и начинаетъ узнавать Павла.

Павелъ продолжаетъ рѣчь. Народъ, пораженный ужасомъ, видя оживленнаго покойника, молчитъ. Отецъ Лицинія умоляетъ Павла взять часть его достоянія. «Раздай бѣднымъ», отвѣчаетъ Павелъ, «мнѣ не нужно»! Народъ яростно рукоплещетъ. Отецъ зоветъ сына съ собой, но тотъ, кротко взявъ его руку, говоритъ ему: «Лициній твой умеръ, вотъ мой отецъ и моя родина, я иду по стопамъ его».

Народъ разступается, привѣтствуетъ Павла. Сенека не вѣритъ въ воскрешеніе, онъ думаетъ, что Лициній былъ въ летаргическомъ снѣ. Какой-то жрецъ находитъ, что это гораздо опаснѣе, нежели думаютъ, и идетъ во имя боговъ дѣлать доносъ въ языческую консисторію.

II.

Вильямъ Пенъ.

Та же мысль, тотъ же основной мотивъ и въ Вильямѣ Пенѣ. Опять разрывъ двухъ міровъ, опять отходящее старое тѣснитъ возникающее юное, опять двѣ нравственности съ ненавистью глядятъ другъ на друга.

Вильямъ Пенъ историческихъ сценъ не похожъ на историческаго Пена, я плохо зналъ исторію Англіи того времени и имѣлъ самыя общія понятія о Пенѣ, населившемъ Пенсильванію. Въ моемъ очеркѣ должно искать другую правду, не историческую; въ Шиллеровомъ Донъ Карлосѣ также трудно найти Донъ Карлоса испанскихъ лѣтописей, какъ въ моемъ блѣдномъ Вильямѣ Пенѣ хитраго квакера, описаннаго (съ пристрастіемъ, можетъ, въ другую сторону) — Маколеемъ. Бѣда не въ томъ, а въ томъ, что очеркъ изъ англійской протестантской жизни, кажется мнѣ больше натянутымъ, чѣмъ *Лициній*, особенно въ концѣ.

Въ небольшомъ англійскомъ городѣ, въ сырой, темной лачугѣ, сапожникъ оканчиваетъ субботнюю работу, въ углу лежитъ больной ребенокъ, его сынъ, въ лихорадкѣ; одежда, которой онъ покрытъ, коротка, въ комнатѣ холодно, топить нечѣмъ. Возлѣ сапожника, тощій, изнуренный работникъ.—«Что-жъ, деньги отъ попа получилъ»? — спрашиваетъ хозяинъ работника. Работникъ говоритъ, что два раза ходилъ, но что кухарка не только не допустила его, но разбранила и строго на строго запретила приходить до понедѣльника. Reverend сочиняетъ проповѣдь на завтра, и всѣ мірскія дѣла оставилъ.

Сапожникъ крѣпился, онъ давно угрюмъ, въ его головѣ давно бродятъ странныя мысли, онъ самъ ихъ боится; но сосудъ переполнился, этой капли недоставало: больной ребенокъ долженъ дрогнуть, они оба остаются два дня безъ пищи,—потому что reverend сочиняетъ проповѣдь.

«Не объ милосердіи ли?» спрашиваетъ онъ и бросаетъ свое шило, рѣчь страстная, полная упрековъ и обличеній, несется бурнымъ потокомъ, и болѣзненный работникъ, пораженный, тронутый, повергается въ прахъ передъ нимъ, увѣренный, что его устами говоритъ духъ святой. Сапожникъ растетъ гнѣвомъ и мыслью, завтра онъ идетъ въ церковь, онъ прерветъ рѣчь фарисея, онъ скажетъ проповѣдь, онъ—самъ священникъ.

Во *второй сценѣ*, мы уже встрѣчаемъ Чарлса Фокса, лейстерскаго чеботаря, раскольническимъ іересіархомъ, уже онъ не живетъ на мѣстѣ; «слово», ему ввѣренное, духъ божій его гонитъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного мѣстечка въ другое, съ проповѣдью, съ призывомъ на новую евангельскую жизнь.

На дорогѣ, ведущей отъ большого, сумрачнаго замка, лежитъ нищая старуха, разбитая параличемъ. Проходитъ Фоксъ, выѣзжаетъ изъ воротъ замка мальчикъ верхомъ. Нищая поетъ свою пѣсню, мальчикъ съ состраданіемъ взглянулъ на нее, пошарилъ въ карманѣ и бросилъ ей серебряную монету, но бросилъ такъ далеко, что безногой нищей нельзя и достать безъ большихъ усилій. Юноша хочетъ скакать далѣе, но передъ нимъ мрачная фигура сапожника-пророка. Дюжей рукой пролетарія, онъ схватилъ лошадь подъ уздцы. «Ты сдѣлалъ доброе дѣло, но сдѣлалъ его скверно, говоритъ онъ мальчику. Посмотри, куда ты бросилъ деньги, какъ же эта безпомощная женщина ихъ достанетъ, подними ихъ и отдай ей.» Первое движеніе мальчика было желаніе вытянуть его хлыстомъ и дать шпору лошади. Но спокойно-строгій видъ Фокса, его ожидающій взглядъ и страшныя слова поразили юношу. Онъ наивно говоритъ, что не видѣлъ, куда бросилъ монету, и въ доказательство, что онъ напрасно его бранитъ, соскакиваетъ съ лошади и съ улыбкой подаетъ старухѣ деньги. Фоксъ, тронутый до слезъ, благословляетъ его. Мальчикъ этотъ Вильямъ Пенъ.

Третья сцена въ замкѣ Вильямова отца. Съ тѣхъ поръ какъ юноша встрѣтился съ Фоксомъ, прошло нѣсколько лѣтъ. Отецъ его начальствовалъ гдѣ-то въ колоніяхъ англійскимъ войскомъ, завоевалъ земли, разбилъ непріятелей, заключилъ выгодный миръ, и теперь возвращается торжественно отдохнуть на родину. Его ожидаютъ депутаты, присланные изъ Лондона съ великолѣпными подарками, посланный короля съ лентой, звѣздой и огромнымъ пергаментовымъ свиткомъ. Гремятъ литавры и музыка, является

отважный полководецъ, ему говорятъ привѣтствія, онъ говоритъ привѣтствія; пробиваясь сквозь алдермановъ, придворныхъ и офицеровъ, бѣжитъ къ нему его сынъ и бросается ему на шею. Старикъ радостно прижимаетъ его къ груди и вдругъ отступаетъ, спрашивая съ удивленіемъ сына, что за странный костюмъ на немъ, и какъ онъ смѣлъ явиться къ нему такъ навстрѣчу. Сынъ объясняетъ ему, что онъ принадлежитъ къ братству, которое приняло эту одежду. Отецъ хочетъ обернуть дѣло въ шутку, посылаетъ сына снять платье и одѣться прилично. Сынъ кротокъ, тихъ, но непоколебимъ. Отецъ начинаетъ сердиться и, когда сынъ говоритъ ему: «Ты самъ подумай, отецъ мой, не лучше ли тебѣ снять твой мечъ, вѣдь здѣсь нѣтъ враговъ, кого-жъ хочешь убить имъ»,—онъ выходитъ изъ себя и велитъ сыну удалиться.

Четвертая сцена. Семейный совѣтъ въ домѣ старика. Отецъ созвалъ всѣхъ ближнихъ своихъ, законниковъ и духовныхъ, чтобъ въ послѣдній разъ урезонить сына и, если онъ и тутъ будетъ упорствовать, выбросить его изъ семьи, которую онъ пятнаетъ. Вильямъ является не подсудимымъ, а судьей и обличителемъ (процессъ сенъ-симонистовъ въ 1832 году былъ еще живъ въ памяти въ 38). Родные отказываются отъ него, легисты осуждаютъ, духовные предаютъ проклятію, отецъ хочетъ его лишить наслѣдства. Наслѣдники придумываютъ, какія улучшенія они сдѣлаютъ въ имѣніи, какъ перестроютъ замокъ. У раздраженнаго старика поднялась подагра, его кладутъ въ постель и онъ умираетъ, не сдѣлавъ завѣщанія.

Въ *пятой сценѣ* Вильямъ Пенъ, теперь богачъ, располагающій, какъ хочетъ, своимъ имѣньемъ, сидитъ съ старикомъ Фоксомъ; ихъ занимаетъ важный разговоръ. Вильямъ много ѣздилъ, онъ не вѣритъ ни въ Англію, ни въ Европу,—для основанія братской общины надобна свѣжая, дѣвственная почва; эта почва по ту сторону океана; онъ продалъ свое имущество въ Англіи и купилъ корабли; онъ кликнулъ кличъ въ Англію, Германію, Голландію, и только проситъ благословенья Фокса. Жаль устарѣлому Фоксу отпустить его, и трудно самому разстаться со своей старой Англіей, но, наконецъ, благословляетъ его на путь.

Шестая сцена въ Пенсильваніи. Дряхлый Пенъ близокъ къ могилѣ, онъ очень печаленъ, мечтаемое евангельское братство не учредилось, а новый край, призванный имъ къ жизни, ростетъ съ могучей красотой, вездѣ слышится стукъ топора, рѣки покрываются барками, плугъ подымаетъ землю, починки ростутъ въ деревни, деревни въ города. Все это видно изъ разговоровъ разныхъ сетлеровъ и пр.

Наконецъ, весь этотъ длинный рядъ картинъ, переданныхъ мною довольно вѣрно по памяти, sauf erreur et omission (оченъ

естественныхъ, если вспомнить, что я двадцать два года до нихъ не дотрогивался), оканчивался такимъ чисто французскимъ финаломъ: на могилѣ Вильяма Пена, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, стоятъ три путника, пришедшихъ поклониться его праху. Одинъ изъ нихъ *Вашингтонъ*, другой *Франклинъ*, третій *Лафайетъ*—граждане Сѣверо-Американской республики.

КТО ВИНОВАТЪ?

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

«А случай сей за неоткрытіемъ виновныхъ преданъ волѣ божіей, дѣло же, почисливъ рѣшеннымъ, сдать въ архивъ.

Протоколъ.

Натальѣ Александровнѣ Герценъ,

въ знакъ глубокой симпатіи

отъ писавшаго.

Москва.
1846.

(КЪ ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ).

Кто виноватъ—была первая повѣсть, которую я напечаталъ. Я началъ ее во время моей новгородской ссылки (въ 1841 г.) и окончилъ гораздо позже въ Москвѣ.

Правда, еще прежде я дѣлалъ опыты писать что-то въ родѣ повѣстей; но одна изъ нихъ не *написана*, а другая не *повѣсть*. Въ первое время моего переѣзда изъ Вятки въ Владиміръ, мнѣ хотѣлось повѣстью смягчить укоряющее воспоминаніе, примириться съ собою и забросать цвѣтами одинъ женскій образъ, чтобъ на немъ не было видно слезъ [1]).

Разумѣется, что я не сладилъ съ своей задачей, и въ моей неоконченной повѣсти было бездна натянутаго и, можетъ, двѣ-три порядочныя страницы. Одинъ изъ друзей моихъ впослѣдствіи стращалъ меня, говоря: «Если ты не напишешь новой статьи,—я напечатаю твою повѣсть, она у меня!» По счастью, онъ не исполнилъ своей угрозы.

Въ концѣ 1840 г. были напечатаны въ «*Отечественныхъ Запискахъ*» отрывки изъ «*Записокъ одного молодого человѣка*»,—«Городъ Малиновъ и малиновцы» нравились многимъ; что касается до остального, въ нихъ замѣтно сильное вліяніе Гейневскихъ Reisebilder.

За то *Малиновъ* чуть не навлекъ мнѣ бѣдъ.

Одинъ вятскій совѣтникъ хотѣлъ жаловаться министру внутреннихъ дѣлъ и просить начальственной защиты, говоря, что лица чиновниковъ въ г. Малиновѣ до того похожи на почтенныхъ сослуживцевъ его, что отъ этого можетъ пострадать уваженіе къ нимъ отъ подчиненныхъ. Одинъ изъ моихъ вятскихъ знакомыхъ спрашивалъ, какія у него доказательства на то, что малиновцы *пашквиль* на вятичей. Совѣтникъ отвѣчалъ ему: «Тысячи, напримѣръ, *авкторъ* прямо говоритъ, что у жены директора гимназіи бальное платье брусничнаго цвѣта,—ну, развѣ не такъ?» Это до

[1]) „Былое и Думы", т. III, гл. XX.

шло до директорши,—та взбѣсилась, да не на меня, а на совѣтника. «Что онъ слѣпъ или изъ ума шутитъ? говорила она; гдѣ онъ видѣлъ у меня платье брусничнаго цвѣта, у меня дѣйствительно было темное платье, но цвѣту *пансэ*». Этотъ оттѣнокъ въ колоритѣ сдѣлалъ мнѣ истинную услугу. Раздосадованный совѣтникъ бросилъ дѣло, а будь у директорши въ самомъ дѣлѣ платье брусничнаго цвѣта, да напиши совѣтникъ,—такъ въ тѣ прекрасныя времена брусничной цвѣтъ надѣлалъ бы мнѣ, навѣрное, больше вреда, чѣмъ брусничной сокъ Лариныхъ могъ повредить Онѣгину.

Успѣхъ *Малинова* заставилъ меня приняться за «*Кто виноватъ?*»

Первую часть повѣсти я привезъ изъ Новгорода въ Москву. Она не понравилась московскимъ друзьямъ и я бросилъ ее. Нѣсколько лѣтъ спустя мнѣніе объ ней измѣнилось, но я и не думалъ ни печатать, ни продолжать ее. Бѣлинскій взялъ у меня какъ-то потомъ рукопись, и, съ своей способностью увлекаться, онъ, совсѣмъ напротивъ, переоцѣнилъ повѣсть въ сто разъ больше ея достоинства и писалъ ко мнѣ: «Если бы я не цѣнилъ въ тебѣ человѣка, такъ же много, или еще и больше, нежели писателя, я, какъ Потемкинъ Фонъ-Визину послѣ представленія «Бригадира», сказалъ бы тебѣ: умри, Герценъ! Но Потемкинъ ошибся, Фонъ-Визинъ не умеръ и потому написалъ «*Недоросля*». Я не хочу ошибаться и вѣрю, что послѣ «*Кто виноватъ?*» ты напишешь такую вещь, которая заставитъ всѣхъ сказать: *Онъ правъ*, давно бы ему приняться за повѣсть! Вотъ тебѣ и комплиментъ, и посильный каламбуръ».

Цензура сдѣлала разныя урѣзыванія и вырѣзыванія—жаль, что у меня нѣтъ ея обрѣзковъ. Нѣсколько выраженій я вспомнилъ (они напечатаны курсивомъ) и даже цѣлую страницу (и то когда листъ былъ отпечатанъ и прибавилъ его къ стр. 38). Это мѣсто мнѣ особенно памятно потому, что Бѣлинскій выходилъ изъ себя за то, что его не пропустили.

8 іюня, 1859 года.
Park-House, Fulham.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Отставной генералъ и учитель, опредѣляющійся къ мѣсту.

Дѣло шло къ вечеру. Алексѣй Абрамовичъ стоялъ на балконѣ: онъ еще не могъ придти въ себя послѣ двухчасового послѣобѣденнаго сна; глаза его лѣниво раскрывались, и онъ время отъ времени зѣвалъ. Вошелъ слуга съ какимъ-то докладомъ; но Алексѣй Абрамовичъ не считалъ нужнымъ его замѣтить, а слуга не смѣлъ потревожить барина. Такъ прошло минуты двѣ-три, по окончаніи которыхъ Алексѣй Абрамовичъ спросилъ:

«Что ты?»

— Покамѣстъ ваше превосходительство изволили почивать, учителя привезли изъ Москвы, котораго докторъ нанялъ.

«А?» (что собственно тутъ слѣдуетъ: вопросительный знакъ (?) или восклицательный (!),— обстоятельства не рѣшили).

— Я его провелъ въ комнату, гдѣ жилъ нѣмецъ, что изволили отпустить.

«А!»

— Онъ просилъ сказать, когда изволите проснуться.

«Позови его». И лицо Алексѣя Абрамовича сдѣлалось доблестнѣе и величественнѣе. Черезъ нѣсколько минутъ явился казачекъ и доложилъ:

— Учитель вошелъ-съ. — Алексѣй Абрамовичъ помолчалъ, потомъ, грозно взглянувъ на казачка, замѣтилъ:

«Что у тебя, у дурака, мука во рту, что-ли? мямлетъ, ничего не поймешь»; впрочемъ, прибавилъ, не дожидаясь повторенія: «позови учителя», и тотчасъ сѣлъ.

Молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати-трехъ-четырехъ, жиденькій, блѣдный, съ бѣлокурыми волосами и въ довольно узкомъ черномъ фракѣ, робко и смѣшавшись, явился на сцену.

«Здравствуйте, почтеннѣйшій! — сказалъ генералъ, благосклонно улыбаясь и не вставая съ мѣста,—мой докторъ очень хорошо отзывался объ васъ; я надѣюсь, мы будемъ другъ другомъ довольны. Эй, Васька!—при этомъ онъ свиснулъ,—что жъ ты стула не подаешь? Думаешь, учитель, такъ и не надо. У-у! когда васъ оболванишь и сдѣлаешь похожими на людей! Прошу покорно. У меня, почтеннѣйшій, сынъ-съ; мальчикъ добрый, со способностями, хочу его въ военную школу приготовить. По-французски онъ у меня говоритъ, по-нѣмецки не то, чтобъ говорилъ,

а понимаетъ. Нѣмчура попался пьяный, не занимался имъ, да и признаться, я больше его употреблялъ по хозяйству,—вотъ онъ жилъ въ той комнатѣ, что вамъ отвели; я прогналъ его. Скажу вамъ откровенно, мнѣ не нужно, чтобъ изъ моего сына вышелъ магистеръ или философъ; однако, почтеннѣйшій, я хоть и слава Богу, но двѣ тысячи пятьсотъ рублей платить даромъ не стану. Въ наше время, сами знаете, и для военной службы требуютъ всѣ эти грамматики, ариѳметики... Эй, Васька, позови Михайла Алексѣича!»

Молодой человѣкъ все это время молчалъ, краснѣлъ, перебиралъ носовой платокъ и собирался что-то сказать; у него шумѣло въ ушахъ отъ прилива крови; онъ даже не вовсе отчетливо понималъ слова генерала, но чувствовалъ, что вся его рѣчь вмѣстѣ дѣлаетъ ощущеніе, похожее на то, когда рукою ведешь по моржевой кожѣ противъ шерсти. По окончаніи воззванія, онъ сказалъ:

— Принимая на себя обязанность быть учителемъ вашего сына, я поступлю, какъ совѣсть и честь... разумѣется, насколько силы мои... впрочемъ, я употреблю всѣ старанія, чтобъ оправдать довѣріе ваше... вашего превосходительства.

Алексѣй Абрамовичъ перебилъ его:

«Мое превосходительство, любезнѣйшій, лишняго не потребуетъ. Главное—умѣнье заохотить ученика, этакъ, шутя, понимаете? Вѣдь, вы кончили ученье?»

— Какъ же, я кандидатъ.

«Это какой-то новый чинъ?»

— Ученая степень.

«А, позвольте, здравствуютъ ваши родители?»

— Живы-съ.

«Духовнаго званія?»

— Отецъ мой уѣздный лекарь.

«А вы по медицинской части или?»

— По физико-математическому отдѣленію.

«По-латыни знаете?»

— Знаю-съ.

«Это совершенно ненужный языкъ; для докторовъ, конечно, нельзя же при больномъ говорить, что завтра ноги протянетъ; а намъ зачѣмъ? помилуйте».

Не знаемъ, долго ли бы продолжалась ученая бесѣда, если-бъ ея не перервалъ Михайло Алексѣевичъ, т. е. Миша, тринадцатилѣтній мальчикъ, здоровый, краснощекій, упитанный и загорѣвшій; онъ былъ въ курткѣ, изъ которой умѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ вырости, и имѣлъ видъ, общій всѣмъ дюжиннымъ дѣтямъ богатыхъ помѣщиковъ, живущихъ въ деревнѣ.

«Вотъ твой новый учитель», сказалъ отецъ. Миша шаркнулъ ногой. «Слушайся его, учись хорошенько; я не жалѣю денегъ,— твое дѣло умѣть пользоваться».

Учитель всталъ, учтиво поклонился Мишѣ, взялъ его за руку, и съ кроткимъ, добрымъ видомъ сказалъ ему, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобъ облегчить занятія и заохотить ученика.

«Онъ уже кой-чему учился, замѣтилъ Алексѣй Абрамовичъ, у мадамы, живущей у насъ; да попъ училъ его—онъ изъ семинаристовъ, нашъ сельскій попъ. Да вотъ, милый мой, пожалуйста, поэкзаменуйте его».

Учитель сконфузился, долго думалъ, что бы спросить, и наконецъ сказалъ:—Скажите мнѣ, какой предметъ грамматики?

Миша посмотрѣлъ по сторонамъ, поковырялъ въ носу и сказалъ:—Россійской грамматики?

— Все равно, вообще.

— Этому мы не учились.

«Что жъ съ тобой дѣлалъ попъ?» спросилъ грозно отецъ.

— Мы, папашенька, учили россійскую грамматику до дѣепричастія и катехизецъ до таинствъ.

«Ну, поди, покажи классную комнату... Позвольте, какъ васъ зовутъ?»

— Дмитріемъ, отвѣчалъ учитель, покраснѣвъ.

«А по батюшкѣ?»

— Яковлевымъ.

«А, Дмитрій Яковличъ! Вы не хотите ли съ дороги перекусить, выпить водки!»

— Я ничего не пью, кромѣ воды.

«Притворяется!» подумалъ Алексѣй Абрамовичъ, чрезвычайно уставшій послѣ продолжительнаго ученаго разговора, и отправился въ диванную къ женѣ. Глафира Львовна почивала на мягкомъ турецкомъ диванѣ. Она была въ блузѣ: это ея любимый костюмъ, потому что всѣ другіе тѣснятъ ее; пятнадцать лѣтъ истинно-благополучнаго замужества пошли ей въ-прокъ: она сдѣлалась Adansonia boabab между бабами. Тяжелые шаги Алексѣя разбудили ее, она подняла заспанную голову, долго не могла придти въ себя и, какъ будто отъ роду въ первый разъ уснула не во время, съ удивленіемъ воскликнула: «Ахъ, Боже мой! вѣдь я, кажется, уснула? представь себѣ!» Алексѣй Абрамовичъ началъ ей отдавать отчетъ о своихъ трудахъ на пользу воспитанія Миши. Глафира Львовна была всѣмъ довольна и, слушая, выпила полграфина квасу. Она всякій день передъ чаемъ кушала квасъ.

Не всѣ бѣдствія кончились для Дмитрія Яковлевича аудіенціей у Алексѣя Абрамовича; онъ сидѣлъ, молчаливый и взвол-

нованный, въ классной комнатѣ, когда вошелъ человѣкъ и позвалъ его къ чаю. Доселѣ нашъ кандидатъ никогда не бывалъ въ дамскомъ обществѣ; онъ питалъ къ женщинамъ какое-то инстинктуальное чувство уваженія; онѣ были для него окружены какимъ-то нимбомъ; видѣлъ онъ ихъ или на бульварѣ разряженными и неприступными, или на сценѣ московскаго театра,—тамъ, всѣ уродливыя фигурантки казались ему какими-то феями, богинями. Теперь его поведутъ представлять къ генеральшѣ, да и одна ли она будетъ? Миша успѣлъ ему разсказать, что у него есть сестра, что у нихъ живетъ мадамъ, да еще какая-то Любонька. Дмитрію Яковлевичу чрезвычайно хотѣлось узнать, какихъ лѣтъ сестра Миши; онъ начиналъ объ этомъ рѣчь раза три, но не смѣлъ спросить, боясь, что лицо его вспыхнетъ. «Что-же? пойдемте-съ»! сказалъ Миша, который, съ дипломатіей, общей всѣмъ избалованнымъ дѣтямъ, былъ чрезвычайно скроменъ и тихъ съ посторонним. Кандидатъ, вставая, не надѣялся, поднимутъ ли его ноги; руки у него охолодѣли и были влажны; онъ сдѣлалъ гигантское усиліе и вошелъ, близкій къ обмороку, въ диванную; въ дверяхъ онъ почтительно раскланялся съ горничной, которая выходила, поставивъ самоваръ. «Глаша, сказалъ Алексѣй Абрамовичъ, рекомендую тебѣ — новый менторъ нашего Миши». Кандидатъ кланялся.—«Мнѣ очень пріятно», сказала Глафира Львовна, прищуривая немного глаза и съ нѣкоторой ужимкой, когда-то ей удававшейся.—«Нашъ Миша такъ давно нуждается въ хорошемъ наставникѣ; мы, право, не знаемъ, какъ благодарить Семена Иваныча, что онъ доставилъ намъ ваше знакомство. Прошу васъ быть безъ церемоніи; не угодно ли вамъ сѣсть?»

— Я все сидѣлъ, пробормоталъ кандидатъ, истинно самъ не зная, что говорилъ.

«Не стоя же ѣхать въ кибиткѣ!» съострилъ генералъ.

Это замѣчаніе окончательно погубило кандидата; онъ взялъ стулъ, поставилъ его какъ-то эксцентрически и чуть не сѣлъ возлѣ. Глазъ онъ боялся поднять, какъ пущаго несчастія; можетъ быть, дѣвицы тутъ въ комнатѣ, а если онъ ихъ увидитъ, надобно будетъ поклониться, какъ? Да и потомъ, вѣроятно, надобно было, не садившись, поклониться.

«Я тебѣ говорилъ,—сказалъ генералъ вполслуха:—красная дѣвка!»

— «Le pauvre, il est à plaindre, замѣтила Глафира Львовна, кусая жирныя губки свои».

Глафирѣ Львовнѣ съ перваго взгляда понравился молодой человѣкъ; на это было много причинъ. Во-первыхъ, Дмитрій Яковлевичъ съ своими большими голубыми глазами былъ *интересенъ*; во-вторыхъ, Глафира Львовна, кромѣ мужа, лакеевъ, кучеровъ ,да

старика-доктора, рѣдко видала мужчинъ, особенно молодыхъ, интересныхъ,—а она, какъ мы послѣ узнаемъ, любила, по старой памяти, платоническія мечтанія; въ-третьихъ, женщины въ нѣкоторыхъ лѣтахъ смотрятъ на юношу съ тѣмъ непонятно-влекущимъ чувствомъ, съ которымъ обыкновенно мужчины смотрятъ на дѣвушекъ. Кажется, будто это чувство близко къ состраданію, чувство материнское, что имъ хочется взять подъ свое покровительство беззащитныхъ, робкихъ, неопытныхъ, ихъ полелѣять, поласкать, отогрѣть; это кажется всего болѣе имъ самимъ. Мы не такъ думаемъ объ этомъ, но не считаемъ нужнымъ говорить, какъ думаемъ... Глафира Львовна сама подвинула чашку чая кандидату; онъ сильно прихлебнулъ и обварилъ языкъ и нёбо, но скрылъ боль съ твердостію Муція-Сцеволы. Это обстоятельство было благотворно для него: сдѣлалось отвлеченіе, и онъ немного успокоился. Мало по малу онъ начиналъ даже подымать взоры. На диванѣ сидѣла Глафира Львовна; передъ нею стоялъ столъ, и на столѣ огромный самоваръ возвышался, какъ какой-нибудь памятникъ въ индійскомъ вкусѣ. Противъ нея, для того ли, чтобъ пользоваться милымъ vis-à-vis, или для того, чтобъ не видать его за самоваромъ, вдавливалъ въ полъ какія-то дѣдовскія кресла Алексѣй Абрамовичъ; за креслами стояла дѣвочка лѣтъ десяти съ чрезвычайно глупымъ видомъ; она выглядывала изъ-за отца на учителя: ея-то трепеталъ храбрый кандидатъ! Миша находился также за столомъ; передъ нимъ миска кислаго́ молока и толстый ломоть рѣшетнаго хлѣба. Изъ-подъ салфетки, покрывавшей столъ, и на которой былъ представленъ довольно удачно городъ Ярославль, оканчивавшійся со всѣхъ сторонъ медвѣдемъ, высовывалась голова лягавой собаки; драпри скатерти придавали ей какой-то египетскій видъ: она неподвижно вперила два жиромъ заплывшіе глаза на кандидата. У окна, на креслахъ, съ чулкомъ въ рукѣ, — миніатюрная старушка, съ веселымъ и сморщившимся видомъ, съ повисшими бровями и тоненькими блѣдными губами. Дмитрій Яковлевичъ догадался, что это француженка-мадамъ. У дверей стоялъ казачекъ, подававшій Алексѣю Абрамовичу трубку: возлѣ него горничная, въ ситцевомъ платьѣ съ холстинными рукавами, ожидавшая съ какимъ-то благоговѣніемъ, когда господа окончатъ церемонію питія чая. Еще одно лицо присутствовало въ комнатѣ, но его Дмитрій Яковлевичъ не видалъ, потому что оно было наклонено къ пяльцамъ. Лицо это принадлежало бѣдной дѣвушкѣ, которую воспитывалъ добрый генералъ. Разговоръ долго не клеился, да и когда склеился, былъ какъ-то отрывчатъ, не нуженъ и утомителенъ для кандидата.

Странно было это столкновеніе жизни бѣднаго молодого человѣка съ жизнью семьи богатаго помѣщика. Кажется, эти люди

могли бы преспокойно прожить до скончанія вѣка, не встрѣчаясь. Вышло иначе. Жизнь нѣжнаго и добраго юноши, образованнаго и занимающагося, какимъ-то диссонансомъ попала въ тучную жизнь Алексѣя Абрамовича и его супруги,—попала, какъ птица въ клѣтку. Все для него измѣнилось, и можно было предвидѣть, что такая перемѣна не пройдетъ безъ вліянія на молодого человѣка, совершенно не знавшаго практическаго міра и неопытнаго.

Но что это за люди такіе — генеральская чета, блаженствующая и преуспѣвающая въ счастливомъ бракѣ, этотъ юноша, назначенный для выдѣлки Мишиной головы настолько, чтобъ мальчикъ могъ вступить въ какую-нибудь военную школу?

Я не умѣю писать повѣстей: можетъ быть, именно потому мнѣ кажется вовсе не излишнимъ предварить разсказъ нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями, почерпнутыми изъ очень вѣрныхъ источниковъ. Разумѣется, сначала:

II.

Біографія ихъ превосходительствъ.

Алексѣй Абрамовичъ Негровъ, отставной генералъ-майоръ и кавалеръ, — толстый, рослый мужчина, который, послѣ прорѣзыванія зубовъ, ни разу не былъ боленъ, могъ служить лучшимъ и полнѣйшимъ опроверженіемъ на знаменитую книгу Гуфланда: «О продолженіи жизни человѣческой». Онъ велъ себя діаметрально противоположно каждой страницѣ Гуфланда — и былъ постоянно здоровъ и румянъ. Одно правило гигіены онъ исполнялъ только: не разстроивалъ пищеваренія умственными напряженіями, и, можетъ быть, этимъ стяжалъ право не исполнять всего остального. Строгій, вспыльчивый, жесткій на словахъ и часто жестокій на дѣлѣ, нельзя сказать, чтобъ онъ былъ злой человѣкъ отъ природы; всматриваясь въ рѣзкія черты его лица, не совсѣмъ уничтожившіяся въ мясныхъ дополненіяхъ, въ густыя черныя брови и блестящіе глаза, можно было предполагать, что жизнь задавила въ немъ не одну возможность. Четырнадцати лѣтъ, воспитанный природой и француженкой, жившей у его сестры, Негровъ былъ записанъ въ кавалерійскій полкъ; получая много денегъ отъ нѣжной родительницы,—онъ лихо проводилъ свою юность. Послѣ кампаніи 1812 года, Негровъ былъ произведенъ въ полковники; полковничьи эполеты упали на его плечи тогда, когда они уже были утомлены мундиромъ; военная служба начала ему надоѣдать, и онъ, послуживъ еще немного и «находя себя неспособнымъ продолжать службу по разстроенному здоровью», вышелъ въ отставку

и вынесъ съ собою генералъ-майорскій чинъ, усы, на которыхъ оставались всегда частицы всѣхъ блюдъ обѣда, и мундиръ для важныхъ оказій. Когда отставной генералъ поселился въ Москвѣ, которая успѣла уже обстроиться послѣ пожара, передъ нимъ открылась безконечная анфилада дней и ночей однообразной, пустой, скучной жизни. Не было занятія, которымъ бы онъ умѣлъ или хотѣлъ заняться. Онъ ѣздилъ изъ дома въ домъ, поигрывалъ въ карты, обѣдалъ въ клубѣ, являлся въ первомъ ряду креселъ въ театрѣ, являлся на балахъ, завелъ себѣ двѣ четверки прекрасныхъ лошадей, холилъ ихъ, училъ денно и нощно словами и руками кучера, самъ преподавалъ тайну конной ѣзды форейтору... Такъ прошло года полтора; наконецъ, кучеръ выучился сидѣть на козлахъ и держать возжи, форейторъ выучился сидѣть на лошади и держать поводья, скука одолѣла Негрова: онъ рѣшился ѣхать въ деревню хозяйничать и увѣрилъ себя, что эта поѣздка необходима для предупрежденія важнаго разстройства. Теорія его хозяйства была очень не сложна: онъ бранилъ всякій день приказчика и старосту, ѣздилъ за зайцами и ходилъ съ ружьемъ. Не привыкнувъ рѣшительно ни къ какого рода дѣламъ, онъ не могъ сообразить, что надобно дѣлать, занимался мелочами и былъ доволенъ. Приказчикъ и староста были, съ своей стороны, довольны бариномъ; о крестьянахъ не знаю, они молчали. Мѣсяца черезъ два, въ окнахъ господскаго дома показалось прекрасное женское личико, сначало съ заплаканными, а потомъ просто съ прелестными голубыми глазками. Въ то же самое время староста, нисколько не занимавшійся устройствомъ деревни, доложилъ генералу, что у Емельки Барбаша изба плоха, и что не соблаговолитъ ли Алексѣй Абрамовичъ явить отеческую милость и дать ему лѣску. Лѣсъ былъ пунктъ помѣшательства Алексѣя Абрамовича; онъ себѣ на гробъ не скоро бы рѣшился срубить дерево. Но... но тутъ онъ былъ въ добромъ расположеніи духа и разрѣшилъ Барбашу нарубить лѣса на избу, прибавивъ старостѣ: «да ты смотри у меня, рыжая бестія, за лишнее бревно—ребро». Староста сбѣгалъ на заднее крыльцо и доложилъ Авдотьѣ Емельяновнѣ о полномъ успѣхѣ, называя ее «матушкой и заступницей». Бѣдняжка краснѣла до ушей; но въ простотѣ душевной была рада, что у отца ея будетъ новая изба. Мы находимъ въ источникахъ нашихъ мало свѣдѣній о завоеваніи голубыхъ глазокъ, о встрѣчѣ съ ними. Я полагаю потому, что эти побѣды дѣлаются очень просто.

Какъ бы то ни было, сельская жизнь въ свою очередь надоѣла Негрову; онъ увѣрилъ себя, что исправилъ всѣ недостатки по хозяйству, и, что еще важнѣе, далъ такое прочное направленіе ему, что оно и безъ него идти можетъ, и снова собрался

ѣхать въ Москву. Багажъ его увеличился: прелестные голубые глазки, кормилица и грудной ребенокъ ѣхали въ особой бричкѣ. Въ Москвѣ ихъ помѣстили въ комнатку окнами на дворъ. Алексѣй Абрамовичъ любилъ малютку, любилъ Дуню, любилъ и кормилицу,—это было эротическое время для него! У кормилицы испортилось молоко, ей было безпрестанно тошно,—докторъ сказалъ, что она не можетъ больше кормить. Генералъ жалѣлъ объ ней: «вотъ попалась рѣдкая кормилица: и здоровая, и усердная такая, услужливая, да молоко испортилось... досадно»! Онъ подарилъ ей двадцать рублей, отдалъ повойникъ и отпустилъ для излеченія къ мужу. Докторъ совѣтовалъ замѣнить кормилицу козою,—такъ было и сдѣлано; коза была здорова. Алексѣей Абрамовичъ ее очень любилъ, давалъ ей собственноручно черный хлѣбъ, ласкалъ ее, но это не помѣшало ей выкормить ребенка. Образъ жизни Алексѣя Абрамовича былъ такой же, какъ и въ первый пріѣздъ; онъ его выдержалъ около двухъ лѣтъ, но далѣе не могъ. Совершенное отсутствіе всякой опредѣленной дѣятельности невыносимо для человѣка. Животное полагаетъ, что все его дѣло—жить, а человѣкъ жизнь принимаетъ только за возможность что-нибудь дѣлать. Хотя Негровъ съ двѣнадцати часовъ утра и до двѣнадцати ночи не бывалъ дома, но все же скука мучила его; на этотъ разъ ему и въ деревню не хотѣлось; долго владѣла имъ хандра, и онъ чаще обыкновеннаго давалъ отеческіе уроки своему камердинеру и рѣже бывалъ въ комнатѣ окнами на дворъ. Однажды, воротившись домой, онъ былъ въ необыкновенномъ состояніи духа, чѣмъ-то занятъ, то морщилъ лобъ, то улыбался, долго ходилъ по комнатѣ и вдругъ остановился съ рѣшительнымъ видомъ. Замѣтно было, что дѣло внутри кончено. Кончивъ внутри, онъ свиснулъ, свиснулъ такъ, что спавшій въ другой комнатѣ на стулѣ казачекъ отъ испуга бросился въ противоположную сторону отъ двери и насилу послѣ сыскалъ. «Спишь все, щенокъ», сказалъ ему генералъ, но не тѣмъ громовымъ голосомъ, послѣ котораго сыпались отеческія молніи, а такъ, просто: «поди, скажи Мишкѣ, чтобъ завтра чѣмъ-свѣтъ сходилъ къ нѣмцу-каретнику и привелъ бы». Видно было, что камень свалился съ плечъ Алексѣя Абрамовича, и онъ могъ спокойно опочить. На другой день, въ восемь часовъ утра, явился каретникъ-нѣмецъ, а въ десять окончилась конференція, въ которой съ большою отчетливостью и подробностью заказана была четвероmѣстная карета, кузовъ мордоре-фонсе, гербы золотые, сукно пунцовое, басонъ коклико, парадные козлы о трехъ чехлахъ.

Четвероmѣстная карета значила ни болѣе, ни менѣе, какъ то, что Алексѣй Абрамовичъ намѣренъ жениться. Намѣреніе это вскорѣ обнаружилось недвусмысленными признаками. Послѣ ка-

ретника, онъ позвалъ своего камердинера. Въ длинной и довольно нескладной рѣчи (что служитъ къ большой чести Негрова, ибо въ этой нескладности отразилось что-то въ родѣ того, что у людей называется совѣстью) онъ изъявилъ ему свое благоволеніе за его службу и намѣреніе наградить его примѣрнымъ образомъ. Камердинеръ понять не могъ, куда это идетъ, кланялся и говорилъ учтивости въ родѣ: «кому-жъ намъ и угождать, какъ не вашему превосходительству; вы наши отцы, мы ваши дѣти». Комедія эта надоѣла Негрову, и онъ въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ объявилъ камердинеру, что онъ позволяетъ ему жениться на Дунькѣ. Камердинеръ былъ человѣкъ умный и сметливый, и хотя его очень поразила нежданная милость господина, но въ два мига онъ разсчелъ всѣ шансы pro и contra, и попросилъ у него поцѣловать ручку за милость и неоставленіе. Нареченный женихъ понялъ, въ чемъ дѣло; однакожъ, думалъ онъ, не совсѣмъ же въ немилость посылаютъ Авдотью Емельяновну, коли за меня отдаютъ: я человѣкъ близкій, да и бариновъ нравъ знаю; да и жену имѣть такую красивую недурно. Словомъ, женихъ былъ доволенъ. Дуня удивилась, когда ей сказали, что она невѣста, поплакала, погрустила, но, имѣя въ виду или ѣхать въ деревню къ отцу, или быть женою камердинера, рѣшилась на послѣднее. Она безъ содроганія не могла вздумать, какъ бывшія ея подруги будутъ надъ ней смѣяться; она вспомнила, что и во времена ея силы и славы онѣ ее называли вполслуха *полубарыней*. Черезъ недѣлю ихъ обвѣнчали. Когда, на другое утро, молодые пришли съ конфектами на поклонъ, Негровъ былъ веселъ, подарилъ новобрачнымъ сто рублей и сказалъ повару, случившемуся тутъ: «учись, оселъ, люблю наказать, люблю и жаловать: служилъ хорошо, и ему хорошо». Поваръ отвѣчалъ: «слушаю, ваше превосходительство», но на лицѣ его было написано: «вѣдь, я же тебя надуваю при всякой покупкѣ, а ужъ тебѣ меня не провести; дурака нашелъ!» Вечеромъ, камердинеръ давалъ пиръ, отъ котораго вся дворня двое сутокъ пахла водкой, и точно онъ расходовъ не пожалѣлъ. Была, впрочемъ, мучительно-горькая минута для бѣдной Дуни: маленькую кроватку, а съ нею и дочь ея велѣли перенести въ людскую. Дуня безмѣрно любила малютку всей простой, безъискусственной душой. Алексѣя Абрамовича она боялась,—остальные въ домѣ боялись ея, хотя она никогда никому не сдѣлала вреда; обреченная томному гаремному заключенію, она всю потребность любви, всѣ требованія на жизнь сосредоточила въ ребенкѣ; неразвитая, подавленная душа ея была хороша; она, безотвѣтная и робкая, не оскорблявшаяся никакими оскорбленіями, не могла вынести одного,—жестокаго обращенія Негрова съ ребенкомъ, когда тотъ чуть ему надоѣдалъ; она под-

нимала тогда голосъ, дрожащій не страхомъ, а гнѣвомъ; она презирала въ эти минуты Негрова, и Негровъ, какъ будто чувствуя свое унизительное положеніе, осыпалъ ее бранью и уходилъ, хлопнувъ дверью. Когда надобно было перенести кроватку, Дуня заперла дверь и, рыдая, бросилась на колѣни передъ иконой, схватила рученку дочери и крестила ее. «Молись»,—говорила она:—«молись, мое сокровище, идемъ мы съ тобою мыкать горе; Пресвятая Богородица, заступись за ребенка малаго, ни въ чемъ невиноватаго... А я-то глупая думала: выростетъ она, моя сердечная, будетъ ѣздить въ каретѣ, да ходить въ шелковыхъ платьяхъ: изъ-за двери въ щелочку посмотрѣла бы на тебя тогда; спряталась бы отъ тебя, мой ангелъ,—что тебѣ за мать крестьянка!.. А теперь выростешь ты не на радость себѣ: сдѣлаютъ тебя, пожалуй, прачкой новой барыни, и ручки-то твои мыломъ объѣстъ... Господи, Боже мой! чѣмъ предъ Тобой согрѣшилъ младенецъ?»... И Дуня, рыдая, бросилась на полъ; сердце ея раздиралось на части; испуганная малютка уцѣпилась за нее руками, плакала и смотрѣла на нее такими глазами, какъ будто все понимала... Черезъ часъ кроватка была въ людской, и Алексѣй Абрамовичъ приказалъ камердинеру пріучать ребенка называть себя «тятей».

Но кто же счастливая избранная? Въ Москвѣ есть особая varietas рода человѣческаго; мы говоримъ о тѣхъ полубогатыхъ дворянскихъ домахъ, которыхъ обитатели совершенно сошли со сцены и скромно проживаютъ цѣлыми поколѣніями по разнымъ переулкамъ; однообразный порядокъ и какое-то затаенное озлобленіе противъ всего новаго составляетъ главный характеръ обитателей этихъ домовъ, глубоко стоящихъ на дворѣ съ покрививпіимися колоннами и нечистыми сѣнями; они воображаютъ себя представителями нашего національнаго быта, потому что имъ «квасъ нуженъ, какъ воздухъ», потому что они въ саняхъ ѣздятъ, какъ въ каретѣ, берутъ за собой двухъ лакеевъ и цѣлый годъ живутъ на запасахъ, привозимыхъ изъ Пензы и Симбирска. Въ одномъ изъ такихъ домовъ жила графиня Мавра Ильинишна. Нѣкогда она кружилась въ вихрѣ аристократіи, была кокетка, хороша собой, была при дворѣ, любезничала съ Кантемиромъ, и онъ писалъ ей въ альбомъ силлабическимъ размѣромъ мадригалъ, «сирѣчь виршную хвалебницу», въ которой одинъ стихъ оканчивался словами: «богиня Минерва», а другой рифмующій стихъ словами: «толь протерва». Но отъ природы чрезвычайно холодная и надменная своей красотой, она отказывала женихамъ, ожидая какой-то блестящей партіи. Между тѣмъ, отецъ ея умеръ, а братъ, управлявшій нераздѣльнымъ имѣніемъ, лѣтъ въ десять пропилъ и проигралъ почти все достояніе. Столичная жизнь стала слишкомъ дорога; надобно было жить скромнѣе. Когда графиня

вполнѣ поняла затруднительное положеніе свое, ей было за тридцать лѣтъ, и она разомъ открыла двѣ ужасныя вещи: состояніе разстроено, а молодость миновала. Тутъ она сдѣлала нѣсколько отчаянныхъ опытовъ выйдти замужъ,—они не удались; тогда, запрятавъ страшную злобу внутри своей груди, она переселилась въ Москву, говоря, что ей шумъ большого свѣта опротивѣлъ, и что она ищетъ одного покоя.

Сначала, въ Москвѣ ее носили на рукахъ, считали за особенную рекомендацію на свѣтское значеніе ѣздить къ графинѣ; но мало по малу, желчный языкъ ея и нестерпимая надменность отучили отъ ея дома почти всѣхъ. Брошенная, оставленная всѣми, старая дѣва еще болѣе исполнилась негодованіемъ и ненавистью, окружила себя разными приживающими старухами, полунабожными и полубродячими, собирала сплетни со всѣхъ концовъ города, ужасалась развратному вѣку и ставила себѣ въ высокое достоинство свое безконечное дѣвство. Графъ-братецъ, окончательно промотавшій свое имѣніе, для поправки состоянія рѣшился на геройскій подвигъ для того времени, — женился на купеческой дочери, четыре года ежедневно упрекалъ ее происхожденіемъ, проигралъ до копейки приданое, согналъ ее со двора, опился и умеръ. Годъ спустя, умерла и жена, оставивъ послѣ себя пятилѣтнюю дочь безъ всякаго состоянія. Мавра Ильинишна взяла ее къ себѣ на воспитаніе. Мудрено сказать, что побудило ее къ этому: фамильная гордость, участіе къ ребенку, или ненависть къ брату,—какъ бы то ни было, жизнь маленькой дѣвочки была некрасива: она была лишена всѣхъ радостей своего возраста, застращена, запугана, притѣснена. Эгоизмъ старухъ-дѣвицъ ужасенъ: онъ хочетъ выместить на всемъ окружающемъ пробѣлы, оставшіеся въ ихъ вымороженномъ сердцѣ. Безотрадно и скучно подростала маленькая графиня; по несчастію, она не принадлежала къ тѣмъ натурамъ, которыя развиваются отъ внѣшняго гнета; начавъ приходить въ сознаніе, она нашла въ себѣ два сильныя чувства: непреодолимое желаніе внѣшнихъ удовольствій и сильную ненависть къ образу жизни тетки. Оба чувства были простительны. Мавра Ильинишна не только не доставляла племянницѣ никакого разсѣянія, но убивала претщательно всѣ удовольствія и невинныя наслажденія, которыя она сама находила; она думала, что жизнь молодой дѣвушки только для того и назначена, чтобъ читать ей вслухъ, когда она спитъ, и ходить за нею остальное время; она хотѣла поглотить всю юность ея, высосать всѣ свѣжіе соки души ея въ благодарность за воспитаніе, котораго она ей не давала, но которымъ упрекала ее ежеминутно.

Время шло. Графиня сдѣлалась невѣстой и весьма невѣстой,—ей было ужъ двадцать-три года. Она чувствовала вполнѣ

тягостную скуку и однообразіе своего положенія, и все существо ея вертѣлось около одной мысли — вырваться изъ ада теткина дома. Могила казалась ей лучше; она пила уксусъ, чтобъ получить чахотку, но онъ не помогалъ ей; она хотѣла идти въ монастырь, но въ ней не было довольно рѣшимости. Вскорѣ мысли ея приняли другой оборотъ. Старинные французскіе романы, которые она, не знаю какъ, отрыла въ теткиномъ гардеробѣ, пояснили ей, что есть, кромѣ смерти и монастыря, значительныя утѣшенія; она оставила адамову голову и начала придумывать голову живую съ усами и кудрями. Тысячи романическихъ картинъ мучили ее и день, и ночь; она сочиняла себѣ цѣлыя повѣсти: онъ ее увозитъ, ихъ преслѣдуютъ, «любить имъ не велятъ», раздаются выстрѣлы... «Ты моя на вѣки!» говоритъ онъ, сжимая пистолетъ, и проч. На эту тему съ безчисленными варіаціями сводились всѣ мечты, всѣ помыслы ея, всѣ сновидѣнія, и бѣдная съ ужасомъ просыпалась каждое утро, видя, что никто ее не увозитъ, никто не говоритъ: «ты моя на вѣки», — и тяжело подымалась ея грудь, и слезы лились на ея подушки, и она съ какимъ то отчаяніемъ пила, по приказу тетки, сыворотку, и еще съ большимъ шнуровалась потомъ, зная, что некому любоваться на ея станъ. Такое состояніе духа не могло быть вполнѣ побѣждено сывороткой, а вело прямо къ сентиментальности и экзальтаціи. Графиня начала покровительствовать всѣхъ горничныхъ и прижимать къ сердцу засаленныхъ дѣтей кучера,—періодъ, послѣ котораго дѣвушкѣ или тотчасъ надобно идти замужъ, или начать нюхать табакъ, любить кошекъ и стриженныхъ собаченокъ и не принадлежать ни къ мужескому, ни къ женскому полу. По счастію, на долю графини выпало первое. Она была недурна собой, и въ эту именно эпоху должна была поразить нашего героя: *зовущее* всего существа ея, ея томные глаза, ея неровно подымающаяся грудь побѣдили Негрова.

Онъ увидѣлъ ее разъ у Стараго-Вознесенья,—и судьба его жизни была рѣшена. Генералъ вспомнилъ корнетскіе годы, началъ искать всевозможныхъ случаевъ увидѣть графиню, ждалъ часы цѣлые на паперти, и нѣсколько конфузился, когда изъ допотопной кареты, тащимой высокими тощими клячами, потерявшими способность умереть, вытаскивали два лакея старую графиню съ видомъ вороны въ чепчикѣ и мѣшали выпрыгнуть молодой графинѣ съ видомъ центифольной розы. У генерала была въ Москвѣ двоюродная сестра... У кого есть въ Москвѣ двоюродная сестра, осѣдлая и довольно богатая, тотъ можетъ жениться почти на всякой невѣстѣ, если онъ имѣетъ чинъ и деньги, а она не имѣетъ еще жениха. Генералъ ввѣрилъ свою тайну кузинѣ,—та приняла истинно сестринское участіе. Мѣсяца два, бѣдная про-

падала отъ скуки, и вдругъ какъ съ неба свалилось сватовство. Она тотчасъ послала дрожки за женой одного титулярнаго совѣтника. Титулярная совѣтница пріѣхала; кузина выгнала изъ ближней комнаты горничныхъ, чтобъ никто не могъ подслушать. Черезъ часъ времени, титулярная совѣтница съ раскраснѣвшимся лицомъ выбѣжала отъ кузины и, наскоро разсказавъ въ дѣвичьей, въ чемъ дѣло, бросилась со двора. На другой день, утромъ въ девять часовъ, двоюродная сестра сердилась на неаккуратность титулярной совѣтницы, которая хотѣла быть въ одиннадцать часовъ, и еще не приходила; наконецъ, желанная гостья явилась и съ нею другая особа въ чепчикѣ; словомъ, дѣло кипѣло съ необычайною быстротою и съ достодолжнымъ порядкомъ.

У графини въ домѣ начались исподволь важныя перемѣны: съ оконъ сняли шторы изъ равендука и велѣли вымыть, замки было велѣно вычистить кирпичомъ съ квасомъ (суррогатъ уксуса); въ передней, гдѣ ужасно пахло кожей, отъ того, что четыре лакея шили подтяжки, выставили зимнюю раму. Оставленная всѣми, Мавра Ильинишна была въ восхищеніи, что за ея племянницу сватается генералъ, да еще пребогатый; но, храня свое достоинство, она едва снизошла до позволенія начать сватовство. Однажды утромъ, графиня приказала племянницѣ одѣться повнимательнѣе, открыть больше шею, и сама осматривала ее съ ногъ до головы.

«Да для чего это, maman, вы мнѣ приказываете одѣваться? развѣ будутъ гости?»

— Не твое дѣло, душечка, отвѣчала графиня, но добрымъ, привѣтливымъ голосомъ.

Кисейное платье племянницы чуть не вспыхнуло отъ огня, пробѣжавшаго по ея жиламъ; она догадывалась, подозрѣвала, не смѣла вѣрить, не смѣла не вѣрить... Она должна была выдти на воздухъ, чтобъ не задохнуться. Въ сѣняхъ горничныя донесли ей, что сегодня ждутъ генерала, что генералъ этотъ сватается за нее... Вдругъ въѣхала карета.

«Палашка, я умру, я умираю!» говорила молодая графиня.

— «И, полноте, ваше сіятельство, кто жъ умираетъ, когда сватаются, да еще такіе женихи... Я, вотъ, всегда говорила: нашей графинѣ быть за генераломъ, извольте всѣхъ спросить».

Чье перо въ состояніи описать все, что перечувствовала бѣдная дѣвушка во время *показа* и *смотра*!.. Когда она нѣсколько пришла въ себя, первое, что поразило ее, это фракъ Алексѣя Абрамовича: она такъ твердо вѣрила въ его мундиръ и эполеты... Впрочемъ, Негровъ и безъ мундира могъ тогда еще нравиться; хотя ему было подъ сорокъ, но благодаря доброму здоровью, онъ сохранилъ себя удивительно, и отъ природы не слишкомъ рѣчи-

стый, онъ имѣлъ ту развязность, которую имѣютъ всѣ военные, особенно служившіе въ кавалеріи; остальные недостатки, какіе могла въ немъ открыть невѣста, богато искупались прекрасными усами, щегольски-отдѣланными на тотъ разъ. Свадьба ладилась. Черезъ недѣлю послѣ смотра, графиню Мавру Ильинишну явились поздравлять ея знакомые: люди, которые считались давно умершими, выползли изъ своихъ норъ, гдѣ они лѣтъ тридцать упорно сражались съ смертью и не сдались, гдѣ они лѣтъ тридцать капризничали и собирали деньги, хилые, разбитые параличомъ, съ удушьемъ и глухотой. Графиня всѣмъ говорила одно: «Новость эта меня удивила не меньше васъ; я и не думала свою Коко такъ рано отдавать замужъ: дитя еще; ну да, батюшка, Божья воля! Человѣкъ онъ солидный и честный, отцомъ можетъ служить ей: она такъ неопытна. А генеральство его и богатство не важная вещь: и черезъ золото слезы текутъ. Да и нечего сказать, я вкусила плодъ благочестиваго воспитанія моего (при этомъ она прикладывала къ глазамъ платокъ); истинно, что дѣлаетъ воспитаніе! Можно ли было ждать отъ такого отца развращеннаго—царство ему небесное—и отъ купчихи такого дѣтища? Не повѣрите: вѣдь она съ нимъ четырехъ словъ не молвила, а я только посовѣтовала, а она, моя голубушка, хоть бы слово противъ: если вамъ, maman, угодно, говоритъ, такъ я, говоритъ, охотно пойду, говоритъ...» — Это истинно рѣдкая дѣвица въ нашъ развращенный вѣкъ! отвѣчали на разныя манеры знакомые и друзья Мавры Ильинишны, и потомъ начинались сплетни и безсовѣстное черненье чужихъ репутацій.

Словомъ, немного прошло времени, какъ къ пышно убранной квартирѣ цугъ вороныхъ лошадей привезъ въ четвероместной каретѣ мордорефонсе генерала Негрова, одѣтаго въ мундиръ съ ментикомъ, и супругу его Глафиру Львовну Негрову въ вѣнчальномъ платьѣ изъ воздуха съ лентами. Хоръ пѣвчихъ, парадные шаферы, плошки, музыка, золото, блескъ, духи встрѣтили молодую; вся дворня стояла въ сѣняхъ, добиваясь увидѣть молодыхъ, камердинерова жена въ томъ числѣ; ея мужъ, какъ высшій сановникъ передней, распоряжался въ кабинетѣ и спальнѣ. Такого богатства графиня никогда не видала вблизи, и все это ея, и самъ генералъ ея, — и молодая была счастлива отъ маленькаго пальца на ногѣ до конца длиннѣйшаго волоса въ косѣ: такъ или иначе, мечты ея сбылись.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, Глафира Львовна, цвѣтущая, какъ развернувшійся кактусъ, въ бѣломъ пеньюарѣ, обшитомъ широкими кружевами, наливала утромъ чай; супругъ ея, въ позолоченномъ халатѣ изъ тармаламы и съ огромнымъ янтаремъ въ зубахъ, лежалъ на кушеткѣ и думалъ, какую зака-

зать коляску къ святой, желтую или синюю; хорошо бы желтую, однако и синюю не дурно. Глафиру Львовну также что-то очень занимало: она забыла чайникъ и *мечтательно* склонила голову на руку; иногда румянецъ пробѣгалъ по ея щекамъ, иногда она показывала явное безпокойство. Наконецъ, мужъ замѣтилъ необыкновенное расположеніе ея и сказалъ:

«Ты что-то не въ духѣ, Глашенька; нездоровится, что ли, тебѣ»?

— Нѣтъ, я здорова, отвѣчала она, и при этомъ подняла глаза къ нему съ видомъ человѣка, просящаго помощи.

«Какъ хочешь, а что нибудь да есть у тебя на умѣ».

Глафира Львовна встала, подошла къ мужу, обняла его и сказала голосомъ трагической актрисы:

— Алексисъ, дай слово, что ты исполнишь мою просьбу!

Алексисъ началъ удивляться: «Посмотримъ, посмотримъ», отвѣчалъ онъ.

— Нѣтъ, Алексисъ, поклянись исполнить мою просьбу могилой твоей матери.

Онъ вынулъ чубукъ изо рта и посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

«Глашенька, я не люблю такихъ дальнихъ обходовъ; я солдатъ: что могу—сдѣлаю, только скажи мнѣ просто».

Она спрятала лицо на его груди и пропищала въ слезахъ:

— Я все знаю, Алексисъ, и прощаю тебя. Я знаю, у тебя есть дочь, дочь преступной любви... Я понимаю неопытность, пылкость юности (Любонькѣ было три года!..). Алексисъ, она твоя, я ее видѣла: у ней твой носъ, твой затылокъ... О, я ее люблю! пусть она будетъ моей дочерью, позволь мнѣ взять ее, воспитать... и дай мнѣ слово, что не будешь мстить, преслѣдовать тѣхъ, отъ кого я узнала. Другъ мой, я обожаю твою дочь; позволь же, не отринь моей просьбы!» — И слезы текли обильнымъ ручьемъ по тармаламѣ халата...

Его превосходительство растерялся и сконфузился до высочайшей степени, и прежде, нежели успѣлъ придти въ себя, жена вынудила его дать позволеніе и поклясться могилой матери, прахомъ отца, счастіемъ ихъ будущихъ дѣтей, именемъ ихъ любви, что не возьметъ назадъ своего позволенія и не будетъ доискиваться, какъ она узнала. Разжалованная въ дворовыя, малютка снова была произведена въ барышни, и кроватка опять переѣхала въ бель-этажъ. Любонька, которую сначала отучили отца звать отцомъ, начали отучать теперь звать мать — матерью, хотѣли ее выростить въ мысли, что Дуня ея кормилица. Глафира Львовна сама купила въ магазинѣ на Кузнецкомъ-мосту дѣтское платье, разодѣла Любоньку, какъ куклу, потомъ прижала ее къ сердцу и заплакала. «Сиротка», говорила она ей: «у тебя

нѣтъ папаши, нѣтъ мамаши, я тебѣ буду все... Папаша твой тамъ!—и она указала на небо.—«Папа съ крылышками»—пролепеталъ ребенокъ;—и Глафира Львовна вдвое заплакала, восклицая: «о, небесная простота!» А дѣло было очень просто: на потолкѣ, по давнопрошедшей модѣ, былъ представленъ амуръ, дрягавшій ногами и крыльями и завязывавшій какой-то бантъ у чернаго желѣзнаго крюка, на которомъ висѣла люстра. — Дуня была на верху счастія; она на Глафиру Львовну смотрѣла, какъ на ангела; ея благодарность была безъ малѣйшей примѣси какого бы то ни было непріязненнаго чувства; она даже не обижалась тѣмъ, что дочь отучали быть дочерью; она видѣла ее въ кружевахъ, она видѣла ее въ барскихъ покояхъ и только говорила: «да отчего это моя Любонька уродилась такая хорошая; кажись, ей и нельзя надѣть другого платьица; красавица будетъ».—Дуня обходила всѣ монастыри и вездѣ служила заздравные молебны о доброй барынѣ.

Многіе сочтутъ экс-графиню героиней. Я полагаю, что ея поступокъ самъ въ себѣ былъ величайшею необдуманностью, по крайней мѣрѣ, равною необдуманности выйти замужъ за человѣка, о которомъ она только и знала, что онъ мужчина и генералъ. Причина, очевидно, романическая экзальтація, предпочитающая всему на свѣтѣ трагическія сцены, самопожертвованія, натянуто благородные поступки. Справедливость требуетъ присовокупить, что Глафира Львовна не имѣла при этомъ никакой хитрой мысли, ни даже тщеславія; она сама не знала, для чего она хотѣла воспитывать Любоньку: ей нравилась патетическая сторона этого дѣла. Алексѣй Абрамовичъ, позволивъ однажды, нашелъ очень естественнымъ странное положеніе ребенка и не далъ даже себѣ труда подумать, хорошо или худо онъ сдѣлалъ, согласившись на это... Въ самомъ дѣлѣ, хорошо или худо онъ сдѣлалъ? Можно многое сказать и за, и противъ. Кто считаетъ высшей цѣлью жизни человѣческой развитіе, во что бы оно ни стало, какія бы оно послѣдствія ни привело,—тотъ будетъ со стороны Глафиры Львовны. Кто считаетъ высшей цѣлью жизни счастье, довольство, въ какомъ бы кругу оно ни было, и на счетъ чего бы оно ни досталось,—тотъ будетъ противъ нея. Любонька въ людской, если-бъ и узнала со временемъ о своемъ рожденіи, понятія ея были бы такъ тѣсны, душа спала бы такимъ непробуднымъ сномъ, что изъ этого ничего бы не вышло; вѣроятно, Алексѣй Абрамовичъ, чтобы вполнѣ примириться съ совѣстью, далъ бы ей отпускную и, можетъ быть, тысячу-другую приданаго; она была бы при своихъ понятіяхъ чрезвычайно счастлива, вышла бы замужъ за купца третьей гильдіи, носила бы шелковый платокъ на макушкѣ, пила бы по двѣнадцати чашекъ цвѣточнаго

чаю и народила бы цѣлую семью купчиковъ; иногда приходила бы она въ гости къ дворечихѣ Негрова и видѣла бы съ удовольствіемъ, какъ на нее съ завистью смотрятъ ея бывшія подруги. Такъ она могла бы прожить до ста лѣтъ и надѣяться, что сто извощичьихъ дрожекъ проводятъ ее на Ваганьковское кладбище. Любонька въ гостиной—совсѣмъ иное дѣло: какъ бы глупо ее ни воспитывали, она получала возможность образоваться; самая даль отъ грубыхъ понятій людской—своего рода воспитаніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, она должна была понять всю несообразную нелѣпость своего положенія; оскорбленія, слезы, горести ждали ее въ бельэтажѣ, и все это вмѣстѣ способствовало бы дальнѣйшему развитію духа, а, можетъ быть, съ тѣмъ вмѣстѣ, развитію чахотки. Итакъ, выбирайте сами, хорошо или худо сдѣлала M-me Негровъ.

Брачная жизнь Алексѣя Абрамовича потекла, какъ по маслу; на всѣхъ каретныхъ гуляньяхъ являлась его четверня и блестящій экипажъ, и пышущая счастьемъ чета въ этомъ экипажѣ. Ихъ навѣрное можно было встрѣтить и въ Сокольникахъ 1-го мая, и въ Дворцовомъ саду въ Вознесенье, и на Прѣсненскихъ прудахъ въ Духовъ день, и на Тверскомъ бульварѣ почти всякій день. Зимой ѣздили они въ собраніе, давали обѣды, имѣли абонированную ложу. Но страшное однообразіе убиваетъ московскія гулянья: какъ было въ прошломъ году, такъ въ нынѣшнемъ и въ будущемъ; какъ тогда съ вами встрѣтился толстый купецъ въ великолѣпномъ кафтанѣ съ чернозубой женой, увѣшанной всякими драгоцѣнностями, такъ и ныньче непремѣнно встрѣтится только кафтанъ постарше, борода побѣлѣе, зубы у жены почернѣе,—а все встрѣтится; какъ тогда встрѣтился хватъ съ убійственными усами и въ шутовскомъ сюртукѣ, такъ и ныньче встрѣтится, нѣсколько исхудалый; какъ тогда водили на гуляньѣ подагрика, покрытаго нюхательнымъ табакомъ, такъ и ныньче его поведутъ... Отъ одного этого можно запереться у себя въ комнатѣ. Алексѣй Абрамовичъ былъ человѣкъ выносливый, однако силы человѣческія сочтены: дольше десяти лѣтъ онъ не могъ протянуть, надоѣло и ему, и Глашѣ. Въ это десятилѣтіе, у нихъ родились сынъ и дочь, и они начали тяжелѣть не по днямъ, а по часамъ; одѣваться не хотѣлось имъ больше, и они начали дѣлаться домосѣдами и—не знаю, какъ и для чего, а полагаю больше для всесовершеннѣйшаго покоя—рѣшились ѣхать на житье въ деревню. Это случилось года четыре прежде ученаго разговора генерала съ Дмитріемъ Яковлевичемъ.

III.

Біографія Дмитрія Яковлевича.

Разумѣется, біографія бѣднаго молодого человѣка не можетъ имѣть той занимательности, какъ біографія Алексѣя Абрамовича съ домочадцами. Мы должны изъ міра каретъ мордоре-фонсе перейти въ міръ, гдѣ заботятся о завтрашнемъ обѣдѣ, изъ Москвы переѣхать въ дальній губернскій городъ, да и въ немъ не останавливаться на единственной мощеной улицѣ, по которой иногда можно ѣздить и на которой живетъ аристократія, а удалиться въ одинъ изъ немощеныхъ переулковъ, по которымъ почти никогда нельзя ни ходить, ни ѣздить, и тамъ отыскать почернѣвшій, перекосившійся домикъ о трехъ окнахъ, — домикъ уѣзднаго лекаря Круциферскаго, скромно стоящій между почернѣвшими и перекосившимися своими товарищами. Всѣ эти домики скоро развалятся, замѣстятся новыми, и никто объ нихъ не помянетъ; а между тѣмъ, во всѣхъ нихъ развивалась жизнь, кипѣли страсти, поколѣнія смѣнялись поколѣніями, и обо всѣхъ этихъ существованіяхъ столько извѣстно, сколько о дикихъ въ Австраліи, какъ будто они человѣчествомъ оставлены внѣ закона и не признаны имъ. Но вотъ домикъ, который мы искали. Въ немъ лѣтъ тридцать жилъ добрый, честный старикъ съ своей женою. Жизнь его была постоянною битвою со всевозможными нуждами и лишеніями; правда, онъ вышелъ довольно побѣдоносно, т. е. не умеръ съ голода, не застрѣлился съ отчаянія, но побѣда досталась не даромъ: въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ и сѣдъ, и худъ, и морщины покрыли его лицо, а природа одарила его богатымъ запасомъ силъ и здоровья. Не бурные порывы, не страсти, не грозные перевороты истощили это тѣло и придали ему видъ преждевременной дряхлости, а безпрерывная, тяжелая, мелкая, оскорбительная борьба съ нуждою, дума о завтрашнемъ днѣ, жизнь, проведенная въ недостаткахъ и заботахъ. Въ этихъ низменныхъ сферахъ общественной жизни душа вянетъ, сохнетъ въ вѣчномъ безпокойствѣ, забываетъ о томъ, что у нея есть крылья, и вѣчно наклоненная къ землѣ, не подымаетъ взора къ солнцу.

Жизнь лекаря Круциферскаго была огромнымъ продолжительнымъ геройскимъ подвигомъ на неосвѣщенномъ поприщѣ, награда — насущный хлѣбъ въ настоящемъ и надежда не имѣть его въ будущемъ. Онъ учился на казенный счетъ въ московскомъ университетѣ и, выпущенный лекаремъ, прежде назначенія женился на нѣмкѣ, дочери какого-то провизора; приданое ея, сверхъ доброй и самоотверженной души, сверхъ любви, которую она, по нѣмецкому обычаю, сохранила на всю жизнь, состояло изъ нѣ-

скольких платьевъ, пропитанныхъ запахомъ розоваго масла съ ребарбаромъ. Страстно влюбленному студенту въ голову не приходило, что онъ не имѣетъ права ни на любовь, ни на семейное счастье, что и для этихъ правъ есть свой цензъ, въ родѣ французскаго электоральнаго ценза. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы его назначили полковымъ лекаремъ въ дѣйствующую армію. Восемь лѣтъ номадной жизни вынесъ онъ, на девятый усталъ и началъ просить постояннаго мѣста. Ему дали одну изъ открывшихся вакансій. И Круциферскій потащился съ женой и дѣтьми съ одного края Россіи въ другой и поселился въ губернскомъ городѣ NN.

Сначала онъ имѣлъ кой-какую практику. Хотя сановники и помѣщики въ губернскихъ городахъ предпочитаютъ лечиться у нѣмцевъ, но, по счастію, нѣмца (кромѣ часовщика) подъ рукой не находилось. Это былъ счастивѣйшій періодъ жизни Круциферскаго; тогда онъ купилъ свой домикъ о трехъ окнахъ, а Маргарита Карловна сюрпризомъ мужу, ко дню Якова, брата Господня, ночью обила старый диванъ и кресла ситцемъ, купленнымъ на деньги, собранныя по копейкѣ. Ситецъ былъ превосходный; на диванѣ Авраамъ три раза изгонялъ Агарь съ Измаиломъ на полъ, а Сарра грозилась; на креслахъ съ правой стороны были ноги Авраама, Агари, Измаила и Сарры, а съ лѣвой—ихъ головы. Но эта счастливая эпоха не долго продолжалась. Одинъ богатый помѣщикъ, село котораго было подъ самымъ городомъ, привезъ съ собою домового доктора, отбившаго всю практику у Круциферскаго. Молодой докторъ былъ мастеръ лечить женскія болѣзни; паціентки были отъ него безъ ума; лечилъ онъ отъ всего піявками и краснорѣчиво доказывалъ, что не только всѣ болѣзни — воспаленіе, но и жизнь есть ничто иное, какъ воспаленіе матеріи; о Круциферскомъ онъ отзывался съ убійственнымъ снисхожденіемъ; словомъ, онъ вошелъ въ моду. Весь городъ шилъ ему по канвѣ подушки и кисеты, сувениры и сюрпризы, а о старомъ лекарѣ старались забыть. Правда, купцы и духовные остались вѣрными Круциферскому; но купцы никогда не бывали больны, всегда, слава Богу, здоровы, а когда и случалось прихворнуть, то по собственному усмотрѣнію терлись и мазались въ банѣ всякой дрянью, скипидаромъ, дегтемъ, муравьинымъ спиртомъ и всегда выздоравливали, или умирали черезъ нѣсколько дней. Въ обоихъ случаяхъ Круциферскому не приходилось ничего дѣлать, а смерть падала на его счетъ, и молодой докторъ всякій разъ говорилъ дамамъ: «странная вещь, вѣдь, Яковъ Ивановичъ очень хорошо знаетъ свое дѣло, а какъ не догадался употребить t-ræ opii Sydenhamii капель X, solutum in aqua distillata, да не поставилъ подъ ложечку 45 піявокъ; вѣдь, человѣкъ то бы былъ живъ».

слыша латинскія слова, сама губернаторша вѣрила, что человѣкъ бы былъ живъ.

Итакъ, мало по малу, Круциферскій былъ сведенъ на одно жалованье: оно состояло, кажется, изъ четырехъ сотъ рублей; у него было пять человѣкъ дѣтей; жизнь становилась тяжелѣе и тяжелѣе. Яковъ Ивановичъ не зналъ, какъ прокормиться; скарлатина указала ему выходъ: трое изъ дѣтей умерли другъ за другомъ, остались старшая дочь и меньшой сынъ. Мальчикъ, кажется, избѣгнулъ смерти и болѣзни своею чрезвычайною слабостью: онъ родился преждевременно и былъ не болѣе, какъ живъ; слабый, худой, хилый и нервный, онъ иногда бывалъ не боленъ, но никогда не былъ здоровъ. Несчастія этого ребенка начались прежде его рожденія. Въ то время, какъ Маргарита Карловна была тяжела имъ, надъ ними готово было разразиться ужасное несчастіе. Губернаторъ возненавидѣлъ Круциферскаго за то, что онъ не далъ свидѣтельства о естественной смерти засѣченному кучеру одного помѣщика. Яковъ Ивановичъ былъ на вершокъ отъ гибели и съ какой-то кроткой, геройской грустью, самоотверженно ждалъ страшнаго удара, — ударъ прошелъ мимо головы его. Въ это тревожное время безпрерывныхъ слезъ родился Митя, единственный наказанный въ дѣлѣ о найденномъ тѣлѣ кучера. Дитя это было идоломъ Маргариты Карловны: чѣмъ болѣзненнѣе, чѣмъ слабѣе оно казалось, тѣмъ упорнѣе хотѣла мать сохранить его; она, кажется, дѣлилась съ нимъ своей силой, любовь оживляла его и исторгла его у смерти. Она будто чувствовала, что онъ останется у нихъ одинъ, опора, надежда, утѣшеніе. А что же сталось съ его сестрой? Ей было лѣтъ семьнадцать, когда въ NN. стоялъ пѣхотный полкъ; когда онъ ушелъ, ушла и лекарская дочь съ какимъ-то подпоручикомъ; черезъ годъ писала она изъ Кіева, просила она прощенья и благословенія и извѣщала, что подпоручикъ женился на ней; черезъ годъ еще писала она изъ Кишинева, что мужъ ее оставилъ, что она съ ребенкомъ въ крайности. Отецъ послалъ ей двадцать пять рублей. Послѣ этого, не было объ ней и вѣсти.

Когда Митя подросъ, его отдали въ гимназію; онъ учился хорошо; вѣчно застѣнчивый, кроткій и тихій, онъ былъ даже любимъ инспекторомъ, который считалъ не вовсе сообразнымъ съ своей должностью любить дѣтей. Отецъ хотѣлъ, послѣ курса, записать его въ канцелярію гражданскаго губернатора, въ чемъ ему обѣщалъ протежировать секретарь, у котораго онъ лечилъ безвозмездно дѣтей, вѣчно золотушныхъ. Вдругъ Митѣ открылась другая дорога. Какой-то меценатъ и тайный совѣтникъ проѣзжалъ по городу NN., отправляясь изъ деревни въ Москву. Директоръ гимназіи, имѣвшій талантъ узнавать ясно прибли-

женіе тайныхъ совѣтниковъ, тотчасъ отправился просить удостоительной чести посѣщенія вертограда и разсадника отечественнаго просвѣщенія. Меценату не хотѣлось, но онъ любилъ радушные пріемы и съ тѣмъ вмѣстѣ почтительные. Директоръ, въ мундирѣ и поддерживая шляпой шпагу, объяснилъ меценату подробно, отчего сѣни сыры и лѣстница покривилась (хотя меценату до этого дѣла не было); ученики были развернуты правильной колонной, учители, сильно причесанные и съ крѣпко повязанными галстухами, озабоченно ходили, глазами показывали что-то ученикамъ и сторожу, всего менѣе потерявшемуся. Учитель физики просилъ позволенія его превосходительства убить кролика подъ колпакомъ пневматической машины и голубя Лейденской банкой. Меценатъ просилъ ихъ пощадить, причемъ директоръ, тронутый, посмотрѣлъ на всѣхъ учителей и на всѣхъ учениковъ, какъ бы говоря: «Величіе всегда сопровождается кротостью». Голубь и кроликъ послѣ этого жили въ залавкѣ у сторожа до самаго акта, когда неумолимый учитель все-таки, къ большому удовольствію всего города, принесъ ихъ на жертву наукѣ и образованію. Затѣмъ одинъ изъ учениковъ вышелъ впередъ и учитель французскаго языка спросилъ его: «Не имѣетъ ли онъ имъ что-нибудь сказать по поводу высокаго посѣщенія разсадника наукъ?» Ученикъ тотчасъ же началъ на какомъ-то франко-церковномъ нарѣчіи: «Команъ пувоннъ ну поверь анфанъ ремерсіерь ллюстрь визитерь».

Глядя по сторонамъ во время этой кельто-славянской рѣчи, меценатъ обратилъ какъ-то вниманіе на болѣзненный и нѣжный видъ Мити, подозвалъ его къ себѣ, поговорилъ, приласкалъ. Директоръ сказалъ, что это отличнѣйшій ученикъ, что онъ пошелъ бы далеко, но что отецъ его не имѣетъ чѣмъ содержать его въ Москвѣ, и пр. Меценатъ былъ меценатъ, и сказалъ Митѣ, что черезъ мѣсяцъ или два поѣдетъ его управитель, что если его родители согласны, то онъ ему прикажетъ привезти Митю въ Москву и велитъ дать ему уголокъ въ своемъ флигелѣ вмѣстѣ съ дѣтьми управляющаго. Директоръ послалъ тотчасъ письмоводителя за Яковомъ Ивановичемъ. Яковъ Ивановичъ засталъ мецената, уже садящагося въ дормезъ. Старикъ былъ истинно тронутъ, плакалъ, какъ дитя, и простымъ языкомъ, нескладнымъ и прерывистымъ, благодарилъ его. Меценатъ указалъ на плечистаго мужчину, помогавшаго застегивать какіе-то ремешки у кареты, и сказалъ: «Это мой управляющій, онъ повезетъ вашего сына», сказалъ и уѣхалъ, милостиво улыбнувшись.

Черезъ мѣсяцъ, кибитка съ бубенчиками выѣхала изъ воротъ Круциферскаго, и въ ней сидѣлъ Митя, покрытый одѣяломъ, увязанный и одѣтый матерью, и приказчикъ въ одномъ сюртукѣ,

потому что онъ въ пути предпочиталъ нагрѣваться изнутри. И вотъ отъ чего зависитъ судьба человѣка! Если-бъ меценатъ не проѣзжалъ черезъ городъ NN., Митя поступилъ бы въ канцелярію, и разсказа нашего не было бы, а былъ бы Митя со временемъ старшій помощникъ правителя дѣлъ и кормилъ бы онъ своихъ стариковъ, Богъ знаетъ какими, доходами,—и отдохнули бы Яковъ Ивановичъ и Маргарита Карловна. Отъѣздъ Мити былъ переломомъ жизни стариковъ,— они остались одни: тишина, грусть еще болѣе овладѣли ихъ домикомъ. Управляющій мецената, человѣкъ не слабонервный, почувствовалъ что-то въ родѣ слезъ, когда старики разставались съ сыномъ. Бѣдный отецъ прощается не такъ, какъ богатый; онъ говорилъ сыну: «Иди, другъ мой, ищи себѣ хлѣба; я болѣе для тебя ничего не могу сдѣлать; пролагай свою дорогу и вспоминай насъ!» И увидятся ли они, найдетъ ли онъ себѣ хлѣбъ,—все покрыто черной, тяжкой завѣсой... Хочетъ отецъ дать сыну на дорогу побольше, и нѣтъ возможности; онъ десять разъ разсчитываетъ, сколько можно удѣлить изъ наличныхъ восьмидесяти рублей, и все ему кажется мало. А мать сколько слезъ прольетъ надъ убогимъ узелкомъ, въ который она положила необходимѣйшія свои вещи, но понимаетъ, что всего не достаетъ, и знаетъ, что негдѣ взять... Это сцены, неизвѣстныя, мѣщанскія, скрываемыя тщательно отъ посторонняго глаза, но вопіющія и раздирающія сердце! Хорошо, что онѣ скрыты!

Молодой Круциферскій черезъ четыре года сдѣлался кандидатомъ. Не одаренный ни особенно блестящими способностями, ни чрезвычайной быстротою соображенія, онъ любовью къ наукѣ, постояннымъ прилежаніемъ вполнѣ заслужилъ полученную имъ степень. Глядя на его кроткое лицо, можно было подумать, что изъ него разовьется одно изъ милыхъ германскихъ существованій,—существованій тихихъ, благородныхъ, счастливыхъ въ немножко ограниченной, но чрезвычайно трудолюбивой учено-педагогической дѣятельности, въ немножко ограниченномъ семейномъ кругу, въ которомъ черезъ двадцать лѣтъ мужъ еще влюбленъ въ жену, а жена еще краснѣетъ отъ каждой двусмысленной шутки. Это—существованія маленькихъ патріархальныхъ городковъ въ Германіи, пасторскихъ домиковъ, семинарскихъ учителей, чистыя, нравственныя и незамѣтныя внѣ своего круга... Но будто у насъ возможна такая жизнь? Я рѣшительно думаю, что нѣтъ,— нашей душѣ несвойственна эта среда; она не можетъ утолять жажду такимъ жиденькимъ винцомъ; она или гораздо выше этой жизни, или гораздо ниже, но въ обоихъ случаяхъ шире. Сдѣлавшись кандидатомъ, Круциферскій сначала попытался получить мѣсто при университетѣ; потомъ думалъ пробиться частными уроками,—но всѣ попытки были напрасны: онъ унаслѣдовалъ отъ отца удачу во всѣхъ предпріятіяхъ...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ при звукахъ литавръ и трубъ было возвѣщено о кандидатствѣ Круциферскаго, онъ получилъ письмо отъ старика, извѣщавшее его о болѣзни матери и мимоходомъ намекавшее на тѣсныя обстоятельства. Зная характеръ отца, онъ понялъ, что одна страшная крайность заставила его сдѣлать такой намекъ. Послѣднія деньги были прожиты Круциферскимъ, одно средство оставалось: у него былъ патронъ, профессоръ какой-то *гнозіи*, принимавшій въ немъ сердечное участіе; онъ написалъ къ нему письмо открыто, благородно, трогательно и просилъ взаймы 150 рублей. Профессоръ отвѣчалъ учтивѣйшимъ образомъ, тронулся запиской, но денегъ не прислалъ; въ postsriptum'ѣ ученый мужъ упрекалъ самымъ милымъ образомъ Круциферскаго, что онъ не приходитъ никогда къ нему обѣдать. Записка поразила молодого человѣка,—такъ мало зналъ онъ цѣну людямъ, или, лучше сказать, деньгамъ! Ему было очень тяжело; онъ бросилъ милую записку добраго профессора на столъ, прошелся раза два по комнаткѣ и, совершенно уничтоженный горестью, бросился на свою кровать, слезы потихоньку скатывались со щекъ его; ему такъ живо представлялась убогая комната, и въ ней его мать страждущая, слабая, можетъ быть, умирающая,—возлѣ старикъ, печальный и убитый. Больной хочется чего-нибудь, хочется, но она скрываетъ, чтобъ не увеличить горести мужа, а тотъ догадывается и тоже скрываетъ, боясь, что прійдется отказать ей... Читатель, если вы богаты, или, по крайней мѣрѣ, *обезпечены*, — принесемте глубокую благодарность небу, и да здравствуетъ полученное нами наслѣдство! да здравствуетъ родовое и благопріобрѣтенное!

Въ эту тяжелую минуту для кандидата, отворилась дверь его комнатки, и какая-то фигура, явнымъ образомъ не столичная, вошла, снимая темный картузъ съ огромнымъ козырькомъ. Козырекъ этотъ бросалъ тѣнь на здоровое, краснощекое и веселое лицо человѣка пожилыхъ лѣтъ; черты его выражали эпикурейское спокойствіе и добродушіе. Онъ былъ въ поношенномъ коричневомъ сюртукѣ съ воротникомъ, какого именно тогда не носили, съ бамбуковой палкой въ рукахъ, и, какъ мы сказали, съ видомъ рѣшительнаго провинціала.

— «Вы господинъ Круциферскій, кандидатъ здѣшняго университета?»

— Я, отвѣчалъ Дмитрій Яковлевичъ:—къ вашимъ услугамъ.

— «А вотъ, господинъ кандидатъ, позвольте мнѣ сперва сѣсть; я постарше васъ, да и пришелъ пѣшкомъ».

Съ этими словами онъ хотѣлъ было сѣсть на стулъ, на которомъ висѣлъ вицъ-мундирный фракъ; но оказалось, что этотъ стулъ можетъ только выносить тяжесть фрака безъ человѣка, а

не человѣка въ сюртукѣ. Круциферскій, сконфузившись, просилъ его помѣститься на кровать, а самъ взялъ другой (и послѣдній) стулъ.

— «Я, началъ посѣтитель съ убійственною медленностью: — инспекторъ врачебной управы N., докторъ медицины Круповъ, и пришелъ къ вамъ вотъ по какому дѣлу...»—Инспекторъ былъ человѣкъ методическій, остановился, вынулъ большую табакерку, положилъ ее возлѣ себя, потомъ вынулъ красный платокъ и положилъ его возлѣ табакерки, потомъ бѣлый платокъ, которымъ обтеръ себѣ потъ, и, нюхая табакъ, продолжалъ такимъ образомъ:—«Вчерашняго числа я былъ у Антона Фердинандовича... Мы съ нимъ одного выпуска... нѣтъ, извините, онъ вышелъ годомъ ранѣе... да, годомъ ранѣе, точно,—все же были товарищи и остались добрыми знакомыми. Вотъ-съ я и прошу его, не можетъ ли онъ мнѣ указать хорошаго учителя въ отъѣздъ-де въ нашу губернію, кондиціи, молъ, такія и такія, и вотъ, молъ, требуютъ то и то. Антонъ-атъ Фердинандовичъ и далъ мнѣ вашъ адресъ и, признаюсь, очень лестно отзывался объ васъ; а потому, если вы желаете имѣть кондицію въ отъѣздъ, то я могъ бы съ вами дѣло покончить».

Антонъ Фердинандовичъ былъ именно профессоръ-патронъ: онъ въ самомъ дѣлѣ любилъ Круциферскаго, но только не рисковалъ своими деньгами, какъ мы видѣли,—а рекомендацію всегда былъ готовъ дать.

Тяжелый докторъ Круповъ показался Круциферскому небеснымъ посланникомъ; онъ откровенно разсказалъ ему свое положеніе и заключилъ тѣмъ, что ему выбора нѣтъ, что онъ обязанъ принять мѣсто. Круповъ вытащилъ изъ кармана что-то среднее между бумажникомъ и чемоданомъ и вынулъ письмо, покоившееся въ обществѣ кривыхъ ножницъ, ланцетовъ и зондовъ, и прочелъ: «Предложите таковому 2.000 рублей въ годъ и никакъ не болѣе 2.500, потому что за 3.000 рублей у моего сосѣда живетъ французъ изъ Швейцаріи. Особая комната, утромъ чай, прислуга и мытье бѣлья, какъ обыкновенно. Обѣдать за столомъ».

Круциферскій не дѣлалъ никакихъ требованій, краснѣя, говорилъ о деньгахъ, распрашивалъ о занятіяхъ и откровенно сознавался, что боится смертельно вступить въ посторонній домъ, жить у чужихъ людей. Круповъ былъ тронутъ, уговаривалъ его не бояться Негровыхъ... «Вѣдь, вамъ съ ними не дѣтей крестить; будете учить мальчика, а съ отцомъ, съ матерью видаться за обѣдомъ. Генералъ денежно васъ не обидитъ, за это я вамъ отвѣчаю; жена его вѣчно спитъ: стало, и она васъ не обидитъ, развѣ во снѣ. Домъ Негрова, повѣрьте мнѣ, не хуже... признаться, и не лучше, всѣхъ помѣщичьихъ домовъ». Словомъ, торгъ сладился:

Круциферскій шелъ въ наемъ за 2.500 рублей въ годъ. Инспекторъ былъ облѣнившійся въ провинціальной жизни человѣкъ, но однако человѣкъ. Узнавъ рядомъ горькихъ опытовъ, что всѣ прекрасныя мечты, великія слова остаются до поры до времени мечтами и словами, онъ поселился на вѣки вѣковъ въ NN и мало по малу научился говорить съ разстановкой, носить два платка въ карманѣ, одинъ красный, другой бѣлый. Ничто въ мірѣ не портитъ такъ человѣка, какъ жизнь въ провинціи. Но онъ не совсѣмъ еще вымеръ: въ глазахъ его еще попрыгивали огоньки. Многое встрепенулось въ душѣ Крупова при видѣ благороднаго, чистаго юноши; ему вспомнилось то время, когда онъ съ Антономъ Фердинандовичемъ мечталъ сдѣлать переворотъ въ медицинѣ, идти пѣшкомъ въ Геттингенъ... И онъ горько улыбнулся при этихъ воспоминаніяхъ. Когда торгъ кончился, ему пришло въ голову: «хорошо ли я дѣлаю, вталкивая этого юношу въ глупую жизнь полустепнаго помѣщика?» Даже мысль дать ему своихъ денегъ и уговорить его не покидать Москвы пришла ему въ голову; лѣтъ пятьнадцать тому назадъ онъ такъ бы и сдѣлалъ, но старыми руками ужасно трудно развязывать кошелекъ. «Судьба!» подумалъ Круповъ и утѣшился. Странно, что въ этомъ случаѣ онъ поступилъ точь въ точь, какъ съ древнѣйшихъ временъ поступаетъ человѣчество: Наполеонъ говаривалъ, что судьба—слово, не имѣющее смысла; отъ того-то оно такъ и утѣшительно.

— «Итакъ, мы дѣло сладили, сказалъ, наконецъ, инспекторъ послѣ маленькаго молчанія; — я ѣду черезъ пять дней, и буду очень радъ, если вы раздѣлите со мною тарантасъ».

IV.

Житье-бытье.

Давно извѣстно, что человѣкъ вездѣ можетъ оклиматиться, въ Лапландіи и Сенегаліи. Потому дивиться собственно нечему, что Круциферскій мало по малу началъ привыкать къ дому Негрова. Образъ жизни, сужденія, интересы этихъ людей сначала поражали его, потомъ онъ сталъ равнодушнѣе, хотя и былъ далекъ отъ примиренія съ такою жизнію. Странное дѣло: въ домѣ Негрова ничего не было ни разительнаго, ни особеннаго; но свѣжему человѣку, юношѣ, какъ-то неловко, трудно было дышать въ немъ. Пустота всесовершеннѣйшая, самая многосторонняя царила въ почтенномъ семействѣ Алексѣя Абрамовича. Зачѣмъ эти люди вставали съ постели, зачѣмъ двигались, для чего жили,—трудно

было бы отвѣчать на эти вопросы. Впрочемъ, и нѣтъ нужды на нихъ отвѣчать. Добрые люди эти жили потому, что родились и продолжали жить по чувству самосохраненія. Какія тутъ цѣли, да заднія мысли?.. Это все изъ нѣмецкой философіи! Генералъ вставалъ въ 7 часовъ утра и тотчасъ появлялся въ залу съ толстымъ черешневымъ чубукомъ; вошедшій незнакомецъ могъ бы подумать, что проекты, соображенія первой важности бродятъ у него въ головѣ: такъ глубокомысленно курилъ онъ; но бродилъ одинъ дымъ, и то не въ головѣ, а около головы. Глубокомысленное куреніе продолжалось часъ. Алексѣй Абрамовичъ все это время тихо ходилъ по залѣ, часто останавливаясь передъ окномъ, въ которое онъ превнимательно всматривался, щурилъ глаза, морщилъ лобъ, дѣлалъ недовольную мину, даже кряхтѣлъ, но и это былъ такой же оптическій обманъ, какъ задумчивость. Управитель долженъ былъ въ это время стоять у дверей, рядомъ съ казачкомъ. Окончивъ куренье, Алексѣй Абрамовичъ обращался къ управителю, бралъ у него изъ рукъ рапортичку и начиналъ его ругать не на животъ, а на смерть, присовокупляя всякій разъ, что «кончено, что онъ его знаетъ, что онъ умѣетъ учить мошенниковъ и для примѣра справедливости отдастъ его сына въ солдаты, а его заставитъ ходить за птицами!» Была ли это мѣра нравственной гигіены въ родѣ ежедневныхъ обливаній холодной водой, мѣра, посредствомъ которой онъ поддерживалъ страхъ и повиновеніе своихъ вассаловъ, или просто патріархальная привычка,—въ обоихъ случаяхъ постоянство заслуживало похвалы. Управитель слушалъ отеческія наставленія съ безмолвнымъ самоотверженіемъ: слушать ихъ казалось ему такою же существенною обязанностью, сопряженной съ его должностью, какъ красть пшеницу и ячмень, сѣно и солому. «Ахъ, ты разбойникъ!» кричалъ генералъ: «да тебя мало трехъ разъ повѣсить». — «Воля вашего превосходительства», отвѣчалъ съ величайшимъ спокойствіемъ управитель и смотрѣлъ своими плутовскими глазами какъ-то косвенно внизъ.

Бесѣда эта продолжалась до появленія дѣтей здороваться; Алексѣй Абрамовичъ протягивалъ имъ руку; съ ними являлась миніатюрная француженка-мадамъ, которая какъ-то уничтожалась, уходя сама въ себя, присѣдала à la Pompadour; она возвѣщала, что чай готовъ, и Алексѣй Абрамовичъ отправлялся въ диванную, гдѣ Глафира Львовна уже дожидалась его передъ самоваромъ. Разговоръ обыкновенно начинался жалобою Глафиры Львовны на свое здоровье и на безсонницу; она чувствовала въ правомъ вискѣ непонятную, живую боль, которая переходила въ затылокъ и въ темя и не давала ей спать. Алексѣй Абрамовичъ слушалъ бюллетень о здоровьѣ супруги довольно равнодушно, потому ли,

что онъ одинъ во всемъ родѣ человѣческомъ очень хорошо и основательно зналъ, что она ночью никогда не просыпается, или потому, что ясно видѣлъ, какъ эта хроническая болѣзнь полезна здоровью Глафиры Львовны,—не знаю. За то Элиза Августовна приходила въ ужасъ, жалѣла о страдалицѣ и утѣшала ее тѣмъ, что и княгиня Р***, у которой она жила, и графиня М***, у которой она могла бы жить, если-бъ хотѣла,—точно такъ же страдаютъ живою болью и называютъ ее tic douloureux. Во время чая приходилъ поваръ; благородная чета начинала заниматься заказомъ обѣда и бранить за вчерашній, хотя блюда и были вынесены пусты. Поваръ имѣлъ то преимущество передъ приказчикомъ, что его ежедневно бранилъ баринъ, какъ и приказчика, да, сверхъ того, бранила барыня.

Послѣ чая, Алексѣй Абрамовичъ отправлялся по полямъ. Нѣсколько лѣтъ живъ безвыѣздно въ деревнѣ, онъ немного успѣлъ въ агрономіи, нападалъ на мелкіе безпорядки, пуще всего любилъ дисциплину и видъ безусловной покорности. Воровство самое наглое совершалось почти передъ глазами, и онъ большей частію не замѣчалъ, а когда замѣчалъ, то такъ неловко принимался за дѣло, что всякій разъ оставался въ дуракахъ. Какъ настоящій глава и отецъ общины, онъ часто говаривалъ: «вору спущу, мошеннику спущу, но ужъ дерзости не могу стерпѣть»,—въ этомъ у него состоялъ патріархальный point l'honneur! Глафира Львовна, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, никогда не выходила изъ дома пѣшкомъ, разумѣется, исключая стараго сада, который отъ запущенности сдѣлался хорошимъ и который начинался отъ самаго балкона; даже собирать грибы ѣздила она всегда въ коляскѣ. Это дѣлалось слѣдующимъ образомъ. Съ вечера отдавался приказъ старостѣ, чтобъ собрать легіонъ мальчишекъ и дѣвчонокъ съ кузовками, корзинками, плетушками и проч. Глафира Львовна съ француженкой ѣхала шагомъ по просѣкѣ, а саранча босыхъ, полуголыхъ и полусытыхъ дѣтей, подъ предводительствомъ старухи птичницы, барченка и барышни, нападала на масленки, волвянки, сыроѣжки, рыжики, бѣлые и всякіе грибы. Грибъ удивительной величины или чрезвычайной малости приносился птичницей къ матушкѣ-енаральшѣ; имъ изволили любоваться и ѣхали далѣе. Возвратившись домой, она всякій разъ жаловалась на усталь и ложилась уснуть передъ обѣдомъ, употребивъ для возстановленія силъ какой-нибудь остатокъ вчерашняго ужина — барашка, теленка, поеннаго однимъ молокомъ, индѣйку, кормленую грецкими орѣхами, или что-нибудь въ этомъ родѣ, легкое и пріятное. Между тѣмъ, ужъ и Алексѣй Абрамовичъ хватилъ горькой, закусилъ, *повторилъ* и отправился прогуляться въ саду; онъ особенно въ это время любилъ пройтись

по саду и заняться оранжереей, разспрашивая обо всемъ садовникову жену, которая во всю жизнь не умѣла отличить грушъ отъ яблокъ, что не мѣшало ей имѣть довольно пріятную наружность. Въ это время, то есть, часа за полтора до обѣда, француженка занималась образованіемъ дѣтей. Что она имъ преподавала, какъ,— это покрывалось непроницаемой тайной. Отецъ и мать были довольны: кто же имѣетъ право мѣшаться въ семейныя дѣла послѣ этого?

Въ два часа подавался обѣдъ. Каждое блюдо было достаточно, чтобъ убить человѣка, привыкнувшаго къ европейской пищѣ. Жиръ, жиръ и жиръ, едва смягчаемый капустой, лукомъ и солеными грибами, переработывался, при помощи достаточнаго количества мадеры и портвейна, въ упругое тѣло Алексѣя Абрамовича, въ расплывшееся Глафиры Львовны и въ сморщившееся тѣльцо, едва покрывавшее косточки, Элизы Августовны. Кстати, Элиза Августовна не отставала отъ Алексѣя Абрамовича въ употребленіи мадеры (и замѣтимъ притомъ шагъ впередъ XIX вѣка: въ XVIII вѣкѣ нанимавшейся мадамѣ не было бы предоставлено право пить вино за столомъ); она увѣряла, что въ ея родинѣ (въ Лозаннѣ) у нихъ былъ виноградникъ, и она дома всегда, вмѣсто кваса, пила мадеру изъ своихъ лозъ, и тогда еще привыкла къ ней. Послѣ обѣда, генералъ ложился на полчаса уснуть на кушеткѣ въ кабинетѣ и спалъ гораздо долѣе, а Глафира Львовна отправлялась съ мадамой въ диванную. Мадамъ говорила безпрерывно, а Глафира Львовна засыпала подъ ея безконечные разсказы. Иногда, для разнообразія, Глафира Львовна посылала за женой сельскаго священника. Та являлась — какое-то дикое, несвязное существо, вѣчно испуганное и всего боящееся. Глафира Львовна цѣлые часы проводила съ ней и потомъ говорила мадамѣ: ah, comme elle est bête, insupportable! И въ самомъ дѣлѣ, попадья была непроходимо глупа. Потомъ чай, потомъ ужинъ около десяти часовъ, послѣ ужина семья начинала зѣвать всѣми ртами. Глафира Львовна замѣчала, что въ деревнѣ надобно жить по-деревенски, т. е. раньше ложиться спать,—и семья расходилась. Въ одиннадцать часовъ домъ храпѣлъ отъ конюшни до чердака. Изрѣдка наѣзжалъ какой-нибудь сосѣдъ,—Негровъ подъ другой фамиліей, или старуха тетка, проживавшая въ губернскомъ городѣ и поврежденная на желаніи отдать дочерей замужъ. Тогда на мигъ порядокъ жизни измѣнялся; но гости уѣзжали,—и все шло попрежнему.

Разумѣется, что за всѣми этими занятіями все еще оставалось довольно времени, которое не знали куда дѣть, особенно въ ненастную осень, въ долгіе зимніе вечера. Весь талантъ француженки былъ употребляемъ на то, чтобъ конопа-

тить эти дыры во времени. Надобно замѣтить, что ей было что поразсказать. Она пріѣхала въ послѣдніе годы царствованія покойной Императрицы Екатерины портнихой при французской труппѣ; мужъ ея былъ *второй любовникъ*, но, по несчастію, климатъ Петербурга оказался для него гибеленъ, особенно послѣ того, какъ, оберегая съ большимъ усердіемъ, чѣмъ нужно женатому человѣку, одну изъ артистокъ труппы, онъ былъ гвардейскимъ сержантомъ выброшенъ изъ окна второго этажа на улицу. Вѣроятно, падая, онъ не взялъ достаточныхъ предосторожностей отъ сырого воздуха, ибо съ той минуты сталъ кашлять, кашлялъ мѣсяца два, а потомъ пересталъ по очень простой причинѣ,—потому-что умеръ. Элиза Августовна овдовѣла именно въ то время, когда мужъ всего нужнѣе, т. е. лѣтъ въ тридцать... Поплакала, поплакала и пошла сначала въ сестры милосердія къ одному подагрику, а потомъ въ воспитательницы дочери одного вдовца, очень высокаго ростомъ, отъ него перешла къ одной княгинѣ и т. д.,—всего не перескажешь. Довольно, что она умѣла чрезвычайно хорошо прилаживаться къ нравамъ дома, въ которомъ находилась, вкрадывалась въ довѣренность, дѣлалась необходимой, исполняла тайныя и явныя порученія, хранила на всѣхъ дѣйствіяхъ какую-то печать кліентизма и уничиженія, уступала мѣсто, предупреждала желанія. Словомъ, чужія лѣстницы были для нея не круты, чужой хлѣбъ не горекъ. Она, хохотавъ и вязавъ чулокъ, жила себѣ беззаботно и припѣваючи; ей, вѣчно втянутой во всѣ маленькія исторіи, совершающіяся между дѣвичьей и спальней, никогда не приходило въ голову о жалкомъ ея существованіи. Итакъ, въ скучное время, Элиза Августовна тѣшила своими разсказами, тогда какъ Алексѣй Абрамовичъ раскладывалъ гран-пасьянсъ, а Глафира Львовна, ничего не дѣлая, сидѣла на диванѣ. Элиза Августовна знала тысячи похожденій и интригъ о своихъ *благодѣтеляхъ* (такъ она называла всѣхъ, у кого жила при дѣтяхъ); повѣствовала ихъ она съ значительными добавленіями и приписывая себѣ во всякомъ разсказѣ главную роль, худшую или лучшую—все равно. Алексѣй Абрамовичъ еще съ большимъ интересомъ, нежели его жена, слушалъ скандальныя хроники воспитательницы своихъ дѣтей и хохоталъ отъ всего сердца, находя, что это кладъ, а не мадамъ. Почти такъ тянулся день за днемъ, а время проходило, напоминая себя иногда большими праздниками, постами, уменьшеніями дней, увеличеніемъ дней, именинами и рожденіями, а Глафира Львовна, удивляясь, говорила: «Ахъ, Боже мой, вѣдь послѣ-завтра Рождество, а кажется, давно ли выпалъ снѣгъ!»

Но гдѣ же во всемъ этомъ Любонька, бѣдная дѣвушка, которую воспитывали добрые Негровы? Мы ее совсѣмъ забыли. Въ

этомъ она больше насъ виновата: она являлась, большею частью, молча, въ кругу патріархальной семьи, не принимая почти никакого участія во всемъ происходившемъ и принося самымъ этимъ явный диссонансъ въ слаженный аккордъ прочихъ лицъ семейства. Въ этой дѣвицѣ было много страннаго: съ лицомъ, полнымъ энергіи, сопрягались апатія и холодность, ничѣмъ невозмущаемыя, повидимому; она до такой степени была равнодушна ко всему, что самой Глафирѣ Львовнѣ было это невыносимо подъ часъ, и она звала ее ледяной [англичанкой, хотя андалузскія свойства генеральши тоже подлежали большому сомнѣнію. Лицомъ она была похожа на отца, только темноголубые глаза наслѣдовала она отъ Дуни; но въ этомъ сходствѣ была такая необъятная противоположность, что два лица эти могли бы послужить Лафатеру предметомъ новаго тома кудрявыхъ фразъ: жесткія черты Алексѣя Абрамовича, оставаясь тѣми же, искуплялись, такъ сказать, въ лицѣ Любоньки; по ея лицу можно было понять, что въ Негровѣ могли быть хорошія возможности, задавленныя жизнію и погубленныя ею; ея лицо было объясненіемъ лица Алексѣя Абрамовича: человѣкъ, глядя на нее, примирялся съ нимъ. Но отчего же она всегда была задумчива? отчего немногое веселило ее? отчего она любила сидѣть одна у себя въ комнатѣ? Много было на это причинъ, и внутреннихъ и внѣшнихъ,—начнемъ съ послѣднихъ.

Положеніе ея въ домѣ генерала не было завидно не потому, чтобы ее хотѣли гнать или тѣснить, а потому, что исполненные предразсудковъ и лишенные деликатности, которую даетъ одно развитіе, эти люди были безсознательно грубы. Ни генералъ, ни его супруга не понимали страннаго положенія Любоньки у нихъ въ домѣ и усугубляли тягость его безъ всякой нужды, касаясь до нѣжнѣйшихъ фибръ ея сердца. Жесткая и отчасти надменная натура Негрова, часто вовсе безъ намѣренія, глубоко оскорбляла ее, а потомъ онъ оскорблялъ ее и съ намѣреніемъ, но вовсе не понимая, какъ важно вліяніе иного слова на душу болѣе нѣжную, нежели у его управителя, и какъ надобно было быть осторожнымъ ему съ беззащитной дѣвушкой, дочерью и не дочерью, живущей у него по праву и по благодѣянію. Эта деликатность была невозможна для такого человѣка, какъ Негровъ; ему и въ голову не приходило, чтобъ эта дѣвочка могла обидѣться его словами: что *она такое*, чтобъ обижаться? Алексѣй Абрамовичъ, желая укрѣпить болѣе и болѣе любовь Любоньки къ Глафирѣ Львовнѣ, часто повторялъ ей, что она всю жизнь обязана Бога молить за его жену, что ей одной обязана она всѣмъ своимъ счастіемъ, что безъ нея она была бы не барышней, а горничной. Онъ въ самыхъ мелочныхъ случаяхъ давалъ ей чувствовать, что

хотя она воспитывалась такъ же, какъ его дѣти, но что между ними огромная разница. Когда ей миновало шестнадцать лѣтъ, Негровъ смотрѣлъ на всякаго неженатаго человѣка, какъ на годнаго жениха для нея. Засѣдатель ли пріѣзжалъ съ бумагой изъ города, доходилъ ли слухъ о какомъ-нибудь мелкопомѣстномъ сосѣдѣ, Алексѣй Абрамовичъ говорилъ при бѣдной Любонькѣ: «Хорошо, кабы посватался засѣдатель за Любу, право, хорошо, и мнѣ бы съ руки, да и ей чѣмъ не партія? Ей не графа же ждать!»

Глафира Львовна еще менѣе не тѣснила Любоньки, даже въ иныхъ случаяхъ по своему баловала ее: заставляла сытую ѣсть, давала не во время варенье, и проч.; но и отъ нея бѣдная много терпѣла. Глафира Львовна считала себя обязанною каждой вновь знакомившейся дамѣ представлять Любоньку, присовокупляя: «это сиротка, воспитывающаяся съ моими малютками», потомъ начинала шептать. Любонька догадывалась, о чемъ рѣчь, блѣднѣла, сгорала отъ стыда, особенно, когда провинціальная барыня, выслушавъ тайное поясненіе, устремляла на нее дерзкій взглядъ, сопровождая его двусмысленной улыбкой. Въ послѣднее время, Глафира Львовна немного перемѣнилась къ сироткѣ; ее начала посѣщать мысль, которая впослѣдствіе могла развиться въ ужасныя гоненія Любонькѣ: не смотря на всю материнскую слѣпоту, она какъ-то разглядѣла, что ея Лиза—толстая, краснощекая и очень похожая на мать, но съ какимъ-то прибавленіемъ глупаго выраженія, будетъ всегда стерта благородной наружностью Любоньки, которой, сверхъ красоты, самая задумчивость придавала что-то такое, почему нельзя было пройти мимо ея. Увидѣвъ это, она совершенно была согласна съ Алексѣемъ Абрамовичемъ, что если подвернется какой-нибудь секретарикъ добренькій, или засѣдатель, тоже добренькій, то и отдать ее. Всего этого Любонька не могла не видать.

Сверхъ сказаннаго, ее тѣснило и все окружающее. Ея отношенія къ дворнѣ, среди которой жила *ея кормилица*, были неловки. Горничныя смотрѣли на нее, какъ на выскочку, и, преданныя аристократическому образу мыслей, считали барышней одну столбовую Лизу. Когда же онѣ убѣдились въ чрезвычайной кротости Любоньки, въ ея невзыскательности, когда увидѣли, что она никогда не ябедничаетъ на нихъ Глафирѣ Львовнѣ, тогда она была совершенно потеряна въ ихъ мнѣніи, и онѣ почти вслухъ, въ минуты негодованія, говорили: «Холопку какъ ни одѣвай, все будетъ холопка: осанки, виду барственнаго совсѣмъ нѣтъ». Всѣ эти мелочи—не стоящія вниманія съ точки зрѣнія вѣчности; но прошу того сказать, кто испыталъ на себѣ рядъ ничтожныхъ, нечистыхъ названій, оскорбленій,—тотъ, или, лучше, та пусть скажетъ, легки они, или нѣтъ.

Къ довершенію бѣдствій Любоньки, пріѣзжала иногда проживавшая въ губернскомъ городѣ тетка Алексѣя Абрамовича съ тремя дочерьми. Старуха—злая, полубезумная и ханжа—не могла видѣть несчастную дѣвушку и обращалась съ нею возмутительно. «Съ какой стати, матушка», говорила она, покачивая головой: «принарядилась такъ? а? Скажите, пожалуйста! Да васъ, сударыня, можно принять за равную моимъ дочерямъ! Глафира Львовна, для чего вы ее такъ балуете? Вѣдь Марѳушка, родная тетка ея, у меня птичницей, рабыня моя; а это съ какой стати, право? Да и Алексѣй-то, старый грѣшникъ, постыдился бы добрыхъ людей»! Эти ругательныя замѣчанія она заключала всякій разъ молитвою, чтобъ господь Богъ простилъ ея племяннику грѣхъ рожденія Любоньки. Дочери тетки,—три провинціальныя граціи, изъ которыхъ старшая года два-три уже стояла на роковомъ двадцать девятомъ году,—если не говорили съ такою патріархальною простотою, то давали въ каждомъ словѣ чувствовать Любѣ всю снисходительность свою, что онѣ удостоиваютъ ее своей лаской. Любонька при людяхъ не показывала, какъ глубоко ее оскорбляютъ подобныя сцены, или, лучше, люди, окружавшіе ее, не могли понять и видѣть прежде, нежели имъ было указано и растолковано; но, уходя въ свою комнату, она горько плакала... Да, она не могла стать выше такихъ обидъ,—да и врядъ ли это возможно дѣвушкѣ въ ея положеніи. Глафирѣ Львовнѣ было жаль Любоньку; но взять ее подъ защиту, показать свое неудовольствіе—ей и въ голову не приходило; она ограничивалась обыкновенно тѣмъ, что давала Любонькѣ двойную порцію варенья, и потомъ, проводивъ съ чрезвычайной лаской старуху и тысячу разъ повторивъ, чтобъ chère tante ихъ не забывала, она говорила француженкѣ, что она ее терпѣть не можетъ и что, всякій разъ послѣ ея посѣщенія, чувствуетъ нервное разстройство и живую боль въ лѣвомъ вискѣ, готовую перейти въ затылокъ.

Нужно ли говорить, что воспитаніе Любоньки было сообразно всему остальному? Кромѣ Элизы Августовны, никто не училъ ее; сама же Элиза Августовна занималась съ дѣтьми одной французской грамматикой, не смотря на то, что тайна французскаго правописанія ей не далась, и она до сѣдыхъ волосъ писала съ большими промахами. Кромѣ грамматики, она и не бралась ни за что, хотя, впрочемъ, разсказывала, что у какой-то княгини приготовила двухъ сыновей въ университетъ. Книгъ въ домѣ Негрова водилось немного. У самого Алексѣя Абрамовича ни одной; за то у Глафиры Львовны была библіотека; въ диванной стоялъ шкафъ; верхній этажъ его былъ занятъ никогда неупотреблявшимся параднымъ чайнымъ сервизомъ, а нижній—книгами; въ немъ было съ полсотни французскихъ романовъ; часть ихъ тѣшила и обра-

зовывала въ незапамятныя времена графиню Мавру Ильинишну, остальныя купила Глафира Львовна въ первый годъ послѣ выхода замужъ, она тогда все покупала: кальянъ для мужа, портфель съ видами Берлина, отличный ошейникъ съ золотымъ замочкомъ... Въ числѣ этихъ ненужностей, купила она десятка четыре модныхъ книгъ; между ними попались двѣ-три англійскія, также переѣхавшія въ деревню, не смотря на то, что не только въ домѣ Негрова, но на четыре географическія мили кругомъ никто не зналъ по-англійски. Ихъ она взяла за лондонскій переплетъ; переплетъ былъ дѣйствительно очень хорошъ. Глафира Львовна охотно позволяла Любонькѣ брать книги, даже поощряла ее къ этому, говоря, что и она страстно любитъ чтеніе и очень жалѣетъ, что многосложныя заботы по хозяйству и воспитанію не оставляютъ ей времени почитать. Любонька читала охотно, внимательно; но особеннаго пристрастія къ чтенію у ней не было: она не настолько привыкла къ книгамъ, чтобъ онѣ ей сдѣлались необходимы; ей что-то все казалось вяло въ нихъ, даже Вальтеръ-Скоттъ наводилъ подъ часъ на Любоньку страшную скуку.

Однакожъ, безплодность среды, окружавшей молодую дѣвушку, не подавила ея развитія,—совсѣмъ напротивъ; пошлыя обстоятельства, въ которыхъ она находилась, скорѣе способствовали усиленію мощнаго роста. Какъ? Это тайна женской души. Дѣвушка или съ самаго начала такъ прилаживается къ окружающему ее, что ужъ въ четырнадцать лѣтъ кокетничаетъ, сплетничаетъ, дѣлаетъ глазки проѣзжающимъ мимо офицерамъ, замѣчаетъ, не крадутъ ли горничныя чай и сахаръ, и готовится въ почтенныя хозяйки дома и въ строгія матери, или съ необычайною легкостью освобождается отъ грязи и сора, побѣждаетъ внѣшнее внутреннимъ благородствомъ, какимъ-то откровеніемъ постигаетъ жизнь и пріобрѣтаетъ тактъ, хранящій, напутствующій ее. Такое развитіе почти неизвѣстно мужчинѣ; нашего брата учатъ, учатъ и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, и въ бильярдныхъ, и въ другихъ болѣе или менѣе педагогическихъ заведеніяхъ, а все не ближе, какъ лѣтъ въ тридцать пять пріобрѣтаемъ, вмѣстѣ съ потерею волосъ, силъ, страстей, ту степень развитія и пониманья, которая у женщины впередъ идетъ, идетъ объ руку съ юностью, съ полнотою и свѣжестью чувствъ.

Любонькѣ было двѣнадцать лѣтъ, когда нѣсколько словъ, изъ рукъ вонъ жесткихъ и грубыхъ, сказанныхъ Негровымъ въ минуту отеческой досады, въ нѣсколько часовъ воспитали ее, дали ей толчекъ, послѣ котораго она не останавливалась. Съ двѣнадцати лѣтъ эта головка, покрытая темными кудрями, стала работать; кругъ вопросовъ, возбужденныхъ въ ней, былъ не великъ, совершенно личенъ, тѣмъ болѣе она могла сосредоточиваться на

нихъ; ничто внѣшнее, окружающее, не занимало ее; она думала и мечтала, мечтала для того, чтобъ облегчить свою душу, и думала для того, чтобъ понять свои мечты. Такъ прошло пять лѣтъ. Пять лѣтъ въ развитіи дѣвушки — огромная эпоха; задумчивая, скрытно-пламенная, Любонька въ эти пять лѣтъ стала чувствовать и понимать такія вещи, о которыхъ добрые люди часто не догадываются до гробовой доски; она иногда боялась своихъ мыслей, упрекала себя за свое развитіе,—но не усыпила дѣятельности своего духа. Некому было ей сообщить все занимавшее ее, все собиравшееся въ груди; подъ конецъ, не имѣя силы носить всего въ себѣ, она попала на мысль, очень обыкновенную у дѣвушки: она стала записывать свои мысли, свои чувства. Это было нѣчто въ родѣ журнала; для того, чтобъ познакомить васъ съ нею, выписываемъ изъ этого журнала слѣдующія строки.

«Вчера вечеромъ сидѣла я долго подъ окномъ; ночь была теплая, въ саду такъ хорошо... Не знаю, отчего мнѣ все дѣлалось грустнѣе и грустнѣе, будто темная туча поднялась изъ глубины души; мнѣ было такъ тяжело, что я плакала, горько плакала... У меня есть отецъ и мать,—но я сирота: я одна одинехонька на всемъ бѣломъ свѣтѣ, я съ ужасомъ чувствую, что *никого не люблю.* Это страшно! На кого ни посмотришь, всѣ любятъ кого-нибудь: мнѣ всѣ чужіе,—хочу любить и не могу. Мнѣ иногда кажется, что я люблю Алексѣя Абрамовича, Глафиру Львовну, Мишу, сестру,—но я себя обманываю. Алексѣй Абрамовичъ такъ жестко обращается со мной, онъ мнѣ больше чужой, нежели Глафира Львовна; но онъ отецъ мой: развѣ дѣти судятъ своего отца? развѣ они любятъ его за что-нибудь; его любятъ за то, что онъ отецъ,—я не могу. Сколько разъ давала я себѣ слово съ кротостью слушать его несправедливые упреки, не могу привыкнуть... Какъ только Алексѣй Абрамовичъ становится жестокъ, мое сердце бьется сильнѣе, и, кажется, если-бъ я дала себѣ волю, то отвѣчала бы ему съ той же жесткостью... Любовь мою къ матери у меня испортили, отняли; едва четыре года, какъ я узнала, что она моя мать; мнѣ было поздно привыкнуть къ мысли, что у меня есть мать: я ее любила, какъ кормилицу... Ее-то я люблю, но, боюсь признаться, мнѣ неловко съ ней; я должна многое скрывать, говоря съ нею: это мѣшаетъ, это тяготитъ; надобно все говорить, когда любишь; мнѣ съ нею несвободно; добрая старушка, она больше дитя, нежели я; да къ тому же, она привыкла звать меня барышней, говорить мнѣ *вы,*—это почти тяжелѣе грубаго языка Алексѣя Абрамовича. Я молилась о нихъ и о себѣ, просила Бога, чтобъ Онъ очистилъ мою душу отъ гордости, смирилъ бы меня, ниспослалъ бы любовь, но любовь не снизошла въ мое сердце».

Черезъ недѣлю.—«Неужели всѣ люди похожи на *нихъ*, и вездѣ такъ живутъ, какъ въ этомъ домѣ? Я никогда не оставляла дома Алексѣя Абрамовича, но мнѣ кажется, что можно лучше жить даже въ деревнѣ; иногда мнѣ невыносимо тяжело съ ними,—или я одичала, сидя все одна? То ли дѣло, какъ уйду въ липовую аллею, да сяду на лавочкѣ въ концѣ ея и смотрю въ даль,—тогда мнѣ хорошо, я забываю ихъ; не то, чтобъ весело, скорѣе грустно,—но хорошо грустно... Подъ горою село; люблю я эти бѣдныя избы крестьянъ, рѣчку, текущую возлѣ, и рощу вдали; я цѣлые часы смотрю, смотрю и прислушиваюсь: то пѣсня раздается вдали, то стукъ цѣповъ, то лай собакъ и скрипъ телегъ... А тутъ, лишь только увидятъ мое бѣлое платье, бѣгутъ ко мнѣ крестьянскіе мальчики, приносятъ мнѣ землянику, разсказываютъ всякій вздоръ; и я слушаю ихъ, и мнѣ не скучно. Какія славныя лица у нихъ, открытыя, благородныя! кажется, если-бъ ихъ воспитать такъ, какъ Мишу, что за люди изъ нихъ вышли бы! Они приходятъ иногда къ Мишѣ на господскій дворъ, только я прячусь тамъ отъ нихъ: наши дворовые и сама Глафира Львовна такъ грубо обращаются съ ними, что у меня сердце кровью обливается; они, бѣдняжки, стараются всѣмъ на свѣтѣ услужить брату, бѣгаютъ, ловятъ ему бѣлокъ, птицъ,—а онъ обижаетъ ихъ... Странно, Глафира Львовна пречувствительная, плачетъ, когда разсказываютъ что-нибудь печальное, а иногда я удивлялась ея жестокости; она, какъ будто стыдясь, всегда говоритъ: «они этого не понимаютъ, съ ними нельзя обходиться по-человѣчески, тотчасъ забудутся». Мнѣ не вѣрится: видно крестьянская кровь моей матери осталась въ моихъ жилахъ! Я всегда съ крестьянками говорю, какъ съ другими, какъ со всѣми, и онѣ меня любятъ, носятъ мнѣ топленое молоко, соты; правда, онѣ мнѣ не кланяются въ поясъ, какъ Глафирѣ Львовнѣ, зато встрѣчаютъ всегда съ веселымъ видомъ, съ улыбкой... Не могу никакъ понять, отчего крестьяне нашей деревни лучше всѣхъ гостей, которые ѣздятъ къ намъ изъ губернскаго города и изъ сосѣдства, и гораздо умнѣе ихъ; а, вѣдь, тѣ учились, и все—помѣщики, чиновники, а такіе все противные...»

Вѣроятно ли, чтобъ дѣвушка, воспитанная въ патріархальной семьѣ Негрова, лѣтъ семнадцати отъ роду, никуда не выѣзжавшая, мало читавшая, еще менѣе видѣвшая, такъ чувствовала?—За фактическую достовѣрность журнала отвѣчаетъ совѣсть собиравшаго документы; за психическую позвольте вступиться мнѣ. Странное положеніе Любоньки въ домѣ Негрова вы знаете; она, отъ природы одаренная энергіей и силой, была оскорбляема со всѣхъ сторонъ двусмысленнымъ отношеніемъ ко всей семьѣ, положеніемъ своей матери, отсутствіемъ всякой деликатности въ отцѣ, считавшемъ, что вина ея рожденія падаетъ не на него, а

на нее, наконецъ, всей дворней, которая, съ свойственнымъ лакеямъ аристократическимъ направленіемъ, съ ироніей смотрѣла на Дуню. Куда же было дѣться Любонькѣ, отовсюду отталкиваемой? Она, можетъ быть, бѣжала бы въ полкъ, или не знаю куда, если-бъ она была мужчиной; но дѣвушкой она бѣжала въ самоё-себя; она годы выносила свое горе, свои обиды, свою праздность, свои мысли; когда, мало по малу, часть бродившаго въ ея душѣ стала осѣдать, когда не было удовлетворенія естественной, сильной потребности высказаться кому-нибудь, — она схватила перо, она стала писать, то-есть, высказывать, такъ сказать, самой себѣ занимавшее ее, и тѣмъ облегчить свою душу.

Немного надобно проницательности, чтобъ предвидѣть, что встрѣча Любоньки съ Круциферскимъ при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ они встрѣтились, даромъ не пройдетъ. Едва многолѣтнія усилія воспитанія и свѣтская жизнь достигаютъ до притупленія въ молодыхъ людяхъ способности и готовности любить. Любонька и Круциферскій не могли не замѣтить другъ друга: они были одни, они были въ степи... Долгое время застѣнчивый кандидатъ не смѣлъ сказать съ Любонькой двухъ словъ; судьба ихъ познакомила молча. Первое, что сблизило молодыхъ людей, была отеческая простота въ обращеніи Негрова съ своими домашними и съ прислугой. Любонька цѣлой жизнію, какъ сама высказала, не могла привыкнуть къ грубому тону Алексѣя Абрамовича; само собою разумѣется, что его выходки дѣйствовали еще сильнѣе въ присутствіи посторонняго; ея пылающія щеки и собственное волненіе не помѣшали, однакожъ, ей разглядѣть, что патріархальныя манеры дѣйствуютъ точно такъ же и на Круциферскаго. Спустя долгое время, и онъ, въ свою очередь, замѣтилъ то же самое; тогда между ними устроилось тайное пониманье другъ друга; оно устроилось прежде, нежели они помѣнялись двумя-тремя фразами. Какъ только Алексѣй Абрамовичъ начиналъ *шпынять* надъ Любонькой, или поучать уму и нравственности какого нибудь шестидесятилѣтняго Спирьку, или сѣдаго, какъ лунь, Матюшку, страдающій взглядъ Любоньки, долго прикованный къ полу, невольно обращался на Дмитрія Яковлевича, у котораго дрожали губы и выходили пятна на лицѣ. Онъ точно также, чтобъ облегчить тяжело-непріятное чувство, искалъ украдкой прочитать на лицѣ Любоньки, что дѣлается въ душѣ ея. Они сначала не думали, куда поведутъ эти симпатическіе взгляды, ихъ, больше нежели кого нибудь, потому что во всемъ ихъ окружавшемъ не было ничего, что могло бы не только перевѣсить, но держать въ предѣлахъ, развлекать возникавшую симпатію; совсѣмъ напротивъ, совершенная чуждость остальныхъ лицъ способствовала ея развитію.

Я никакъ не намѣренъ разсказывать вамъ слово въ слово повѣсть любви моего героя; мнѣ музы отказали въ способности описывать любовь:

О, ненависть, тебя пою!

Скажу вамъ вкратцѣ, что черезъ два мѣсяца послѣ водворенія въ домѣ Негрова, Круциферскій, отъ природы нѣжный и восторженный, былъ безумно, страстно влюбленъ въ Любоньку. Любовь его сдѣлалась средоточіемъ, около котораго расположились всѣ элементы его жизни; ей онъ подчинилъ все: и свою любовь къ родителямъ, и свою науку,—словомъ, онъ любилъ, какъ можетъ любить нервная, романтическая натура, любилъ какъ Вертеръ, какъ Владиміръ Ленскій. Долго не признавался онъ самъ себѣ въ новомъ чувствѣ, охватившемъ всю грудь его, еще долѣе не высказывалъ его ей, даже не смѣлъ объ этомъ думать,—по большей части и не слѣдуетъ думать: такія вещи дѣлаются сами собою.

Однажды послѣ обѣда, когда Негровъ въ кабинетѣ, а Глафира Львовна въ диванной отдыхали, въ залѣ сидѣла Любонька, и Круциферскій читалъ ей вслухъ стихотворенія Жуковскаго. До какой степени опасно и вредно для молодого человѣка читать молодой дѣвицѣ что-нибудь, кромѣ курса чистой математики,—это разсказала на томъ свѣтѣ Франческа-да-Римини Данту, вертясь въ проклятомъ вальсѣ della bufera infernale: она разсказала, какъ перешла отъ чтенія къ поцѣлую, и отъ поцѣлуя къ трагической развязкѣ. Наши молодые люди этого не знали, и уже нѣсколько дней раздували свою любовь Жуковскимъ, котораго привезъ кандидатъ. Пока они читали «Ивиковы Журавли»,—все шло хорошо, но, открывъ убійцу по этому дѣлу, они перешли къ «Алинѣ и Альсиму»,—тогда случилось вотъ что. Круциферскій, прочитавъ дрожащимъ голосомъ первую строфу, отеръ съ лица своего потъ и, задыхаясь, осилилъ еще слѣдующіе стихи:

«Когда случится жизни въ цвѣтѣ
Сказать душой
Ему: ты будь моя на свѣтѣ»,—

остановился и зарыдалъ въ три ручья... Книга выпала у него изъ рукъ, голова склонилась, — и онъ рыдалъ, рыдалъ безумно, рыдалъ, какъ только можетъ рыдать человѣкъ, въ первый разъ влюбленный. «Что съ вами?» спросила Любонька, у которой тоже сердце билось сильно, и слезы навернулись на глазахъ. «Что съ вами?» повторила она, боясь всей душой отвѣта. Круциферскій схватилъ ея руку, и, одушевленный какой-то новой, невѣдомой силой, не смѣя впрочемъ поднять глазъ, сказалъ ей: «Будьте,

будьте моей Алиной!.. я... я...» Больше онъ не могъ ничего вымолвить. Любонька тихо отдернула свою руку; ея щеки пылали, она заплакала и вышла вонъ. Круциферскій не сдѣлалъ ничего, чтобъ остановить ее; врядъ ли даже желалъ онъ этого. Боже мой! думалъ онъ, что я надѣлалъ... Но она такъ тихо, такъ кротко вынула свою руку... И онъ опять плакалъ, какъ ребенокъ.

Вечеромъ въ тотъ день, Элиза Августовна сказала, шутя, Круциферскому: «Вы вѣрно влюблены? разсѣянны, печальны...» Круциферскій покраснѣлъ до ушей. «Видите, какая я мастерица отгадывать; не хотите ли, я вамъ загадаю на картахъ?» Дмитрій Яковлевичъ испыталъ все, что можетъ испытать злѣйшій преступникъ, не знающій, что извѣстно производящему слѣдствіе, и на что онъ намекаетъ. «Ну, что же, хотите?» спрашивала неотвязчивая француженка.

— «Сдѣлайте одолженіе», отвѣчалъ молодой человѣкъ.

И вотъ Элиза Августовна начала съ какой-то демонической улыбкой раскладывать карты, приговаривая: «А вотъ дама de vos pensées... да вы пресчастливый: она легла возлѣ вашего сердца... Поздравляю, поздравляю... возлѣ червонный тузъ... Она васъ очень любитъ... Это что?—не смѣетъ вамъ сказать. Да вы что за жестокій кавалеръ, заставляете ее страдать!!» и проч. При каждомъ словѣ Элиза Августовна устремляла на него проницательные глазки свои и радовалась отъ всей души пыткѣ, которой подвергала несчастнаго молодого человѣка. «Pauvre jeune homme, она васъ не заставитъ такъ страдать,—ну, гдѣ же найти такую каменную душу...—Да вы говорили ли когда-нибудь ей о вашей любви? Вѣрно, нѣтъ!»—Круциферскій блѣднѣлъ, краснѣлъ, синѣлъ, желтѣлъ и, наконецъ, спасся бѣгствомъ. Пришедши къ себѣ въ комнату, онъ схватилъ листъ бумаги; сердце его билось; онъ восторженно, увлекательно изливалъ свои чувства; это было письмо, поэма, молитва; онъ плакалъ, былъ счастливъ,—словомъ, писавши, онъ испыталъ мгновенія полнаго блаженства. Эти мгновенія, обыкновенно рѣющія, какъ молнія,—лучшее, прекраснѣйшее достояніе нашей жизни, котораго мы не умѣемъ цѣнить, и, вмѣсто того, чтобъ упиваться имъ, мы торопимся, тревожные, ожидающіе все чего-то въ будущемъ...

Окончивъ посланіе, Круциферскій сошелъ внизъ. Пили чай. Любонька не выходила изъ своей комнаты, у нея болѣла голова. Глафира Львовна была особенно очаровательна, но на нее никто не обратилъ вниманія. Алексѣй Абрамовичъ глубокомысленно курилъ свою трубку (вы, вѣроятно, не забыли, что его видъ былъ оптическій обманъ). Элиза Августовна, проходя за своей чашкой, нашла случай сказать Круциферскому, что ей нужно съ нимъ поговорить. Разговоръ не вязался; Миша дразнилъ собаку, она

лаяла, Негровъ велѣлъ ее выгнать; наконецъ, горничная съ холстинными рукавами унесла самоваръ, Алексѣй Абрамовичъ раскладывалъ гран-пасьянсъ, Глафира Львовна жаловалась на боль въ головѣ. Круциферскій вышелъ въ залу; начинало смеркаться. Элиза Августовна была ужъ тамъ. «Когда смеркнется, выйдите на балконъ; васъ будутъ ждать», — сказала она. Круциферскій былъ ни живъ, ни мертвъ... Вѣрить ли, нѣтъ ли?.. Ему назначено свиданье; можетъ быть, она, негодующая, хочетъ высказать ему свой гнѣвъ, можетъ... И онъ выбѣжалъ въ садъ; ему показалось, что вдали, въ липовой аллеѣ, мелькнуло бѣлое платье, но идти туда онъ не смѣлъ, онъ не зналъ даже, пойдетъ ли онъ на балконъ, да развѣ для того, чтобъ отдать письмо, на одну минуту—только отдать... Но страшно вздумать, какъ взойти на балконъ... Онъ посмотрѣлъ наверхъ: въ углу балкона виднѣлось, не смотря на то, что совсѣмъ смерклось, бѣлое платье. Это она, она, грустная, задумчивая,—она, быть можетъ, любящая!... И онъ сталъ на первую ступеньку лѣстницы, которая вела изъ сада на балконъ. Какъ онъ достигнулъ, наконецъ, верхней, я не берусь вамъ передать.

«Ахъ, это вы?» спросила *Любонька* шопотомъ. Онъ молчалъ, захлебываясь воздухомъ, какъ рыба. «Какой вечеръ прекрасный!» продолжала *Любонька.*

— «Простите меня, простите, Бога ради!» отвѣчалъ Круциферскій и рукою мертвеца взялъ ея руку. *Любонька* не отдергивала. «Прочтите эти строки», сказалъ онъ, «и вы узнаете то, о чемъ мнѣ говорить такъ трудно...» снова потокъ слезъ оросилъ его пылающія щеки. *Любонька* жала его руку; онъ облилъ слезами ея руку и осыпалъ поцѣлуями. Она взяла письмо и спрятала на груди своей. Одушевленіе его росло, и не знаю, какъ случилось, но уста его коснулись ея устъ; первый поцѣлуй любви, — горе тому, кто не испыталъ его! *Любонька*, увлеченная, сама напечатлѣла страстный, долгій, трепещущій поцѣлуй... Никогда Дмитрій Яковлевичъ не былъ такъ счастливъ; онъ склонилъ голову себѣ на руку, онъ плакалъ... и вдругъ, поднявъ ее, вскрикнулъ:

— «Боже мой, что я надѣлалъ!» Онъ тутъ только разглядѣлъ, что это была вовсе не *Любонька*, а Глафира Львовна.

«Другъ мой, успокойся!» сказала умирающая отъ избытка жизни Негрова; но Дмитрій Яковлевичъ давно уже сбѣжалъ съ лѣстницы; сойдя въ садъ, онъ пустился бѣжать по липовой аллеѣ, вышелъ вонъ изъ сада, прошелъ село и упалъ на дорогѣ, лишенный силъ, близкій къ удару. Тутъ только вспомнилъ онъ, что письмо осталось въ рукахъ Глафиры Львовны. Что дѣлать? Онъ рвалъ свои волосы, какъ разсерженный звѣрь, и катался по травѣ.

Для поясненія страннаго qui pro quo, намъ надобно пріостановиться и сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ. Маленькіе глазки Элизы Августовны, очень наблюдательные и пріобученные къ дѣлу, замѣтили, что съ тѣхъ поръ, какъ семья Негрова увеличилась вступленіемъ въ нее Круциферскаго, Глафира Львовна сдѣлалась нѣсколько внимательнѣе къ своему туалету; что блуза ея какъ то иначе надѣвалась; появились всякіе воротнички, разные чепчики, обращено было вниманіе на волосы, и густая коса Палашки, имѣвшая несчастіе подходить подъ цвѣтъ остатковъ шевелюры Глафиры Львовны, снова начала привязываться, не смотря на то, что ее уже немножко подъѣла моль. Въ самомъ мягкомъ и дородномъ лицѣ почтенной матери семейства оказались какія-то новыя черты, доселѣ тихо скрывавшіяся въ полнотѣ ея ланитъ; то улыбка и глаза сдѣлаются масляные, то вздохъ и глаза сдѣлаются медовые... Элиза Августовна не проронила ни одной изъ этихъ перемѣнъ; когда же она, случайно зашедши въ комнату Глафиры Львовны во время ея отсутствія и случайно отворивъ ящикъ туалета, нашла въ немъ початую баночку rouge végétal, которая лѣтъ пятнадцать покоилась рядомъ съ какой то глазной примочкой въ кладовой,—тогда она воскликнула внутри своей души: «теперь пора и мнѣ выступить на сцену!» Въ тотъ же вечеръ, оставшись наединѣ съ Глафирой Львовной, мадамъ начала разсказывать о томъ, какъ одна, разумѣется, княгиня *интересовалась* однимъ молодымъ человѣкомъ; какъ у нея (т. е. у Элизы Августовны) сердце изныло, видя, что ангелъ-княгиня сохнетъ, страдаетъ; какъ княгиня, наконецъ, пала на грудь къ ней, какъ къ единственному другу, и живописала ей свои волненія, свои сомнѣнія, прося ея совѣта; какъ она разрѣшила ея сомнѣнія, дала совѣты, какъ потомъ княгиня перестала сохнуть и страдать, напротивъ, начала толстѣть и веселиться. Глафира Львовна сгорала вечернимъ огнемъ своимъ отъ этихъ розсказней. Обыкновенно думаютъ, что толстые люди неспособны ни къ какой страсти,—это неправда: пожаръ бываетъ очень продолжителенъ тамъ, гдѣ много жирныхъ веществъ, лишь бы разгорѣться. А Элиза Августовна, какъ видите, заняла должность раздувательныхъ мѣховъ и раздула маленькія эротическія искорки, бѣгавшія по Глафирѣ Львовнѣ, въ довольно большой огонекъ. Она не дошла, правда, до того, чтобъ Глафира Львовна ей повѣрила свою тайну; она имѣла даже великодушіе не вынуждать у нея признанія, потому что это было вовсе не нужно: она хотѣла имѣть Глафиру Львовну въ своей власти,—и успѣхъ былъ несомнѣненъ. Глафира Львовна въ продолженіе двухъ недѣль сдѣлала ей два подарка—купавинской фабрики платокъ и одно изъ своихъ шелковыхъ платьевъ.

Круциферскій, чистый и дѣвственный не только въ поступкахъ, но и въ самыхъ мечтахъ, не догадывался, что значитъ предупредительная услужливость француженки, ея двусмысленные намеки и, наконецъ, двусмысленные взгляды Глафиры Львовны. Эта недогадливость его, застѣнчивая разсѣянность и потупленные взоры раздували болѣе и болѣе страсть сорокалѣтней женщины; странное ниспровержение обыкновеннаго отношенія половъ придавало особый интересъ; въ самомъ дѣлѣ, Глафира Львовна играла роль завоевателя и соблазнителя, а Дмитрій Яковлевичъ— невинной дѣвушки, около которой злонамѣренный паукъ началъ плесть свою паутину. Добрый Негровъ ничего не замѣчалъ, ходилъ по прежнему разспрашивать садовникову жену о состояніи фруктовыхъ деревьевъ, и тотъ же миръ и совѣтъ царилъ въ патріархальномъ домѣ Алексѣя Абрамовича. Теперь мы можемъ возвратиться на балконъ.

Глафира Львовна, не понимая хорошенько бѣгства своего Іосифа и прохладивъ себя нѣсколько вечернимъ воздухомъ, пошла въ спальню и, какъ только осталась одна, т. е. вдвоемъ съ Элизой Августовной, она вынула письмо; ея обширная грудь волновалась; она дрожащими перстами развернула письмо, начала читать и вдругъ вскрикнула, какъ будто ящерица или лягушка, завернутая въ письмо, скользнула ей за пазуху. Три горничныя вбѣжали въ комнату, Элиза Августовна схватила письмо. Глафира Львовна требовала одеколонъ, испуганная горничная подала ей летучей мази, она велѣла себѣ лить ее на голову... «Ah, le traître, le scélérat!.. можно ли было ожидать отъ этой скромницы... Англичанка-то наша... нѣтъ, этого хамова поколѣнія ничѣмъ не облагородишь: ни искры благодарности, ничего... Я отогрѣла змѣю на груди своей!» Элиза Августовна была въ положеніи одного моего знакомаго чиновника, который, всю жизнь успѣшно плутовавъ, подалъ въ отставку, будучи увѣренъ, что его некѣмъ замѣнить; подалъ въ отставку, чтобъ остаться на службѣ,—и получилъ отставку: обманывая цѣлый вѣкъ, онъ кончилъ тѣмъ, что обманулъ самого себя. Какъ женщина смѣтливая, она поняла, въ чемъ дѣло, поняла, какого маху она дала; да съ тѣмъ вмѣстѣ сообразила, что она и Глафира Львовна столько же въ рукахъ Круциферскаго, сколько онъ въ ихъ, сообразила, что если ревность Глафиры Львовны раздражитъ его, онъ можетъ уличить Элизу Августовну и, если не имѣетъ средства доказать, то все же броситъ недовѣріе въ душу Алексѣя Абрамовича. Пока она обдумывала, какъ укротить гнѣвъ оставленной Дидоны, вошелъ въ спальню Алексѣй Абрамовичъ, зѣвая и осѣняя крестомъ ротъ свой,—Элиза Августовна была въ отчаяніи.

«Алексисъ!» воскликнула негодующая супруга; «никогда бы

въ голову мнѣ не пришло, что случилось; представь себѣ, мой другъ: этотъ скромный то учитель, онъ въ перепискѣ съ Любонькой, да въ какой перепискѣ,—читать ужасно; погубилъ беззащитную сироту!.. Я тебя прошу, чтобъ завтра его нога не была въ нашемъ домѣ. Помилуй, передъ глазами нашей дочери... она, конечно, еще ребенокъ, но это можетъ подѣйствовать на имажинацію».

Алексисъ не былъ одаренъ способностью особенно быстро понимать дѣла и обсуживать ихъ. Къ тому же, онъ былъ удивленъ не менѣе, какъ въ медовый мѣсяцъ послѣ свадьбы, когда Глафира Львовна заклинала его могилой матери, прахомъ отца, позволить ей взять дитя преступной любви. Сверхъ всего этого, Негровъ хотѣлъ смертельно спать; время для доклада о перехваченной перепискѣ было дурно выбрано: человѣкъ сонный можетъ только сердиться на того, кто ему мѣшаетъ спать,—первы дѣйствуютъ слабо, все находится подъ вліяніемъ устали.

— Что такое? Какая переписка у Любы?

«Да, да, переписка у Любоньки съ этимъ студентомъ... Благонравница-то наша... Ужъ признаться, отъ такого рожденія всегда бываютъ такіе плоды!..»

— Ну, что же въ этой перепискѣ? Стакнулись что ли? А? Поди, береги дѣвку въ семнадцать лѣтъ; не даромъ все одна сидитъ, голова болитъ, да то, да сё... Да я его, мошенника, жениться на ней заставлю. Что онъ, забылъ что ли, у кого въ домѣ живетъ! Гдѣ письмо? Фу ты пропасть какая, какъ мелко писано! Учитель, а самъ писать не умѣетъ, выводитъ мышиныя лапки. Прочти-ка, Глаша.

«Я и читать не стану такихъ скандалей.

— Вздоръ какой несетъ! сорокъ лѣтъ бабѣ, а все еще туда же! Дашка, принеси очки изъ кабинета.

Дашка, хорошо знавшая дорогу въ кабинетъ, принесла очки. Алексѣй Абрамовичъ сѣлъ къ свѣчкѣ, зѣвнулъ, приподнялъ верхнюю губу, что придало его носу очень почтенное выраженіе, прищурилъ глаза и началъ съ большимъ трудомъ, съ какимъ-то тяжело книжнымъ произношеніемъ читать: «Да, будьте моей Алиной. Я безумно, страстно, восторженно люблю васъ; ваше имя Любовь...»

— Экой балясникъ какой!—прибавилъ генералъ.

...«Я ничего не надѣюсь, я не смѣю и мечтать объ вашей любви; но моя грудь слишкомъ тѣсна, я не могу не высказать вамъ, что я васъ люблю. Простите мнѣ, у вашихъ ногъ прошу васъ, простите...»

-- Фу ты вздоръ какой! Это еще начало первой страницы... Нѣтъ, братъ, довольно! Покорный слуга читать белиберду такую!..

Предупредить было не ваше дѣло! чего смотрѣли? зачѣмъ дали имъ стакнуться?.. Ну, да бѣда-то не велика, у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Что нашли въ письмѣ? враки; а, то есть, на счетъ того ничего нѣтъ... А замужъ Любу пора, и онъ чѣмъ не женихъ? Докторъ говоритъ, что онъ десятаго класса. Попробуй-ка позаартачиться у меня... Утро вечера мудренѣе; пора спать; прощай, Лизавета Августовна, глаза зорки, а не доглядѣла... Ну, да завтра поговоримъ!

И генералъ сталъ раздѣваться, и черезъ минуту захрапѣлъ, уснувъ съ мыслію, что Круциферскій у него не отвертится, что онъ его женитъ на Любѣ,—ему наказанье, а ее пристроитъ къ мѣсту.

Это былъ день неудачъ. Глафира Львовна никакъ не ожидала, что въ умѣ Негрова дѣло это приметъ такой оборотъ; она забыла, какъ въ послѣднее время сама безпрестанно говорила Негрову о томъ, что пора Любу отдать замужъ; съ бѣшенствомъ влюбленной старухи бросилась она на постель и готова была кусать наволочки, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ кусала ихъ.

Бѣдный Круциферскій все это время лежалъ на травѣ; онъ такъ искренно, такъ отъ души желалъ умереть, что будь это во время дамскаго управленія Парокъ, онѣ бы не вытерпѣли и перерѣзали бы его ниточку. Удрученный тягостными чувствами, преданный отчаянію и страху, страху и стыду, изнеможенный, онъ кончилъ тѣмъ, чѣмъ началъ Алексѣй Абрамовичъ, т. е. уснулъ. Не будь у него febris erotica, какъ выражался на счетъ любви докторъ Круповъ, у него непремѣнно сдѣлалась бы febris catharralis; но тутъ холодная роса была для него благотворна: сонъ его, сначала тревожный, успокоился, и, когда онъ проснулся часа черезъ три, солнце всходило... Гейне совершенно правъ, говоря, что это старая штука: отсюда оно всходитъ, а тамъ садится; тѣмъ не менѣе, эта старая штука недурна; какова она должна быть для влюбленнаго,—и говорить нечего. Воздухъ былъ свѣжъ, полонъ особаго внутренняго запаха: роса тяжелыми, бѣловатыми массами подавалась назадъ, оставляя за собою милліоны блестящихъ капель; пурпуровое освѣщеніе и непривычныя тѣни придавали что-то новое, странно изящное деревьямъ, крестьянскимъ избамъ, всему окружающему; птицы пѣли на разные голоса; небо было чисто. Дмитрій Яковлевичъ всталъ, и на душѣ у него сдѣлалось легче; передъ нимъ вилась и пропадала дорога; онъ долго смотрѣлъ на нее и думалъ: не уйти ли ему по ней, не убѣжать ли отъ этихъ людей, поймавшихъ его тайну, его святую тайну, которую онъ самъ уронилъ въ грязь? Какъ онъ воротится домой, какъ встрѣтится съ Глафирой Львовной... Лучше бы бѣжать! но какъ же оставить ее, гдѣ найти силы разстаться съ нею?.. И онъ тихими шагами пошелъ назадъ.

Вошедши въ садъ, онъ увидѣлъ въ липовой аллеѣ бѣлое платье; яркій румянецъ выступилъ у него на щекахъ при воспоминаніи о страшной ошибкѣ, о первомъ поцѣлуѣ; но на этотъ разъ тутъ была Любонька: она сидѣла на своей любимой лавочкѣ и задумчиво, печально смотрѣла въ даль. Дмитрій Яковлевичъ прислонился къ дереву и съ какимъ-то вдохновеннымъ упоеніемъ смотрѣлъ на нее. Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту она была поразительно хороша; какая-то мысль сильно занимала ее; ей было грустно, и грусть эта придавала нѣчто величественное чертамъ ея, энергическимъ, рѣзкимъ, юно-прекраснымъ. Молодой человѣкъ долго стоялъ, погруженный въ созерцаніе; его взглядъ былъ полонъ любви и благочестія; наконецъ, онъ рѣшился подойти къ ней. Необходимость съ нею поговорить была велика; ее надобно было предупредить на счетъ письма. Любонька нѣсколько смутилась, увидя Круциферскаго; но тутъ не было никакой натяжки, ничего театральнаго; бросивъ быстро взглядъ на утренній нарядъ свой, въ которомъ она не ожидала встрѣчи ни съ кѣмъ, и также быстро оправивъ его, она подняла спокойный, благородный взглядъ на Дмитрія Яковлевича. Дмитрій Яковлевичъ стоялъ передъ нею, сложивъ руки на груди; она встрѣтила взоръ его умоляющій, исполненный любви, страданія, надежды, упоенія, и протянула ему руку; онъ сжалъ ее со слезами на глазахъ... Господа! какъ въ юности хорошъ человѣкъ!..

Признаніе, вырвавшееся по поводу «Алины и Альсима», сильно потрясло Любоньку. Она гораздо прежде, съ той женской проницательностью, о которой мы говорили, чувствовала, что она любима; но это было нѣчто подразумѣваемое, не названное словомъ; теперь слово было произнесено, и она вечеромъ писала въ своемъ журналѣ:

«Едва могу сколько-нибудь привести въ порядокъ мои мысли. Ахъ, какъ онъ плакалъ! Боже мой, Боже мой! я никогда не думала, чтобъ мужчина могъ такъ плакать. Его взглядъ одаренъ какой-то силой, заставившей меня трепетать, и не отъ страха; его взглядъ такъ нѣженъ, такъ кротокъ, кротокъ, какъ его голосъ... Мнѣ такъ жаль его было; кажется, если-бъ я послушалась моего сердца, я бы сказала ему, что люблю его, поцѣловала бы для того, чтобъ утѣшить. Онъ былъ бы счастливъ... Да, онъ любитъ меня; я это вижу, я сама люблю его. Какая разница между нимъ и всѣми, кого я видала! Какъ онъ благороденъ, нѣженъ! Онъ мнѣ разсказывалъ о своихъ родителяхъ: какъ онъ ихъ любитъ! Зачѣмъ онъ мнѣ сказалъ: «будь моей Алиной!» У меня есть свое имя, оно хорошо; я его люблю, я могу быть его, оставаясь собою... Достойна ли я любви его? Мнѣ кажется, что не могу такъ сильно любить! Опять эта черная мысль, вѣчно терзающая меня...»

— Прощайте, сказала Любонька:—да перестаньте же такъ бояться письма; я ничего не боюсь, я знаю ихъ. Она пожала ему руку такъ дружески, такъ симпатично, и скрылась за деревьями. Круциферскій остался. Они долго говорили. Круциферскій былъ больше счастливъ, нежели вчера несчастливъ. Онъ вспоминалъ каждое слово ея, носился мечтами, Богъ знаетъ гдѣ, и одинъ образъ переплетался со всѣми. Вездѣ она, она... Но мечтамъ его положилъ предѣлъ казачекъ Алексѣя Абрамовича, пришедшій звать его къ нему. Утромъ въ такое время его ни разу не требовалъ Негровъ.

— «Что?» спросилъ его Круциферскій съ видомъ человѣка, которому на голову вылили ушатъ холодной воды.

— Да то съ, что къ барину пожалуйте, отвѣчалъ казачекъ довольно грубо. Видно было, что исторія письма проникла въ переднюю.

— «Сейчасъ», сказалъ Круциферскій, полумертвый отъ страха и стыда. Чего было бояться ему? Кажется, не было никакого сомнѣнія, что Любонька его любитъ: чего ему еще? Однако онъ былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха, да и былъ ни живъ, ни мертвъ отъ стыда; онъ никакъ не могъ сообразить, что роль Глафиры Львовны вовсе не лучше его роли. Онъ не могъ себѣ представить, какъ встрѣтиться съ нею. Извѣстное дѣло, что совершались преступленія для поправки неловкости...

— А что, любезнѣйшій, сказалъ Негровъ, съ видомъ величественнымъ и приличнымъ важному дѣлу, его занимавшему.—А что, это у васъ въ университетѣ что ли обучаютъ цидулки-то любовныя писать?

Круциферскій молчалъ; онъ былъ такъ взволнованъ, что тонъ Негрова его не оскорблялъ. Этотъ видъ, растерянный и страдающій, пришпорилъ храбраго Алексѣя Абрамовича, и онъ чрезвычайно громко продолжалъ, глядя прямо въ лицо Дмитрію Яковлевичу.

— Какъ же вы, милостивый государь, осмѣлились въ моемъ домѣ заводить такія шашни? Да что же вы думаете объ моемъ домѣ? Да и я то что, болванъ что ли? Стыдно, молодой человѣкъ, и безнравственно совращать бѣдную дѣвушку, у которой ни родителей, ни защитниковъ, ни состоянія... Вотъ нынѣшній вѣкъ! отъ того, что всему учатъ вашего брата, грамматикѣ, ариѳметикѣ, а морали не учатъ... Ославить дѣвушку, лишить добраго имени...

— «Да помилуйте», отвѣчалъ Круциферскій, у котораго мало по малу негодованіе побѣдило сознаніе нелѣпаго своего положенія:— «что же я сдѣлалъ? я люблю Любовь Александровну (ее звали Александровной, вѣроятно, потому, что отца звали Алексѣемъ, а камердинера, мужа ея матери, Аксёномъ) и осмѣлился высказать это. Мнѣ самому казалось, что я никогда не скажу ни слова о моей

любви, — я не знаю, какъ это случилось; но что же вы находите преступнаго? почему вы думаете, что мои намѣренія порочны?»

— А вотъ почему: если-бъ вы имѣли честныя намѣренія, такъ вы бы не стали съ толку сбивать дѣвушку своими билье-ду, а пришли бы ко мнѣ. Вы знаете, по плоти я ей отецъ, такъ вы бы и пришли ко мнѣ, да и попросили бы моего согласія и позволенія; а вы заднимъ крыльцомъ пошли, да и попались,—прошу на меня не пѣнять: я у себя въ домѣ такихъ романовъ не допущу; мудреное ли дѣло дѣвкѣ голову вскружить! Нѣтъ, не ожидалъ я отъ васъ; вы мастерски прикидывались скромникомъ; и она то отличилась, поблагодарила за воспитаніе и за попеченіе! Глафира Львовна всю ночь проплакала.

— «Письмо въ вашихъ рукахъ, замѣтилъ Круциферскій, вы изъ него можете увидѣть, что оно первое».

— Первый блинъ да комомъ. А что, въ этомъ первомъ письмѣ вы просите ея руки, что ли?

— «Я не смѣлъ и думать».

— Какъ это на одно такъ смѣлы, а на другое робки? Съ какою же цѣлью вы писали мышиныя лапки на цѣломъ почтовомъ листѣ кругомъ?

— «Я, право, отвѣчалъ Круциферскій, пораженный словами Негрова: не смѣлъ и думать о рукѣ Любови Александровны: я былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ, если-бъ могъ надѣяться...»

— Краснорѣчіе—вотъ васъ этому-то тамъ учатъ, морочить словами! А позвольте васъ спросить: если-бъ я и позволилъ вамъ сдѣлать предложеніе и былъ бы не прочь выдать за васъ Любу, чѣмъ же вы станете жить?

Негровъ, конечно, не принадлежалъ къ особенно умнымъ людямъ; но онъ обладалъ вполнѣ нашей національной сноровкой, этимъ особымъ складомъ практическаго ума, который такъ рѣзко называется: себѣ на умѣ. Выдать Любу замужъ за кого бы то ни было,—было его любимою мечтою, особенно послѣ того, какъ почтенные родители замѣтили, что при ней милая Лизанька теряетъ очень много. Гораздо прежде письма Алексѣю Абрамовичу приходило въ голову женить Круциферскаго на Любонькѣ, да и пристроить его гдѣ-нибудь въ губернской службѣ. Мысль эта явилась на томъ основаніи, на которомъ онъ говорилъ, что если секретарикъ добренькій подвернется, то Любу и отдать за него. Первое, что ему пришло въ голову, когда онъ открылъ любовь Круциферскаго,—заставить его жениться; онъ думалъ, что письмо было шалостью, что молодой человѣкъ не такъ-то легко надѣнетъ на себя ярмо брачной жизни. Изъ отвѣтовъ Круциферскаго Негровъ ясно видѣлъ, что тотъ жениться не прочь, и потому онъ тотчасъ пере-

мѣнилъ сторону атаки и завелъ рѣчь о состояніи, боясь, что Круциферскій, рѣшась на бракъ, спроситъ его о приданомъ.

Круциферскій молчалъ; вопросъ Негрова придавилъ чугунной плитою его грудь.

— Вы, продолжалъ Негровъ: — вы не ошибаетесь ли на счетъ ея состоянія? У нея ничего нѣтъ, и ждать не откуда; конечно, изъ моего дома я выпущу ее не въ одной юбкѣ; но, кромѣ тряпья, я не могу ничего дать; у меня своя невѣста растетъ.

Круциферскій замѣтилъ, что вопросъ о приданомъ совершенно чуждъ для него. Негровъ былъ доволенъ собою и думалъ про себя: «вотъ настоящая овца, а еще ученый!»

— Вотъ то-то, любезнѣйшій; съ конца добрые люди не начинаютъ. Прежде, нежели цидулки писать да сбивать съ толку, надобно бы подумать, что впередъ; если вы въ самомъ дѣлѣ ее любите, да хотите руки просить, отчего же вы не позаботились о будущемъ устройствѣ?

— «Что мнѣ дѣлать?» спросилъ Круциферскій голосомъ, который потрясъ бы всякаго человѣка съ душою.

— Что дѣлать? Вѣдь, вы классный чиновникъ, да еще, кажется, десятаго класса. Ариѳметику-то да стихи въ сторону; попроситесь на службу царскую; полно баклуши бить,—надобно быть полезнымъ; подите-ка на службу въ казенную палату: вице-губернаторъ намъ свой человѣкъ; современемъ будете совѣтникомъ,— чего вамъ больше? и кусокъ хлѣба обезпеченъ, и почетное мѣсто.

Отроду Круциферскому не приходило въ голову идти на службу въ казенную или въ какую бы то ни было палату; ему было такъ же мудрено себя представить совѣтникомъ, какъ птицей, ежомъ, шмелемъ, или не знаю чѣмъ. Однако, онъ чувствовалъ, что въ основѣ Негровъ правъ; онъ такъ былъ непроницателенъ, что не сообразилъ оригинальной патріархальности Негрова, который увѣрялъ, что у Любоньки ничего нѣтъ, и что ей ждать не откуда, и вмѣстѣ съ тѣмъ распоряжался ея рукой, какъ отецъ.

— «Я могъ бы, лучше, занять мѣсто учителя гимназіи», сказалъ, наконецъ, Дмитрій Яковлевичъ.

— Ну, это будетъ поплоше. Что такое учитель гимназіи? Чиновникъ и нѣтъ, и къ губернатору никогда не приглашаютъ, развѣ одного директора, жалованье бѣдное.—Послѣдняя рѣчь была произнесена обыкновеннымъ тономъ; Негровъ совершенно успокоился на счетъ негоціаціи и былъ увѣренъ, что Круциферскій изъ его рукъ не ускользнетъ.

— Глаша! закричалъ Негровъ въ другую комнату:—Глаша! — Круциферскій помертвѣлъ: онъ думалъ, что послѣдній поцѣлуй любви для Глафиры Львовны такъ же былъ важенъ и поразителенъ, какъ для него первый поцѣлуй, попавшійся не по адресу.

«Что тебѣ?» отвѣчала Глафира Львовна.

— Поди сюда.

Глафира Львовна вошла, придавая себѣ гордую и величественную мину, которая, разумѣется, къ ней не шла и которая худо скрывала ея замѣшательство. По несчастію, Круциферскій не могъ этого замѣтить: онъ боялся взглянуть на нее.

— Глаша! сказалъ Негровъ:—вотъ Дмитрій Яковлевичъ проситъ Любонькиной руки. Мы ее всегда воспитывали и держали, какъ дочь родную, и имѣемъ право располагать ея рукою; ну, а все же не мѣшаетъ съ нею поговорить; это твое женское дѣло.

«Ахъ, Боже мой! вы сватаетесь? какія новости! сказала съ горечью Глафира Львовна.—Да это сцена изъ «Новой Элоизы!»

Если-бъ я былъ на мѣстѣ Круциферскаго, то сказалъ бы, чтобъ не отстать въ учености отъ Глафиры Львовны:—Да-съ, а вчерашнее происшествіе на балконѣ сцена изъ «Фоблаза».—Круциферскій промолчалъ.

Негровъ всталъ, въ ознаменованіе конца засѣданія, и сказалъ:

— Только прошу не думать о Любонькиной рукѣ, пока не получите мѣста. Послѣ всего, совѣтую, государь мой, быть осторожнымъ: я буду имѣть за вами глаза да и глаза. Вамъ почти и оставаться-то у меня въ домѣ неловко. Навязали и мы себѣ работу съ этой Любонькой!

Круциферскій вышелъ. Глафира Львовна съ величайшимъ пренебреженіемъ отзывалась о немъ и заключила свою рѣчь тѣмъ, что такое холодное существо, какъ Любонька, пойдетъ за всякаго, но счастія не можетъ доставить никому.

На другой день, утромъ, Круциферскій сидѣлъ у себя въ комнатѣ, погруженный въ глубокую думу. Едва прошли двое сутокъ послѣ чтенія «Алины и Альсима», и вдругъ онъ почти женихъ, она его невѣста, онъ идетъ на службу... Что за странная власть рока, которая такъ распоряжается его жизнію, подняла его наверхъ человѣческаго благополучія, и чѣмъ же? подняла тѣмъ, что онъ поцѣловалъ одну женщину вмѣсто другой, отдалъ ей чужую записку. Не чудеса ли, не сонъ ли все это? Потомъ онъ припоминалъ опять и опять всѣ слова, всѣ взгляды Любоньки въ липовой аллеѣ и на душѣ у него становилось широко, торжественно.

Вдругъ послышались чьи-то тяжелые шаги по корабельной лѣстницѣ, которая вела къ нему въ комнату. Круциферскій вздрогнулъ и съ какимъ то полустрахомъ ждалъ появленія лица, поддерживаемаго такими тяжелыми шагами. Дверь отворилась, и вошелъ нашъ старый знакомый, докторъ Круповъ: появленіе его весьма удивило кандидата. Онъ всякую недѣлю ѣздилъ разъ, а иногда и два къ Негрову, но въ комнату Круциферскаго никогда не ходилъ. Его посѣщеніе предвѣщало что-то особенное.

— Этакая проклятая лѣстница! сказалъ онъ, задыхаясь, и обтирая *бѣлымъ* платкомъ потъ съ лица.—Нашелъ же Алексѣй Абрамовичъ для васъ комнату.

— «Ахъ, Семенъ Ивановичъ!» произнесъ быстро кандидатъ и покраснѣлъ, Богъ знаетъ почему.

— Ба! продолжалъ докторъ:—да какой видъ изъ оконъ... Это вонъ вдали-то бѣлѣется дубасовская церковь что ли, вотъ вправо-то?

— «Кажется; навѣрное, впрочемъ, не знаю», отвѣчалъ Круциферскій, пристально посмотрѣвъ налѣво.

— Студентъ, неизлечимый студентъ! Ну, какъ живете вы здѣсь мѣсяцы и не знаете, что изъ окна видно. Охъ, молодость!... Ну, дайте-ка вашу руку пощупать.

— «Я, слава Богу, здоровъ, Семенъ Ивановичъ».

— Вотъ вамъ и слава Богу, продолжалъ докторъ, подержавъ руку Круциферскаго:—я зналъ это; усиленный и неравномѣрный. Позвольте ка... разъ, два, три, четыре... лихорадочный, жизненная дѣятельность сильно поднята. Вотъ съ такимъ-то пульсомъ человѣкъ и рѣшается на всякія глупости: бейся пульсъ ровно, тукъ, тукъ, тукъ, никогда бы вы не дошли до этого. Мнѣ тамъ, внизу, почтеннѣйшій мой, говорятъ: «хочетъ-де жениться», — ушамъ не вѣрю; ну, вѣдь малый, думаю, не глупый, я же его и изъ Москвы привезъ... не вѣрю; пойду, посмотрю. Такъ и есть: усиленный и неравномѣрный; да при этомъ пульсѣ не только жениться, а чортъ знаетъ какихъ глупостей можно надѣлать. Ну, кто же въ лихорадочномъ состояніи рѣшится на такой важный шагъ? Подумайте. Полечитесь прежде, приведите органъ мышленія, т. е. мозгъ, въ нормальное состояніе, чтобъ кровь-то ему не мѣшала. Хотите, я пришлю фельдшера пустить вамъ кровь, ну, такъ, чайную чашечку съ половинкой?

— «Покорнѣйше благодарю; я не чувствую никакой нужды».

— Гдѣ же вамъ знать, что нужно и что нѣтъ: вѣдь, вы медицинѣ совсѣмъ не учились, а я выучился. Ну, не хотите кровопусканья, примите глауберовой соли; аптечка со мной, я, пожалуй, дамъ.

— «Я вамъ очень благодаренъ за участіе, но долженъ предупредить васъ, что я здоровъ, и вовсе не шутя, а въ самомъ дѣлѣ хочу (здѣсь онъ запнулся)... жениться, и не понимаю, что вы имѣете противъ моего благополучія».

— Очень многое.

Старикъ сдѣлалъ пресерьезное лицо.

— Я васъ люблю, молодой человѣкъ, и потому жалѣю. Вы, Дмитрій Яковлевичъ, на закатѣ моихъ дней, напомнили мнѣ мою юность, много прошедшаго напомнили; я вамъ желаю добра, и молчать теперь мнѣ показалось преступленіемъ. Ну, какъ вамъ же-

ниться въ ваши лѣта? Вѣдь, это Негровъ васъ надулъ... Вотъ видите ли, какъ вы взволнованы, вы не хотите меня слушать, я это вижу, но я васъ заставлю выслушать меня; лѣта имѣютъ свои права...

— «О, нѣтъ, Семенъ Ивановичъ, сказалъ молодой человѣкъ, нѣсколько смѣшавшись отъ словъ старика:—я понимаю, что изъ любви ко мнѣ, изъ желанія добра вы высказываете свое мнѣніе; мнѣ жаль только, что оно нѣсколько излишне, даже поздно».

– О, если-бъ только-то вы имѣли противъ моего мнѣнія, это сущая бездѣлица; никогда не поздно остановиться. Бракъ... у-у какое тяжелое дѣло! Бѣда въ томъ, что одни тѣ и не думаютъ, что такое бракъ, которые вступаютъ въ него, то есть, послѣ то и раздумаютъ на досугѣ, да поздненько: это все febris erotica; гдѣ человѣку обсудить такой шагъ, когда у него пульсъ бьется, какъ у васъ, любезный другъ мой? Вы понтируете на все свое состояніе: можетъ быть, и удастся сорвать банкъ, можетъ... да какой же умный человѣкъ будетъ рисковать? Ну, да въ картахъ самъ виноватъ, самъ и наказанъ: по дѣломъ вору мука. А въ женитьбѣ непремѣнно съ собою топишь еще человѣка. Эй, Дмитрій Яковлевичъ, подумай! Я вѣрю, что вы ее любите, что и она васъ любитъ, но это ничего не значитъ. Будьте увѣрены, что любовь пройдетъ въ обоихъ случаяхъ: уѣдете куда-нибудь, пройдетъ; женитесь, еще скорѣе пройдетъ; я самъ былъ влюбленъ, и не разъ, а разъ пять, но Богъ спасъ; и я, возвращаясь теперь домой, спокойно и тихо отдыхаю отъ своихъ трудовъ; день я весь принадлежу моимъ больнымъ, вечеркомъ въ вистикъ сыграешь, да и ляжешь себѣ безъ заботы... А съ женою хлопоты, крикъ, дѣти, да весь міръ погибай, кромѣ моей семьи! Трудно жить на мѣстѣ, трудно перебираться, пойдутъ мелкія сплетни, вертись около своего очага, книгу подъ лавку; надобно думать о деньгахъ, о запасахъ. Теперь, хоть бы объ васъ молвить: придетъ иной разъ нужда, что за бѣда, всякое бываетъ! Мы, бывало, съ Антономъ Фердинандовичемъ, знакомый вамъ человѣкъ, денегъ какой-нибудь рубль, а ѣсть и курить хочется: купимъ четверку «фалеру», такъ ужъ кромѣ хлѣба ничего не ѣдимъ, а купимъ фунтъ ветчины, такъ ужъ и не куримъ, да оба и хохочемъ надъ этимъ, и все ничего; а съ женой не то: жену жаль, жена будетъ ревѣть...

— «О, нѣтъ! Эта дѣвушка, навѣрное, найдетъ силы перенести нужду. Вы ее не знаете!»

— Это-то, любезнѣйшій, еще хуже; какъ бы очень-то начала кричать, разсердитъ, по крайней мѣрѣ, плюнешь, да и прочь пойдешь; а какъ будетъ молчать да худѣть, а ты-то себѣ: «бѣдная, за что я тебя стащилъ на Антоніеву пищу»... поломаешь голову, какъ бы достать денегъ. Ну, честнымъ путемъ, братъ, не разжи-

вешься, плутовать не станешь,—вотъ ты подумаешь, подумаешь, да для освѣженія головы и хватишь горькинькаго; оно ничего—я самъ употребляю желудочную,—а знаешь, какъ вторую съ горято, да третью... понимаешь? Ну, да положимъ, что и будетъ кусокъ хлѣба... то есть, не больше; вѣдь, она хоть и дочь Негрову, а Негровъ-то хоть и богатъ, да, вѣдь, я его знаю—не разгуляется! Вотъ за дочерью-то онъ приготовилъ пятьсотъ душъ, ну, а Любонькѣ развѣ пять тысячъ рублей дастъ: что за капиталъ?.. Охъ, жаль мнѣ тебя, Дмитрій Яковлевичъ! Ну, пусть другіе, которые лучшаго ничего изъ себя не сдѣлаютъ: ты-то бы поберегъ себя. Я бы предложилъ вамъ другое мѣсто; поскорѣе отсюда вонъ - любовь-то и поразсѣялась бы; у насъ въ гимназіи открылась хорошая ваканція. Не ребячься, будь мужчина!

— «Право, Семенъ Иванычъ, я благодаренъ вамъ за участіе; но все это совершенно лишнее, что вы говорите, вы хотите застращать меня, какъ ребенка. Я лучше разстанусь съ жизнію, нежели откажусь отъ этого ангела. Я не смѣлъ надѣяться на такое счастіе; самъ Богъ устроилъ это дѣло».

— Экъ его!—сказалъ неумолимый Круповъ:—а все я его погубилъ: ну, зачѣмъ было рекомендовать въ этотъ домъ! Богъ устроилъ — какъ же! Негровъ тебя надулъ, да твоя молодость. Такъ и быть, не хочу ничего утаивать. Я, любезный Дмитрій Яковлевичъ, долго жилъ на свѣтѣ, и не похвастаюсь умомъ, а много наметался. Знаете, наша должность медика ведетъ насъ не въ гостиную, не въ залу, а въ кабинетъ да въ спальню. Я много видѣлъ на своемъ вѣку людей и ни одного не пропускалъ, чтобъ не разсмотрѣть его на обѣ корки. Вы, вѣдь, все людей видите въ ливреяхъ, да въ маскарадныхъ платьяхъ,—а мы за кулисы ходимъ; наглядѣлся я на семейныя картины; стыдиться-то тутъ некого, люди тутъ на распашку, безъ церемоніи. Homo sapiens какой sapiens къ чорту! ferus, звѣрь самый дикій, въ своей берлогѣ кротокъ, а человѣкъ въ берлогѣ-то своей и дѣлается хуже звѣря... Къ чему, бишь, я это началъ?.. да... да... ну, такъ я привыкъ такіе характеры разбирать. Не пара тебѣ твоя невѣста, ужъ что ты хочешь,—эти глаза, этотъ цвѣтъ лица, этотъ трепетъ, который иногда пробѣгаетъ по ея лицу, — она тигренокъ, который еще не знаетъ своей силы; а ты — да что ты? Ты невѣста; ты, братецъ, нѣмка; ты будешь жена,—ну годно ли это?

Круциферскій обидѣлся послѣдней выходкой и, противъ своего обыкновенія, довольно холодно и сухо сказалъ:

— «Есть случаи, въ которыхъ принимающіе участіе помогаютъ, а не читаютъ диссертаціи. Можетъ быть, все то, что вы говорите, правда, — я не стану возражать; будущее — дѣло темное; я знаю одно: мнѣ теперь два выхода,—куда они ведутъ, трудно сказать,

но третьяго нѣтъ; или броситься въ воду, или быть счастливѣйшимъ человѣкомъ».

— Лучше броситься въ воду: разомъ конецъ!—сказалъ Круповъ, тоже нѣсколько оскорбленный, и вынулъ *красный* платокъ.

Разговоръ этотъ, само собою разумѣется, не принесъ той пользы, которой отъ него ждалъ докторъ Круповъ; можетъ быть, онъ былъ хорошій врачъ тѣла, но за душевныя болѣзни принимался неловко. Онъ, вѣроятно, по собственному опыту судилъ о силѣ любви: онъ сказалъ, что былъ нѣсколько разъ влюбленъ, и, слѣдственно, имѣлъ большую практику, но именно потому-то онъ и не умѣлъ обсудить такой любви, которая бываетъ одинъ разъ въ жизни.

Круповъ ушелъ разсерженный, и вечеромъ того дня за ужиномъ у вице-губернатора декламировалъ полтора часа на свою любимую тему,—бранилъ женщинъ и семейную жизнь, забывъ, что вице-губернаторъ былъ женатъ на третьей женѣ и отъ каждой имѣлъ по нѣскольку человѣкъ дѣтей. Слова Крупова почти не сдѣлали никакого вліянія на Круциферскаго,—я говорю *почти*, потому что неопредѣленное, не ясное, но тяжелое впечатлѣніе осталось, какъ послѣ зловѣщаго крика ворона, какъ послѣ встрѣчи съ покойникомъ, когда мы торопимся на веселый пиръ. Все это изгладилось, само собою разумѣется, при первомъ взглядѣ Любоньки.

— «Повѣсть, кажется, близка къ концу», говорите вы, разумѣется, радуясь.

— Извините, она еще не начиналась — отвѣчаю я съ должнымъ почтеніемъ.

— «Помилуйте, остается послать за священникомъ!»

— Да-съ; но, вѣдь, я считаю концомъ, когда за священникомъ посылаютъ, чтобъ онъ соборовалъ масломъ, да и то иной разъ не конецъ. А когда служитель церкви является съ тѣмъ, чтобъ вѣнчать, то это начало совсѣмъ новой повѣсти, въ которой только тѣ же лица. Они не замедлятъ явиться передъ вами.

V.

Владиміръ Бельтовъ.

Въ ***, — впрочемъ, нѣтъ никакой необходимости астрономически и географически точно опредѣлять мѣсто и время, — въ XIX столѣтіи, были въ губернскомъ городѣ NN дворянскіе выборы. Городъ оживлялся; часто были слышны бубенчики и скрипъ

дорожныхъ экипажей; часто были видны помѣщичьи зимнія повозки, кибитки, возки всѣхъ возможныхъ видовъ, набитые внутри всякою всячиною и украшенные снаружи цѣлой дворней, въ шинеляхъ и тулупахъ, подвязанныхъ полотенцами: часть ея обыкновенно городомъ шла пѣшкомъ, кланялась съ лавочниками, улыбалась стоящимъ у воротъ товарищамъ; другая спала во всѣхъ положеніяхъ человѣческаго тѣла, въ которыхъ неудобно спать. Мало по малу, помѣщичьи лошади перевезли почти всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ *губернію*, и отставной корнетъ Дрягаловъ былъ ужъ на лицо и украшалъ пунцоваго цвѣта занавѣсами окна своей квартиры, нанятой на послѣднія деньги; онъ ѣздилъ въ пять губерній на всѣ выборы и на главнѣйшія ярмарки и нигдѣ *не проигрывался*, несмотря на то, что съ утра до ночи игралъ въ карты, и не наживался, несмотря на то, что съ утра до ночи выигрывалъ. И отставной генералъ Хрящевъ, славившійся музыкантами, богачъ, наѣздникъ, несмотря на 65 лѣтъ, былъ на лицо; онъ являлся на выборы давать четыре бала и всякій разъ отказываться болѣзнью отъ мѣста губернскаго предводителя, которое всякій разъ предлагали ему благодарные дворяне. Въ гостиныхъ начали появляться странные фраки, покоившіеся цѣлое трехлѣтіе, переложенные табачнымъ листомъ, съ бархатными воротниками, измѣнившимися въ цвѣтѣ и сохранившими какую-то отчаянную форму; вмѣстѣ съ ними явились и странные мундиры всѣхъ временъ, и милиціонные, и съ двумя рядами пуговицъ, и однобортные, и съ одной эполетой, и совсѣмъ безъ эполетъ. Съ утра до ночи дѣлались визиты; три года часть этихъ людей не видалась и съ тяжелымъ чувствомъ замѣчали, глядя другъ на друга, умноженіе сѣдыхъ волосъ, морщинъ, худобы и толщины; тѣ же лица, а будто не тѣ: геній разрушенія оставилъ на каждомъ свои слѣды; а со стороны, съ чувствомъ, еще болѣе тяжелымъ, можно было замѣтить совсѣмъ противоположное, и эти три года такъ же прошли, какъ и тринадцать, какъ и тридцать лѣтъ, предшествовавшіе имъ...

Во всемъ городѣ только и говорили о кандидатахъ, обѣдахъ, уѣздныхъ предводителяхъ, балахъ и судьяхъ. Правитель канцеляріи гражданскаго губернатора третій день ломалъ голову надъ проектомъ рѣчи; онъ испортилъ двѣ дести бумаги, писавъ: «Милостивые государи, благородное NN—ское дворянство..!» тутъ онъ останавливался и его брало раздумье, какъ начать: «Позвольте мнѣ снова въ средѣ вашей» или: «Радуюсь, что я въ средѣ вашей снова»... И онъ говорилъ старшему помощнику:

«Ахъ, Купріянъ Васильевичъ, самое запутанное уголовное дѣло легче въ семьсотъ разъ разобрать, нежели написать рѣчь!»

— Вы бы попросили у Антона Антоновича «Образцовыя Сочиненія»; тамъ, я помню, есть рѣчи.

«Славная мысль! сказалъ правитель дѣлъ, страшно больно хлопнувъ по плечу своего помощника. — Ай-да Купріянъ Купріяновичъ»!

Правитель дѣлъ думалъ, что очень остро называть человѣка разъ по батюшкѣ, да разъ по самому себѣ. И онъ въ тотъ же вечеръ составилъ нѣсколько строкъ, руководствуясь рѣчью князя Холмскаго изъ «Марѳы Посадницы» Карамзина.

Среди этихъ всеобщихъ и трудныхъ занятій вдругъ вниманье города, уже столь напряженное, обратилось на совершенно неожиданное, никому неизвѣстное лицо, — лицо, котораго никто не ждалъ, ни даже корнетъ Дрягаловъ, ждавшій всѣхъ, лицо, о которомъ никто не думалъ, которое было вовсе ненужно въ патріархальной семьѣ общинныхъ главъ, которое свалилось какъ съ неба, а въ самомъ дѣлѣ пріѣхало въ прекрасномъ англійскомъ дормезѣ. Лицо это было отставной губернскій секретарь Владиміръ Петровичъ Бельтовъ. Чего у него не довѣшивало со стороны чина, искупалось довольно хорошо 3.000 душъ незаложеннаго имѣнія; это-то имѣніе, Бѣлое-Поле, очень подробно знали избираемые и избиратели; но владѣтель Бѣлаго-Поля былъ какой-то миѳъ, сказочное, темное лицо, о которомъ повѣствовали иногда всякія несбыточности, такъ, какъ повѣствуютъ о далекихъ странахъ, о Камчаткѣ, о Калифорніи—вещи странныя для насъ, невѣроятныя. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, говорили, напримѣръ, что Бельтовъ, только что вышедшій изъ университета, попалъ въ милость къ министру; потомъ, вслѣдъ за тѣмъ, говорили, что Бельтовъ разссорился съ нимъ и вышелъ въ отставку на зло своему покровителю. Этому не вѣрили. Есть лица, о которыхъ въ провинціяхъ составлено окончательное и опредѣленное понятіе; съ этими лицами ссориться нельзя, а можно и должно имъ свидѣтельствовать почтеніе; вѣроятно ли, что Бельтовъ осмѣлился?... Нѣтъ, развѣ навлекъ на себя справедливый гнѣвъ, развѣ проигрался въ карты, или спился, или увезъ у кого-нибудь дочь, т. е. не у особы какой-нибудь, а такъ, дочь чью-нибудь. Потомъ сказывали, что онъ уѣхалъ во Францію; къ этому догадливые и ученые прибавляли, что онъ никогда не воротится, что онъ принадлежитъ къ массонской ложѣ въ Парижѣ, и что ложа назначила его совѣстнымъ судьей въ Америку. «Весьма вѣроятно»! говорили многіе: «онъ съ малыхъ лѣтъ былъ какъ брошенный; отецъ его умеръ, кажется, въ тотъ годъ, въ который онъ родился; мать, вы знаете какого происхожденія, притомъ женщина пустая, *экзальте*, да и гувернеръ имъ попался преразвращенный, никому не умѣлъ оказывать должнаго». Сверхъ того, этимъ объясняли,

почему онъ такъ запустилъ хозяйство, хотя мужики его славятся богатствомъ и ходятъ въ сапогахъ. Наконецъ, года три совсѣмъ о немъ не говорили, и вдругъ это странное лицо, совѣстный судья отъ парижской массонской ложи въ Америкѣ, человѣкъ, ссорившійся съ тѣми, которымъ надобно свидѣтельствовать глубочайшее почтеніе, уѣхавшій во Францію на вѣки вѣковъ, явился передъ NN-скимъ обществомъ, какъ листъ передъ травой, и явился для того, чтобъ пріискивать себѣ голоса на выборахъ. Во всемъ этомъ было чрезвычайно много непонятнаго для NN-скихъ жителей. Что за странное предпочтеніе губернской службы столичной? Что за странное предпочтеніе службы по выборамъ? Потомъ: Парижъ и дворянское депутатское собраніе, 3.000 душъ и чинъ губернскаго секретаря... Ну, было надъ чѣмъ потрудиться и безъ того занятымъ NN-цамъ.

Сильнѣйшая голова въ городѣ былъ безспорно предсѣдатель уголовной палаты; онъ рѣшалъ окончательно, безапелляціонно всѣ вопросы, занимавшіе общество; къ нему ѣздили совѣщаться о семейныхъ дѣлахъ; онъ былъ очень ученъ, литераторъ и философъ. У него былъ только одинъ соперникъ, инспекторъ врачебной управы, Круповъ, и предсѣдатель какъ-то дѣйствительно конфузился при немъ; но авторитетъ Крупова далеко не былъ такъ всеобщъ, особенно послѣ того, какъ одна дама губернской аристократіи, очень чувствительная и не менѣе образованная, сказала при многихъ свидѣтеляхъ: «Я уважаю Семена Ивановича; но можетъ ли человѣкъ понять сердце женщины, можетъ ли понять нѣжныя чувства души, когда онъ могъ смотрѣть на мертвыя тѣла и, можетъ быть, касался до нихъ рукою?»—Всѣ дамы согласились, что не можетъ, и рѣшили единогласно, что предсѣдатель уголовной палаты, не имѣющій такихъ свирѣпыхъ привычекъ, одинъ способенъ рѣшать вопросы нѣжные, гдѣ замѣшано сердце женщины, не говоря уже о всѣхъ прочихъ вопросахъ. Само собою разумѣется, что одна мысль блеснула почти у всѣхъ, когда явился Бельтовъ: что-то скажетъ Антонъ Антоновичъ насчетъ его пріѣзда? Но Антонъ Антоновичъ былъ не такой человѣкъ, къ которому можно было такъ вдругъ адресоваться: что вы думаете о г. Бельтовѣ? Далеко нѣтъ; онъ даже, какъ нарочно (а весьма можетъ быть, что и въ самомъ дѣлѣ нарочно) три дня не былъ видимъ ни на вистѣ у вице-губернатора, ни на чаѣ у генерала Хрящова. Всѣхъ любопытнѣе съ своей стороны и всѣхъ предпріимчивѣе въ городѣ былъ одинъ совѣтникъ съ Анною въ петлицѣ, употреблявшій чрезвычайно ловко свой орденъ, такъ что какъ бы онъ ни сидѣлъ или ни стоялъ, орденъ можно было видѣть со всѣхъ точекъ комнаты. Этотъ носитель ордена св. Анны въ петлицѣ рѣшился, въ воскресенье, отъ губернатора (у кото-

раго онъ не могъ не быть въ воскресные и праздничные дни) заѣхать на минуту въ соборъ и, если предсѣдателя тамъ нѣтъ, ѣхать прямо къ нему. Подъѣзжая къ собору, совѣтникъ спросилъ квартальнаго поручика: тутъ ли предсѣдательскія сани? — «Никакъ нѣтъ-съ», отвѣчалъ квартальный: «да, должно быть, ихъ высокородіе и не будутъ, потому что сейчасъ я видѣлъ — ихъ кучеръ Пафнушка шелъ въ питейный». Послѣднее обстоятельство показалось очень важнымъ совѣтнику: не поѣдетъ же Антонъ Антоновичъ въ кафедральный соборъ, подумалъ онъ, на одной лошади, а гдѣ же Никешкѣ форейтору справиться съ парой буланыхъ! И онъ, не заходя ужъ въ соборъ, отправился къ предсѣдателю.

Предсѣдатель, вовсе не ожидая посѣщенія, сидѣлъ въ своемъ домашнемъ костюмѣ, состоявшемъ изъ какой-то длинной вязанной куртки, изъ широкихъ панталонъ и валеныхъ сапоговъ на ногахъ. Онъ былъ не великъ ростомъ, широкоплечъ и съ огромной головой (умъ любитъ просторъ); всѣ черты лица его выражали какую-то важность, что-то торжественное и исполненное сознанія своей силы. Онъ обыкновенно говорилъ протяжно, съ удареніемъ, такъ, какъ слѣдуетъ говорить мужу, вершающему окончательно всѣ вопросы; если какой-нибудь дерзновенный перебивалъ его, онъ останавливался, ждалъ минуту, двѣ, и потомъ повторялъ снова съ нажимомъ послѣднее слово, продолжая фразу точно въ томъ духѣ и характерѣ, въ какомъ началъ. Возраженій онъ не могъ терпѣть, да и не приходилось никогда ихъ слышать ни отъ кого, кромѣ доктора Крупова; остальнымъ въ голову не приходило спорить съ нимъ, хотя многіе и не соглашались. Самъ губернаторъ, чувствуя внутри себя все превосходство умственныхъ способностей предсѣдателя, отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ необыкновенно умномъ, и говорилъ: «Помилуйте, ему не предсѣдателемъ быть уголовной палаты, повыше бы могъ подняться. Какія свѣдѣнія! Да и потомъ вы послушайте его разсужденія,—это просто Массильонъ! Онъ много по службѣ потерялъ, посвящая большую часть времени чтенію и наукамъ». — Итакъ, этотъ-то господинъ, много потерявшій изъ любви къ наукамъ, сидѣлъ въ курткѣ передъ своимъ письменнымъ столомъ; подписавъ разные протоколы и выставивъ въ пустомъ мѣстѣ достодолжное *число ударовъ* за корчемство, за бродяжество и т. п., онъ досуха обтеръ перо, положилъ его на столъ, взялъ съ полочки книгу, переплетенную въ сафьянъ, раскрылъ ее и началъ читать. Мало по малу, у него по лицу распространилось какое-то сладкое, невыразимое чувство довольства. Но чтеніе продолжалось не долго; явился на сцену совѣтникъ съ Анной въ петлицѣ.

— А я-съ какъ безпокоился на вашъ счетъ, ей Богу! Къ гу-

бернатору поздравить съ праздникомъ пріѣхалъ, — васъ, Антонъ Антоновичъ, нѣтъ; вчера не изволили на вистѣ быть; въ соборъ — вашихъ саней нѣтъ; думаю, неравенъ часъ, вѣдь, могли и занемочь; всякой можетъ занемочь... Отъ слова ничего не сдѣлается. Что съ вами? Ей Богу, я такъ встревожился!

— «Покорнѣйше васъ благодарю; я, слава Всевышнему, не жалуюсь на здоровье; а васъ прошу занять мѣсто, почтеннѣйшій господинъ совѣтникъ».

— Ахъ, Антонъ Антоновичъ! я, кажется, помѣшалъ вамъ: — вы изволили читать.

— «Ничего, мой почтеннѣйшій, ничего; у меня есть время для музъ и есть для добрыхъ пріятелей».

— Вотъ-съ, Антонъ Антоновичъ! я полагаю на счетъ новенькихъ книжекъ можно теперь вамъ поснабдиться.

— «Не люблю новыхъ, прервалъ предсѣдатель дипломата-совѣтника: не люблю-съ новыхъ книгъ. Вотъ и теперь перечитывалъ «Душеньку» въ сотый разъ и, истинно увѣряю васъ, съ новымъ удивительнымъ наслажденіемъ. Какая легкость, какое *востроуміе!* — Да, Ипполитъ Ѳедоровичъ не завѣщалъ никому таланта».

Тутъ предсѣдатель прочелъ:

Злоумна ненависть, судя по всюду строго,
　　Очей имѣетъ много,
И видитъ сквозь покровъ закрытыя дѣла.
Вотще отъ сестръ своихъ царевна ихъ скрывала.
И день, и два, и три притворство продолжала,
Какъ будто бы она супруга вьявь ждала.
Сестры темнили видъ, подъ чѣмъ онъ былъ неявенъ,
Чего не вымыслитъ коварная хула?
Онъ былъ, по ихъ рѣчамъ, и страшенъ, и злонравенъ.

— Вотъ-съ, перебилъ въ свою очедь совѣтникъ: это точно слово въ слово, какъ у насъ теперь говорятъ объ вояжёрѣ, посѣтившемъ нашъ городъ; охота, право, пустословить.

Предсѣдатель посмотрѣлъ на него строго и, какъ будто ничего не видалъ и не слыхалъ, продолжалъ:

Онъ былъ, по ихъ рѣчамъ, и страшенъ, и злонравенъ.
И вѣрно Душенька съ чудовищемъ жила.
Совѣты скромности въ сей часъ она забыла,
Сестры ли въ томъ виной, судьба ли то, иль рокъ,
　　Иль Душенькинъ то былъ порокъ,
　　Она, вздохнувъ, сестрамъ открыла,
Что только тѣнь одну въ супружествѣ любила,
Открыла, какъ и гдѣ приходитъ тѣнь на срокъ
И происшествія подробно разсказала,
　　Но только лишь сказать не знала,
　　Каковъ и кто ея супругъ,
　　Колдунъ, иль змѣй, иль богъ, иль духъ.

— «Вотъ эти стихи не звукъ пустой, а стихи съ душею и съ сердцемъ. Я, мой почтеннѣйшій господинъ совѣтникъ, по слабости ли моихъ способностей, или по недостатку свѣтскаго образованія, не понимаю новыхъ книгъ, съ Василія Андреевича Жуковскаго начиная.

Совѣтникъ, который отъ роду ничего не читалъ, кромѣ резолюцій губернскаго правленія, и то только своего отдѣленія, по прочимъ онъ считалъ себя обязаннымъ высшей деликатностью подписывать, не читая, замѣтилъ:

— Безъ сомнѣнія; а вотъ я полагаю, что пріѣзжіе изъ столицы не такъ думаютъ.

— «Что намъ до нихъ! отвѣтилъ предсѣдатель: знаю и очень знаю, всѣ *повременныя* изданія нынѣ хвалятъ Пушкина; читалъ я и его. Стихи гладенькіе, но мысли нѣтъ, чувства нѣтъ, а для меня, когда здѣсь нѣтъ (онъ ошибкою показалъ на правую сторону груди), такъ одно пустословіе».

— Я самъ чрезвычайно люблю чтеніе, прибавилъ совѣтникъ, которому никакъ не удавалось овладѣть предметомъ разговора,— да времени совсѣмъ не имѣю: утро провозишься съ проклятыми бумагами; въ дѣлахъ правленія истинно мало пищи уму и сердцу; а вечеромъ бостончикъ, вистикъ.

— «Кто хочетъ читать, возразилъ, воздержно улыбаясь, предсѣдатель,—тотъ не будетъ всякій вечеръ сидѣть за картами».

— Конечно, такъ-съ; вотъ, напримѣръ, говорятъ объ этомъ-съ Бельтовѣ, что онъ въ руки картъ не беретъ, а все читаетъ.

Предсѣдатель промолчалъ.

— Вы, вѣрно, изволили слышать объ его пріѣздѣ?

— «Слышалъ что-то подобное», отвѣчалъ небрежно философъ-судія.

— Говорятъ, страшной учености; вотъ-съ будетъ вамъ подъ пару, право-съ; говорятъ, что даже по итальянски умѣетъ.

— «Гдѣ намъ, возразилъ съ чувствомъ собственнаго достоинства предсѣдатель,—гдѣ намъ! Слыхали мы о господинѣ Бельтовѣ: и въ чужихъ краяхъ былъ, и въ министерствахъ служилъ; куда намъ, провинціальнымъ медвѣдямъ! А, впрочемъ, посмотримъ. Я лично не имѣю чести его знать, онъ не посѣщалъ меня».

— Да онъ и у его превосходительства не былъ-съ, а вѣдь пріѣхалъ, я думаю, дней пять тому назадъ... Точно, сегодня въ обѣдъ будетъ пять дней. Я съ Максимомъ Ивановичемъ обѣдалъ у полиціймейстера, и, какъ теперь помню, за *пудиномъ* услышали мы колокольчикъ. Максимъ Иванычъ, знаете его слабость, не вытерпѣлъ: матушка, говоритъ, Вѣра Васильевна, простите, подбѣжалъ къ окну и вдругъ закричалъ: карета шестерней, да какая карета! Я къ окну: точно карета шестерней, отличнѣйшая,

Іохима, должно быть, работы, ей Богу. Полиціймейстеръ сейчасъ унтера... «Бельтовъ-де изъ Петербурга».

— «Мнѣ, сказать откровенно, началъ предсѣдатель нѣсколько таинственно,—этотъ господинъ подозрителенъ: онъ или промотался, или въ связяхъ съ полиціей, или самъ подъ надзоромъ полиціи. Помплуйте, тащится 900 верстъ на выборы, имѣя 3.000 душъ!»

— Конечно-съ, сомнѣнія нѣтъ. Признаюсь, дорого далъ бы я, чтобъ вы его увидѣли: тогда бы тотчасъ узнали, въ чемъ дѣло. Я вчера послѣ обѣда прогуливался, Семенъ Ивановичъ для здоровья приказываетъ, прошелъ такъ раза два мимо гостиницы; вдругъ выходитъ въ сѣни молодой человѣкъ, я такъ и думалъ, что это онъ, спросилъ полового, говоритъ: это камердинеръ; одѣтъ какъ нашъ братъ, нельзя узнать, что человѣкъ... Ахъ, Боже мой, да у вашего подъѣзда остановилась карета!

— «Что-жъ, васъ это удивляетъ? возразилъ стоическій предсѣдатель,—меня не рѣдко посѣщаютъ добрые знакомые».

— Да-съ; но, можетъ быть...

Въ эту минуту вошла въ комнату толстая, румяная горничная, въ глубокомъ дезабилье, и сказала: «Пріѣхалъ какой-то помѣщикъ въ каретѣ, я его не видала прежде, принимать, что ли?»

— «Подай мнѣ халатъ, сказалъ предсѣдатель,—и проси...» Что-то въ родѣ улыбки показалось на лицѣ его въ то время, какъ онъ облекался въ свой шелковый халатъ цвѣта лягушечьей спинки. Совѣтникъ всталъ со стула и былъ въ сильномъ волненіи.

Человѣкъ лѣтъ тридцати, прилично и просто одѣтый, вошелъ, учтиво кланяясь хозяину. Онъ былъ строенъ, худощавъ, и въ лицѣ его какъ-то странно соединялись добродушный взглядъ съ насмѣшливыми губами, выраженіе порядочнаго человѣка съ выраженіемъ баловня, слѣды долгихъ и скорбныхъ думъ съ слѣдами страстей, которыя, кажется, не обуздывались. Предсѣдатель, не теряя чувства своей доблести, приподнялся съ креселъ и показывалъ, стоя на одномъ мѣстѣ, видъ, будто онъ идетъ на встрѣчу.

— Я здѣшній помѣщикъ Бельтовъ, пріѣхалъ сюда на выборы и счелъ себя обязаннымъ познакомиться съ вами.

— «Чрезвычайно радъ, сказалъ предсѣдатель,—чрезвычайно радъ, и прошу покорнѣйше, милостивый государь, занять мѣсто». Всѣ сѣли.

— «Недавно изволили пріѣхать?»

— Дней пять тому назадъ.

— «Откуда?»

— Изъ Петербурга.

— «Ну, вамъ, послѣ столичнаго шума, будетъ очень скучно въ монотонной жизни маленькаго провинціальнаго городка».

— Не знаю; но, право, не думаю; мнѣ какъ-то въ большихъ городахъ было очень скучно.

Оставимте на нѣсколько минутъ, или на нѣсколько страницъ, предсѣдателя и совѣтника, который, послѣ полученія Анны въ петлицу, ни разу не былъ въ такомъ восторгѣ, какъ теперь: онъ пожиралъ сердцемъ, умомъ, глазами и ушами пріѣзжаго, онъ все высмотрѣлъ, и то, что у него жилетъ былъ не застегнутъ на послѣднюю пуговицу, и то, что у него въ нижней челюсти съ правой стороны зубъ былъ выдернутъ, и проч., и проч. Оставимте ихъ и займемтесь, какъ NN-цы, исключительно страннымъ гостемъ.

VI.

Мы уже знаемъ, что отецъ Бельтова умеръ вскорѣ послѣ его рожденія, и что мать его была *экзальте* и обвинялась въ дурномъ поведеніи Бельтова. По несчастію, нельзя не согласиться, что она одна изъ главныхъ причинъ всѣхъ неудачъ въ карьерѣ своего сына. Исторія этой женщины сама по себѣ очень замѣчательна. Она родилась крестьянкой; лѣтъ пяти ее взяли во дворъ; у ея барыни были двѣ дочери и мужъ; мужъ заводилъ фабрики, дѣлалъ агрономическіе опыты и кончилъ тѣмъ, что заложилъ все имѣніе въ Воспитательный Домъ. Вѣроятно, считая, что этимъ исполнилъ свое экономическое призваніе въ мірѣ семъ, онъ умеръ. Разстройство дѣлъ ужаснуло вдову: она плакала, плакала, наконецъ утерла слезы и съ мужествомъ великаго человѣка принялась за поправку имѣнія. Только умъ женщины, только сердце нѣжной матери, желающей приданаго дочерямъ, можетъ изобрѣсти всѣ средства, употребленныя ею для достиженія цѣли. Отъ сушенія грибовъ и малины, отъ сбора талекъ и обвѣшиванья масломъ, до порубки въ чужихъ рощахъ и *продажи парней въ рекруты, не стѣсняясь очередью*,—все было употреблено въ дѣйствіе (это было очень давно, и, что теперь рѣдко встрѣчается, то было еще въ обычаѣ тогда) — и, надобно правду сказать, помѣщица села Засѣкина пользовалась всеобщей репутаціей несравненной матери. Между разными бумагами покойнаго агронома она нашла вексель, данный ему содержательницей какого-то пансіона въ Москвѣ, списалась съ нею; но, видя, что деньги мудрено выручить, она уговорила ее принять къ себѣ трехъ-четырехъ дворовыхъ дѣвочекъ, предполагая изъ нихъ сдѣлать гувернантокъ для своихъ дочерей или для постороннихъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ возвратились доморощенныя гувернантки къ барынѣ съ громкимъ аттестатомъ, въ которомъ было написано, что онѣ знаютъ законъ Божій, ариѳметику, россійскую пространную и всеобщую краткую исторію, французскій языкъ и проч., въ озна-

менованіе чего при актѣ ихъ наградили золотообрѣзными экземплярами „Paul et Virginie“. Барыня велѣла очистить для нихъ особую комнату и ждала случая ихъ пристроить. Тетка отца нашего Бельтова искала именно въ это время воспитательницу для своихъ дочерей и, узнавъ, что сосѣдка ея имѣетъ гувернантокъ, ей принадлежащихъ, адресовалась къ ней; потолковали о цѣнѣ, поспорили, посердились, разошлись и, наконецъ, поладили. Барыня позволила теткѣ выбрать любую, и выборъ палъ на будущую мать нашего героя. Года черезъ два-три, пріѣхалъ въ свою деревню отецъ Владиміра. Онъ былъ молодъ, развратенъ, игрокъ, въ отставкѣ, охотникъ пить, ходить съ ружьемъ, показывать ненужную удаль и волочиться за всѣми женщинами моложе тридцати лѣтъ и безъ значительныхъ недостатковъ въ лицѣ. Со всѣмъ этимъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ рѣшительно пропащій человѣкъ: праздность, богатство, неразвитость и дурное общество нанесли на него «семь футовъ грязи», какъ выражается одинъ мой знакомый; но къ чести его должно сказать, что грязь не вовсе приросла къ нему. Бельтовъ былъ рѣдко чѣмъ-нибудь занятъ, и потому часто посѣщалъ свою тетку; имѣніе его было въ пяти верстахъ отъ теткиной усадьбы. Софи (такъ звали гувернантку) приглянулась ему: ей было лѣтъ двадцать, высокая ростомъ, брюнетка, съ темными глазами и съ пышной косой юности. Долго думать казалось Бельтову смѣшнымъ; онъ, вопреки Вобановой системѣ, не повелъ дальнихъ апрошей, а какъ-то оставшись съ ней одинъ въ комнатѣ, обнялъ ее за талію, расцѣловалъ и звалъ очень усердно пройтиться вечеромъ по саду. Она вырвалась изъ его рукъ, хотѣла было кричать; но чувство стыда, но боязнь гласности остановили ее; безъ памяти бросилась она въ свою комнату, и тутъ въ первый разъ вымѣрила всю длину, ширину и глубину своего двусмысленнаго положенія. Раздраженный отказомъ, Бельтовъ началъ ее преслѣдовать своей любовью, дарилъ ей брильянтовый перстень, который она не взяла, обѣщалъ брегетовскіе часы, которыхъ у него не было, и не могъ надивиться, откуда идетъ неприступность красавицы; онъ и ревновать принимался, но не могъ найти къ кому; наконецъ, раздосадованный Бельтовъ прибѣгнулъ къ угрозамъ, къ брани,—и это не помогло. Тогда ему пришла другая мысль въ голову: предложить теткѣ большія деньги за Софи,—онъ былъ увѣренъ, что алчность побѣдитъ ея выставляемое цѣломудріе; но какъ человѣкъ, вѣчно поступавшій очертя голову, онъ намекнулъ о своемъ намѣреніи бѣдной дѣвушкѣ. Разумѣется, это ее испугало болѣе всего прочаго, она бросилась къ ногамъ своей барыни, обливаясь слезами, разсказала ей все и умоляла позволить ѣхать въ Петербургъ. Не знаю, какъ это случилось, но она барыню застала врасплохъ; ста-

руха, не зная Талейранова правила—«никогда не слѣдовать первому побужденію сердца, потому что оно всегда хорошо»—тронулась ея судьбою и предложила ей отпускную за небольшой взносъ двухъ тысячъ рублей. — «Я сама, сказала она ей, заплатила за тебя эти деньги; а кормъ и платье съ тѣхъ поръ потраченные на тебя? Ну, а пока выплатишь деньги, присылай мнѣ какой-нибудь небольшой оброкъ, рублей сто двадцать, и я велю Платошкѣ написать паспортъ; онъ, вѣдь, у меня дуракъ, испортитъ пожалуй листъ, а нынче куды дорога гербовая бумага». Софи согласилась на все, благодарила, обливаясь слезами, барыню и нѣсколько успокоилась. Черезъ недѣлю, Платошка написалъ паспортъ, замѣтилъ въ немъ, что у ней лицо обыкновенное, носъ обыкновенный, ростъ среднiй, ротъ умѣренный, и что особыхъ примѣтъ не оказалось, кромѣ *по французски говоритъ*; а черезъ мѣсяцъ Софи упросила жену управляющаго сосѣднимъ имѣніемъ, ѣхавшую въ Петербургъ положить въ ломбардъ деньги и отдать въ гимназію сына, взять ее съ собою; кибитку нагрузили грибами, вареньемъ, медомъ, мочеными и сушеными ягодами, назначенными въ подарки; жена управляющаго оставила только мѣсто для себя; Софи помѣстилась на какой-то кадкѣ, которая въ продолженіи девятисотъ верстъ напоминала ей, что она сдѣлана не изъ лебяжьяго пуха. Гимназиста усадили на козлахъ; онъ былъ долговязый малый, лѣтъ четырнадцати, курившій нѣженскіе корешки, и болѣе развитый, нежели казалось; онъ всю дорогу ухаживалъ за Софи, и если-бъ не помойнаго цвѣта прищуренные глаза его матери, то онъ, можетъ быть, перещеголялъ бы Бельтова. A propos, Бельтовъ сдѣлалъ опытъ увезти Софи, когда она переѣзжала отъ тетки къ управительшѣ, и вѣроятно бы увезъ, если-бъ кучеръ не нарѣзался пьянъ и не сбился съ дороги. Съ досады и въ первую минуту горькаго сознанія о кислотѣ винограда, Бельтовъ разболталъ свой романъ, не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ, компаніи игроковъ. Онъ представилъ, что тетка его ревнивая, какъ всѣ старухи, насильно услала Софью, влюбленную въ него болѣе, нежели по уши; впрочемъ, онъ отчасти былъ радъ, что она уѣхала и увезла съ собой кой-какіе знаки его вниманія. Извѣстно, что, изъ кочующихъ племенъ въ Европѣ, цыгане и игроки никогда не ведутъ осѣдлой жизни, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что одинъ изъ слушателей Бельтова черезъ нѣсколько дней былъ уже въ Петербургѣ. Онъ находился въ самой тѣсной дружбѣ съ француженкой Жукуръ, содержательницей пансіона. Жукуръ, шнуровавшаяся ежедневно до сорока лѣтъ и носившая платья съ высокимъ воротомъ изъ стыдливости, была неумолимо-строга къ нравственности ближняго. Говоря о томъ, о семъ, она разсказала своему другу, что у ней нанялось

классной дамой престранное существо, придадлежащее NN-ской госпожѣ и говорящее прекрасно по французски. Кочующій другъ расхохотался. «Ба! старая знакомая! это прекрасно! это превосходно—ха, ха, ха, ха,—помилуйте, да я ее тысячу разъ видалъ у Бельтова, куда она таскалась по ночамъ, когда у тетки въ домѣ всѣ спали». Потомъ, ревнуя о репутаціи заведенія, онъ предупредилъ мадамъ Жукуръ насчетъ положенія Софи. Жукуръ была внѣ себя отъ испуга, кричала: quelle démoralisation dans ce pays barbare! забыла отъ негодованія все на свѣтѣ, даже и то, что у привилегированной повивальной бабки, на углу ихъ улицы, воспитывались два ребенка, разомъ родившіеся, изъ которыхъ одинъ былъ похожъ на Жукуръ, а другой на кочующаго друга. Съ горяча она хотѣла послать за квартальнымъ, потомъ ѣхать къ французскому консулу, но разсудила, что это вовсе не нужно, и просто-на-просто прогнала Софи изъ дому самымъ грубымъ образомъ, забывъ въ торопяхъ отдать ей слѣдующія деньги.

Жукуръ разсказала тремъ другимъ содержательницамъ страшную исторію, эти всѣмъ остальнымъ въ Петербургѣ. Куда ни адресовалась бѣдная дѣвушка, вездѣ ей указывали дверь. Она стала искать частнаго мѣста, но гдѣ найти? знакомыхъ нѣтъ. Вышло было какое-то мѣсто въ отъѣздъ и довольно выгодное, но мать, прежде нежели кончила, съѣздила освѣдомиться къ мадамъ Жукуръ,—и потомъ благодарила Провидѣніе за спасеніе дочери. Софи подождала еще недѣлю, пересчитала свои деньги, — у ней было тридцать пять рублей и никакихъ надеждъ; квартира, которую она наняла, была ей не по карману, и она, долго искавъ, переѣхала, наконецъ, въ пятый, если не шестой этажъ огромнаго дома въ концѣ Гороховой, набитаго всякой сволочью. Двумя грязными двориками, имѣвшими видъ какого-то дна не вовсе просохнувшаго озера, надобно было дойти до маленькой двери, едва замѣтной въ колоссальной стѣнѣ; оттуда вела сырая, темная каменная, съ изломанными ступенями, безконечная лѣстница, на которую отворялись, при каждой площадкѣ, двѣ-три двери. Въ самомъ верху, на финскомъ небѣ, какъ выражаются петербургскіе остряки, нанимала комнатку нѣмка старуха; у нея параличъ отнялъ обѣ ноги, и она полутрупомъ лежала четвертый годъ у печки, вязала чулки по буднямъ и читала Лютеровъ переводъ Библіи по праздникамъ. Комнатка была шага въ три; изъ нихъ два казались бѣдной нѣмкѣ совершенной роскошью, и она отдавала ихъ въ наемъ, вмѣстѣ съ окномъ, отъ котораго на полъ аршина возвышалась боковая, некрашенная, кирпичная стѣна другого дома. Софи поговорила съ нѣмкой и наняла этотъ будуаръ; въ этомъ будуарѣ было грязно, черно, сыро и чадно дверь отворялась въ холодный корридоръ, по которому ползали

какія-то дѣти, жалкія, оборванныя, блѣдныя, рыжія, съ глазами, заплывшими золотухой; кругомъ все было биткомъ набито пьяными мастеровыми. Лучшую квартиру въ этомъ этажѣ занимали швеи; никогда не было, по крайней мѣрѣ днемъ, замѣтно, чтобъ онѣ работали, но по образу жизни видно было, что онѣ далеки отъ крайности; кухарка, жившая у нихъ, ежедневно пять разъ бѣгала въ полпивную съ кувшиномъ, у котораго былъ отбитъ носъ... Всѣ старанія найти мѣсто были тщетны: добрая нѣмка просила и хлопотала черезъ единственную свою знакомую и соотечественницу, жившую у кого-то при дѣтяхъ, поразвѣдать, нѣтъ ли какого мѣста? Та обѣщала, но ничего не представилось. Софи рѣшилась на послѣднее: она стала искать мѣста горничной, и нашла было одно, въ цѣнѣ сошлись, но *особая примѣта* въ паспортѣ такъ удивила барыню, что она сказала: «Нѣтъ, голубушка, мнѣ не по состоянію имѣть горничную, которая говоритъ по французски». Софи принялась шить бѣлье. Начальница швей была очень довольна ея строчкой, заплатила ей почти все, что слѣдовало по уговору, и звала къ себѣ напиться чаю, вмѣсто котораго подчивала розовымъ пивомъ; она очень приглашала бѣдную дѣвушку переѣхать къ себѣ; но какой-то внутренній ужасъ остановилъ Софи, и она отказалась. Это очень оскорбило начальницу, и она, съ гордостью захлопнувъ дверь, когда Софи ушла, сказала: «Сама придешь заискивать, дворянка какая важная! У насъ нѣмка изъ Риги живетъ не хуже тебя собой». Вечеромъ начальница съ колкой ироніей отзывалась о бѣдной дѣвушкѣ комиссару, приходившему иногда вечеромъ отдыхать въ пріятномъ обществѣ отъ дневныхъ трудовъ, и такъ заинтересовала его, что онъ немедленно отправился въ комнату нѣмки и спросилъ ее:

«Что, фрау мадамъ, какъ живете-можете? А? пора бы, вѣдь, за ногами!» Нѣмка, торопливо надѣвая чепчикъ, который всегда лежалъ возлѣ нея для непредвидимыхъ случаевъ, отвѣчала:

— «Што тѣлить, Богъ не перебирай!»

«Ну, а гдѣ же эта талпбеевой дѣвка Софья Нѣмчинова?»

— Здѣсь, отвѣчала Софи.

«Гдѣ это тебя угораздило выучиться по французски, а? плутъ дѣвка, должно быть; нутка поговори по французски». Софи молчала.

«Видно не умѣешь? Ну, что-нибудь скажи-ка». Софи молчала, и ея глаза были полны слезъ.

«Фрау мадамъ, что—умѣетъ она по вашему?»

— «Ошень карашо!»

«Не бось, какъ ты въ присядку плясать... а что вы этакъ настоички не держите? я что-то прозябъ».

— «Нѣтъ», отвѣчала нѣмка.

«Плохо,—ну, а это яблоко чье»? (яблоко это принесла знакомая нѣмка старухѣ, и она его берегла съ середы, чтобъ закусить имъ Лютеровъ переводъ Библіи въ воскресенье).

— «Мой», отвѣчала нѣмка.

«Ну, гдѣ тебѣ его раскусить; вотъ, вѣдь, француженка эта съѣстъ у тебя; ну, прощайте», сказалъ комиссаръ, не сдѣлавшій, впрочемъ, никакого вреда, и, очень довольный собою, отправился, съ яблокомъ въ карманѣ, къ швеямъ.

Томно, страшно тянулись дни; несчастная дѣвушка потухала въ этой грязи, оскорбляемая, унижаемая всѣмъ и всѣми. Не будь она такъ развита, можетъ быть, она сладила бы какъ-нибудь, нашлась бы и тутъ; но воспитаніе раскрыло въ ней столько нѣжнаго, деликатнаго, что на нее все окружающее дѣйствовало въ десять разъ сильнѣе. Были минуты такого изнуренія, такого онѣмѣнія силъ, что она, вѣроятно, упала бы глубоко, если-бъ не была защищена отъ паденія той грязной, будничной наружностью, подъ которой порокъ выказывался ей. Были минуты, въ которыя мысль принять яду приходила ей въ голову, она хотѣла себя казнить, чтобъ выйти изъ безвыходнаго положенія; она тѣмъ ближе была къ отчаянію, что не могла себя ни въ чемъ упрекнуть. Были минуты, въ которыя злоба, ненависть наполняли и ея сердце, въ одну изъ такихъ минутъ она схватила перо и, сама не давая себѣ отчета, что дѣлаетъ и для чего, написала, въ какомъ-то торжественномъ гнѣвѣ, письмо къ Бельтову. Вотъ оно:

«Я не хочу удерживаться болѣе. Пишу къ вамъ, пишу для того только, чтобъ имѣть послѣднюю, можетъ быть, радость въ моей жизни—высказать вамъ все презрѣнье мое; я охотно заплачу послѣднія копейки, назначенныя на хлѣбъ, за отправку письма; я буду жить мыслію, что вы прочтете его. Ваши поступки со мной, въ домѣ вашей тетушки, показали мнѣ въ васъ безнравственнаго шалуна, бездушнаго развратника; я еще, разумѣется по неопытности, извиняла васъ дурнымъ воспитаніемъ, кругомъ, въ которомъ вы тратите свою жизнь; я извиняла васъ тѣмъ, что мое странное положеніе вызывало васъ на это. Но клевета, которой вы повершили ихъ, гнусная, подлая клевета, показала мнѣ всю мѣру вашей низости; даже не злодѣйства, а именно низости. Вы рѣшились, изъ мести, изъ мелкаго самолюбія, погубить беззащитную дѣвушку, налгать на нее. И за что? развѣ вы въ самомъ дѣлѣ любили меня? Спросите свою совѣсть... Радуйтесь же, вамъ удалось: вашъ пріятель очернилъ меня здѣсь, меня выгнали, на меня смотрѣли съ презрѣніемъ, мои уши должны были слышать страшныя оскорбленія; наконецъ, я безъ куска хлѣба; а потому, выслушайте отъ меня, что я сама гнушаюсь вами, по-

тому что вы мелкій, презрѣнный человѣкъ; выслушайте это отъ горничной вашей тетки... Какъ мнѣ пріятно думать о безсильно злобѣ, о бѣшенствѣ, съ которыми вы будете читать эти строки; а, вѣдь, вы слывете за порядочнаго человѣка и, вѣроятно, послали бы пулю въ лобъ, если-бъ кто-нибудь изъ равныхъ вамъ сказалъ это».

Бельтовъ, проигравшійся въ пухъ, раздосадованный, валялся передъ чаемъ на диванѣ, когда посланный въ городъ привезъ ему, между прочимъ, и письмо отъ Софи. Онъ не зналъ ея руки; слѣдовательно, не догадался по адресу, отъ кого письмо, и прехладнокровно развернулъ его. При первой строчкѣ, рука его задрожала, но онъ дочиталъ письмо спокойно, всталъ, бережно сложилъ его, потомъ сѣлъ на стулъ и обернулся головою къ окну. Два часа просидѣлъ онъ въ этомъ положеніи; чай давно уже стоялъ на столѣ, и онъ не хлебнулъ еще изъ своего стакана; трубка его давнымъ давно докурилась, и онъ не кликалъ казачка. Когда онъ совершенно пришелъ въ себя, ему показалось, что онъ вынесъ тяжкую, долгую болѣзнь; онъ чувствовалъ слабость въ ногахъ, усталь, шумъ въ ушахъ, провелъ раза два рукою по головѣ, какъ будто щупая, тутъ ли она; ему было холодно, онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, пошелъ въ спальню, выслалъ человѣка и бросился на диванъ совсѣмъ одѣтый... Черезъ часъ онъ позвонилъ; а на другой день, чѣмъ свѣтъ, по плотинѣ возлѣ мельницѣ простучала дорожная коляска, и четверка сильныхъ лошадей дружно подымала ее въ гору; мельники, вышедшіе посмотрѣть, спрашивали: куда это нашъ баринъ? «Да, говорятъ, въ Питеръ», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

А черезъ полгода, по тому же мосту простучала та же коляска назадъ: баринъ воротился съ барыней. Сельскій священникъ, ходившій поздравить Бельтова съ пріѣздомъ, возвратясь домой, съ величайшимъ удивленіемъ говорилъ женѣ:

— «Попадья! а, попадья! знаешь, кто барыня? вотъ что была учительница-то, бывшая у Вѣры Васильевны отъ засѣкинской барыни. Чудны дѣла твои, Господи!»

— Что? не бось, отвѣчала попадья—приступу нѣтъ?

— «Нѣтъ, не хочу лжесвидѣтельствовать», отвѣчалъ священникъ:—«словоохотна и благодушна.»

Тетка, двое сутокъ сердившаяся на Бельтова за его первый пассажъ съ гувернанткой, цѣлую жизнь не могла забыть несноснаго брака своего племянника и умерла, не пуская его на глаза; она часто говорила, что дожила бы до ста лѣтъ, если-бъ этотъ несчастный случай не лишилъ ее сна и аппетита. Видно, ужъ таково устройство женскаго сердца: сама Бельтова не могла изжить страшнаго опыта, перенесеннаго ею до замужества. Есть

нѣжныя и тонкія организаціи, которыя именно отъ нѣжности не перерываются горемъ, уступаютъ ему, повидимому, но искажаются, но принимаютъ въ себя глубоко, ужасно глубоко испытанное, и въ продолженіе всей жизни не могутъ отдѣлаться отъ его вліянія; выстраданный опытъ остается какой то злотворной матеріей, живетъ въ крови, въ самой жизни, и то скроется, то вдругъ обнаруживается съ страшной силой и разлагаетъ тѣло. Именно такая натура была у Бельтовой: ни любовь мужа, ни благотворное вліяніе на него, которое было очевидно, не могли исторгнуть горькаго начала изъ души ея. Она боялась людей, была задумчива, дика, сосредоточна въ себѣ, была худа, блѣдна, недовѣрчива, все чего-то боялась, любила плакать и сидѣла молча цѣлые часы на балконѣ. Года черезъ три, Бельтовъ простудился и дней въ пять умеръ: тѣло его, изнуренное прежней жизнію, не имѣло достаточныхъ силъ побѣдить горячку. Онъ умеръ въ безпамятствѣ. Софи поднесла къ нему двухъ-годоваго мальчика: онъ дико взглянулъ на него, и испуганный ребенокъ потянулся ручонками въ другую комнату. Ударъ этотъ сильно потрясъ Бельтову, она любила этого человѣка за его страстное раскаяніе: она узнала благородную натуру изъ за грязи, которая къ ней пристала отъ окружавшаго ее; она оцѣнила его перемѣну; она любила даже иногда возвращавшіеся порывы буйнаго разгула и дикой необузданности избалованнаго нрава.

Со всей своей болѣзненной раздражительностью обратилась Бельтова, послѣ потери мужа, на воспитаніе малютки; если онъ дурно спалъ ночью,—она вовсе не спала; если онъ казался нездоровымъ,—она была больна; словомъ, она имъ жила, имъ дышала, была его нянькой, кормилицей, люлькой, лошадкой. Но и эта судорожная любовь къ сыну была смѣшана у ней съ чернымъ началомъ ея души. Мысль, что она потеряетъ ребенка, почти безпрестанно вплеталась въ мечты ея: она часто съ отчаяніемъ смотрѣла на спящаго младенца, и когда онъ былъ очень покоенъ, робко подносила трепещущую руку къ устамъ его. Но, вопреки внутреннему голосу матери, какъ она называла болѣзненныя грезы свои, ребенокъ росъ и, если не былъ очень здоровъ, то не былъ и боленъ. Она не выѣзжала изъ Бѣлаго Поля; мальчикъ былъ совершенно одинъ, и, какъ всѣ одинокія дѣти, развился не по лѣтамъ; впрочемъ, и помимо внѣшнихъ вліяній, въ ребенкѣ были видимы несомнѣнные признаки рѣзкихъ способностей и энергическаго характера. Настало время ученія. Бельтова отправилась съ сыномъ въ Москву, для того, чтобъ найти гувернера. У ея покойнаго мужа жилъ въ Москвѣ дядя, оригиналъ большой руки, ненавидимый всей роднею, капризный холостякъ, преумный, препраздный и въ самомъ дѣлѣ пренеснос-

ный своей своеобычностью. Не могу никакъ удержаться, чтобъ не сказать нѣсколько словъ и объ этомъ чудакѣ; меня ужасно занимаютъ біографіи всѣхъ встрѣчающихся мнѣ лицъ. Кажется, будто жизнь людей обыкновенныхъ однообразна,—это только кажется: ничего на свѣтѣ нѣтъ оригинальнѣе и разнообразнѣе біографій неизвѣстныхъ людей, особенно тамъ, гдѣ нѣтъ двухъ человѣкъ, связанныхъ одной общей идеей, гдѣ всякій молодецъ развивается на своей образецъ, безъ задней мысли,—куда вынесетъ! Если-бъ можно было, я составилъ бы біографическій словарь, по азбучному порядку, всѣхъ, напримѣръ, брѣющихъ бороду, сначала; для краткости можно бы выпустить жизнеописанія ученыхъ, литераторовъ, художниковъ, отличившихся воиновъ, государственныхъ людей, вообще людей, занятыхъ общими интересами: ихъ жизнь однообразна, скучна; успѣхи, таланты, гоненія, рукоплесканія, кабинетная жизнь, или жизнь внѣ дома, смерть на полдорогѣ, бѣдность въ старости,—ничего своего, а все принадлежащее эпохѣ. Вотъ поэтому-то я нисколько не избѣгаю біографическихъ отступленій: они раскрываютъ всю роскошь міроздания. Желающій можетъ пропускать эти эпизоды, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ пропуститъ и повѣсть. Итакъ, біографія дядюшки.

Отецъ его—степной помѣщикъ, прикидывавшійся всегда раззореннымъ, ходилъ всю жизнь въ нагольномъ тулупѣ, самъ ѣздилъ продавать въ губернскій городъ рожь, овесъ и гречиху, при чемъ, какъ водится, обмѣривалъ и былъ за это проучаемъ иногда. Однако сына своего, несмотря на разстроенныя обстоятельства, онъ отправилъ въ гвардію, и съ нимъ двѣ четверки лошадей, двухъ поваровъ, камердинера, лакея-гиганта и четырехъ мальчиковъ какъ hors d'œuvre. Въ Петербугѣ находили, что молодой офицеръ прекрасно воспитанъ, то есть, имѣетъ восемь лошадей, не меньшее число людей, двухъ поваровъ и пр. Все шло сначала какъ по маслу; будущій дядюшка сдѣлался гвардіи поручикомъ, какъ вдругъ произошло важное событіе въ его жизни: оно случилось въ семидесятыхъ годахъ. Въ прекрасный зимній день ему вздумалось прокатиться въ саняхъ по Невскому; за Аничковымъ мостомъ его нагнали большія сани тройкой, поравнялись съ нимъ, хотѣли обогнать. Вы знаете сердце русскаго,—поручикъ закричалъ кучеру: «пошелъ!»—«Пошелъ!» закричалъ львинымъ голосомъ высокій, статный мужчина, закутанный въ медвѣжью шубу и сидѣвшій въ другихъ саняхъ. Поручикъ обогналъ. Задыхаясь отъ бѣшенства, при поворотѣ, господинъ въ медвѣжьей шубѣ, державшій въ рукѣ арапникъ, вытянулъ имъ поручичьяго кучера, нарочно зацѣпивъ за барина:

«Не перегонять, бестія!»

— Что вы съ ума сошли? спросилъ офицеръ.

«Я хочу отучить вашего дурака, чтобъ онъ не смѣлъ перегонять».

— Я ему велѣлъ скакать, милостивый государь, и вы понимаете, что я слишкомъ уважаю мундиръ моей государыни, чтобъ позволить запятнать его.

«Ба, какой молодчикъ,—да кто ты такой?»

— Да ты кто? спросилъ поручикъ, готовый броситься на него, какъ звѣрь. Статный мужчина посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, показалъ ему свой кулакъ величиною съ слоновью ногу и сказалъ:

«Въ рукопашный? Нѣтъ, братъ, отстанешь!» потомъ закричалъ кучеру: «пошелъ!»

— Ступай за нимъ! вскрикнулъ поручикъ своему кучеру, прибавивъ слова два, до того всѣмъ извѣстныя, что ихъ и въ лексиконѣ не помѣщаютъ.

Офицеръ дѣйствительно узналъ, гдѣ живетъ этотъ господинъ, однако идти къ нему раздумалъ; онъ рѣшился написать ему письмо и началъ было довольно удачно; но ему какъ нарочно помѣшали: его потребовалъ генералъ, велѣлъ за что-то арестовать; потомъ его перевели въ гарнизонъ Орской крѣпости. Орская крѣпость вся стоитъ на яшмѣ и на благороднѣйшихъ горнокаменныхъ породахъ, тѣмъ не менѣе тамъ очень скучно. Офицеръ взялъ съ собою экземпляръ кребильоновыхъ романовъ и съ такимъ назидательнымъ чтеніемъ отправился на границу Уфимской провинціи. Года черезъ три его опять перевели въ гвардію, но онъ возвратился изъ Орской крѣпости, по замѣчанію знакомыхъ, нѣсколько поврежденнымъ; вышелъ въ отставку, потомъ уѣхалъ въ имѣніе, доставшееся ему послѣ раззореннаго отца, который, кряхтя и ходя въ нагольномъ тулупѣ, для одного, впрочемъ, скругленія, прикупилъ двѣ тысячи пятьсотъ душъ окольныхъ крестьянъ. Тамъ новый помѣщикъ поссорился со всѣми родными и уѣхалъ въ чужіе края. Года три пропадалъ онъ въ англійскихъ университетахъ, потомъ объѣхалъ почти всю Европу, минуя Австрію и Испанію, которыхъ не любилъ; былъ въ связяхъ со всѣми знаменитостями, просиживалъ вечера съ Боннетомъ, толкуя объ органической жизни, и цѣлыя ночи съ Бомарше, толкуя о его процессахъ за бокалами вина; дружески переписывался съ Шлёцеромъ, который тогда издавалъ свою знаменитую газету; ѣздилъ нарочно въ Эрменонвиль къ угасавшему Жанъ-Жаку и гордо проѣхалъ мимо Фернея, не заѣзжая къ Вольтеру. Возвратившись лѣтъ черезъ десять изъ путешествія, онъ попробовалъ пожить въ Петербургѣ. Ему пришлась не по вкусу петербургская жизнь, и онъ поселился въ Москвѣ. Сначала находилъ онъ все страннымъ; потомъ всѣ его стали находить страннымъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ какъ-то потерялся... сталъ читать однѣ медицинскія книги, видимо опускался, стано-

вился озлобленнымъ, капризнымъ, чужимъ всему и ко всему охладѣвшимъ...

Къ нему пріѣхалъ около того времени, какъ Бельтова искала гувернера, рекомендованный однимъ изъ его швейцарскихъ друзей женевецъ, желавшій опредѣлиться въ воспитатели. Женевецъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока, сѣдой, худощавый, съ юными голубыми глазами и съ строгимъ благочестіемъ въ лицѣ. Онъ былъ человѣкъ отлично образованный, славно зналъ по латынѣ, былъ хорошій ботаникъ. Въ дѣлѣ воспитанія мечтатель съ юношескою добросовѣстностью видѣлъ исполненіе долга, страшную отвѣтственность; онъ изучилъ всевозможные трактаты о воспитаніи и педагогіи отъ Эмиля и Песталоцци до Базедова и Николаи; одного онъ не вычиталъ въ этихъ книгахъ,—что важнѣйшее дѣло воспитанія состоитъ въ приспособленіи молодаго ума къ окружающему, что воспитаніе должно быть климатологическое, что для каждой эпохи, такъ, какъ для каждой страны, еще болѣе для каждаго сословія, а, можетъ быть, и для каждой семьи должно быть свое воспитаніе. Этого женевецъ не могъ знать: онъ сердце человѣческое изучалъ по Плутарху; онъ зналъ современность по Мальтъ-Брёну и статистикамъ; онъ въ сорокъ лѣтъ безъ слезъ не умѣлъ читать «Донъ-Карлоса», вѣрилъ въ полноту самоотверженія, не могъ простить Наполеону, что онъ не освободилъ Корсики и возилъ съ собой портретъ Паоли. Правда, и онъ имѣлъ горькія столкновенія съ міромъ практическимъ: бѣдность, неудачи крѣпко давили его, но онъ отъ этого еще менѣе узналъ дѣйствительность. Печальный бродилъ онъ по чуднымъ берегамъ своего озера, негодующій на свою судьбу, негодующій на Европу, и вдругъ воображеніе указало ему на сѣверъ—на новую страну, которая, какъ Австралія въ физическомъ отношеніи, представляла въ нравственномъ что-то слагающееся въ огромныхъ размѣрахъ, что-то иное, новое, возникающее... Женевецъ купилъ себѣ исторію Левека, прочелъ вольтерова «Петра I-го» и черезъ недѣлю пошелъ пѣшкомъ въ Петербургъ. При дѣвственномъ взглядѣ своемъ на міръ, женевецъ имѣлъ какую-то незыблемую основательность, даже своего рода холодность. Холодный мечтатель не исправимъ: онъ останется на вѣки вѣковъ ребенкомъ.

Бельтова познакомилась съ нимъ у дяди; она едва смѣла надѣяться найти идеальнаго гувернера, который сложился у ней въ фантазіи, но женевецъ былъ близокъ къ нему. Она предложила ему (по тогдашнему очень много) четыре тысячи рублей въ годъ. Женевецъ сказалъ, что ему надобно только тысячу двѣсти, и согласился. Бельтова изъявила свое удивленіе; но онъ хладнокровно возразилъ, что онъ съ нея беретъ не менѣе и не болѣе, какъ сколько нужно, что онъ составилъ себѣ бюджетъ въ восемьсот

рублей, да на непредвидѣнные случаи полагаетъ четыреста; «къ роскоши,—прибавилъ онъ,—я пріучаться не хочу, а собирать капиталъ считаю дѣломъ безчестнымъ». И этому-то безумцу ввѣрила мать воспитаніе будущаго обладателя Бѣлымъ Полемъ съ пустошами и угодьями.

Одинъ старикъ-дядя, всѣмъ на свѣтѣ недовольный, былъ и этимъ недоволенъ, и въ то время, какъ Бельтова была внѣ себя отъ радости, дядя (одинъ изъ всѣхъ родныхъ ея мужа, принимавшій ее), говорилъ: «Охъ, Софья, Софья, все ты вздоръ дѣлаешь; женевецъ остался бы преспокойно у меня чтецомъ; что онъ за гувернеръ? За нимъ надо еще няньку, да и что онъ сдѣлаетъ изъ Володи? Швейцарца. Такъ ужъ лучше, по моему, просто тебѣ везти его куда-нибудь въ Вевей или Лозанну»... Софья видѣла въ этихъ словахъ эгоизмъ старика, полюбившаго женевца, и, не желая сердить его, молчала; а потомъ, спустя недѣли двѣ, отправилась съ Володей и съ юношею въ сорокъ лѣтъ назадъ въ свое имѣніе. Дѣло было весною. Женевецъ началъ съ того, что развилъ въ Володѣ страсть къ ботаникѣ. Съ ранняго утра отправлялись они гербаризировать и живой разговоръ замѣнялъ скучные уроки: всякій предметъ, попавшійся на глаза, былъ темою, и Володя съ чрезвычайнымъ вниманіемъ слушалъ объясненія женевца. Послѣ обѣда сидѣли, обыкновенно, на балконѣ, выходившемъ въ садъ, и женевецъ разсказывалъ біографіи великихъ людей, дальнія путешествія, иногда позволялъ въ видѣ награды читать самому Володѣ Плутарха... И время шло и два выбора прошли и пришло время везти Володю въ университетъ. Матери что-то не хотѣлось: она въ эти годы болѣе сдружилась съ кроткимъ счастіемъ, нежели во всю жизнь; ей было такъ хорошо въ этой безмятежной, созвучной жизни, что она боялась всякой перемѣны; она такъ привыкла и такъ любила ждать на своемъ завѣтномъ балконѣ Володю съ дальнихъ прогулокъ; она такъ наслаждалась имъ, когда онъ, отирая потъ съ своего лица, раскраснѣвшійся и веселый, бросался къ ней на шею; она съ такою гордостью, съ такимъ наслажденіемъ смотрѣла на него, что готова была заплакать. Въ самомъ дѣлѣ, видъ Володи имѣлъ въ себѣ что-то трогательное: онъ былъ такъ благороденъ, что-то такое прямое, открытое, довѣрчивое было въ немъ, что смотрящему на него становилось отрадно для себя и грустно за него. Какъ очевидно было, что на этого стройнаго, гибкаго отрока съ свѣтлымъ взоромъ, жизнь не клала ни одного ярма, что чувство страха не посѣщало этой груди, что ложь не переходила чрезъ эти уста, что онъ совсѣмъ не зналъ, что ожидаетъ его съ лѣтами. Женевецъ привязался къ своему ученику почти такъ же, какъ мать; онъ иногда, долго смотрѣвъ на него, опускалъ глаза, полные

слезъ, думая: «и моя жизнь не погибла; довольно, довольно сознанія, что я способствовалъ развитію такого юноши,—меня совѣсть не упрекаетъ».

Какъ все перепутано, какъ все странно на бѣломъ свѣтѣ... Ни мать, ни воспитатель, разумѣется, не думали, сколько горечи, сколько искуса они приготовляютъ Володѣ этимъ отшельническимъ воспитаніемъ. Они сдѣлали все, чтобъ онъ не понималъ дѣйствительности; они рачительно завѣсили отъ него, что дѣлается на сѣромъ свѣтѣ, и, вмѣсто горькаго посвященія въ жизнь, передали ему блестящіе идеалы; вмѣсто того, чтобъ вести на рынокъ и показать жадную нестройность толпы, мечущейся за деньгами, они привели его на прекрасный балетъ и увѣрили ребенка, что эта грація, что это музыкальное сочетаніе движеній съ звуками—обыкновенная жизнь; они приготовили своего рода нравственнаго Каспара Гаузера... Таковъ былъ и женевецъ; но какая разница онъ—бѣдный ученый, готовый переходить съ края на край земного шара, съ небольшой котомкой, съ портретомъ Паоли, съ своими заповѣдными мечтами и съ привычкой довольствоваться малымъ, съ презрѣніемъ къ роскоши и съ готовностію на трудъ; что же въ немъ было схожаго съ назначеніемъ Володи и съ его общественнымъ положеніемъ...

Но какъ ни сдружилась Бельтова съ своей отшельнической жизнію, какъ ни было больно ей оторваться отъ тихаго Бѣлаго Поля, она рѣшилась ѣхать въ Москву. Пріѣхавъ, Бельтова повезла Володю тотчасъ къ дядѣ. Старикъ былъ очень слабъ; она застала его полулежащаго въ вольтеровскихъ креслахъ; ноги были закутаны шалями изъ козьяго пуху; сѣдые и рѣдкіе волосы длинными космами падали на халатъ; на глазахъ былъ зеленый зонтикъ.

— «Ну, ты чѣмъ занимаешься, Владиміръ Петровичъ?» — спросилъ старикъ.

— Готовлюсь въ университетъ, дѣдушка, отвѣчалъ юноша.

— «Въ какой?»

— Въ московскій.

— «Что тамъ дѣлать? Я самъ знакомъ былъ съ Матеемъ, да и съ Геймомъ, — ну, а все кажется бы, въ Оксфордъ лучше; а, Софья? право лучше. А по какой части хочешь ты идти?»

— По юридической, дѣдушка.

Дѣдушка сдѣлалъ презрительную мину.

— «Ну, чтожъ! выучишь le droit naturel, le droit des gens, le code de Justinien, потомъ что?»

— Потомъ,—отвѣчала мать, улыбаясь,—потомъ въ Петербургъ служить.

— «Ха, ха, ха! очень нужно знать Pandectes и всѣ эти glosses! Или, можетъ быть, вы, Владиміръ Петровичъ, въ жюрискон-

сульты собираетесь? Ха, ха, ха! въ адвокаты? Дѣлайте, какъ знаете, а по моему, братецъ, иди по дохтурской части; я тебѣ библіотеку свою оставлю—большая библіотека; я ее держалъ въ хорошемъ порядкѣ и все новое выписывалъ; медицинская наука теперь лучше всѣхъ; ну, вѣдь ближнему будешь полезенъ, изъ за денегъ тебѣ лечить стыдно, даромъ будешь лечить, — а совѣсть-то спокойна».

Зная упорность мнѣній старика, ни Володя, ни мать его не возражали; но женевецъ не вытерпѣлъ и сказалъ:

«Конечно, поприще врача прекрасно, но я не знаю, отчего же Владиміру Петровичу не идти по гражданской части, когда всѣми средствами стараются, чтобъ образованные молодые люди шли въ службу».

— «Онъ выучитъ васъ, да кстати и меня; а я былъ въ Женевѣ, когда онъ еще ползалъ на четверенькахъ, — отвѣчалъ капризный старикъ, — мой милый citoyen de Geneve! А знаете ли вы,—прибавилъ онъ, смягчившись—у насъ въ какомъ-то переводѣ изъ Жанъ-Жака было написано: «Сочиненіе женевскаго *мѣщанина* Руссо»—и старикъ закашлялъ отъ смѣха. Онъ тысячу разъ разсказывалъ объ этомъ переводѣ, и ему всегда казалось, что его слушатель еще не знаетъ. — «Володя, — продолжалъ уже онъ въ веселомъ расположеніи:—не пишешь ли ты виршей?»

— Пробовалъ, дѣдушка,—отвѣчалъ Владиміръ, покраснѣвъ.

— «Пожалуйста, не пиши, любезный другъ; одни пустые люди пишутъ вирши; вѣдь, это futilité; надобно дѣломъ заниматься».

Только послѣдній совѣтъ Владиміръ и исполнилъ: стиховъ онъ не писалъ. Вступилъ же онъ не въ оксфордскій университетъ, а въ московскій, и не по медицинской части, а по этико-политической. Университетъ довершилъ воспитаніе Бельтова. Доселѣ онъ былъ одинъ; теперь попалъ въ шумную семью товарищества. Здѣсь онъ узналъ свой удѣльный вѣсъ, здѣсь онъ встрѣтилъ горячую симпатію юныхъ друзей и, раскрытый ко всему прекрасному, сталъ усердно заниматься науками. Самъ деканъ не былъ равнодушенъ къ нему, находя, что ему не достаетъ только покороче волосъ и побольше почтительнаго благонравія, чтобъ быть отличнымъ студентомъ. Кончился, наконецъ, и курсъ, раздали на актѣ юношамъ подорожныя въ жизнь. Бельтова стала собираться въ Петербургъ; сына она хотѣла отправить впередъ, потомъ, устроивъ свои дѣла, ѣхать за нимъ. Прежде, нежели университетскіе друзья разбрелись по бѣлу-свѣту, собрались они у Бельтова, наканунѣ его отъѣзда; всѣ были еще полны надеждъ; будущность раскрывала свои объятія, манила отчасти какъ Клеопатра, предоставляя себѣ право казни за восторги. Молодые люди чертили себѣ колоссальные планы. Никто не подозрѣвалъ, что

одинъ кончитъ свое поприще начальникомъ отдѣленія, проигрывающимъ все достояніе свое въ преферансъ; другой зачерствѣетъ въ провинціальной жизни и будетъ себя чувствовать нездоровымъ, когда не выпьетъ трехъ рюмокъ зорной настойки передъ обѣдомъ и не проспитъ трехъ часовъ послѣ обѣда; третій—на такомъ мѣстѣ, на которомъ онъ будетъ сердиться, что юноши—не старики, что они не похожи на его экзекутора ни манерами, ни нравственностью, а все пустые мечтатели. Въ ушахъ Бельтова еще раздавались клятвы въ дружбѣ, въ вѣрности мечтамъ, звуки чокающихся бокаловъ,—какъ женевецъ въ дорожномъ платьѣ будилъ его.

Мечтатель мой съ восторгомъ ѣхалъ въ Петербургъ. Дѣятельность, дѣятельность!.. Тамъ-то совершатся его надежды, тамъ-то онъ разовьетъ свои проекты, тамъ узнаетъ дѣйствительность,—въ этомъ средоточіи, изъ котораго выходитъ вся новая жизнь Россіи! Москва, думалъ онъ, совершила свой подвигъ, свела въ себя, какъ въ горячее сердце, всѣ вены государства; она бьется за него; но Петербургъ, Петербургъ—это мозгъ Россіи, онъ вверху, около него ледяной и гранитный черепъ,—это возмужалая мысль имперіи... И рядъ подобныхъ мыслей и метафоръ тянулся въ его головѣ безъ малѣйшей натяжки и съ святою искренностью. А дилижансъ, между тѣмъ, катился отъ станціи до станціи и везъ, сверхъ нашихъ мечтателей, отставного конно-егерскаго полковника, съ сѣдыми усами, архангельскаго чиновника, возившаго съ собою окаменѣлую шамаю, ромашку на случай разстройства здоровья и лакея, одѣтаго въ плѣшивый тулупъ, да свѣтло-бѣлокураго юнкера, у котораго щеки были темнѣе волосъ, и который гордился своимъ вліяніемъ на кондуктора. Для Владиміра всѣ эти лица имѣли новость, праздничный видъ. Онъ добродушно смѣялся надъ архангелогородцемъ, когда тотъ его угощалъ ископаемой шамаей, и улыбался надъ его неловкостью, когда онъ такъ долго шарилъ въ кошелькѣ, чтобъ найти приличную монету отдать за порцію щей, что нетерпѣливый полковникъ платилъ за него; онъ не могъ довольно нарадоваться, что архангельскій житель говорилъ полковнику: «ваше превосходительство», и что полковникъ не могъ рѣшительно выразить ни одной мысли, не начавъ и не окончивъ ее словами, далеко не столь почтительными; ему даже былъ смѣшонъ неуклюжій старичекъ, служившій у архангельскаго проѣзжаго, или, правильнѣе, не умиравшій у него въ услуженіи и переплетенный въ cuir russe, несмотря на холодъ. Юноша на все смотрѣлъ добродушно!

Пріѣздъ его въ Петербургъ и первое появленіе въ свѣтѣ было чрезвычайно успѣшно. Онъ имѣлъ рекомендательное письмо къ одной старой дѣвицѣ съ вѣсомъ; старая дѣвица, увидя прекрас-

наго собой юношу, рѣшила, что онъ очень образованъ и знаетъ прекрасно языки. Ея братъ былъ начальникомъ какой-то отрасли гражданскаго управленія. Она представила ему Владиміра. Тотъ поговорилъ съ нимъ нѣсколько минутъ и, въ самомъ дѣлѣ, былъ пораженъ его простою рѣчью, его многостороннимъ образованіемъ и пылкимъ, пламеннымъ умомъ. Онъ ему предложилъ записать его въ свою канцелярію, самъ поручилъ директору обратить на него особенное вниманіе. Владиміръ принялся рьяно за дѣла; ему понравилась бюрократія, разсматриваемая сквозь призму 19 лѣтъ,— бюрократія хлопотливая, занятая, съ нумерами и регистратурой, съ озабоченнымъ видомъ и кипами бумагъ подъ рукой; онъ видѣлъ въ канцеляріи мельничное колесо, которое заставляетъ двигаться массы людей, разбросанныхъ на половинѣ земнаго шара; онъ все поэтизировалъ.

Пріѣхала, наконецъ, и Бельтова въ Петербургъ. Женевецъ все еще жилъ у нихъ; въ послѣднее время онъ порывался нѣсколько разъ оставить Бельтовыхъ, но не могъ; онъ такъ сжился съ этимъ семействомъ, такъ много удѣлилъ своему Владиміру и такъ глубоко уважалъ его мать, что ему трудно было переступить за порогъ ихъ дома; онъ становился угрюмъ, боролся съ собою,—онъ, какъ мы сказали, былъ холодный мечтатель и, слѣдовательно, неисправимъ. Какъ-то, вечеромъ, вскорѣ послѣ опредѣленія Владиміра на службу маленькая семья сидѣла у камина. Молодой Бельтовъ, у котораго и самолюбіе было развито, и юное сознаніе силъ и готовности,—мечталъ о будущемъ; у него въ головѣ бродили разныя надежды, планы, упованія; онъ мечталъ объ обширной гражданской дѣятельности, о томъ, какъ онъ посвятитъ всю жизнь ей... И среди этихъ увлеченій будущимъ, пылкій юноша вдругъ бросился на шею къ женевцу: «И какъ много обязанъ я тебѣ, истинный добрый другъ нашъ, сказалъ онъ ему, въ томъ, что я сдѣлался человѣкомъ—тебѣ и моей матери я обязанъ всѣмъ, всѣмъ: ты больше для меня, нежели родной отецъ!» Женевецъ закрылъ рукою глаза, потомъ посмотрѣлъ на мать, на сына, хотѣлъ что-то сказать,—ничего не сказалъ, всталъ и вышелъ вонъ изъ комнаты.

Пришедши въ свой небольшой кабинетъ, женевецъ заперъ дверь, вытащилъ изъ-подъ дивана свой пыльный чемоданчикъ, обтеръ его и началъ укладывать свои сокровища, съ любовью пересматривая ихъ. Эти сокровища обличали какъ-то въявь всю безконечную нѣжность этого человѣка. У него хранился бережно завернутый портфель; портфель этотъ, криво и косо сдѣланный, склеилъ для женевца 12-лѣтній Володя къ новому году, тайкомъ отъ него, ночью; сверху онъ налѣпилъ выдранный изъ какой-то книги портретъ Вашингтона. Далѣе у него хранился акварель-

ный портретъ 14-лѣтняго Володи: онъ былъ нарисованъ съ открытой шеей, загорѣлый, съ пробивающейся мыслію въ глазахъ и съ тѣмъ видомъ, полнымъ упованія, надежды, который у него сохранился еще лѣтъ на пять, а потомъ мелькалъ въ рѣдкія минуты, какъ солнце въ Петербургѣ, какъ что-то прошедшее, неприлаживающееся ко всѣмъ прочимъ чертамъ. Еще были у него серебряные математическіе инструменты, подаренные ему старикомъ дядей; его же огромная черепаховая табакерка, на которой было вытиснено изображеніе праздника при федерализаціи, принадлежавшая старику и лежавшая всегда возлѣ него: ее женевецъ купилъ послѣ смерти старика у его камердинера. Уложивъ всѣ эти драгоцѣнности и еще кой-какія въ томъ же родѣ, онъ отобралъ книгъ пятнадцать, остальныя отложилъ. Потомъ, раннимъ утромъ, вышелъ онъ осторожно въ Морскую, призвалъ ломового извозчика, вынесъ съ человѣкомъ чемоданчикъ и книги и поручилъ ему сказать, что онъ поѣхалъ дня на два за городъ, надѣлъ длинный сюртукъ, взялъ трость и зонтикъ, пожалъ руку лакею, который служилъ при немъ, и пошелъ пѣшкомъ съ извозчикомъ; крупныя слезы капали у него на сюртукъ.

Дня черезъ два, Бельтова, чрезвычайно удивленная поѣздкой женевца, но ожидавшая его возвращенія, получила слѣдующее письмо:

«Милостивая государыня! Вчера вечеромъ я получилъ полную награду за труды мои. Повѣрьте, эта минута останется мнѣ памятною; она проводитъ меня до конца жизни, какъ утѣшеніе, какъ мое оправданіе въ моихъ собственныхъ глазахъ, — но съ тѣмъ вмѣстѣ она торжественно заключила мое дѣло, она ясно показала, что учитель долженъ оставить уже собственному развитію воспитанника, что онъ уже скорѣе можетъ повредить своимъ вліяніемъ самобытности, нежели быть полезнымъ. Человѣкъ долженъ цѣлую жизнь воспитываться; но есть эпоха, послѣ которой его не должно воспитывать. Да и что я могу сдѣлать теперь для вашего сына,—онъ опередилъ меня.

«Давно собирался я оставить вашъ домъ; но моя слабость мѣшала мнѣ,—мѣшала мнѣ любовь къ вашему сыну; если-бъ я не бѣжалъ теперь, я никогда бы не съумѣлъ исполнить этотъ долгъ, возлагаемый на меня честью. Вы знаете мои правила: я не могъ ужъ и потому остаться, что считаю унизительнымъ даромъ ѣсть чужой хлѣбъ и, не трудясь, брать ваши деньги на удовлетвореніе своихъ нуждъ. Итакъ, вы видите, что мнѣ слѣдовало оставить вашъ домъ. Разстанемся друзьями, и не будемъ болѣе говорить объ этомъ.

«Когда вы получите это письмо, я буду по дорогѣ въ Финляндію; оттуда я намѣренъ отправиться въ Швецію; буду путе-

шествовать, пока проживу свои деньги, потомъ примусь опять за работу: силы у меня еще найдутся.

«Въ послѣднее время я не бралъ у васъ денегъ; не дѣлайте опыта мнѣ ихъ пересылать, а отдайте половину человѣку, который ходилъ за мною, а половину прочимъ слугамъ, которымъ прошу васъ дружески отъ меня поклониться: я подчасъ доставлялъ много хлопотъ этимъ бѣднымъ людямъ. Оставшіяся книги приметъ отъ меня въ подарокъ Вольдемаръ. Къ нему я пишу особо.

«Прощайте, прощайте, благороднѣйшая и глубоко уважаемая женщина! Да будетъ благословеніе на домѣ вашемъ; впрочемъ, чего желать вамъ, имѣя такого сына? Желаю одного: чтобъ вы и онъ жили долго, очень долго. Вашу руку».

Письмо его къ Владиміру начиналось такъ:

«Не совѣты учителя, а совѣты друга будутъ послѣднею рѣчью къ тебѣ, Вольдемаръ. Ты знаешь, у меня нѣтъ родныхъ, которые мнѣ были бы близки, да нѣтъ и постороннихъ ближе тебя, несмотря на безмѣрное разстояніе лѣтъ. На твоемъ челѣ покоятся мои упованія и надежды. Я стяжалъ, Вольдемаръ, право дать тебѣ дружескій совѣтъ, уѣзжая. Иди дорогой, которую тебѣ указала судьба: она прекрасна; я не боюсь неудачъ и несчастій: они найдутъ въ тебѣ отпоръ и силу, — я боюсь успѣховъ и счастія, ты стоишь на скользкой дорогѣ. Служи дѣлу, но смотри, чтобъ не вышло обратнаго: чтобъ дѣло не служило тебѣ. Не смѣшай, Вольдемаръ, средства съ цѣлью. Одна любовь къ ближнему, одна любовь къ благу должна быть цѣлью. Если любовь изсякнетъ въ душѣ твоей, ты ничего не сдѣлаешь, ты будешь обманывать себя: только любовь созидаетъ прочное и живое, а гордость безплодна, потому что ей ничего не нужно внѣ себя...»

Всего письма не перепишешь: оно въ три почтовые листа.

Такъ исчезъ въ жизни Владиміра этотъ свѣтлый и добрый образъ воспитателя.—«Гдѣ-то нашъ monsieur Joseph?»—часто говаривали мать или сынъ, и они оба задумывались, и въ воображеніи у нихъ носилась его кроткая, спокойная и нѣсколько монашеская фигура, въ своемъ длинномъ дорожномъ сюртукѣ, пропадающая за гордыми и независимыми норвежскими горами.

VII.

Азаисъ доказывалъ (очень скучно), что все въ мірѣ навёрстывается; разумѣется, чтобъ вѣрить этому, не надобно быть слишкомъ строгимъ и придираться къ мелочамъ. Основываясь на этомъ, мы просимъ позволенія, въ видѣ возмездія за потерю мсьё Жозефа, представить Осипа Евсѣича. Осипъ Евсѣичъ былъ худенькой, сѣденькій старичекъ, лѣтъ шестидесяти, въ потертомъ

вицъ-мундирномъ фракѣ, всегда съ довольнымъ видомъ и красными щеками. Онъ тридцать лѣтъ управлялъ четвертымъ столомъ въ той канцеляріи, куда поступилъ Бельтовъ; пятнадцать лѣтъ до того времени онъ провелъ на дворѣ канцеляріи въ почетномъ званіи швейцарова сына, дававшемъ ему аристократическій вѣсъ передъ дѣтьми всѣхъ сторожей. Этотъ человѣкъ всего лучше могъ служить доказательствомъ, что не дальнія путешествія, не университетскія лекціи, не широкій кругъ дѣятельности образуютъ человѣка: онъ былъ чрезвычайно опытенъ въ дѣлахъ, въ знаніи людей и къ тому же такой дипломатъ, что, конечно, не отсталъ бы ни отъ Остермана, ни отъ Талейрана. Отъ природы сметливый, онъ имѣлъ полную возможность и досугъ развить и воспитать свой практическій умъ, сидя съ пятнадцати лѣтъ въ канцеляріи; ему не мѣшали ни науки, ни чтеніе, ни фразы, ни несбыточныя теоріи, которыми мы изъ книгъ развращаемъ воображеніе, ни блескъ свѣтской жизни, ни поэтическія фантазіи. Онъ, переписывая набѣло бумаги и разсматривая въ то же время людей начерно, пріобрѣталъ ежедневно болѣе и болѣе глубокое знаніе дѣйствительности, вѣрное пониманіе окружающаго и вѣрный тактъ поведенія, спокойно проведшій его между канцелярскихъ омутовъ, неказистыхъ, но тинистыхъ и чрезвычайно опасныхъ. Мѣнялись главные начальники, мѣнялись директоры, мелькали начальники отдѣленія, а столоначальникъ четвертаго стола оставался тотъ же, и всѣ его любили, потому что онъ былъ необходимъ и потому что онъ тщательно скрывалъ это. Всѣ отличали его и отдавали ему справедливость, потому что онъ старался совершенно стереть себя; онъ все зналъ, все помнилъ по дѣламъ канцеляріи; у него справлялись какъ въ архивѣ, и онъ не лѣзъ впередъ: ему предлагалъ директоръ мѣсто начальника отдѣленія,—онъ остался вѣренъ четвертому столу; его хотѣли представить къ кресту, — онъ на два года отдалилъ отъ себя крестъ, прося замѣнить его годовымъ окладомъ жалованья, единственно потому, что столоначальникъ третьяго стола могъ позавидовать ему. Таковъ онъ былъ во всемъ: никогда никто изъ постороннихъ не жаловался на его лихоимство; никогда никто изъ его сослуживцевъ не подозрѣвалъ его въ безкорыстіи. Вы можете себѣ представить, сколько разныхъ дѣлъ прошло въ продолженіи сорока пяти лѣтъ черезъ его руки, и никогда никакое дѣло не вывело Осипа Евсѣича изъ себя, не привело въ негодованіе, не лишило веселаго расположенія духа. Онъ отроду не переходилъ мысленно отъ дѣлопроизводства на бумагѣ къ дѣйствительному существованію обстоятельствъ и лицъ; онъ на дѣла смотрѣлъ какъ-то отвлеченно, какъ на сцѣпленіе большого числа отношеній, сообщеній, рапортовъ и запросовъ,

въ известномъ порядкѣ расположенныхъ и по извѣстнымъ правиламъ разросшихся. Продолжая дѣло въ своемъ столѣ, или *сообщая ему движеніе*, какъ говорятъ романтики-столоначальники, онъ имѣлъ въ виду, само собою разумѣется, одну очистку своего стола, и оканчивалъ дѣло у себя, какъ удобнѣе было: справкой въ Красноярскѣ, которая не могла ближе двухъ лѣтъ возвратиться, или заготовленіемъ окончательнаго рѣшенія, или—это онъ любилъ всего больше—пересылкою дѣла въ другую канцелярію, гдѣ уже другой столоначальникъ оканчивалъ по тѣмъ же правиламъ этотъ граппасьянсъ. Онъ до того былъ безпристрастенъ, что вовсе не думалъ, напримѣръ, что могутъ быть лица, которыя пойдутъ по міру прежде, нежели воротится справка изъ Красноярска,—Ѳемида должна быть слѣпа...

Вотъ этотъ-то почтеннѣйшій сослуживецъ Владиміра, мѣсяца черезъ три послѣ его опредѣленія, окончивъ пересмотръ перебѣленныхъ бумагъ и задавъ новаго корма перьямъ четырехъ писцовъ, вынулъ свою серебряную табакерку съ чернью, поднесъ ее помощнику и прибавилъ:

— «Попробуйте-ка, Василій Васильевичъ, ворошатинскаго; пріятель привезъ изъ Владиміра».

— Славный табакъ! возразилъ помощникъ чрезъ минуту, которую онъ провелъ между жизнью и смертью, нюхнувъ большую щепотку сухой свѣтло-зеленой пыли.

— «Что? забираетъ-съ?» сказалъ столоначальникъ, очень довольный тѣмъ, что попортилъ носовую перепонку своего помощника.

— А что, Осипъ Евсѣевичъ, спросилъ помощникъ, болѣе и болѣе приходившій въ себя послѣ паралича отъ ворошатинскаго табаку и утиравшій синимъ платкомъ глаза, носъ, лобъ и даже подбородокъ:—я васъ еще не спросилъ, какъ вамъ понравился вновь опредѣляющійся молодой человѣкъ, изъ Москвы, что-ли?

— «Малой, кажется, бойкій, говорятъ, его *самъ* опредѣлилъ».

— Да-съ, точно, малой умный, отнять нельзя. Я вчера слышалъ, онъ спорилъ съ Павл Павлычемъ; тотъ, знаете, не любитъ возраженій, а Бельтовъ этотъ не въ карманъ за словами ходитъ. Павла Павлычъ началъ сердиться: я, говоритъ, вамъ говорю такъ и такъ,—а Бельтовъ: да помилуйте, вотъ такъ и такъ. Порадовался я, со стороны глядя. Послѣ, какъ Бельтовъ отошелъ, Павла Павлычъ, знаете, пріятелю-то своему говоритъ: «вотъ и держи въ порядкѣ канцелярію, какъ этакихъ насажаютъ; да я, впрочемъ, самъ университетъ; я его отучу своевольничать; мнѣ дѣла нѣтъ, черезъ кого опредѣленъ».

— Эки дѣла! сказалъ столоначальникъ, на котораго разсказъ, повидимому, сдѣлалъ тоже радостное впечатлѣніе: «такъ кто бы ни опредѣлилъ, все равно? Ай-да Павлычъ»!

— «Ну, а что жъ, онъ ему въ глаза-то сказалъ это»?

— Нѣтъ, подъ конецъ онъ что-то по французски только ввернулъ. Признаюсь, какъ я посмотрѣлъ на эту выходку, такъ знаете, что пришло въ голову: вотъ мы съ Осипомъ Евсѣичемъ будемъ все еще также сидѣть на перекоси у четвертаго стола, а онъ переѣдетъ вонъ туда,—онъ показалъ на директорскую.

— «Эхъ, голова, голова ты, Василій Васильичъ!» возразилъ столоначальникъ:—«умнѣй тебя, кажется, въ трехъ столахъ не найдешь, а и ты мелко плаваешь. Я, братъ, на своемъ вѣку довольно видѣлъ матеріала, изъ котораго выходятъ настоящіе дѣловые люди, да правители канцеляріи; въ этомъ фертикѣ на волосъ нѣтъ того, что нужно. Что уменъ-то, да рьянъ,—а на долго ли хватитъ и ума и рьяности его? Хочешь объ закладъ на бутылку полыннаго, что онъ до столоначальника не дотянетъ?»

— Пари держать не хочу, а я вчера читалъ бумаги, имъ писанныя: прекрасно пишетъ, ей-Богу; только въ «Сынѣ Отечества» удавалось читать такой штиль.

— «Видѣлъ и я, у меня глазъ то, правда, и старъ, ну, да не совсѣмъ однако и слѣпъ: формы не знаетъ, да кабы не зналъ по глупости, по непривычкѣ—не велика бѣда; когда-нибудь научился бы, а то изъ ума не знаетъ; у него изъ дѣла выходитъ романъ, а главное-то между палецъ идетъ; отъ кого сообщено, достодолжное ли теченіе, кому переслать, ему все равно; это называется по-русски вершки хватать; а спроси его—онъ насъ, стариковъ, пожалуй, поучитъ. Нѣтъ, братъ, дѣльнаго малаго сразу узнаешь; я сначала самъ было-подумалъ: «кажется, не глупъ; можетъ, будетъ путь; ну, не привыкъ къ службѣ, обойдется, привыкнетъ», а теперь, три мѣсяца всякій день ходитъ и со всякой дрянью носится, горячится, точно отца роднаго, прости Господи, рѣжутъ, а онъ спасаетъ,—ну, куда уйдешь съ этимъ? Видали мы такихъ молодцовъ, не онъ первый, не онъ послѣдній, всѣ они только на словахъ выѣзжаютъ: я-де злоупотребленія искореню, а самъ не знаетъ, какія злоупотребленія и въ чемъ они... Покричитъ, покричитъ, да такъ на всю жизнь чиновникомъ *безъ всякихъ порученій* и останется, а съ дуру надъ нами будетъ подсмѣивать: это-де канцелярскіе, чернорабочіе; а чернорабочіе-то все и дѣлаютъ; въ гражданскую палату просьбу по своему дѣлу надо подать—не умѣетъ, давай чернорабочаго... Трутни!» заключилъ краснорѣчивый столоначальникъ.

Въ самомъ дѣлѣ, столоначальникъ разсуждалъ основательно, и событія какъ нарочно торопились ему на подтвержденіе. Бельтовъ вскорѣ охладѣлъ къ занятіямъ канцеляріи, сталъ раздражителенъ, небреженъ. Управлявшій канцеляріею призывалъ его къ себѣ и говорилъ, какъ нѣжная мать,—не помогло. Его при-

звалъ министръ и говорилъ, какъ нѣжный отецъ, такъ трогательно и такъ хорошо, что экзекуторъ, случившійся при этомъ, прослезился, не смотря на то, что его не легко было тронуть, что знали всѣ сторожа, служившіе подъ его начальствомъ,—и это не помогло. Бельтовъ началъ до того забываться, что оскорблялся именно этимъ родственнымъ участіемъ постороннихъ, именно этими отеческими желаніями его исправить. Словомъ, черезъ три мѣсяца послѣ краснорѣчиваго разговора столоначальника съ его помощникомъ, Осипъ Евсѣичъ гнѣвался на одного писца, что то недоумѣвавшаго, и приговаривалъ: «Да когда же ты научишься? Ну, сколько разъ приходилось тебѣ писать, и всякій разъ для тебя всю черновую составь; все отъ того, что не служба на умѣ, а въ сюртучкѣ по Адмиралтейскому бульвару шляться за мамзелями,—не разъ видалъ... Ну, пиши: «И для свободнаго въ Россійской Имперіи прожитія данъ ему, отставному губернскому секретарю Бельтову, сей паспортъ, за надлежащимъ подписаніемъ и съ приложеніемъ казенной печати... Кончилъ? давай!» И онъ бормоталъ: «изъ двор... душъ... уѣзда... курсъ... штатъ 18 сентября... православнаго... хорошо!» И внизу Осипъ Евсѣичъ скрѣпилъ мельчайшимъ шрифтомъ на самомъ краешкѣ листа. «Поди же, снеси сейчасъ и подай, а когда подпишетъ, въ регистратуру; вотъ печать поставили бы съ боку, видишь, гдѣ написано: «у сего паспорта». Онъ завтра за нимъ придетъ».

— «Что, Василій Васильичъ, не хотѣли на полынную-то держать, а вотъ оно теперь бы и зашли. Нечего сказать, проворенъ»!

— Ровно четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ не дослужилъ до пряжки», остроумно замѣтилъ помощникъ. Столоначальникъ и за нимъ весь столъ его расхохотались.

Этимъ олимпическимъ смѣхомъ окончилось служебное поприще добраго пріятеля нашего, Владиміра Петровича Бельтова. Это было ровно за десять лѣтъ до того знаменитаго дня, когда въ то самое время, какъ у Вѣры Васильевны за столомъ подавали пудингъ, раздался колокольчикъ, Максимъ Ивановичъ не вытерпѣлъ и побѣжалъ къ окну.

Что же дѣлалъ Бельтовъ въ продолженіе этихъ десяти лѣтъ?

Все, или почти все.

Что онъ сдѣлалъ?

Ничего, или почти ничего.

Кто не знаетъ старинной примѣты, что дѣти, слишкомъ много обѣщающія, рѣдко много исполняютъ. Отчего это? Неужели силы у человѣка развиваются въ такомъ опредѣленномъ количествѣ, что если онѣ потребятся въ молодости, такъ къ совершеннолѣтію ничего не останется? Вопросъ премудреный. Я его не умѣю и не хочу разрѣшать; но думаю, что рѣшеніе его на-

добно скорѣе искать въ атмосферѣ, въ окружающемъ, въ вліяніяхъ и соприкосновеніяхъ, нежели въ какомъ-нибудь нелѣпомъ психическомъ устройствѣ человѣка. Какъ бы то ни было, но примѣта исполнилась надъ головой Бельтова. Бельтовъ съ юношеской запальчивостью и съ неосновательностью мечтателя сердился на обстоятельства и съ внутреннимъ ужасомъ доходилъ во всемъ почти до того же послѣдствія, которое такъ краснорѣчиво выразилъ Осипъ Евсѣичъ: «а дѣлаютъ-то одни чернорабочіе», и дѣлаютъ оттого, что барсуки и фараоновы мыши не умѣютъ ничего дѣлать и приносятъ на жертву человѣчеству одно желаніе, одно стремленіе, часто благородное, но почти всегда безплодное...

Однимъ, если не прекраснымъ, то совершенно петербургскимъ утромъ, утромъ, въ которомъ соединились неудобства всѣхъ четырехъ временъ года, мокрый снѣгъ хлесталъ въ окна и въ одиннадцать часовъ утра еще не разсвѣтало, а, кажется, ужъ смеркалось,—сидѣла Бельтова у того же камина, у котораго была послѣдняя бесѣда съ женевцемъ; Владиміръ лежалъ на кушеткѣ съ книгою въ рукѣ, которую читалъ и не читалъ, наконецъ рѣшительно не читалъ, а положилъ на столъ и, долго просидѣвъ въ лѣнивой задумчивости, сказалъ:

«Маменька, знаете, что мнѣ въ голову пришло: вѣдь, дядюшка-то былъ правъ, совѣтуя мнѣ идти по медицинской части. Какъ вы думаете, не заняться ли мнѣ медициной?»

— Какъ хочешь, мой другъ, отвѣчала съ обычной кротостью Бельтова;—одно страшно, Володя, надобно будетъ тебѣ подходить къ больнымъ, а есть прилипчивыя болѣзни.

«Маменька», сказалъ Владиміръ, нѣжно взявъ ея руку и улыбаясь: «какой вы эгоистъ, преисполненный любви! Жить, сложа руки, конечно, безопаснѣе; но я полагаю, что на бездѣйствіе надобно такъ же имѣть призваніе, какъ и на дѣятельность. Не всякій, кто захочетъ, можетъ ничего не дѣлать».

— Попробуй,—отвѣчала мать.

На другой день утромъ Владиміръ явился въ залѣ анатомическаго театра и съ тѣмъ усердіемъ, съ которымъ принялся за дѣла канцеляріи, сталъ заниматься анатоміей. Но онъ въ эту аудиторію не принесъ той чистой любви къ наукѣ, которая его сопровождала въ Московскомъ университетѣ; какъ онъ ни обманывалъ себя, но медицина была для него мѣстомъ бѣгства; онъ въ нее шелъ отъ неудачъ, шелъ отъ скуки, отъ нечего дѣлать; много легло уже разстоянія между веселымъ студентомъ и отставнымъ чиновникомъ, дилетантомъ медицины. Одаренный быстрымъ умомъ, онъ очень скоро наткнулся въ новыхъ занятіяхъ своихъ на тѣ вопросы, на которые медицина учено мол-

чить, и отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ все остальное. Онъ остановился передъ ними и хотѣлъ ихъ взять приступомъ, отчаянной храбростью мысли; онъ не обратилъ вниманія на то, что разрѣшенія эти бываютъ плодомъ долгихъ, постоянныхъ, неутомимыхъ трудовъ; на такіе труды у него не было способности, и онъ примѣтно охладѣлъ къ медицинѣ, особенно къ медикамъ; онъ въ нихъ нашелъ опять своихъ канцелярскихъ товарищей; ему хотѣлось, чтобъ они посвящали всю жизнь разрѣшенію вопросовъ, его занимавшихъ; ему хотѣлось, чтобъ они къ кровати больного подходили, какъ къ высшему священнодѣйствію, а имъ хотѣлось вечеромъ играть въ карты, а имъ хотѣлось практики а имъ было недосугъ.

«Нѣтъ, думалъ Владиміръ—нѣтъ, не хочу быть докторомъ! что я за безсовѣстный человѣкъ, что осмѣлюсь лечить больного при современной разногласицѣ во всѣхъ физіологическихъ вопросахъ. Все практическое въ сторону! Что я за чиновникъ, что я за ученый?—Я... я..., не смѣю признаться, я—артистъ!»

Срисовыя изображенія черепа, Бельтовъ догадался, что онъ художникъ. Вздумано, сдѣлано. Нижнія стекла у оконъ его кабинета завѣсились непроницаемыми тканями: возлѣ двухъ череповъ явилась небольшая Венера; вездѣ выросли, какъ изъ земли, гипсовыя головы съ выраженіемъ ужаса, стыда, ревности доблести, такъ, какъ ихъ понимаетъ ученое ваяніе, т. е. такъ, какъ эти страсти не являются въ натурѣ. Владиміръ перестал стричь волосы и ходилъ цѣлое утро въ блузѣ, этотъ костюмъ пролетарія ему сшилъ аристократъ портной на Невскомъ проспектѣ. Владиміръ сталъ ходить всякую недѣлю въ Эрмитажъ и усердно сидѣть за мольбертомъ... Мать входила иногда на цыпочтахъ, боясь помѣшать будущему Тиціану въ его занятіяхъ. Онъ начиналъ поговаривать объ Италіи и объ исторической картинѣ въ современномъ и сильномъ вкусѣ: онъ обдумывалъ встрѣчу Бирона, ѣдущаго изъ Сибири, съ Минихомъ, ѣдущимъ въ Сибирь; кругомъ зимній ландшафтъ, снѣгъ, кибитки и Волга...

Само собою разумѣется, что и живопись не совсѣмъ удовлетворила Бельтова: въ немъ не доставало довольства занятіемъ; внѣ его не доставало той артистической среды, того живого взаимодѣйствія и обмѣна, который поддерживаетъ художника. Ничто не вызывало его дѣятельности; она была вовсе не нужна и обусловливалась только его личнымъ желаніемъ. Но всего болѣе мѣшали ему прежнія мечты о службѣ, о гражданской дѣятельности. Ничто въ мірѣ не заманчиво такъ для пламенной натуры, какъ участіе въ текущихъ дѣлахъ, въ этой воочію совершающейся исторіи; кто допустилъ въ свою грудь мечты о такой дѣятельности, тотъ испортилъ себя для всѣхъ другихъ областей;

тотъ, чѣмъ бы ни занимался, вездѣ будетъ гостемъ,—его безусловная область не тамъ: онъ внесетъ гражданскій споръ въ искусство, онъ мысль свою нарисуетъ, если будетъ живописецъ, пропоетъ, если будетъ музыкантъ. Переходя въ другую сферу, онъ будетъ себя обманывать, такъ, какъ человѣкъ, оставляющій свою родину, старается увѣрить себя, что все равно, что его родина вездѣ, гдѣ онъ полезенъ,—старается,... а внутри его неотвязный голосъ зоветъ въ другое мѣсто и напоминаетъ иныя пѣсни, иную природу. Темно и отчетливо бродили эти мысли по душѣ Бельтова, и онъ съ завистью смотрѣлъ на какого-нибудь германца, живущаго въ фортепьянахъ, счастливаго Бетховеномъ и изучающаго современность ex fontibus, т. е. по древнимъ писателямъ.

Къ тому же, длинные петербургскіе вечера, въ которые нельзя рисовать... Эти вечера Владиміръ проводилъ очень часто у одной вдовы, страстной любительницы живописи. Вдова была молода, хороша собой, со всей привлекательностью роскоши и высокаго образованія; у нея-то въ домѣ Владиміръ робко проговорилъ первое слово любви и смѣло подписалъ первый вексель на огромную сумму, проигранную имъ въ тотъ счастливый вечеръ, когда, онъ, разсѣянный и упоенный, игралъ, не обращая никакого вниманія на игру; да и до игры ли было? Противъ него сидѣла она, и онъ такъ ясно читалъ въ ея глазахъ любовь, вниманіе!

Не буду вамъ теперь разсказывать всю исторію моего героя; событія ея очень обыкновенны: но они какъ-то не совсѣмъ обыкновенно отражались въ его душѣ. Скажу вкратцѣ, что послѣ опыта любви, на который потратилось много жизни, и послѣ нѣсколькихъ векселей, на которые потратилось довольно много состоянія, онъ уѣхалъ въ чужіе краи—искать разсѣянья, искать впечатлѣній, занятій и проч.; а его мать, слабая и состарѣвшаяся не по лѣтамъ, поѣхала въ Бѣлое-Поле поправлять бреши, сдѣланныя векселями, да уплачивать годовыми заботами своими минутныя увлеченія сына, да копить новыя деньги, чтобъ Володя на чужой сторонѣ ни въ чемъ не нуждался. Все это для Бельтовой было совсѣмъ не легко; она хотя любила сына, но не имѣла тѣхъ способностей, какъ засѣкинская барыня, всегда готовая къ снисхожденію, всегда позволявшая себя обманывать не по небрежности, не по недогадкѣ, а по какой-то нѣжной деликатности, воспрещавшей ей обнаружить, что она видитъ истину. Крестьяне Бѣлаго-Поля молили Бога за свою барыню и платили оброкъ на славу. Бельтовъ писалъ часто къ матери, и тутъ бы вы могли увидѣть, что есть другая любовь, которая не такъ горда, не такъ притязательна, чтобъ исключительно присвоивать себѣ это имя, но любовь, не охлаждающаяся ни лѣтами, ни болѣзнями, которая и въ старыхъ лѣтахъ дрожащими руками открываетъ письмо и

старыми глазами льетъ горькія слезы на дорогія строчки. Письма сына были для Бельтовой источникомъ жизни; они ее подкрѣпляли, тѣшили, и она сто разъ перелистывала каждое письмо.

А письма его были грустны, хотя и полны любви, хотя и много было утаено отъ слабаго сердца матери. Видно было, что скука снѣдаетъ молодого человѣка, что роль зрителя, на которую обрекаетъ себя путешественникъ, стала надоѣдать ему; онъ досмотрѣлъ Европу,—ему ничего не оставалось дѣлать; всѣ возлѣ были заняты, какъ обыкновенно люди дома бываютъ заняты; онъ увидѣлъ себя гостемъ, которому предлагаютъ стулъ, котораго осыпаютъ вѣжливостью, но въ семейныя тайны не посвящаютъ, которому, наконецъ, бываетъ пора идти къ себѣ. Но при одномъ воспоминаніи петербургскихъ похожденій на Бельтова находила хандра, и онъ, не зная за чѣмъ, переѣзжалъ изъ Парижа въ Лондонъ. За нѣсколько мѣсяцевъ передъ пріѣздомъ Бельтова, мать получила отъ него письмо изъ Монпелье; онъ извѣщалъ, что ѣдетъ въ Швейцарію, что нѣсколько простудился въ Пиренейскихъ горахъ, и потому пробудетъ еще дней пять въ Монпелье; обѣщалъ писать, когда выѣдетъ; о возвращеніи въ Россію ни слова. «Нѣсколько простудился», и мать уже начала тревожиться и ждать письма съ дороги. Но проходитъ двѣ недѣли, — письма нѣтъ; проходитъ около мѣсяца,—письма нѣтъ. Бѣдная женщина, она была лишена даже послѣдняго утѣшенія въ разлукѣ — возможности писать съ достовѣрностью, что письмо дойдетъ, и, не зная, дойдутъ ли, для одного облегченія, послала два письма въ Парижъ confiées aux soins de l'ambassade Russe. Ложась спать, она всякій разъ приказывала Дунѣ пораньше отправить кучера верхомъ въ уѣздный городъ справиться, нѣтъ ли письма, хотя она и очень хорошо знала, что почта приходитъ въ недѣлю разъ. Уѣздный почтмейстеръ былъ добрый старикъ, душею преданный Бельтовой; онъ всякій разъ приказывалъ ей доложить, что писемъ нѣтъ, что какъ только будутъ, онъ самъ привезетъ или пришлетъ съ эстафетой,—и съ какимъ тупымъ горемъ слушала мать этотъ отвѣтъ, послѣ тревожнаго ожиданія въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ! Мысль ѣхать самой начинала мелькать въ головѣ ея; она хотѣла уже послать за сосѣдомъ, отставнымъ артиллеріи капитаномъ, къ которому обращалась со всѣми важными юридическими вопросами, напримѣръ, о составленіи учтиваго объясненія, почему нѣтъ запаснаго магазина, и т. п.; она хотѣла теперь выспросить у него, гдѣ берутъ заграничные паспорты, въ казенной палатѣ, или въ уѣздномъ судѣ... И тѣмъ скучнѣе шли дни ожиданія, что на дворѣ была осень, что липы давно пожелтѣли, что сухой листъ хрустѣлъ подъ ногами, что дни цѣлые дождь шелъ будто нехотя, но безпрестанно. Какъ-то разъ подъ вечеръ, дѣ-

вушка, ходившая за Бельтовой, попросилась у нея идти ко всенощной.

«Ступай; да что такое завтра?»

— «Неужели вы изволили забыть, что завтра 17-е сентября, день вашего ангела, богомудрой Софіи и дщерей ея Любви, Вѣры и Надежды!»

«Ступай, Дуня, да помолись и объ Володѣ», сказала Бельтова, и слезы навернулись на глазахъ ея.

Человѣкъ до ста лѣтъ — дитя, да если-бъ онъ и до пятисотъ лѣтъ жилъ, все былъ бы одной стороной своего бытія дитя. И жаль, если-бъ онъ утратилъ эту сторону,—она полна поэзіи. Что такое именины? Почему въ этотъ день ярче чувствуется горе и радость, нежели наканунѣ, нежели потомъ? Не знаю почему, а оно такъ. Не только именины, а всякая годовщина сильно потрясаетъ душу. «Сегодня, кажется, 3-е марта», говоритъ одинъ, боясь пропустить срокъ продажи имѣнія съ публичнаго торга,— «3-е марта», да, 3-е марта, отвѣчаетъ другой, и его дума ужъ за восемь лѣтъ; онъ вспоминаетъ первое свиданіе послѣ разлуки, онъ вспоминаетъ всѣ подробности и съ какимъ-то торжественнымъ чувствомъ прибавляетъ:—ровно восемь лѣтъ! и онъ боится осквернить этотъ день, и онъ чувствуетъ, что это праздникъ, и ему не приходитъ на мысль, что 13-е марта будетъ ровно восемь лѣтъ и десять дней, и что всякій день своего рода годовщина. Такъ было съ Бельтовой. Мысль разлуки, мысль о томъ, что нѣтъ писемъ, стала горче, стала тягостнѣе, при мысли, что Володя не придетъ поздравить ее, что онъ, можетъ быть, забудетъ и тамъ ее поздравить... Она впадала въ задумчивую мечтательность, то воображенію ея представлялось, какъ, лѣтъ за пятнадцать, она въ завтрашній день нашла всю чайную комнату убранную цвѣтами; какъ Володя не пускалъ ее туда, обманывалъ; какъ она догадывалась, но скрыла отъ Володи; какъ мсьё Жозефъ усердно помогалъ Володѣ дѣлать гирлянды; потомъ, ей представлялся Володя въ Монпелье, больной, на рукахъ жаднаго трактирщика, и тутъ она боялась дать волю воображенію идти далѣе, и торопилась утѣшить себя тѣмъ, что, можетъ быть, мсьё Жозефъ съ нимъ встрѣтился тамъ и остался при немъ. Онъ такъ нѣженъ, такъ добръ, такъ любитъ Володю, онъ за нимъ будетъ ходить, онъ строго исполнитъ приказы доктора, онъ будетъ смотрѣть на него, когда онъ уснетъ. Да зачѣмъ же Жозефъ въ Монпелье? Что же? Володя могъ его выписать, какъ друга... Но... И ей опять становилось невыносимо тяжело, и рядъ мрачныхъ картинъ, переплетенныхъ съ свѣтлыми воспоминаніями, тянулся въ душѣ ея всю ночь.

На другой день разные хлопоты заняли и, насколько могли,

развлекали Бельтову. Съ ранняго утра передняя была полна аристократами Бѣлаго-Поля; староста стоялъ впереди въ синемъ кафтанѣ и держалъ на огромномъ блюдѣ страшной величины куличъ, за которымъ онъ посылалъ десятскаго въ уѣздный городъ; куличъ этотъ издавалъ запахъ коноплянаго масла, готовый остановить всякое дерзновенное покушеніе на цѣлость его; около него, по бортику блюда, лежали апельсины и куриныя яйца; между красивыми и величавыми головами нашихъ бородачей, одинъ только земскій отличался костюмомъ и видомъ: онъ не только былъ обритъ, но и порѣзанъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, оттого, что рука его (не знаю, отъ многаго ли письма, или оттого, что онъ никогда не встрѣчалъ прелестное сельское утро, не выпивши на мірской счетъ въ питейномъ домѣ кружечки сивухи) имѣла престранное обыкновеніе трястись, что ему значительно мѣшало отчетливо нюхать табакъ и бриться; на немъ былъ длинный синій сюртукъ и плисовые панталоны въ сапоги, т. е. онъ напоминалъ собою извѣстнаго звѣря въ Австраліи, орниторинха, въ которомъ преотвратительно соединены звѣрь, птица и амфибій. На дворѣ жалобно кричалъ время отъ времени юный теленокъ, поенный шесть недѣль молокомъ: это была гекатомба, которую тоже приготовили крестьяне барынѣ для дня *менинъ*. Бельтова не умѣла съ достодолжной важностью дѣлать выходы; она это знала сама и всегда какъ-то терялась въ этихъ случаяхъ. Послѣ выхода—обѣдня; служили молебенъ; въ самое это время пріѣхалъ артиллерійскій капитанъ; на этотъ разъ онъ явился не юрисконсультомъ, а въ прежнемъ воинственномъ видѣ. Когда шли изъ церкви домой, Бельтова была очень испугана какимъ-то трескомъ. Сосѣдъ привезъ съ собою въ кибиткѣ маленькой фальконетъ и велѣлъ выстрѣлить изъ него въ ознаменованіе радости; лягавая собака Бельтовой, случившаяся при этомъ, какъ глупое животное, никакъ не могла понять, чтобъ можно было безъ цѣли стрѣлять, и изстрадалась вся, бѣгая и отыскивая зайца или тетерева. Воротились домой. Бельтова велѣла подать закуску,—вдругъ раздался звонкій колокольчикъ, и отличнѣйшая почтовая тройка летѣла черезъ мостъ, загнула за гору, исчезла, и, минуты двѣ спустя, показалась вблизи; ямщикъ правилъ прямо къ господскому дому и, лихо подъѣхавъ, мастерски осадилъ лошадей у подъѣзда. Самъ старикъ почтмейстеръ (это былъ онъ), вылѣзая изъ кибитки, не вытерпѣлъ, чтобъ не сказать ямщику:

– Ай-да, Богдашка, собака, истинно собака, можно чести приписать.

Богдашка былъ, разумѣется, доволенъ комплиментами почтмейстера, щурилъ правый глазъ и поправлялъ шляпу, приговаривая:

— «Ужъ если намъ вашему благородію не съусердствовать, такъ ужъ это хуже не надо».

Съ торжественно таинственнымъ видомъ, съ просасывающимся довольствомъ во всѣхъ чертахъ, вошелъ почтмейстеръ въ гостиную и отправился учинить цѣлованіе руки.

— Честь имѣю, матушка Софья Алексѣевна, поздравить съ высокоторжественнымъ днемъ ангела и желаю вамъ добраго здравія... Здравствуйте, Спиридонъ Васильевичъ! (это относилось къ капитану).

«Василью Логиновичу наше почтеніе», отвѣчалъ артиллеристъ.

Василій Логиновичъ продолжалъ:

— А я-съ для вашего ангела осмѣлился подарочекъ привезти вамъ; не взыщите, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ; подарокъ не дорогой—всего портовыхъ и страховыхъ рубль пятнадцать копеекъ, да вѣсовыхъ восемь гривенъ. Вотъ вамъ, матушка, два письмеца отъ Владиміра Петровича: одно, кажись, изъ Монтраше, а другое изъ Женевы, по штемпелю судя. Простите, матушка, грѣшной человѣкъ, недѣльки двѣ первое письмецо, да и другое деньковъ пять, поберегъ ихъ къ нынѣшнему дню; право, только и думалъ: утѣшу, молъ, Софью Алексѣевну для тезоименитства, такъ утѣшу.

Софья Алексѣевна поступила съ почтмейстеромъ точно такъ, какъ знаменитый актеръ Офренъ съ тераменовымъ разсказомъ: она не слушала всей части рѣчи послѣ того, какъ онъ вынулъ письма; она судорожной рукой сняла пакетъ, хотѣла было тутъ читать, встала и вышла вонъ.

Почтмейстеръ былъ очень доволенъ, что чуть не убилъ Бельтову сначала горемъ, потомъ радостью; онъ такъ добродушно потиралъ себѣ руки, такъ вкушалъ успѣхъ сюрприза, что нѣтъ въ мірѣ жестокаго сердца, которое нашло бы въ себѣ силы упрекнуть его за эту шутку и которое бы не предложило ему закусить. На этотъ разъ, послѣднее сдѣлалъ сосѣдъ:

«Вотъ, Василій Логинычъ, оконтузили письмомъ-то, одолжили, нечего сказать! Однако, знаете, пока Софья Алексѣевна бесѣдуетъ съ письмами, оно, вѣдь, не мѣшаетъ и употребить; я очень рано встаю».

Они употребили.

Одно письмо было съ дороги, другое изъ Женевы. Оно оканчивалось слѣдующими строками: «Эта встрѣча, любезная маменька, этотъ разговоръ потрясли меня,—и я, какъ уже писалъ въ началѣ, рѣшился возвратиться и начать службу по выборамъ. Завтра я ѣду отсюда, пробуду съ мѣсяцъ на берегахъ Рейна, оттуда прямо въ Таурогенъ, не останавливаясь... Германія мнѣ страшно надоѣла. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, я только пови-

даюсь съ знакомыми и тотчасъ къ вамъ, милая матушка, къ вамъ въ Бѣлое Поле».

— «Дуня, Дуня, подай поскорѣе календарь! Ахъ, Боже мой, ты гдѣ его ищешь, какая безтолковая! вотъ онъ». И Бельтова бросилась сама за календаремъ и начала отсчитывать, разсчитывать, переводить числа съ новаго стиля на старый, съ стараго на новый, и при всемъ этомъ она уже обдумывала, какъ учредить комнату... Ничего не забыла, кромѣ гостей своихъ; по счастію, они сами вспомнили о себѣ и употребили *по второй*.

— Странное и престранное дѣло! продолжалъ предсѣдатель: кажется, жизнь резиденціи представляетъ столько увеселительныхъ разсѣяній, что молодому человѣку, особенно безбѣдному, трудно соскучиться.

— «Что дѣлать! отвѣчалъ Бельтовъ съ улыбкой», и всталъ, чтобъ проститься.

— А, впрочемъ, поживите и съ нами. Если не встрѣтите здѣсь того блеска и образованія, то, навѣрное, найдете добрыхъ и простыхъ людей, которые гостепріимно примутъ васъ въ средѣ своихъ мирныхъ семействъ.

«Это ужъ конечно-съ, прибавилъ развязный совѣтникъ съ Анной въ петлицѣ: нашъ городокъ-съ, чего другого нѣтъ, а на счетъ гостепріимства Москвы уголокъ-съ!»

— «Я въ этомъ увѣренъ», сказалъ Бельтовъ, откланиваясь.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Вы знаете уже сильную и продолжительную сенсацію, которую произвелъ Бельтовъ на почтенныхъ жителей NN; позвольте же сказать и о сенсаціи, которую произвелъ городъ на почтеннаго Бельтова. Онъ остановился въ гостиницѣ «Кересбергъ», названной такъ, вѣроятно, не въ отличіе отъ другихъ гостиницъ, потому что она одна и существовала въ городѣ, но скорѣе изъ уваженія къ городу, который вовсе не существовалъ. Гостиница эта была надежда и отчаяніе всѣхъ мелкихъ гражданскихъ чиновниковъ въ NN, утѣшительница въ скорбяхъ и мѣсто разгула въ радостяхъ. Направо отъ входа, вѣчно на одномъ мѣстѣ, стоялъ безстрастный хозяинъ за конторкой и передъ нимъ его приказчикъ въ бѣлой рубашкѣ, съ окладистой бородой и съ отчаяннымъ проборомъ противъ лѣваго глаза; въ этой конторкѣ хоронилось, въ первыя числа мѣсяца, больше половины жалованья, полученнаго всѣми столоначальниками, ихъ помощниками и помощниками ихъ помощниковъ (секретари рѣдко ходили, по крайней мѣрѣ, на свой счетъ; съ секретарства, у чиновниковъ къ страсти получать присовокупляется страсть хранить, — они дѣлаются консерваторами). Хозяинъ серьезно и важно пощелкивалъ на счетахъ; проклятая конторка приподнимала свою верхнюю доску, поглощала синенькія и цѣлковые, выбрасывая за нихъ гривенники, пятаки и копейки, потомъ щелкала ключемъ,— и деньги были схоронены. Только въ двухъ случаяхъ притворялась она мертвою, когда къ ея страшной загородкѣ являлся Яковъ Потапычъ—частный приставъ, разумѣется, для того, чтобъ отдать свой долгъ... Иногда заѣзжали въ гостиницу и совѣтники поиграть на бильярдѣ, выпить пуншу, откупорить одну, другую *бутылку*, словомъ, погулять на холостую ногу, потихоньку отъ супруги (холостыхъ совѣтниковъ такъ же не бываетъ, какъ женатыхъ аббатовъ); для достиженія послѣдняго, они недѣли двѣ

разсказывали направо и налѣво о томъ, какъ кутнули. Мелкіе чиновники, при появленіи такихъ сановниковъ, прятали трубки свои за спину (но такъ, чтобъ было замѣтно, ибо дѣло состояло не въ томъ, чтобъ спрятать трубку, но чтобъ показать достодолжное уваженіе), низко кланялись и, выражая мимикой большое смущеніе, уходили въ другія комнаты, даже не окончивши партіи на бильярдѣ, на бильярдѣ, на которомъ, въ часы досужіе отъ картъ, корнетъ Дрягаловъ удивлялъ поразительно смѣлыми шарами и невѣроятными клопштосами.

Содержатель, разбогатѣвшій крестьянинъ изъ подгороднаго села, зналъ, что такое Бельтовъ и какое имѣньице у него, а потому онъ тотчасъ рѣшился отдать ему одну изъ лучшихъ комнатъ трактира; комната эта только давалась особамъ важнымъ, генераламъ, откупщикамъ,—и *потому* повелъ его въ другія. Другія были до такой степени черны и гадки, что, когда хозяинъ привелъ Бельтова въ ту, которую назначилъ, и замѣтилъ: «Кабы эта была не проходная, я бы съ нашимъ удовольствіемъ»,—тогда Бельтовъ сталъ съ жаромъ убѣждать, чтобъ онъ уступилъ ему ее; содержатель, тронутый его краснорѣчіемъ, согласился, и цѣну взялъ не обидную себѣ. Учтивость къ Бельтову усугубилъ почтенный содержатель грубостью всѣмъ прочимъ посѣтителямъ. Комната была дѣйствительно проходная; онъ заперъ дверь и отрѣзалъ парадное сообщеніе между залой и бильярдной, предоставивъ желающимъ ходить черезъ кухню. Большая часть посѣтителей молча подверглась этому испытанію, такъ, какъ прежде подвергалась всѣмъ прочимъ испытаніямъ, которыми судьба считала за нужное награждать ихъ; впрочемъ, нашлись и такіе, которые явно кричали противъ грубо пристрастнаго поступка содержателя. Одинъ засѣдатель, лѣтъ десять тому назадъ служившій въ военной службѣ, собирался сломить кій объ спину хозяина и до того оскорблялся, что логически присовокуплялъ къ ряду энергическихъ выраженій: «Я самъ дворянинъ; ну, чортъ его возьми, отдалъ бы генералу какому-нибудь,—что тутъ дѣлать станешь,—а то молокососу, видите, изъ Парижа пріѣхалъ; да позвольте спросить, чѣмъ я хуже его, я самъ дворянинъ, старшій въ родѣ, медаль 1812...» — Да полно ты, полно, горячая голова, говорилъ ему корнетъ Дрягаловъ, имѣвшій свои виды на счетъ Бельтова. Какъ бы то ни было, но хозяинъ, молча и отшучиваясь, съ апатической твердостью, съ уступчивой непреклонностью русскаго купца, поставилъ на своемъ. Комната, до которой достигнулъ Бельтовъ съ оскорбленіемъ щекотливаго point d'honneur многихъ, могла, впрочемъ, нравиться только послѣ четырехъ ужасныхъ нумеровъ, которыми ловко застращалъ хозяинъ пріѣзжаго; въ сущности она была грязна, неудобна и время отъ

времени наполнялась запахомъ подожженаго масла, который, переплетаясь съ постоянной табачной атмосферой, составлялъ нѣчто такое, что могло бы произвесть тошноту у иного эскимоса, взлелѣяннаго на тухлой рыбѣ.

Первая суета пріѣзда улеглась. Каретныя вещи, сакъ, шкатулка были принесены; и за всѣми тяжестями явился, наконецъ, Григорій Ермолаевичъ, камердинеръ Бельтова, съ послѣдними остатками путевыхъ снадобій, съ кисетомъ, съ неполною бутылкой бордò, съ остатками фаршированной индѣйки; разложивъ все принесенное по столамъ и стульямъ, камердинеръ отправился выпить водки въ буфетъ, увѣряя буфетчика, что онъ въ Парижѣ привыкъ, по окончаніи всякаго дѣла, выпивать большой птиверъ (такъ, какъ въ Россіи начинаютъ тѣмъ же самымъ всѣ дѣла). Толпа чиновниковъ, желавшихъ изъ самаго источника узнать подробности о пріѣзжемъ, облѣпила его, но нельзя не замѣтить, что камердинеръ не очень поддавался и обращался съ ними немного свысока; онъ жилъ нѣсколько лѣтъ за границей и гордо сознавалъ это достоинство. Бельтовъ, между тѣмъ, былъ одинъ; посидѣвши недолго на диванѣ, онъ подошелъ къ окну, изъ котораго видно было полгорода.

Прелестный видъ, представившійся глазамъ его, былъ общій, губернскій, форменный: плохо выкрашенная каланча, съ подвижнымъ полицейскимъ солдатомъ на верху, первая бросилась въ глаза: соборъ древней постройки виднѣлся изъ за длиннаго и, разумѣется, желтаго зданія присутственныхъ мѣстъ, воздвигнутаго въ извѣстномъ стилѣ; потомъ двѣ-три приходскія церкви, изъ которыхъ каждая представляла двѣ-три эпохи архитектуры; древнія византійскія стѣны украшались греческимъ порталомъ, или готическими окнами, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ; потомъ домъ губернатора съ сѣнями, украшенными жандармомъ и двумя-тремя просителями изъ бородачей; наконецъ, обывательскіе дома, совершенно тѣ же, какъ во всѣхъ нашихъ городахъ, съ чахоточными колоннами, прилѣпленными къ самой стѣнѣ, съ мезониномъ, необитаемымъ зимою отъ итальянскаго окна во всю стѣну, съ флигелемъ, закопченнымъ, въ которомъ помѣщается дворня, съ конюшней, въ которой хранятся лошади; дома эти, какъ водится, были куплены вѣжливыми кавалерами на дамскія имена; немного наискось, тянулся гостиный дворъ, бѣлый снаружи, темный внутри, вѣчно сырой и холодный; въ немъ можно было все найти—коленкоры, кисеи, пиконеты,—все, кромѣ того, что нужно купить.

Нѣсколько тронутый картиной, развернувшейся передъ его глазами, Бельтовъ закурилъ сигару и сѣлъ у окна; на дворѣ была оттепель; оттепель всегда похожа на весну, вода капала съ крышъ, по улицамъ бѣжали ручьи талаго снѣга. Будто чувствовалось,

что вотъ, вотъ и природа оживетъ изъ-подо льда и снѣга; но это такъ чувствовалось новичку, который суетно надѣялся въ первыхъ числахъ февраля видѣть весну въ NN. Улица видно знала, что опять придутъ морозы, вьюги, и что до 15/27 мая не будетъ признаковъ листа,—она не радовалась. Сонное бездѣйствіе царило на ней; двѣ-три грязныя бабы сидѣли у стѣны гостинаго двора съ рѣзанью и грушей; онѣ, пользуясь тѣмъ, что пальцы не мерзнутъ, вязали чулки, считали петли и изрѣдка только обращались другъ къ другу, ковыряя въ зубахъ спичками, вздыхая, зѣвая и осѣняя ротъ свой знаменіемъ креста. Не далеко отъ нихъ старикъ купецъ, лѣтъ подъ семьдесятъ, съ сѣдою бородой, въ высокой собольей шапкѣ, спалъ сладкимъ сномъ на складномъ стулѣ. Изрѣдка сидѣльцы перебѣгали изъ лавки въ лавку; нѣкоторые начинали запирать ихъ. Никто, кажется, ничего не покупалъ; даже почти никто не ходилъ по улицамъ; правда, прошелъ квартальный надзиратель, завернувшись въ шинель съ мѣховымъ воротникомъ, быстрымъ дѣловымъ шагомъ, съ озабоченнымъ видомъ и съ бумагой, свернутой въ трубку; сидѣльцы сняли почтительно шляпы, но квартальному было не до нихъ. Потомъ проѣхала какая-то коляска странной формы, похожей на тыкву, изъ которой вырѣзана ровно четверть; тыкву эту везли четыре потертыхъ лошади; гайдукъ-форейторъ и сѣдой сморщившійся кучеръ были одѣты въ сермягахъ, а сзади трясся лакей въ шинели съ галунами цвѣту веръантикъ. Въ тыквѣ сидѣла другая тыква—добрый и толстый отецъ семейства и помѣщикъ, съ какой-то спеціальной ландкартой изъ синихъ жилъ на носу и щекахъ; возлѣ неразрывная спутница его жизни, не похожая на тыкву, а скорѣе на стручекъ перцу, спрятанный въ какой-то тафтяной шалашъ, надѣтый вмѣсто шляпки; противъ нихъ пріятный букетъ изъ сельскихъ трехъ грацій, вѣроятно сладостная надежда маменьки и папеньки, сладостная, но исполняющая заботой ихъ нѣжныя сердца. Проѣхалъ и этотъ подвижной огородъ... Опять настала тишина... Вдругъ изъ переулка раздалась лихая русская пѣсня и черезъ минуту трое бурлаковъ, въ коротенькихъ красныхъ рубашкахъ, съ разукрашенными шляпами, съ атлетическими формами и съ тою удалью въ лицѣ, которую мы всѣ знаемъ, вышли, обнявшись, на улицу; у одного была балалайка, не столько для музыкальнаго тона, сколько для тона вообще; бурлакъ съ балалайкой едва удерживалъ свои ноги; видно было по движенію плечей, какъ ему хочется пуститься въ присядку,—зачѣмъ же дѣло? А вотъ зачѣмъ: изъ-подъ земли, что ли, или изъ-подъ арокъ гостинаго двора явился какой-то хожалый или будочникъ съ палочкой въ рукахъ, и пѣсня, разбудившая на минуту скучную дремоту, разомъ подрѣзанная, остановилась,

только балалайка показалъ палецъ будочнику; почтенный блюститель тишины гордо отправился подъ арку, какъ паукъ, возвращающійся въ темный уголъ, закусивши мушиными мозгами. Тутъ тишина еще болѣе водворилась; стало смеркаться.

Бельтовъ поглядѣлъ,—и ему сдѣлалось страшно, его давило чугунной плитой, ему явнымъ образомъ недоставало воздуха для дыханія, можетъ быть, отъ подожженаго масла съ табакомъ, который проходилъ изъ нижняго этажа. Онъ схватилъ свой картузъ, надѣлъ пальто, заперъ за собой дверь и вышелъ на улицу. Городъ былъ не великъ, и пройти его съ конца въ конецъ было не трудно. Та же пустота вездѣ; разумѣется, ему и тутъ попадались койкакія лица; изнуренная работница съ коромысломъ на плечѣ, босая и выбившаяся изъ силъ, поднималась въ гору по гололедицѣ, задыхаясь и останавливаясь; толстой и привѣтливой наружности попъ, въ домашнемъ подрясникѣ, сидѣлъ передъ воротами и посматривалъ на нее; попадались еще или поджарые подъячіе, или толстый совѣтникъ, — и все это было такъ засалено, дурно одѣто, не отъ бѣдности, а отъ нечистоплотности, и все это шло съ такою претензіей, такъ непросто: титулярный совѣтникъ выступалъ такъ важно, какъ будто онъ сенаторъ римскій,... а коллежскій регистраторъ, будто онъ титулярный совѣтникъ; проскакалъ еще на санкахъ полицiймейстеръ; онъ съ величайшей граціей кланялся совѣтникамъ, показывая озабоченно на бумагу, вдѣтую между петлицъ,—это значило, что онъ ѣдетъ съ *дневнымъ* къ его превосходительству... Прошли, наконецъ, двѣ толстыя купчихи, кухарка несла за ними вѣники и узелокъ; красныя щеки доказывали, что вѣники не напрасно были взяты. Больше никакихъ встрѣчъ не было.

— Что значитъ эта тишина, думалъ Бельтовъ: глубокую думу или глубокое бездумье, грусть или, просто, лѣнь?—Не поймешь. И отчего мнѣ эта тишина такъ тягостна, что хоть бы повернуть оглобли; отчего она меня такъ давитъ? Я люблю тишину. Тишина на морѣ, въ селѣ, даже просто на полѣ, на ровномъ вдаль идущемъ полѣ, наполняетъ меня особымъ поэтическимъ благочестіемъ, кроткимъ самозабвеніемъ. Здѣсь не то. Тамъ — ширь съ этимъ безмолвіемъ, а здѣсь все давитъ, а здѣсь тѣсно, мелко, кругомъ жалкія строенія, еще бы развалины, а то подкрашенныя, подбѣленныя,... да гдѣ же жители? Приступомъ, что ли, взяли вчера этотъ городъ, моръ, что ли, посѣтилъ его? Ничего не бывало: жители дома, жители отдыхаютъ; да когда же они трудились?.. И Бельтовъ невольно переносился въ шумныя, кипящія народомъ улицы другихъ городковъ, не столько патріархальныхъ и болѣе преданныхъ суетѣ мірской. Онъ началъ ощущать ту неловкость, которая обыкновенно сопровождаетъ ложный шагъ въ жизни, осо-

бенно, когда мы начинаемъ сознавать его, и печально отправился домой. Когда онъ подходилъ къ гостиницѣ, густой протяжный звукъ колокола раздался изъ подгороднаго монастыря; въ этомъ звонѣ напомнилось Владиміру что-то давнопрошедшее, онъ пошелъ было на звонъ, но вдругъ улыбнулся, покачалъ головой и скорыми шагами отправился домой. Бѣдная жертва вѣка, полнаго сомнѣніемъ, не въ NN тебѣ сыскать покой!

Черезъ нѣсколько дней, которые Бельтовъ провелъ въ глубокомысленномъ чтеніи и изученіи Устава о дворянскихъ выборахъ, онъ, одѣвшись съ нѣкоторой тщательностью, отправился дѣлать нужнѣйшіе визиты. Часа черезъ три онъ возвратился съ сильной головной болью, примѣтно разстроенный и утомленный, спросилъ мятной воды и примочилъ голову одеколономъ; одеколонъ и мятная вода привели немного въ порядокъ его мысли, и онъ одинъ, лежа на диванѣ, то морщился, то чуть не хохоталъ. У него въ головѣ шла репетиція всего видѣннаго, отъ передней начальника губерніи, гдѣ онъ очень пріятно провелъ нѣсколько минутъ съ жандармомъ, двумя купцами первой гильдіи и двумя лакеями, которые здоровались и прощались со всѣми входящими и выходящими весьма оригинальными привѣтствіями, говоря: «съ прошедшимъ праздничкомъ», причемъ они, какъ гордые британцы, протягивали руку, ту руку, которая имѣла счастіе ежедневно подсаживать генерала въ карету, — до гостиной губернскаго предводителя, въ которой почтенный представитель блестящаго NN-скаго дворянства увѣрялъ, что нельзя нигдѣ такъ научиться гражданской формѣ, какъ въ военной службѣ, что она даетъ человѣку главное; конечно, имѣя главное, остальное пріобрѣсти ничего не значитъ. Потомъ онъ признался Бельтову, что онъ истинный патріотъ, строитъ у себя въ деревнѣ каменную церковь и терпѣть не можетъ эдакихъ дворянъ, которые, вмѣсто того, чтобъ служить въ кавалеріи и заниматься устройствомъ имѣнія, играютъ въ карты, держатъ француженокъ и ѣздятъ въ Парижъ; все это вмѣстѣ должно было представить нѣчто въ родѣ колкости Бельтову. Рядъ лицъ, видѣнныхъ Бельтовымъ, не выходилъ у него изъ головы. То ему представлялся губернскій прокуроръ, который въ три минуты успѣлъ ему шесть разъ сказать: «вы сами человѣкъ съ образованіемъ, вы понимаете, что для меня г. губернаторъ постороннее лицо: я пишу прямо къ министру юстиціи, министръ юстиціи—это генералъ-прокуроръ. Губернаторъ хорошъ—и я для его пр-ва все, что могу, «читалъ, читалъ, читалъ» да и кончено; онъ—иначе,—и я ему съ полнымъ уваженіемъ, какъ слѣдуетъ высокому сану; ну да ужъ больше ничего, меня заставить нельзя; я не совѣтникъ губернскаго правленія». При этомъ онъ каждый разъ нюхалъ изъ кольчатой се-

ребряной табакерки рульный табакъ, наружностью разительно похожій на французскій, но отличавшійся отъ него сквернымъ запахомъ. То предсѣдатель гражданской палаты, худой, высокій, тощій, скупой и нечистый, доказывавшій грязью свое безкорыстіе. То генералъ Хрящовъ, окруженный двумя отрѣшенными отъ должности исправниками, бѣдными помѣщиками, лягавыми собаками, псарями, дворней, тремя племянницами и двумя сестрами; генералъ у него въ воспоминаніяхъ кричалъ такъ же, какъ у себя въ комнатѣ, высвистывалъ изъ передней Митьку и съ величайшимъ человѣколюбіемъ обходился съ лягавой собакой. То нашъ знакомый предсѣдатель уголовной палаты, Антонъ Антоновичъ, въ халатѣ цвѣта лягушечьей спинки, съ своимъ совѣтникомъ съ Анной въ петлицѣ. Когда мало-по-малу это почтенное общество лицъ отступило въ головѣ Бельтова на второй планъ, и всѣ они слились въ одно фантастическое лицо какого-то колоссальнаго чиновника, насупившаго брови, нерѣчистаго, уклончиваго, но который постоитъ за себя, Бельтовъ увидѣлъ, что ему не совладать съ этимъ Голіаѳомъ, и что его не только не собьешь съ ногъ обыкновенной пращей, но и гранитнымъ утесомъ, стоящимъ подъ монументомъ Петра I.

Странное дѣло—Бельтовъ, съ тѣхъ поръ, какъ отправился въ чужіе края, жилъ много и мыслію, и страстями, раздраженіемъ мозга и раздраженіемъ чувствъ. Жизнь даромъ не проходитъ для людей, у которыхъ пробудилась хоть какая-нибудь сильная мысль... Все ничего, сегодня идетъ, какъ вчера, все очень обыкновенно, а вдругъ обернешься назадъ и съ изумленіемъ увидишь, что разстояніе пройдено страшное, нажито, прожито бездна. Такъ и было съ Бельтовымъ: онъ нажилъ и прожилъ бездну; но не установился. Бельтовъ во второй разъ встрѣтился съ дѣйствительностію при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ канцеляріи,—и снова струсилъ передъ ней. У него недоставало того практическаго смысла, который выучиваетъ человѣка разбирать связный почеркъ живыхъ событій; онъ былъ слишкомъ разобщенъ съ міромъ, его окружавшимъ. Причина этой разобщенности Бельтова понятна; Жозефъ сдѣлалъ изъ него человѣка вообще, какъ Руссо изъ Эмиля; университетъ продолжалъ это общее развитіе; дружескій кружокъ изъ пяти-шести юношей, полныхъ мечтами, полныхъ надеждами настолько большими, насколько имъ еще была неизвѣстна жизнь за стѣнами аудиторіи, — болѣе и болѣе поддерживалъ Бельтова въ кругу идей не свойственныхъ, чуждыхъ средѣ, въ которой ему приходилось жить. Наконецъ, двери школы закрылись и дружескій кругъ, вѣчный и домогильный, блѣднѣлъ, блѣднѣлъ и остался только въ воспоминаніяхъ, или воскресалъ при случайныхъ и ненужныхъ встрѣчахъ, да при бокалахъ вина.

Открылись другія двери, немного со скрипомъ. Бельтовъ прошелъ въ нихъ и очутился въ странѣ, совершенно ему неизвѣстной, до того чуждой, что онъ не могъ приладиться ни къ чему; онъ не сочувствовалъ ни съ одной дѣйствительной стороной около него кипѣвшей жизни; онъ не имѣлъ способности быть хорошимъ помѣщикомъ, отличнымъ офицеромъ, усерднымъ чиновникомъ,—а затѣмъ въ дѣйствительности оставались только мѣста праздношатающихся, игроковъ и кутящей братіи вообще. Къ чести нашего героя должно признаться, что къ послѣднему сословію онъ имѣлъ побольше симпатіи, нежели къ первымъ, да и тутъ ему нельзя было распахнуться: онъ былъ слишкомъ развитъ, а развратъ этихъ господъ слишкомъ грязенъ, слишкомъ грубъ. Побился онъ съ медициной да съ живописью, покутилъ, поигралъ да и уѣхалъ въ чужіе края. Дѣла, само собою разумѣется, и тамъ ему не нашлось; онъ занимался безсистемно, занимался всѣмъ на свѣтѣ, удивлялъ нѣмецкихъ спеціалистовъ многосторонностью русскаго ума; удивлялъ французовъ глубокомысліемъ, и въ то время, какъ нѣмцы и французы дѣлали много, онъ—ничего, онъ тратилъ свое время, стрѣляя изъ пистолета въ тирѣ, просиживая до поздней ночи у ресторановъ и отдаваясь тѣломъ, душею и кошелькомъ какой-нибудь лореткѣ.

Такая жизнь не могла, наконецъ, не привести къ болѣзненной потребности дѣла. Несмотря на то, что среди видимой праздности, Бельтовъ много жилъ и мыслію и страстями, онъ сохранилъ отъ юности отсутствіе всякаго практическаго смысла въ отношеніи своей жизни. Вотъ причина, по которой Бельтовъ, гонимый тоскою по дѣятельности, во-первыхъ, принялъ прекрасное и достохвальное намѣреніе служить по выборамъ, и, во-вторыхъ, не только удивился, увидѣвъ людей, которыхъ онъ долженъ былъ знать со дня рожденія, или о которыхъ ему слѣдовало бы справиться, вступая съ ними въ такія близкія сношенія, но былъ до того ошеломленъ ихъ языкомъ, ихъ манерами, ихъ образомъ мыслей, что готовъ былъ безъ всякихъ усилій, безъ боя отказаться отъ предположенія, занимавшаго его нѣсколько мѣсяцевъ.

Счастливъ тотъ человѣкъ, который продолжаетъ начатое, которому преемственно передано дѣло: онъ рано пріучается къ нему, онъ не тратитъ полжизни на выборъ, онъ сосредоточивается, ограничивается для того, чтобъ не расплыться,—и производитъ. Мы чаще всего начинаемъ вновь, мы отъ отцовъ своихъ наслѣдуемъ только движимое и недвижимое имѣніе, да и то плохо хранимъ; оттого по большей части мы ничего не хотимъ дѣлать, а если хотимъ, то выходимъ на необозримую степь, иди, куда хочешь, во всѣ стороны—воля вольная, только никуда не дойдешь: это наше многостороннее бездѣйствіе, наша дѣятельная лѣнь. Бельтовъ совер-

шенно принадлежалъ къ подобнымъ людямъ; онъ былъ лишенъ совершеннолѣтія, несмотря на возмужалость своей мысли, словомъ, теперь, за тридцать лѣтъ отроду, онъ, какъ шестнадцатилѣтній мальчикъ, *готовился* начать свою жизнь, не замѣчая, что дверь, ближе и ближе открывавшаяся, не та, черезъ которую входятъ гладіаторы, а та, въ которую выносятъ ихъ тѣла.— «Конечно, Бельтовъ во многомъ виноватъ». — Я совершенно съ вами согласенъ; а другіе думаютъ, что есть за людьми вины лучше всякой правоты. Такъ на свѣтѣ все превратно.

Не прошло и мѣсяца послѣ водворенія Бельтова въ NN, какъ онъ успѣлъ уже пріобрѣсти ненависть всего помѣщичьяго круга, что не мѣшало, впрочемъ, и чиновникамъ, съ своей стороны, его ненавидѣть. Въ числѣ ненавидѣвшихъ были такіе, которые его въ глаза не знали; другіе, если и знали, то не имѣли никакихъ сношеній съ нимъ; это была съ ихъ стороны ненависть чистая, безкорыстная; но и самыя безкорыстныя чувства имѣютъ какую-нибудь причину. Причину нелюбви къ Бельтову разгадать не трудно. Помѣщики и чиновники составляли свои, болѣе или менѣе замкнутые круги, но круги близкіе, родственные; у нихъ были свои интересы, свои ссоры, свои партіи, свое общественное мнѣніе, свои обычаи, общіе, впрочемъ, помѣщикамъ всѣхъ губерній и чиновникамъ всей имперіи. Пріѣзжай въ NN совѣтникъ изъ RR, онъ въ недѣлю былъ бы дѣятельный и уважаемый членъ и собратъ; пріѣзжай уважаемый другъ нашъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, и полиціймейстеръ сдѣлалъ бы для него попойку, и другіе пошли бы плясать около него и стали бы его называть мамочкой,—такъ очевидно поняли бы они родство свое съ Павломъ Ивановичемъ. Но Бельтовъ... Бельтовъ—человѣкъ, вышедшій въ отставку, не дослуживши четырнадцати лѣтъ и шести мѣсяцевъ до знака, какъ замѣтилъ помощникъ столоначальника, любившій все то, чего эти господа терпѣть не могутъ, читавшій вредныя книжонки все то время, когда они занимались полезными картами, скиталецъ по Европѣ, чужой дома, чужой и на чужбинѣ, аристократическій по изяществу манеръ и человѣкъ XIX вѣка по убѣжденіямъ,—какъ его могло принять провинціальное общество? Онъ не могъ войти въ ихъ интересы, ни они въ его, и они его ненавидѣли, понявъ чувствомъ, что Бельтовъ—протестъ, какое-то обличеніе ихъ жизни, какое-то возраженіе на весь порядокъ ея. Ко всему этому присовокупилось множество важныхъ обстоятельствъ. Онъ сдѣлалъ мало визитовъ, онъ сдѣлалъ ихъ поздно, онъ всюду ѣздилъ по утрамъ въ сюртукѣ, онъ губернатору рѣже обыкновеннаго говорилъ: ваше превосходительство, а предводителю, оставному драгунскому ротмистру и вовсе не говорилъ, несмотря на то, что онъ по мѣсту былъ временно

превосходительный; онъ съ своимъ камердинеромъ обращался такъ вѣжливо, что это оскорбляло гостя; онъ съ дамами говорилъ, какъ съ людьми, и вообще изъяснялся «слишкомъ вольно». Присовокупите къ этому, что въ низшемъ слою бюрократіи онъ былъ потерянъ въ первый день пріѣзда, вмѣстѣ съ прямымъ ходомъ въ бильярдную. Само собой разумѣется, ненависть къ Бельтову была настолько учтива, что давала себѣ волю за глаза, въ глаза же она окружала свою жертву такимъ тупымъ и грубымъ вниманіемъ, что ее можно было принять за простую любовь. Всякій старался имѣть пріѣзжаго въ своемъ домѣ, чтобъ похвастаться знакомствомъ съ нимъ, чтобъ стяжать право десять разъ въ разговорѣ ввернуть: «вотъ, когда Бельтовъ былъ у меня... я съ нимъ...» ну и, какъ водится, въ заключеніе какая-нибудь невинная клевета.

Всѣ мѣры были взяты добрыми NN-цами, чтобъ на выборахъ прокатить Бельтова *на вороныхъ* или почтить его избраніемъ въ такую должность, которую добровольно мудрено принять. Онъ сначала не замѣчалъ ни ненависти къ себѣ, ни этихъ парламентскихъ козней, потомъ сталъ догадываться и рѣшился самоотверженно идти до конца... Но не бойтесь, по причинамъ, очень мнѣ извѣстнымъ, но которыя изъ авторской уловки хочу скрыть, я избавляю читателей отъ дальнѣйшихъ подробностей и описаній выборовъ NN; на этотъ разъ меня манятъ другія событія—частныя, а не служебныя.

II.

Вы, вѣрно, давнымъ давно забыли о существованіи двухъ юныхъ лицъ, оттертыхъ на далекое разстояніе длиннымъ эпизодомъ,—о Любонькѣ и о скромномъ, миломъ Круциферскомъ. А между тѣмъ, въ ихъ жизни совершилось очень много: мы ихъ оставили почти женихомъ и невѣстой, мы ихъ встрѣтимъ теперь мужемъ и женою; мало этого, они ведутъ за руку трехлѣтняго bambino, маленькаго Яшу.

Разсказывать объ этихъ четырехъ годахъ нечего; они были счастливы, свѣтло, тихо шло ихъ время; счастье любви, особенно любви полной, увѣнчанной, лишенной тревожнаго ожиданія — тайна, тайна, принадлежащая двоимъ; тутъ третій—лишній, тутъ свидѣтель не нуженъ; въ этомъ исключительномъ посвященіи только двоихъ лежитъ особая прелесть и невыразимость любви взаимной. Разсказывать внѣшнюю исторію ихъ жизни можно, но не стоитъ труда; ежедневныя заботы, недостатокъ въ деньгахъ, ссоры съ кухаркой, покупка мебели, вся эта внѣшняя пыль садилась на нихъ, какъ и на всѣхъ, досаждала собою, но была

безслѣдно стерта черезъ минуту и едва сохранялась въ памяти. Круциферскій получилъ черезъ Крупова мѣсто старшаго учителя въ гимназіи, давалъ уроки, попадалъ, разумѣется, и на такихъ родителей, которые платили сполна, — скромно, стало-быть, они могли жить въ NN, а иначе имъ и жить не хотѣлось.

Алексѣй Абрамовичъ, сколько его ни убѣждалъ Круповъ, болѣе десяти тысячъ не далъ въ приданое, но зато рѣшительно взялъ на себя обзаведеніе молодыхъ; эту трудную задачу онъ разрѣшилъ довольно удачно: онъ перевезъ къ нимъ все то изъ своего дома и изъ кладовой, что было для него совершенно не нужно, полагая, вѣроятно, что именно это-то и нужно молодымъ. Такимъ образомъ, историческая коляска, о которой думалъ Алексѣй Абрамовичъ въ то самое время, въ которое Глафира Львовна думала о несчастной дочери преступной любви, состарѣвшаяся, осунувшаяся, порыжѣвшая, съ сломанной рессорой и съ значительной раной на боку, была доставлена съ большими затрудненіями на маленькій дворикъ Круциферскаго; сарая у него не было, и коляска долго служила пріютомъ кроткихъ куръ. Алексѣй Абрамовичъ и лошадь отправилъ было къ нему, но она на дорогѣ скоропостижно умерла, чего съ нею ни разу не случалось въ продолженіи двадцатилѣтней безпорочной службы на конюшнѣ генерала; время ли ей пришло, или ей обидно показалось, что крестьянинъ, выѣхавъ изъ виду барскаго дома, заложилъ ее въ корень, а свою на пристяжку, только она умерла; крестьянинъ былъ такъ пораженъ, что мѣсяцевъ шесть находился въ бѣгахъ. Но одинъ изъ лучшихъ подарковъ былъ сдѣланъ утромъ въ день отъѣзда молодыхъ. Алексѣй Абрамовичъ велѣлъ позвать Николашку и Палашку—молодого чахоточнаго малаго лѣтъ 25 и молодую дѣвку, очень рябую. Когда они вошли, Алексѣй Абрамовичъ принялъ важный и даже грозный видъ: «Кланяйтесь въ ноги!» сказалъ генералъ: «и поцѣлуйте ручку у Любови Александровны и у Дмитрія Яковлевича». Послѣднее порученіе не легко было исполнить: сконфуженная молодая чета прятала руки, краснѣла, цѣловалась и не знала, что начать. Но глава общины продолжалъ: «Это ваши новые господа»—слова эти онъ произнесъ громко, голосомъ, приличнымъ такому важному извѣщенію:—«служите имъ хорошо, и вамъ будетъ хорошо (вы помните, что это ужъ повтореніе)! Ну, а вы ихъ жалуйте, да будьте къ нимъ милостивы, если хорошо себя поведутъ, а зашалятъ, пришлите ко мнѣ; у меня такая гимназія для баловней, возвращу шолковыми. Баловать тоже не надобно. Вотъ моя хлѣбъ-соль на дорогу; а то я знаю, вы къ хозяйству люди не пріобыкшіе, гдѣ вамъ ладить съ вольными людьми; да и вольный человѣкъ у насъ бестія, знаетъ, что съ нимъ ничего, что возьметъ паспортъ, да

какъ баринъ какой и пойдетъ по переднимъ искать другого мѣста. — Ну, кланяйтесь-же, и вонъ!» краснорѣчиво заключилъ генералъ. Николашка съ Палашкой чебурахнулись еще разъ въ ноги и вышли. Тѣмъ и окончилась исторія вступленія ихъ въ новое владѣніе. Въ тотъ же день перебрались наши молодые въ городъ, въ сопровожденіи кашлявшаго Николашки и барельефной Палашки.

Жизнь Круциферскихъ устроилась прекрасно. Они такъ мало дѣлали требованій на внѣшнее, такъ много были довольны собою, такъ проникались взаимной симпатіей, что ихъ трудно было не принять за иностранцевъ въ NN; они вовсе не были похожи на все, что окружало ихъ. Очень замѣчательная вещь, что есть добрые люди, считающіе насъ вообще и провинціаловъ въ особенности патріархальными, по преимуществу семейными, а мы нашу семейную жизнь не умѣемъ перетащить черезъ порогъ образованія, и еще замѣчательнѣе, можетъ быть, что остывая къ семейной жизни, мы не пристаемъ ни къ какой другой; у насъ не личность, не общіе интересы развиваются, а только семья глохнетъ. Въ семейной жизни у насъ какая-то формальная офиціальность; то только въ ней и есть, что показывается какъ въ театральной декораціи, и не брани мужъ свою жену, да не притѣсняй родители дѣтей, нельзя было бы и догадаться, что̀ общаго имѣютъ эти люди и зачѣмъ они надоѣдаютъ другъ другу, а живутъ вмѣстѣ. Кто хочетъ у насъ радоваться на семейную жизнь, тотъ долженъ ее искать въ гостиной, а въ спальню не ходить; мы не нѣмцы, добросовѣстно счастливые во всѣхъ комнатахъ лѣтъ тридцать сряду. Бываютъ исключенія, и такое-то исключеніе представляла наша чета. Они учредились просто, скромно, не знали, какъ другіе живутъ, и жили по крайнему разумѣнію; они не тянулись за другими, не бросали послѣднія тощія средства свои, чтобъ оставить себя въ подозрѣніи богатства, они не натягивали двадцать, тридцать ненужныхъ знакомствъ; словомъ, часть искусственныхъ веригъ, взаимныхъ ланкастерскихъ гоненій, называемыхъ «общежитіемъ», надъ которымъ всѣ смѣются и выше котораго никто не смѣетъ стать, миновала домикъ скромнаго учителя гимназіи; зато самъ Семенъ Ивановичъ Круповъ мирился съ семейной жизнію, глядя на «милыхъ дѣтей» своихъ.

Нѣсколько дней послѣ того, какъ Бельтовъ, недовольный и мучимый какимъ то предчувствіемъ и дѣйствительнымъ отсутствіемъ жизни въ городѣ, бродилъ съ мрачнымъ видомъ и съ руками, засунутыми въ карманы, въ одномъ изъ домиковъ, мимо которыхъ онъ шелъ, полный негодованія и горечи, онъ могъ бы увидѣть тогда, какъ и теперь, одну изъ тѣхъ успокоивающихъ, прекрасныхъ семейныхъ картинъ, которыя всѣми чертами дока-

зываютъ возможность счастія на землѣ. Въ картинѣ этой было что-то похожее на лѣтній вечеръ въ саду, когда нѣтъ вѣтру, когда прудъ стелется, какъ металлическое зеркало, золотое отъ солнца, небольшая деревенька видна вдали, между деревьевъ, роса поднимается, стадо идетъ домой съ своимъ перемѣшаннымъ хоромъ крика, топанья, мычанья... И вы готовы отъ всего сердца присягнуть, что ничего лучшаго не желали бы во всю жизнь... И какъ хорошо, что вечеръ этотъ пройдетъ черезъ часъ, т. е. смѣнится во-время, почью, чтобъ не потерять своей репутаціи, чтобъ заставить жалѣть о себѣ прежде, нежели надоѣсть.

Въ небольшой чистенькой комнаткѣ сидѣлъ на диванѣ Семенъ Ивановичъ Круповъ почетнымъ и единственнымъ гостемъ. Молодая женщина, улыбаясь, набивала ему трубку, ея мужъ сидѣлъ на креслахъ и поглядывалъ съ безмятежнымъ спокойствіемъ и любовью то на жену, то на старика. Черезъ минуту вошелъ въ комнату трехлѣтній ребенокъ, переваливаясь съ ноги на ногу и отправился прямымъ путемъ, т. е. не обходя столъ, а туннелемъ между ножекъ къ Крупову, котораго очень любилъ за часы съ репетиціей и за двѣ сердоликовыя печатки, висѣвшія у него изъ подъ жилета.

— Яша, здравствуй! сказалъ Семенъ Ивановичъ, вытаскивая своего пріятеля изъ-подъ стола и усаживая его къ себѣ на колѣни. Яша ухватилъ за печатку и вытягивалъ часы.

— «Онъ вамъ мѣшаетъ чай пить и курить, дайте его мнѣ», сказала мать, убѣжденная твердо, что Яша никому и никогда мѣшать не можетъ.

— Оставьте, сдѣлайте одолженіе; я самъ его спроважу, когда надоѣстъ,—и Семенъ Ивановичъ вынулъ часы, и заставилъ ихъ бить; Яша съ восхищеніемъ слушалъ бой, поднесъ потомъ часы къ уху Семена Ивановича, потомъ къ уху матери и, видя несомнѣнные знаки ихъ удивленія, поднесъ ихъ къ собственному рту.

— Дѣти—большое счастіе въ жизни! сказалъ Круповъ:—особенно нашему брату старику какъ-то отрадно ласкать кудрявыя головки ихъ и смотрѣть въ эти свѣтлые глазенки. Право, не такъ грубѣешь, не такъ падаешь въ ячность, глядя на эту молодую травку. Но, скажу вамъ откровенно, я не жалѣю, что у меня своихъ дѣтей нѣтъ... да и на что? Вотъ далъ же Богъ мнѣ внучка, состарѣюсь, пойду къ нему въ няни.

— Няня тамъ! замѣтилъ Яша, указывая на дверь съ предовольнымъ видомъ.

— Возьми меня въ няни.

Яша приготовился было возразить на это страшнымъ крикомъ, но мать предупредила это, обративъ вниманіе его на золотую пуговицу на фракѣ Крупова.

— Я люблю дѣтей, продолжалъ старикъ:—да, я вообще люблю людей, а былъ помоложе, любилъ и хорошенькое личико и, право, былъ разъ пять влюбленъ, но для меня семейная жизнь противна. Человѣкъ можетъ жить только одинъ спокойно и свободно. Въ семейной жизни, какъ нарочно, все сдѣлано, чтобъ живущіе подъ одной кровлей надоѣдали другъ другу,—поневолѣ разойдутся; не живи вмѣстѣ,—вѣчная нескончаемая дружба, а вмѣстѣ тѣсно.

«Полноте, Семенъ Ивановичъ, возразилъ Круциферскій:—что вы это говорите! Цѣлая сторона жизни, лучшая, полная счастія и блаженства, вамъ осталась неизвѣстна. И что вамъ въ этой свободѣ, состоящей въ отсутствіи всякихъ ощущеній, въ эгоизмѣ».

— Вотъ, вѣдь, и пошелъ. А сколько разъ я говорилъ тебѣ, Дмитрій Яковлевичъ, что ты меня словомъ эгоизмъ не запугаешь. Какая гордость! «Безъ всякихъ ощущеній»,—какъ будто только на свѣтѣ и ощущеній, что идолопоклонство мужа къ женѣ, жены къ мужу, да ревниное желаніе такъ поглотить другъ друга для самихъ себя, чтобъ ближнему ничего не досталось, плакать только о своемъ горѣ, радоваться своему счастью. Нѣтъ, батюшка, знаемъ мы самоотверженную любовь вашу; вотъ, не хочу хвастаться, да такъ ужъ къ слову пришло, какъ придешь къ больному и сердце замираетъ: плохъ былъ, не ловко такъ подходишь къ кровати—ба, ба, ба! пульсъ-то лучше, а больной смотритъ слабыми глазами да жметъ тебѣ руку,—ну это, братецъ, тоже ощущенье. Эгоизмъ?—Да кромѣ безумныхъ, кто-жъ не эгоистъ? Только одни просто, а другіе, знаете, по пословицѣ: та же щука, да подъ хрѣномъ. А на то пошло, такъ нѣтъ уже и ограниченнѣе эгоизма, какъ семейный.

— «Я не знаю, Семенъ Ивановичъ, что васъ такъ стращаетъ въ семейной жизни; я теперь ровно четыре года замужемъ, мнѣ свободно, я вовсе не вижу ни съ моей стороны, ни съ его, ни жертвъ, ни тягости», сказала Круциферская.

— Удалось сорвать банкъ, такъ и похваливаетъ игру; мало ли чудесъ бываетъ на свѣтѣ; вы исключенье—очень радъ: да это ничего не доказываетъ. Два года тому назадъ, у нашего портнаго —да вы знаете его: портной Панкратовъ, на Московской улицѣ,—у него ребенокъ упалъ изъ окна втораго этажа на мостовую; какъ, кажется, не разшибиться? хоть бы что-нибудь! разумѣется, синія пятна, царапины, больше ничего. Ну, извольте, выбросить другого ребенка. Да и тутъ еще вышла вещь плохая, ребенокъ то чахнетъ.

— «Это ужъ не дурное ли пророчество намъ? спросила Круциферская, дружески положивъ руку на плечо Семену Ивановичу:—я вашихъ пророчествъ не боюсь съ тѣхъ поръ, какъ вы предсказывали моему мужу страшныя послѣдствія нашего брака».

— Какъ вы злопамятны, не стыдно ли? Да и этотъ болтунъ все разсказалъ, экой мужчина! Ну, слава Богу, слава Богу, что я солгалъ; прошу забыть; кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, хотя бы онъ былъ такъ удивительно хорошъ, какъ вотъ этотъ. Онъ указалъ пальцемъ.

— «Каковъ Семенъ Ивановичъ, онъ еще и комплименты говоритъ».

— Я вамъ и получше и побольше комплиментъ скажу: глядя на ваше житье, я дѣйствительно нѣсколько примирился съ семейной жизнію; но не забудьте, что, проживши лѣтъ шестьдесятъ, я въ вашемъ домѣ въ первый разъ увидѣлъ не въ романѣ, не въ стихахъ, а на самомъ дѣлѣ осуществленіе семейнаго счастія. Не слишкомъ же часты примѣры.

— «Почему знать, отвѣчала Круциферская: можетъ быть, возлѣ васъ прошли незамѣченными другія пары; любовь истинная вовсе не интересуется выказываться; да и искали ли вы, и какъ искали. Наконецъ, просто случайность, что вамъ мало встрѣчалось людей семейно-счастливыхъ. А, можетъ, быть, Семенъ Ивановичъ, прибавила она съ той насмѣшливой злобой и даже съ тою неделикатностью, которая всегда присуща людямъ счастливымъ: — вамъ ужъ кажется, что надобно выдержать характеръ, что если вы теперь признаетесь, что были неправы, то осудите всю жизнь свою и должны будете съ тѣмъ вмѣстѣ узнать, что поправить ея нельзя».

— О, нѣтъ, возразилъ съ жаромъ старикъ: — объ этомъ не безпокойтесь, никогда не раскаюсь въ быломъ, во-первыхъ, потому, что глупо горевать о томъ, чего не воротишь, во-вторыхъ, я холостой старикъ, доживаю спокойно вѣкъ мой, а вы прекрасно начинаете вашу жизнь.

«Не знаю цѣли, замѣтилъ Круциферскій,—съ которой вы сказали послѣднее замѣчаніе: но оно сильно отозвалось въ моемъ сердцѣ; оно навело меня на одну изъ безотвязныхъ и очень скорбныхъ мыслей, такихъ, которыхъ присутствіе въ душѣ достаточно, чтобъ отравить минуту самаго пылкаго восторга. Подчасъ мнѣ становится страшно мое счастіе; я, какъ обладатель огромныхъ богатствъ, начинаю трепетать передъ будущимъ. Какъ бы...».

— Какъ бы не вычли потомъ. Ха, ха, ха, эки мечтатели! Кто мѣрилъ ваше счастье, кто будетъ вычитать? Что это за ребяческій взглядъ! Случай и вы сами устроили ваше счастье,—и потому, оно ваше, и наказывать васъ за счастье было бы нелѣпостью. Разумѣется, тотъ же случай, неразумный, неотразимый, можетъ разрушить ваше счастіе; но мало ли что можетъ быть. Можетъ быть, балки этого потолка подгнили, можетъ быть, онъ провалится; ну, начнемъ-те выбираться; да какъ выбираться? На

дворѣ встрѣтится бѣшеная собака, на улицѣ лошадь задавитъ... Да если допустить въ себѣ боязнь возможнаго зла, такъ лучше опіуму выпить, да и уснуть на вѣки вѣковъ.

«Я всегда дивился, Семенъ Ивановичъ, легкости, съ которой вы принимаете жизнь: это счастіе, большое счастіе, но оно не всѣмъ дано. Вы говорите: случай—и успокоиваетесь, а я нѣтъ. Мнѣ отъ того не легче, что я неизвѣстную, но подозрѣваемую связь событій моей жизни назову случаемъ. Все въ жизни не даромъ и все имѣетъ высокій смыслъ; не даромъ вы нашли меня на моемъ чердакѣ; мало ли учителей въ Москвѣ,—почему именно меня? Не для того ли, что во мнѣ лежало орудіе для освобожденія этого высокаго, чистаго существа, и то, о чемъ я боялся мечтать, боялся думать, вдругъ совершилось,—и счастью моему нѣтъ мѣры. Да гдѣ же справедливость, если это такъ и пойдетъ на всю жизнь. Я покоряюсь моему счастію такъ, какъ другіе покоряются несчастію, но не могу отдѣлаться отъ страха передъ будущимъ».

— То есть, передъ тѣмъ, чего нѣтъ. И я, съ своей стороны, скажу, что всю жизнь не понималъ, да и не пойму эти болѣзненныя воображенія, находящія наслажденіе въ томъ, чтобы мучить себя грезами и придумывать бѣды и впередъ грустить. Такой характеръ своего рода несчастіе. Ну, пришибетъ бѣдою, разразится горе надъ головой,—поневолѣ заплачешь и повѣсишь носъ; но думать, когда надобно пить прекрасное вино, что за это завтра судьба подастъ пресквернаго квасу,—это своего рода безуміе. Неумѣнье жить въ настоящемъ, цѣнить будущее, отдаваться ему,—это одна изъ моральныхъ эпидемій, наиболѣе развитыхъ въ наше время. Мы все еще похожи на тѣхъ жидовъ, которые не пьютъ, не ѣдятъ, а откладываютъ копейку на черный день; и какой бы черный день ни пришелъ, мы не раскроемъ сундуковъ,—что это за жизнь?

— «Я совершенно согласна съ вами, Семенъ Ивановичъ, съ жаромъ сказала Круциферская.—Я часто говорю объ этомъ съ Дмитріемъ. Если мнѣ хорошо, зачѣмъ я стану думать о будущемъ? Для меня его хоть бы совсѣмъ не было. Онъ самъ со мною часто соглашается, но тайная грусть такъ глубоко вкоренилась въ него, что онъ не можетъ ее побѣдить. Да и зачѣмъ, впрочемъ, прибавила она, свѣтло и симпатично улыбаясь мужу,—я и грусть эту люблю въ немъ, въ ней столько глубокаго. Я думаю, мы съ вами отъ того не понимаемъ, или, по крайней мѣрѣ, не сочувствуемъ этой грусти, что у насъ нравъ поверхностнѣе, удобовпечатлительнѣе, что насъ занимаетъ и увлекаетъ внѣшность».

— Начали за здравіе, свели за упокой; начали такъ, что я хотѣлъ поцѣловать вашу ручку и сказать мужу: «вотъ человѣ-

ческое пониманье жизни», а кончили тѣмъ, что его грезы—глубокомысліе; хорошо глубокомысліе—мучиться, когда надобно наслаждаться, и горевать о вещахъ, которыхъ, можетъ быть, и не будетъ.

— «Семенъ Ивановичъ, на что вы такъ исключительны? Есть нѣжныя организаціи, для которыхъ нѣтъ полнаго счастія на землѣ, которыя самоотверженно готовы отдать все, но не могутъ отдать печальный звукъ, лежащій на днѣ ихъ сердца, звукъ, который ежеминутно готовъ сдѣлаться... Надобно быть погрубѣе для того, чтобы быть посчастливѣе; мнѣ это часто приходитъ въ голову; посмотрите, какъ невозмущаемо счастливы, напр., птицы, звѣри, оттого, что они меньше насъ понимаютъ».

— Однако, довольно непріятно, замѣтилъ неумолимый Круповъ,—имѣть высшую натуру для существа, назначеннаго жить не выше и не ниже, какъ на землѣ. Признаюсь, эту высоту я принимаю за физическое разстройство, за нервный припадокъ; обливайтесь холодной водой, да дѣлайте больше движенія, половина надзвѣздныхъ мечтаній пройдетъ. Вы, Дмитрій Яковлевичъ, отъ рожденія слабы физическими силами: въ слабыхъ организаціяхъ часто умственныя способности чрезвычайно развиты, но почти всегда эдакъ вкось, куда-нибудь въ отвлеченье, въ фантазію, въ мистицизмъ. Вотъ отчего древніе говорили: mens sana in corpore sano. Посмотрите на блѣдныхъ, бѣлокурыхъ нѣмцевъ, отчего они мечтатели, отчего они держатъ голову на сторону, часто плачутъ? Отъ золотухи и отъ климата; отъ этого они готовы цѣлые вѣка бредить о мистическихъ контроверзахъ, а дѣла никакого не дѣлаютъ.

— «Не даромъ говорятъ, что медицинскія занятія прививаютъ человѣку какой-то сухой матеріальный взглядъ на жизнь; вы такъ коротко знакомитесь съ вещественной стороной человѣка, что изъ-за нея забыли другую сторону, ускользающую отъ скальпеля и которая одна и даетъ смыслъ грубой матеріи».

— Охъ, эти мнѣ идеалисты, сказалъ Семенъ Ивановичъ, который примѣтно началъ сердиться, вѣчно подъѣзжаютъ съ вздоромъ. Да кто же это имъ сказалъ, что вся медицина только и состоитъ изъ анатоміи; сами придумали и тѣшатся; какая-то грубая матерія... Я не знаю ни грубой матеріи, ни учтивой, а знаю живую. Мудрецы вы, нынѣшніе ученые, а мелко плаваете! Это нашъ старый споръ, онъ никогда не кончится, лучше перестать.—Посмотрите, какъ Яшу мы убаюкали нашими пустяками, спитъ себѣ спокойно. Спи, малютка! тебя еще папаша не научилъ презирать землю, да матерію, не увѣрилъ еще тебя, что эти милыя ножки, эти рученки — кусочки грязи, приставшей къ тебѣ. Любовь Александровна, пожалуйста, не развивайте въ немъ этихъ

пустяковъ; ну, вы мужу даете поблажку, Богъ съ нимъ! Невиннаго ребенка, по крайности, не развращайте этимъ бредомъ съ малыхъ лѣтъ. Ну, что сдѣлаете изъ него? Мечтателя. Будетъ до старости искать жаръ-птицу, а настоящая-то жизнь въ это время уйдетъ между пальцевъ. Ну, хорошо ли это? Возмите-ка его.

Старикъ отдалъ Яшу матери, взялъ свой картузъ и, медленно застегивая фракъ, сказалъ:

— Ахъ, я забылъ вамъ разсказать: на дняхъ какъ-то я познакомился съ преинтереснымъ человѣкомъ.

— «Вѣрно съ Бельтовымъ? спросила Круциферская. Его пріѣздъ до того надѣлалъ шуму, что я узнала объ немъ отъ директорши».

— Именно. Они шумятъ потому, что онъ богатъ, а дѣло въ томъ, что онъ дѣйствительно замѣчательный человѣкъ, все на свѣтѣ знаетъ, все видѣлъ, умница такой; избалованъ немножко, ну, знаете, матушкинъ сынокъ; нужда не воспитывала его по нашему, жилъ спустя рукава, а теперь умираетъ здѣсь отъ скуки, хандритъ; можете себѣ представить, каково послѣ Парижа.

«Бельтовъ! — Да позвольте, сказалъ Дмитрій Яковлевичъ — фамилія знакомая; да не былъ ли онъ въ мое время въ Московскомъ университетѣ? Бельтовъ оканчивалъ курсъ, когда я вступилъ; про него и тогда говорили, что онъ страшно уменъ; еще его воспитывалъ какой-то женевецъ».

— Тотъ самый, тотъ самый.

«Я помню его, мы были немного знакомы».

— Я увѣренъ, что онъ былъ бы очень радъ васъ видѣть; въ этой глуши встрѣтить образованнаго человѣка — всякому кладъ; а Бельтовъ вовсе не умѣетъ быть одинъ, сколько я замѣтилъ. Ему надобно говорить, ему хочется обмѣна, и онъ боленъ отъ одиночества.

«Если вы не находите ничего противъ этого, я, пожалуй, пойду».

— Пойдемте-ка, доброе дѣло.—Нѣтъ, постой; вотъ я и старъ, да опрометчивъ; онъ слишкомъ, братъ, богатъ, чтобъ тебѣ первому идти къ нему; я завтра ему скажу; захочетъ, пріѣдемъ съ нимъ къ тебѣ. Прощай, любезный спорщикъ. Прощайте.

— «Привозите же завтра вашего Бельтова, сказала Любовь Александровна, намъ до того наговорили объ немъ, что и мнѣ захотѣлось его видѣть».

— Стоитъ, право, стоитъ, сказалъ старикъ, выходя въ переднюю.

Круповъ всякій разъ спорилъ съ Круциферскимъ, всякій разъ сердился и говорилъ, что онъ все болѣе и болѣе расходится съ нимъ, что не мѣшало нисколько тому, что они сближались ежедневно тѣснѣе и тѣснѣе. Для Крупова семья Круцифер-

скаго—была его семья; онъ туда шелъ пожить сердцемъ, которое у него еще было тепло, отдохнуть, глядя на счастье ихъ. Для Круциферскихъ Круповъ представлялъ дѣйствительно старшаго въ семьѣ, — отца, дядю, но такого дядю, которому любовь, а не права крови дали власть иногда пожурить и погрубить,—что оба прощали ему отъ души, и имъ было грустно, когда не видали его дня два.

На другой день, часовъ въ семь послѣ обѣда, Семенъ Ивановичъ привезъ въ своихъ пошевняхъ, покрытыхъ желтымъ ковромъ, и на парѣ обвинокъ, свѣтлосаврасой шерсти, Бельтова къ Круциферскому. Разумѣется, Бельтовъ былъ радъ радехонекъ познакомиться съ порядочнымъ человѣкомъ, и ему вовсе не пришло въ голову, что онъ сдѣлаетъ первый визитъ. Хозяева немного сконфузились; похвалы Семена Ивановича, слухъ о его заграничной жизни, даже его богатство,—все это смутно вспомнилось, когда онъ вошелъ въ комнату, и сдѣлало встрѣчу нѣсколько натянутой; но это тотчасъ прошло. Въ пріемахъ и рѣчахъ Бельтова было столько открытаго, простого, и притомъ въ немъ было столько такту, этой высокой принадлежности людей съ развитой и нѣжной душою, что не прошло получаса, какъ тонъ бесѣды сдѣлался пріятельскимъ. Даже Круциферская, такъ не привыкнувшая къ постороннимъ, невольно была вовлечена въ разговоръ. Съ Дмитріемъ Яковлевичемъ Бельтовъ вспомнилъ университетскіе годы, бездну тогдашнихъ анекдотовъ, тогдашнія мечты, надежды. Давно ему не было такъ отрадно, и онъ дружески благодарилъ Крупова за это знакомство, когда тотъ подвезъ его къ подъѣзду гостиницы «Кересбергъ».

— Ну, что, спрашивалъ потомъ Семенъ Ивановичъ у Круциферскихъ:—какъ вамъ нравится новый знакомый?

«Этого и спрашивать не слѣдуетъ», отвѣчалъ Круциферскій.

— «Онъ мнѣ очень понравился», сказала Любовь Александровна.

Семенъ Ивановичъ, чрезвычайно довольный, что доставилъ всѣмъ удовольствіе, шутливо погрозилъ пальцемъ.

Любовь Александрова покраснѣла.

Семейныя картины увлекательны, и теперь, докончивши одну, я не могу удержаться, чтобъ не начать другую. Тѣсная связь ихъ, увѣряю васъ, раскроется послѣ.

III.

У дубасовскаго уѣзднаго предводителя была дочь,—и въ этомъ еще не было бы большаго зла ни для почтеннѣйшаго Карпа Кондратьича, ни для милой Варвары Карповны; но у него, сверхъ

дочери, была жена, а у Вавы, какъ звали ее дома, была, сверхъ отца, милая маменька, Марья Степановна,—это измѣняло существенно положеніе дѣла. Карпъ Кондратьичъ былъ образецъ кротости въ семейныхъ дѣлахъ; странно было видѣть, какъ измѣнялся онъ, переходя изъ конюшни въ столовую, съ гумна въ спальню или въ диванную. Если-бъ мы не имѣли достовѣрныхъ документовъ отъ извѣстныхъ путешественниковъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что одинъ и тотъ же агличанинъ можетъ быть отличнѣйшимъ плантаторомъ и прекраснымъ отцемъ семейства, то мы сами усомнились бы въ возможности такой двойственности. Впрочемъ, разсуждая глубже, можно замѣтить, что это такъ и должно быть. Внѣ дома, т. е. на конюшнѣ и на гумнѣ, Карпъ Кондратьичъ велъ войну, былъ полководцемъ и наносилъ врагу наибольшее число ударовъ; врагами его, разумѣется, являлись непокорные крамольники—лѣнь, несовершенная преданность его интересамъ, несовершенное посвященіе себя четверкѣ гнѣдыхъ и другія преступленія. Въ залѣ своей, напротивъ, Карпъ Кондратьичъ находилъ рыхлыя объятія вѣрной супруги и милое чело дочери для поцѣлуя; онъ снималъ съ себя тяжелый панцырь помѣщичьихъ заботъ и становился не то, чтобы добрымъ человѣкомъ, а добрымъ Карпомъ Кондратьичемъ. Жена его находилась вовсе не въ такомъ положеніи; она лѣтъ двадцать вела маленькую партизанскую войну въ стѣнахъ дома, рѣдко дѣлая небольшія вылазки за крестьянскими куриными яйцами и тальками; дѣятельная перестрѣлка съ горничными, поваромъ и буфетчикомъ поддерживала ее въ безпрестанно раздраженномъ состояніи; но къ чести ея должно сказать, что душа ея не могла совсѣмъ наполниться этими мелочными непріятельскими дѣйствіями, и она со слезами на глазахъ, прижала къ своему сердцу семнадцатилѣтнюю Ваву, когда ее привезла двоюродная тетка изъ Москвы, гдѣ она кончила свое ученье въ институтѣ или въ пансіонѣ. Это ужъ не повару чета, не горничной—родная дочь, одна кровь течетъ въ жилахъ, да и священная обязанность. Сначала дали Вавѣ отдохнуть, побѣгать по саду, особенно въ лунныя ночи; для дѣвочки, воспитанной въ четырехъ стѣнахъ все было ново, «очаровательно, плѣнительно», она смотрѣла на луну и вспоминала о какой-нибудь изъ обожаемыхъ подругъ и твердо вѣрила, что и та теперь вспомнитъ объ ней; она вырѣзывала вензеля ихъ на деревьяхъ... Это было то время, которое холоднымъ людямъ просто смѣшно, а у насъ оно срываетъ улыбку, но не улыбку презрѣнья, а ту улыбку, съ которой мы смотримъ на играющихъ дѣтей; намъ нельзя играть—пусть они поиграютъ. Натянутость, экзальтація, въ которой обыкновенно обвиняютъ дѣвушекъ, только что оставившихъ пансіонъ, несправедлива, совершенно неспра-

ведлива. Во всѣхъ мечтахъ, во всѣхъ самопожертвованіяхъ этого возраста, въ его готовности любить, въ его отсутствіи эгоизма, въ его преданности и самоотверженіи—святая искренность; жизнь пришла къ перелому, а занавѣсь будущаго еще не поднялась; за ней страшныя тайны, тайны привлекательныя; сердце дѣйствительно страдаетъ по чемъ-то неизвѣстномъ,. и организмъ складывается въ то же время, и нервная система раздражена, и слезы готовы безпрестанно литься. Пройдетъ пять, шесть лѣтъ, все перемѣнится; замужъ выйдетъ—и говорить нечего; не выйдетъ, да если только есть искра здоровой натуры, дѣвушка не станетъ ждать, чтобъ кто-нибудь отдернулъ таинственную завѣсу, сама ее отдернетъ и иначе взглянетъ на жизнь. Смѣшно смотрѣть институткой на міръ двадцатипятилѣтними глазами, и печально, если институтка смотритъ па вещи двадцатипятилѣтними глазами.

Варвара Карповна не была красавица; но въ ней была богатая замѣна красоты, это *нѣчто*, ce quelque chose, которое, какъ букетъ хорошаго вина, существуетъ только для понимающаго, и это *нѣчто*, еще не развитое, пророческое, предсказывающее, въ соединеніи съ юностью, которая все румянитъ, все краситъ, придавало ей особую, тонкую, нѣжную, не всѣмъ доступную прелесть. Глядя на довольно худое, смуглое лицо ея, на юную нестройность тѣла, на задумчивые глаза съ длинными рѣсницами, поневолѣ приходило въ голову, какъ преобразятся всѣ эти черты, какъ онѣ устроятся, когда и мысль, и чувство, и эти глаза—все получитъ опредѣленіе, смыслъ, отгадку, и какъ хорошо будетъ тому, на плечо котораго склонится эта головка! Марья Степановна, впрочемъ, была очень недовольна наружностью дочери, называла ее «дурняшкой» и приказывала всякое утро и всякій вечеръ мыться огуречною водой, въ которую прибавлялся какой-то порошокъ, чтобъ прошелъ загаръ, какъ она называла ея смуглость. Поведеніе Вавы при гостяхъ заставило мать обратить серьезное вниманіе на нее; Вава была застѣнчива, уходила въ садъ съ книжкой, не любезничала, не дѣлала глазки. Книжка, какъ ближайшая причина, была отнята; потомъ пошли родительскія поученія, во вѣки нескончаемыя; Марьѣ Степановнѣ показалось, что Вава ей повинуется не совсѣмъ съ радостью, что она даже хмуритъ брови и иногда смѣетъ *отвѣчать*; противъ такихъ вещей, согласитесь сами, надобно было взять рѣшительныя мѣры; Марья Степановна скрыла до поры до времени свою теплую любовь къ дочери, и начала ее гнать и тѣснить на всякомъ шагу. Она ей не позволяла гулять, когда той хотѣлось; она ее посылала, когда та хотѣла сидѣть дома. Она ее заставляла нехотя ѣсть, и всякій день упрекала, что она не толстѣетъ. Гоненія матери сдѣлали нравъ Вавы сосредоточеннымъ, она стала еще ди-

чѣе, худѣла еще больше. Карпу Кондратьичу иногда приходило въ голову, что жена его напрасно гонитъ бѣдную дѣвушку, онъ пробовалъ даже заговаривать съ нею объ этомъ издалека; но какъ только рѣчь подходила къ большей опредѣлительности, онъ чувствовалъ такой ужасъ, что не находилъ въ себѣ силы преодолѣть его и отправлялся поскорѣе на гумно, гдѣ за минутный страхъ вознаграждалъ себя долгимъ страхомъ, внушаемымъ всѣмъ вассаламъ. Поле оставалось свободно за Марьей Степановной, и она, съ величайшей ревностью скупая ткацкія полотна, скатерти и салфетки для будущаго приданаго и заставляя семерыхъ горничныхъ слѣпить глаза за кружевными коклюшками и трехъ вышивать въ пяльцахъ разныя ненужности для Вавы, въ то же самое время съ невѣроятной упорностью гнала и тѣснила ее, какъ личнаго врага.

Когда они пріѣхали въ NN на выборы, и Карпъ Кондратьичъ напялилъ на себя съ большимъ трудомъ дворянскій мундиръ, ибо въ три года предводителя прибыло очень много, а мундиръ, напротивъ, какъ-то съежился, и поѣхалъ какъ къ начальнику губерніи, такъ и къ губернскому предводителю, котораго онъ, въ отличеніе отъ губернатора, остроумно называлъ «наше его превосходительство»; Марья Степановна занялась распоряженіями касательно убранства гостиной и выгрузки разнаго хлама, привезеннаго на четырехъ подводахъ изъ деревни; ей помогали трое нечесанныхъ отъ колыбели лакеевъ, одѣтыхъ въ полуфраки изъ какой-то сѣрой не то байки, не то сукна; дѣло шло горячо впередъ; вдругъ барыня, какъ-бы пораженная нечаянной мыслію, остановилась и закричала своимъ звучнымъ голосомъ:

«Вава, Вава, гдѣ ты это прячешься, а?» Бѣдная дѣвушка, чувствуя, что это не къ добру, робко вошла въ комнату.

— «Я здѣсь, maman!»

«Что это у тебя за видъ, больна что-ли ты? право, посмотришь на васъ со стороны, покажется, что вамъ дурно жить въ родительскомъ домѣ; вотъ эти пансіоны! къ матери подходитъ съ какимъ лицомъ!» Тутъ Марья Степановна передразнила томный видъ дѣвушки. «Я сама была дочь; бывало, маменька позоветъ, бѣгу къ ней съ открытымъ видомъ». Тутъ она представила открытый видъ и улыбочку. «А ты все изъ подлобья... Дуракъ, разобьешь! чему обрадовался, тащитъ, мужикъ; никогда не выучишь...»

«Ну, милая моя, полно шутить, я тебѣ въ послѣдній разъ скажу добрымъ порядкомъ, что твое поведеніе меня огорчаетъ; я еще молчала въ деревнѣ, но здѣсь этого не потерплю; я не за тѣмъ тащилась такую даль, чтобъ про мою дочь сказали: дикая дурочка; здѣсь я тебѣ не позволю въ углу сидѣть. Какъ, не

умѣешь заинтересовать ни одного кавалера? Да мнѣ было пятнадцать лѣтъ, а ужъ отбою не было отъ нихъ. Тебя пора пристроить, слышишь ли?..

«Ахъ, ты, мерзавецъ, вѣдь, говорила, что сломаешь; поди сюда, поди, тебѣ говорятъ, покажи, вишь, дуракъ, какъ сломалъ, совсѣмъ на двѣ части; ну, я тебя угощу, дай барину воротиться; я сама бы оттаскала тебя за волосы, да гадко до тебя дотронуться: масломъ какъ намазался, это воръ Митька на кухнѣ даетъ господское масло; вотъ, погоди, я и до него доберусь...

«Да-съ, Варвара Карповна, вы у меня на выборахъ извольте замужъ выдти; я найду жениховъ, ну, а вамъ поблажки больше не дамъ; что ты о себѣ думаешь, красавица что-ли такая, что тебя очень будутъ искать: ни лица, ни тѣла, да и шагу не хочешь сдѣлать, одѣться не умѣешь, слова молвить не умѣешь; а еще училась въ Москвѣ; нѣтъ, голубушка, книжки въ сторону, довольно начиталась, очень довольно, пора, матушка, за дѣло приниматься. Я тебя съ глазъ сгоню, если не поправишь поведенія».

Вава стояла, какъ приговоренная къ смерти; послѣднія слова матери казались ей утѣшеніемъ.

«Какъ тебѣ не найти жениха! 350 душъ какихъ крестьянъ! каждая душа двѣ души сосѣдскія стоитъ, да приданище какое!.. Что, что—да ты, кажется, плакать начинаешь, плакать, чтобъ глаза сдѣлались красными; такъ ты эдакъ за материнскія попеченія!..»

Она такъ близко подошла къ ней, а у Вавы волосы были такъ мягки и сухи, что неизвѣстно, чѣмъ кончилась бы эта исторія, если-бъ медвѣженокъ въ полуфракѣ не уронилъ, въ самое это время, десертную тарелку. Марья Степановна перенесла на него всю ярость.

«Кто разбилъ тарелку?» кричала она хриплымъ голосомъ.

— Сама разбилась — отвѣчалъ, повидимому, вышедшій изъ терпѣнія слуга.

«Какъ сама! сама? и ты смѣешь мнѣ говорить это, сама!»— Остальное она договорила руками, находя, вѣроятно, что мимика сильнѣе выражаетъ взволнованное состояніе души, чѣмъ слово.

Измученная дѣвушка не могла больше вынести: она вдругъ зарыдала и въ страшномъ истерическомъ припадкѣ упала на диванъ. Мать испугалась, кричала: «люди, дѣвка, воды, капель, за докторомъ, за докторомъ»! Истерическій припадокъ былъ упоренъ, докторъ не ѣхалъ, второй гонецъ, посланный за нимъ, привезъ тотъ же отвѣтъ: «велѣлъ-де сказать, что немножко-де повременить надо, на очень дескать трудныхъ родахъ».

«Тьфу, ты, проклятый! да кому это такъ приспичило родить!»

— Прокуроровой кухаркѣ-съ, отвѣчалъ посланный.

Только этого и недоставало, чтобъ довершить трагическое положеніе Марьи Степановны, она побагровѣла: лицо ея, всегда непривлекательное, сдѣлалось отвратительнымъ.

«У кухарки? у кухарки»?... больше она не могла вымолвить ни слова.

Вошелъ Карпъ Кондратьичъ съ веселымъ и довольнымъ видомъ: губернаторъ дружески жалъ ему руку, ея превосходительство водила показывать коверъ, присланный для гостиной изъ Петербурга, и онъ, посмотрѣвши на коверъ съ видомъ патріархальной простоты, подъ которую мы умѣемъ прятать лесть и униженіе, сказалъ: «У кого же, матушка Анна Дмитріевна, и быть такимъ коврамъ, какъ не у вашихъ превосходительствъ». Онъ всѣмъ этимъ былъ очень доволенъ, особенно ловкимъ отвѣтомъ своимъ. И вдругъ семейная сцена обрушилась на его голову: дочь въ истерикѣ, жена въ изступленіи, разбитая тарелка на полу, у Марьи Степановны лица нѣтъ, и правая ручка какъ-то очень красна, почти такъ же, какъ лѣвая щека у Терешки.

— Что за исторія? Что съ Вавой?

«Извѣстно, съ дороги; дѣло дѣвичье, отвѣтила нѣжная мать— гдѣ ей вынести 120 верстъ; говорила—отложить до середы, ну такъ нѣтъ; теперь и лечи».

— Помилуй, въ середу не меньше бы было верстъ.

«Ты все лучше знаешь. А вотъ этого убійцу Крупова въ домъ больше не пускай; вотъ массонъ-то, мерзавецъ! Два раза посылала,—вѣдь, я не послѣдняя персона въ городѣ... Отчего? отъ того, что ты не умѣешь себя держать, ты себя держишь хуже засѣдателя; я посылала, а онъ изволитъ тѣшиться надо мной; видишь, у прокурорской кухарки на родинахъ; моя дочь умираетъ, а онъ у прокурорской кухарки... Якобинецъ!»

— Подлецъ и мерзавецъ! заключилъ предводитель.

Горячій потокъ словъ Марьи Степановны не умолкалъ еще, какъ растворилась дверь изъ передней, и старикъ Круповъ, съ своимъ нѣсколько методическимъ видомъ и съ тростью въ рукѣ, вошелъ въ комнату; видъ его былъ тоже довольнѣе обыкновеннаго; онъ какъ-то улыбался глазами и, не замѣчая того, что хозяева не кланяются ему, спросилъ:

— «Кому нужна здѣсь моя помощь»?

— Моей дочери!

— «А! Вѣрѣ Михайловнѣ? что съ ней?»

— Дочь мою зовутъ Варварой, а меня Карпомъ,—не безъ достоинства замѣтилъ предводитель.

— «Извините, извините; да, ну что же у Варвары Кириловны?»

«Да прежде, батюшка, перебила дрожащимъ отъ бѣшенства голосомъ Марья Степановна:—успокойте, что, кухарка-то прокурорская родила-ли?»

— «Хорошо, очень хорошо, возразилъ съ энергіей Круповъ:— это такой случай, какого въ жизнь не видалъ. Истинно думалъ, что мать и ребенокъ пропадутъ; бабка пренеловкая, у меня руки стары, и вижу нынче плохо. Представьте, пуповина...»

«Ахъ, батюшка, да онъ съ ума сошелъ; стану я такія мерзости слушать! да съ чего вы это взяли! У меня въ деревнѣ своихъ бабъ круглымъ числомъ пятьдесятъ родятъ ежегодно, да я не узнаю всѣхъ гадостей. При этомъ она плюнула».

Круповъ насилу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ всю ночь провозился съ бѣдной родильницей, въ душной кухнѣ, и такъ еще былъ весь подъ вліяніемъ счастливой развязки, что не понялъ сначала тона предводительши. Она продолжала:

«Да что, прокуроръ-то платитъ вамъ, что ли, такъ ужъ густо, что вы не могли бабы его оставить на минуту, когда съ моей дочерью чуть смерть не приключилась?»

— «Ни на одну минуту, сударыня, ни на одну минуту не могъ ни для вашей дочери, ни для кого другого. Да видно, она не очень больна: вы не торопитесь вести меня къ ней. Я зналъ это».

Это замѣчаніе озадачило нѣжныхъ родителей; но мать скоро оправилась и возразила:

«Ей лучше, да я и не подпущу васъ теперь къ моей дочери, и рукъ-то, вѣрно, вы не вымыли».

— Признаюсь, г. докторъ, прибавилъ предводитель, такого дерзкаго поступка и такого дерзкаго объясненія, я отъ васъ не ожидалъ, отъ стараго, заслуженнаго доктора. Если-бы не уваженіе мое къ кресту, украшающему грудь вашу, то я, можетъ быть, не остался бы въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ нахожусь. Съ тѣхъ поръ, какъ я предводителемъ — шесть лѣтъ минуло — меня никто такъ не оскорблялъ.

— «Да помилуйте, если въ васъ нѣтъ искры человѣколюбія, такъ вы, по крайней мѣрѣ, сообразите, что я здѣсь инспекторъ врачебной управы, блюститель законовъ по медицинской части, и я то брошу умирающую женщину для того, чтобъ бѣжать къ здоровой дѣвушкѣ, у которой мигрень, истерика, или что-нибудь такое—домашняя сцена! Да это противно законамъ, а вы сердитесь!»

Карпъ Кондратьичъ, въ дополненіе, былъ трусъ величайшій; ему показалось, что въ словахъ доктора лежитъ обвиненіе въ вольнодумствѣ; у него въ глазахъ поголубѣло, и онъ поторопился отвѣтить:

— Не зналъ, видитъ Богъ, не зналъ; передъ властью закона я нѣмѣю. Да вотъ Вава сама встаетъ.

Круповъ подошелъ къ ней, посмотрѣлъ, взялъ руку, покачалъ головой, сдѣлалъ два, три вопроса и, зная, что безъ этого его не выпустятъ, написалъ какой-то вздорный рецептъ, и, прибавивши: «пуще всего спокойствіе, а то можетъ быть худо», ушелъ.

Испуганная истерикой, Марья Степановна немного сдѣлалась помягче; но когда до нея дошелъ слухъ о Бельтовѣ, у нея сердце такъ и стукнуло, и стукнуло съ такой силой, что болонка, лежавшая у нея постоянно шестой годъ на колѣняхъ вмѣстѣ съ носовымъ платкомъ и съ маленькой табакеркой, заворчала и начала нюхать и отыскивать, кто это прыгаетъ.—Бельтовъ—вотъ женихъ! Бельтовъ—его-то намъ и надо.

Разумѣется, Бельтовъ сдѣлалъ Карпу Кондратьичу визитъ; на другой день Марья Степановна протурила мужа платить почтеніе; а черезъ недѣлю Бельтовъ получилъ засаленную записку, съ сильнымъ запахомъ бараньяго тулупа, пріобрѣтеннымъ на груди кучера, принесшаго ее; содержаніе ея было слѣдующее:

«Дубасовскій уѣздный предводитель дворянства и супруга его покорнѣйше просятъ Владиміра Петровича сдѣлать имъ честь откушаніемъ у нихъ обѣденнаго стола завтра, въ три часа».

Бельтовъ съ ужасомъ прочелъ приглашеніе и, бросивъ его на столъ, думалъ: что имъ за охота звать? Денегъ стоитъ много, всѣ они скупы, какъ кощеи, скука будетъ смертная... а дѣлать нечего, надобно ѣхать, а то обидится.

За два дни до обѣда начались репетиціи и приготовленія Вавы; мать наряжала ее съ утра до ночи, хотѣла даже заставить ее явиться въ какомъ-то красномъ бархатномъ платьѣ, потому что оно будто бы было ей къ лицу, но уступила совѣту своей кузины, ѣздившей запросто къ губернаторшѣ, и которая думала, что она знаетъ всѣ моды, потому что губернаторша обѣщала ее взять на будущее лѣто съ собой въ Карлсбадъ. Съ вечера Марья Степановна приказала принести миндальныя отруби, оставшіяся отъ приготовляемаго на завтра бланъ-манже, и, показавши дочери, какъ надобно этими отрубями тереть шею, плечи и лицо, начала торжественнымъ тономъ, сдерживая очевидное желаніе перейти къ брани:

«Вава, говорила она, если Богъ мнѣ поможетъ выдать тебя за Бельтова, всѣ мои молитвы услышаны, я тогда тебѣ цѣны не буду знать; утѣшь же ты мать свою; ты не безчувственная какая-нибудь, не каменная, неужели этого не можешь сдѣлать?—Какъ не понравиться мужчинѣ, молодому? Да и что здѣсь дѣвицъ, что-ли, очень много: двѣ, три, да и обчелся; красавицы-то хваленыя—предсѣдательскія дочки, по мнѣ, прегадкія, да и, говорятъ, перемигиваются съ какими-то секретаришками. А потомъ, что за фамилія ихъ—отецъ выслужился изъ повытчиковъ казенной па-

латы. Ка-бы у тебя амбиціи было хоть на волосъ, то на смѣхъ имъ надобно бы... Онѣ, безстыдницы, мимо его квартиры въ открытой коляскѣ шныряютъ, да нѣтъ, надежда плоха: вотъ теперь я распинаюсь, а вѣдь она смотритъ какъ деревянная; наградилъ же меня Господь, за мои прегрѣшенія, куклой вмѣсто дочери!»

— Маменька, маменька, говорила полушопотомъ Вава съ какимъ-то отчаяніемъ во взглядѣ: что-же мнѣ дѣлать, я не могу иначе; да разсудите сами, я не знаю совсѣмъ этого человѣка, да и онъ, можетъ быть, на меня не обратитъ вовсе никакого вниманія. Не броситься же мнѣ къ нему на шею.

«Грубіянка эдакая! да кто тебѣ говоритъ — броситься на шею... Такъ ты эдакъ хочешь исполнить волю матери... не видала никогда! Что, у тебя мать дура или пьяная какая, что не умѣетъ выбрать тебѣ жениха. Царевна какая!..» Она остановилась, боясь разобидѣть ее до слезъ, отъ которыхъ завтра глаза будутъ красны.

Пришелъ, наконецъ, день испытанія; съ двѣнадцати часовъ Ваву чесали, помадили, душили; сама Марья Степановна затянула ее, и безъ того худенькую, корсетомъ и придала ей видъ осы; зато, съ премудрой распорядительностью, она умѣла коегдѣ подшить ваты—и все была не вполнѣ довольна: то ей казался воротъ слишкомъ высокъ, то, что у Вавы одно плечо ниже другого; при всемъ этомъ она сердилась, выходила изъ себя, давала поощрительные толчки горничнымъ, бѣгала въ столовую, учила дочь дѣлать глазки и буфетчика накрывать столъ и пр. Труденъ былъ этотъ день для Марьи Степановны, но много можетъ любовь матери!

Понятно, что все это очень хорошо и необходимо въ домашнемъ обиходѣ; какъ ни мечтай, но надобно же подумать о судьбѣ дочери, о ея благосостояніи; да то жаль, что эти приготовительныя, закулисныя мѣры лишаютъ дѣвушку прекраснѣйшихъ минутъ первой, откровенной, нежданной встрѣчи, разоблачаютъ при ней тайну, которая не должна еще быть разоблачена, и показываютъ слишкомъ рано, что для успѣха надобна не симпатія, не счастье, а крапленыя карты. Эти приготовленія опошляютъ отношенія, которыя только тогда и могутъ быть истинны и святы, когда они не опошлены. Строгіе моралисты, пожалуй, прибавятъ, что всѣ подобныя мѣры болѣе могутъ развратить сердце дѣвушки, нежели такъ называемыя паденія: въ такую глубь мы не пускаемся. Да и притомъ, какъ ни толкуй, а дочерей надобно замужъ выдавать, онѣ только для этого и родятся: въ этомъ, я думаю, согласны всѣ моралисты.

Въ три часа убранная Вава сидѣла въ гостиной, гдѣ ужъ съ половины третьяго было нѣсколько гостей, и подносъ, стоявшій передъ диваномъ, утратилъ уже половину икры и балыка, какъ

вдругъ вошелъ лакей и подалъ Карпу Кондратьичу письмо. Карпъ Кондратьичъ досталъ изъ кармана очки, замаралъ имъ стекла грязнымъ платкомъ и, какъ-то, должно быть, по складамъ, судя по времени, прочитавши записку въ двѣ строки, возвѣстилъ голосомъ явно не спокойнымъ:

— Маша, Владиміръ Петровичъ проситъ извинить его, онъ нездоровъ, простудился и при всемъ желаніи не можетъ пріѣхать. Человѣку скажи, что очень дескать жаль.

Марья Степановна измѣнилась въ лицѣ и бросила на дочь такой взглядъ, какъ будто она простудила Бельтова. Вава торжествовала. Никогда Марья Степановна не казалась смѣшнѣе: она до того была смѣшна, что ее становилось жаль. Она возненавидѣла Бельтова отъ всего сердца и отъ всего помышленія. «Это просто афронтъ», бормотала она про себя.

— Кушанье подано, сказалъ лакей.

Губернскій предводитель повелъ Марью Степановну въ столовую.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого происшествія, Марья Степановна занималась чаемъ; она, оставаясь одна или при близкихъ друзьяхъ, любила чай пить продолжительно, сквозь кусочекъ, съ блюдечка, что ей нравилось, между прочимъ, и тѣмъ, что сахару выходило по этой методѣ гораздо меньше. Передъ нею сидѣла на стулѣ какая-то длинная, сухая женская фигура въ чепчикѣ, съ головою нѣсколько качавшеюся, что сообщало оборкѣ на чепцѣ безпрерывное колебаніе; она вязала шерстяной шарфъ на двухъ огромныхъ спицахъ, глядя на него сквозь тяжелые очки, которыхъ обкладка, сдѣланная, впрочемъ, изъ серебра, скорѣе напоминала пушечный лафетъ, чѣмъ вещь, долженствующую покоиться на носу человѣка; затасканный темный капотъ, огромный ридикюль, изъ котораго торчали еще какія-то спицы, показывали, что эта особа—свой человѣкъ, и притомъ не богатый человѣкъ; послѣднее всего яснѣе можно было замѣтить по тону Марьи Степановны. Старуху эту звали Анной Якимовной. Она была хорошаго дворянскаго происхожденія и съ молодыхъ лѣтъ вдова; имѣніе ея состояло изъ четырехъ душъ крестьянъ, составлявшихъ четырнадцатую часть наслѣдства, выдѣленнаго ей родственниками ея, людьми очень богатыми, которые, взойдя въ ея вдовье положеніе, щедрой рукой нарѣзали для нея и для ея крестьянъ болото, обильное дупелями и бекасами, но не совсѣмъ удобное для мирныхъ занятій хлѣбопашествомъ. При всѣхъ стараніяхъ Анны Якимовны, большого оброку съ такого имѣнія получить было невозможно. Наслѣдство, полученное ею отъ своего супруга, было тоже не велико: оно состояло изъ подполковничьяго чина, изъ единственнаго сына и изъ собранія рецептовъ, какъ

лечить лошадей отъ шпата, сапа и пр.; на каждомъ рецептѣ былъ написанъ поразительный примѣръ успѣха. Сынъ былъ отправленъ лѣтъ девятнадцати въ какой-то полкъ, но воротился вскорѣ въ родительскій домъ, высланный изъ службы за пьянство и буйные поступки. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ во флигелѣ дома Анны Якимовны; тянулъ сивуху, настоенную на лимонныхъ коркахъ, и безпрестанно дрался то съ людьми, то съ хорошими знакомыми: мать боялась его, какъ огня, прятала отъ него деньги и вещи, клялась передъ нимъ, что у нея нѣтъ ни гроша, особенно послѣ того, какъ онъ топоромъ разломалъ крышку у шкатулки ея и вынулъ оттуда семьдесятъ два рубля денегъ и кольцо съ бирюзою, которое она берегла пятьдесятъ четыре года въ знакъ памяти одного искренняго пріятеля покойника ея. Сверхъ крестьянъ и рецептовъ, у Анны Якимовны были три молодыя горничныя, одна старая и два лакея. Молодыхъ дѣвокъ она никогда не одѣвала, а что всего замѣчательнѣе, онѣ были всегда хорошо одѣты. Анна Якимовна съ удовольствіемъ видѣла, что онѣ успѣваютъ выработывать себѣ на платье, несмотря на то, что съ утра до ночи сама занимала ихъ работой, и благоразумно молчала, замѣчая кой какіе непорядки. Лакеи—два уродливые старика, жившіе единственно вину, были въ половинѣ съ горничными и, сверхъ того, шили на полгорода козловые башмаки съ сильнымъ запахомъ. Разумѣется, Якимъ Осипичъ также не упускалъ случая сводить свои счеты, пользуясь слабостями человѣческой натуры.

Почтенная глава этого патріархальнаго фаланстера допивала четвертую чашку чаю у Марьи Степановны; она успѣла уже повторить въ сотый разъ, какъ за нее сватался грузинскій князь, умершій генералъ-аншефомъ, какъ она въ 1809 году ѣздила въ Питеръ къ роднымъ, какъ всякій день у ея родныхъ собирался весь генералитетъ и какъ она единственно потому не осталась тамъ жить, что невская вода ей не по вкусу и не по желудку. Докончивши аристократическія воспоминанія вмѣстѣ съ четвертой чашкой чаю, она вдругъ начала, громко опрокидывая чашку (это былъ фальшивый сигналъ) и положивши на донышко крошечный кусочекъ сахару:

— Да, матушка Марья Степановна, вотъ ка-бы меня Господь сподобилъ увидѣть Варвару Карповну вашу пристроенною,—такъ хоть бы, какъ вы, Марья Степановна; не могу болѣе желать; сердце радуется на ваше семейство: домъ—полная чаша, уваженіе такое отовсюду. Право хорошо бы, успокоило бы васъ!

«Что вы это опрокинули чашку, выкушайте еще».

— Право, довольно; я обыкновенно пью три чашки, а у васъ четыре выпила; покорнѣйше благодарю; чай у васъ отмѣнный.

«Да, я ужъ всегда говорю, по моему рубль передать на фунтъ—ничего не значитъ, да ужъ только чтобъ былъ чай. Берите-ка чашку». И Анна Якимовна принялась за пятую.

«Конечно, все въ Божіей власти, Анна Якимовна, но, вѣдь, Вава оченно молода, куда ей замужъ теперь; да и, признаться, какіе женихи, погубятъ дѣвку; а когда подумаю, какъ съ ней разстаться, я не переживу, истинно не переживу».

— И, матушка, Господь съ тобой. Кто же не отдавалъ дочерей, да и товаръ это не таковъ, чтобъ на рукахъ держать: залежится, пожалуй. Нѣтъ, по моему, коли мать пресвятая Богородица благословитъ, такъ хорошо бы составить авантажную партію. Вотъ Софьи-то Алексѣевны сынокъ пріѣхалъ; онъ, вѣдь, намъ доводится въ дальнемъ свойствѣ; ну, да, вѣдь, нынче родныхъ-то плохо знаютъ, а ужъ особенно бѣдныхъ; а должно быть состояньице хорошее, тысячи двѣ душъ въ одномъ мѣстѣ, имѣніе устроенное.

«Да человѣкъ-то каковъ? Вамъ все деньги дались, а богатство больше обуза, чѣмъ счастіе — заботы да хлопоты; это все издали кажется хорошо, одна рука въ меду, другая въ патокѣ; а посмотрите—богатство только здоровью переводъ. Знаю я Софьи Алексѣевны сына; тоже совался въ знакомство съ Карпомъ Кондратьевичемъ; мы, разумѣется, приняли учтиво, чтожъ намъ его учить,—ну а ужъ на лицѣ написано: преразвращенный! Что за манеры! Въ дворянскомъ домѣ держитъ себя точно въ ресторацiи. Вы видѣли его?»

— Видала издали, на улицѣ: онъ частенько ѣздитъ мимо меня, и пѣшкомъ прохаживаетъ.

«Да куда же это мимо васъ онъ ходитъ?»

— Не знаю, матушка, мнѣ ли въ мои лѣта и при тяжкихъ болѣзняхъ моихъ (при этомъ она глубоко вздохнула) заниматься, кто куда ходитъ, своей кручины довольно... Предъ вами, какъ передъ Богомъ, не хочу таить: Якиша-то опять зашалилъ,—въ гробъ меня сведетъ... Тутъ она заплакала.

«Чтобы вамъ посовѣтоваться съ крестовоздвиженскимъ церковнымъ старостою: удивительно лечитъ. Возьметъ простого пѣннаго, поговоритъ надъ нимъ, дастъ хлебнуть больному, и самъ остальное выпьетъ, больше ничего, а тому такъ и начнутъ бѣсенята казаться и разныя адскія навожденія,—ну, какъ рукой и сниметъ!»

— Да, вѣдь, небось дорого попроситъ; знаете наше состояніе.

«Нѣтъ; онъ лечилъ нашего повара, всего дали синенькую».

— Да помогъ ли?

«Помочь-то помогъ; онъ было опять сталъ припадать, такъ Карпъ Кондратьичъ другого лекарства закатилъ: «ты, говоритъ, боярскихъ милостей не понимаешь; я пять рублей пролечилъ на тебя,

а ты не выздоровѣлъ, мошенникъ!» Ну, и, знаете, по-русски; съ тѣхъ поръ и не пьетъ. Я вамъ пришлю старосту. Ну, а ужъ я не вытерпѣла бы, узнала бы, куда это шляется этотъ молодчикъ».

— Да и я сама какъ-то спросила свою Василиску, вѣдь, она такая бойкая у меня... Такъ, отъ бездѣлья, молвила, куда, молъ, ѣздитъ вотъ этотъ баринъ мимо насъ; а она на другой же день мнѣ и докладываетъ: «изволили мнѣ вчера молвить, куда бельтовскій баринъ ѣздитъ: онъ все съ дохтуромъ съ старикомъ къ учителю негровскому ѣздитъ».

«Съ Круповымъ, къ негровскому учителю?» спросила Марья Степановна, едва скрывая пріятное волненіе, въ которомъ сама себѣ не могла дать отчета.

— Да, матушка, онъ, вѣдь, здѣсь въ этой въ гимназіи служитъ. этому учитъ...

«А, такъ вотъ куда онъ похаживаетъ; я съ самаго начала его считала преразвращеннымъ, и чему дивить? Учитель его съ малолѣтства постригъ въ массонскую вѣру, ну, какому же быть пути? Мальчишка безъ надзору жилъ во французской столицѣ, ну, ужъ по имени можете разсудить, какая моральность тамъ... Такъ это онъ за негровской-то воспитанницей ухаживаетъ, прекрасно! Экой вѣкъ какой!»

— Жаль, вчужѣ жаль, Марья Степановна, бѣднаго мужа; говорятъ, человѣкъ солидный. А она, ужъ такое происхожденіе! Сколькихъ я видала на своемъ вѣку, холопская кровь скажется!

«Ну, и Семенъ-то Ивановичъ, роля очень хороша! прекрасно! Старый грѣшникъ, Бога бъ побоялся; да и онъ-то массонишка такой же, однокорытнику и помогаетъ, да, вѣдь, чай какія беретъ съ него денежки? За что? Чтобъ погубить женщину. И на что, скажите, Анна Якимовна, на что этому скареду деньги? Одинъ, какъ перстъ, ни ближнихъ, никого; нищему копейки не подастъ; алчность проклятая! Іуда искаріотскій! И куда? Умретъ, какъ собака, въ казну возьмутъ!»

Разговоръ продолжался еще съ четверть часа въ томъ же духѣ и направленіи, послѣ чего Анна Якимовна, въ жару разговора выпившая еще три чашки чаю, стала собираться домой, сняла очки, уложила ихъ въ футляръ и послала въ переднюю спросить, пришелъ ли Максютка проводить ее, и, узнавши, что Максютка тутъ, встала. Давно Марья Степановна не принимала ее такъ ласково; она проводила ее даже до самой передней, гдѣ небритый Максютка, пресмѣшной старикъ лѣтъ шестидесяти, грязный и пропахнувшій простымъ виномъ, одѣтый въ фризовую шинель съ чернымъ воротникомъ, держалъ одной рукой заячій салопъ Анны Якимовны, а другой укладывалъ въ карманъ тавлинку. Максютка былъ очень не въ духѣ: онъ только было гото-

вился запереть дамку и ужъ поставилъ грязный палецъ на шашку, чтобъ ее двинуть, какъ барыня отворила дверь. «Ворона проклятая»,—бормоталъ онъ грубо, надѣвая салопъ на сухія плечи вдовствующей Анны Якимовны.

— Вотъ у меня дурачекъ, не могу научить салопа подать, замѣтила барыня.

— «Пора насъ со двора, наберите себѣ ученыхъ», бормоталъ Максютка.

— Вотъ, матушка, вдовье положеніе; ото всего терплю, отъ послѣдняго мальчишки. Что сдѣлаешь, дѣло женское; если-бъ былъ покойникъ живъ, чтобы я сдѣлала съ эдакимъ негодяемъ... себя бы не узналъ... Горькая участь,не суди вамъ Богъ испытать ее!

Рѣчь эта не тронула Максютку, онъ, ведя подъ руку свою барыню съ лѣстницы, успѣлъ обернуться къ провожавшимъ людямъ и подмигнуть, указывая на Анну Якимовну, что доставило истинное и продолжительное удовольствіе дворнѣ дубасовскаго предводителя.

Предоставляю читателямъ вообразить всю радость и все удовольствіе доброй Марьи Степановны, услышавшей такую новость и получившей явную возможность пустить скандальную исторію не только о Бельтовѣ, но и о Круповѣ. По дорогѣ приходилось, правда, раздавить репутацію женщины, какъ-то жаль, но что дѣлать? Есть важные случаи, въ которыхъ личности человѣческія приносятся на жертву великимъ планамъ!

IV.

Въ то самое время, когда почтенная вдова Анна Якимовна кушала чай у не менѣе почтенной Марьи Степановны и онѣ съ тѣмъ нѣжнымъ вниманіемъ, свойственнымъ одному женскому сердцу, занимались Бельтовымъ, Бельтовъ чрезвычайно грустный сидѣлъ, съ своей стороны, въ своемъ нумерѣ, тоскливо думая о чемъ-то очень грустномъ и тяжеломъ. Будь онъ одаренъ ясновидѣніемъ, ему было бы легко утѣшиться, онъ ясно услышалъ бы, что не далѣе, какъ чрезъ большую и нечистую улицу, да черезъ нечистый и маленькій переулокъ, двѣ женщины оказывали родственное участіе къ судьбамъ его и изъ нихъ одна, конечно, безъ убійственнаго равнодушія слушала другую; но Бельтовъ не обладалъ ясновидѣніемъ; по крайней мѣрѣ, если-бъ онъ былъ не испорченный западнымъ нововведеніемъ русскій, онъ сталъ бы икать, и икота удостовѣрила бы его, что тамъ,—тамъ, гдѣ-то... вдали, втиши, его поминаютъ; но въ нашъ вѣкъ отрицанья икота потеряла свой мистическій характеръ и осталась жалкимъ гастрическимъ явленіемъ.

Хандра Бельтова, впрочемъ, не имѣла ни малѣйшей связи съ извѣстнымъ разговоромъ за шестой чашкой чаю. Онъ въ этотъ день всталъ поздно, съ тяжелой головой, съ вечера онъ долго читалъ, но читалъ невнимательно, въ полудремотѣ,—въ послѣдніе дни въ немъ болѣе и болѣе развивалось какое-то болѣзненное *не по себѣ*, не приходившее въ ясность, но располагавшее къ тяжелымъ думамъ; ему все чего-то не доставало, онъ не могъ ни на чемъ сосредоточиться. Около часу онъ докурилъ сигару, допилъ кофей, и долго думая, съ чего начать день, съ чтенія или съ прогулки, онъ рѣшился на послѣднее, сбросилъ туфли, но вспомнилъ, что далъ себѣ слово по утрамъ читать новѣйшія произведенія по части политической экономіи, и потому надѣлъ туфли, взялъ новую сигару и совсѣмъ расположился заняться политической экономіей, но, по несчастію, возлѣ ящика съ сигарами лежалъ Байронъ, онъ легъ на диванъ и до пяти часовъ читалъ Донъ-Жуана. Когда онъ посмотрѣлъ на часы, окончивши чтеніе, онъ очень удивился, что такъ поздно, позвалъ своего камердинера, велѣлъ приготовить одѣваться какъ можно скорѣе; впрочемъ, и удивленіе, и приказъ были больше инстинктивны, потому что онъ никуда не сбирался и ему было совершенно все равно— 6 ли часовъ утра, или 12 ночи. Одѣвшись съ тою тщательностью и чистотою, къ которой мы привыкаемъ, долго живши за границей и отъ которой скоро отвыкаемъ въ провинціи, онъ, твердый въ намѣреніи заняться политической экономіей, легъ на то же мѣсто и развернулъ какую-то англійскую брошюру объ Адамѣ Смитѣ. А камердинеръ развернулъ небольшой столъ и началъ его накрывать. Судьба улыбнулась камердинеру больше, нежели его патрону; Григорій преспокойно накрылъ столъ, поставилъ графинъ съ водою и бутылку съ лафитомъ, поставилъ на другой столъ графинчикъ съ абсентомъ и сыръ, потомъ спокойно осмотрѣлъ сдѣланное и, убѣдившись, что все поставлено на мѣстѣ, отправился за супомъ и черезъ минуту принесъ, только не супъ, а письмо.

— Откуда? спросилъ Бельтовъ, не сводя глазъ съ брошюрки объ Адамѣ Смитѣ.

— «Должно быть изъ чужихъ краевъ: штемпель не нашъ, да еще объявленіе на посылку».

— Дай сюда—и Бельтовъ бросилъ брошюру. Отъ кого-бъ это было, думалъ онъ, не понимаю, изъ Женевы... развѣ... нѣтъ— скорѣе... нѣтъ...

Конечно, легче было бы распечатать письмо и на концѣ четвертой странички прочитать, отъ кого оно, нежели отгадывать. Безъ сомнѣнія. Отчего же всѣ дѣлаютъ подобныя гаданія надъ письмомъ? Это тайна сердца человѣческаго, основанная впрочемъ

на томъ, что лестно человѣку признать себя догадливымъ и проницательнымъ.

Наконецъ, Бельтовъ снялъ пакетъ и сталъ читать письмо; съ каждой строчкой его лицо дѣлалось блѣднѣе и слезы навернулись на глазахъ его.

Письмо это было отъ племянника m-r Жозефъ; онъ извѣщалъ Бельтова о смерти старика. Жизнь этого простого, благороднаго существа такъ, какъ текла, тихо и ясно, такъ и потухла. Онъ былъ много лѣтъ главнымъ учителемъ въ сельской школѣ, не далеко отъ Женевы. Дни два ему нездоровилось, на третій казалось лучше; едва переставляя ноги, онъ отправился въ учебную залу, тамъ онъ упалъ въ обморокъ, его перенесли домой, пустили ему кровь, онъ пришелъ въ себя, былъ въ полной памяти, простился съ дѣтьми, которыя молча стояли, испуганныя и растерянныя, около его кровати, звалъ ихъ гулять и прыгать на его могилу, потомъ спросилъ портретъ Вольдемара, долго съ любовью смотрѣлъ на него и сказалъ племяннику: «Какой бы человѣкъ могъ изъ него выйти... да видно старикъ дядя лучше зналъ... Отошли этотъ портретъ къ Вольдемару послѣ... адресъ у меня въ портфелькѣ, въ старомъ, на которомъ портретъ Вашингтона... Жаль Вольдемара... очень жаль...»

«Тутъ, писалъ племянникъ, больной началъ бредить, лицо его приняло задумчивое выраженіе послѣднихъ минутъ жизни, онъ велѣлъ себя приподнять и, открывши свѣтлые глаза, хотѣлъ что-то сказать дѣтямъ, но языкъ не повиновался. Онъ улыбнулся имъ и сѣдая голова его упала на грудь. Мы схоронили его на нашемъ сельскомъ кладбищѣ между органистомъ и кистеромъ».

Бельтовъ прочиталъ письмо, положилъ его на столъ, отеръ слезу, прошелся по комнатѣ, постоялъ у окна, снова взялъ письмо, прочелъ его отъ доски до доски. «Удивительный человѣкъ! Удивительный человѣкъ!» бормоталъ онъ сквозь зубы, «пресчастливый человѣкъ, умѣлъ довольствоваться, умѣлъ трудиться, быть полезнымъ на всякомъ мѣстѣ, куда судьба его ни бросала... Теперь на всемъ земномъ шарѣ у меня мать, и болѣе никого... никого... Хоть изрѣдка дойдетъ, бывало, вѣсть о старикѣ, и хорошо, ну просто, я бывалъ доволенъ сознаніемъ, что онъ существуетъ. И его нѣтъ! Фу, какъ тяжело все это. Право, если-бъ впередъ говорили условія, мало нашлось бы дураковъ, которые рѣшились бы жить».

— «Супъ простынетъ, Владиміръ Петровичъ», доложилъ камердинеръ, съ участіемъ видѣвшій, что содержаніе письма было не изъ пріятныхъ.

— Григорій, спросилъ Бельтовъ, помнишь учителя, который жилъ у насъ?

— «Какъ не помнить-съ швейцарца то-съ».

— Онъ скончался, сказалъ Бельтовъ и отвернулся отъ Григорія, чтобъ скрыть волненіе.

— «Царство ему небесное! прибавилъ Григорій,—добрый былъ человѣкъ, и съ нашимъ братомъ простъ; мы вотъ недавно говорили съ Максимъ Ѳедоровымъ, что у маменьки служитъ въ буфетчикахъ, т. е. о васъ. Признаться доложить, Максимъ Ѳедоровичъ не надивится на васъ; я, по вашей милости, насмотрѣлся на разныя націи и на тамошніе порядки, ну, а онъ больше все въ губерніи проживалъ, ему и удивительно. «Конечно, говоритъ, добрая душа у нихъ, врожденная, барынина. Ну и, т. е. и отъ учителя было чему заняться, бывало, я помню, передъ деревенскимъ мальчишкой, который поклонится, приказываетъ Владиміру Петровичу картузикъ снять; такой же де образъ и подобіе Божіе есть».

Бельтовъ промолчалъ и грустно принялся за супъ.

Вѣсть о смерти Жозефа естественнымъ образомъ вызвала въ памяти Бельтова всю его юность, а за нею и всю жизнь. Онъ вспомнилъ поученія Жозефа, какъ жадно внималъ онъ имъ, какъ вѣрилъ и какъ все оказалось въ жизни совсѣмъ не такъ, какъ въ словахъ Жозефа, и... Странное дѣло! все говоренное имъ было прекрасно, истинно, истинно направо и налѣво, и совершенно ложно для него, Бельтова. Онъ сравнивалъ себя тогдашняго и себя настоящаго; ничего не было общаго, кромѣ нити воспоминаній, связывавшихъ эти два разныя лица. Тотъ — полный упованій, съ религіей самоотверженія, съ готовностію на тяжкіе подвиги, на безвозмездные труды, и *этотъ*, уступившій внѣшнимъ обстоятельствамъ, безъ надеждъ, ищущій чего-нибудь для развлеченія. Когда Григорій принесъ портретъ съ почты, Бельтовъ разрѣзалъ поскорѣе клеенку и съ большимъ нетерпѣніемъ вынулъ его... Онъ перемѣнился въ лицѣ, взглянувъ на черты, бывшія нѣкогда его чертами, онъ чуть не отвернулся отъ нихъ. Тутъ было представлено все, что бродило у него въ головѣ. Какъ свѣжо, свѣтло было отроческое лицо это, шея раскрыта, воротникъ отъ рубашки лежалъ на плечахъ, и какая-то невыразимая черта задумчивости пробѣгала по устамъ и взору, той неопредѣленной задумчивости, которая предупреждаетъ будущую мощную мысль; какъ много выйдетъ изъ этого юноши, сказалъ бы каждый теоретикъ, такъ говорилъ мсье Жозефъ, а изъ него вышелъ праздный туристъ, который, какъ за послѣдній якорь, схватился за мѣсто по дворянскимъ выборамъ въ NN. Тогда, думалъ Бельтовъ, глядя съ упрекомъ на портретъ, тогда мнѣ было 14 лѣтъ, теперь мнѣ за тридцать—и что впереди? Одна сѣрая мгла, скучное, однообразное продолженіе впредь; начать новую жизнь поздно, продолжать

старую невозможно. Сколько начинаній, сколько встрѣчъ... и все окончилось праздностью и одиночествомъ...

Нить горькихъ мыслей прервалъ Семенъ Ивановичъ; онѣ продолжались въ формѣ разговора.

— «Что состояніе здоровья, Владиміръ Петровичъ?»

— А! здравствуйте, Семенъ Ивановичъ; очень радъ васъ видѣть; такая тоска, такая скука, что мочи нѣтъ. Я, право, нездоровъ, во мнѣ что-то въ родѣ лихорадки, очень небольшой, но безпрерывно поддерживающей меня въ какомъ-то напряженномъ состояніи.

— «Вы ведете неправильный образъ жизни», возразилъ Круповъ, заворачивая длинный рукавъ на сюртукѣ, чтобъ основательно пощупать пульсъ.—«Пульсъ не хорошъ. Вы живете вдвое скорѣе, чѣмъ надобно, не жалѣете ни колесъ, ни смазки, долго такъ ѣхать нельзя».

— Я самъ чувствую, что морально и физически разрушаюсь.

— «Раненько. Нынѣшнее поколѣніе быстро живетъ; надобно бы вамъ, впрочемъ, серьезно позаняться здоровьемъ, взять свои мѣры».

— Какія тутъ мѣры?

— «Очень много. Ложитесь во время спать, вставайте раньше, меньше чтенія, меньше думать, больше гулять, разгоняйте печальныя мысли, вина пить не много, крѣпкій кофе совсѣмъ бросить».

— Вамъ кажется все это легко, особенно разгонять мысли... И на долго ли вы меня обрекаете такой діэтѣ?

— «На всю жизнь».

— Покорнѣйшій слуга, это и скучно и противно, да и хлопотать не изъ чего.

— «Какъ не изъ чего? мнѣ кажется, что стоитъ принесть койкакую жертву для того, чтобъ достигнуть глубокой старости, для того, чтобъ долѣе прожить».

— Ну, а для чего же долго жить?

— «Странный вопросъ! Ну, да какъ для чего, я не знаю, для чего; ну, жить, все же лучше жить, нежели умереть; всякое животное имѣетъ любовь къ жизни».

— Если жъ найдется такое, которое не имѣетъ, замѣтилъ, горько улыбаясь, Бельтовъ. Байронъ очень справедливо сказалъ, что порядочному человѣку нельзя жить больше тридцати пяти лѣтъ. Да и зачѣмъ долгая жизнь? Это должно быть очень скучно.

— «Вы все изъ проклятыхъ нѣмецкихъ философовъ начитались такихъ софизмовъ».

— Въ этомъ случаѣ позвольте мнѣ защитить нѣмцевъ; я человѣкъ русскій и жизнію обучился думать, а не думою жилъ. Благо мы дошли съ вами до этого вопроса; скажите добросовѣстно, подумавши, что будетъ пользы, если я проживу не десять, а

пятьдесятъ лѣтъ, кому нужна моя жизнь, кромѣ моей матери, которая сама очень ненадежна? По слабости ли силъ, по недостатку ли характера, но дѣло въ томъ, что я безполезный человѣкъ, и, убѣдившись въ этомъ, я полагаю, что я одинъ хозяинъ надъ моею жизнію; я еще не настолько разлюбилъ жизнь, чтобъ застрѣлиться, и ужъ не люблю ее настолько, чтобъ жить на діэтѣ, водить себя на помочахъ, устранять сильныя ощущенія и вкусныя блюда, для того, чтобъ продлить на долгое время эту жизнь больничнаго паціента.

— «Вы предпочитаете хроническое самоубійство, возразилъ Круповъ, начинавшій уже сердиться:—понимаю, вамъ жизнь надоѣла отъ праздности, — ничего не дѣлать должно быть очень скучно; вы, какъ всѣ богатые люди, не привыкли къ труду. Дай вамъ судьба опредѣленное занятіе, да отними она у васъ Бѣлое Поле, вы бы стали работать, положимъ, для себя, изъ хлѣба, а польза-то вышла бы для другихъ; такъ-то все на свѣтѣ и дѣлается».

— Помилуйте, Семенъ Ивановичъ, неужели вы думаете, что кромѣ голода нѣтъ довольно сильнаго побужденія на трудъ? Да просто желаніе обнаружиться, высказаться заставитъ трудиться. Я изъ одного хлѣба, напротивъ, не сталъ бы работать: работать цѣлую жизнь, чтобъ не умереть съ голоду, и не умирать съ голоду, чтобъ работать,—умное и полезное препровожденіе времени!

— «Что же вы, съ вашей сытостью и желаніемъ высказаться, много надѣлали?» спросилъ совсѣмъ уже разсерженный старикъ.

— Тутъ-то и запятая. Ужъ, конечно, я не по охотѣ избралъ жизнь праздную и утомительную для меня. Ученымъ спеціалистомъ я не родился, такъ, какъ не родился музыкантомъ; а остальныя дороги, кажется, для меня не родились...

— «То есть, вы себя этимъ утѣшаете; земля вамъ коротка, мало мѣста, воли-то твердой нѣтъ, настойчивости нѣтъ, gutta cavat...»

— Lapidem, окончилъ Бельтовъ. Вы человѣкъ положительный, а туда же толкуете о волѣ.

— «Красно-то вы говорите, красно, замѣтилъ Круповъ,—а все мнѣ сдается, что хорошій работникъ безъ работы не останется».

— Да что же вы думаете, эти ліонскіе работники, которые умираютъ голодной смертью, съ готовностью трудиться, за недостаткомъ работы, не умѣютъ ничего дѣлать, или изъ ума шутятъ? Охъ, Семенъ Ивановичъ! не торопитесь осуждать и не торопитесь прописывать душевное спокойствіе и конскій щавель: первое невозможно, а второе не можетъ помочь. Мало болѣзней хуже сознанія безполезныхъ силъ. Какая тутъ діэта! Вспомните Наполеоновъ отвѣтъ доктору Антомарки: «Это не ракъ, взошедшій внутрь, а Ватерлоо, взошедшее внутрь». У каждаго есть свое Waterloo rentré! Пойдемте-ка, Семенъ Ивановичъ, къ Круциферскимъ; у

нихъ я раза два вылечивался отъ хандры; подобныя средства помогаютъ лучше всѣхъ декоктовъ.

— «Вотъ и жди отъ васъ спасиба да признанія! А кто вамъ прописалъ ихъ домъ?»

— Виноватъ, виноватъ, забылъ! О, вы величайшій изъ сыновъ Гипократа, Семенъ Ивановичъ! отвѣчалъ Бельтовъ, накладывая сигары и добродушно улыбаясь доктору.

Да что же, наконецъ, спросимъ мы вмѣстѣ съ Марьей Степановной, что влекло Бельтова въ скромный домъ учителя? Нашелъ ли онъ друга въ немъ, человѣка симпатичнаго, или, въ самомъ дѣлѣ, не влюбленъ ли онъ въ его жену? Ему самому отвѣчать на эти вопросы, при всемъ желаніи сказать истину, было бы очень трудно. Его многое сблизило съ этимъ домомъ. Выборы кончились съ своими обѣдами и балами. Бельтова, какъ разумѣется, ни во что не избрали, и онъ оставался въ NN только для окончанія какого-то процесса въ гражданской палатѣ. Предоставляемъ вамъ оцѣнить всю величину скуки для этого человѣка въ NN, если-бъ онъ не былъ знакомъ съ Круциферскими. Тихая, безмятежная жизнь Круциферскихъ представляла нѣчто новое и привлекательное для Бельтова, онъ провелъ всю жизнь въ общихъ вопросахъ, въ наукѣ и теоріи, въ чужихъ городахъ, гдѣ такъ трудно сближаться съ домашнею жизнію, и въ Петербургѣ, гдѣ ея немного. Онъ домашнее довольство считалъ вымысломъ или достояніемъ людей пошлыхъ и мелкихъ. Круциферскіе не были таковы. Характеръ Круциферскаго опредѣлить трудно: натура нѣжная и любящая до высшей степени, натура женская и поддающаяся, онъ имѣлъ столько простосердечія и столько чистоты, что его нельзя было не полюбить, хотя чистота его и сбивалась на неопытность, на невѣдѣніе ребенка. Трудно было бы сыскать человѣка, болѣе не знающаго практическую жизнь; онъ все, что зналъ, зналъ изъ книги, и оттого зналъ невѣрно, романтически, риторически; онъ свято вѣрилъ въ дѣйствительность міра, воспѣтаго Жуковскимъ, и въ идеалы, витающіе надъ землей. Изъ затворничества студентской жизни, въ продолженіе которой онъ выходилъ въ міръ страстей и столкновеній только въ райкѣ московскаго театра, онъ вышелъ въ жизнь тихо, въ сѣренькій осенній день; его встрѣтила жизнь подавляющей нуждой, все казалось ему непріязненнымъ, чуждымъ, и молодой кандидатъ пріучался болѣе и болѣе находить всю отраду и все успокоеніе въ мірѣ мечтаній, въ который онъ убѣгалъ отъ людей и отъ обстоятельствъ. Та же внѣшняя нужда загнала его въ домъ Негрова; эта встрѣча съ дѣйствительностью еще болѣе сосредоточила его. Кроткій отъ природы, онъ и не думалъ вступить въ борьбу съ дѣйствительностью, онъ отступалъ отъ ея напора, онъ просилъ только оста-

вить его въ покоѣ; но явилась любовь, такъ, какъ она является въ этихъ организаціяхъ не бѣшено, не безумно, но на вѣки вѣковъ, но съ такимъ отданіемъ себя, что ужъ въ груди не остается ничего не отданнаго. Нервная раздражительность поддерживала его безпрерывно въ какомъ-то восторженно-меланхолическомъ состояніи; онъ всегда готовъ былъ плакать, грустить,—онъ любилъ въ тихіе вечера долго, долго смотрѣть на небо, и кто знаетъ, какія видѣнія чудились ему въ этой тишинѣ; онъ часто жалъ руку своей женѣ и смотрѣлъ на нее съ невыразимымъ восторгомъ; но къ этому восторгу примѣшивалась такая глубокая грусть, что Любовь Александровна сама не могла удержаться отъ слезъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ была та же кротость, что и на лицѣ, то же спокойствіе, та же искренность и та же робкая задумчивость. Нужно ли говорить, какъ такой человѣкъ долженъ былъ любить свою жену? Любовь его росла безпрерывно, тѣмъ болѣе, что ничто не развлекало его; онъ не могъ двухъ часовъ провести, не видавши темно-голубыхъ глазъ своей жены, онъ трепеталъ, когда она выходила со двора и не возвращалась въ назначенный часъ; словомъ, ясно было видно, что всѣ корни его бытія были въ ней. Къ этому много способствовалъ міръ, въ который онъ попалъ.

Учители NN гимназіи были, какъ это бывало въ старину въ нашихъ школахъ, люди большею частію облѣнившіеся, огрубѣвшіе въ провинціальной жизни, отданные тяжелымъ, матеріальнымъ привычкамъ и усыпившіе всякое желаніе знать что-нибудь. Не думаемъ, чтобъ Круциферскій имѣлъ призваніе вести далѣе науку, отдаться ея вопросамъ вполнѣ и сдѣлать изъ нихъ свои жизненные вопросы, но онъ имъ сочувствовалъ, ему было многое доступно... кромѣ средствъ. Самому выписывать книги нечего было и думать, гимназія пріобрѣтала, но не такія, которыя могли бы поддержать интересъ въ молодомъ ученомъ. Провинціальная жизнь вообще гибельна для тѣхъ, которые хотятъ сохранить не одно недвижимое имѣніе, и для тѣхъ, которые не хотятъ дѣлать неудободвижимымъ свое тѣло; при совершенномъ отсутствіи всякаго теоретическаго интереса, кто не заснетъ, если не сладкимъ, то долгимъ сномъ въ этой обители душевной дремоты?.. Человѣку необходимы внѣшнія раздраженія, ему нужна газета, которая бы всякой день приводила его въ соприкосновеніе со всѣмъ міромъ, ему нуженъ журналъ, который бы передавалъ каждое движеніе современной мысли, ему нужна бесѣда, нуженъ театръ;—разумѣется, отъ всего этого можно отвыкнуть, покажется, будто все это и не нужно, потомъ сдѣлается въ самомъ дѣлѣ совершенно ненужно, т. е. въ то время, какъ самъ этотъ человѣкъ уже сдѣлался совершенно не нуженъ. Круциферскій далеко не принадлежалъ къ тѣмъ сильнымъ и настойчивымъ лю-

дямъ, которые создаютъ около себя то, чего нѣтъ; отсутствіе всякаго человѣческаго интереса около него дѣйствовало на него болѣе отрицательно, нежели положительно, между прочимъ потому, что это было въ лучшую эпоху его жизни, т. е. тотчасъ послѣ брака. А потомъ онъ привыкъ, остался при своихъ мечтахъ, при нѣсколькихъ широкихъ мысляхъ, которымъ ужъ прошло нѣсколько лѣтъ, при общей любви къ наукѣ, при вопросахъ, давно рѣшенныхъ. Удовлетворенія болѣе дѣйствительнымъ потребностямъ души онъ искалъ въ любви, и въ сильной натурѣ своей жены онъ находилъ все. Споры съ Круповымъ, продолжавшіеся года четыре, получили тотъ же характеръ провинціальной стоячести: они въ эти годы переговаривали ежедневно одно и то же. Круциферскій являлся на защиту спиритуализма, и старикъ Круповъ грубо и съ негодованіемъ билъ его своимъ медицинскимъ матеріализмомъ. Этимъ то тихимъ русломъ журчала жизнь нашихъ пріятелей, когда вдругъ взошло въ нее лицо совсѣмъ иного закала, лицо чрезвычайно дѣятельное внутри, раскрытое всѣмъ современнымъ вопросамъ, энциклопедическое, одаренное смѣлымъ и рѣзкимъ мышленіемъ. Круциферскій невольно покорился энергической сущности новаго пріятеля; зато Бельтовъ, съ своей стороны, далеко не остался изъятъ отъ вліянія жены Круциферскаго. Сильной натурѣ, не занятой ничѣмъ особенно, почти невозможно оборониться отъ вліянія энергической женщины; надобно быть или очень ограниченнымъ, или очень ячнымъ, или совершенно безхарактернымъ, чтобъ тупо отстоять свою независимость передъ нравственной властью, являющейся въ прекрасномъ образѣ юной женщины,—правда, что пылкій отъ природы, увлекающійся отъ непривычки къ самообузданію, Бельтовъ давалъ легкій призъ надъ собою всякой кокеткѣ, всякому хорошенькому лицу. Онъ много разъ былъ до безумія влюбленъ то въ какую-нибудь примадону, то въ танцовщицу, то въ двусмысленную красавицу, уединившуюся у минеральныхъ водъ, то въ какую-нибудь краснощекую и бѣлокурую нѣмку съ притязаніемъ на мечтательность, готовую всегда любить по Шиллеру и поклясться при пѣніи соловья въ вѣчной любви здѣсь и *тамъ*, то въ огненную француженку, вѣрную наслажденію и разгулу безъ лицепріятія... Но такого вліянія Бельтовъ не испыталъ.

Сначала знакомства, Бельтовъ вздумалъ пококетничать съ Круциферской; онъ пріобрѣлъ на это богатыя средства, его трудно было запугать аристократической обстановкой или ложной строгостью; увѣренный въ себѣ, потому что имѣлъ дѣло съ очень не трудными красотами, ловкій и опасно дерзкій на языкъ, онъ имѣлъ все, чтобъ оглушить совѣсть провинціалки; но догадливый Бельтовъ тотчасъ оставилъ пошлое ухаживаніе, понявъ, что на

такого звѣря тенеты слишкомъ слабы. Женщина, явившаяся передъ нимъ въ этой глуши, была такъ проста, такъ наивно естественна и такъ полна силы и ума, что у Бельтова прошла очень скоро охота интриговать ее. Трудно было на нее сдѣлать нападеніе, потому что она вовсе не оборонялась, не становилась en garde; другое отношеніе, болѣе человѣчественное, быстро сблизило Круциферскую съ Бельтовымъ. Круциферская поняла его грусть, поняла ту острую закваску, которая бродила въ немъ и мучила его, она поняла и шире и лучше въ тысячу разъ, нежели Круповъ, напримѣръ; понявши, она не могла болѣе смотрѣть на него безъ участія, безъ симпатіи, а глядя на него такъ, она его болѣе и болѣе узнавала, съ каждымъ днемъ раскрывались для нея новыя и новыя стороны этого человѣка, обреченнаго уморить въ себѣ страшное богатство силъ и страшную ширь пониманія. Бельтовъ тотчасъ оцѣнилъ разницу добросовѣстно-нравоучительнаго участія Крупова, романтическаго сочувствія, готоваго раздѣлить слезу, Дмитрія Яковлевича, съ тѣмъ вѣрнымъ тактомъ, который онъ видѣлъ въ Круциферской. Много разъ, когда они четверо сидѣли въ комнатѣ, Бельтову случалось говорить внутреннѣйшія убѣжденія свои; онъ ихъ, по привычкѣ утаивать, по склонности, почти всегда приправлялъироніей или бросалъ ихъ вскользь; его слушатели по большей части не отзывались, но когда онъ бросалъ тоскливый взглядъ на Круциферскую, легкая улыбка пробѣгала у него по лицу,—онъ видѣлъ, что понятъ; они незамѣтно становились, досадно сравнить, а нечего дѣлать, въ то положеніе, въ которомъ находились нѣкогда Любонька и Дмитрій Яковлевичъ въ семьѣ Негрова, гдѣ прежде, нежели они другъ другу успѣли сказать два слова, понимали, что понимаютъ другъ друга. Этого рода симпатій нечего ни развивать, ни подавлять; онѣ просто выражаютъ фактъ братственнаго развитія въ двухъ лицахъ, гдѣ бы и какъ бы ни встрѣтились эти лица; если они узнаютъ другъ друга, если они поймутъ родство свое, то каждый пожертвуетъ, если обстоятельства потребуютъ, всѣми низшими степенями родства въ пользу высшаго.

— Отгадайте, кто это? сказалъ Бельтовъ, подавая портретъ свой Любови Александровнѣ.

— Да это вы! почти вскрикнула Любовь Александровна и вся вспыхнула въ лицѣ:—ваши глаза, вашъ лобъ... Какъ вы были хороши юношей! Какое беззаботное и смѣлое лицо...

— Много надобно хитрости, чтобъ рѣшиться самому для сличенія принести женщинѣ свой портретъ, дѣланный болѣе, нежели за пятнадцать лѣтъ; но мнѣ смертельно хотѣлось его показать вамъ, чтобъ вы сами увидѣли,

Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?

Я, право, удивляюсь, какъ вы узнали: ни одной черты не осталось.

— Узнать можно, отвѣчала Круциферская, не сводя глазъ съ портрета.—Какъ это вы его давно не принесли!

— Я сегодня только получилъ его; мой добрый Жозефъ умеръ съ мѣсяцъ тому назадъ; его племянникъ прислалъ мнѣ этотъ портретъ съ письмомъ.

— Ахъ, бѣдный Жозефъ!—Я считаю его въ числѣ близкихъ знакомыхъ, по вашимъ разсказамъ.

— Старикъ умеръ среди кроткихъ занятій своихъ, и вы, которыя не знали его въ глаза, и толпа дѣтей, которыхъ онъ училъ, и я съ матерью—помянемъ его съ любовью и горестью. Смерть его многимъ будетъ тяжелый ударъ. Въ этомъ отношеніи я счастливѣе его: умри я, послѣ кончины моей матери, и я увѣренъ, что никому не доставлю горькой минуты, потому что до меня нѣтъ никому дѣла. Говоря это очень искренно, Бельтовъ немного и пококетничалъ: ему хотѣлось вызвать Любовь Александровну на какой-нибудь теплый отвѣтъ.

— Вы этого не думаете сами, отвѣчала Круциферская, пристально взглянувъ на Бельтова; онъ опустилъ глаза.

— Ну, вотъ ужъ послѣ смерти мнѣ совершенно все равно, кто будетъ плакать и кто хохотать, замѣтилъ Круповъ.

— Я съ вами не согласенъ, присовокупилъ Круциферскій:—я очень понимаю весь ужасъ смерти, когда не только у постели, но и въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ любящаго человѣка, и чужая рука холодно броситъ горсть земли и спокойно положитъ лопатку, чтобъ взять шляпу и идти домой. Любонька, когда я умру, приходи почаще ко мнѣ на могилу, мнѣ будетъ легко...

— Да, очень легко, это правда, съ досадой ввернулъ Круповъ: такъ что и на химическихъ вѣсахъ не свѣшаешь...

— И будто у васъ нѣтъ другихъ друзей, кромѣ Жозефа? спросила Круциферская,—можетъ ли это быть?

— Было множество, самыхъ пламенныхъ, самыхъ преданныхъ, мало ли что было! У меня лицо было вотъ какое, а теперь совсѣмъ другое. Да, впрочемъ, друзей не нужно: дружба милая, юношеская болѣзнь; бѣда тому, кто не умѣетъ самъ себѣ довлѣть.

— Однако же Жозефъ, сколько я знаю, остался до конца жизни близокъ съ вами.

— Потому что мы жили далеко другъ отъ друга, мы съ нимъ были дружны, потому что разъ видѣлись въ пятнадцать лѣтъ. И при этомъ мелькнувшемъ свиданіи, я заслонилъ воспоминаніями замѣченную мною разность нашу.

— Такъ вы видѣли его послѣ того, какъ онъ отправился въ Швецію?

— Одинъ разъ.

— Гдѣ?

— Въ мѣстахъ, гдѣ онъ кончилъ жизнь.

— И давно?

— Съ годъ тому назадъ.

— Вотъ, вмѣсто вашихъ мрачныхъ словъ, лучше разскажите намъ ваше свиданіе съ старикомъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ; мнѣ хочется имъ заниматься, мнѣ весело говорить объ немъ. Дѣло было вотъ какъ. Въ началѣ прошлаго года я пріѣхалъ изъ южной Франціи въ Женеву. Зачѣмъ? Трудно объяснить. Мнѣ не хотѣлось ѣхать въ Парижъ, потому что я тамъ ничего не успѣвалъ дѣлать и потому что я тамъ постоянно страдалъ завистью: всѣ кругомъ заняты, хлопочутъ изъ дѣла, изъ вздора, а я читаю въ кофейныхъ газеты и хожу благосклоннымъ, но постороннимъ зрителемъ. Въ Женевѣ я прежде не былъ; городъ тихій, въ сторонѣ, а потому я и избралъ ее зимней квартирой; я собирался тамъ заняться политической экономіей и на досугѣ обдумать, что дѣлать на будущее лѣто и куда ѣхать. Само собой разумѣется, что на другой или на третій день я уже справлялся у лонлакеевъ, у банкировъ, вездѣ, не знаетъ ли, не слыхалъ ли кто о г. Жозефѣ. Никто не имѣлъ о немъ понятія; одинъ старикъ часовщикъ говорилъ, что онъ точно зналъ Жозефа, который учился съ нимъ вмѣстѣ и ушелъ въ Петербургъ, но что послѣ этого онъ не видалъ его.

Раздосадованный, я бросилъ мои поиски, занятія не клеились, дѣло было ранней весною, погода стояла ясная и прохладная; скитальческая жизнь моя оставила во мнѣ страсть къ бродяжничеству: я рѣшился сдѣлать нѣсколько маленькихъ путешествій пѣшкомъ по окрестностямъ Женевы. Дорога имѣетъ на меня страшное вліяніе: я оживаю на дорогѣ, особенно пѣшкомъ или верхомъ. Экипажъ стучитъ, развлекаетъ, присутствіе возчика разрушаетъ одиночество; но одинъ, верхомъ или съ палкой въ рукѣ, идешь, идешь; дорога ниткой вьется передъ глазами, куда-то пропадая, и никого вокругъ, кромѣ деревьевъ, да ручья, да птицы, которая спорхнетъ и пересядетъ... удивительно хорошо!. Иду я разъ такимъ образомъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Женевы, долго шелъ я одинъ... вдругъ съ боковой дороги вышли на большую человѣкъ двадцать крестьянъ; у нихъ былъ чрезвычайно жаркій разговоръ, съ сильной мимикой; они такъ близко шли отъ меня и такъ мало обращали вниманія на посторонняго, что я могъ очень хорошо слышать ихъ разговоръ: дѣло шло о какихъ-то кантональныхъ выборахъ, крестьяне раздѣлялись на двѣ партіи,— завтра надобно было подать окончательные голоса; видно было, что вопросъ, ихъ занимавшій, поглощалъ ихъ совершенно: они

махали руками, бросали вверхъ шапки. Я сѣлъ подъ дерево, ватага избирателей прошла, и долго еще доносились до меня отрывки демагогическихъ рѣчей и консерваторскихъ возраженій. Меня всегда терзаетъ зависть, когда я вижу людей, занятыхъ чѣмъ-нибудь, имѣющихъ дѣло, которое ихъ поглощаетъ... А потому я уже былъ совершенно не въ духѣ, когда появился на дорогѣ новый товарищъ, стройный юноша, въ толстой блузѣ, въ сѣрой шляпѣ съ огромными полями, съ котомкой за плечами и съ трубкой въ зубахъ; онъ сѣлъ подъ тѣнь того же дерева; садясь, онъ дотронулся до края шляпы; когда я ему откланялся, онъ снялъ свою шляпу совсѣмъ и сталъ обтирать потъ съ лица и съ прекрасныхъ каштановыхъ волосъ. Я улыбнулся, понявъ осторожность моего сосѣда: онъ потому не снялъ прежде шляпы, чтобъ я не подумалъ, что это для меня. Посидѣвши, молодой человѣкъ обратился ко мнѣ и спросилъ:

— «Куда идетъ ваша дорога?»

— Мнѣ труднѣе отвѣчать вамъ, нежели вы думаете; я просто иду, куда глаза глядятъ.

— «Вы, вѣрно, иностранецъ?»

— Я русскій.

— «У! изъ какой дали... чай, у васъ теперь страшные морозы?..» Извѣстное дѣло, что ни одинъ иностранецъ не можетъ говорить о Россіи, не упомянувъ о морозѣ и о скорой почтовой ѣздѣ, несмотря на то, что пора было убѣдиться, что ни особенно страшныхъ морозовъ нѣтъ, ни сказочной ѣзды.

— Да, теперь въ Петербургѣ зима.

— «А какъ вамъ нравится нашъ климатъ?» спросилъ швейцарецъ съ гордостью.

— Хорошъ, отвѣчалъ я.—Вы здѣшній уроженецъ?

— «Да, я родился не далеко отсюда и иду теперь изъ Женевы на выборы въ нашемъ мѣстечкѣ; я еще не имѣю права подать голосъ въ собраніи, но зато у меня остается другой голосъ, который не пойдетъ въ счетъ, но который, можетъ быть, найдетъ слушателей. Если вамъ все равно, пойдемте со мной; домъ моей матери къ вашимъ услугамъ, съ сыромъ и виномъ; а завтра посмотрите, какъ наша сторона одержитъ верхъ надъ стариками».

— Ого, да это радикалъ! подумалъ я, снова окинувъ глазами моего сосѣда.

— Пойдемте къ вамъ, сказалъ я ему, подавая руку:—мнѣ все равно.

— «Вамъ, чай, любопытно посмотрѣть на выборы; вѣдь, у васъ дома выборовъ нѣтъ?»

— Кто это вамъ сказалъ? отвѣчалъ я,—у васъ въ школѣ, вѣрно, былъ прескверный учитель географіи; очень много, напротивъ.

и дворянскіе, и купеческіе, и мѣщанскіе, и сельскіе, даже въ помѣщичьихъ деревняхъ начальникъ называется выборнымъ.

Юноша покраснѣлъ.

— «Я учился географіи давно, сказалъ онъ,—и не очень долго. А учитель нашъ, несмотря на все уваженіе, которое имѣю къ вамъ, отличнѣйшій человѣкъ; онъ самъ былъ въ Россіи, и, если хотите, я познакомлю васъ съ нимъ; онъ такой философъ, могъ бы быть Богъ знаетъ чѣмъ, и не хочетъ, а хочетъ быть нашимъ учителемъ».

— Очень благодаренъ, отвѣчалъ я, не имѣя ни малѣйшаго желанія увидѣться съ какимъ-нибудь полевымъ педантомъ.

— «А онъ точно былъ въ вашей сторонѣ».

— Гдѣ же?

— «Въ Петербургѣ и въ Москвѣ».

— А какъ его фамилія?

— «Мы его зовемъ père Joseph».

— Père Joseph! повторилъ я, не вѣря ушамъ своимъ.

— «Ну, да что-жъ тутъ удивительнаго?» возразилъ мой товарищъ.

Довольно сказать, послѣ двухъ-трехъ вопросовъ я совершенно убѣдился, что père Joseph — именно мой Жозефъ. Мы удвоили шаги. Молодой человѣкъ не могъ довольно нарадоваться, что доставилъ мнѣ такое неожиданное удовольствіе, и еще болѣе тому, что онъ доставитъ его и Жозефу, котораго любилъ и уважалъ безмѣрно. Я разспрашивалъ его объ образѣ жизни старика и изъ всѣхъ подробностей увидѣлъ, что онъ остался тотъ же простой, благородный, восторженный, юный; я понялъ изъ разсказа, что я обогналъ Жозефа въ совершеннолѣтіи, что я старѣе его. Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ принялъ на себя должность старшаго учителя и завѣдывателя школы; онъ дѣлалъ втрое больше, нежели требовали его обязанности, имѣлъ небольшую библіотеку, открытую для всего селенія, имѣлъ садъ, въ которомъ копался въ свободное время съ дѣтьми. Когда мы остановились передъ чистенькимъ домикомъ школьнаго учителя, ярко освѣщеннымъ заходящими лучами солнца и удвоеннымъ отраженіемъ высокой горы, къ которой домикъ прислонялся,—я послалъ впередъ моего товарища, чтобъ не слишкомъ взволновать старика нечаянностью, и велѣлъ сказать, что одинъ русскій желаетъ его видѣть. Père Joseph былъ въ саду и отдыхалъ на скамеечкѣ, опираясь на заступъ. Онъ встрепенулся при словѣ Россія и поспѣшными шагами шелъ мнѣ на встрѣчу; я бросился въ его объятія. Первое, что поразило меня, это оскорбительная сила разрушенія, лежащая во времени: десяти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его не видалъ,—и какая перемѣна! Онъ потерялъ

почти всѣ волосы, лицо его осунулось, походка не была такъ тверда и онъ уже ходилъ сгорбившись, одни глаза были такъ же юны, какъ и въ прежнее время. Не могу вамъ выразить радости, съ которой онъ встрѣтилъ меня: старикъ плакалъ, смѣялся, дѣлалъ наскоро бездну вопросовъ, спрашивалъ, жива ли моя ньюфаундленская собака, вспоминалъ шалости; привелъ меня, говоря, въ бесѣдку, усадилъ отдыхать и отправилъ Шарля, т. е. моего спутника, принести изъ погреба кружку лучшаго вина. Признаюсь, что я врядъ когда-либо пилъ съ такимъ наслажденіемъ отличнѣйшее клико, съ какимъ я поглощалъ стаканъ за стаканомъ кисленькое винцо Жозефа. Я былъ одушевленъ, юнъ, счастливъ; но старикъ вскорѣ окончилъ мое превосходное расположеніе духа вопросомъ:

— Что же ты дѣлалъ все это время, Вольдемаръ?

Я разсказалъ ему всю исторію моихъ неудачъ и заключилъ тѣмъ, что, конечно, жизнь моя могла бы лучше разыграться, но я не раскаиваюсь; если я потерялъ юношескія вѣрованія, зато пріобрѣлъ взглядъ трезвый, можетъ, безотрадный, грустный, но зато истинный.

— Вольдемаръ, возразилъ старикъ, бойся предаваться слишкомъ трезвому взгляду,—какъ бы онъ не охладилъ твоего сердца, не потушилъ бы въ немъ любви! Многаго я не предвидѣлъ въ твоей жизни; тяжко тебѣ было, но не должно же тотчасъ класть оружіе; достоинство жизни человѣческой въ борьбѣ... награду надобно выстрадать.

Я ужъ тогда смотрѣлъ по-проще на дѣла житейскія, однако, слова старика сильно подѣйствовали на меня.

— Скажите-ка, père Joseph, лучше что-нибудь о себѣ, какъ вы провели эти годы? Моя жизнь не удалась, по боку ее. Я точно герой нашихъ народныхъ сказокъ, которыя я, бывало, переводилъ вамъ, ходилъ по всѣмъ распутьямъ и кричалъ: «есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?» Но живъ человѣкъ не откликался... мое несчастіе!.. а одинъ въ полѣ не ратникъ... Я и ушелъ съ поля и пришелъ къ вамъ въ гости.

— Рано, рано сдался, замѣтилъ старикъ, качая головой.—Что я могу разсказать о себѣ? Моя жизнь идетъ тихонько. Оставивши вашъ домъ, я жилъ въ Швеціи, потомъ уѣхалъ съ однимъ англичаниномъ въ Лондонъ, года два училъ его дѣтей; но мой образъ мыслей такъ расходился съ мнѣніями почтеннаго лорда, что я оставилъ его. Мнѣ захотѣлось домой, и я прямо оттуда пріѣхалъ въ Женеву; въ Женевѣ я не нашелъ никого, кромѣ мальчика, сестрина сына. Думалъ, думалъ, что начать подъ конецъ жизни,— а тутъ открылось мѣсто учителя въ здѣшней школѣ, я принялъ его и чрезвычайно доволенъ моими занятіями. Нельзя, да и не

нужно всѣмъ выступать на первый планъ; дѣлай каждый свое въ своемъ кругу,—дѣло вездѣ найдется, а послѣ работы спокойно заснешь, когда придетъ время послѣдняго отдыха. Наша жажда видныхъ и громкихъ общественныхъ положеній показываетъ великое несовершеннолѣтіе наше, отчасти неуваженіе къ самому себѣ, которыя приводятъ человѣка въ зависимость отъ внѣшней обставки. Повѣрь, Вольдемаръ, что это такъ.

Въ этомъ тонѣ разговоръ нашъ продолжался съ часъ.

Тронутый свиданьемъ, я былъ чрезвычайно воспріимчивъ, чрезвычайно хорошо настроенъ; мнѣ были доступны всѣ юныя, полузабытыя мечты. Я смотрѣлъ на лицо Жозефа, совершенно спокойное, безмятежное, и мнѣ стало тяжело за себя, меня давило мое совершеннолѣтіе, и какъ онъ былъ хорошъ! Старость имѣетъ свою красоту, разливающую не страсти, не порывы, но умирающую, успокоивающую; остатки сѣдыхъ волосъ его колыхались отъ вечерняго вѣтра, глаза, одушевленные встрѣчею, горѣли кротко; юно, счастливо я смотрѣлъ на него и вспоминалъ католическихъ монаховъ первыхъ вѣковъ, такъ, какъ ихъ представляли маэстры итальянской школы. И тѣ были юны, думалъ я, съ сѣдинами своими и онъ юнъ, а я старъ; зачѣмъ же я узналъ такъ много, чего они не знали? Жозефъ взялъ меня за руку, вставая, чтобъ идти въ комнату, и съ глубокой любовью повторилъ: «Пора домой, Вольдемаръ, пора домой!» Я остался у него ночевать. Всю ночь меня мучили тысячи проектовъ и плановъ. Примѣръ Жозефа былъ слишкомъ силенъ, онъ безъ средствъ, старикъ, создалъ себѣ дѣятельность, онъ былъ покоенъ въ ней, а я, par dépit, оставилъ отечество, шляюсь чужимъ, ненужнымъ по разнымъ странамъ и ничего не дѣлаю... На другое утро я объявилъ старику, что отправляюсь прямо въ NN служить по выборамъ. Старикъ расплакался и, положивши руку свою мнѣ на голову, сказалъ: «Ступай, другъ мой, ступай. Ты увидишь, человѣкъ, прямо и благородно идущій на дѣло, много сдѣлаетъ, и—прибавилъ старикъ дрожащимъ голосомъ—да будетъ спокойствіе на душѣ твоей». Мы расстались; я отправился въ NN, а онъ на тотъ свѣтъ. Вотъ и все. Это было послѣднее юношеское увлеченіе; съ тѣхъ поръ я покончилъ мое воспитаніе.

Любовь Александровна смотрѣла на него съ глубокимъ участіемъ; въ его глазахъ, на его лицѣ дѣйствительно выражалась тягостная печаль; грусть его особенно поражала, потому что она не была въ его характерѣ, какъ, напримѣръ, въ характерѣ Круциферскаго; внимательный человѣкъ понималъ, что внѣшнее, что обстоятельства, долго сгнетая эту свѣтлую натуру, насильственно втѣснили ей мрачные элементы, и что они разъѣдаютъ ее по несродности.

— «Зачѣмъ вы пріѣхали сюда?» спросила тихимъ голосомъ Круциферская.

— Благодарю васъ, душевно благодарю за этотъ вопросъ, отвѣтилъ Бельтовъ.

«Конечно, странно, замѣтилъ Дмитрій Яковлевичъ,—просто непонятно, зачѣмъ людямъ даются такія силы и стремленія, которыхъ некуда употребить. Всякій звѣрь ловко приспособленъ природой къ извѣстной формѣ жизни. А человѣкъ... не ошибка-ли тутъ какая-нибудь? Просто, сердцу и уму противно согласиться въ возможности того, чтобъ прекрасныя силы и стремленія давались людямъ для того, чтобъ они разъѣдали ихъ собственную грудь. На что же это?»

— Вы совершенно правы, съ жаромъ возразилъ Бельтовъ:— и съ этой точки вы не выпутаетесь изъ вопроса. Дѣло въ томъ, что силы сами по себѣ безпрерывно развиваются, подготовляются, а потребности на нихъ опредѣляются исторіей. Вы вѣрно знаете, что въ Москвѣ всякое утро выходитъ толпа работниковъ, поденщиковъ и наемныхъ людей на вольное мѣсто; однихъ берутъ, и они идутъ работать, другіе, долго ждавши, съ понурыми головами плетутся домой, а всего чаще въ кабакъ. Точно такъ и во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ: кандидатовъ на все довольно—занадобится исторіи, она беретъ ихъ; нѣтъ — ихъ дѣло, какъ промаячить жизнь. Оттого-то это забавное à propos всѣхъ дѣятелей. Занадобились Франціи полководцы,—и пошли Дюмурье, Гошъ, Наполеонъ со своими маршалами... конца нѣтъ; пришли времена мирныя, и о военныхъ способностяхъ ни слуху, ни духу.

— «Но что же дѣлается съ остальными?» спросила грустнымъ голосомъ Любовь Александровна.

— Какъ случится; часть ихъ потухаетъ и дѣлается толпой, часть идетъ населять далекія страны, галеры, доставлять практику палачамъ; разумѣется, это не вдругъ,—сначала они дѣлаются трактирными удальцами, игроками, потомъ, смотря по призванію, туристами по большимъ дорогамъ или по маленькимъ переулкамъ. Случится по дорогѣ услышать кличъ, — декораціи перемѣняются: разбойника нѣтъ, а есть Ермакъ, покоритель Сибири. Всего рѣже выходятъ изъ нихъ тихіе, добрые люди; ихъ безпокоятъ у домашняго очага ѣдкія мысли. Дѣйствительно, странныя вещи приходятъ въ голову человѣку, когда у него нѣтъ выхода, когда жажда дѣятельности бродитъ болѣзненнымъ началомъ въ мозгу, въ сердцѣ, и надобно сидѣть, сложа руки... а мышцы такъ здоровы, а крови въ жилахъ такая бездна... Одно можетъ спасти тогда человѣка и поглотить его... это встрѣча... встрѣча-съ...

Онъ не договорилъ.

Любовь Александровна вздрогнула.

— Экая безпорядочная голова! замѣтилъ Круповъ:—чего онъ тутъ не наговорилъ; хаосъ, истинно хаосъ! Ну, нечего сказать, славный кандидатъ въ засѣдатели или въ уѣздные судьи!

Всѣ улыбнулись.

V.

Между прочими достопримѣчательностями города NN особеннаго вниманія заслуживаетъ публичный садъ. Въ богатой природѣ средней полосы нашего отечества публичные сады совершенная роскошь, отъ этого ими никто не пользуется, т. е. въ будни, а что касается до воскресныхъ и праздничныхъ дней, то вы можете встрѣтить весь городъ отъ 6 часовъ вечера до 9 въ саду; но въ это время публика сбирается не для саду, а другъ для друга. Если начальникъ губерніи въ хорошихъ отношеніяхъ съ полковымъ командиромъ, то въ эти дни являются трубы или большой барабанъ съ товарищами, смотря потому, какое войско стоитъ въ губерніи; и увертюра изъ Лодоиски и Калифа Багдадскаго, вмѣстѣ съ французскими кадрилями, напоминающими незапамятныя времена греческаго освобожденія и «Московскаго Телеграфа», увеселяютъ слухъ купчихъ, одѣтыхъ по лѣтнему—въ атласъ и бархатъ, и тѣхъ провинціальныхъ барынь, за которыми никто не ухаживаетъ, какихъ, впрочемъ, моложе сорока лѣтъ почти не бываетъ. Въ будни, какъ мы сказали, сады бываютъ пусты; развѣ какой-нибудь заѣзжій въ отчаяніи, что нѣтъ лошадей, въ отчаяніи, что и *этотъ* городъ похожъ на всѣ остальные, отправится въ садъ, въ надеждѣ найти хоть какой-нибудь посредственный видъ. Давно замѣчено поэтами, что природа до отвратительной степени равнодушна къ тому, что дѣлаютъ люди на ея спинѣ, не плачетъ надъ стихами и не хохочетъ надъ прозой, а дѣлаетъ свое дѣло по крайнему разумѣнію. Природа точно такъ поступила и въ NN и вовсе не смотрѣла на то, что по саду никто не гулялъ; а кто и гулялъ, тотъ обращалъ вниманіе не на деревья, а на превосходную бесѣдку въ китайско-греческомъ вкусѣ; дѣйствительно, бесѣдка была прекрасна въ своемъ родѣ; начальница губерніи весьма удачно ее назвала Монрепо. Она была особенно успокоительна тѣмъ, что вырѣзанная изъ жести пряничная лошадка, состоявшая въ должности дракона и посаженная на шпицѣ, безпрестанно вертѣлась, издавая какой-то жалобный вопль, располагавшій къ мечтамъ и подтверждавшій, что вѣтеръ, который снесъ на лѣвую сторону шляпу, дѣйствительно дуетъ съ правой стороны; сверхъ дракона, между колоннами были придѣланы нечесанныя и пресердитыя львиныя головы изъ алебастра, растрескавшіяся отъ дождя и всегда готовыя уронить на

черепъ входящему свое ухо или свой носъ. Несмотря на этотъ плачъ дракона и на эту опасность погибнуть отъ львовъ, какъ въ даніиловой пещерѣ, равнодушная природа превосходно разрослась, особенно по боковымъ аллеямъ, и это не отъ скромности, а оттого, что прежній губернаторъ велѣлъ подрѣзать на большой аллеѣ старыя липы; ему казалось несовмѣстнымъ съ буквальнымъ исполненіемъ обязанности такое своеволіе липовыхъ сучьевъ. Лишенныя верхушекъ своихъ, липы, съ торчащими къ небу вѣтвями, сбивались на колодниковъ, которымъ обрили полголовы въ предупрежденіе побѣга, и, казалось, титановски повторяли стихъ Озерова:

Есть боги,—а земля злодѣямъ предана.

Но зато по маленькимъ дорожкамъ деревьямъ была воля вольная рости, сколько душѣ угодно, или сколько соку хватитъ.

На одной-то изъ нихъ, въ теплый апрѣльскій день, пришедшій, вѣроятно, для того въ NN, чтобъ жители потомъ поняли весь холодъ мая, слѣдующаго за нимъ,—какая-то дама въ бѣломъ бурнусѣ прогуливалась съ кавалеромъ въ черномъ пальто. Садъ былъ разбитъ по горѣ; на самомъ высокомъ мѣстѣ стояли двѣ лавочки, обыкновенно иллюстрированныя довольно отчетливыми политипажами неизвѣстной работы; частный приставъ, сколько ни старался, не могъ никакъ поймать виновниковъ и самоотверженно посылалъ передъ всякимъ праздникомъ пожарнаго солдата (какъ привычнаго къ разрушеніямъ) уничтожать художественныя произведенія, періодически высыпавшія на скамейкѣ. Дама и кавалеръ сѣли на нее. Видъ былъ недуренъ. Большая (и съ большою грязью) дорога шла каймою около сада и впадала въ рѣку; рѣка была въ разливѣ; на обоихъ берегахъ стояли телѣги, повозки, тарантасы, отложенныя лошади, бабы съ узелками, солдаты и мѣщане, два досчаника ходили безпрерывно взадъ и впередъ; биткомъ набитые людьми, лошадьми и экипажами, они медленно двигались на веслахъ, похожіе на какихъ-то ископаемыхъ многоножныхъ раковъ, послѣдовательно поднимавшихъ и опускавшихъ свои ноги; разнообразные звуки доносились до ушей сидѣвшихъ, скрипъ телѣгъ, бубенчики, крикъ перевозчиковъ и едва слышный отвѣтъ съ той стороны; брань торопящихся пассажировъ, топотъ лошадей, устанавливаемыхъ на досчаникѣ, мычаніе коровы, привязанной за рога къ телѣгѣ, и громкій разговоръ крестьянъ на берегу, собравшихся около разложеннаго огня. Дама и кавалеръ прервали свои рѣчи и, молча, смотрѣли и слушали даль... Отчего все это издали такъ сильно дѣйствуетъ на насъ, такъ потрясаетъ,—не знаю, но знаю, что дай Богъ Віардо и Рубини, чтобъ ихъ слушали всегда съ такимъ біеніемъ сердца, съ какимъ я

много разъ слушалъ какую-нибудь протяжную и безконечную пѣсню бурлака, сторожащаго ночью барки, пѣсню унылую, прерываемую плескомъ воды и вѣтромъ, шумящимъ между прибрежнымъ ивнякомъ. И мало ли что мнѣ чудилось, слушая монотонные, унылые звуки; мнѣ казалось, что этой пѣснью бѣднякъ рвется изъ душной сферы въ иную, что онъ, не давая себѣ отчета, оглашаетъ свою печаль, что его душа звучитъ потому, что ей грустно, потому, что ей тѣсно, и пр. и пр. Это было въ мою молодость!

— Какъ хорошо здѣсь... сказала, наконецъ, дама въ бѣломъ бурнусѣ. Сознайтесь, что и сѣверная природа прекрасна?

— «Какъ вездѣ. Гдѣ бы ни взглянулъ человѣкъ и когда бы ни взглянулъ на природу, на жизнь, съ раскрытой душой, прямо, безкорыстно, онѣ дадутъ бездну наслажденія».

— Это правда. Всѣмъ на свѣтѣ можно любоваться, если только хочешь. Мнѣ часто приходитъ въ голову странный вопросъ, отчего человѣкъ умѣетъ всѣмъ наслаждаться, во всемъ находить прекрасное, кромѣ въ людяхъ?

— «Понять можно отчего, но отъ этого не легче будетъ. Мы вносимъ въ нашихъ отношеніяхъ съ людьми заднюю мысль, которая тотчасъ убиваетъ самой дрянной прозой поэтическое отношеніе. Человѣкъ въ человѣкѣ всегда видитъ непріятеля, съ которымъ надобно драться, лукавить и спѣшить опредѣлить условія перемирія. Какое жъ тутъ наслажденіе? Мы съ этимъ выросли и отдѣлаться отъ этого почти невозможно; въ насъ во всѣхъ есть мѣщанское самолюбіе, которое заставляетъ оглядываться, осматриваться; съ природой человѣкъ не соперничаетъ, не боится ея и оттого намъ такъ легко, такъ свободно въ одиночествѣ; тутъ совершенно отдаемся впечатлѣніямъ; пригласите съ собой самаго близкаго пріятеля, и уже не то».

— Я вообще мало встрѣчаю людей, особенно такихъ, которые бы мнѣ были близки; но думаю, что есть, что можетъ быть, по крайней мѣрѣ, такое сочувствіе между лицами, что всѣ внѣшнія препятствія непониманья пали между ними, они не могутъ помѣшать другъ другу ни въ какомъ случаѣ жизни.

— «Я сомнѣваюсь въ продолжительной полнотѣ такого сочувствія; это все говорится только. Люди, совершенно сочувствующіе, еще не договорились до тѣхъ предметовъ, гдѣ они противоположны; но, рано или поздно, они договорятся».

— Все же, пока они не договорились, могутъ быть минуты полной симпатіи, гдѣ они не мѣшаютъ другъ другу наслаждаться и природой и собой.

— «Въ эти-то минуты я только и вѣрю. Это святыя минуты душевной расточительности, когда человѣкъ не скупъ, когда онъ

все отдаетъ и самъ удивляется своему богатству и полнотѣ любви. Но эти минуты очень рѣдки; по большей части мы не умѣемъ ни оцѣнить ихъ въ настоящемъ, ни дорожить ими, даже пропускаемъ ихъ чаще всего сквозь пальцы, убиваемъ всякой дрянью, и они проходятъ человѣка, оставляя послѣ себя болѣзненное щемленіе сердца и тупое воспоминаніе чего-то такого, что могло бы быть хорошо, но не было. Надобно признаться, человѣкъ очень глупо устроилъ свою жизнь: девять десятыхъ ея проводитъ въ вздорѣ и мелочахъ, а послѣдней долей онъ не умѣетъ пользоваться».

— Зачѣмъ же терять такія минуты, когда человѣкъ знаетъ имъ цѣну? На васъ лежитъ двойная отвѣтственность,—замѣтила Круциферская, улыбаясь—вы такъ ясно видите и понимаете.

— «Я не только такими мгновеніями, я дорожу каждымъ наслажденіемъ; но, вѣдь, это легко сказать: не теряйте такія мгновенія; одна фальшивая нота—и оркестръ погибъ. Какъ отдаться вполнѣ, когда тутъ же рядомъ видишь всякія привидѣнія, грозящія пальцемъ, ругающіяся...»

— Какія? Не собственные ли это капризы? замѣтила Круциферская.

— «Какія? повторилъ Бельтовъ, котораго голосъ мало по малу измѣнялся отъ внутренняго движенія:—трудно мнѣ вамъ объяснить, а для меня это очень ясно; человѣкъ такъ себя забилъ, что не смѣетъ дать воли ни одному чувству. Послушайте, такъ и быть, я скажу вамъ примѣръ, именно тотъ, который не слѣдовало бы говорить, — но я его скажу... начавши, я не въ силахъ остановить себя. Съ первыхъ дней нашего знакомства я полюбилъ васъ... Дружба ли это, любовь ли, просто ли сочувствіе?.. Но знаю, что вы, ваше присутствіе сдѣлались для меня необходимостью. Знаю то, что цѣлыя утра я проводилъ въ дѣтскомъ нетерпѣніи, въ болѣзненномъ ожиданіи вечера... Приходилъ, наконецъ, вечеръ, я бѣжалъ къ вамъ, задыхаясь отъ мысли, что я увижу васъ; лишенный всего, окруженный со всѣхъ сторонъ холодомъ, я на васъ смотрѣлъ, какъ на послѣднее утѣшеніе... Повѣрьте, что на сію минуту я всего далѣе отъ фразъ... Съ волненіемъ переступалъ я порогъ вашего дома и входилъ хладнокровно и говорилъ о постороннемъ, и такъ проходили часы... Для чего эта глупая комедія?.. Скажу больше, вы не остались равнодушны ко мнѣ; вѣроятно, иной вечеръ и вы меня ждали, я видѣлъ радость въ вашихъ глазахъ при моемъ появленіи, и сердце у меня билось въ эти минуты до того, что я задыхался, — и вы меня встрѣчали съ притворной учтивостью, и вы садились издали и мы представляли постороннихъ... Зачѣмъ?.. Развѣ на днѣ моей души, на днѣ вашей души было что-нибудь такое, чего надобно

стыдиться, прятать отъ глазъ людей? Нѣтъ!—Чего отъ глазъ людей?.. Еще смѣшнѣе: мы скрывали другъ отъ друга нашу близость; теперь въ первый разъ говоримъ мы объ этомъ, да и тутъ, кажется, вполовину скрываемъ. Самое свѣтлое чувство дѣлается острымъ, жгучимъ, дѣлается темнымъ, чтобъ не сказать другого слова,—если его боятся, если его прячутъ, оно начнетъ вѣрить, что оно преступно, и тогда оно сдѣлается преступнымъ; въ самомъ дѣлѣ, наслаждаться чѣмъ-нибудь, какъ воръ краденымъ, съ запертыми дверями, прислушиваясь къ шороху, унижаетъ и предметъ наслажденья и человѣка».

— Вы несправедливы, отвѣчала Круциферская дрожащимъ голосомъ: я никогда не скрывала моей дружбы къ вамъ, я не имѣла въ этомъ нужды...

— «Такъ отчего же, скажите, возразилъ Бельтовъ, схвативъ ея руку и крѣпко ее сжимая, — отчего же измученный, съ душою, переполненною желаніемъ исповѣди, обнаруженія, съ душою, полной любви къ женщинѣ, я не имѣлъ силы придти къ ней и взять ее за руку, и смотрѣть въ глаза, и говорить... и говорить... и склонить свою усталую голову на ея грудь... Отчего она не могла меня встрѣтить тѣми словами, которыя я видѣлъ на ея устахъ, но которыя никогда ихъ не переходили».

— Оттого, отвѣчала Круциферская съ какой-то отчаянной энергіей,—оттого, что эта женщина принадлежитъ другому и любитъ его... Да, да! любитъ его отъ души.

Бельтовъ бросилъ ея руку.

— «Представьте себѣ, что я именно этого отвѣта и не ждалъ, а теперь мнѣ кажется, что другого и сдѣлать нельзя. Однако, позвольте, развѣ непремѣнно вы должны отвернуться отъ одного сочувствія другому, какъ будто любви у человѣка дается извѣстная мѣра».

— Можетъ быть, но я не понимаю любви къ двоимъ. Мужъ мой, сверхъ всего другого, одной своей безпредѣльной любовью стяжалъ огромныя, святыя права на мою любовь.

— «Зачѣмъ вы начали защищать права вашего мужа? Никто не нападаетъ на нихъ. Къ тому же, вы дурно начали ихъ защищать. Да, если его любовь дала ему такія права, отчего же любовь другого, искренняя, глубокая, не имѣетъ никакихъ правъ? Это странно!.. Послушайте, Любовь Александровна, откровенность, откровенность разъ въ жизни, потомъ, пожалуй, я совсѣмъ не буду ничего говорить, даже уѣду, если вы хотите. Вы говорите, что не понимаете возможности любить вашего мужа и еще любить; не понимаете? Сойдите поглубже въ душу вашу и посмотрите, что тамъ дѣлается теперь, сейчасъ. Ну, имѣйте же духъ признанья, что я правъ, скажите, по крайней мѣрѣ, что вы все это перечув-

ствовали, передумали, вѣдь я это знаю, я видѣлъ эти думы на вашемъ челѣ, въ вашихъ глазахъ».

— Ахъ, Бельтовъ, Бельтовъ, зачѣмъ все это, зачѣмъ этотъ разговоръ? говорила Круциферская голосомъ, исполненнымъ мрачной грусти;—намъ было такъ хорошо... Теперь не будетъ такъ... Вы увидите.

— «То есть, пока мы не назвали вещей своими именами? Какое ребячество!» Бельтовъ грустно качалъ головою и щурилъ глаза; лицо его, за минуту вдохновенное и выражавшее безконечную нѣжность, приняло свою насмѣшливую мину.

Со слезами, съ ужасомъ смотрѣла на него испуганная женщина... Круциферская была поразительно хороша въ эту минуту; шляпку она сняла; черные волосы ея, развитые отъ сырого вечерняго воздуха, разбросались; каждая черта лица была оживлена, говорила, и любовь струилась изъ ея синихъ глазъ; дрожащая рука то жала платокъ, то покидала его и рвала ленту на шляпкѣ, грудь по временамъ поднималась высоко, но, казалось, воздухъ не могъ проникнуть до легкихъ. Чего хотѣлъ этотъ гордый человѣкъ отъ нея? Онъ хотѣлъ слова, онъ хотѣлъ торжества, какъ будто это слово было нужно; если-бъ онъ былъ юнѣе сердцемъ, если-бъ въ головѣ его не обжились такъ долго мысли горькія и странныя, онъ не спросилъ бы этого слова.

— Вы ужасный человѣкъ, промолвила, наконецъ, бѣдная Круциферская и подняла робкій взглядъ на него.

Онъ выдержалъ этотъ взглядъ и спросилъ:

— «Куда это Семенъ Ивановичъ запропастился? Хотѣлъ тотчасъ придти. Не ищетъ ли онъ насъ въ другихъ аллеяхъ? Пойдемте къ нему на встрѣчу, а то совсѣмъ смеркается».

Она не трогалась съ мѣста, обиженная тономъ послѣднихъ словъ. Помолчавши нѣсколько, она опять подняла взоръ свой на Бельтова и тихимъ, умоляющимъ голосомъ сказала ему:

— Я стала ниже въ вашихъ глазахъ, вы забыли, что я простая слабая женщина, и слезы лились изъ глазъ ея. Тутъ, какъ всегда, любовь и теплота женщины побѣдили гордую требовательность мужчины. Бельтовъ, тронутый до глубины души, взялъ ея руку и приложилъ къ своей груди; она слышала біеніе его сердца, она слышала, какъ горячія капли слезъ падали на ея руку...Онъ былъ такъ хорошъ, такъ увлекателенъ въ своей гордой страсти... У ней самой такъ волновалась кровь, такъ смутно было въ головѣ и такъ хорошо, такъ богато чувствами на сердцѣ, что она въ какомъ-то безотчетномъ порывѣ бросилась въ его объятія, и ея слезы градомъ лились на пестрый парижскій жилетъ Владиміра Петровича. Почти въ ту же минуту раздался голосъ Семена Ивановича:

«Гдѣ вы? кричалъ онъ: тутъ, что ли?»

— «Здѣсь», отвѣчалъ Бельтовъ и подалъ руку Любови Александровнѣ.

Бельтовъ былъ упоенъ своимъ счастьемъ; его дремавшая душа вдругъ воскресла со всѣми своими силами. Любовь, доселѣ сдерживаемая, распахнулась въ немъ, онъ чувствовалъ невыразимое блаженство во всемъ бытіи своемъ. Какъ будто онъ вчера, третьяго дня не зналъ, что онъ любитъ и любимъ. Отъ дома Круциферскаго онъ воротился въ садъ, бросился на ту же скамью, грудь его была такъ полна, и слезы текли изъ глазъ; онъ удивлялся, что нашелъ и столько юности и столько свѣжести въ себѣ... Правда, вскорѣ примѣшалось что-то неловкое къ радостному чувству, что-то такое, что заставляло его морщить лобъ; но, воротившись домой, онъ велѣлъ Григорью подать за закуской бутылку шампанскаго и неловкое потонуло въ немъ, а радостное стало еще звонче.

Круциферская, блѣдная какъ смерть, простилась съ Бельтовымъ у своего дома, куда ихъ проводилъ и Семенъ Ивановичъ. Она не смѣла понять, не смѣла ясно вспомнить, что было..... Но одно какъ-то страшно помнилось, само собою, всѣмъ организмомъ,— это горячій, пламенный, продолжительный поцѣлуй въ уста, и ей хотѣлось забыть его, и такъ хорошъ онъ былъ, что она ни за что въ свѣтѣ не могла бы отдать воспоминанія о немъ. Семенъ Ивановичъ хотѣлъ идти, Круциферская испугалась; она просила его зайти, она боялась одна переступить за порогъ, ей было страшно.

Они вошли. Дмитрій Яковличъ сидѣлъ передъ столомъ и внимательно читалъ какой-то журналъ; видъ его былъ, кажется, покойнѣе и безмятежнѣе, нежели обыкновенно. Добродушно улыбаясь входящимъ, онъ закрылъ журналъ и, протягивая руку женѣ, спросилъ:

— Гдѣ вы это загулялись? Я ждалъ, ждалъ тебя, даже грустно сдѣлалось.

Рука жены была холодна и покрыта потомъ, какъ бываетъ у при смерти больныхъ.

«Мы были въ саду», отвѣчалъ Круповъ за нее.

— Что съ тобою? спросилъ Круциферскій:—какая у тебя рука! да на тебѣ, мой другъ, лица нѣтъ.

— «У меня что-то кружится голова; не безпокойся, Дмитрій, я пойду въ спальню и выпью воды, это сейчасъ пройдетъ».

«Позвольте, позвольте; куда торопиться? дайте-ко посмотрѣть; вы забыли что-ли, что я докторъ... Что это? да ей дурно. Дмитрій Яковлевичъ, посадимте ее на диванъ; держите такъ, подъ руку, подъ руку... такъ, такъ. Я что-то на дорогѣ замѣтилъ, что ей не по себѣ. Весенній воздухъ, кровь остра, талый ледъ испаряется,

всякая дрянь оттаиваетъ... Кабы была подъ рукой англійская горчица, сдѣлать бы синапизмики, маленькіе, въ ладонь, съ чернымъ хлѣбомъ и уксусомъ... Кухарка ваша дома?.. Пошлите-ка къ моему Карпу, онъ знаетъ... просто, такъ спросить горчицы... такъ и привязать къ икрамъ, а не поможетъ, еще парочку, пониже плечъ, гдѣ мясное мѣсто».

— «Я не больна, я не больна, повторяла слабымъ голосомъ Любовь Александровна, приходя въ себя и дрожа всѣмъ тѣломъ:— Дмитрій, поди сюда ко мнѣ, Дмитрій... я не больна, дай мнѣ твою руку».

— Что съ тобою, что съ тобою, мой ангелъ? спрашивалъ ее мужъ, который самъ уже успѣлъ и занемочь, расплакаться.

Она посмотрѣла какимъ-то странно грустнымъ взглядомъ на него, но не могла сказать, зачѣмъ его звала. Онъ опять спросилъ ее.

— «Дай мнѣ воды, да немножко уснуть, и я буду здорова, мой другъ».

Часа черезъ два или три Любовь Александровна, наказанная угрызеніями совѣсти внутри и горчишниками снаружи за поцѣлуй Бельтова, лежала на постели въ глубокомъ летаргическомъ снѣ или въ забытьи. Потрясеніе было слишкомъ сильно, организмъ не выдержалъ.

А въ гостиной на диванѣ лежалъ совсѣмъ одѣтый Круповъ, оставшійся сколько для больной, столько и для Круциферскаго, растеряннаго и испуганнаго. Круповъ, чрезвычайно сердясь на пружины дивана, которыя нисколько не способствуя эластичности его, придавали ему свойства, очень близкія той бочкѣ, въ которой карѳагеняне прокатили Регула,—въ четверть часа сладко захрапѣлъ съ спокойствіемъ человѣка, равно не обременявшаго себѣ ни совѣсти, ни желудка.

Возлѣ кровати больной горѣлъ ночникъ, сдѣланный въ блюдечкѣ, который бросалъ довольно яркій кругъ свѣта на потолокъ, безпрестанно измѣнявшій величину, колебавшійся и вторившій всѣмъ движеніямъ маленькаго пламени, сожигавшаго маленькую свѣтильню. Блѣдный и потерянный, Круциферскій сидѣлъ за столикомъ, на которомъ стоялъ ночникъ. Кому случалось проводить ночи у изголовья трудно больнаго друга, брата, любимой женщины, особенно въ нашу полновѣсную зимнюю ночь, тотъ пойметъ, что было на душѣ нервнаго Круциферскаго. Тупое, глупое чувство безсилія помочь, вмѣстѣ съ страхомъ будущаго и съ горячешной напряженностью отъ безсонницы и устали, привели его въ какое-то раздраженное состояніе. Онъ безпрестанно приподнимался и смотрѣлъ на нее, клалъ ей руку на лобъ, находилъ, что жаръ уменьшился, и начиналъ думать, что не хуже-

ли это, не бросилась ли болѣзнь внутрь. Онъ вставалъ, переставлялъ ночникъ и склянку съ лекарствомъ, смотрѣлъ на часы, подносилъ ихъ къ уху и, не видавши который часъ, клалъ ихъ опять, потомъ опять садился на свой стулъ и начиналъ вперять глаза въ колеблющійся кружокъ свѣта на потолкѣ, думать, мечтать,— и воспаленное воображеніе чуть не доходило до бреда. Нѣтъ, думалъ онъ, это нельзя, это невозможно, ну, просто невозможно; какъ это, она одна у меня на свѣтѣ, она такъ молода. Богъ видитъ мою любовь, онъ сжалится надъ нами. Это пустяки, пройдетъ; такъ, холодный, сырой вѣтеръ, кровь остра, ледъ испаряется, да, только весеннія простуды страшны, нервная горячка, чахотка... Какъ это до сихъ поръ не умѣютъ лечить чахотки? Страшная болѣзнь! впрочемъ, она опасна до 18 лѣтъ; а вотъ у нашего французскаго учителя жена 30 лѣтъ, а въ чахоткѣ умерла, да, умерла, ну, если... И ему такъ живо представился гробъ въ гостиной, покрытъ покровомъ, грустное чтеніе раздается, Семенъ Ивановичъ стоитъ печальный возлѣ, Яшу держитъ нянька, повязанная бѣлымъ платкомъ. А потомъ еще что-то страшнѣе почудилось ему, что и гроба нѣтъ, въ комнатѣ такъ прибрано, полы вымыты... только попахиваетъ ладаномъ. Онъ всталъ, близкій къ обмороку, и подошелъ къ женѣ. Щеки ея пылали, она тяжело дышала, болѣзненно сонъ сковалъ ее. Круциферскій скрестилъ руки на груди, и горько заплакалъ... Да! этотъ человѣкъ умѣлъ любить, стоило взглянуть на него; онъ опустился на колѣни, взялъ горячую руку жены и приложилъ ее къ губамъ своимъ.

— Нѣтъ, говорилъ онъ вслухъ, нѣтъ: — Онъ не возьметъ ее, она не оставитъ меня; что же со мной будетъ безъ нея?

И, поднявши глаза къ небу, онъ молился.

Тутъ вошелъ Семенъ Ивановичъ съ сильно заспаннымъ видомъ: лѣвый глазъ у него вовсе не хотѣлъ открываться, сколько онъ ни нудилъ мускулъ, нарочно затѣмъ приставленный къ глазу, чтобъ его раскрывать.

— «Что, начала бредить? а?»

— Нѣтъ, она спитъ спокойно.

— «Я самъ, братецъ, слышалъ; во снѣ, что ли, мнѣ показалось».

— Должно быть, Семенъ Ивановичъ, вамъ показалось во снѣ, возразилъ Дмитрій Яковлевичъ съ видомъ пойманнаго школьника.

Круповъ подошелъ къ постели. Жарокъ есть, а впрочемъ, кажется, ничего; да вы бы прилегли, Дмитрій Яковлевичъ, ну, что пользы себя мучить.

— Нѣтъ-съ, я не лягу, отвѣчалъ Дмитрій Яковлевичъ.

— «Вольному воля», замѣтилъ Круповъ, зѣвая и направляя стопы свои къ рельефному дивану, на которомъ преспокойно проспалъ до половины осьмаго, часъ, въ который онъ вставалъ

ежедневно, несмотря на то,—въ десять ли вечера онъ ложился, или въ семь по утру.

Осмотрѣвши больную, Семенъ Ивановичъ рѣшилъ, что это легонькая простудная горячечка, какъ онъ выражался, и прибавилъ, что теперь это въ повѣтріи.

Что было послѣ горячечки, пусть разскажетъ сама Любовь Александровна; вотъ отрывокъ изъ ея журнала.

18 *мая.* Какъ давно я не писала въ этой книгѣ: больше мѣсяца.... больше мѣсяца! а иной разъ подумаешь, будто годы прошли съ того дня, какъ я занемогла. Теперь, кажется, все прошло, и жизнь опять пойдетъ тихо, спокойно. Вчера я первый разъ выходила изъ дому. Какъ я рада была подышать воздухомъ! Погода была прекрасная.... Однако я очень ослабѣла во время болѣзни; два или три раза прошла я по нашему полисаднику и до того устала, что у меня закружилась голова. Дмитрій перепугался, но это тотчасъ прошло. Господи! какъ онъ меня любитъ! Добрый, добрый Дмитрій, какъ онъ ходилъ за мной! Стоило мнѣ ночью раскрыть глаза, пошевельнуться,—онъ уже стоялъ тутъ; спрашивалъ, что мнѣ надобно, предлагалъ пить.... Бѣдный, онъ самъ похудѣлъ какъ будто послѣ болѣзни. Какая способность любви! Надобно имѣть каменное сердце, чтобъ не любить такого человѣка. О! я люблю его, мнѣ было бы невозможно не любить его. То происшествіе въ саду, оно ничего не значитъ, болѣзнь уже приготовлялась и я была въ особомъ расположеніи, нервы у меня были раздражены. Вчера я *его* видѣла въ первый разъ послѣ болѣзни.... Его голосъ я слыхала какъ сквозь сонъ, но его не видала. Онъ былъ очень взволнованъ, хотя и скрывалъ это, голосъ у него дрожалъ, когда онъ мнѣ сказалъ: «Наконецъ-то, наконецъ-то вамъ лучше». Потомъ онъ мало говорилъ, какая-то мысль его занимала, онъ раза два провелъ рукою по лбу, какъ будто желалъ стереть ее, но она снова проступала. Ни одного малѣйшаго намека о бывшемъ: онъ, вѣрно, понялъ, что это было болѣзненное опьяненіе. Зачѣмъ я не разсказала всего Дмитрію? Въ тотъ вечеръ, когда онъ такъ кротко протянулъ мнѣ руку, мнѣ хотѣлось броситься къ нему и все разсказать, но я не имѣла силы, мнѣ сдѣлалось дурно. Сверхъ того, Дмитрій такъ нѣженъ, его это страшно бы огорчило. Послѣ я ему скажу непремѣнно.

20 *мая.* Вчера мы были съ Дмитріемъ въ саду, онъ хотѣлъ сѣсть на той скамейкѣ, я сказала, что боюсь вѣтра съ рѣки,—мнѣ эта скамейка сдѣлалась страшна; мнѣ казалось, что для Дмитрія будетъ оскорбительно сидѣть на ней. Будто это правда, что можно любить двоихъ? Не понимаю. Можно и не двоихъ, а нѣсколькихъ любить, но тутъ игра словъ; любить любовью можно одного, и ею я люблю моего мужа. А потомъ, я люблю Крупова,

и не боюсь признаться, что и Бельтова люблю; это такой сильный человѣкъ, что я не могу не любить его. Это человѣкъ, призванный на великое, необыкновенный человѣкъ; изъ его глазъ свѣтится генiй. Та любовь и не нужна такому человѣку. Что для него женщина? Она пропадаетъ въ безпредѣльной душѣ его... Ему нужна любовь иная. Онъ страдаетъ, глубоко страдаетъ и нѣжная дружба женщины могла бы облегчить эти страданiя; ее онъ всегда найдетъ во мнѣ, онъ слишкомъ пламенно понимаетъ эту дружбу, онъ все пламенно понимаетъ; сверхъ того, онъ такъ не привыкъ къ вниманiю, къ симпатiи; онъ всегда былъ одинокъ, душа его, огорченная, озлобленная, вдругъ встрепенулась отъ голоса сочувствующаго. Это очень натурально.

23 *мая.* Бываютъ иногда странныя минуты какого-то безпокойнаго желанiя жизни еще полнѣйшей. Неблагодарность ли это къ судьбѣ, или ужъ человѣкъ такъ устроенъ; а я чувствую часто, особенно съ нѣкотораго времени, стремленiе.... очень мудрено это выразить. Я искренно люблю Дмитрiя; но иногда душа требуетъ чего-то другого, чего я не нахожу въ немъ. Онъ такъ кротокъ, такъ нѣженъ, что я готова раскрыть ему всякую мечту, всякую дѣтскую мысль, пробѣгающую по душѣ; онъ все оцѣнитъ, онъ не улыбнется съ насмѣшкой, не оскорбитъ холоднымъ словомъ или ученымъ замѣчанiемъ, но это не все; бываютъ совсѣмъ иныя требованiя, душа ищетъ силы, отвагу мысли; отчего у Дмитрiя нѣтъ этой потребности добиваться до истины, мучиться мыслiю? Я, бывало, обращаюсь къ нему съ тяжелымъ вопросомъ, съ сомнѣнiемъ, а онъ меня успокоиваетъ, утѣшаетъ, хочетъ убаюкать, какъ дѣлаютъ съ дѣтьми... а мнѣ совсѣмъ не того хотѣлось бы... Онъ и себя убаюкиваетъ тѣми же дѣтскими вѣрованiями, а я не могу.

24 *мая.* Яша боленъ. Два дня онъ лежалъ въ жару, сегодня показалась сыпь, Семенъ Ивановичъ меня обманываетъ. Въ десять разъ лучше сказать прямо; надобно испугать воображенiе, а не предоставить ему волю: оно само выдумаетъ еще страшнѣе, еще хуже. Я не могу прямо въ глаза посмотрѣть Яшѣ, сердце обливается кровью, страданiя ребенка ужасны. Какъ онъ похудѣлъ, бѣдняжка, какъ блѣденъ!... и туда же, чуть выдетъ минута полегче, улыбается, проситъ мячикъ. Что это за непрочность всего, что намъ дорого,—страшно вздумать! Такъ какой-то вихрь несетъ, кружитъ всякую всячину, хорошее и дурное, и человѣкъ туда попадаетъ, и броситъ его на верхъ блаженства, а потомъ внизъ. Человѣкъ воображаетъ, что онъ самъ распоряжается всѣмъ этимъ, а онъ точно щепка въ рѣкѣ повертывается въ маленькомъ кружечкѣ и плыветъ вмѣстѣ съ волной, куда случится,—прибьетъ къ берегу, унесетъ въ море, или увязнетъ въ тинѣ?... Скучно и обидно!

26 *мая.* У него скарлатина. У Дмитрія умерло трое братьевъ отъ скарлатины. Семенъ Ивановичъ печаленъ, сердитъ, грубъ, и не отходитъ отъ Яши. Боже мой, Боже мой! что это такое дѣлается надъ нами? Дмитрій самъ едва ходитъ; это-то счастіе я тебѣ принесла?

27 *мая.* Время тащится тихо, все тоже; смертный приговоръ или милость... поскорѣй бы... Что у меня за страшное здоровье, какъ я могу выносить все это! Семенъ Ивановичъ только и говоритъ:—подождите, подождите.... Яша, ангелъ мой, прощай... прощай, малютка!

29 *мая.* Полтора сутокъ прошло поспокойнѣе, кризисъ миновалъ. Но тутъ-то и надобно беречь. Все это время я была въ какомъ-то натянутомъ состояніи, теперь начинаю чувствовать страшную душевную усталь. Хотѣлось бы много поговорить отъ души. Какъ весело говорить, когда насъ умѣютъ вѣрно, глубоко понимать и сочувствовать.

1 *іюня.* Все идетъ хорошо... Кажется, на этотъ разъ туча прошла мимо головы. Яша игралъ со мной сегодня часа два на своей постелькѣ. Онъ такъ ослабѣлъ, что не можетъ держаться на ногахъ. Добрый, добрый Семенъ Ивановичъ, что за человѣкъ!

6 *іюня.* Все успокоилось, Яшѣ гораздо лучше; но я больна, больна, это я чувствую. Сижу иногда у его кроватки, и вмѣсто радости, вдругъ, безъ всякой внѣшней причины, поднимается со дна души какая-то давящая грусть, которая растетъ, растетъ и вдругъ становится нѣмою, жестокой болью; готова бы, кажется, умереть. Я въ этой суетѣ не имѣла времени остаться наединѣ съ собою; моя болѣзнь, болѣзнь Яши, хлопоты не давали мнѣ ни минуты углубиться въ себя. Лишь стало поспокойнѣе и лучше, какой-то скорбный, мучительный голосъ звалъ меня заглянуть въ свое сердце, и я не узнала себя. Вчера послѣ обѣда я что-то чувствовала себя дурно, сидѣла у Яши, положила голову на его подушечку и уснула... Не знаю, долго-ли я спала, но вдругъ мнѣ сдѣлалось какъ-то тяжело, я раскрыла глаза, передо мною стоялъ Бельтовъ и никого не было въ комнатѣ... Дмитрій пошелъ давать уроки... Онъ смотрѣлъ на меня, и глаза его были полны слезъ; онъ ничего не сказалъ, онъ протянулъ мнѣ руку, онъ сжалъ мою руку крѣпко, больно... и ушелъ. Зачѣмъ же онъ не сказалъ ничего?.. Я хотѣла его остановить, но у меня не было голоса въ груди.

9 *іюня.* Онъ былъ весь вечеръ у насъ и ужасно веселъ, сыпалъ остротами, колкостями, хохоталъ, шумѣлъ, но я видѣла, что все это натянуто; мнѣ даже казалось, что онъ выпилъ много вина, чтобъ поддержать себя въ этомъ состояніи. Ему тяжело.

Онъ обманываетъ себя, онъ очень не веселъ. Неужели я вмѣсто облегченія принесла новую скорбь въ его душу?

15 *іюня.* День былъ сегодня удушливый, я изнемогала отъ жара. Къ обѣду собралась гроза и проливной дождь освѣжилъ меня, можетъ, больше, нежели траву и деревья. Мы пошли въ садъ; на дворѣ необычайно было хорошо: деревья благоухали какой-то укрѣпляющей, влажной свѣжестью; мнѣ стало легко... Я первый разъ вспомнила о *тогдашнемъ* днѣ иначе, въ немъ много прекраснаго... Можетъ ли быть что-нибудь преступное полно прелести, упоенія, блаженства?.. Мы шли по той же дорожкѣ. На лавочкѣ кто-то сидѣлъ, мы подошли, это былъ *онъ*: я чуть не вскрикнула отъ радости. Онъ былъ очень печаленъ, всѣ слова его были грустны, исполнены горечи и ироніи. Онъ правъ—люди сами себѣ выдумываютъ терзанія; ну, если-бъ онъ былъ мой братъ, развѣ я не могла бы его любить открыто, говорить объ этомъ Дмитрію, всѣмъ?... И никому не показалось бы это странно. А онъ братъ мнѣ, я это чувствую... Какъ мы могли бы прекрасно устроить нашу жизнь, нашъ маленькій кружокъ изъ четырехъ лицъ; кажется, и довѣріе взаимное есть, и любовь, и дружба, а мы дѣлаемъ уступки, жертвы, не договариваемъ. Когда мы шли домой, было поздно; мѣсяцъ взошелъ. Бельтовъ шелъ возлѣ меня. Что за странная, магнетическая власть взгляда у этого человѣка! Взглядъ Дмитрія тихъ и спокоенъ, какъ небо голубое, а его волнуетъ, такъ дѣлается безпокойно,—и потомъ нѣтъ.

Мы мало говорили... только, прощаясь, онъ мнѣ сказалъ: «Я много думалъ объ васъ все это время и... мнѣ очень бы хотѣлось поговорить, такъ на душѣ много».. —И я думала объ васъ... прощайте, Вольдемаръ... Я сама не знаю, какъ у меня сорвались эти слова; я никогда его такъ не называла, но мнѣ казалось, что я не могу его иначе назвать. Онъ содрогнулся, услышавъ это названье; онъ наклонился ко мнѣ и, съ тою нѣжностью, которая минутами является у него, сказалъ: «Вы третьи меня такъ назвали, это меня можетъ тѣшить, какъ ребенка, я буду этимъ счастливъ дня на два».—Прощайте, прощайте, Вольдемаръ, повторила я. Онъ хотѣлъ что-то сказать, подумалъ, пожалъ мнѣ руку, посмотрѣлъ въ глаза и ушелъ.

20 *іюня.* Я много измѣнилась, возмужала послѣ встрѣчи съ Вольдемаромъ; его огненная, дѣятельная натура, безпрестанно занятая, трогаетъ всѣ внутреннія струны, касается всѣхъ сторонъ бытія. Сколько новыхъ вопросовъ возникло въ душѣ моей! Сколько вещей простыхъ, обыденныхъ, на которыя я прежде вовсе не смотрѣла, заставляютъ меня теперь думать. Многое, о чемъ я едва смѣла предполагать, теперь ясно. Конечно, при этомъ приходится часто жертвовать мечтами, къ которымъ привыкла,

которыя такъ береглись и лелѣялись; горька бываетъ минута разставанія съ ними, а потомъ становится легче, вольнѣе. Мнѣ было бы очень тяжело, если-бъ онъ уѣхалъ. Я не искала его, но случилось такъ; наши жизни встрѣтились,—совсѣмъ врозь онѣ идти не могутъ; онъ открылъ мнѣ новый міръ внутри меня. И не странно ли, что этотъ человѣкъ, не нашедшій себѣ нигдѣ ни труда, ни покоя, одиноко объѣздившій весь свѣтъ, вдругъ, здѣсь, въ маленькомъ городишкѣ, нашелъ симпатію въ женщинѣ мало образованной, бѣдной, далекой отъ его круга! Онъ можетъ слишкомъ любить меня,—да развѣ это зависитъ отъ воли? къ тому же, онъ столько вынесъ холоду и безучастія, что готовъ платить сторицею за всякое теплое чувство. Оставить его тѣмъ же одинокимъ, сдѣлаться чужою ему я не могла бы, это было бы, просто, грѣшно... Да! онъ правъ, -и его любовь имѣетъ права!

Послѣднее время Дмитрій особенно не въ духѣ: вѣчно задумчивъ, болѣе обыкновеннаго разсѣянъ; у него это есть въ характерѣ, но страшно, что все это растетъ; меня безпокоитъ его грусть и, подчасъ, я дурно объясняю ее...

22 *іюня.* И, кажется, не ошиблась. Вчера Дмитрій былъ до того мраченъ, что я не вынесла и спросила, что съ нимъ? «У меня болитъ голова, отвѣтилъ онъ, мнѣ надобно походить», и взялъ свою шляпу. Пойдемъ вмѣстѣ, сказала я.—«Нѣтъ, другъ мой, не теперь; я пойду очень скоро, ты устанешь»,—и онъ ушелъ со слезами на глазахъ. Я не вынесла этого и горько проплакала все время, пока онъ ходилъ; онъ меня засталъ на томъ же мѣстѣ у окна, видѣлъ, что я плакала, грустно пожалъ мнѣ руку и сѣлъ. Мы молчали. Потомъ, спустя нѣсколько минутъ, онъ мнѣ сказалъ: «Любонька, знаешь ли о чемъ я думаю? Какъ хорошо бы въ такую теплую, лѣтнюю ночь, гдѣ-нибудь въ рощѣ, положить голову тебѣ на колѣни и уснуть на вѣки».—Помилуй, Дмитрій, сказала я ему,—что это за мрачныя мысли; неужели тебѣ не жаль никого покинуть здѣсь? «Жаль», отвѣчалъ онъ: «очень жаль и тебя, и Яшу; но Семенъ Ивановичъ говоритъ, что я только могу повредить воспитанію Яши, да я и самъ согласенъ, что ты лучше воспитаешь его, нежели я. Къ тому же, другъ мой, и тамъ, какъ здѣсь, вѣчная молитва о васъ, молитва, полная вѣры и упованья, найдетъ доступъ... Тебѣ будетъ меня жаль, я это знаю, другъ мой, ты такъ добра; но ты найдешь силы перенести этотъ ударъ, признайся сама». Мнѣ было невыносимо больно слушать его; я изъ этихъ словъ слышала и видѣла чувство нехорошее, слезы лились у меня изъ глазъ. Что это такое? Мнѣ начинаетъ казаться, что я созвала какія-то бѣдствія на нашу жизнь. А, между тѣмъ, совѣсть моя чиста... Неужели я довела его до такого состоянія недостаткомъ любви, или... У него нѣтъ прежней вѣры въ меня,

это я вижу! Неужели въ его благородной душѣ есть мѣсто чувству, котораго назвать не хочу? Неужели онъ подозрѣваетъ, что я разлюбила его и люблю другого! Господи! какъ мнѣ объяснить это ему? Я не другого люблю, а люблю его и люблю Вольдемара; симпатія моя съ Вольдемаромъ совсѣмъ иная... Странно, мнѣ казалось, что жизнь наша успокоилась, что она пойдетъ широко, полно,—и вдругъ какая-то пропасть раскрылась подъ ногами... лишь бы удержаться на краю... Тяжело... Если-бъ я умѣла хорошо, очень хорошо играть на фортепьяно, я извлекла бы тѣ звуки изъ души, которые не умѣю высказать; Дмитрій понялъ бы меня, онъ понялъ бы, что внутри меня все чисто. Бѣдный Дмитрій! ты страдаешь за безпредѣльную любовь твою; я люблю тебя, мой Дмитрій! Если-бъ я съ самаго начала была откровенна съ нимъ, этого бы никогда не было; что за нечистая сила остановила меня? Какъ только онъ успокоится, я поговорю съ нимъ, и все, все разскажу ему...

23 *іюня.* Семенъ Ивановичъ, кажется мнѣ, тоже перемѣнился со мной; да что же сдѣлала я?... Я ничего не понимаю,—ни что сдѣлала, ни что сдѣлалось. Дмитрій поспокойнѣе сегодня; я многое говорила съ нимъ, но не все; были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что онъ понимаетъ меня, но черезъ минуту я ясно видѣла, что мы совершенно разно смотрѣли на жизнь. Я начинаю думать, что Дмитрій и прежде не вполнѣ понималъ меня, не вполнѣ сочувствовалъ,—это страшная мысль!

24 *іюня. Вечеромъ, поздно.* Жизнь! жизнь! Среди тумана и грусти, середь болѣзненныхъ предчувствій и настоящей боли, вдругъ засіяетъ солнце, и такъ сдѣлается свѣтло, хорошо. Сейчасъ пошелъ Вольдемаръ; долго говорили мы съ нимъ... Онъ тоже грустенъ и много страдаетъ, и какъ понятно мнѣ каждое слово его! Зачѣмъ люди, обстоятельства придаютъ какой-то иной характеръ нашей симпатіи, портятъ ее? Зачѣмъ они все это дѣлаютъ?

25 *іюня.* Вчера былъ Ивановъ день. Дмитрій былъ на именинахъ у одного учителя. Онъ воротился поздно и нетрезвый; я никогда не видала его въ такомъ положеніи. Блѣдный, съ растрепанными волосами, невѣрными шагами ходилъ онъ по спальнѣ. «Тебѣ дурно, мой другъ?» сказала я: «не дать ли тебѣ воды?»— Да, говорилъ онъ голосомъ, задыхающимся отъ волненія, и съ выраженіемъ, совершенно чуждымъ его характеру: — если-бъ ты столько принесла воды, чтобъ утопиться можно, я бы поблагодарилъ тебя.—Я глядѣла прямо въ глаза ему, онъ смѣшался.— Не слушай, Бога ради, что я вру, сказалъ онъ, испугавшись, вѣроятно, моего взгляда; самъ не знаю, какъ выпилъ лишній стаканъ вина, отъ этого жаръ, бредъ... Прощай, мой другъ, я

отдохну здѣсь немного, и онъ бросился совсѣмъ одѣтый на диванъ и скоро заснулъ тяжелымъ сномъ. Я не спала всю ночь: глубокое страданіе выражалось на сонномъ лицѣ его, иногда онъ улыбался, но не своей улыбкой... Нѣтъ, Дмитрій, меня не обманешь! ты не случайно выпилъ лишній стаканъ вина, ты не въ бреду говорилъ твои слова, а вино только придало тебѣ жестокости, которой вовсе нѣтъ въ твоей душѣ. Что это дѣлается надъ нашими головами, Боже милосердый! Это свыше силъ человѣческихъ! Тяжело тебѣ, бѣдный Дмитрій! А мнѣ-то видѣть его страданія и знать, что причиною всего я!

Черезъ три часа. Не могу еще ничего привесть въ порядокъ; въ душѣ такъ все смутно, какъ послѣ бури волны не могутъ улечься. Кровь стучитъ въ вискахъ, сердце бьется до того, что держу грудь. Дмитрій! и тебѣ не грѣшно такъ жалко меня понимать? и какъ ты, бѣдный, страдаешь за это? Облегченье ему, облегченье!... Ахъ, какъ кружится голова и горитъ! Не опять ли горячка! Я говорила съ Дмитріемъ, я требовала отъ него объясненія его грусти, его поступковъ, его словъ. Да! онъ утратилъ вѣру въ меня, онъ никогда не пойметъ, что во мнѣ дѣлается. Это страшно, потому что я не могу ничего перемѣнить... Все покрывается туманомъ, въ груди трепетъ, боль. Зачѣмъ я встрѣтилась съ Вольдемаромъ?..

26 іюня. Какъ все странно и перепутано въ людскихъ понятіяхъ! Подумаешь иногда и не знаешь: сердиться ли, или хохотать. Мнѣ сегодня пришло въ голову, что самоотверженнѣйшая любовь—высочайшій эгоизмъ, что высочайшее смиреніе, что кротость — страшная гордость, скрытая жесткость; мнѣ самой дѣлается страшно отъ этихъ мыслей, такъ, какъ бывало, маленькой дѣвочкой, я считала себя уродомъ, преступницей за то, что не могла любить Глафиры Львовны и Алексѣя Абрамовича; что же мнѣ дѣлать, какъ оборониться отъ своихъ мыслей и зачѣмъ? Я не ребенокъ. Дмитрій не обвиняетъ меня, не упрекаетъ, ничего не требуетъ; онъ сдѣлался еще нѣжнѣе. *Еще!* вотъ въ этомъ-то *еще* и видно, что все это неестественно, не такъ; въ этомъ столько гордости и униженія для меня и такая даль отъ пониманья. Онъ очень страдаетъ, но что же сказать о той женщинѣ, которая за любовь платитъ отравой? Да, Боже мой, хотѣла ли я этого! Я говорила съ нимъ откровеннѣе, нежели бы это сдѣлала другая женщина; онъ, видимо, уступаетъ, но въ то же время у него накапливается совсѣмъ другое въ душѣ и онъ не совладаетъ съ этимъ другимъ.

27 іюня. Его грусть принимаетъ видъ безвыходнаго отчаянія. Въ тѣ дни послѣ грустныхъ разговоровъ являлись минуты нѣсколько посвѣтлѣе. Теперь нѣтъ. Я не знаю, что мнѣ дѣлать. Я

изнемогаю. Много надобно было, чтобъ довесть этого кроткаго человѣка до отчаянія, я довела его; я не умѣла сохранить эту любовь. Онъ не вѣритъ больше словамъ моей любви, онъ гибнетъ. Умереть бы мнѣ теперь... сейчасъ, сейчасъ бы умерла!

Я начинаю себя презирать; да, хуже всего, непонятнѣе всего, что у меня совѣсть покойна; я нанесла страшный ударъ человѣку, котораго вся жизнь посвящена мнѣ, котораго я люблю, и я сознаю себя только несчастной; мнѣ кажется, было бы легче, если-бъ я поняла себя преступной, о, тогда бы я бросилась къ его ногамъ, я обвила бы моими руками его колѣни, я раскаяніемъ своимъ загладила бы все: раскаяніе выводитъ всѣ пятна на душѣ. Онъ такъ нѣженъ, онъ не могъ бы противиться, онъ меня бы простилъ, и мы, выстрадавши другъ друга, были бы еще счастливѣе. Что же это за проклятая гордость, которая не допускаетъ раскаянія въ душу. Мнѣ хотѣлось бы теперь быть одной, гдѣ-нибудь вдали,—только бы Яшу взяла съ собой; я бродила бы гдѣ-нибудь между чужими людьми и окрѣпла бы... Ты не найдешь, Дмитрій, примиренія въ своей душѣ. Ахъ, другъ мой, я отдала бы всю кровь мою до послѣдней капли, если-бъ ты могъ, хотѣлъ понять меня; какъ тебѣ было бы хорошо! Ты падешь жертвой твоего восторженнаго непониманья, я пойду за тобой въ эту пропасть, пойду, потому что люблю тебя, потому что подземныя силы меня избрали для твоей гибели. Подчасъ мнѣ кажется, что два-три слова съ Вольдемаромъ облегчили бы меня, и я боюсь искать случая съ нимъ видѣться. Вотъ что сдѣлали толки! Они успѣли бросить страхъ и въ меня, успѣли отравить свѣтлое и благородное чувство. Да отпустится имъ! Семенъ Ивановичъ косвенно читалъ мнѣ мораль... О, добрый Семенъ Ивановичъ! Мнѣ такъ жаль его было; ничего не понимаетъ, говоритъ о святыхъ обязанностяхъ матери... Неужели ему не приходитъ въ голову, что я иногда думала объ этомъ? Участіе людское оскорбительнѣе людского холода... Дружба считаетъ лучшимъ правомъ своимъ привязать друга къ позорному столбу... Потомъ требовать исполненія совѣтовъ, какъ бы они ни были противны тому, которому совѣтуютъ... Ахъ, какъ все это мелко! Фу, душно, какъ въ маленькой комнаткѣ, когда всѣ окны закрыты, да еще мухи летаютъ!..

Если-бъ Бельтовъ не пріѣзжалъ въ NN, много бы прошло счастливыхъ и покойныхъ лѣтъ въ тихой семьѣ Дмитрія Яковлевича,—конечно, но это не утѣшительно; идучи мимо обгорѣлаго дома, почернѣвшаго отъ дыма, безъ рамъ, съ торчащими трубами, мнѣ самому приходило иной разъ въ голову: если-бъ не

запала искра, да не раздулась бы въ пламень, домъ этотъ простоялъ бы много лѣтъ и въ немъ бы пировали, веселились, а теперь онъ груда камней.

Повѣсть наша собственно кончена; мы можемъ остановиться, предоставляя читателю разрѣшить: *кто виноватъ?*

Но есть еще нѣсколько подробностей, которыя кажутся намъ довольно занимательными; позвольте ими подѣлиться. Обращаемся сначала къ бѣдному Круциферскому.

Круциферскій, вскорѣ послѣ болѣзни своей жены, замѣтилъ, что какая-то мысль ее сильно занимаетъ; она была задумчива, безпокойна... Въ ея лицѣ было что-то болѣе гордое и сильное, нежели всегда. Круциферскому приходили разныя объясненія въ голову, странныя, невѣроятныя; онъ внутренно смѣялся надъ ними, но они возвращались.

Разъ какъ-то она сидѣла съ Яшей, вдругъ въ передней стукнула дверь и кто-то спросилъ: дома? Это Бельтовъ, сказалъ Круциферскій, поднимая глаза, и глаза его встрѣтили легкій румянецъ на лицѣ Любови Александровны и оживленный взглядъ, который, кажется, былъ не для него такъ оживленъ. Онъ содрогнулся и промолчалъ. Онъ очень хорошо зналъ, что жена его была въ большой дружбѣ съ Бельтовымъ, и нисколько не удивлялся этому; но этотъ взглядъ, но эта краска, пробѣжавшая по ея лицу? Неужели? думалъ онъ, и снова посмотрѣлъ на то, что дѣлалось. Бельтовъ ласкалъ Яшу; но что за взоръ, исполненный нѣжности и страсти, онъ остановилъ на матери! Въ этомъ взорѣ одинъ слѣпой не прочелъ бы любви, любви пламенной, и еще болѣе любви счастливой. Она стояла, потупивши глаза, руки ея немного дрожали, ей, кажется, было очень хорошо. Дмитрій Яковлевичъ, сказавши нѣсколько словъ, вышелъ въ другую комнату. Неужели это правда? спрашивалъ онъ себя, испуганный; у него въ головѣ сдѣлался такой сумбуръ, въ ушахъ такой стукъ, что онъ поскорѣе сѣлъ на кровать; посидѣвши минутъ пять, въ которыя онъ ничего не думалъ, а чувствовалъ какое-то нелѣпо-тяжелое состояніе, онъ вошелъ въ комнату; они разговаривали такъ дружески, такъ симпатично, ему показалось, что имъ вовсе его не нужно. Онъ сталъ ходить по комнатѣ и вспоминать разныя мелочи, едва обратившія въ свое время вниманіе, но являвшіяся теперь какъ доказательства, какъ подтвержденія. Когда Бельтовъ пошелъ, она его проводила, она ему улыбнулась, и какъ улыбнулась! «Да, она его любитъ». Сознавшись въ этомъ, онъ съ ужасомъ сталъ отталкивать эту мысль, но она была упорна, она всплыла; мрачное, безумное отчаяніе овладѣло имъ; «вотъ они, мои предчувствія! что мнѣ дѣлать! и ты, и ты не любишь меня!» И онъ рвалъ волосы на головѣ, кусалъ губы, и вдругъ въ его

душѣ, мягкой и нѣжной, открылась страшная возможность злобы, ненависти, зависти и потребность отомстить, и въ дополненіе онъ нашелъ силу все это скрыть. Настала ночь; ему очень хотѣлось плакать, но не было слезъ; минутами сонъ смыкалъ его глаза, но онъ тотчасъ просыпался, облитый холоднымъ пѡтомъ: ему снился Бельтовъ, ведущій за руку Любовь Александровну, съ своимъ взглядомъ любви; и она идетъ, и онъ понимаетъ, что это навсегда,—потомъ опять Бельтовъ, и она улыбается ему, и все такъ страшно; онъ всталъ. На дворѣ разсвѣтало; она спала, лицо ея было покойно; лицо спящаго имѣетъ иногда особенную трогательную прелесть, — таково дѣйствительно въ эту минуту было лицо Любови Александровны, и вдругъ улыбка показалась на устахъ. «Она видитъ его во снѣ», подумалъ Круциферскій и посмотрѣлъ на нее съ такою ненавистью, съ такимъ звѣрствомъ, что, не имѣй онъ миролюбивыхъ привычекъ нашего вѣка, онъ задушилъ бы ее не хуже венеціанскаго мавра; у насъ трагедіи оканчиваются не такъ круто. «За эту безпредѣльную любовь, чѣмъ она заплатила? О, Боже мой, Боже мой!—за такую любовь!» повторялъ онъ и, какъ будто, желалъ уйти отъ себя и отъ страшныхъ искушеній; онъ подошелъ къ кроваткѣ.

Яша разбросался, подложилъ рученку подъ щеку и крѣпко спалъ. «Ты скоро останешься сиротой», думалъ, стоя передъ нимъ, Дмитрій Яковлевичъ: «бѣдный Яша!.. Я тебѣ больше не отецъ, не могу и не хочу перенести этого, бѣдный ребенокъ! поручаю тебя Заступнику всѣхъ сиротъ... Какъ онъ похожъ на нее!» — Онъ заплакалъ. Слезы, молитва и покойный видъ спящаго Яши нѣсколько облегчили страдальца; толпа совсѣмъ иныхъ мыслей явилась въ размягченной душѣ его. «Да правъ ли я, что обвиняю ее? Развѣ она хотѣла его полюбить? И притомъ онъ... я чуть ли самъ не влюбленъ въ него...» И нашъ восторженный мечтатель, сейчасъ безумный ревнивецъ, карающій мужъ, вдругъ рѣшился самоотверженно молчать. «Пусть она будетъ счастлива, пусть она узнаетъ мою самоотверженную любовь, лишь бы мнѣ ее видѣть, лишь бы знать, что она существуетъ; я буду ея братомъ, ея другомъ!» И онъ плакалъ отъ умиленія, и ему стало легче, когда онъ рѣшился на гигантскій подвигъ, — на безпредѣльное пожертвованіе собою, и онъ тѣшился мыслію, что она будетъ тронута его жертвой; но это были минуты душевной натянутости; онъ менѣе, нежели въ двѣ недѣли, изнемогъ, палъ подъ бременемъ такой ноши.

Не станемъ винить его, подобныя противуестественныя добродѣтели, преднамѣренныя самозакланія вовсе не по натурѣ человѣка и бываютъ большею частію только въ воображеніи, а не на дѣлѣ. На нѣсколько дней его стало; но первая мысль, ослабив-

шая его героизмъ, была холодная и узкая: «она думаетъ, я ничего не вижу, она хитритъ, она притворяется». О комъ думалъ онъ это? О женщинѣ, которую онъ такъ любилъ, такъ уважалъ, которую долженъ бы былъ знать,—да не зналъ. Потомъ внутренняя тоска, снѣдавшая его сама по себѣ, стала прорываться въ словахъ, потому что слова облегчаютъ грусть,—это повело къ объясненіямъ, въ которыхъ ни онъ не умѣлъ остановиться, ни Любовь Александровна не захотѣла бы. Тяжело ему стало послѣ разговоровъ съ нею, онъ миновалъ быть съ глазу на глазъ, и между тѣмъ въ отшельнической жизни своей они почти всегда были вдвоемъ. Онъ пробовалъ больше заниматься, но ему наука не шла въ голову, книга не читалась, или пока глаза его читали, воображеніе вызывало свѣтлыя воспоминанія былаго, и часто слезы лились градомъ на листы какого-нибудь ученаго трактата. Въ душѣ его открылась какая-то пустота, которой предѣлы словно раздвигались съ каждымъ часомъ и жить съ которой было невозможно. Онъ сталъ искать разсѣянія. Мы видѣли въ журналѣ, какъ онъ возвратился въ Ивановъ день съ вечера ученаго друга своего Медузина.

Кстати, для отдыха отъ патетическихъ мѣстъ, пойдемте въ ученую бесѣду Медузина, и начнемъ съ того, безъ чего войти въ нее нельзя: познакомимся съ почтеннымъ хозяиномъ. Знакомство это такъ пріятно, что мы отдѣлимъ его въ новую главу.

VI.

Иванъ Аѳанасьевичъ Медузинъ, учитель латинскаго языка и содержатель частной школы, былъ прекраснѣйшій человѣкъ и вовсе не похожъ на Медузу, снаружи потому, что онъ былъ плѣшивъ, внутри потому, что онъ былъ полонъ не злобой, а настойкой. Медузинымъ его назвали въ семинаріи, во-первыхъ, потому, что надобно было какъ-нибудь назвать, а, во-вторыхъ, потому, что у будущаго ученаго мужа волосы торчали всѣ врознь и отличались необыкновенной толщиной, такъ что ихъ можно было принять за проволоки, но сокрушающая сила времени «и вѣтеръ ихъ разнесъ». Изъ семинаріи Иванъ Аѳанасьевичъ, сверхъ пріятной миѳологической фамиліи, вынесъ то прочное образованіе, которое обыкновенно сопровождаетъ семинаристовъ до послѣдняго дня ихъ жизни и кладетъ на нихъ ту самобытную печать, по которой вы узнаете бывшаго семинариста во всѣхъ нарядахъ. Аристократическія манеры не были отличительнымъ свойствомъ Медузина: онъ никогда не могъ рѣшиться ученикамъ говорить *вы* и не прибавлять въ разговорѣ словъ, мало употребляемыхъ въ высшемъ обществѣ. Ивану Аѳанасьевичу было лѣтъ пятьде-

сять. Сначала онъ былъ учителемъ въ разныхъ домахъ, наконецъ, дошелъ до того, что завелъ свою собственную школу. Однажды пріятель его, учитель, тоже изъ семинаристовъ, по прозванію Кафернаумскій, отличавшійся тѣмъ, что у него съ самаго рожденія не проходилъ потъ и что онъ въ 30 градусовъ мороза безпрестанно утирался, а въ 30° жара у него просто открывалась капель съ лица, встрѣтивъ Ивана Аѳанасьича въ классѣ, сказалъ ему, нарочно при свидѣтеляхъ:

— «А вѣдь, кажется, Иванъ Аѳанасьичъ, день тезоименитства вашего, если не ошибаюсь, приближается. Конечно, мы отпразднуемъ его и нынѣ по принятому уже вами обыкновенію?»

— Увидимъ, почтеннѣйшій, увидимъ, отвѣчалъ Иванъ Аѳанасьевичъ съ усмѣшкою, и на этотъ разъ рѣшился почему-то великолѣпнѣе обыкновеннаго отпраздновать свои именины.

Хозяйство Ивана Аѳанасьевича не было *монтировано*. Онъ жилъ лѣтъ пятнадцать безвыѣздно въ NN, но можно было думать, что онъ только вчера пріѣхалъ въ городъ и не успѣлъ ничего завести. Это было не столько отъ скупости, сколько отъ совершеннаго невѣдѣнія вещей, потребныхъ для человѣка, живущаго въ гражданскомъ обществѣ. Приготовляясь дать балъ, онъ осмотрѣлъ свое хозяйство: оказалось, что у него было шесть чайныхъ чашекъ, изъ нихъ двѣ превратились въ стаканчики, потерявъ единственныя ручки свои; при нихъ всѣхъ состояли три блюдечка; былъ у него самоваръ, нѣсколько тарелокъ, колеблющихся на столѣ, потому что кухарка накупила ихъ изъ браку, два стаканчика на ножкахъ, которые Медузинъ скромно называлъ «своими водочными рюмками», три чубука, заткнутыхъ какой-то грязью, вѣроятно, чтобъ не было сквознаго вѣтра внутри ихъ. Вотъ и все. А онъ назвалъ всѣхъ школьныхъ учителей; долго думалъ онъ, какъ быть, и, наконецъ, позвалъ кухарку свою Пелагею (замѣтьте, что онъ ее никогда не называлъ Палагеей, а какъ слѣдуетъ Пелагеей; равно слова четвертокъ и пятокъ онъ не замѣнялъ изнѣженными четвергъ и пятница).

Пелагея была супруга одного храбраго воина, ушедшаго черезъ недѣлю послѣ свадьбы въ милицію и съ тѣхъ поръ не сыскавшаго времени ни воротиться, ни написать вѣсть о смерти своей, чѣмъ самымъ онъ оставилъ Пелагею въ весьма непріятномъ положеніи вдовы, состоящей въ подозрѣніи, что ея мужъ живъ. Я имѣю тысячу причинъ думать, что толстая, высокая, повязанная платкомъ и украшенная бородавками и очень темными бровями, Пелагея имѣла въ завѣдываніи своемъ не только кухню, но и сердце Медузина; но я вамъ ихъ не скажу потому, что тайны частной жизни для меня священны. Она явилась. Онъ объяснилъ ей свое затруднительное положеніе.

— «Экъ, вѣдь, лукавый-то васъ, отвѣчала Пелагея,—а туда же ученые! Какъ, прости Господи, мальчишка точно не разумный, эдакую араву назвать, а другой разъ десяти копеекъ на портомойное не выпросишь! Что теперь станемъ дѣлать? Передъ людьми-то срамъ: точно погорѣлое мѣсто».

— Пелагея! возразилъ громкимъ голосомъ Медузинъ:—не употребляй во зло терпѣніе мое; именины править съ друзьями хочу и сдѣлаю; возраженій бабьихъ не терплю.

Вліяніе Цицерона было бы замѣтно каждому, но Пелагея, взволнованная вѣстью о праздникѣ, не думала о Цицеронѣ.

— «Конечно, мы и замолчимъ; дѣло ваше, хоть въ окно бросайте деньги, коли блесиръ доставляетъ. Дайте пятьдесятъ рублей, всего искуплю, кромѣ напитковъ».—Пелагея очень хорошо знала, что Медузину не понравится ея отвѣтъ, а потому, сказавши это, она съ глубокимъ чувствомъ собственнаго достоинства подперла одну руку другой, а первой рукой щеку и спокойно ожидала дѣйствія своихъ словъ.

— Пятьдесятъ рублей на эту дрянь! Да ты того, хватила, что-ли, черезъ край? Пятьдесятъ рублей безъ напитковъ! Вздоръ какой! баба глупая! никакого совѣта не умѣетъ дать! Такъ ступай же къ отцу Іоаникію пригласить его ко мнѣ 24 числа, и попроси у него посуды на вечеръ.

— «Куда хорошо по дворамъ шляться за посудою!»

— Пелагея! знакомый тебѣ это человѣкъ? спросилъ Медузинъ, указывая на сучковатую трость въ углу.

Пелагея, увидѣвшись съ знакомымъ, пошла въ кухню надѣть капотъ, шелковый платокъ, и потомъ съ ворчаніемъ отправилась къ отцу Іоаникію; а Медузинъ сѣлъ за письменный столъ и просидѣлъ съ часъ въ глубокой задумчивости; потомъ вдругъ «обошелся посредствомъ» руки, схватилъ бумагу и написалъ, — вы думаете комментарій къ Энеидѣ или къ Евтропіевой краткой исторіи—и ошибаетесь... Вотъ онъ что написалъ:

1. Россійская грамматика и логика	много употребл.
2. Исторія и географія	употребляетъ довольно
3. Чистая математика	плохъ
4. Французскій языкъ	виноградн. много.
5. Нѣмецкій языкъ	пива очень много.
6. Рисованіе и чистописаніе	одну настойку.
7. Греческій языкъ [1]	все употребляетъ.

Послѣ этихъ антропологическихъ отмѣтокъ, Иванъ Аѳанасьевичъ написалъ соотвѣтственную имъ программу:

[1] У меня было написано отецъ законоучитель... цензура замѣнила его греческимъ учителемъ!

Ведро сантуринскаго	16	руб.	коп.
$^{1}/_{2}$ ведра настойки	8	»	»
$^{1}/_{2}$ ведра пива	4	»	»
2 бутылки меду	—	»	50
Судацкаго 10 бутылокъ	10	»	»
3 бутылки ямайскаго	4	»	»
Сладкой водки штофъ	2	»	50
Итого:	45	руб.	—

Медузинъ былъ доволенъ смѣтой: не то чтобъ очень дорого, а выпить довольно; сверхъ того, онъ ассигновалъ значительныя деньги на покупку вязиги для пироговъ, ветчины, паюсной икры, лимоновъ, селедокъ, курительнаго табаку и мятныхъ пряниковъ,— послѣднее уже не по необходимости, а изъ роскоши.

Гости собрались въ седьмомъ часу. Въ девять съ Кафернаумскаго шелъ уже проливной дождь; въ десять учитель географіи, разговаривая съ учителемъ французскаго языка о кончинѣ его супруги, померъ со смѣху и не могъ никакъ понять, что собственно смѣшнаго было въ кончинѣ этой почтенной женщины; но всего замѣчательнѣе то, что и французъ, неутѣшный вдовецъ, глядя на него, расхохотался, несмотря на то, что онъ употреблялъ одно виноградное. Медузинъ показывалъ самъ примѣръ гостямъ: онъ пилъ безпрестанно и все, что ни подавала Пелагея,—пуншъ и пиво, водку и сантуринское, даже успѣлъ хватить стаканъ меду, котораго было только двѣ бутылки; ободренные такимъ примѣромъ гости не отставали отъ хозяина. Одинъ Круциферскій, приглашенный хозяиномъ для почета, потому что онъ принадлежалъ къ высшему ученному сословію въ городѣ, одинъ Круциферскій не бралъ участія въ общемъ шумѣ и гамѣ: онъ сидѣлъ въ углу и курилъ трубку. Зоркій взглядъ хозяина добрался, наконецъ, до него.

— Дмитрій Яковлевичъ, вы то что же пуншику-то съ лимончикомъ!... ну, что, право, сидите, голову повѣся, сами не пьете, другимъ мѣшаете.

— «Вы знаете, Иванъ Аѳанасьевичъ, что я никогда не пью».

— И знать, любезнѣйшій мой, не хочу такого вздору, пьешь не пьешь, а съ друзьями выпить надобно; дружеская бесѣда, да... Пелагея, подай стаканъ пуншу, да гораздо покрѣпче. Послѣднее замѣчаніе, вѣроятно, хозяинъ основалъ на томъ, что Круциферскій и послабже не хотѣлъ.

Принесла Пелагея стаканъ кизлярки, въ которой лежалъ должно быть мертво пьяный кусокъ лимону и въ которой безслѣдно пропали нѣсколько чайныхъ ложекъ кипятку. Круциферскій взялъ стаканъ, чтобъ отдѣлаться отъ хозяина, въ надеждѣ, что найдетъ случай три четверти выплеснуть за растворенное

окно. Это было не такъ легко, потому что Медузинъ, посадивши кого-то за себя поиграть въ бостонъ, подсѣлъ къ Круциферскому.

— Вотъ, Дмитрій Яковлевичъ, я тебѣ искренно скажу, ты меня обязалъ, истинно дружески обязалъ, а то какъ въ твои лѣта, сидишь дома на заперти; конечно, у тебя есть тамъ хозяюшка молодая, ну, да вѣдь надобно же и въ свѣтъ-то иной заглянуть. Ну, дай же, Дмитрій Яковлевичъ, я тебя за это поцѣлую, — и не дожидаясь разрѣшенія и несмотря на то, что отъ него пахло точно изъ растворенной двери питейнаго дома, вылитографировалъ довольно отчетливо толстыя губы свои на щекѣ Круциферскаго. А вслѣдъ за тѣмъ, не говоря худаго слова, обнялъ Дмитрія Яковлевича и Кафернаумскій, съ котораго потъ лился ручьями. Желая просушить лицо, безъ явной обиды собрату по просвѣщенію юношества, Круциферскій отошелъ въ уголъ и вынулъ платокъ. Спиною съ нему стоялъ неутѣшный вдовецъ и учитель французскаго языка съ Густавомъ Ивановичемъ, учителемъ нѣмецкаго языка, который въ сію минуту былъ налитъ пивомъ до конца ногтей и курилъ трубку съ перышкомъ. Ни тотъ, ни другой не замѣтили Круциферскаго и продолжали въ полголоса разговоръ. Само собою разумѣется, что Круциферскому вовсе не хотѣлось подслушать, что они говорятъ, но фамилія Бельтова, произнесенная довольно громко, рядомъ съ его собственной, заставила его вздрогнуть и инстинктивно прислушаться.

— Это старый штукъ, говорилъ французъ, посгладивши какъ то всѣ русскія буквы:—и если Адан' не носилъ рокъ, то это отъ того, что онъ билъ одна мушина въ Эден'.

— Та, отвѣчалъ Густавъ Ивановичъ:—та! этотъ Пельгтофъ, это точна Тонъ Шуанъ,—и черезъ минуту громко расхохотался; минуту эту, по нѣмецкому обычаю, онъ провелъ въ глубокомысленномъ обсуживаніи, что сказалъ французскій учитель объ Адамѣ; добравшись, наконецъ, до смысла, Густавъ Ивановичъ громко расхохотался и, вынимая изъ чубука перышко, совершенно разгрызенное его германскими зубами, присовокупилъ съ большимъ довольствомъ: «ich habe die Pointe, sehr gut!»

Но наибольшее дѣйствіе этотъ разсказъ сдѣлалъ не на Густава Ивановича, а на человѣка, который почти не слыхалъ его, т. е. на Круциферскаго. Что это значитъ, эти двѣ фамиліи, рядомъ поставленныя? Да какъ же это, неужели страшная тайна, которую онъ едва подозрѣвалъ, въ которой онъ себѣ не смѣлъ признаться, сдѣлалась площадною сплетней? Да точно ли они говорили это? Конечно, говорили,—и вотъ они стоятъ еще на томъ же мѣстѣ и Густавъ Ивановичъ продолжаетъ хохотать... Круциферскому показалось, что у него въ груди что-то оборвалось и

что грудь наполняется горячей кровью, и все она подступаетъ выше и выше, и скоро хлынетъ ртомъ... Голова у него кружилась, передъ глазами прыгали огоньки, онъ боялся встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь взглядомъ, онъ боялся упасть на полъ—и прислонился къ стѣнѣ... Вдругъ чья-то тяжелая рука схватила его за рукавъ; онъ весь содрогнулся; что еще будетъ? думалъ онъ.

— Нѣтъ, любезный Дмитрій Яковлевичъ, честные люди такъ не поступаютъ, говорилъ Иванъ Аѳанасьевичъ, держа одной рукой Круциферскаго за рукавъ, а другою стаканъ пуншу: нѣтъ, дружище! припрятался къ сторонкѣ, да и думаешь, что правъ. У меня такой законъ: бери, не бери, твоя воля, а взялъ, такъ пей.

Круциферскій, долго всматриваясь и вслушиваясь — въ родѣ того, какъ Густавъ Ивановичъ изучалъ замѣчаніе французскаго учителя,—наконецъ смутно понялъ, въ чемъ дѣло, взялъ стаканъ, выпилъ его разомъ, и расхохотался.

— Вотъ люблю, можно чести приписать; каковъ? а говоритъ, не пью, экой хитрецъ. Ну, Дмитрій Яковлевичъ, Митя, выпей еще стаканчикъ... Пелагея, присовокупилъ Медузинъ, вытаскивая изъ стакана Круциферскаго собственнымъ (обходительнымъ) пальцемъ своимъ кусокъ лимона: — еще пуншу, да покрѣпче... Выпьешь?

— «Давайте».

— Браво, браво! И Медузинъ только потому не поцѣловалъ Круциферскаго, что ротъ его былъ занятъ лимономъ, который онъ съѣлъ съ кожей и съ косточками, прибавляя въ видѣ объяснительной комментаріи: «кисленькое то славно, когда фундаментъ выведенъ».

Пуншъ принесли, Круциферскій выпилъ его, какъ стаканъ воды. Никто не замѣтилъ, что онъ былъ блѣденъ какъ воскъ, и что посинѣлыя губы у него дрожали, можетъ потому, что гостямъ казалось, что весь земной шаръ дрожитъ.

Между тѣмъ, какъ дѣло шло на пульку, неутомимая Пелагея принесла на маленькій столикъ подносъ съ графиномъ и стаканчиками на ножкахъ, потомъ тарелку съ селедками, пересыпанными лукомъ. Селедки хотя и были нарублены поперекъ, но впрочемъ не лишены ни позвоночнаго столба, ни реберъ, что имъ придавало особенную, очень пріятную остроту. Игра кончилась мелкимъ проигрышемъ и крупнымъ ругательствомъ между людьми, жившими вмѣстѣ цѣлый бостонъ. Медузинъ былъ въ выигрышѣ, а, слѣдовательно, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

— Полноте, полноте! кричалъ онъ. Пойдемте-ка лучше, да съ Божьимъ благословеніемъ, хватимте кантафреснаго.

Иванъ Аѳанасьевичъ постоянно называлъ настойку кантафреснымъ, почему, не знаю, но полагаю—по достаточнымъ и вѣрнымъ латинскимъ источникамъ.

Гости отправились къ столу.

— Дмитрій Яковлевичъ! ужъ вѣрно ты не откажешься и отъ кантафреснаго?

— «Давайте и кантафреснаго», отвѣчалъ Круциферскій и опрокинулъ въ горло огромную рюмку пѣнника, испорченнаго разными травами, отвратительными на вкусъ и полезными, какъ думаютъ легковѣрные люди, для желудка.

Восторгъ гостей былъ неописанный; но Пелагея принесла баснословной величины пирогъ съ вязигой... Я, впрочемъ, полагаю, что мы довольно ознакомились съ характеромъ валтасаровскаго празднества, которымъ Медузинъ праздновалъ свое тезоименитство; тѣмъ болѣе не считаю нужнымъ описывать продолженіе его, что могу увѣрить читателей въ томъ, что праздникъ продолжался совершенно въ томъ же направленіи и на тѣхъ же основаніяхъ.

На другой день Круциферскій имѣлъ длинный разговоръ съ Любовью Александровной; она поднялась въ его глазахъ опять такъ высоко, такъ недосягаемо высоко, онъ былъ способенъ понять и оцѣнить ее... Но что-то отлетѣло между ними и страшная мысль: «объ этомъ говорятъ», уничтожала его. Онъ, впрочемъ, насчетъ этого не сказалъ ей ни слова; ему было тяжело съ ней говорить и онъ торопился въ гимназію; пришедши туда прежде окончанія другой лекціи, онъ стоялъ у окна въ рекреаціонной залѣ. Давно ли онъ такъ спокойно смотрѣлъ изъ этого окна, давно ли, на верху человѣческаго счастія, онъ такъ торопился бѣжать домой? И вдругъ все перемѣнилось: онъ хотѣлъ бы бѣжать изъ дому... И между тѣмъ онъ былъ подавленъ ея величіемъ и силой, онъ понялъ, что она страдаетъ не меньше его, но что она скрываетъ эти страданія изъ любви къ нему... Изъ любви ко мнѣ! Но развѣ она любитъ меня, развѣ можно любить бревно, лежащее на дорогѣ къ счастью?.. Зачѣмъ я не умѣлъ скрыть, что все знаю; если-бъ я былъ осторожнѣе, она не столько бы страдала; а я все сдѣлалъ бы, чтобъ она была счастлива; но что же дѣлать; бѣжать, бѣжать—куда? . . . .

. . . .

. . . .

Его остановилъ Анемподистъ Кафернаумскій. Онъ, видимо, еще не оправился отъ вчерашняго раута; глаза у него были красны и окружены какимъ-то пухлымъ кругомъ, какъ бываетъ луна зимою въ морозные дни, на щекахъ и носѣ проступали сизыя пятна.

— Что, почтеннѣйшій, сказалъ Кафернаумскій, отирая потъ съ лица:—трещитъ?

Круциферскій промолчалъ.

— Я самъ едва живъ.

Видала ль ты обломки корабля?
Видала, но почто? Се жизнь теперь моя...

— Каковъ-съ Медузинъ-то? Старый песъ, расходился какъ! Да вы, Дмитрій Яковлевичъ, поправлялись? То есть, клинъ клиномъ-то...

— «Какъ, поправлялся ли?»

— А вотъ, я вамъ покажу какъ; и видно, что еще новичекъ! Пойдемте-ка ко мнѣ. Я, вѣдь, тутъ возлѣ живу.—

Ради рома и арака
Посѣти домишко мой.

Круциферскій отправился къ Кафернаумскому. Зачѣмъ? Этого онъ самъ не зналъ. Кафернаумскій, вмѣсто рома и арака, предложилъ рюмку пѣннику и огурцы. Круциферскій выпилъ и, къ удивленію, увидѣлъ, что, въ самомъ дѣлѣ, у него на душѣ стало легче; такое открытіе, разумѣется, не могло быть болѣе кстати, какъ въ то время, когда безвыходное горе разъѣдало его.

. . . .

. . . .

Часовъ въ десять съ небольшимъ Семенъ Ивановичъ Круповъ явился въ небольшую залу «города Кересбергъ» и принялся прохаживаться взадъ и впередъ, съ лицомъ озабоченнымъ и сердитымъ. Минутъ черезъ пять, дверь изъ комнаты Бельтова отворилась и вышелъ Григорій, со щеткой въ рукѣ и съ пальто на рукѣ.

— Что, небось, еще спитъ?

«Сейчасъ проснулись», отвѣчалъ Григорій.

— Скажи ему, что я пришелъ и имѣю до него дѣло.

— «Семенъ Ивановичъ! закричалъ Бельтовъ:—Семенъ Ивановичъ! милости просимъ»,—и показался въ дверяхъ.

— Имѣете вы, спросилъ онъ:—полчаса времени для меня?

— «Хоть цѣлый день!» отвѣчалъ Бельтовъ.

— Да не помѣшалъ ли я вамъ? Вы, кажется, по утрамъ занимаетесь политической экономіей, что ли? Старикъ нисколько не скрылъ ироническій тонъ вопроса.

— «Вы, кажется, сегодня и рано встали съ постели, да только лѣвой ногой», замѣтилъ Бельтовъ, до высочайшей степени кротко принимавшій замѣчанія стараго ворчуна.

— Стало, я всталъ съ той ноги, съ которой хотѣлъ.

— «Итакъ», сказалъ Бельтовъ, указывая на дверь.

Круповъ молча вошелъ въ нее.

— Владиміръ Петровичъ! началъ Круповъ, и сколько онъ ни хотѣлъ казаться холоднымъ и спокойнымъ, не могъ,—я пришелъ

съ вами поговорить не сбрызгу, а очень подумавши о томъ, что дѣлаю. Больно мнѣ вамъ сказать горькія истины, да, вѣдь, не легко и мнѣ было, когда я ихъ узналъ. Я на старости лѣтъ остался въ дуракахъ; такъ ошибся въ человѣкѣ, что мальчику въ шестнадцать лѣтъ надобно было бы краснѣть.

Бельтовъ смотрѣлъ на старика съ удивленіемъ.

— Коли я ужъ началъ говорить, такъ буду, какъ македонскій солдатъ, вещи называть своимъ именемъ, а тамъ, что будетъ, не мое дѣло; я старъ, однако трусомъ меня никто не назоветъ, да и я, изъ трусости, не назову неблагороднаго поступка—благороднымъ.

— «Послушайте, Семенъ Ивановичъ! я увѣренъ, что вы не трусъ, да еще болѣе увѣренъ въ томъ, что и меня вы не считаете за труса; но мнѣ бы очень было непріятно стать въ необходимость доказывать это вамъ, котораго я искренно уважаю; я вижу, вы раздражены, а потому, чтобы ни было, сдѣлаемте условіе не употреблять грубыхъ выраженій; они имѣютъ странное свойство надо мной: они меня заставляютъ забыть все хорошое въ томъ, кто унижается до ругательствъ. Бранью вы ничего не объясните, а потому къ дѣлу, и извините за aviso».

— Хорошо-съ; я буду, милостивый государь, вѣжливъ, чрезвычайно вѣжливъ. Позвольте мнѣ имѣть смѣлость, Владиміръ Петровичъ, васъ спросить,—знаете вы или нѣтъ, что вы разрушили счастье семьи, на которую я четыре года ходилъ радоваться, которая мнѣ замѣняла мою собственную семью; вы отравили ее, вы сдѣлали разомъ четырехъ несчастныхъ. Изъ сожалѣнія къ вашему одиночеству, я ввелъ васъ въ эту семью; васъ приняли, какъ родного, васъ отогрѣли тамъ, а вы чѣмъ отблагодарили? Изволите знать, мужъ не нынче, завтра повѣсится или утопится, не знаю, въ водѣ или въ винѣ; она будетъ въ чахоткѣ, за это я вамъ отвѣчаю; ребенокъ останется сиротою на чужихъ рукахъ, — и, въ довершеніе, весь городъ трубитъ о вашей побѣдѣ. Позвольте же и мнѣ васъ поздравить!—Благородный старикъ дрожалъ отъ гнѣва, говоря послѣднія слова.—А, можетъ, вамъ это ничего съ высшей точки зрѣнія? прибавилъ онъ, погодя немного.

Бельтовъ всталъ съ дивана и быстро ходилъ по комнатѣ; потомъ онъ вдругъ остановился передъ старикомъ.

— «Позвольте мнѣ васъ теперь спросить, кто вамъ далъ право такъ дерзко и такъ грубо дотрогиваться до святѣйшей тайны моей жизни? Почему вы знаете, что я не вдвое несчастнѣе другихъ? Но я забываю вашъ тонъ; извольте, я буду говорить. Что вамъ отъ меня надобно знать? Люблю ли я эту женщину? Я люблю ее! Да, да! тысячу разъ повторяю вамъ: я люблю всѣми силами души моей эту женщину! Я ее люблю, слышите?»

— Такъ зачѣмъ же вы ее губите? Если-бъ вы были человѣкъ съ душою, вы остановились бы на первой ступени, вы не дали бы замѣтить своей любви! Зачѣмъ вы не оставили ихъ домъ? Зачѣмъ?

— «Вы проще спросите: зачѣмъ я живу вообще? Дѣйствительно, не знаю! Можетъ для того, чтобъ сгубить эту семью, чтобъ погубить лучшую женщину, которую я встрѣчалъ. Вамъ все это легко и спрашивать, и осуждать. Видно въ васъ сердце-то смолоду билось тихо, а то бы осталось хоть что-нибудь въ воспоминаніи. Извольте, я буду отвѣчать на ваши вопросы. Да! я чувствую теперь потребность не оправдываться—я не признаю надъ собою суда, кромѣ меня самого—а говорить; да сверхъ того, вамъ нечего больше мнѣ сказать: я понялъ васъ; вы будете только пробовать тѣ же вещи облекать въ болѣе и болѣе оскорбительную форму; это, наконецъ, раздражитъ насъ обоихъ, а, право, мнѣ не хотѣлось бы поставить васъ на барьеръ, между прочимъ потому, что вы нужны, необходимы для этой женщины».

— Говорите, говорите: я буду слушать.

— «Я пріѣхалъ сюда въ одну изъ самыхъ тяжелыхъ эпохъ моей жизни. Въ послѣднее время я разстался съ заграничными друзьями; здѣсь не было ни одного человѣка, близкаго мнѣ; я толкнулся къ нѣкоторымъ въ Москвѣ —ничего общаго! Это укрѣпило меня еще болѣе въ намѣреніи ѣхать въ NN. Вы знаете, что здѣсь было, и весело ли я жилъ? Вдругъ я встрѣчаю эту женщину... Вы ее любите, уважаете, но вы ее совсѣмъ не знаете, такъ точно, какъ не знаете меня. Вы дорого оцѣнили ея семейное счастье, ея любовь къ мужу, къ ребенку,—только, не сердитесь,—есть минуты, въ которыя говорятъ не однѣ сладкія истины... Не думайте, чтобы внѣшняя близость или число лѣтъ распечатывали душу одного другому, — нисколько! Очень часто людей, жившихъ лѣтъ двадцать вмѣстѣ, въ гробъ кладутъ чужими, а иногда они и любятъ другъ друга, да не знаютъ; а братственное сочувствіе въ одинъ мигъ раскрываетъ въ десять разъ больше. Къ тому же, по вашей привычкѣ морализировать, вы на нее смотрѣли докторально сверху внизъ; а я, изумленный необычайной силой ея, я склонялся передъ ней. Удивительное существо! Какъ это сдѣлалось въ ней, что тѣ результаты, за которые я пожертвовалъ полжизнію, до которыхъ добился трудами и мученіями, и которые такъ новы мнѣ казались, что я ими дорожилъ, принималъ ихъ за нѣчто выработанное, были для нея простыми, само собою понятными истинами: они ей казались обыкновенны. Не знаю, я со многими людьми встрѣчался, у каждаго рано или поздно дойдешь до его горизонта, дойдешь до рва, чрезъ который онъ пересадить не можетъ; въ ней я не видѣлъ этого горизонта.

Какія мгновенія истиннаго блаженства я испыталъ въ эти вечера, когда мы долго бесѣдовали?—Я отдохнулъ за весь холодъ, испытанный въ моей жизни. Первый разъ человѣкъ узналъ, что такое любовь, что такое счастье и зачѣмъ онъ не остановился? Это, наконецъ, становится смѣшно, столько благоразумія у меня нѣтъ. Да и потомъ это вовсе было не нужно. Когда я отдалъ отчетъ, когда я самъ понялъ—было поздно».

— Да скажите, наконецъ, какая же у васъ цѣль? Ну, что же дальше?

— «Я не думалъ объ этомъ и ничего не могу сказать вамъ».

— Вотъ вамъ передъ глазами зато и лежатъ плоды необдуманности.

— «Вы думаете, что я равнодушно смотрю на эти плоды, что я ждалъ, чтобы вы пришли мнѣ разсказать? Прежде васъ я понялъ, что мое счастье потускло, что эпоха, полная поэзіи и упоенья, прошла, что эту женщину затерзаютъ..., потому что она удивительно высоко стоитъ. Дмитрій Яковлевичъ хорошій человѣкъ, онъ ее безумно любитъ, но у него любовь манія, онъ себя погубитъ этой любовью, что-жъ съ этимъ дѣлать?.... Хуже всего, что онъ и ее погубитъ».

— Какъ же, по вашему, ему слѣдовало бы хладнокровно смотрѣть па то, что его жена любитъ другого.

— «Я этого не говорю. Вѣроятно, ему слѣдовало то дѣлать, что онъ сдѣлалъ; каждая натура очень вѣрна себѣ, особенно въ критическія минуты. А знаете, чего ему не слѣдовало дѣлать: сочетать свою жизнь съ женщиной такой силы, какъ она».

— По несчастью, это я ему говорилъ передъ свадьбой, но согласитесь, что теперь поздно объ этомъ толковать и что до вашего пріѣзда она была счастлива.

— «Семенъ Ивановичъ, это бы не осталось такъ навсегда. Такого рода недоразумѣнія рано или поздно всплываютъ; какъ это вы такъ непослѣдовательны!»

— Право, это дѣло мудреное! Охъ, то-то не даромъ всегда говорилъ я, что семейная жизнь вещь преопасная, да проповѣдывалъ, какъ Іоаннъ въ пустынѣ; никто меня не слушалъ. Хоть бы вы изъ состраданія просто...

— «Я право не знаю, чего вы отъ меня хотите? Послѣ ея болѣзни, я сталъ замѣчать ея грусть и его нѣмое безвыходное отчаяніе. Я почти пересталъ ходить къ нимъ, вы это знаете, а чего мнѣ это стоило, знаю я; двадцать разъ принимался я писать къ ней и, боясь ухудшить ея состояніе, не писалъ; я бывалъ у нихъ—и молчалъ; въ чемъ же вы меня упрекаете, что вы хотите отъ меня; надѣюсь, что не простое желаніе бросить въ меня нѣсколько оскорбительныхъ выраженій привело васъ ко мнѣ?»

— Владимiръ Петровичъ, ну, докажите же, что вы сильный человѣкъ; я вѣрю, что вамъ это трудно, ну, все же принесите жертву, большую жертву... А мы, можетъ, спасемъ эту женщину; Владимiръ Петровичъ, уѣзжайте отсюда!... И какая-то нѣжность въ тонѣ замѣнила натянутую жесткость... Голосъ у старика дрожалъ. Онъ любилъ Бельтова.

Бельтовъ открылъ свой портфель, порылся въ бумагахъ и подалъ ему начатое письмо. «Прочтите», сказалъ онъ. Письмо было къ матери; онъ извѣщалъ ее о своемъ твердомъ намѣренiи опять ѣхать за границу и притомъ очень скоро.

— «Вы видите, я ѣду. И вы думаете, что вы спасете ее этимъ, спросилъ онъ грустно, качая головой:—добрѣйшiй Семенъ Ивановичъ?»

— Да что же дѣлать? спросилъ Круповъ съ какимъ-то отчаянiемъ.

— «Не знаю, отвѣчалъ Бельтовъ; Семенъ Ивановичъ, я напишу къ ней письмо и принесу его къ вамъ, вы отдадите, честное слово!»

— Отдамъ, отвѣчалъ Круповъ.

Бельтовъ проводилъ Семена Ивановича, печальнаго и разстроеннаго до дверей.

Потомъ онъ воротился къ своему стóлику и бросился на диванъ въ какомъ-то совершенномъ безсилiи; видно было, что разговоръ съ Круповымъ нанесъ ему страшный ударъ, видно было, что онъ не могъ еще овладѣть имъ, сообразить, осилить. Часа два лежалъ онъ съ потухнувшей сигарой, потомъ взялъ листъ почтовой бумаги и началъ писать. Написавши, онъ сложилъ письмо, одѣлся, взялъ его съ собою и пошелъ къ Крупову.

— «Вотъ письмо, сказалъ Бельтовъ:—можете вы, Семенъ Ивановичъ, доставить мнѣ случай съ ней видѣться, при васъ, на двѣ минуты, или нѣтъ?»

— Да зачѣмъ?

— «Что вамъ до этого, хуже отъ этого не будетъ. Если въ васъ когда-нибудь была малѣйшая привязанность ко мнѣ, вы это сдѣлаете».

— Когда вы ѣдете?

— «Завтра утромъ».

— Будьте въ восемь часовъ въ саду.

Бельтовъ пожалъ ему руку.

— А я видѣлъ сегодня *его* въ самомъ жалкомъ положенiи.

— «Перестаньте; ни слова, Семенъ Ивановичъ, умоляю васъ».

Блѣдная, исхудавшая, съ заплаканными глазами, шла несчастная Любовь Александровна подъ руку съ Круповымъ; она была въ лихорадкѣ, выраженiе ея глазъ было страшно. Она знала,

куда она шла, и знала зачѣмъ. Они пришли къ завѣтной лавочкѣ и сѣли на нее; она плакала, въ рукахъ ея было письмо; Семенъ Ивановичъ, не находившій даже нравоучительныхъ замѣчаній, обтиралъ слезу за слезою.

Подошелъ Бельтовъ; все свѣтлое въ лицѣ его исчезло, въ каждой чертѣ видно было нестерпимое страданіе; онъ взялъ ея руку. Онъ былъ похожъ на мертвеца.

— «Прощайте, сказалъ онъ ей едва внятнымъ голосомъ:—я опять скитаться; но наша встрѣча, но вашъ образъ сохранится во мнѣ... Онъ меня утѣшитъ въ послѣднюю минуту жизни».

«Навсегда?» спросила она.

Онъ молчалъ.

«Боже мой!» сказала она и умолкла. «Прощайте, Вольдемаръ», прибавила она шопотомъ, и потомъ вдругъ, какъ будто силы ея разомъ удесятерились, она встала и, сжимая руку его, сказала громко и ясно: «Вольдемаръ, помните, что вы любимы безпредѣльно... Безпредѣльно любимы, Вольдемаръ!»

Она встала, онъ не удерживалъ ее; въ ней достало духу идти болѣе твердымъ шагомъ, нежели какъ она пришла.

Онъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ, провожалъ до-нельзя мельканіе бѣлаго бурнуса между березками. Она не имѣла силы обернуться. Вольдемаръ остался. Да неужели, думалъ онъ, я долженъ оставить ее и навсегда! Онъ положилъ голову на руку, закрылъ глаза и съ полчаса сидѣлъ уничтоженный, задавленный горемъ, какъ вдругъ кто-то его назвалъ по имени; онъ поднялъ голову и едва узналъ общее совѣтничье лицо совѣтника; Бельтовъ сухо поклонился ему.

— Вы, кажется, Владиміръ Петровичъ, приходите сюда отдаваться мечтаніямъ и размышленіямъ.

— «Да, и поэтому люблю быть одинъ».

— Это точно-съ, доложу вамъ, что можетъ быть пріятнѣе для образованнаго человѣка, какъ одиночество, замѣтилъ совѣтникъ, садясь на лавку:—а впрочемъ, есть и компанія иногда не хуже одиночества. Я сейчасъ встрѣтилъ Крупова, Семена Ивановича, онъ такую себѣ подцѣпилъ дамочку.

Бельтовъ всталъ въ ту же минуту, какъ совѣтникъ сѣлъ, и хотѣлъ идти, но онъ его остановилъ послѣдними словами. Насмѣшливый видъ совѣтника очень хорошо показывалъ, съ какою цѣлью онъ это говорилъ. Всего вѣроятнѣе, что онъ и въ садъ попалъ по тайному порученію какой-нибудь Марьи Степановны.

— «Я знаю даму, съ которой шелъ Круповъ», сказалъ Бельтовъ, задыхаясь отъ ярости.

— Да, какъ чай вамъ не знать, ха, ха, ха! замѣтилъ развязный совѣтникъ:—ужъ вы, молодые люди, знаете всѣхъ хорошенькихъ.

— «Вы или сумасшедшій, или дуракъ! Въ обоихъ случаяхъ прощайте», сказалъ Бельтовъ и отправился по аллеѣ.

— Какъ вы осмѣлились меня такъ назвать! вскричалъ совѣтникъ, покраснѣвши, какъ піонъ, и вскакивая съ лавки.

Бельтовъ остановился.

— «Что вы хотите отъ меня? спросилъ онъ совѣтника,—стрѣляться съ вами? Извольте! Какъ ни гадко, я стану; если-жъ нѣтъ, вы мени извините, я имѣю скверную привычку отгонять тростью тѣхъ, которые мнѣ мѣшаютъ гулять».

— Какъ тростью? спросилъ совѣтникъ:—да кто вы такой, что смѣете тростью угрожать?

Во всякомъ другомъ случаѣ, Бельтовъ расхохотался бы отъ всего сердца надъ милымъ совѣтникомъ, но въ эту минуту, когда онъ и безъ него былъ такъ сильно раздраженъ и врядъ ли хорошо помнилъ, что дѣлаетъ, онъ показалъ совѣтнику *какъ*. Совѣтникъ удивился; Бельтовъ ушелъ.

На другой день утромъ, пока Григорій укладывалъ и хлопоталъ, Бельтовъ ходилъ по комнатѣ; у него въ умѣ и въ груди была какая-то пустота, точно полжизни, полсуществованія кануло въ воду, и нѣтъ ее, такъ что-то страшно и больно, какой-то трепетъ,—и вдругъ навернутся слезы. Десять разъ Григорій обращался къ нему съ вопросомъ, и онъ отвѣчалъ: «все равно», и дѣйствительно въ эту минуту ему было не только все равно, какое пальто надѣть на дорогу, а даже по какой дорогѣ ѣхать, въ Парижъ или Тобольскъ. Вошелъ Семенъ Ивановичъ, совсѣмъ не такъ, какъ вчера: на глазахъ его видны были слѣды слезъ, онъ какъ-то вошелъ тихо, чистилъ шляпу рукавомъ, постоялъ у окна, замѣтилъ Григорію, что вага у дормеза не хорошо привязана, и вообще былъ не въ своей тарелкѣ.

— «Довольны мною, Семенъ Ивановичъ?» сказалъ со смѣхомъ и со слезами Бельтовъ.

— Я оскорбилъ васъ вчера, ну, что дѣлать, простите меня... если вы такъ уѣдете...—И у старика голосъ замеръ.

— «Полноте, полноте, Семенъ Ивановичъ, что вы это?»

И Бельтовъ протянулъ ему обѣ руки.

— Вотъ еще что, примите отъ меня въ знакъ памяти, я истинно васъ любилъ, и хочу вамъ... И онъ ему подалъ довольно большой сафьянный портфель,—хочу вамъ отдать вещь дорогую, очень дорогую мнѣ. Бельтовъ развернулъ портфель, взглянулъ на старика и бросился къ нему на шею. Старикъ рыдалъ и приговаривалъ: «Самому смѣшно, право, изъ ума выживаю. Экая глупость, подъ старость плаксой сталъ». Бельтовъ бросился на стулъ и держалъ передъ собою портфель... Это былъ акварельный портретъ Любови Александровны.

Круповъ стоялъ передъ нимъ и, чтобъ окончательно увѣрить Бельтова, что онъ вовсе ничего не чувствуетъ, дѣлалъ слѣдующіе комментаріи, отирая украдкой слезы:

— Года два тому назадъ, здѣсь проѣзжалъ англичанинъ живописецъ, хорошій живописецъ; онъ большіе масляные портреты дѣлалъ; вотъ губернаторшинъ портретъ, что виситъ въ кабинетѣ, онъ писалъ; я уговорилъ Любовь Александровну посидѣть, всего три сеанса... думала ли она?..

Бельтовъ не слушалъ его, а потому бѣда была не велика, когда рѣчь Крупова перервалъ хозяинъ трактира, который, запыхавшись, возвѣстилъ пріѣздъ г. полицеймейстера.

— «Что ему надобно?» спросилъ Бельтовъ.

— Имѣетъ до вашей милости дѣло, отвѣчалъ трактирщикъ.

— «Скажи, что я дома».

Полицеймейстеръ вошелъ, страшно гремя саблею; вдали сквозь растворенную дверь видѣлся тощій комиссаръ и половой, державшій въ страхѣ въ рукахъ шинель полицеймейстера.

Бельтовъ всталъ и всею фигурою своей выразилъ вопросъ, такъ что словъ не нужно было. Вопросъ былъ естественно тотъ, *за коимъ діаволомъ?*

— Мнѣ очень жаль, Владиміръ Петровичъ, что я долженъ остановить васъ на нѣсколько минутъ; вы, кажется, намѣрены отбыть изъ нашего города.

— «Да».

— Генералъ васъ проситъ побывать къ нему. Фирсъ Петровичъ Елканевичъ подалъ на васъ, партикулярнымъ письмомъ, жалобу его превосходительству насчетъ оскорбленія его чести. Мнѣ очень совѣстно; согласитесь сами, долгъ службы; сами изволите знать, мое дѣло—неумытное исполненіе.

— «Это чрезвычайно не ко времени. Позвольте васъ спросить, это надолго можетъ меня остановить?»

— Это будетъ зависѣть отъ васъ; г. Елканевичъ человѣкъ благородный: онъ навѣрное дѣла не затянетъ вдаль, если вы, изволите знать, объяснитесь.

— «Да какъ тутъ объясняться?»

— Охъ, Владиміръ Петровичъ, что мнѣ это съ тобою дѣлать? ничего право не понимаешь, замѣтилъ Круповъ, ну, хотите, я съ г. полицеймейстеромъ буду посредникомъ, и кончимъ въ четверть часа?

— «Очень бы обязали, истинно обязали бы».

— Помилуйте, замѣтилъ полицеймейстеръ: это священная обязанность наша, и самая пріятная обязанность, когда можно эдакъ мирнымъ образомъ и къ общему удовольствію.

Такъ и случилось.

*
* *

. . . Черезъ двѣ недѣли по той дорогѣ, по которой нѣкогда мчалась мимо мельницы коляска, запряженная четверкой лихихъ лошадей, и которая шла отъ Бѣлаго-Поля на большую дорогу, подымался дорожный дормезъ; Григорій сидѣлъ на козлахъ и закуривалъ трубку, ямщикъ убѣждалъ лошадей идти дружнѣе и, чтобъ ближе поддѣлаться къ ихъ понятіямъ, произносилъ однѣ гласныя: о... о... о... у... у... у... а... а... а... и т. д. А по сю сторону рѣки стояла старушка, въ бѣломъ чепцѣ и бѣломъ капотѣ; опираясь на руку горничной, она махала платкомъ, тяжелымъ и мокрымъ отъ слезъ, человѣку, высунувшемуся изъ дормеза, и онъ махалъ платкомъ. Дорога шла немного вправо; когда карета заворотила туда, видна была только задняя сторона, но и ее скоро закрыло облакомъ пыли, и пыль эта разсѣялась и кромѣ дороги ничего не было видно, а старушка все еще стояла, поднимаясь на цыпочки и стараясь что-то разглядѣть.

Скучно и пусто сдѣлалось старушкѣ въ Бѣломъ-Полѣ. Бывало все же въ недѣлю разъ, другой пріѣдетъ Вольдемаръ, она такъ привыкла слышать издали, еще съ горы, бубенчики и выходить къ нему навстрѣчу на тотъ балконъ, накоторомъ она нѣкогда ждала его, загорѣлаго отрока съ свѣтлымъ лицомъ. Ее что-то звало въ NN: тамъ жила женщина, любимая ея сыномъ, несчастная жертва любви къ нему. И въ самомъ дѣлѣ старушка переѣхала туда къ зимѣ. Она застала Любовь Александровну потухающею, не надежною; Семенъ Ивановичъ, сдѣлавшійся вдвое угрюмѣе, качалъ головою, когда его спрашивали объ ней; Дмитрій Яковлевичъ, задавленный горемъ, *молился Богу* и пилъ. Софья Алексѣевна просила позволенія ходить за больной и дни цѣлые проводила у ея кровати, и что-то высоко-поэтическое было въ этой группѣ умирающей красоты съ прекрасной старостью, въ этой увядающей женщинѣ со впавшими щеками, съ огромными блестящими глазами, съ волосами, небрежно падающими на плечи,—когда она, опирая свою голову на исхудалую руку, съ полуотверстымъ ртомъ и со слезою на глазахъ внимала безконечнымъ разсказамъ старушки-матери объ ея сынѣ, объ ихъ Вольдемарѣ, который теперь такъ далеко отъ нихъ.

Послѣдній праздникъ дружбы.

Разъ, въ послѣднихъ числахъ мая 1833 года, въ нижнемъ этажѣ большого дома на Никитской, сильно бушевала молодежь. Оргія была въ полномъ разгарѣ, во всемъ блескѣ. Вино, какъ паяльная трубка, раздувало въ длинную струю пламени воображеніе. Идеи, анекдоты, лирическіе восторги, карикатуры крутились, вертѣлись въ быстромъ вальсѣ, неслись сумасшедшимъ галопомъ. Всѣ стояли на демаркаціонной линіи, отдѣляющей трезваго человѣка отъ пьянаго; никто не переступалъ ее. Всѣ шумѣли, разговаривали, смѣялись, курили, пили, всѣ безотчетно отозвались настоящему, всѣ истинно веселились. Лучшій стенографъ не записалъ бы ни единаго слова.

Среди вакханаліи бываетъ торжественная минута устали и тишины; она умолкаетъ для того, чтобы бурей и ураганомъ явиться по ту сторону демаркаціонной линіи. Вотъ эта-то минута и настала.

Огромная чаша пылала блѣдно-лазоревымъ огнемъ, придавая юношамъ видъ заклинателей. Клико подливало силу въ жженку и кровь въ щеки молодыхъ людей. Шумная масса разбилась на части и расположилась на бивакахъ.

Вотъ высокій молодой человѣкъ, съ лицомъ послѣдняго могикана: онъ сѣлъ на маленькій столъ (Парки тотчасъ же подломили ножки жизни этого стола), стенторскій голосъ его, какъ Нилъ при втеченіи въ Средиземное море, далеко вдается въ общій гулъ, не потерявъ своей самобытности. Это упсальскій баронъ, онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ природы, въ Преображенскомъ. Тамъ у него есть садъ и домикъ, у котораго дверь не имѣетъ замка.

Въ этомъ домѣ баронъ прячется и вдругъ, какъ минотавръ или татары, набѣгаетъ на Москву неотразимый и нежданный, обираетъ книги и тетради и исчезаетъ. Онъ похожъ и на bon homme patience Жоржъ-Занда и на самаго Карла Занда, ежели хотите, а всего болѣе на террориста. Онъ какъ-то гильотинно умѣетъ

двигать бровями. Баронъ началъ свою жизнь переводами Шиллера и кончилъ переводомъ на жизнь одного изъ лицъ, которыя Шиллеръ такъ любилъ набрасывать, въ которыхъ нѣтъ ни одного эгоистическаго желанія, ни одной черной мысли, но которыхъ сердце бьется для всего человѣчества и для всего благороднаго, и которыя никогда не выйдутъ изъ своей односторонности, какъ exemples gratia Менцеля. Онъ съ четвероногой трибуны что-то повѣствуетъ, съ наивной мимикой обѣихъ рукъ и, по очереди, одной ноги. Два неустрашимые человѣка подвергаютъ жизнь свою опасности, слушая барона въ атмосферѣ его декламаціи, безпрерывно разсѣкаемой рукою и ногой и молніей зажженной сигары. У васъ, можетъ, слабы нервы,—отвернитесь отъ этой картины.

Видите ли у камина худощаваго молодого человѣка, бѣлокураго, нѣсколько блѣднаго въ вицмундирной формѣ, съ неумолимой рѣчью,—это магистръ математическаго отдѣленія, представитель матеріализма XVIII вѣка, столько же неподвижный на своемъ конькѣ, какъ и баронъ на своемъ. Онъ держитъ за пуговицу молодого человѣка съ опухшими глазами и выразительнымъ лицомъ. Магистръ въ короткихъ словахъ продолжаетъ споръ, начавшійся у нихъ года за два, о Бэконѣ и эмпиріи. Молодой человѣкъ, прикованный къ этому Кавказу, испещренному зодіаками,—одно изъ тѣхъ эксцентрическихъ существованій, которыя были бы исполнены вѣры, если бы ихъ вѣкъ имѣлъ вѣрованія; неспокойный демонъ, обитающій въ ихъ душѣ, ломаетъ ихъ и сильно клеймитъ печатью оригинальности. Онъ больше образами, яркими сравненіями отражалъ магистра.

— Направленіе, которое начинаетъ проявляться, говорилъ онъ, вспять не пойдетъ, матеріализмъ сдѣлалъ свое и умеръ. Вандомская колонна—его надгробный памятникъ. Германскія идеи, проникающія во Францію....

Магистръ не слушалъ студента, даже закрывалъ глаза, чтобы и не видать его, и продолжалъ со всѣмъ хладнокровіемъ математика, читающаго лекцію о мнимыхъ корняхъ, и со всею ясностію геометрическаго анализа, употребляя однѣ, закономъ опредѣленныя, формы доказательства a contrario per inductionem a principio causae sufficientis.

— Итакъ, принявъ это положеніе, слѣдуетъ вопросъ, которое состояніе наукъ выше, которое дало болѣе приложеній и принесло положительнѣе пользу? Разрѣшивъ его, мы естественно перейдемъ къ главному вопросу, отъ котораго зависитъ окончательно рѣшеніе этого спора...

Съ тѣхъ поръ магистръ окончилъ нивелированіе Каспійскаго моря; студентъ объѣхалъ полъ-Европы, а споръ еще не кончился, и сами видите, остался только одинъ вопросъ.

Вотъ два молодыхъ человѣка, обнявшись, прогуливаются по комнатѣ. Одинъ съ длинными волосами и прелестнымъ лицомъ à la Schiller и прихрамывающій à la Byron; другой съ прекрасными, задумчивыми глазами, съ нѣсколько театральными манерами à la Мочаловъ и съ очками à la Каченовскій; это—Ritter aus Tambow, и кандитатъ этико-политическій, очерчивающій Россію. Ritter, юный страдалецъ, принесъ въ жизнь нѣжную, чувствительную душу, но не принесъ ни твердой воли, которая защищаетъ отъ грубыхъ рукъ толпы, ни твердаго тѣла. Болѣзненный, блѣдный—онъ похожъ на оранжерейное растеніе, воспитанное въ комнатахъ и забытое небрежнымъ садовникомъ на стужѣ московскихъ лѣтнихъ ночей. Онъ можетъ чище всѣхъ своихъ товарищей служить изящнымъ типомъ юноши. Съ какой любовью, съ какой симпатіей онъ пріютился къ нимъ дичкомъ. Его фантазія была направлена на ложную мысль бѣгства отъ земли. Резигнація составляла его поэзію. Такое направленіе развивается именно въ больномъ, слабомъ тѣлѣ, конечно ложное, но имѣющее свою безпредѣльно увлекательную сторону.

Кандидатъ этико-политическій жаждетъ общеполезной дѣятельности и славы. Онъ готовъ на самопожертвованія безъ границъ и грустно говоритъ юношѣ, что ему надобна кафедра въ университетѣ и слава въ мірѣ. Юноша ему вѣритъ, сочувствуетъ и готовъ плакать. Вотъ они остановились передъ черпаломъ полюбоваться пылающей жженкой.

Въ самомъ фокусѣ оргіи, т. е. у пылающей жженки, также интересная группа. Молодой человѣкъ, въ сѣромъ халатѣ, на диванѣ, задумчиво мѣшаетъ горящее море и задумчиво всматривается въ фантастическіе узоры огня, сливающіеся съ ложки. Противъ него за столомъ, безъ сюртука, безъ галстуха, съ обнаженною грудью, сложивши руки à la Napoleon, съ сигарою въ зубахъ, сидитъ худощавый юноша, съ выразительнымъ, умнымъ взоромъ.

— Помнишь ли,—говоритъ молодой человѣкъ въ халатѣ, какъ мы дѣтьми встрѣчали новый годъ тайкомъ, украдкой; какъ тогда мечтали о будущемъ: ну, вотъ оно и пришло, и пустота въ груди не наполняется, и не принесло оно той жизни, которой требовала душа. На Воробьевыхъ горахъ она ничего не требовала и была довольна.

Они взглянули другъ на друга.

— Пора окончить этотъ фазисъ жизни, шумъ начинаетъ надоѣдать; меня манитъ другая жизнь, жизнь болѣе поэтическая.

— Пора, согласенъ и я; но забудемся еще сегодня, забудемся, прочь мрачныя мысли!

Юноша въ халатѣ напѣнилъ стаканъ и, улыбаясь, сказалъ:

— За здоровье заходящаго солнца на Воробьевыхъ горахъ!

— Которое было восходящимъ солнцемъ нашей жизни, добавилъ юноша безъ сюртука.

Оба замолчали, что-то хорошее пробѣжало по ихъ лицамъ.

Вдругъ юноша безъ сюртука вскочилъ на стулъ и звонкимъ голосомъ закричалъ:

— Messieurs et mylords! je demande la parole, je demande la cloture de vos discussons; une grande motion... Silence aux interrupteurs, monsieur le président, couvrez vous.

И нахлобучилъ какую-то шапку на голову своему сосѣду. Нѣсколько головъ обратилось къ оратору.

— Mylords et lords! le punsch cardinal, tel que le cardinal Mezzofanti, qui connait toutes les langues existantes et qui n'ont jamais existées, n'a jamais goûté; le punsch cardinal est à vos ordres. Hommes illustres par vos lumières, connaissez que Schiller, decreté citoyen de la république une et indivisible... a dit, il me semble, en parlant des prisoniers, lors du siège d' Anony par les troupes du roi citoyen Louis Philippe:

Eh' es verduftet,
Schôpfet es schnell,
Nur wenn er glûhet
Labet der Quell.

Je propose donc de nous mettre à l' instant même dans la possibilité de vérifier les proverbes du citoyen Schiller,—à vos verres, citoyens!

Всѣ съ хохотомъ подходили къ столу. Ораторъ спокойно разливалъ въ стаканы пуншъ.

— Магистръ, скажи пожалуйста,—кричалъ онъ,—не изобрѣлъ ли Деви новыхъ металлическихъ стѣнокъ для того, чтобы не жглись губы?

— Гумфри Деви умеръ,—отвѣчалъ магистръ, весь занятый своимъ споромъ.

— И, я думаю, радъ отъ души, — продолжалъ ораторъ, что наконецъ химически разложился и на себѣ можетъ испытывать соединеніе и разложеніе.

— Господа, господа, разойдитесь, баронъ идетъ со стаканомъ, а это страшнѣе, чѣмъ встрѣтиться съ локомотивомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, благоразумные люди отодвигались. Ораторъ продолжалъ шумѣть, никто его не слушалъ... Стаканы еще разъ наполнились.

Демаркаціонная линія была пройдена. Господа хотѣли продолжать свои разговоры: суетное желаніе удалось одному юношѣ безъ сюртука, потому что онъ разомъ говорилъ со всѣми и обо

всемъ. Баронъ чистилъ трубку кому-то въ шляпу и говорилъ *ты* магистру. На магистра жженка сдѣлала ужасное дѣйствіе, въ головѣ у него все завертѣлось и перекувырнулось, онъ не забывалъ свой споръ и продолжалъ, держа на этотъ разъ за пуговицу барона:

— Слѣдовательно, ежели въ тотъ вѣкъ, въ одно время диференціальныя исчисленія изобрѣли Лейбница и Невтона... Онъ, какъ бы самъ, чувствуя нелѣпость, потеръ себѣ лобъ.

— Да, да, именно, когда Коперникъ изобрѣлъ движеніе земли, а Уатъ паровыя машины, и Сиръ Флуни—машины чинить перья, кричалъ ораторъ.

— Помню, помню Флуни,—повторилъ магистръ и хотѣлъ было произнесть еще какую-то букву, но не могъ ни повернуть языка, ни упросить это слово, чтобы оно вышло.

— О чемъ споръ? спрашивалъ тутъ же бывшій водевилистъ.

— Магистръ,—шепталъ ему ораторъ,—доказываетъ, что Каратыгинъ гораздо лучше игралъ роль Отелло, чѣмъ Мочаловъ; а водевилистъ, бѣшеный поклонникъ Мочалова, бросился какъ лютый звѣрь на магистра и кричалъ ему на ухо:

— У Мочалова есть душа, а у Каратыгина все поддѣлка, да просто взгляните на его лицо, какая натянутость, неестественность.

— Правда, правда,—кричалъ ораторъ,—у живого Каратыгина видъ не натуральный, то ли дѣло статуи Торвальдсена, вотъ какія лица должны быть въ XIX вѣкѣ, и самъ водевилистъ захохоталъ.

Въ это время баронъ, желая подвинуться къ столу, выломалъ ручку у креселъ и ножку у стола; двѣ тарелки и стаканъ легли костьми при этомъ членовредительствѣ: «мертвіи сраму не имутъ». Баронъ не потерялся, началъ доказывать, что это не его вина, а вина непрочности мебели, для объясненія чего изломалъ еще кресло и этажерку и былъ очень доволенъ, что оправдался.

Подали сыру, единственный съѣстной припасъ, которыйваживался у Ника. Сыръ великая вещь на оргіи: отъ него дѣлается жажда. Въ одно мгновеніе ока плачущее, рябое дитя Швейцаріи исчезло.

— Прежде нежели мы совсѣмъ пьяны, вотъ вамъ предложеніе,— сказалъ Никъ:—кто хочетъ на цѣлый день villegiare, подышать чистымъ воздухомъ, побыть не въ Москвѣ, а на волѣ хоть день?

— Превосходная мысль, подхватилъ Ritter.

— Въ Архангельское, — прибавилъ студентъ, — у меня тамъ есть квартира.

— Все же это не имѣетъ основанія,—сказалъ магистръ, услыхавши голосъ студента.

— Въ Архангельское, повторило нѣсколько голосовъ.

— Давай шампанскаго, кричалъ ораторъ, у котораго вино, казалось, испаряется съ словами.—Надобно выпить за здоровье прекрасной мысли и прекраснаго опредѣленія ея.

Пробки хлопали, шампанское лилось вонъ изъ бутылокъ и исчезало. Дымъ табачный сгущался.

Кто-то запѣлъ:

Ah! vers une rive,
Où sans peine on vive,
Qui m'aime me suive!
Voyageons gaiment!
Ivre de champagne
Je bas la campagne,
Et vois de Cocagne
Le pays charmant.

Всѣ подхватили:

Terre chérie,
Sois ma patrie,
Quand je ris
Du sort inconstant.

— За здоровье друзей! провозгласилъ ораторъ, пуская отчаянной параболой по воздуху пробку, и въ одно мгновеніе выпитые стаканы разсыпались черепками по полу. Все вскочило, перемѣшалось, сбилось, зашумѣло вдвое. Кто цѣлуется, кто вздыхаетъ, кто подымаетъ съ полу кусочекъ сыру. Всѣмъ кажется чрезвычайно весело. Баронъ уродуетъ въ своихъ объятіяхъ всѣхъ встрѣчающихся и подмѣщается къ этико-политическому кандидату, который сидитъ у раскрытаго окна, рыдаетъ и, какъ Донъ-Карлосъ и Юлій Цезарь, приговариваетъ: «24 года и ничего не совершилъ для человѣчества, для вѣчности!» Въ отчаяніи, сильной рукою онъ ударилъ по стоящему передъ нимъ стакану и раздробилъ его. Стекла врѣзались въ руку, кровь полилась. Баронъ, какъ бы, протрезвился, схватилъ руку кандидата, сталъ вынимать стекла, мочить водою и завязывать платкомъ.

— Что рука,—говоритъ кандидатъ, заливаясь слезами,—прахъ, тлѣнъ! Духъ, вотъ жизнь! Хочешь, выброшусь за окно?

— Лучше выйдемъ въ дверь и влѣземъ въ окно, предлагаетъ баронъ.

Магистръ сердится, что заперта дверь, пробуя отворить зеркало въ каминѣ, а дверь—съ противоположной стороны. Магистръ правъ, надобно освѣжиться, выйдемъ на воздухъ, голова кружится. Видно, и я выпилъ лишнее.

Bon!
La farira dondaine,
Gai!
La farira dondé.

На другой день рано утромъ, т. е. часа три послѣ того, какъ ораторъ съ магистромъ вышли на чистый воздухъ, la bande joyeuse уже хлопотала и распоряжалась объ отъѣздѣ. Ораторъ всталъ раньше прочихъ, будилъ всѣхъ и каждаго. Спальня представляла удивительное зрѣлище. Длинный турецкій диванъ былъ заваленъ людьми, многіе уснули въ той позѣ, въ какой допили послѣднюю каплю. Баронъ, завернувшись въ непромокаемую шинель, съ сигарою во рту, грозно и величественно видѣлъ что-то во снѣ. Сонъ его былъ безпокоенъ и время отъ времени онъ пихалъ ногою въ голову водевилиста, который на другой день удивлялся странному сну: ему казалось, что онъ былъ въ театрѣ и что какъ только выходитъ Мочаловъ, сводъ Петра и Павла падаетъ ему на голову. Ritter прижался къ уголку, скатавши въ шарикъ тоненькое тѣло свое, въ томъ родѣ, какъ спятъ комнатныя собачки. Юноша въ халатѣ, который былъ дома, замѣтьте, положилъ себѣ подъ голову латинскій лексиконъ и покойно лежалъ, накрывшись ковромъ со стола.

Солнце свѣтило ясно, день готовился чудесный, голова была свѣжа: «благородное шампанское не оставляетъ горькихъ упрековъ на утро», говорили они потомъ. Всѣ необходимыя распоряженія были тотчасъ взяты. Послали за виномъ, послали за лошадьми, послали за паштетомъ и за сигарами. Двѣ коляски находились въ наличности. Никъ, студентъ, водевилистъ etc. отправились впередъ. Ораторъ съ Ritter'омъ послѣ. Они выѣхали часовъ въ 9 изъ Москвы. Великолѣпно свѣтило солнце, природа на каждой точкѣ дышала жизнью и нѣгой; на душѣ не было заботъ. Юноши мечтали, поэтизировали всю дорогу; душа Ritter'а, немного элегическая, испарялась въ заунывныхъ звукахъ и дѣтскихъ фантазіяхъ. Они были какъ-то на мѣстѣ съ летавшими бабочками, съ зеленѣвшей травой, между которою подымались звѣздочки Иванова цвѣтка и фонарики цикорія. Ritter'у было 18 лѣтъ. Часа черезъ два коляска остановилась передъ прекраснымъ домомъ князя Юсупова. Я до сихъ поръ люблю Архангельское. Посмотрите, какъ милъ этотъ маленькій клочекъ земли отъ Москвы-рѣки до дороги. Здѣсь человѣкъ встрѣтился съ природой подъ другимъ условіемъ, нежели обыкновенно. Онъ отъ нея потребовалъ одного удовольствія, одной красоты и забылъ пользу; онъ потребовалъ отъ нея одной перемѣны декораціи, для того, чтобы отпечатать духъ свой, придать естественной красотѣ красоту художественную, очеловѣчить ее на ея пространныхъ страницахъ: словомъ, изъ лѣса сдѣлать паркъ, изъ рощицы—садъ. Еще больше, гордый аристократъ собралъ тутъ растенія со всѣхъ частей свѣта и заставилъ ихъ утѣшать себя на сѣверѣ; собралъ изящнѣйшія произведенія живописи и ваянія и поставилъ ихъ

рядомъ съ природою, какъ вопросъ: кто изъ нихъ лучше? Но здѣсь уже самая природа не соперничаетъ съ ними, измѣнилась, расчистилась въ арену для духа человѣческаго, который, какъ прежніе германскіе императоры, признаетъ только тѣ власти неприкосновенными, которыя уничтожались въ немъ и имъ уже возстановлены, какъ вассалы.

Бывали ли вы въ Архангельскомъ? Ежели нѣтъ, поѣзжайте, а то оно, пожалуй, превратится или въ фильятурную фабрику, или не знаю во что, но превратится изъ прекраснаго цвѣтка въ огородное растеніе.

Они тотчасъ отыскали Ника съ товарищами и отправились сначала въ домъ.

Террористъ Давидъ привѣтствовалъ ихъ атлетическими формами, которыя онъ думалъ возродить въ республикѣ единой и нераздѣльной 93-го года вмѣстѣ съ спартанскими нравами, о привитіи которыхъ хлопоталъ Сенъ-Жюстъ; а за ними открылся длинный рядъ изящныхъ произведеній.

Глаза разбѣжались, изящные образы окружали со всѣхъ сторонъ. Уныніе смѣнялось смѣхомъ. Святое семейство—Нидерландской таверной, Дѣва радости—Вернатовскимъ видомъ моря. Пышный Гвидо-Рени,—князь Юсуповъ въ живописи,—роскошно бросаетъ краски, и формы, и украшенія, чтобы прикрыть подчасъ бѣдность мысли, и суровые Ванъ-Дейка портреты, глубоко оживленные внутреннимъ огнемъ, съ заклейменной думой на челѣ, и дивная группа Амура и Психеи Кановы,—все это вмѣстѣ оставило имъ воспоминаніе смутное, въ которомъ едва вырѣзываются отдѣльныя картины, оставшіяся, Богъ знаетъ почему, также въ памяти. Помнился, напримѣръ, портретъ молодого князя, князь верхомъ, въ татарскомъ платьѣ; помнился портретъ дочери m-me Lebrün. Она стыдливо закрываетъ полуребячью грудь и смотритъ тѣмъ розовымъ взглядомъ дѣвушки, которой уже немного поцѣлуй, который уже волнуетъ ея душу, чистую какъ капля росы на розовомъ листкѣ, и огненную какъ золотое аи. Не разъ, быть можетъ, старый князь останавливался передъ ней, желая отодрать ее отъ полотна, возстановить растянутыя въ одну плоскость формы, согрѣть ихъ, оживить и прижать къ своему сердцу татарина.

Имъ некогда было разбирать все отдѣльно, да, вѣроятно, это и невозможно: всякую галлерею надобно изучить въ одиночествѣ и притомъ разсматриваніе ея распространить на много и много дней. Довольные восторженностью, чистотою, въ какое ихъ привело созерцаніе изящнаго, они высыпали въ садъ, мимо мощныхъ воиновъ изъ желтаго мрамора, мимо гладіаторовъ, въ тѣнь аллей. День былъ южно-палящій жаромъ, все ликовало, жужжа летали

пчелы, тонко перетянутыя, молча и съ величайшей граціей танцовали по воздуху пестрыя бабочки съ широкими рукавами, какъ барышни. Солнце faisait les honneurs de la maison, отогрѣвало сырую землю, эмалью покрывало листики цвѣтковъ, радостью наполняло все живущее и копошащееся въ травѣ, на воздухѣ, закуривало сигары и гордо не дозволяло себѣ смотрѣть въ глаза. Имъ все нравилось, даже на этотъ разъ романтизмъ ихъ не возмущался противъ подстриженныхъ деревьевъ, которыя важно и чопорно, какъ оффиціанты прошлаго вѣка, въ парикѣ и французскихъ перчаткахъ, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги. Бѣлые мраморные бюсты выглядывали изъ-подъ нихъ.

Испеченные солнцемъ и утомленные ходьбой, молодые люди отправились въ комнаты студента. Небольшая зала, въ которой былъ приготовленъ обѣдъ, примыкала къ оранжереѣ; одна стеклянная дверь отдѣляла ихъ отъ нея; они отворили дверь, ихъ обдало благоуханіемъ юга. Дыханіе дѣтей пламенной природы располагало къ нѣгѣ и къ чувственно-огненнымъ страстямъ, къ dolce far niente. Зачѣмъ изъ вѣнчиковъ этихъ цвѣтковъ не вышли вѣчно юныя гуріи восточнаго рая! Зачѣмъ не принесли холоднаго шербета, зачѣмъ стройныя одалиски не вѣяли пестрыми опахалами, опуская длинныя рѣсницы своихъ черныхъ глазъ и бросая свѣжіе розовые листки въ вино! «Зачѣмъ этотъ глупый нарядъ запада,—простора, нѣги и еще цвѣтовъ благоухающихъ, съ яркими вѣнчиками»,—говорили юноши.

Вино, принесенное со льда, на минуту прохладило ихъ, но, отлившая отъ сердца и головы, кровь возвратилась зажженнымъ спиртомъ, страсти расколыхались; имъ было непомѣстительно въ горницѣ,—они вышли опять въ садъ и отправились въ бесѣдку на гору, у ногъ которой—Москва-рѣка.

Рѣка тихо струилась узенькой ленточкой, довольная своимъ аристократическимъ именемъ; поля, лѣса, синяя даль—природа именно этою далью, этою безграничностью приводитъ въ восторгъ; въ ея наружности отпечатлѣнъ тотъ характеръ безконечности, который заключенъ въ душѣ нашей, и они переплетаются, встрѣтившись; но молодые люди не долго поэтизировали, вскорѣ разговоръ превратился въ шалость, въ хохотъ. Нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ рѣдко могутъ восхищаться природой или изящнымъ произведеніемъ: благоговѣйный восторгъ рѣдко посѣщаетъ разомъ цѣлое общество, и, ежели хоть одинъ сказалъ холодное слово, остроту, кристальная мечта разсыпалась, фальшивая нота разнесется громче прочихъ и роняетъ дѣйствіе всей пьесы. Продурачившись до поздняго вечера, всѣ поѣхали домой. Пріѣхали къ Нику часу во второмъ ночи и расположились отдыхать. Было полнолуніе, мѣсячный свѣтъ ясно свѣтилъ въ окна; днемъ душа

молча впивала изящное, теперь, когда водворилась тишина и вмѣсто яркаго свѣта дня разлился кроткій полусвѣтъ мѣсячной ночи, она начала испарять свои чувства, какъ ночныя фіоли свое благоуханіе.

— Никъ, пойдемъ гулять,—сказалъ Саша,—хочется еще ощущеній, движенія, хочется, чтобы не было потолка.

И они отправились. Длинныя полосы луннаго свѣта стлались по улицамъ, ярко смѣняемыя густою тѣнью. Городъ уже уснулъ или еще не просыпался; такъ тихо было, что шаги, далеко слышные, вызывали глухой лай собакъ.

Они вышли на Арбатскую площадь. Величественнѣе и колоссальнѣе обыкновеннаго казались зданія. Они шли, шли и остановились на Каменномъ мосту. Святой Кремль въ своемъ византійскомъ нарядѣ, окруженный башнями, стѣнами, думалъ царскую думу о прошлыхъ и новыхъ вѣкахъ; часовой, поставленный Годуновымъ, въ бѣлой одеждѣ, какъ рында, въ золотой шапкѣ, какъ князь, сторожитъ покой Кремля, неподвижный и высокій; а рѣка шумѣла и неслась изъ-подъ арки, и всасывала въ себя мѣсяцъ, и сносила его свѣтъ на середину, и играла имъ, и пускала длинной полосою плыть въ вороненой рамкѣ.

Вода не останавливалась ни на мгновеніе, шумѣла, разбивалась о камень, пѣнилась и утекала; волна, сейчасъ блеснувшая, какъ рыбка, терялась въ толпѣ другихъ, исчезала, какъ волна, но неслась, какъ рѣка, въ даль, въ море.

Они стояли молча, о чемъ тутъ было говорить; и не думали, и не молились,—а высоко было сочувствіе ихъ въ ту минуту съ Творцомъ, съ природою, съ человѣчествомъ... Предтеча солнца, Гесперъ заблисталъ, словно алмазъ на рукѣ Творца, отворяющаго врата утра, и красная полоса, какъ брошенная на землю порфира, сказала о приближеніи царственнаго свѣтила. Алый отливъ пробѣжалъ по бѣлымъ стѣнамъ Кремля и заигралъ огнями на крестахъ, главахъ и окнахъ. Разсвѣтало. Съ одной стороны спало темное Замоскворѣчье, покрытое подымающимся утреннимъ туманомъ, съ другой стороны спала часть города, облитая тѣмъ же мѣсяцемъ. Обѣ не знали о началѣ дня, а Кремль его уже встрѣтилъ, ему уже радовался, и ночь съ днемъ встрѣтились на рѣкѣ, серебро и золото перемѣшалось на волнахъ. Чудное, удивительное зрѣлище, и оно повторяется каждый день, и люди занятые, «пекущіеся о мнозѣ», не ходятъ смотрѣть на него! Барабанъ и дудка возвѣщали земнымъ языкомъ «зорю». Они отправились къ Нику, въ садъ, физически и морально утомленные.

Этотъ длинный праздникъ, эта особая, блеснувшая волна жизни не могутъ исчезнуть въ толпѣ дней, ночей, недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ, которые, какъ дюжинныя волны, бѣгутъ, шумятъ,

имѣютъ смыслъ въ совокупности, но не врѣзываются въ память. Эта шумная оргія, эта прелестная прогулка внѣ города и въ городѣ на мѣстѣ,—онѣ на границѣ учебныхъ лѣтъ, это прощанье съ ними, и потому въ нихъ собралось все хорошее и дурное того времени, идеализированное, проникнутое поэзіей. Прогулка на Каменный мостъ окончила прогулку на Воробьевы горы. Мѣсяцъ мечтаній, односторонней жизни, закатывался, солнце жизни выступало съ своею огненною, всепоглощающей любовью, но и черныя тучи поднимались грозно и мрачно...

Сорока-Воровка.

ПОВѢСТЬ.

(Посвящено Михаилу Семеновичу Щепкину).

Твой домъ, украшенный богато,
Гостямъ-согражданамъ открытъ;
Тамъ Терпсихора и Эрато
Съ подругой Таліей гоститъ;
Хозяинъ, ласковый душею,
Склоняетъ къ нимъ привѣтный взоръ.

«*Украинскій Вѣстникъ*» на 1816 г.

— Замѣтили ли вы, сказалъ молодой человѣкъ, остриженный подъ гребенку, продолжая начатой разговоръ о театрѣ: — замѣтили ли вы, что у насъ хотя и рѣдки хорошіе актеры, но бываютъ; а хорошихъ актрисъ почти вовсе нѣтъ, и только въ преданіи сохранилось имя Семеновой: не безъ причины же это?

— Причину искать не далеко; вы ея не понимаете только потому, возразилъ другой, остриженный въ кружокъ: — что вы на все смотрите сквозь западные очки. Славянская женщина никогда не привыкнетъ выходить на помостъ сцены и отдаваться глазамъ толпы, возбуждать въ ней тѣ чувства, которыя она приноситъ въ исключительный даръ своему главѣ; ея мѣсто—дома, а не на позорищѣ. Незамужняя—она дочь, дочь покорная, безгласная; замужемъ—она покорная жена. Это естественное положеніе женщины въ семьѣ если лишаетъ насъ хорошихъ актрисъ, зато прекрасно хранитъ чистоту нравовъ.

— Отчего же у нѣмцевъ, замѣтилъ третій, вовсе не стриженный:—семейная жизнь сохранилась, я полагаю, не хуже, нежели у насъ, и это нисколько не мѣшаетъ появленію хорошихъ актрисъ. Да потомъ я и въ главномъ не согласенъ съ вами: не знаю, что дѣлается около очага у западныхъ славянъ, а мы, русскіе, право перестаемъ быть такими патріархами, какими вы насъ представляете.

— А позвольте спросить, гдѣ вы наблюдали и изучали славянскую семью? У высшихъ сословій, живущихъ особою жизнію, въ городахъ, которые оставили сельскій бытъ, одинъ народный у насъ, по большимъ дорогамъ, гдѣ мужикъ сдѣлался торгашемъ, гдѣ ваша индустрія развратила его довольствомъ, развила въ немъ искусственныя потребности? Семья не тутъ сохранилась; хотите ее видѣть, ступайте въ скромныя деревеньки, лежащія по проселочнымъ дорогамъ.

— Однако, странное дѣло, большія дороги, города, все то, что хранитъ и развиваетъ другихъ, вредно для славянъ, такъ, какъ вамъ угодно ихъ представлять; по вашему, чтобъ сохранить чистоту нравовъ, надобно, чтобъ не было проѣзда, сообщенія, торговли, наконецъ довольства, перваго условія развивающейся жизни. Конечно, и Робинзонъ, когда жилъ одинъ на островѣ, былъ примѣрнымъ человѣкомъ, никогда въ карты не игралъ, не шлялся по трактирамъ.

— Все можно представить въ нелѣпомъ видѣ; шутка иногда разсмѣшитъ, но опровергнуть ею ничего нельзя. Есть вещи, которыхъ при всей ловкости западнаго ума вы не поймете, ну такъ не поймете, какъ человѣкъ, лишенный уха, не понимаетъ музыки, что ему вовсе не мѣшаетъ быть живописцемъ или чѣмъ угодно. Вы не поймете никогда, что бѣдность, смиренная и трудолюбивая, выше самодовольнаго богатства. Вы не поймете нашего семейнаго, отеческаго распорядка ни въ избѣ, гдѣ отецъ глава, ни въ цѣломъ селѣ, гдѣ глава общины — отецъ. Вы привыкли къ строгимъ очертаніямъ правъ, къ рамамъ для лицъ, сословій, къ взаимному обузданью и недовѣрью, — все это необходимо на Западѣ: тамъ все основано на враждѣ, тамъ вся задача государственная, какъ сказалъ вашъ же поэтъ, въ неловкой борьбѣ:

Здѣсь натискъ пламенный, а тамъ отпоръ суровой,
Пружины смѣлыя гражданственности новой.

— Этой дорогой я не думаю, чтобъ мы скоро добрались до рѣшенія вопроса, отчего у насъ рѣдки актрисы, сказалъ начавшій разговоръ: если для полноты отвѣта вы хотите chemin faisant разрѣшить всѣ историческіе и политическіе вопросы, то надобно будетъ посвятить на это лѣтъ сорокъ жизни, да и то еще успѣхъ сомнителенъ. Вы, любезный славянинъ, сколько я понимаю, хотите сказать, что у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что женщина существуетъ не какъ лицо, а какъ членъ семейства, которымъ она поглощается: тутъ много истиннаго. Однако вы полагаете, что семейство—въ маленькихъ деревенькахъ; ну, а вѣдь актрисы берутся не изъ этихъ же деревенекъ, къ которымъ нѣтъ проѣзда.

— Здѣсь позвольте мнѣ отвѣчать вамъ, замѣтилъ европеецъ (такъ мы будемъ называть нестриженаго); у насъ вообще и по шоссе и по проселочнымъ дорогамъ женщина не получила того развязнаго права участія во всемъ, какъ, напр., во Франціи; встрѣчаются исключенія, но всегда неразрывныя съ какимъ-то фанфаронствомъ, — лучшее доказательство, что это исключеніе. Женщина, которая бы вздумала у насъ вести себя наравнѣ съ образованнымъ мужчиной, не свободно бы пользовалась своими правами, а хотѣла бы выказать свое освобожденіе.

— Конечно, такая женщина была бы уродъ; и по счастію, возразилъ славянинъ, не у насъ надобно искать la femme émancipée, да и вообще надобно ли ее гдѣ-нибудь искать,—я не знаю. Вотъ что касается до человѣческихъ правъ, то обратите нѣсколько вниманія на то, что у насъ женщина пользовалась ими въ самой глубокой древности больше, нежели въ Европѣ, ея имѣнье не сливалось съ имѣньемъ мужа, она имѣетъ голосъ на выборахъ, право владѣнія крестьянами.

— Конечно, изъ правъ, которыми пользуются у насъ дамы, не всѣ принадлежатъ европейской женщинѣ. Но, извините, здѣсь рѣчь вовсе не о писанныхъ правахъ, а именно о правахъ неписанныхъ, объ общественномъ мнѣніи. Что сказали бы мы сами, если бы въ нашу бесѣду, очень тихую и не имѣющую въ себѣ ничего оскорбительнаго, вдругъ явилась одна изъ знакомыхъ дамъ. Я увѣренъ, что и намъ и ей было бы не по себѣ; мы совсѣмъ иначе настраиваемъ себя, если предвидимъ дамское общество: въ этомъ недостатокъ уваженія къ женщинѣ.

— Какъ вы начитались Жоржа Занда. Мужчина вовсе не долженъ быть съ женщинами на распашку; и зачѣмъ женщина пойдетъ дѣлить его бесѣду? Мнѣ ужасно нравятся мужскія собранія, въ которыя не мѣшаются дамы, — въ этомъ есть что-то строгое, неизнѣженное.

— И чрезвычайно гуманное относительно женщинъ, которыя покинуты дома. Вы, я думаю, пошли бы въ запорожскіе казаки, если-бъ попрежде родились.

— Ваша мысль до того иностранная, что вы и слова русскаго не прибрали, чтобъ ее выразить. Какъ будто мало женщинѣ дѣла въ скромномъ кругу домашней жизни; я не говорю ужъ о матери, которой обязанности и такъ святы, и такъ сложны.

— Охъ, этотъ скромный кругъ! Императоръ Августъ, который раздѣлялъ ваши славянскія теоріи, держалъ дочь дома и съ улыбкой говорилъ спрашивавшимъ о ней: «дома сидитъ, шерсть прядетъ». Ну, а знаете, нельзя сказать, чтобъ нравы ея сохранились совершенно чистыми. По моему, если женщина отлучена отъ половины нашихъ интересовъ, занятій, удовольствій, такъ

она въ половину менѣе развита и, браните меня хоть почешски, въ половину менѣе нравственна: твердая нравственность и сознаніе не разрывны.

— Теперь мой чередъ вамъ возражать, сказалъ начавшій разговоръ. Каждый видѣлъ своими собственными глазами, что у насъ въ образованныхъ сословіяхъ женщины несравненно выше своихъ мужей; вотъ и ловите жизнь послѣ этого общими формулами. Дѣло очень понятное. Мужчина у насъ не просто мужчина, а военный или статскій, онъ съ двадцати лѣтъ не принадлежитъ себѣ, онъ занятъ дѣломъ: военный—ученьями; статскій — протоколами, выписками; а жены въ это время, если не ударятся исключительно въ соленье и варенье, читаютъ французскіе романы.

— Поздравляю ихъ. Должно быть хорошо образованіе, вставилъ славянинъ, которое можно почерпнуть изъ Бальзака, Сю, Дюма, изъ этой болтовни старика, начинающаго морализировать отъ истощенья силъ.

— Я съ вами, пожалуй, соглашусь, хоть я и не говорилъ, что дамы читаютъ именно тѣ романы, о которыхъ вы говорите; и тутъ, удивительное дѣло, самые пустые французскіе романы больше развиваютъ женщину, нежели очень важныя занятія развиваютъ ихъ мужей, и это отчасти оттого, что судьба такъ устроила француза: чтобъ онъ ни дѣлалъ, онъ все учитъ. Онъ напишетъ дрянной романъ съ неестественными страстями, съ добродѣтельными пороками и съ злодѣйскими добродѣтелями, да по дорогѣ, или, вѣрнѣе, потому что это совсѣмъ не по дорогѣ, коснется такихъ вопросовъ, отъ которыхъ у васъ духъ займется, отъ которыхъ вамъ сдѣлается страшно; а чтобъ прогнать страхъ, вы начнете думать. Положимъ, что вопросовъ-то и не разрѣшите вы, да самая возбужденность мысли есть своего рода образованіе. Вотъ, видя это отношеніе женскаго образованія у насъ къ мужскому, я и удивляюсь, что нѣтъ актрисъ.

— Да что же вамъ еще надо, возразилъ съ запальчивостью славянинъ:—у насъ нѣтъ актрисъ потому, что занятіе это несовмѣстно съ цѣломудренною скромностью славянской жены: она любитъ молчать.

— Давно бы вы сказали, прибавилъ европеецъ:—вы больше объяснили, нежели хотѣли. Теперь ясно, отчего у насъ актрисъ нѣтъ, а танцовщицъ очень много. Но шутки въ сторону. Я думаю, у насъ оттого нѣтъ актрисъ, что ихъ заставляютъ представлять такія страсти, которыхъ онѣ никогда не подозрѣвали, а вовсе не отъ недостатка способностей. Каждое чувство, повторяемое артистомъ, должно быть ему коротко знакомо, для того, чтобъ его выразить не карикатурно. Китайца въ Opium et Cham-

pagne ничего не значитъ представить; но есть ли возможность, чтобъ я хорошо сыгралъ индѣйскаго брамина, повергнутаго въ глубокое отчаяніе оттого, что онъ нечаянно зацѣпился за парію, или боярина XVII столѣтія, который въ припадкѣ аристократическаго мѣстничества, изъ point d'honneur, валяется подъ столомъ, а его оттуда тащатъ за ноги. Если-бъ, въ самомъ дѣлѣ, у насъ женщина не существовала, какъ лицо, а была бы совершенно потеряна въ семействѣ, тутъ нечего было бы и думать объ актрисѣ. Въ пастушеской жизни, какъ и вездѣ, могутъ быть страсти, но не тѣ, которыя возможны въ драмѣ: слѣпая покорность, коварная скрытность, двоедушіе такъ же мало идутъ въ истинную драму, какъ подлое убійство, какъ чувственность. Необразованная семья слишкомъ неразвита, она—семья, а въ драмѣ нужны лица. По счастью, такая семья только и существуетъ въ преданіяхъ да въ славянскихъ мечтахъ. Но если мы и перешагнули за плетень патріархальности, такъ не дошли же опять до той всесторонности, чтобъ глубоко сочувствовать прожитому, выстраданному опыту другихъ. Ну, я васъ спрашиваю, какъ сыграетъ русская актриса Дѣву Орлеанскую? Это не въ ея родѣ совсѣмъ. Или: какъ русскій актеръ возсоздастъ эти величавыя и мрачныя, гордыя и самобытныя шекспировскія лица, окружающія его Іоанна, Ричарда, Генриховъ, лица совершенно англійскія? Они для него такъ же странны, какъ человѣкъ, который бы нюхалъ глазами и ушами пѣлъ бы пѣсни. Фальстафа онъ представитъ скорѣе, потому что въ Фальставѣ есть черты, которыя мы можемъ видѣть во всякомъ уѣздномъ городѣ..

— Но есть же общечеловѣческія страсти?

— И да, и нѣтъ. Отелло былъ ревнивъ по-африкански и задушилъ невинную Дездемону, потомъ зарѣзался, называя себя «собакой». А у меня былъ пріятель, сосѣдъ по имѣнію, тоже преревнивый; онъ перехватилъ разъ письмо, писанное къ его женѣ и притомъ очень недвусмысленное; въ припадкѣ ярости онъ употребилъ отеческую исправительную мѣру и помирился съ женой. Ревность — одна страсть, но похожа ли она въ бѣшеномъ маврѣ и въ нравоучительномъ пріятелѣ? До нѣкоторой степени можно натянуть себя на пониманье чуждаго положенія и чуждой страсти, но для художественной игры этого мало. Повѣрьте, такъ, какъ поэтъ всюду вноситъ свою личность,—и чѣмъ вѣрнѣе онъ себѣ, чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ выше его лиризмъ, тѣмъ сильнѣе онъ потрясаетъ ваше сердце,—тоже съ актеромъ: чему онъ не сочувствуетъ, того онъ не выразитъ или выразитъ учено, холодно. Вы не забывайте, онъ все же себя вводитъ въ лицо, созданное поэтомъ.

— О чемъ это вы такъ горячо проповѣдуете? спросилъ, входя въ комнату, одинъ извѣстный художникъ.

— Вотъ кстати-то какъ нельзя больше! Рѣшайте намъ вопросъ, занимающій насъ; мы единогласно выбираемъ васъ непогрѣшающимъ судіей.

— Много чести. Въ чемъ же дѣло?

— Во-первыхъ, скажите, видали ли вы русскую актрису, которая бы вполнѣ удовлетворила всѣмъ вашимъ требованіямъ на искусство?

— Которая была бы не хуже Марсъ, Рашель?

— Хоть Алланъ и Плесси.

— Видѣлъ, отвѣчалъ артистъ; видѣлъ великую русскую актрису; только я ее сужу безъ всякаго сравненія; всѣ названныя вами актрисы хороши, велики, каждая въ своемъ родѣ, но какъ ихъ искусство относится къ той, которую я видѣлъ, не знаю. Знаю, что я видѣлъ великую актрису, и что она была русская.

— Въ Москвѣ или Петербургѣ?

— Вотъ задача-то для нашего славянина, подхватилъ одинъ изъ говорившихъ:—какъ вы думаете, вѣдь театръ-то болѣе принадлежитъ петербургской эпохѣ, нежели московской. Ну, гдѣ же она была?

— Все-таки, должно быть, въ Москвѣ, рѣшительно возразилъ славянинъ.

— Успокойтесь. Я ее видѣлъ ни тамъ, ни тутъ, а въ одномъ маленькомъ губернскомъ городѣ.

— Вы это, вѣрно, говорите для оригинальности, хотите насъ поразить эффектомъ.

— Можетъ быть. Вы признали меня непогрѣшающимъ судьей, — ваше дѣло вѣрить. Ну, какъ я теперь вамъ докажу, что, двадцать лѣтъ тому назадъ, я видѣлъ великую актрису, что я тогда рыдалъ отъ Сороки-Воровки, и что все это было въ маленькомъ городкѣ?

— Очень легко. Разскажите намъ какія-нибудь подробности о ней: вѣдь, не съ неба же она свалилась прямо въ Сороку-Воровку и не улетѣла же вмѣстѣ съ безнравственной птицей.

— Пожалуй. Да только эти воспоминанья неотрадны для меня, какъ-то очень тяжелы. Но извольте, что помню—разскажу. Дайте сигару.

— Вотъ вамъ casadores cubrey, сказалъ европеецъ, вынимая изъ портфеля длинную, стройную сигару, которой наружность ясно доказывала, что она принадлежитъ къ высшей аристократіи табачнаго листа.

— Вы знаете человѣческую слабость,—о чемъ бы человѣкъ ни вспоминалъ, онъ начнетъ всегда съ того, что вспомнитъ са-

мого себя; такъ и я, грѣшный человѣкъ, попрошу у васъ позволенія начать съ самого себя.

— Отъ души позволяемъ, отъ всей души.

— Не знаю, будутъ ли подробности объ актрисѣ интересны, а объ васъ-то навѣрное:

Parlez nous de vous, notre grand père,
Parlez nous de vous!—

Напѣвалъ европеецъ.

Всѣ успокоились, всѣ немножко подвинулись, какъ обыкновенно бываетъ, когда приготовляются слушать. Передаю здѣсь, насколько могу, разсказъ художника; конечно, записанный, онъ много потеряетъ и потому, что трудно во всей живости передать рѣчь, и потому, что я не все записалъ, боясь перегрузить статейку.

Но вотъ его разсказъ.

Вы знаете, что я началъ свое артистическое поприще на скромномъ провинціальномъ театрѣ. Дѣла нашего театра поразстроились; я былъ ужъ женатъ: надобно было думать о будущемъ. Въ самое это время распространялись болѣе и болѣе сказочныя повѣствованія о театрѣ князя Скалинскаго, въ одномъ губ. городѣ. Любопытство видѣть хорошо устроенный театръ, надежды, а можетъ быть и самолюбіе, сильно манили туда. Долго думать было не о чемъ; я предложилъ одному изъ товарищей, который вовсе не предполагалъ ѣхать, отправиться вмѣстѣ въ N, и черезъ недѣлю мы были тамъ. Князь былъ очень богатъ и проживался на театръ. Вы можете изъ этого заключить, что театръ былъ не совсѣмъ дуренъ. Въ князѣ была русская широкая, размашистая натура: страстный любитель искусства, человѣкъ съ огромнымъ вкусомъ, съ тактомъ роскоши, ну, и при этомъ, какъ водится, непривычка обуздываться, и расточительность въ высшей степени. За послѣднее винить его не станемъ: это у насъ въ крови; я, небогатый художникъ, и онъ, богатый аристократъ, и бѣдный поденьщикъ, пропивающій все, что вырабатываетъ, въ кабакѣ,—мы руководствуемся одними правилами экономіи; разница только въ цифрахъ.

— Мы—неразсчетливые нѣмцы, замѣтилъ съ удовольствіемъ славянинъ.

— Въ этомъ нельзя не согласиться, прибавилъ европеецъ. Останавливался ли кто изъ насъ мыслію, что у него денегъ мало, напр., когда ему хотѣлось выпить благороднаго вина? «За него», говоритъ Пушкинъ:

Послѣднiй бѣдный лептъ, бывало,
Давалъ я, помните ль, друзья?

Совсѣмъ напротивъ: чѣмъ меньше денегъ, тѣмъ больше тратимъ. Вы, вѣрно, не забыли одного изъ нашихъ друзей, который, отдавая назадъ налитой стаканъ плохого шампанскаго, замѣтилъ, что мы еще не такъ богаты, чтобъ пить дурное вино.

— Господа, мы мѣшаемъ разсказу. Итакъ-съ?

Ничего. Князь слышалъ обо мнѣ прежде. Когда я явился къ нему, онъ былъ въ своей конторѣ и раздавалъ билеты, съ глубокимъ обсуживанiемъ, достоинъ или нѣтъ, и какого именно мѣста достоинъ приславшiй за билетомъ. «Очень радъ, очень радъ, что вы вздумали, наконецъ, посѣтить нашъ театръ, вы будете нашимъ дорогимъ гостемъ», и бездну любезностей; мнѣ оставалось благодарить и кланяться. Князь говорилъ о театрѣ, какъ человѣкъ, совершенно знающiй и сцену и тайну постановки. Мы остались, кажется, довольны другъ другомъ. Въ тотъ же вечеръ я отправился въ театръ; не помню, что давали, но увѣряю, что такой пышности намъ рѣдко случалось видѣть; что за декорацiи, что за костюмы, что за сочетанiе всѣхъ подробностей! Словомъ, все внѣшнее было превосходно, даже выработанность актеровъ; но я остался холоденъ; было что-то натянутое, неестественное въ манерѣ, какъ дворовые люди князя представляли лордовъ и принцессъ. Потомъ я дебютировалъ, былъ принятъ публикой какъ нельзя лучше; князь осыпалъ меня учтивостями. Приготовляясь ко второму дебюту, я пошелъ въ театръ. Давали «Сороку-Воровку»; мнѣ хотѣлось посмотрѣть княжескую труппу въ драмѣ.

Пьеса уже началась, когда я вошелъ; я досадовалъ, что опоздалъ, и разсѣянно, не понимая, что дѣлаютъ на сценѣ, смотрѣлъ по сторонамъ, смотрѣлъ на правильное размѣщенiе лицъ по чинамъ, на странное сборище физiономiй, вовсе другъ на друга не похожихъ, а выражающихъ одно и то же, на провинцiальныхъ барынь, пестрыхъ, какъ американскiя птицы, и на самого князя, который такъ гордо, такъ озабоченно сидѣлъ въ своей ложѣ. Вдругъ меня поразилъ слабый женскiй голосъ; въ немъ выражалось такое страшное, глубокое страданiе. Я устремился глазами на сцену. Служанка откупщика узнала въ старомъ бродягѣ своего отца, бѣглаго солдата... Я почти не слушалъ ея словъ, а слушалъ голосъ. Боже мой! думалъ я; откуда взялись такiе звуки въ этой юной груди; они не выдумываются, не прiобрѣтаются изъ сольфеджей, а бываютъ выстраданы, приходятъ наградой за страшные опыты. Она провожаетъ отца до плетня, она стоитъ передъ нимъ такъ просто, задумчиво; надеждъ мало его спасти,— и когда старикъ уходитъ, вмѣсто словъ, назначенныхъ въ роли, у нея вырвался неопредѣленный крикъ, крикъ слабаго, безза-

щитнаго существа, на которое обрушилось тяжкое, незаслуженное горе. Теперь, черезъ двадцать лѣтъ, я слышу этотъ раздирающій крикъ.

Онъ пріостановился.

Да, господа, сказалъ онъ, помолчавши: — это была великая русская актриса!

Вѣроятно, вы знаете сюжетъ «Сороки-Воровки» хоть по россиніевской оперѣ. Страшная пьеса, послѣ которой ничего бы не оставалось на душѣ, кромѣ отчаянія, если бы не придѣлали мелодрамную развязку. Анету обвиняютъ въ кражѣ, подозрѣніе имѣетъ какъ будто полное право пасть на ея голову; какъ ее не подозрѣвать? Она бѣдна, она служанка. Да и наконецъ, если обвиненіе окажется несправедливымъ, что за бѣда; ей скажутъ: «поди, голубушка, домой; видишь, какое счастіе, что ты невинна!» А до какой степени все это вмѣстѣ должно разбить, уничтожить оскорбленіемъ нѣжное существо,—этого разсказать не могу; для этого надобно было видѣть игру Анеты, видѣть, какъ она, испуганная, трепещущая и оскорбленная, стояла при допросѣ: ея голосъ и видъ были громкій протестъ, протестъ, раздирающій душу, обличающій много нелѣпаго на свѣтѣ и въ то же время умягченный какой-то теплой, кроткой женственностію, разливающей свой характеръ нѣжной граціи на всѣ ея движенія, на всѣ слова. Я былъ изумленъ, пораженъ; этого я не ожидалъ, между тѣмъ пьеса развивалась, обвиненіе шло впередъ, бальи хотѣлъ его для наказанія неприступной красавицы; черные люди суда мелькали по сценѣ, толковали такъ глубокомысленно, разсуждали такъ здраво,—потомъ осудили невинную Анету, и толпа стражей повела ее въ тюрьму; да, да, вотъ какъ теперь вижу, бальи говоритъ: «Господа служивые, отведите эту дѣвицу въ земскую тюрьму»—и бѣдная идетъ! но она останавливается еще разъ. «Ришаръ»,—говоритъ она, «я невинна, да неужели и ты не вѣришь, что невинна!» И тутъ уже среди стона угнетенной женщины звучитъ вопль негодованія, гордости, той непреклонной гордости, которая развивается на краю униженія, послѣ потери всѣхъ надеждъ, развивается вмѣстѣ съ сознаніемъ своего достоинства и тупой безвыходности положенія. Помните старый анекдотъ, какъ добрый нѣмецъ закричалъ изъ райка людямъ убитаго командора, искавшимъ Донъ-Жуана: «Онъ побѣжалъ направо въ переулокъ!» Я чуть не сдѣлалъ того же, когда Анету повели солдаты. Потомъ сцена въ тюрьмѣ съ бальи. Развратный старикъ видитъ невиновность ея въ кражѣ и предлагаетъ продажей чести купить свободу. Несчастная жертва выростаетъ, ея слова становятся страшны, и какая-то глубокая иронія лица удвоиваетъ оскорбительную силу словъ. Я какъ-то случайно

взглянулъ въ продолженіе этой сцены на князя; онъ былъ сильно потрясенъ, вертѣлся, покидалъ лорнетъ, опять бралъ его. Какъ такому знатоку не быть пораженнымъ этой игрой! Онъ вѣрно умѣлъ вполнѣ цѣнить такую актрису, подумалъ я. Тихо, съ опущенной головой, съ связанными руками, шла Анета, окруженная толпою солдатъ, при рѣзкихъ звукахъ барабана и дудки. Ея видъ выражалъ какую-то глубокую думу и изумленіе. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ всю нелѣпость: это дитя, слабое, кроткое, съ свѣтлымъ челомъ невинности, и солдаты съ тесаками, съ штыками, и барабаны; да гдѣ же непріятель? А непріятель-то—это дитя въ серединѣ ихъ, и они побѣдятъ его... Но она останавливается передъ церковью, бросается, молча, на колѣни, поднимаетъ задумчивый взглядъ къ небу; не укоръ Прометея, не надменность Титана въ этомъ взглядѣ, совсѣмъ нѣтъ, а такъ простой вопросъ: «За что же это? и неужели это правда?» Ее повели. Я рыдалъ какъ ребенокъ. Вы знаете преданіе о «Сорокѣ-Воровкѣ»; дѣйствительность не такъ слабонервна, какъ драматическіе писатели, она идетъ до конца: Анету казнили. Въ пьесѣ открываютъ, что воровка не она, а сорока,—и вотъ Анету несутъ назадъ въ торжествѣ; но Анета лучше автора поняла смыслъ событія; измученная грудь ея не нашла радостнаго звука; блѣдная, усталая, Анета смотрѣла съ тупымъ удивленіемъ на окружающее ликованіе, со стороною упованій и надеждъ, кажется, она не была знакома. Сильныя потрясенія, горькій опытъ подрѣзали корень, и цвѣтокъ, еще благоуханный, склонялся, вянулъ; спасти его нельзя было; какъ мнѣ жаль было эту дѣвушку!...

Фу, Боже мой, продолжалъ онъ, обтирая лицо платкомъ:—я такую волю далъ воображенію и воспоминанію, что, кажется, и заврался и расплакался; да я не могу объ этихъ предметахъ иначе говорить, всякой разъ увлекусь... Ну, занавѣсь опустилась. Какъ дорого бы я далъ, чтобъ ее опять подняли; еще бы разъ взглянуть на эту потухающую красоту, на это изящное страданіе. Но ее не вызывали. Не увидѣть Анеты я не могъ; идти къ ней, сжать ей руку, молча, взглядомъ передать ей все, что можетъ передать художникъ другому, поблагодарить ее за святыя мгновенія, за глубокое потрясеніе, очищающее душу отъ разнаго хлама,—мнѣ это необходимо было какъ воздухъ. Я бросился за кулисы... Въ партерѣ меня остановилъ одинъ любитель театра; онъ кричалъ мнѣ, выходя изъ своего ряда: «А, вѣдь, Анета-то не дурна была, какъ вамъ? Очень недурна, немножко манеры тривіальны». Я не возражалъ ему ни слова; его бы не убѣдилъ, а время терять не хотѣлъ. «Куда вы?» спросилъ меня офиціантъ, стоявшій при входѣ за кулисы.—Я желаю видѣть Анету, понимаешь, ту актрису, которая представляла сегодня служанку. «Безъ княжева позво-

ленья нельзя».—Помилуй, любезный, я самъ артистъ, третьяго дня игралъ. «Мнѣ не было приказу васъ пускать».—Пожалуйста, сказалъ я, выразительно опустивши два пальца въ жилетный карманъ. «Какіе вы мудреные», отвѣчалъ лакей: — «что же, мнѣ изъ-за васъ свою спину подставить?»

Я больше не настаивалъ и отправился домой; но я былъ близокъ къ отчаянію, я былъ несчастенъ, и это не фраза, не пустое слово... Неужели изъ васъ никому не случалось отдаваться безотчетно и безцѣльно обаятельному вліянію женщины, вовсе не близкой, долго смотрѣть на нее, долго ее слушать, встрѣчаться взглядомъ, привыкнуть къ ея улыбкѣ, и такъ вжиться въ эту летучую симпатію, что вы потомъ удивляетесь ея силѣ, когда эта женщина исчезаетъ; и вы себя чувствуете какъ-то оставленнымъ, одинокимъ: какая-то горечь наполняетъ душу, и весь вечеръ испорченъ, и вы торопитесь домой и сердитесь, что у васъ въ передней нагорѣло на свѣчкѣ, и что сигара скверно курится,—все оттого, что сыграли романъ въ полтора часа, романъ съ завязкой и развязкой. Если вы это испытали, то поймете, что̀ происходило во мнѣ, молодомъ художникѣ: тоска по Анетѣ привела меня въ лихорадочное состояніе. Я, больной, бросился на кровать, я бредилъ, спалъ и не спалъ, и въ обоихъ случаяхъ образъ несчастной служанки носился передо мною. То она стоитъ, осужденная, такъ просто, удивительно просто; кругомъ сумасшедшіе—ихъ называютъ судьи, и мнѣ становилось горько; никто изъ нихъ не можетъ понять, что съ этимъ лицомъ и съ этимъ голосомъ нельзя быть виноватой. То вооруженные стражи ведутъ ее, со связанными руками, на торжественное убіеніе и думаютъ, что дѣлаютъ дѣло. То несутъ ее съ криками радости, ей толкуютъ, говорятъ, что все прошло, что она свободна,—а она устала, у ней нѣтъ силъ обрадоваться, она какъ будто спрашиваетъ: «да что же было, вѣдь, ничего и не было?» Словомъ, тысячи варіацій на тему «Сороки-Воровки» бродили у меня въ головѣ всю ночь.

На другой день утромъ, часовъ въ одиннадцать, я отправился въ домъ князя, съ твердымъ намѣреніемъ лечь костьми, или добиться аудіенціи у Анюты. Когда я взошелъ на парадное крыльцо— одинъ отпертой входъ во всѣ домы, домики и флигеля князя — явился швейцаръ съ своимъ глобусомъ на палкѣ. Начался допросъ: къ кому, за чѣмъ? Я сказалъ. Швейцаръ объявилъ мнѣ, что безъ письменнаго дозволенія отъ князя меня не пропустятъ. Ну, меценатъ ревнивъ, подумалъ я. «Да какъ же берутъ эти дозволенія?» — Пожалуйте въ контору, тамъ управляющій можетъ доложить его сіятельству. Швейцаръ позвонилъ; вышелъ офиціантъ и повелъ меня въ контору. Гордо развалясь передъ конторкой, сидѣлъ толстый управляющій, и, несмотря на ранній

часъ, онъ уже успѣлъ не только утолить голодъ, но даже и жажду. Я объяснилъ ему мою просьбу; вѣроятно, толстый господинъ не очень бы двинулся для меня, но онъ зналъ, что князь хотѣлъ заманить меня въ свою труппу, и, предоставляя себѣ дѣлать мнѣ отказы и непріятности впослѣдствіи, счелъ за нужное теперь уступить моей просьбѣ и самъ отправился къ князю для переговоровъ по такому важному дѣлу. Черезъ минуту онъ возвратился съ вѣстью, что князь билетъ подпишетъ и пришлетъ въ контору. Мнѣ было нѣкуда итти, я сѣлъ въ уголъ. Въ конторѣ царствовала большая дѣятельность. Французъ декораторъ прибѣгалъ крупно браниться съ управляющимъ и ломанымъ русскимъ языкомъ говорилъ совершенно нерусскія вещи; онъ былъ растрепанъ, въ засаленомъ сюртукѣ и такъ гордо смотрѣлъ, какъ самъ управляющій, и очень ругался. Потомъ управляющій велѣлъ позвать какого-то Матюшку; привели молодаго человѣка съ завязанными руками, босого, въ сѣромъ кафтанѣ изъ очень толстаго сукна. «Пошелъ къ себѣ», сказалъ ему грубымъ голосомъ управляющій:— «да если въ другой разъ осмѣлишься выкинуть такую штуку, я тебя не такъ угощу: забыли о Сенькѣ?» Босой человѣкъ поклонился, мрачно посмотрѣлъ на всѣхъ и вышелъ вонъ. «Sacré peuple», пробормоталъ декораторъ и вышелъ вонъ, надѣвши середь комнаты шляпу. «Лицо молодого человѣка мнѣ что-то очень знакомо», сказалъ я лакею, случившемуся близъ меня.—«Да вы съ нимъ третьяго дня играли». — «Неужели это тотъ, который игралъ лорда?»—«Тотъ самый».—«За что это его такъ скрутили?» спросилъ я, понизивъ голосъ. Лакей бросилъ косвенный взглядъ на управляющаго и, видя, что онъ щелкаетъ на счетахъ, слѣдственно совершенно поглощенъ, отвѣчалъ мнѣ полушопотомъ: «Записочку перехватили къ одной актеркѣ; ну, этого у насъ не долюбливаютъ, его и велѣли на мѣсяцъ посадить въ сибирку».— «Такъ это его тогда приводили на сцену оттуда?»—«Да-съ; имъ туда роли посылаютъ твердить».—«Порядокъ всего дороже», отвѣчалъ я, и желаніе итти въ княжескую труппу начало остывать.

Дверь въ контору растворилась съ шумомъ, всѣ вскочили, вошелъ князь. Лакей взглянулъ на меня, я понялъ: это была просьба о скромности. Князь прямо подошелъ ко мнѣ и, подавая билетъ, замѣтилъ, какъ ему пріятно, что артистка его труппы заслужила такое одобреніе отъ меня,—весьма лестно отзывался о ней, страхъ какъ жалѣлъ, что она слаба здоровьемъ, извинялся, что меня не пустили безъ билета... «Дѣлать нечего, порядокъ въ нашемъ дѣлѣ половина успѣха, ослабь сколько-нибудь возжи, бѣда, артисты люди безпокойные. Вы знаете, можетъ быть, что французы говорятъ: легче арміей цѣлой управлять, нежели труппой актеровъ. Вы не сердитесь за это, прибавилъ онъ, смѣясь:—

вы такъ привыкаете играть разныхъ султановъ, вельможъ, что и за кулисами остаются такія замашки».—Князь, сказалъ я:— если французы это говорятъ, то потому, что они не знаютъ устройства вашей труппы и ея управленія. «О, да вы къ тому же и льстецъ большой!» замѣтилъ князь, грозя пальцемъ, и, благосклонно улыбнувшись, важно отправился къ бюро. А я къ Анетѣ.

Пока я достигъ флигеля, гдѣ жила Анета, меня раза три останавливали то лакей въ ливреѣ, то дворникъ съ бородой: билетъ побѣдилъ всѣ препятствія, и я съ біющимся сердцемъ постучался робко въ указанную дверь. Вышла дѣвочка лѣтъ тринадцати, я назвалъ себя. «Пожалуйте», сказала она:—«мы васъ ждемъ». Она привела меня въ довольно опрятную комнатку, вышла въ другую дверь; дверь черезъ минуту отворилась, и женщина, одѣтая вся въ бѣломъ, шла скорыми шагами ко мнѣ. Это была Анета. Она протянула мнѣ обѣ руки и сказала:

— Чѣмъ заслужила я это... благодарю васъ..., сказала тѣмъ голосомъ, который вчера такъ сильно потрясъ меня, и прежде, нежели я успѣлъ что-нибудь отвѣчать, она залилась слезами.—Извините, шептала она сквозь слезы прерывающимся голосомъ:—Бога ради, извините... это сейчасъ пройдетъ... я такъ обрадовалась... я слабая женщина, простите.

— Успокойтесь, что съ вами? успокойтесь, говорилъ я ей, и мои слезы капали на жилетъ:—если-бъ я зналъ, что мое посѣщеніе...

— Полно-те, какъ вамъ не грѣшно, полно-те, и она снова протянула мнѣ руку, омоченную слезами, а другою закрыла глаза:— вы не можете понять, сколько добра вы мнѣ сдѣлали вашимъ посѣщеніемъ, это благодѣяніе... Будьте же снисходительны, подождите минуту... я не много выпью воды, тогда все пройдетъ, и она улыбнулась мнѣ такъ хорошо и такъ печально... Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ художникомъ, съ человѣкомъ, которому я могла бы все сказать, но я не ждала такого человѣка, и вдругъ вы,—я вамъ очень благодарна. Пойдемъ-те въ комнату, здѣсь могутъ насъ подслушать; не думайте, чтобъ я боялась, нѣтъ, ей-Богу, нѣтъ. Но это шпіонство унизительно, грязно... и не для ихъ ушей то, что̀ я вамъ хочу сказать.

Мы вошли въ спальню; она выпила воды и бросилась на стулъ, указывая мнѣ на кресло. Гдѣ были всѣ придуманныя мною похвалы, гдѣ были эти тонкія замѣчанія, которыми я хотѣлъ похвастать? Я смотрѣлъ на нее сквозь слезы, смотрѣлъ, и грудь моя поднималась. Лицо ея, прекрасное, но уже изнеможенное, было страшное сказанье: въ каждой чертѣ можно было прочесть ту исповѣдь, которая звучала въ ея голосѣ вчера. Къ этимъ чертамъ, къ этому лицу прибавлять много не было нужды: нѣ-

сколько собственныхъ именъ, нѣсколько случайностей, чиселъ; остальное было высказано очень ясно. Огромные черные глаза блистали не восточной нѣгой, а какъ-то траурно, безнадежно; огонь, свѣтившійся въ нихъ, кажется, сжигалъ ее. Худое и до невѣроятности истомленное лицо раскраснѣлось отъ слезъ какъ-то неестественно, чахоточно, она отбросила волосы за ухо и склонила на руку, опертую на столъ, свою голову. Зачѣмъ тутъ не было Кановы или Торвальдсена: вотъ статуя страданья, страданья внутренняго, глубокаго! Что за благородная, богатая натура, думалъ я, которая такъ изящно гибнетъ, такъ страшно и такъ граціозно выражаетъ несчастіе!.. Минутами, артистъ побѣждалъ во мнѣ человѣка... Я восхищался ею, какъ художественнымъ произведеніемъ.

Между тѣмъ она оправилась и говорила:

— Не правда ли, какая смѣшная встрѣча? Да еще не конецъ; я вамъ хочу разсказывать о себѣ; мнѣ надобно высказаться; я, можетъ быть, умру, не увидѣвши въ другой разъ товарища-художника... Вы, можетъ быть, будете смѣяться,—нѣтъ, это я глупо сказала, смѣяться вы не будете. Вы слишкомъ человѣкъ для этого; скорѣе вы сочтете меня за безумную. Въ самомъ дѣлѣ, что за женщина, которая бросается съ своей откровенностью къ человѣку, котораго не знаетъ; да, вѣдь, я васъ знаю, я видѣла васъ на сценѣ: вы художникъ.

Я жалъ ея руку и не могъ вымолвить ни слова.

— Исторія моя не длинна, очень коротка, напротивъ; я не утомлю васъ; послушайте ее хоть за то удовольствіе, которое я вамъ доставила Анетой.

— Да говорите, ради Бога, говорите; я жадно ловлю каждое слово, хотя, скажу вамъ откровенно, я бы могъ вамъ разсказать вашу исторію, не слыхавъ ни отъ васъ, ни отъ кого другого ни слова... Я ее знаю.

— Вотъ потому-то я вамъ и разскажу ее. Я не такъ давно въ здѣшней труппѣ. Прежде я была на другомъ провинціальномъ театрѣ, гораздо меньшемъ, гораздо хуже устроенномъ; но мнѣ тамъ было хорошо, можетъ быть оттого, что я была молода, беззаботна, чрезвычайно глупа, жила, не думая о жизни. Я отдавалась любви къ искусству съ такимъ увлеченіемъ, что на внѣшнее не обращала вниманія, я болѣе и болѣе вживалась въ мысль, вамъ, вѣроятно, коротко знакомую,—въ мысль, что я имѣю призваніе къ сценическому искусству; мнѣ собственное сознаніе говорило, что я актриса. Я безпрерывно изучала мое искусство, воспитывала тѣ слабыя способности, которыя нашла въ себѣ, и радостно видѣла, какъ трудность за трудностью исчезаетъ. Помѣщикъ нашъ былъ добрый, простой и честный человѣкъ; онъ

уважалъ меня, цѣнилъ мои таланты, далъ мнѣ средства выучиться по-французски, возилъ съ собою въ Италію, въ Парижъ, я видѣла Тальму и Марсъ, я пробыла полгода въ Парижѣ, и — что дѣлать!—я еще была очень молода, если не лѣтами, то опытомъ, и воротилась на провинціальный театрикъ; мнѣ казалось, что какіе-то особенные узы долга связуютъ меня съ воспитателемъ. Еще бы годъ!.. Мало ли что могло бы быть... Онъ умеръ скоропостижно. Въ мрачной боязни ждали мы шесть недѣль, онѣ прошли, вскрыли бумаги, но въ нихъ ничего не нашлось. Новость эта оглушила насъ; пока мы еще плакали да думали, что дѣлать, наша труппа перешла въ другія руки. Князь нашъ хорошо принялъ, хорошо помѣстилъ, какъ вы сами видите, даже положилъ большіе оклады, не стѣсняя себя впрочемъ точностью выдачи. Но это былъ ужъ не прежній директоръ, добродушный и снисходительный; онъ съ перваго разу далъ почувствовать всю необъятную разницу между имъ и его гаерами, назначенными для его удовольствія. Онъ привыкъ къ раболѣпію, онъ протягивалъ свою руку охотникамъ цѣловать; дворецкій и толпа его фаворитовъ старались подражать ему въ обращеніи. Тяжело было на сердцѣ, очень тяжело, но были еще и отрадныя минуты; меня берегли за талантъ, и я умѣла еще такъ предаваться искусству, что забывала окружающее; меня тѣшило—самой смѣшно и стыдно теперь — прекрасное устройство театра. Все это прошло, — даже становится невѣроятнымъ, что было.

— Я стала замѣчать, что одинъ изъ любимцевъ князя особенно внимателенъ ко мнѣ, я поняла эту внимательность и — вооружилась. Князь не привыкъ къ отказамъ изъ труппы. Я дѣлала видъ, что ничего не понимаю; онъ счелъ за нужное высказывать яснѣе и яснѣе свои намѣренія; наконецъ, онъ подослалъ ко мнѣ своего повѣреннаго съ разными обѣщаніями и условіями. Я прогнала повѣреннаго, и на время преслѣдованія прекратились. Разъ поздно вечеромъ, воротившись съ представленія, я читала вслухъ, одна, читала вновь переведенную съ нѣмецкаго трагедію «Коварство и Любовь». Вы знаете, вѣроятно, ее. Въ ней такъ много близкаго душѣ, такъ много негодованія, упрека, улики въ нелѣпости жизни, которую ведутъ люди; когда читаешь ее, будто вспоминаешь что-нибудь родное, близкое, бывалое. Всѣ лица этой пьесы оставляютъ какое-то тяжелое впечатлѣніе—гофмаршалъ, и леди, и старикъ камердинеръ, у котораго дѣти пошли добровольно въ Америку... и милыя дѣти Фердинандъ и Луиза. Знаете, Луизу я сыграла бы, особенно сцену съ Вурмомъ, гдѣ онъ заставляетъ писать письмо, если бы можно при васъ, да князь не любитъ такихъ пьесъ. Итакъ, я читала «Коварство и Любовь» и была совершенно подъ вліяніемъ пьесы, увлечена, одушевлена ею;

— Что я чувствовала, какъ я провела эту ночь, вы можете понять. Не хочу вамъ разсказывать ряда мелкихъ, оскорбительныхъ непріятностей, который начался для меня съ этого дня. У меня отняли лучшія роли, меня мучили безпрерывной игрой въ роляхъ, вовсе чуждыхъ моему таланту, со мною всѣ наши власти начали обращаться грубо, говорили мнѣ *ты*, не давали мнѣ хорошихъ костюмовъ; не хочу потому разсказывать, что это все пойдетъ въ похвалу князю: онъ не такъ бы могъ поступить со мною, онъ поделикатился, онъ меня уважилъ гоненіями, въ то время, какъ онъ могъ наказать розгами. Меня не скоро бы они добили только такими мелочами, меня добила эта любовь... Я постоянно въ лихорадкѣ, сонъ не освѣжаетъ меня, къ вечеру голова горитъ, а утромъ я какъ въ ознобѣ. Повѣрите ли, что съ тѣхъ поръ каждую недѣлю мнѣ перешиваютъ костюмы, и я радуюсь этому, а съ тѣмъ вмѣстѣ, признаюсь вамъ, страшно, страшно и больно. Да развѣ не могло иначе быть?.. Видно, что нѣтъ... Съ тѣхъ поръ, больная, въ какомъ-то горячечномъ состояніи выхожу я на сцену, и меня осыпаютъ рукоплесканіями, не понимая моей игры. Я съ тѣхъ поръ играю одну роль, зрители не догадались. Талантъ мой тухнетъ, я становлюсь одностороннѣе; есть роли, которыя я играю небрежно, которыя мнѣ сдѣлались невозможны. Итакъ, все кончено—и талантъ и жизнь... прощай искусство, прощайте увлеченія на сценѣ! Поживу еще года два съ князевыми словами: ихъ бы вырѣзать на моей могилѣ.

Она умолкла. Я не нашелъ ей ничего сказать въ утѣшеніе. Помолчавши, она продолжала:

— Мѣсяца два тому назадъ былъ бенефисъ. Прошу костюма, не даютъ. Въ такомъ случаѣ, сказала я режиссеру, я куплю на свои деньги, что надобно, и сошью его себѣ. Надѣваю шляпку и хочу итти въ лавки.

— Не велѣно никуда пускать безъ спросу; гдѣ у васъ дозволеніе?

Я была раздражена и пошла въ контору. Князь былъ тамъ; подхожу къ нему и прошу позволенія итти въ лавки.

«Странное время тебѣ назначаютъ любовники для свиданья—утромъ!» замѣтилъ князь, къ неописанному удовольствію управляющаго и лакеевъ.

Кровь бросилась мнѣ въ голову; мое поведеніе было незапятнанное; оскорбленіе вывело меня изъ себя.

— «Такъ это для сбереженія нашей чести запираютъ насъ? Ну, князь, вотъ вамъ моя рука, мое честное слово, что ближе году я докажу вамъ, что мѣры, вами избранныя, недостаточны!»

При этомъ я вышла прежде, нежели онъ успѣлъ сказать слово.

Тутъ она остановилась, взволнованная, изнуренная. Я ее просилъ успокоиться, выпить еще воды, держалъ ея холодную и влажную руку въ моей... Она опустила голову; казалось, ей тяжело продолжать. Но вдругъ она подняла ее, гордую и величественную, и, ясно взглянувъ на меня, сказала:

— Я сдержала слово!...

— Мой романъ не оставилъ мнѣ тѣхъ кроткихъ, сладкихъ воспоминаній счастья, упоеній, какъ у другихъ: въ немъ все лихорадочно, безумно; въ немъ не любовь, а отчаяніе, безвыходность... Я вамъ не разскажу его, потому что собственно нечего разсказывать.

— Князь знаетъ? спросилъ я.

— Вѣроятно, знаетъ; онъ все знаетъ... Да я бы была въ отчаяніи, если-бъ онъ не зналъ. Я не боюсь его; я умру въ этой комнатѣ, а ужъ проситься не пойду къ нему. Я и это слово сдержу. Меня одно страшило: умереть, не видавши человѣка... Теперь вы понимаете, что̀ для меня ваше посѣщеніе...

— Да нельзя ли какъ-нибудь... располагайте мною.

— Нѣтъ; вы видите, какъ васъ строго пасутъ.

Бѣдная артистка! думалъ я: что за безумный, что за преступный человѣкъ сунулъ тебя на это поприще, не подумавши о судьбѣ твоей. Зачѣмъ разбудили тебя? Затѣмъ только, чтобъ сообщить вѣсть страшную, подавляющую? Спала бы душа твоя въ неразвитости, и великій талантъ, неизвѣстный тебѣ самой, не мучилъ бы тебя; можетъ быть, подчасъ и поднималась бы съ дна твоей души непонятная грусть, зато она осталась бы непонятной.

— Пора намъ разстаться, сказала она печально.

— Прощайте, благодарю васъ; какъ бы я желалъ что-нибудь...

Она улыбнулась.

— Вспоминайте иногда, что и во мнѣ...

— Погибла великая русская актриса!...

Я вышелъ, заливаясь слезами.

— Знаешь ли, какая радость? сказалъ мнѣ товарищъ мой, когда я возвратился домой:—здѣсь сейчасъ былъ управляющій князя, удивлялся, что ты не приходилъ еще домой, и велѣлъ тебѣ сказать, что князь желаетъ тебя оставить на слѣдующихъ условіяхъ.—Онъ съ торжествующимъ лицомъ подалъ мнѣ бумагу.

Условія были превосходны.

— А знаешь ли ты новость, отвѣчалъ я ему:—идучи домой, я зашелъ къ нашему ямщику и нанялъ ту же тройку, которая насъ сюда привезла. Оставайся, если хочешь, а я черезъ часъ ѣду.

— Да что ты, съума сошелъ?

— Не знаю, но я здѣсь не останусь; климатъ нездоровъ для художника. А? Подумай-ка, да и поѣдемъ на нашъ старый театръ,

съ его декораціями, въ которыхъ мудрено отличить тѣнистую аллею отъ рѣки, въ которыхъ море спокойно, а стѣны волнуются. Поѣдемъ-ка!

— Я бы и готовъ, право, воротиться, отвѣчалъ товарищъ, беззаботнѣйшій изъ смертныхъ:—да, вѣдь, съ голоду тамъ умремъ.

— А здѣсь отъ сытости. Голодъ можно вылечить кускомъ хлѣба, а кусокъ хлѣба, слава Богу, съ нашимъ здоровьемъ выработаемъ. Болѣзни отъ сытости не такъ скоро лечатся.

Товарищъ задумался; я не хотѣлъ его уговаривать. Вдругъ онъ померъ со смѣху:

— Ха, ха, ха! ѣду, братецъ, ѣду; знаешь ли, что мнѣ въ голову пришло: какъ удивится Василій Петровичъ, когда мы черезъ двѣ недѣли воротимся, вотъ удивится-то!

Эта мысль о сюрпризѣ совершенно примирила моего пріятеля съ неожиданнымъ путешествіемъ. Однако онъ спросилъ:

— Ну, а управляющему какой отвѣтъ?

— Тутъ очень затрудняться нечѣмъ; не мы будемъ отвѣчать завтра, если сегодня уѣдемъ; ему скажутъ: вчера отправились обратно. Вотъ и князю сюрпризъ такой же, какъ Василью Петровичу.

— Въ самомъ дѣлѣ хорошо, оттого хорошо, что условія выгодны; пусть онъ знаетъ, что не все на свѣтѣ покупается. Сейчасъ буду укладываться!

И онъ началъ увязывать и складывать небольшіе пожитки наши, насвистывая мотивъ изъ Калифа Багдадскаго.

Вотъ и все. Для полноты прибавлю, что черезъ два часа мы попрыгивали въ кибиткѣ. Мнѣ было скверно, какая-то жолчевая злоба наполняла душу; я пробовалъ и на дорогу смотрѣть, и по сторонамъ, и сигары курить,—ничего не помогало. Да и, какъ на смѣхъ, небо было сѣро, вѣтеръ холоденъ, даль терялась за болотистыми испареніями, всѣ виды, которыми я восхищался, ѣхавши сюда, были угрюмы, оттого ли, что я ихъ видѣлъ въ обратномъ порядкѣ, или отчего другого, только они меня не веселили. Даже роскошные господскіе домы съ парками и оранжереями, такъ гордо красовавшіеся между почернѣвшихъ и полуразвалившихся избъ, казались мнѣ мрачными.

— Что же сдѣлалось потомъ съ Анетой? Видѣли ли вы ее?

— Нѣтъ; она умерла черезъ два мѣсяца послѣ родовъ.

Художникъ отиралъ слезы, бѣжавшія по щекѣ. Молодые люди молчали, онъ и они представляли прекрасную надгробную группу Анетѣ.

— Все такъ, сказалъ вставая славянинъ:—но зачѣмъ она не обвѣнчалась тайно?...

26 января, 1846 г.

Докторъ Круповъ.

ПОВѢСТЬ.

О душевныхъ болѣзняхъ вообще и объ эпидемическомъ развитіи оныхъ въ особенности.

Сочинение доктора Крупова [1]).

Много и много лѣтъ прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ я постоянно посвящаю время, отъ леченія больныхъ и исполненія обязанностей остающееся, на положеніе *сравнительной психіатріи* съ точки зрѣнія совершенно новой. Но недовѣріе къ силамъ, скромность и осторожность доселѣ воспрещали мнѣ всякое обнародованіе моей теоріи. Нынѣ дѣлаю первый опытъ сообщить благосклонной публикѣ часть моихъ наблюденій. Дѣлаю оное, побуждаемый предчувствіемъ скораго перехода въ минерально-химическое царство, коего главное неудобство—отсутствіе сознанія. Полагаю, что на мнѣ лежитъ обязанность узнанное мною закрѣпить, такъ сказать, внѣ себя добросовѣстнымъ разсказомъ для пользы и соображенія сотоварищамъ по наукѣ; мнѣ кажется, что я не имѣю права допустить мысль мою безслѣдно исчезнуть, при новыхъ, предстоящихъ большимъ полушаріямъ мозга моего, химическихъ сочетаніяхъ и разложеніяхъ.

Узнавъ случайно о вашемъ Сборникѣ я рѣшился послать въ него отрывокъ изъ введенія, потому именно, что оно весьма общедоступно, въ ономъ собственно содержится не теорія, а исторія возникновенія оной въ головѣ моей. Присемъ не излишнимъ считаю предупредить васъ, что я всего менѣе литераторъ и, проживая нынѣ лѣтъ тридцать въ губернскомъ городѣ, удаленномъ

[1]) Этотъ небольшой отрывокъ былъ помѣщенъ въ «Современникѣ» 1847 года, съ значительными пропусками, сдѣланными цензурой. Мы его печатаемъ теперь въ настоящемъ видѣ.

какъ отъ резиденціи, такъ и отъ столицы, я отвыкъ отъ краснорѣчиваго изложенія мыслей и не привыкъ къ модному языку. Не должно, однако, терять изъ виду, что цѣль моя вовсе не беллетристическая, а патологическая. Я не плѣнить хочу моими сочиненіями, а быть полезнымъ, сообщая чрезвычайно важную теорію, доселѣ отъ вниманія величайшихъ врачей ускользнувшую, нынѣ же недостойнѣйшимъ изъ учениковъ Иппократа наукообразно развитую и наблюденіями провѣренную.

Сію теорію посвящаю я вамъ, самоотверженные врачи, жертвующіе временемъ вашимъ печальному занятію леченія и хожденія за страждущими душевными болѣзнями.

S. Croupoff, M. et Ch. Doctor.

I.

Я родился въ одномъ помѣщичьемъ селеніи на берегу Оки. Отецъ мой былъ діакономъ. Возлѣ нашего домика жилъ пономарь, человѣкъ хилой, бѣдный и обремененный огромной семьей. Въ числѣ восьми дѣтей, которыми Богъ наградилъ пономаря, былъ одинъ ровесникъ мнѣ, мы съ нимъ вмѣстѣ расли, всякій день вмѣстѣ играли въ огородѣ, на погостѣ, или передъ нашимъ домомъ. Я ужасно привязался къ товарищу, дѣлился съ нимъ всѣми лакомствами, которыя мнѣ давали, даже кралъ для него спрятанные куски пирога, кашу и передавалъ черезъ плетень. Пріятеля моего всѣ звали косой Левка, онъ дѣйствительно немного косилъ глазами. Чѣмъ болѣе я возвращаюсь къ воспоминаніямъ о немъ, чѣмъ внимательнѣе перебираю ихъ, тѣмъ яснѣе мнѣ становится, что пономаревъ сынъ былъ ребенокъ необыкновенный; шести лѣтъ онъ плавалъ какъ рыба, лазилъ на самыя большія деревья, уходилъ за нѣсколько верстъ отъ дома одинъ одинехонекъ, ничего не боялся, былъ какъ дома въ лѣсу, зналъ всѣ дороги и въ то же время былъ чрезвычайно непонятливъ, разсѣянъ, даже тупъ. Лѣтъ восьми насъ стали учить грамотѣ; я черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бѣгло читалъ псалтырь, а Левка не дошелъ и до складовъ. Азбука сдѣлала переворотъ въ его жизни. Отецъ его употреблялъ всевозможныя средства, чтобы развить умственныя способности сына: и не кормилъ дня по два, и сѣкъ такъ, что недѣли двѣ рубцы были видны, и половину волосъ выдралъ ему и запиралъ въ темный чуланъ на сутки,—все было тщетно, грамота Левкѣ не давалась; но безжалостное обращеніе онъ понялъ, ожесточился и выносилъ все, что съ нимъ дѣлали, съ какою-то злою сосредоточенностію. Это ему не дешево стоило; онъ исхудалъ, видъ его, выражавшій прежде дѣтскую кротость и

дѣтскую беззаботность, сталъ выражать дикость запуганнаго звѣря; на отца онъ не могъ смотрѣть безъ ужаса и отвращенія. Побился еще года два пономарь съ сыномъ, увидѣлъ, наконецъ, что онъ глупо-рожденный и предоставилъ ему полную волю.

Освобожденный Левка сталъ пропадать цѣлые дни, приходилъ домой грѣться или укрываться отъ непогоды, садился въ уголъ и молчалъ, а иногда бормоталъ про себя разныя неясныя слова и велъ дружбу только съ двумя существами,—со мной и съ своей собаченкой. Собаченку эту онъ пріобрѣлъ неотъемлемымъ правомъ. Разъ, когда Левка лежалъ на пескѣ у рѣки, крестьянскій мальчикъ вынесъ щенка, привязалъ ему камень на шею и, подойдя къ крутому берегу, гдѣ рѣка была поглубже, бросилъ туда собаченку; въ одинъ мигъ Левка отправился за нею, нырнулъ и черезъ минуту явился на поверхности со щенкомъ; съ тѣхъ поръ они не разлучались.

Лѣтъ двѣнадцати меня отправили въ семинарію. Два года я не былъ дома, на третій я пріѣхалъ провести вакаціонное время къ отцу. На другой день утромъ рано, я надѣлъ свой новый затрапезный халатъ и хотѣлъ идти осматривать знакомыя мѣста. Только я вышелъ на дворъ, у плетня стоитъ Левка, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, бывало, я ему давалъ пироги; онъ бросился ко мнѣ съ такою радостью, что у меня слезы навернулись.

— «Сенька, говорилъ онъ, я всю ночь ждалъ Сеньку,—Груша вчера молвила: Сенька пріѣхалъ», и онъ ласкался ко мнѣ какъ звѣрекъ, съ какимъ-то подобострастіемъ, смотрѣлъ мнѣ въ глаза и спрашивалъ: «Ты не сердитъ на меня? Всѣ сердиты на Левку,—не сердись, Сенька, я плакать буду, не сердись, я тебѣ векшу поймалъ».

Я бросился обнимать Левку; это такъ ново, такъ необыкновенно было для него, что онъ просто зарыдалъ и, схвативши мою руку, цѣловалъ ее, я не могъ ее отдернуть, такъ крѣпко онъ держалъ ее.

— Пойдемъ-ка въ лѣсъ, сказалъ я ему.

— «Пойдемъ далеко за буераки, хорошо будетъ, очень хорошо», отвѣчалъ онъ.

Мы пошли, онъ велъ версты четыре лѣсомъ, поднимавшимся въ гору, и вдругъ вывелъ на открытое мѣсто; внизу текла Ока, кругомъ верстъ на двадцать стелился одинъ изъ превосходныхъ сельскихъ видовъ Великороссіи.

— «Здѣсь хорошо, говорилъ Левка,—здѣсь хорошо».

— Что же хорошо? спросилъ я его, желая испытать. Онъ остановилъ на мнѣ какой-то невѣрной взглядъ, лицо его приняло другое болѣзненное выраженіе, онъ покачалъ головой и сказалъ: — «Левка не знаетъ, такъ, хорошо!»

Мнѣ стало смерть стыдно. Левка сопровождалъ меня на всѣхъ прогулкахъ, его безграничная преданность, его безпрерывное вниманіе сильно трогали меня. Привязанность его ко мнѣ была понятна: одинъ я обходился съ нимъ ласково. Въ семьѣ имъ гнушались, стыдились его; крестьянскіе мальчики дразнили его, даже взрослые мужики дѣлали ему всякаго рода обиды и оскорбленія, приговаривая: «юродиваго обижать не надо, юродивый Божій человѣкъ». Онъ обыкновенно ходилъ задами села; когда же ему случалось идти улицей, однѣ собаки обходились съ нимъ по-человѣчески: онѣ издали, завидя его, виляли хвостомъ и бѣжали къ нему навстрѣчу, прыгали на шею, лизали въ лицо и ласкались до того, что Левка, тронутый до слезъ, садился середь дороги и цѣлые часы занималъ изъ благодарности своихъ пріятелей, занималъ ихъ до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь крестьянскій мальчикъ пускалъ камень на удачу, въ собакъ ли попадетъ, или въ бѣднаго мальчика; тогда онъ вставалъ и убѣгалъ въ лѣсъ.

Передъ сельскимъ праздникомъ мой отецъ, видя, что Левка весь въ лохмотьяхъ, велѣлъ моей матери скроить ему длинную рубашку и отдать ее сестрамъ сшить. Управитель, услышавши. объ этомъ, далъ толстаго домашняго сукна для него на кафтанъ При господскомъ домѣ былъ приставленъ старикъ лакей, онъ былъ приставленъ не столько по способности смотрѣть за чѣмъ-нибудь, сколько за пьянство. Этотъ лакей былъ фельдшеръ и портной; онъ весьма затруднился, когда получилъ отъ управляющаго приказъ сшить Левкѣ кафтанъ,—какъ скроить дурацкій кафтанъ? Сколько онъ ни думалъ, все выходилъ довольно обыкновенный кафтанъ, а потому онъ и рѣшился на отчаянное средство: пришить къ нему красный воротникъ изъ остатковъ какой-то старинной ливреи. Левка былъ ужасно радъ и новой рубашкѣ, и кафтану, и красному воротнику, хотя, по правдѣ сказать, радоваться было нечему. Доселѣ крестьянскіе мальчики нѣсколько удерживались, но когда на Левку надѣли парадный мундиръ дурака,—гоненія и насмѣшки удвоились. Однѣ женщины были на сторонѣ Левки, подавали ему лепешки, квасу и браги и говорили иногда привѣтливое слово; мудрено ли, впрочемъ, что бабы и дѣвки, задавленныя патріархальнымъ гнетомъ мужниной и отцовской власти, сочувствовали безвинно гонимому мальчику. Мнѣ было чрезвычайно жаль Левку, но помочь ему было трудно; унижая его, казалось, добрые люди расли въ своихъ собственныхъ глазахъ. Серьезно съ нимъ никто слова не молвилъ, даже мой отецъ, отъ природы вовсе не злой человѣкъ, хотя исполненный предразсудковъ и лишенный всякаго снисхожденія, и тотъ иначе не могъ обращаться съ Левкой, какъ унижая его и возвышая себя.

— А что, Левка, говаривалъ онъ ему, любишь ли ты кого-нибудь больше этого пса смердящаго?

— «Люблю, отвѣчалъ Левка, Сеньку люблю больше».

— Видишь, губа-то не дура, ну, а еще кого больше любишь?

— «Никого», простодушно отвѣчалъ Левка.

— Ахъ, глупорожденный, глупорожденный, ха, ха, ха, а мать родную меньше любишь развѣ?

— «Меньше», отвѣчалъ Левка.

— А отца твоего?

— «Совсѣмъ не люблю».

— О, Господи Боже мой, чти отца твоего и матерь твою, а ты дуракъ что? Безсмысленныя животныя и тѣ любятъ родителей, какъ же разумному подобію Божію не любить ихъ?

— «Какія животныя»?

— Ну, какія: лошади, псы всякіе.

Левка качалъ головой:—«Развѣ щенята, а большіе нѣтъ. Они такъ любятъ, кто по нраву придется, вотъ наша кошка Машка любитъ моего Шарика».

И батюшка мой хохоталъ отъ души, прибавляя: «Блаженны нищіе духомъ!»

Я тогда уже оканчивалъ риторику и потому не трудно понять, отчего мнѣ въ голову пришло написать «Слово о богопротивномъ людей обращеніи съ глупорожденными». Желая расположить мое сочиненіе по всѣмъ квинтиліановскимъ правиламъ съ соблюденіемъ законовъ хріи, я, обдумывая его, пошелъ по дорогѣ, шелъ, шелъ и, не замѣчая того, очутился въ лѣсу; такъ какъ я взошелъ въ него безъ вниманія, то и не удивительно, что потерялъ дорогу, искалъ, искалъ и еще болѣе терялся въ лѣсу; вдругъ слышу знакомый лай Левкиной собаки, я пошелъ въ ту сторону, откуда онъ раздавался и вскорѣ былъ встрѣченъ Шарикомъ; шагахъ въ пятнадцати отъ него, подъ большимъ деревомъ, спалъ Левка. Я тихо подошелъ къ нему и остановился. Какъ кротко, какъ спокойно спалъ онъ! Онъ былъ дуренъ собой на первый взглядъ: бѣлые льняные волосы прямо падали съ головы странной формы, блѣдный лицомъ, съ бѣлыми рѣсницами и нѣсколько косившимися глазами. Но никто никогда не далъ себѣ труда вглядѣться въ его лицо; оно вовсе не было лишено своей красоты, особенно теперь, когда онъ спалъ, щеки его немного раскраснѣлись, косые глаза не были видны, черты его выражали такой миръ душевный, такое спокойствіе, что становилось завидно.

Тутъ, стоя передъ этимъ спящимъ дурачкомъ, я былъ пораженъ мыслью, которая преслѣдовала меня всю жизнь. Съ чего люди, окружающіе его, воображаютъ, что они лучше его, отчего

считаютъ себя въ правѣ презирать, гнать это существо тихое, доброе, никому никогда не сдѣлавшее вреда? И какой-то таинственный голосъ шепталъ мнѣ: оттого, что и всѣ остальные —юродивые, только на свой ладъ, и сердятся, что Левка глупъ по своему, а не по ихъ.

Странная мысль эта выгнала у меня изъ головы всѣ хріи и метафоры, я оставилъ спящаго Левку и пошелъ бродить на-удачу по лѣсу, съ какой-то внутренной болью перевертывая и вглядываясь въ новую мысль. Въ самомъ дѣлѣ, думалось мнѣ, чѣмъ Левка хуже другихъ? Тѣмъ, что онъ не приноситъ никакой пользы; ну, а пятьдесятъ поколѣній, которыя жили только для того на этомъ клочкѣ земли, чтобы ихъ дѣти не умерли съ голоду сегодня и чтобы никто не зналъ, зачѣмъ они жили и для чего они жили, гдѣ же польза ихъ существованія? Наслажденіе жизнію—да они ею никогда не наслаждались, по крайней мѣрѣ гораздо меньше Левки? Дѣти? дѣти могутъ быть и у Левки, это дѣло не хитрое. Зачѣмъ Левка не работаетъ? что за бѣда; онъ ни у кого ничего не проситъ, кой-какъ сытъ. Работа не наслажденіе, кто можетъ обойтись безъ работы, тотъ не работаетъ; всѣ остальные на селѣ работаютъ безъ всякой пользы, работаютъ цѣлый день, чтобы съѣсть кусокъ черстваго хлѣба, а хлѣбъ ѣдятъ для того, чтобы завтра работать, въ твердой увѣренности, что все выработанное не ихъ. Здѣшній помѣщикъ, Ѳедоръ Григорьевичъ, одинъ ничего не дѣлаетъ, а пользы получаетъ больше всѣхъ, да и то онъ ее не дѣлаетъ, она какъ-то сама дѣлается ему. Жизнь его, сколько я знаю, проходитъ въ большей пустотѣ, нежели жизнь Левки, который, чего нѣтъ другого, гуляетъ, а тотъ все сердится.

Чѣмъ Левка сытъ, я не понимаю, но знаю одно, что какъ онъ ни тупъ, но если наберетъ земляники или грибовъ, то его не такъ-то легко убѣдить, что онъ можетъ ѣсть одни неспѣлыя ягоды да сыроѣжки, а что вкусныя ягоды и бѣлые грибы принадлежатъ, ну хоть отцу Василью. Левка никогда дома не живетъ, не исполняетъ ни гражданскихъ, ни семейныхъ обязанностей сына, брата. Ну, а тѣ, которые дома живутъ, развѣ исполняютъ? У него есть еще семь братьевъ и сестеръ, живущихъ дома въ какомъ-то состояніи постоянной войны между собой и съ пономаремъ. Все такъ, но пустая жизнь его. Да отчего же она пустая? Онъ вжился въ природу, онъ понимаетъ ея красоты по своему,—а для другихъ жизнь пошлый обрядъ, тупое одно и то же, ни къ чему не ведущее.

И я постоянно возвращался къ основной мысли, что причина всѣхъ гоненій на Левку состоитъ въ томъ, что Левка глупъ на свой особенный салтыкъ,—а другіе повально глупы; и такъ какъ картежники не любятъ неиграющаго, а пьяницы непьющаго,

такъ и они ненавидятъ бѣднаго Левку. Однако, диссертаціи я не написалъ; для меня, ученика семинаріи, казалось труднымъ и даже неприличнымъ писать о такихъ суетныхъ предметахъ. Насъ учили все писать о предметахъ возвышенныхъ, душу и сердце возносящихъ горѣ. Вакаціонное время прошло, пора мнѣ было возвращаться въ монастырь. Когда батюшка мой заложилъ пѣгую лошадку нашу въ телѣгу, чтобы отвезти меня, Левка пришелъ опять къ плетню, онъ не совался впередъ, а прислонившись къ вереѣ, обтиралъ по временамъ грязнымъ спущеннымъ рукавомъ рубашки слезы. Мнѣ было очень грустно его оставить; я подарилъ ему всякихъ бездѣлушекъ, онъ на все смотрѣлъ печально. Когда же я сталъ садиться въ телѣгу, Левка подошелъ ко мнѣ и такъ печально, такъ грустно сказалъ: «Сенька, прощай», а потомъ подалъ мнѣ Шарика и сказалъ: «Возьми, Сенька, Шарика себѣ». Дороже предмета у Левки не было и онъ отдавалъ его. Я насилу уговорилъ его оставить Шарика у себя, что пусть онъ будетъ мой, но жить у него. Мы поѣхали. Левка пустился лѣсомъ и выбѣжалъ на гору, мимо которой шла дорога, я увидѣлъ его и сталъ махать платкомъ. Онъ стоялъ неподвижно на горѣ, опираясь на свою палку.

Мысль о Левкѣ, о причинѣ его страннаго развитія не выходила изъ головы моей. Она мѣшала мнѣ вполнѣ предаваться изученію духовныхъ предметовъ, и я вмѣсто превыспреннихъ созерцаній стремился къ изученію предметовъ земныхъ, несмотря на то, что я зналъ ничтожность всего тѣлеснаго и суетность всего физическаго. Мало по малу, во мнѣ развилось непреодолимое желаніе изучать медицину. Когда я впервые заикнулся объ этомъ отцу моему, онъ взошелъ въ неописанный гнѣвъ. «Ахъ ты, балованъ презорный, кричалъ онъ на меня, вотъ какъ схвачу за вихры, такъ ты у меня и узнаешь, гдѣ раки зимуютъ. Дѣды твои и отцы не хуже тебя были, да не выходили изъ своего званія, а ты что вздумалъ? Пришлось подъ старость дожить до такого сраму, вотъ и радость, приносимая сыномъ, отъ плоти моей рожденнымъ. Не одинъ, видно, пономарь посѣщенъ Богомъ, не даромъ съ дуракомъ валандаешься вѣчно, свой своему поневолѣ братъ. А все ты, малоумная баба, испортила его»,—прибавилъ батюшка, обращаясь къ матушкѣ. Почему именно матушка была виновата, что я хотѣлъ учиться медицинѣ, этого я не знаю. Господи, думалъ я, да что же я сдѣлалъ такое, мнѣ хочется заниматься медициной, а послушаешь батюшку, право подумаешь, что я просился на большую дорогу людей рѣзать. Далъ я мѣсто родительскому гнѣву, промолчалъ; черезъ мѣсяцъ опять завелъ было рѣчь; куда ты — съ перваго слова такъ его лицо и зардѣло. Дѣлать нечего, жду особаго случая, а самъ только и зани-

маюсь латынью. Отецъ-ректоръ славно зналъ латинскій языкъ и полюбилъ меня за мои успѣхи. Я выбралъ минуту добрую, да въ ноги ему; онъ такъ кротко и благосклонно сказалъ: «Встань, сынъ мой, встань, что тебѣ надобно, говори просто». Я разсказалъ ему о моемъ желаніи и просилъ замолвить отцу. Отецъ-ректоръ покачалъ головой и велѣлъ мнѣ утромъ и вечеромъ сверхъ обыкновенной читать другую молитву, говорилъ, что это вліяніе нечистой силы, отвлекающей отъ служенія престолу къ служенію мірскому, отъ леченія духовнаго къ леченію плотскому. Потомъ напомнилъ четвертую заповѣдь, далъ прочесть сочиненіе Нила Сорскаго о монашескомъ житіи. Я все исполнилъ въ точности, но не могъ переломить влеченія къ медицинѣ.

На вакаціи поѣхалъ я опять домой. Левка еще болѣе одичалъ, онъ добровольно помогалъ пастуху пасти стадо и почти никогда не ходилъ домой. Меня однако онъ принялъ съ прежней безграничной, нечеловѣческой привязанностью; грустно мнѣ было на него смотрѣть особенно потому, что у него языкъ какъ-то сдѣлался невнятнѣе, сбивчивѣе, и взглядъ еще болѣе одичалъ. Черезъ годъ мнѣ приходилось окончить курсъ, временить было нечего, батюшка уже готовилъ мнѣ мѣсто. Что было дѣлать? Утопающій за соломенку хватается; слыхалъ я отъ дворовыхъ людей, что сынъ нашего помѣщика (они жили это лѣто въ деревнѣ) добрый баринъ, ласковый, я и подумалъ, если бы онъ черезъ Ѳедора Григорьевича попросилъ обо мнѣ моего отца, можетъ, тотъ, видя такое высокое ходатайство, и согласился бы. Почему не сдѣлать опыта? Надѣлъ я свой нанковый сюртукъ, тщательно вычистилъ сапоги, повязалъ голубой шейный платокъ и пошелъ въ господскій домъ. На дорогѣ попался Левка.

— «Сенька, кричалъ онъ мнѣ, въ лѣсъ, Левка гнѣздо нашелъ; птички маленькія, едва пушекъ, матери нѣтъ, грѣть надо, кормить надо».

— Нельзя, братъ, иду за дѣломъ, вонъ туда.

— «Куда?»

— Въ барской домъ.

— «У-у! сказалъ Левка, поморщившись,—у-у! весной, весной дядя Захаръ—его били, Левка смотрѣлъ, дядя Захаръ здоровый, сильный, а дуракъ стоитъ, его бьютъ,—а онъ ничего—дядя Захаръ дуракъ, сильный, большой и стоитъ. Не ходи, прибьютъ».

— Не бось, дѣло есть. Онъ долго смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ, потомъ свиснулъ своей собакѣ и побѣжѣлъ къ лѣсу; но едва я успѣлъ сдѣлать двадцать шаговъ, Левка нагналъ меня:

— «Левка идетъ туда: Сеньку бить будутъ — Левка камнемъ пуститъ», при этомъ онъ мнѣ показалъ булыжникъ величиною съ индѣичье яйцо. Но мѣры его были ненужны, люди отказали, говоря,

что господа чай кушаютъ; потомъ я раза три приходилъ, все недосугъ молодому барину, послѣ третьяго раза, я не пошелъ больше. И чѣмъ же это молодой баринъ такъ занятъ?.. Вѣчно ходитъ или съ ружьемъ, или такъ просто безъ всякаго дѣла по полямъ, особенно, гдѣ крестьянскія дѣвки работаютъ. Неужели онъ не могъ оторваться на пять минутъ?

Самъ Богъ показалъ выходъ, хотя, по правдѣ, очень горестный. Въ селѣ Порѣчьѣ, верстъ восемь отъ насъ, былъ храмовой праздникъ; село Порѣчье казенное, торговое, богаче нашего, праздникъ у нихъ справлялся всегда отлично. Тамошній священникъ (онъ же и благочинный) пригласилъ насъ всѣхъ на праздникъ. Мы отправились наканунѣ, отецъ Василій съ попадьей, батюшка одинъ, причетникъ и я, для того, чтобы отслужить всенощную соборнѣ. Праздникъ былъ великолѣпный, фабричные пѣли на крылосѣ. Во время литургіи пріѣхалъ самъ капитанъ-исправникъ, съ супругой и двумя засѣдателями. Голова за мѣсяцъ собиралъ по двадцати пяти копеекъ серебромъ съ тягла начальству на закуску. Словомъ сказать, было весело, шумно; одинъ я грустилъ; грустилъ я и потому, что намѣренія мои не удавались, и по непривычкѣ къ многолюдію; вина я тогда еще въ ротъ не бралъ, въ хороводахъ ходить не умѣлъ, а пуще всего мнѣ досадно было, что всѣ перемигивались, глядя на меня и на дочь порѣчинскаго священника. Я приглянулся ея отцу и онъ предлагалъ, какъ меня похиротонисаютъ, женить на дочери, а онъ-де мѣсто уступитъ и обзаведеніе, самому молъ на отдыхъ пора. А дочь-то его несмотря на то, что ей было не болѣе 18 или 19 лѣтъ, была сильно поражена избыткомъ плоти, такъ что скорѣе напоминала образъ и подобіе аладій, нежели Господа Бога.

Такимъ образомъ, поскучавъ въ Порѣчьи до вечера, я вышелъ на берегъ рѣки; откуда ни возмись, Левка тутъ, и онъ бѣдняга приходилъ на праздникъ, самъ не зная за чѣмъ. Его никто не зналъ и не подчивалъ. Стоитъ лодочка, причаленная къ берегу, и покачивается; давно я не катался,—смерть захотѣлось мнѣ ѣхать домой по водѣ. На берегу нѣсколько мужичковъ лежали въ синихъ кафтанахъ, въ новыхъ поярковыхъ шляпахъ съ лентами; выпивши, они лихо пѣли пѣсни во все молодецкое горло (по счастію въ селѣ Порѣчьи не было слабонервной барыни).

— Позвольте молъ, православные, лодочку взять прокататься до Раздеришина, сказалъ я имъ.—«Съ нашимъ удовольствіемъ, мы де вашего батюшку знаемъ. Митюхъ, Митюхъ, отвяжька лодочку-то, извольте взять». И Митюхъ, нѣсколько покачиваясь и безъ нужды ступая въ воду по колѣна, отвязалъ лодку, я принялся править, а Левка грести; поплыли мы по Окѣ рѣкѣ. Между тѣмъ смерклось, мѣсяцъ взошелъ, съ одной стороны было такъ свѣтло, а

съ другой черныя тѣни береговъ, насупившись, бѣжали на лодку. Поднимавшаяся роса, словно дымъ огромнаго пожара, бѣлѣла на лунномъ свѣтѣ и двигалась по водѣ, будто нехотя отдираясь отъ нея.

Левка былъ доволенъ, мочилъ безпрестанно свою голову водой и стряхивалъ мокрые волосы, падавшіе въ глаза.—«Сенька, хорошо?» спрашивалъ онъ, и когда я отвѣчалъ ему: очень, очень хорошо, онъ былъ въ неописанномъ восторгѣ. Левка умѣлъ мастерски гресть, онъ отдавался въ какомъ-то опьяненіи ритму разсѣкаемыхъ волнъ и вдругъ поднималъ оба весла, и лодка тихо, тихо скользила по волнамъ, и тишина, заступавшая мѣрные удары, клонила къ какому-то полусну, а издали слышались пѣсни празднующихъ порѣчанъ, носимыя вѣтромъ то тише, то громче.

Мы пріѣхали поздно ночью. Левка отправился съ лодкой назадъ, а я домой. Только что я легъ спать, слышу подъѣзжаетъ телѣга къ нашему дому. Матушка, она не ѣздила на праздникъ, ей что-то нездоровилось, матушка послушала, да говоритъ: «Это не нашей телѣги скрыпъ, стучатъ, треба молъ вѣрно какая-нибудь».

— «Не вставайте, матушка, я схожу посмотрѣть», да и вышелъ, отворяю калитку, порѣчинской голова стоитъ, немножко хмельный.

— «Что, Макаръ Лукичъ?»

— Да что, говоритъ, дѣло-то не ладно—вотъ что.

— «Какое дѣло?» спросилъ я, а самъ дрожу всѣмъ тѣломъ какъ въ лихорадкѣ.

— Вѣстимо насчетъ отца-діакона. Я бросился къ телѣгѣ, на ней лежалъ батюшка безъ движенія.

— «Что съ нимъ такое?»

— А Богъ его вѣдаетъ, все былъ здоровъ, да вдругъ что ни есть прилучилось.

Мы внесли батюшку въ домъ, лице у него посинѣло, я теръ его руки, вспрыскивалъ водой, мнѣ казалось, что онъ хрипитъ, я уложилъ его на постель и побѣжалъ за пьянымъ портнымъ; на этотъ разъ онъ еще былъ довольно трезвъ, схватилъ ланцетъ, бинтъ и побѣжалъ со мною. Раза три просѣкъ руку, кровь не идетъ... Я стоялъ ни живой, ни мертвый; портной вынулъ табакерку, понюхалъ, потомъ началъ грязнымъ платкомъ обтирать инструментъ.—Что? спросилъ я какимъ-то не своимъ голосомъ.—«Не нашего ума дѣло-съ, экскузе — отвѣчалъ онъ, а извольте молитву читать». Матушка упала безъ чувствъ, у меня сдѣлался ознобъ, а ноги такъ и подламывались.

II.

Послѣ смерти отца матушка не препятствовала и я выхлопоталъ себѣ, наконецъ, увольненіе изъ семинаріи и вступилъ въ московскую медико-хирургическую академію студентомъ. Читая печатную програму лекцій я увидѣлъ, что адъюнктъ ветеринарнаго искусства, если останется время, будетъ читать студентамъ, оканчивающимъ курсъ, *общую психіатрію*, то есть науку о душевныхъ болѣзняхъ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ конца года и, хотя мнѣ еще не приходилось слушать психіатріи, явился на первую лекцію адъюнкта. Но я тогда такъ мало былъ образованъ по медицинской части, что почти ничего не понялъ, хотя слушалъ съ такимъ вниманіемъ, что до сихъ поръ помню краснорѣчивое вступленіе ветеринарнаго врача. «Психіатрія, говорилъ онъ, безспорно самая трудная часть врачебной науки, самая необъясненная, самая необъяснимая, но зато нравственное вліяніе ея самое благотворное. Ни метафизика, ни философія не могутъ такъ ясно доказать независимость души отъ тѣла, какъ психіатрія. Она учитъ, что всѣ душевныя болѣзни—разстройства тѣлесныя, она учитъ, слѣдственно, что безъ тѣла, безъ сей скудельной оболочки духъ былъ бы вѣчно здравъ и пр.». Я уже въ семинаріи зналъ Вольфіеву философію, но совершенно ясно изложенія адъюнкта не понималъ, хотя и радовался, что самая медицина служитъ доказательствомъ высокихъ метафизическихъ соображеній.

Когда я порядкомъ изучилъ пріуготовительныя части, я сталъ мало-по-малу дѣлать собственныя наблюденія надъ одержимыми душевными болѣзнями, тщательно записывая все видѣнное въ особую книгу. Воскресные и праздничные дни проводилъ я почти всегда въ домѣ умалишенныхъ. Всѣ наблюденія мои вели постоянно къ мысли, поразившей меня при созерцаніи спавшаго Левки, то есть, что офиціальные патентованные сумасшедшіе въ сущности и не глупѣе и не поврежденнѣе всѣхъ остальныхъ, но только самобытнѣе, сосредоточеннѣе, независимѣе, оригинальнѣе, даже можно сказать геніальнѣе тѣхъ. Странные поступки безумныхъ, раздражительную ихъ злобу объяснялъ я себѣ тѣмъ, что все окружающее нарочно сердитъ ихъ и ожесточаетъ безпрерывнымъ противурѣчіемъ, жесткимъ отрицаніемъ ихъ любимой идеи. Замѣчательно, что люди дѣлаютъ все это только въ домахъ умалишенныхъ, внѣ ихъ существуетъ между больными какое-то тайное соглашеніе, какая-то патологическая деликатность, по которой безумные взаимно признаютъ пункты помѣшательства другъ въ другѣ. Все несчастіе явно безумныхъ—ихъ гордая самобытность и упрямая неуступчивость, за которую повально повреж-

денные, со всею злобою слабыхъ характеровъ, запираютъ ихъ въ клѣтки, поливаютъ холодной водой и пр.

Главный докторъ въ заведеніи былъ добрѣйшій человѣкъ въ мірѣ, но, безъ сомнѣнія, болѣе поврежденный, нежели половина больныхъ его (онъ надѣвалъ, напримѣръ, на себя одинъ шейный и два петличныхъ ордена для того, чтобы пройти по палатамъ безумныхъ; онъ давалъ чувствовать фельдшерамъ, что ему пріятно, когда они говорятъ ваше превосходительство, а чиномъ былъ статскій совѣтникъ, и разныя другія шалости ясно доказывали пораженіе большихъ полушарій мозга). Больные ненавидѣли его оттого, что онъ, самъ стоя на одной почвѣ съ ними, вступалъ всегда въ соревнованіе. «Я китайскій императоръ», кричалъ ему одинъ больной, привязанный къ толстой веревкѣ, которой по необходимости ограничили высочайшую власть его.—«Ну когда же китайскій императоръ сидитъ на веревкѣ?» отвѣчалъ добрѣйшій нѣмецъ съ пресерьезнымъ видомъ, какъ будто онъ самъ сомнѣвался, не дѣйствительно ли китайскій императоръ передъ нимъ. Больной выходилъ изъ себя, слыша возраженіе, скрежеталъ зубами, кричалъ, что это Вольтеръ и іезуиты посадили его на цѣпь и долго не могъ потомъ успокоиться. Я, совсѣмъ напротивъ, подходилъ къ нему съ видомъ величайшаго подобострастія: «Лазурь неба, прозрачнѣйшій братъ солнца, говорилъ я ему, плодородіе земли, позволь мнѣ, презрѣнному червю, грязи, отставшей отъ безсравненныхъ подошвъ твоихъ, покапать холодной воды на свѣтлое чело твое, да возрадуется океанъ, что вода имѣетъ счастіе освѣжать священную шкуру, покрывающую бѣлую кость твоего черепа».

И больной улыбался и позволялъ съ собою дѣлать все, что я хотѣлъ.

Обращаю особенное вниманіе на то, что я для этого больного не дѣлалъ ничего особеннаго, а поступалъ съ нимъ такъ, какъ добрые люди поступаютъ другъ съ другомъ всегда — на улицѣ, въ гостиной.

Въ заведеніе ѣздилъ одинъ тупорожденный старичекъ, воображавшій, что онъ гораздо лучше докторовъ и смотрителей знаетъ, какъ надобно за больными ходить, и всякій разъ приказывалъ такой вздоръ, что за него дѣлалось стыдно; однако главный докторъ съ непокрытой головой слушалъ его до конца благоговѣйно и не говорилъ ему, что все это вздоръ, не дразнилъ его, а китайскаго императора дразнилъ. Гдѣ же тутъ справедливость!

Продолжая мои наблюденія, я открылъ, что между собой нерѣдко сумасшедшіе признаютъ другъ друга; эти уже ближе къ обыкновенному гражданскому благоустройству. Такъ, въ V палатѣ жили восемь человѣкъ легко помѣшанныхъ въ большой дружбѣ.

Одинъ изъ нихъ сошелъ съ ума на томъ, что онъ, сверхъ своей порціи, имѣетъ призваніе ѣсть по полупорціи у всѣхъ товарищей, основывая пресмѣшно свои права на томъ, что его отецъ умеръ отъ объяденія, а дѣдъ опился. Онъ такъ увѣрилъ своихъ товарищей, что ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ ѣсть своей порціи, не отдавъ ему лучшей части, не смѣлъ ее взять украдкой, боясь угрызеній совѣсти. Когда же изрѣдка кто-либо изъ дерзкихъ скептиковъ утаивалъ кусокъ, онъ гордо уличалъ преступнаго и шесть остальныхъ готовы были оттаскать злодѣя; онъ называлъ его воромъ, стяжателемъ; и глава этой общины до того добродушно вѣрилъ въ свое право, что, не имѣя возможности съѣдать все набранное, съ величавой важностью награждалъ избранныхъ ихъ же ѣдою, и награжденный точилъ слезы умиленія, а остальные слезы зависти.

Нельзя отказать этимъ безумнымъ въ высокомъ политическомъ смыслѣ, такъ точно, какъ нельзя отказать въ безуміи людямъ, не только считающимъ себя здоровыми (самые бѣшенные собою совершенно довольны), но признаваемымъ за такихъ другими. Для убѣдительнаго доказательства присовокуплю отрывокъ изъ моего журнала, предпославъ оному слѣдующую краткую діагностику безумія.

Главные признаки разстройства умственныхъ способностей состоятъ:

a) Въ неправильномъ, но и непроизвольномъ сознаніи окружающихъ предметовъ;

b) Въ болѣзненной упорности, стремящейся сохранить это сознаніе съ явнымъ даже вредомъ самому больному, и отсюда—

c) Тупое и постоянное стремленіе къ цѣлямъ не существеннымъ и упущеніе цѣлей дѣйствительныхъ.

Этого достаточно для того, чтобы убѣдиться въ истинѣ моихъ выводовъ.

Выписка изъ журнала:

Субъектъ 29. Мѣщанка Матрена Бучкина. Сложеніе сангвиническое, наклонность къ толщинѣ, лѣтъ тридцати, замужемъ.

Субъектъ этотъ находится у меня въ услуженіи въ должности кухарки, а потому я изучалъ его довольно внимательно въ главныхъ психическихъ и многихъ физіологическихъ отправленіяхъ. Alienatio mentale, не подлежащее никакому сомнѣнію; всѣ умственныя отправленія поражены, несмотря на хорошія врожденныя способности, что доказывается сохранившеюся ловкостію обсчитывать при покупкахъ и утаивать половину провизіи. Какъ женщина, Матрена живетъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ; но всѣ ея чувства такъ ниспровергнуты болѣзненнымъ отклоне-

ніемъ дѣятельности мозга отъ нормальнаго отправленія, что они не только не человѣческія, но и не животныя.

a) Чувство любви.

Не видать, чтобы у нея была особенная нѣжность къ мужу, но отношенія ихъ въ высшей степени замѣчательны и драгоцѣнны, какъ патологическій фактъ. Мужъ ея сапожникъ и живетъ въ другомъ домѣ, онъ приходитъ къ ней обыкновенно утромъ въ воскресенье. Матрена покупаетъ на послѣднія деньги простого вина и печетъ пирогъ или блины. Часу въ десятомъ, мужъ ея напивается пьянъ и тотчасъ начинаетъ ее продолжительно и больно бить; потомъ онъ впадаетъ въ летаргическій сонъ до понедѣльника, а, проснувшись, отправляется съ страшной головной болью за свою работу, питаясь пріятной надеждой черезъ семь дней снова отпраздновать такъ семейно и кротко воскресный день.

Такъ какъ она приходила всякій разъ съ горькими жалобами ко мнѣ на своего мужа, я совѣтовалъ ей не покупать ему вина, основываясь на томъ, что оно имѣетъ на него дурное вліяніе. Но больная весьма оскорблялась моимъ совѣтомъ и возражала, «что она не безчестная какая-нибудь и не нищая, чтобы своему законному мужу не поднести стакана вина святъ день до обѣда, что, сверхъ того, она покупаетъ вино на свои деньги, а не на мои, и что—если мужъ ее и колотитъ—такъ все же онъ Богомъ данный ей мужъ». Отвѣтъ этотъ, много разъ повторяемый, очень замѣчателенъ; можно добраться по немъ до странныхъ законовъ мышленія мозга, пораженнаго болѣзнію; ни одного слова нѣтъ въ ея отвѣтѣ, которое бы шло къ моему замѣчанію, а при болѣзни мозга ей казалось, что она вполнѣ опровергала меня.

Но до какой степени и это поверхностно,—я доказываю тѣмъ, что стоило мнѣ, продолжая мои наблюденія, сказать ей: «А ты зачѣмъ съ нимъ споришь, ты бы смолчала, вѣдь, онъ твой мужъ и глава». Тогда больная приходила въ состояніе близкое маніи и съ сердцемъ говорила: «онъ злодѣй мнѣ, а не мужъ, я ему не дура досталась молчать, когда онъ несетъ всякій вздоръ». И тутъ она начинала бранить не только его, но и барыню свою, которая, истинно въ материнскихъ попеченіяхъ своихъ о подданныхъ, сама приняла на себя трудъ избрать ей мужа; выборъ палъ на сапожника не случайно, а потому, что онъ крѣпко хмелемъ зашибалъ, такъ барыня думала, что онъ остепенится женившись,—конечно не ея вина, что она ошиблась, errare humanum est!

b) Отношеніе къ дѣтямъ.

Любопытно до высшей степени и имѣетъ двойной интересъ. Тутъ я имѣлъ случай видѣть, какъ съ самаго дня рожденія прививаютъ безуміе. Сначала чисто механически крѣпкимъ пелена-

ніемъ, при чемъ сдавливаютъ ossa parietalia черепа, чтобы помѣшать мозговому развитію, — это съ своей стороны уже очень дѣйствительно. Потомъ употребляются органическія средства; они состоятъ преимущественно въ чрезмѣрномъ развитіи прожорливости и въ дурномъ обращеніи. Когда организмъ ребенка не изловчился еще претворять всю дрянь, которая ему давалась отъ грязной соски до жирныхъ лепешекъ, дитя иногда страдало; мать лечила сама, и въ медицинскихъ убѣжденіяхъ своихъ далеко расходилась со всѣми врачами отъ Иппократа до Боергава и отъ Боергава до Гуфланда; иногда она откачивала его такъ, какъ спасаютъ утопленниковъ (средство совершенно безвредное, если утопленникъ умеръ, и способное показать усердіе присутствующихъ), ребенокъ впадалъ въ морскую болѣзнь отъ качки, что его дѣйствительно облегчало, или мать начинала на извѣстномъ основаніи Ганеманова ученія клинъ клиномъ вышибать, кормить его селедкой, капустой; если же ребенокъ не выздоравливалъ, мать начинала его бить, толкать, дергать, наконецъ, прибѣгала къ послѣднему средству—давала ему или настойки, или маковаго молока и радовалась очевидной пользѣ отъ лекарства, когда ребенокъ впадалъ въ тяжелое опьяненіе или въ летаргическій сонъ. Въ дополненіе слѣдуетъ замѣтить, что Матрена, на свой манеръ, чрезвычайно любила ребенка. Любовь ея къ дитяти была совершенно въ родѣ любви къ мужу; она покупала на скудныя деньги свои какой-нибудь тафтицы на одѣяльце и потомъ безщадно била ребенка за то, что онъ не нарочно капалъ на него молоко. Мнѣ очень жаль, что я скоро разстался съ Матреной и не могъ доучить этотъ интересный субъектъ; къ тому же я впослѣдствіи услышалъ, что ея ребенокъ не выдержалъ воспитанія и умеръ.

c и *d*) *Отношенія гражданскія и общественныя; отношенія къ церкви и государству...*

Но я полагаю сказаннаго совершенно достаточно, чтобы убѣдиться, что жизнь этого субъекта проходила въ чаду безумія. А по сему снова обращаюсь къ прерванной нити моего жизнеописанія, которое съ тѣмъ вмѣстѣ и есть описаніе развитія моей теоріи.

По окончаніи курса меня отправили лекаремъ въ одинъ пѣхотный полкъ. Я не нахожу нужнымъ въ предварительной части говорить о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ мною на семъ спеціальномъ поприщѣ. Перехожу къ болѣе разнообразному поприщу. Черезъ нѣсколько лѣтъ, по распоряженію высшаго начальства, которому, пользуясь симъ случаемъ, свидѣтельствую искреннѣйшую благодарность за начальственное вниманіе, получилъ я мѣсто по гражданскому вѣдомству; тутъ съ большимъ досугомъ предался я сравнительной психіатріи. Для занятій и на-

блюденій я избралъ на первый случай два заведенія—домъ умалишенныхъ и канцелярію врачебной управы.

Добросовѣстно изучая субъекты въ обоихъ заведеніяхъ, я былъ пораженъ сходствомъ чиновниковъ канцеляріи съ больными; разумѣется, наружныя различія тоже бросались въ глаза, но врачъ долженъ идти далѣе, по наружности долгое время кита считали рыбою. Самое важное различіе между писарями и больными состояло въ образѣ поступленія въ заведеніе; первые просились объ опредѣленіи, а вторые были опредѣляемы высшимъ начальствомъ, вслѣдствіе публичнаго испытанія въ губернскомъ правленіи. Но однажды помѣщенные въ канцелярію писаря тотчасъ подвергались психической эпидеміи, весьма быстро заражавшей все нормально человѣческое и еще быстрѣе развивавшей искаженныя потребности, желанія, стремленія; цѣлые дни работали эти труженики съ усердіемъ, болѣе нежели съ усердіемъ, съ завистью; штаты тогда были еще невѣроятные, едва эти бѣдняки въ будни до сыта наѣдались и въ праздники до пьяна напивались, а ни одинъ не хотѣлъ заняться какимъ-нибудь ремесломъ, считая всякую честную работу несовмѣстною съ человѣческимъ достоинствомъ, дозволяющимъ только брать двугривенные за справки. Признаюсь, когда я вполнѣ убѣдился, что чиновничество (я, разумѣется, далѣе XII класса восходить не смѣю) есть особое специфическое пораженіе мозга, мнѣ опротивѣли всѣ эти журнальныя побасенки, наполненныя насмѣшками надъ чиновниками. Смѣяться надъ больными показываетъ жесткость сердца.

Вліяніе эпидеміи до того сильно, что мнѣ случалось наблюдать ея дѣйствіе на организаціи болѣе крѣпкія и здоровыя, и тутъ-то я увидѣлъ всю силу ея. Какое-то безпокойное чувство, похожее на угрызеніе совѣсти, овладѣвало вновь поступавшими здоровыми субъектами; имъ становилось замѣтно тягостно быть здоровыми, они такъ страдали тоскою по безумію, что излечивались отъ умственныхъ способностей разными спиртными напитками, и я замѣтилъ, что при надлежащемъ и постоянномъ употребленіи ихъ они дѣйствительно успѣвали себя поддерживать въ искусственномъ состояніи безумія, которое мало по малу становилось естественнымъ.

Отъ чиновниковъ я перешелъ къ прочимъ жителямъ города и въ скоромъ времени не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія, что всѣ они поврежденные. Предоставляю тѣмъ, которые долго трудились надъ какимъ-нибудь открытіемъ, оцѣнить то чувство радости, которымъ исполнилось сердце мое, когда я убѣдился въ этомъ драгоцѣнномъ фактѣ.

Городокъ нашъ вообще оригиналенъ: это—губернское правленіе, обросшее разными домами и жителями, собравшимися около

присутственныхъ мѣстъ; онъ тѣмъ отличается отъ другихъ городовъ, что онъ возникъ собственно для удовольствія и пользы начальства. Начальство составило сущность, цвѣтъ, корень и плодъ города. Остальные жители — какъ купцы, мѣщане — больше находились для порядка, ибо нельзя же быть городу безъ купцовъ и мѣщанъ. Всѣ получали смыслъ только въ отношеніи къ начальству (и къ откупу впрочемъ); мастеровые, напр., портные, сапожники, шили для чиновниковъ фраки и сапоги; содержатель трактира имѣлъ для нихъ бильярдъ. Прочіе неслужащіе въ городѣ занимались исключительно произведеніемъ тѣхъ средствъ, на которыя чиновники заказывали фраки, сапоги и увеселялись на бильярдѣ.

Въ нашемъ городкѣ считалось 5.000 жителей; изъ нихъ человѣкъ двѣсти были повергнуты въ томительнѣйшую скуку отъ отсутствія всякаго занятія, а четыре тысячи семьсотъ человѣкъ повергнуты въ томительную дѣятельность отъ отсутствія всякаго отдыха. Тѣ, которые денно и нощно работали, не вырабатывали ничего, а тѣ, которые ничего не дѣлали, безпрерывно вырабатывали и очень много.

Утвердивъ на прочныхъ началахъ общую статистику помѣшательства, перейдемъ снова къ частнымъ случаямъ. Въ качествѣ врача я былъ часто призываемъ лечить тѣло, тамъ, гдѣ слѣдовало лечить душу; невѣроятно, въ какомъ чаду нелѣпостей, въ какомъ рѣзкомъ безуміи находились всѣ мои паціенты обоихъ половъ.

— Пожалуйте сейчасъ къ Аннѣ Ѳедоровнѣ, Аннѣ Ѳедоровнѣ очень дурно.

— «Сію минуту, ѣду».

Анна Ѳедоровна лѣтъ тридцати женщина, любившая и любящая многихъ мужчинъ, за исключеніемъ своего мужа, богатаго помѣщика, точно также расположеннаго ко всѣмъ женщинамъ, кромѣ Анны Ѳедоровны. У нихъ отъ розовыхъ цѣпей брачныхъ осталась одна, которая обыкновенно бываетъ крѣпче прочихъ,—ревность, и ею они неутомимо преслѣдовали другъ друга десятый годъ. Пріѣзжаю. Анна Ѳедоровна лежитъ въ постелѣ съ вспухшими глазами, у нея жаръ, у нея боль въ груди; все показываетъ, что было семейное Бородино, дѣло горячее и продолжительное. Люди ходятъ испуганные, мебель въ безпорядкѣ, вдребезги разбитая трубка (явнымъ образомъ не случайно) лежитъ въ углу и переломленный чубукъ въ другомъ.

— «У васъ, Анна Ѳедоровна, нервы разстроены, я вамъ пропишу немножко лавровишневой воды; на свѣтъ не ставьте,—она портится; такъ принимайте, сколько-бишь вамъ лѣтъ? капель по 20». Больная становится веселѣе и кусаетъ губы.—«Да знаете ли

что, Анна Өедоровна, вамъ бы надо ѣхать куда-нибудь, ну, хоть въ деревню; жизнь, которую вы ведете, васъ разстроитъ окончательно».

— Мы ѣдемъ въ маѣ мѣсяцѣ съ Никаноръ Ивановичемъ въ деревню.

— «А! превосходно, — такъ вы останьтесь здѣсь. Это будетъ еще лучше».

— Что вы хотите этимъ сказать?

— «Вамъ надобенъ покой безусловный, тишина; иначе я не отвѣчаю за то, что, наконецъ, изъ всего этого выйдутъ серьезныя послѣдствія».

— Я несчастнѣйшая женщина, Семенъ Ивановичъ, у меня будетъ чахотка, я должна умереть. И все виноватъ этотъ извергъ,—ахъ, Семенъ Ивановичъ, спасите меня.

— «Извольте. Только мое лекарство будетъ не изъ аптеки, вотъ рецептъ: «возьми небольшой чистенькій домъ, въ самомъ дальнемъ разстояніи отъ Никаноръ Ивановича, прибавь мебель, цвѣты и книги. Жить, какъ сказано, тихо, спокойно». Этотъ рецептъ вамъ поможетъ».

— Легко вамъ говорить, вы не знаете, что такое бракъ.

.— «Не знаю, но догадываюсь: полюбовное насиліе жить вмѣстѣ, когда хочется жить врозь, и совершеннѣйшая роскошь, когда хочется и можно жить вмѣстѣ; не такъ ли?»

— О, вы такой вольнодумъ! Какъ я покину мужа!

— «Анна Өедоровна, вы меня простите, одна долгая практика въ вашемъ домѣ позволяетъ мнѣ идти до такой откровенности,— я осмѣлюсь сдѣлать вамъ вопросъ».

— Что угодно, Семенъ Ивановичъ, вы другъ дома, вы...

— «Любите ли вы сколько-нибудь вашего мужа?»

Ахъ, нѣтъ, я готова это сказать передъ всѣмъ свѣтомъ, безумная тетушка моя сварганила этотъ несчастный бракъ.

— «Ну, а онъ васъ?»

— Искры любви нѣтъ въ немъ. Теперь почти въ открытой интригѣ съ Полиной, вы знаете—мнѣ Богъ съ нимъ совсѣмъ, да, вѣдь, денегъ что это ему стоитъ...

— «Очень хорошо-съ. Вы другъ друга не любите, скучаете, вы оба богаты, что васъ держитъ вмѣстѣ?»

— Да помилуйте, Семенъ Ивановичъ, за кого же вы меня считаете, моя репутація дороже жизни, что обо мнѣ скажутъ?

— «Это, конечно. Но, Боже мой, половина перваго! Что это, какъ время-то? Да-съ, такъ по 20 каплей лавровишневой воды, хоть три раза до ночи, а я заѣду какъ-нибудь завтра взглянуть».

Я только въ залу, а ужъ Никаноръ Ивановичъ небритый, съ испорченнымъ отъ спирту и гнѣва лицомъ меня ждетъ.

— Семенъ Ивановичъ, Семенъ Ивановичъ, ко мнѣ въ кабинетъ.

— «Чрезвычайно радъ».

— Вы честный человѣкъ, я васъ всю жизнь зналъ за честнаго человѣка, вы благородный человѣкъ,—вы поймете, что такое честь. Вы меня по гробъ обяжете, ежели скажете истину.

— «Сдѣлайте одолженіе. Что вамъ угодно?»

— Да какъ вы считаете положеніе жены?

— «Оно не опасно; успокойтесь, это пройдетъ; я прописалъ капельки».

— Да чортъ съ ней, не объ этомъ дѣло, по мнѣ хоть сегодня ногами впередъ, да и со двора. Это змѣя, а не женщина, лучшія лѣта жизни отняла у меня. Не объ этомъ рѣчь.

— «Я васъ не понимаю».

— Что это, ей Богу, съ вами? Ну, то есть болѣзнь ея подозрительна или нѣтъ?

— «Вы желаете знать насчетъ того, нѣтъ ли какихъ надеждъ на наслѣдничка?»

— Наслѣдничка? Я ей покажу наслѣдничка! Что это за женщина! Знаете, для меня ужъ коли женщина въ эту сторону, все кончено,—нѣтъ, не могу! Законная жена, Семенъ Ивановичъ, она мое имя носитъ, она мое имя пятнаетъ.

— «Я ничего не понимаю. А впрочемъ, знаете, Никаноръ Ивановичъ, жили бы вы въ разныхъ домахъ, для обоихъ было бы спокойнѣе».

— Да-съ, такъ ей и позволить, ха, ха, ха, выдумали ловко! Ха, ха, ха, какъ же—позволю! Нѣтъ, вѣдь, я не французъ какой-нибудь! Вѣдь, я родился и выросъ въ благочестивой русской дворянской семьѣ. Нѣтъ-съ, вѣдь, я знаю законъ и приличіе! О, если-бы матушка была жива, да она изъ своихъ рукъ ее на столъ бы положила. Я знаю ея продѣлки.

— «Прощайте, почтеннѣйшій Никаноръ Ивановичъ, мнѣ еще къ вашей сосѣдкѣ надобно».

— Что у нея? спросилъ, врасплохъ взятый супругъ и что-то сконфузился.

— «Не знаю,—присылали горничную, дочь что-то все нездорова, дѣвка не умѣла разсказать порядкомъ».

— Ахъ, Боже мой,—да какъ же это? Я на-дняхъ видѣлъ Полину Игнатьевну.

— «Да-съ, бываютъ быстрыя болѣзни».

— Семенъ Ивановичъ, я давно хотѣлъ,—вы меня извините, вѣдь, ужъ это такъ заведено, священникъ живетъ отъ алтаря, а чиновникъ отъ просителей, я такъ много доволенъ вами. Позвольте вамъ предложить эту золотую табакерку, примите ее въ

знакъ искренной дружбы... Только, Семенъ Ивановичъ, я надѣюсь что, во всякомъ случаѣ, молчаніе ваше...

— «Есть вещи, на которыя докторъ имѣетъ уши, но рта не имѣетъ».

Никаноръ Ивановичъ обнялъ меня и своими мокрыми губами и потнымъ лицомъ произвелъ довольно непріятное впечатлѣніе на щекѣ.

И кто-нибудь скажетъ, что это не поврежденные! Позвольте еще примѣръ.

Рядомъ со мною живетъ богатый помѣщикъ, гордый своимъ имѣніемъ, скряга. Онъ держитъ домъ на заперти, никого не пускаетъ къ себѣ, рѣдко самъ выѣзжаетъ и, что дѣлаетъ въ городѣ, понять нельзя; не служитъ, процессовъ не имѣетъ, деревня въ 50-ти верстахъ, а живетъ въ городѣ. Были, правда, слухи, что одинъ мужикъ, котораго онъ наказалъ, какъ-то дурно посмотрѣлъ на него и сглазилъ: онъ такъ испугался его взгляда, что очень ласково отпустилъ мужика, а самъ на другой день перебрался въ городъ. Главное занятіе его—стяжаніе и накапливаніе денегъ; но это дѣлается за кулисами; я вамъ хочу показать его въ торжественныхъ минутахъ жизни. У него въ гостиницѣ и на почтѣ закуплены слуги, чтобы извѣщать его, когда по городу проѣзжаетъ какой-нибудь сановникъ, генералъ внутренней стражи, генералъ путей сообщенія, ревизующій чиновникъ не ниже V класса.

Сосѣдъ мой, получивши вѣсть, тотчасъ надѣвалъ дворянскій мундиръ и отправлялся къ его превосходительству; тотъ, разумѣется, съ дороги спалъ, сосѣда не пускали; онъ давалъ на водку цѣлковый, синенькую, упорствовалъ, дожидался часы цѣлые, наконецъ, объ немъ докладывали. Генералъ (ибо въ эти минуты и чиновникъ V класса чувствовалъ себя не только генераломъ, но генералъ-фельдмаршаломъ) принималъ просителя, не скрывая ярости и не воздавая вѣсу и мѣры словамъ и движеніямъ. Проситель послѣ долгихъ околичностей докладывалъ, что вся его просьба, отъ которой зависитъ его счастіе, счастіе его дѣтей и жены, состоитъ въ томъ, чтобы его превосходительство изволило откушать у него завтра или отъужинать сегодня; онъ такъ трогательно просилъ, что ни одинъ высокій сановникъ не могъ противустоять и давалъ ему слово. Тутъ наставали поэтическія минуты его жизни. Онъ бросался въ рыбные ряды, покупалъ стерлядь ростомъ съ извѣстнаго тамбуръ-мажора, и ее живую перевозили въ подвижномъ озерѣ къ нему на дворъ, выгружалось старинное серебро, вынималось старое вино. Онъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, бранился съ женою, дѣлалъ отеческія исправленія дворецкому, грозился на всю жизнь сдѣлать уродомъ и несчастнымъ повара (для одобренія), звалъ человѣкъ двадцать

гостей, бѣгалъ съ курильницей по комнатамъ, встрѣчалъ въ сѣняхъ генерала, цѣловалъ его въ швъ, идущій подъ руку. Шампанское лилось у скряги за здравіе высокаго проѣзжаго. И замѣтьте, все это изъ помѣшательства, все это безкорыстно. И что еще важнѣе для психіатріи, что его безуміе всякой разъ полярно переносилось съ обратными признаками на гостя. Гость вѣрилъ, что онъ по гробъ одолжаетъ хозяина тѣмъ, что прекрасно обѣдалъ. Каковы діагностическіе знаки безумія!

Отсюду текли доказательства очевидныя, неподлежащія сомнѣнію моей основной мысли.

Успокоившись насчетъ жителей нашего города, я пошелъ далѣе. Выписалъ себѣ знаменитѣйшія путешествія, древнія и новыя, историческія творенія и подписался на аугсбурскую Всеобщую Газету.

Слезы умиленія не разъ наполняли глаза мои при чтеніи. Я не говорю уже объ аугсбурской газетѣ, на нее я съ самаго начала смотрѣлъ не какъ на суетный дневникъ всякой всячины, а какъ на всеобщій бюллетень разныхъ богоугодныхъ заведеній для несчастныхъ страждущихъ душевными болѣзнями. Нѣтъ! чтобы историческое я ни начиналъ читать, вездѣ, во всѣ времена открывалъ я разныя безумія, которыя соединялись въ одно всемірное хроническое сумасшествіе. Тита Ливія я бралъ или Муратори, Тацита или Гиббона, никакой разницы; всѣ они, равно какъ и нашъ отечественный историкъ Карамзинъ, всѣ доказываютъ одно, что исторія не что иное, какъ связный разсказъ родового, хроническаго безумія и его медленнаго излеченія (этотъ разсказъ даетъ по наведенію полное право надѣяться, что черезъ тысячу лѣтъ двумя-тремя безуміями будетъ меньше). Истинно, не считаю нужнымъ приводить примѣры: ихъ милліоны. Разверните, какую хотите, исторію, вездѣ васъ поразитъ, что вмѣсто дѣйствительныхъ интересовъ, всѣмъ заправляютъ мнимые, фантастическіе интересы; вглядитесь изъ-за чего льется кровь, изъ-за чего несутъ крайность, что восхваляютъ, что порицаютъ,—и вы ясно убѣдитесь въ печальной на первый взглядъ истинѣ, и истинѣ полной утѣшенія на второй взглядъ, что все это слѣдствіе разстройства умственныхъ способностей. Куда ни взглянешь въ древнемъ мірѣ, вездѣ безуміе почти такъ же очевидно, какъ въ новомъ. Тутъ Курцій бросается въ яму для спасенія города, тамъ отецъ приноситъ дочь на жертву, чтобы былъ попутный вѣтеръ, и нашелъ стараго дурака, который прирѣзалъ бѣдную дѣвушку, и этого бѣшенаго не посадили на цѣпь, не свезли въ желтый домъ, а признали за первосвященника. Здѣсь персидскій царь гоняетъ море сквозь строй, такъ же мало понимая нелѣпость поступка, какъ его враги аѳиняне, которые цикутой хотѣли лечить отъ разума

и сознанія. А что это за бѣлая горячка была, вслѣдствіе которой императоры гнали христіанство? Развѣ трудно было разсудить, что эти средства палачества, тюремъ, крови, истязаній ничего не могли сдѣлать противъ сильныхъ убѣжденій, а удовлетворяли только животной свирѣпости гонителей?

Какъ только христіанъ домучили, дотравили звѣрями, они сами принялись мучить и гнать другъ друга съ еще большимъ озлобленіемъ, нежели ихъ гнали. Сколько невинныхъ нѣмцевъ и французовъ погибло, такъ, изъ вздору, и помѣшанные судьи ихъ думали, что они исполняли свой долгъ и спокойно спали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ дожаривались еретики.

Кто не видитъ ясные признаки безумія въ среднихъ вѣкахъ, тотъ вовсе не знакомъ съ психіатріей. Въ среднихъ вѣкахъ все безумно. Если и выходитъ что-нибудь путное, то совершенно противуположно желанію. Ни одного здороваго понятія не осталось въ средневѣковыхъ головахъ, все перепуталось. Проповѣдывали любовь и жили въ ненависти, проповѣдывали миръ и лили рѣками кровь. Къ тому же цѣлыя сословія подвергались эпидемической дури,—каждое на свой ладъ; напримѣръ, одного человѣка въ латахъ считали сильнѣе тысячи человѣкъ, вооруженныхъ дубьемъ, а рыцари сошли съума на томъ, что они дикіе звѣри, и сами себя содержали по селлюлярному порядку новыхъ тюремъ въ укрѣпленныхъ сумасшедшихъ домахъ по скаламъ, лѣсамъ и пр.

Исторія доселѣ остается непонятною отъ ошибочной точки зрѣнія. Историки, будучи большею частію не врачами, не знаютъ, на что обращать вниманіе; они стремятся вездѣ выставить послѣ придуманную разумность и необходимость всѣхъ народовъ и событій; совсѣмъ напротивъ, надобно на исторію взглянуть съ точки зрѣнія патологіи, надобно взглянуть на историческія лица съ точки зрѣнія безумія, на событія съ точки зрѣнія нелѣпости и ненужности.

Исторія—горячка, производимая благодѣтельной натурой, посредствомъ которой человѣчество пытается отдѣлываться отъ излишней животности; но какъ бы реакція ни была полезна, все же она болѣзнь. Впрочемъ, въ нашъ образованный вѣкъ стыдно доказывать простую мысль, что исторія—автобіографія сумасшедшаго.

Интересъ лѣтописей и путешествій тотъ же самый, который мы находимъ въ анатомико-патологическомъ кабинетѣ. Кстати о путешествіяхъ. Они не менѣе исторіи принесли мнѣ подтвержденій и тѣмъ пріятнѣйшихъ, что всѣ описываемыя въ нихъ безумія дѣлались не за тысячу лѣтъ, а совершаются теперь, сейчасъ, въ ту минуту, какъ я пишу, и будутъ совершаться въ ту минуту, какъ вы, любезный читатель, займетесь чтеніемъ моего отрывка. Доказательства и здѣсь совершеннѣйшая роскошь; разверните

Магелана, разверните Дюмонъ д'Юрвиля и читайте первое, что раскроется,—будетъ хорошо; вамъ или индѣецъ попадется какой-нибудь, который во славу Вишны сидитъ двадцать лѣтъ съ поднятой рукой и не утираетъ носу для пріобрѣтенія безконечной радости на томъ свѣтѣ, или женщина, которая изъ учтивости и приличія бросается на костеръ, на которомъ жгутъ трупъ мужа. Востокъ, классическая страна безумія, но, впрочемъ, и въ Европѣ очень удовлетворительные симптомы и въ ирландскомъ вопросѣ, и въ вопросѣ о пауперизмѣ, и во многихъ другихъ. Да, сверхъ того, въ Европѣ остались нѣсколько видоизмѣненными и всѣ азіатскія глупости, собственно перемѣнились только названія.

Здѣсь я останавливаюсь. Я хотѣлъ передать публикѣ на первый случай небольшой отрывокъ. Кто желаетъ болѣе знать по сей части, тотъ пусть купитъ курсъ психіатріи, когда онъ выйдетъ (о цѣнѣ и условіяхъ подписки своевременно черезъ Вѣдомости объявлено будетъ).

Объяснительное прибавленіе отъ автора.

Я не могу положить пера, не сказавъ еще нѣсколько объяснительныхъ и, такъ сказать, предупредительныхъ замѣчаній. Знаю я, что неблагонамѣренность обвинитъ меня въ желаніи блеснуть новизною, въ гордости и пренебреженіи къ больнымъ—за то, что я ихъ не считаю здоровыми. Совѣсть моя чиста. Не гордость и пренебреженіе, а любовь привела меня къ моей теоріи и, когда я совершенно убѣдился въ истинности ея, весь нравственный бытъ мой перемѣнился; мнѣ стало легко, упованія и надежды разцвѣли какъ въ молодости. Прежняя нетерпимость, готовность порицанія и осужденія замѣнились теплымъ чувствомъ сострадания къ больнымъ и вмѣсто желанія отвратительной мести за дѣйствія, явнымъ образомъ сдѣланныя подъ вліяніемъ болѣзни, явилось кроткое снисхожденіе и сильное желаніе помочь больному. (Я даже въ домѣ умалишенныхъ вывелъ наказанія, не желая вступать въ соревнованіе съ безумными, ни побѣждать ихъ въ нелѣпости). Что же касается до предполагаемаго мною обвиненія въ желаніи блеснуть новизною, то я обязанъ замѣтить, что въ разныхъ формахъ мысль медицинская, мною проведенная, являлась многимъ въ голову. Аристотель называлъ Анаксагора единымъ трезвымъ въ сонмѣ пьяныхъ. Спиноза видѣлъ одно безсиліе разума въ человѣкѣ безнравственномъ, Бентамъ прямо сказалъ: «что всякой преступникъ, прежде всего, дурной счетчикъ», человѣкъ съ здравымъ смысломъ не можетъ дурно считать. Бентамъ правъ; онъ, однако, не понялъ, что если преступникъ дѣлаетъ ариѳметическія ошибки слишкомъ грубыя, то всѣ остальные тоже дурные счетчики, но ошибаются въ мелочахъ или съ общаго со-

гласія. Люди окружены цѣлой атмосферой призрачной и одуряющей, всякой человѣкъ, болѣе или менѣе, какъ Матренина дочь (зри выше) съ малыхъ лѣтъ, при содѣйствіи родителей и семьи, пріобщается мало по малу къ эпидемическому сумасшествію окружающей среды (нѣмецкіе врачи называютъ эту болѣзнь der historische Standpunkt); вся жизнь наша, всѣ дѣйствія такъ и разсчитаны по этой атмосферѣ, въ томъ родѣ, какъ нелѣпыя формы ихтіозавровъ, мастодонтовъ были разсчитаны и сообразны первобытной атмосферѣ земного шара.

Мѣстами воздухъ становится чище, болѣзни душевныя укрощаются. Но не легко перерабатывается въ душѣ человѣческой родовое безуміе; большія усилія надобно употреблять для малѣйшаго шага. Вспомните романтизмъ,—эту духовную золотуху, одну изъ злотворнѣйшихъ психическихъ эпидемій, поддерживающую организмъ въ безпрерывномъ и неестественномъ раздраженіи, поселяющую отвращеніе къ всему дѣйствительному, практическому и истощающую страстями вымышленными.

Вспомните аристократизмъ, эту застарѣлую подагру нравственнаго міра, іудейскую проказу исключительной національности и пр.

Предвижу еще одинъ вопросъ. Что же ты, занимавшійся столько лѣтъ исторической психіатріей, открылъ ли какія-нибудь средства леченія? Что же плодъ твоихъ трудовъ?

Во первыхъ, истина, во вторыхъ, точка зрѣнія, въ третьихъ, я далеко не все сказалъ, а намекнулъ, означилъ, слегка указалъ только.

Средствъ я нашелъ мало, но средства есть. При дальнѣйшемъ развитіи органической химіи, при благодѣтельной помощи натуры можно будетъ выдѣлывать и поправлять вещество мозга.

Мы имѣемъ уже драгоцѣнныя наблюденія касательно возможности химически улучшать и видоизмѣнять духовную сторону, хотя она совершенно независима. Такъ напр., прилично употребленное леченіе шампанскимъ располагаетъ человѣка къ дружбѣ, въ доблести, къ чувствамъ радостнымъ и объятіямъ разверстымъ. Дѣйствуя же бургонскимъ, точно такимъ же образомъ, то есть отправляя его черезъ желудокъ въ вены и оттуда въ голову, выходитъ результатъ совсѣмъ иной: человѣкъ дѣлается мраченъ, несообщителенъ, болѣе склоненъ къ ревности, нежели къ любви, къ раскаянію, нежели къ наслажденію, къ плачу о грѣхахъ міра сего, нежели къ снисхожденію. Для меня тутъ ключъ къ психотерапіи, и вотъ я десятый годъ, не щадя ни издержекъ, ни здоровья, занимаюсь постоянно изученіемъ дѣйствія на умственныя способности вышеозначенныхъ медикаментовъ и разныхъ другихъ. Чего не сдѣлаетъ человѣкъ изъ пламенной любви къ наукѣ!

Москва, 10 февраля, 1846.

Aphorismata.

По поводу психіатрической теоріи д-ра Крупова.

Сочиненіе прозектора и адъюнктъ-профессора

ТИТА ЛЕВІАѲАНСКАГО.

Милостивый государь и господинъ редакторъ (имени и отчества, извините, не знаю)!

Въ заграничной періодикѣ, издаваемой вами, я съ удовольствіемъ прочиталъ введеніе въ психіатрію добрѣйшаго наставника и товарища моего д-ра Крупова. Я Семена Ивановича зналъ лично, любилъ, уважалъ и, могу сказать, отдалъ ему послѣдній дружескій долгъ, т. е. вскрылъ послѣ кончины его тѣло и обнаружилъ хроническую болѣзнь въ печени, которой онъ и не предполагалъ, но которая свела его въ могилу.

Увлекательная теорія покойнаго, во время ея появленія, сильно подѣйствовала на меня. Я долгое время былъ подъ ея вліяніемъ и самъ вездѣ, на практикѣ, въ житейскихъ отношеніяхъ и въ книгѣ, пріискивалъ новые факты и свидѣтельства въ подтвержденіе главныхъ положеній ея. Такъ напр., я въ одномъ англійскомъ авторѣ, Байронѣ, нашелъ замѣчательную по вѣрности мысль, «что если-бъ изъ Бедлама выпустить больныхъ, а здоровыхъ, внѣ Бедлама находящихся, запереть, то значительной перемѣны не было бы замѣтно» (Vid. Don. Juan, Can. XIV, v. 87). Другой англійскій писатель, Вильямъ Шекспиръ (читанный мною въ переводѣ одного изъ моихъ сотоварищей Н. Хр. Кетчера), намекнулъ на это, говоря, что «сумасшедшаго датскаго принца затѣмъ и посылаютъ въ Англію, чтобъ его состояніе не было замѣтно въ странѣ, гдѣ всѣ поврежденные». Неудивительно, что именно на этомъ островѣ и выразился первый свободный, энергическій протестъ одного лично поврежденнаго, который, содержась въ больницѣ, сказалъ врачу: «Весь свѣтъ меня считаетъ поврежденнымъ, а я весь свѣтъ считаю такимъ же. Бѣда моя въ томъ, что *большинство* со стороны всего свѣта».

Но не буду наполнять моего письма цитатами; скажу напротивъ, что впослѣдствіи во мнѣ возникли нѣкоторыя сомнѣнія, не въ главномъ положеніи д-ра Крупова, однако же въ вещахъ очень важныхъ.

Лѣтами гораздо постарѣе меня, С. И. принадлежалъ еще къ слушателямъ знаменитаго профессора М. Я. Мудрова, въ силу чего и получилъ нѣсколько религіозно-мистическое и отчасти франкъ-массонское направленіе.

Я же, какъ студентъ Дядковскаго и М. Г. Павлова, ими былъ наведенъ на направленіе болѣе философское. Наведенъ, но не удовлетворенъ, а оставленъ на собственныя силы.

Нѣкоторыя возраженія я тогда помѣтилъ и для большей доступности написалъ ихъ по-латыни. Но не только не далъ имъ никакого развитія, но даже не привелъ въ систематическій порядокъ.

По обязанностямъ моего служенія, я посвящаю время свое людямъ, уже кончившимъ свою жизнь, и, такъ какъ долгъ относительно ихъ и мой интересъ собственно начинаются съ полицейскаго удостовѣренія о приключившейся кончинѣ, то и не трудно понять, что, имѣя большую практику, какъ отъ университетской больницы, такъ и отъ военнаго госпиталя, поставляющаго намъ въ обиліи трупы, я занимался психіатрическими возраженіями, въ феріахъ и каникулахъ, не какъ моимъ спеціальнымъ дѣломъ, но скорѣе отдохновительнымъ extra.

Впослѣдствіи, при возрастающихъ занятіяхъ, благодаря акклиматизаціи холеры и укорененію простого и возвратнаго тифа, я забылъ о моей тетради, какъ вдругъ одинъ изъ коллеговъ, ѣздившій въ Германію, привезъ съ собой нумеръ издаваемой вами періодики (имя его, по причинамъ, понятнымъ вамъ, я считаю долгомъ, до поступленія его въ прозекторскую, умолчать), — въ немъ я нашелъ сочиненіе учителя и наставника моего, д-ра Крупова, вульгаризированнымъ на французскій языкъ. Невольно вспомнилъ я тетрадку свою, перечиталъ ее, исправилъ, мѣстами перебѣлилъ и, пользуясь отправленіемъ за границу нашего добрѣйшаго Киліана Вильгельмовича, профессора теологической экзегезы и автора извѣстнаго сочиненія объ отношеніи богословія къ анатоміи и христіанства къ терапіи, рѣшился послать вамъ. Если вы не найдете ничего неприличнаго въ помѣщеніи сего слабаго, но искренняго опыта,—мое уваженіе къ памяти Семена Ивановича не допустило бы меня ни въ какомъ случаѣ до выраженій, лишенныхъ урбанности,—то сочту это для себя одолженіемъ, ибо въ отечествѣ нашемъ послѣ уничтоженія цензуры и увеличенія отвѣтственности, не полагаю, чтобъ это сочиненіе было къ печати допущено; особенно при нынѣшнемъ теократическомъ направленіи

полиціи и администраціи и полицейской тенденціи православныхъ служителей алтаря.

Пожелаете ли перевести, или напечатать по-латыни мои *афоризмата*,—это совершенно зависитъ отъ васъ. Полагаю, латинскій языкъ популярнѣе.

Позвольте, М. Г., г. Редакторъ,
засвидѣтельствовать о чувствахъ
глубокоуваженія, съ которыми пребываю
Титъ Левіаѳанскій,
Prosector et anatomiae professor adj.

P. S. Адреса не пишу, такъ какъ отвѣта по почтѣ получить не желаю, по обстоятельствамъ, моего уваженія къ вамъ не уменьшающимъ...

T. L. pr.

. . . Левіаѳанскій, Левіаѳанскій, да еще Титъ! Я думалъ, что съ Титомъ Каменецкимъ, издавшимъ тридцать тисненій всеобщей пространной и краткой географіи, Титы въ Россіи кончились. Вѣрно псевдонимъ тоже «по обстоятельствамъ, не уменьшающимъ уваженіе». Что касается до фамиліи,—семинарія за такими бездѣлицами не останавливается: развѣ нѣтъ у насъ разныхъ Крестовоздвиженскихъ, Федоростудитенскихъ, Геѳсеманійскихъ, Ризоположенскихъ, не говоря о старыхъ знакомыхъ Круциферскомъ и Кафернаумовѣ?

При письмѣ была тетрадь, написанная мельчайшимъ шрифтомъ, семинарскимъ почеркомъ и медицинской латынью. Я по-латыни никогда хорошо не зналъ, да и то, что зналъ, забылъ. По счастію, теперь во всѣхъ городахъ игорныхъ, гидро-терапевтическихъ и гидро-минеральныхъ заводятъ православныя часовни. Переводъ сдѣланъ мною сообща съ однимъ священникомъ; усердно благодаря его, я долженъ въ очистку его сказать, что онъ сталъ мнѣ помогать только послѣ явственнаго удостовѣренія съ моей стороны, что все относящееся до религіи у Тита Левіаѳанскаго, какъ и д-ра Крупова, относится къ лжекатолической религіи и къ лютеровымъ ересямъ, а не къ православной церкви.

Когда я перевелъ первый афоризмъ, я испугался, но вскорѣ догадался, что прозекторъ «лично» сумасшедшій, въ доказательство чего и печатаю переводный отрывокъ.

APHORISMATA.

I.

Вѣрность, съ которой многоуважаемый авторъ разбираемой мною диссертаціи опредѣлилъ *родовое* единство двухъ видовъ помѣшательства, повальнаго и личнаго, составляетъ неоспоримую заслугу д-ра Крупова.

Онъ былъ весьма близокъ къ тому, чтобы вывести прочный фундаментъ для медицинскаго пониманія *всемірной исторіи.* Но, по несчастію, онъ, какъ многіе изъ великихъ врачей до него, отступая отъ опыта, допустилъ преждевременныя заключенія *о цѣли*, и черезъ то запутался въ религіозно-метафизическія фантасмагоріи.

Авторъ въ «историческомъ безуміи» видитъ *средство* (кѣмъ взятое?), «благодѣтельную горячку», какъ онъ выражается, для излеченія отъ «животности» и видитъ его медленное, но вѣрное уменьшеніе, а посему и ожидаетъ *перерожденія рода человѣческаго*, что многіе дѣлали и прежде него, но главное состоитъ въ томъ, что онъ на *этомъ свѣтѣ* ждетъ свою метемпсихозу.

Допуская это, мы изъ предверья науки уносимся въ пучину мистическихъ волнъ и возвратимся къ младенческимъ степенямъ ума и пониманія, которыя и были, можетъ быть, полезны и необходимы для мозгового роста, какъ прорѣзываніе зубовъ, но которыя въ совершеннолѣтіи безъ уродства повторяться не должны. Сюда мы причисляемъ всякаго рода *ожиданія*: пророковъ, мессій, пятаго царства, братства, справедливости и другихъ предназначенныхъ прогрессовъ.

Притомъ замѣтимъ, что всѣ послѣдовательные богословы, храмовые [1]), церковные и академическіе, ставили всегда отвлеченный идеалъ свой, какъ бы они его ни понимали, внѣ исторической жизни, что значительно уменьшаетъ погрѣшность ихъ.

Такъ, язычники искали его въ до-историческомъ времени, въ дикомъ состояніи, называемомъ *золотымъ вѣкомъ*, въ него переносили свои мечты о непорочности, незнаніи, простотѣ и другихъ отрицательныхъ добродѣтеляхъ и положительныхъ неразвитіяхъ, которыми преисполнены и поднесь орангутанги и лемуры. Такъ, христіанство ожидало въ сущности царства небеснаго, а не земного. Оно сѣяло *здѣсь* для предвѣчнаго жнитва *тамъ*. Церковь считала здѣшнюю жизнь, которой надобно было пройти, дурной

[1]) Т. е. не тампліеры, а язычники, молитву творившіе въ капищахъ, божницахъ и «храмахъ», въ противоположность христіанамъ, молитвословящимъ въ церквахъ.

(Примѣчаніе батюшки, помогавшаго въ переводѣ).

дорогой и старалась слегка и немного посыпать ее щебнемъ, нисколько не думая объ окончательномъ ея устройствѣ.

Остальные теологи безцерковные, какъ Вольтеръ и Руссо и другіе бого-и антропо-теофилы прошлаго вѣка и нашего, всѣ принимали для исполненія идеала своего *иной свѣтъ*, или такъ называемый *тотъ свѣтъ*, о которомъ, по занятіямъ моимъ въ прозекторской, я всего меньше имѣлъ случай сдѣлать какія-нибудь наблюденія, и дѣйствительно не знаю, существуетъ онъ или нѣтъ, и, если существуетъ, то какъ къ нашему прилагается. Для меня всегда было неясно (и я смиренно въ томъ вижу отсутствіе выспреннихъ способностей), какъ можетъ *привычка къ существованію* переживать *существующаго*. Но въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не объ объективномъ бытіи, т. е. о бытіи *въ самомъ дѣлѣ того свѣта*, но о логичности его постановленія у теологовъ, безцерковныхъ и церковныхъ.

Даже тѣ изъ богослововъ, которые, какъ *деисты*, сознаютъ, что они *постичь* не могутъ высшее существо и только *чтутъ его, не понимая*—сознаваясь, что ничего, ни хорошаго, ни дурного, о немъ не знаютъ—и они приняли несовмѣстимость понятія здѣшней жизни съ освобожденіемъ отъ ея условій. Въ силу чего они, допуская прогрессъ, допустили «*безконечность*» его, т. е. поставили цѣлью усилій человѣческихъ поступательное движеніе безъ достиженія, что совершенно подходитъ къ психіатрической діагнозѣ безумія, блестяще чиноположенной нашимъ авторомъ.

Какъ же онъ, *сей* [1]) врачъ, постигнувшій, что люди дѣйствуютъ только подъ вліяніемъ извѣстнаго состоянія мозга, называемаго нами патологическимъ или фантасмагорическимъ, какъ же онъ не понялъ, что другого *чистаго* мозга вовсе нѣтъ и быть не можетъ, какъ чистаго (математическаго) маятника, какъ нормально здороваго человѣка. Онъ думаетъ, что это будетъ по излеченіи, а мы спрашиваемъ, какъ же *постоянное состояніе* какого-нибудь животнаго рода или вида можетъ излечиться, хотя бы оно имѣло свои неудобства, какъ слѣпота крота—это не болѣзнь, а *особенность*, *признакъ*.

Какъ же, повторяю, врачъ, чиноположившій отличительныя свойства того, что называется безуміемъ, въ силу котораго окружающіе предметы сознаются неправильно, но и не произвольно, въ болѣзненномъ упорствѣ сохранить это сознаніе, даже при вредѣ себѣ, въ стремленіи къ цѣлямъ несуществующимъ, съ упущеніемъ цѣлей дѣйствительныхъ, могъ усомниться въ его вѣчной необходимости для исторіи и прогресса.

---

[1]) Батюшка непремѣнно просилъ оставить «сей»; онъ находилъ, что *этотъ* «указательно», а *сей* «сугубо указательно».

Семенъ Ивановичъ, прослѣдившій свою мысль у постели больного, у своего очага (съ кухаркой Матреной Бучкиной), въ домѣ друзей своихъ (у Анны Ѳедоровны), въ присутственныхъ мѣстахъ своего города, во Всеобщей Аугсбургской газетѣ, въ путешествіяхъ отъ Магелана, Васко-де-Гама, Марка Поло «до Дюмонъ Дюрвиля», въ бытописаніяхъ отъ Геродота, Тита Ливія «до отечественнаго Карамзина»,—какъ же онъ, видя такъ много, не усмотрѣлъ главнаго (не будемъ упрекать человѣка, сдѣлавшаго много, за то, что онъ не сдѣлалъ всего,—силы человѣка сочтены): что безъ хроническаго, родового помѣшательства прекратилась бы всякая государственная дѣятельность, что съ излеченіемъ отъ него остановилась бы исторія. Не было бы ей занятія, не было бы въ ней интереса. Не въ умѣ сила и слава исторіи, да и не въ счастьи, какъ поетъ старинная пѣсня, а *въ безуміи.*

Безъ него мы были бы сведены на логику и математику.

Оставимъ же навсегда дѣтскую кичливость, съ которой шведъ Линней, лучше знавшій воспроизводительныя части растеній, чѣмъ мозги человѣческіе, назвалъ человѣка *мудрымъ*, homo sapiens, и противупоставилъ ему человѣка безумнаго—homo insanus, человѣка, съ безконечнымъ творчествомъ мѣняющаго idées fixes и пункты помѣшательства и постоянно пребывающаго вѣрнымъ безумію. Если у людей являлась рѣдкая манія жить по чистому разуму и по разуму устроиться, то она количественно всегда такъ была незначительна, что ее можно отнести къ личнымъ умопомѣшательствамъ, а не къ тѣмъ, которыми зиждятся царства и имперіи, народы и цѣлыя эпохи.

Умомъ и словомъ человѣкъ отличается отъ всѣхъ животныхъ. И такъ, какъ безуміе есть творчество ума, такъ вымыселъ—творчество слова.

Одно животное пребываетъ въ бѣдной правдивости своей и въ жалкомъ здравомъ смыслѣ. Природа молчитъ или звучитъ безсвязно, ибо она-то и находится подъ безвыходнымъ самовластьемъ разума, въ то время, какъ человѣкъ городитъ цѣлыя Магабараты и Урвазіи. Все сковано въ природѣ желѣзною необходимостью, она не усовершается, не домогается, не ждетъ обновленья и искупленья, она только перерабатывается, «не вѣдая, что творитъ»,—и въ эту-то кабалу, въ этотъ домъ безъ хозяина, безъ добродѣтелей и пороковъ, толкаютъ человѣка подъ предлогомъ излеченія?

Отнимите у людей сказки и бредни, библіи и апокалипсисы, вѣру въ пришествіе вѣчнаго міра и таковаго же братства,—и родъ человѣческій, какъ Калигула, возжелаетъ имѣть едину главу и едину каротиду, чтобъ перерѣзать ее однимъ ударомъ бистурія.

Посему и неудивительно, что всѣ пророки и законодатели

ставили въ основу своей проповѣди и закона фантазію; что всѣ моралисты соединяются на томъ, что самый необходимый даръ есть *даръ вѣры*, а вѣрить только въ то и надобно, чего доказать нельзя.

Необходимость фантазіи неотрицаема, и дѣло вовсе не въ основахъ, не въ теодицеяхъ, не въ догматахъ (и въ личномъ безуміи, главное совсѣмъ не въ пунктѣ помѣшательства; патологическое состояніе можетъ быть одно и то же, воображаетъ ли себя больной сверчкомъ въ щели или шавкой на дворѣ). Только поверхностные и сентиментальные наблюдатели могли негодуя удивляться, что человѣка третьяго дня травили львами и тиграми за то, что онъ не вѣритъ въ громовержца, а вѣритъ въ Спасителя, вчера жгли за то, что онъ вѣритъ въ Спасителя, но не вѣритъ въ завѣдующаго дѣлами его папу, а сегодня убиваютъ французами за то, что онъ вѣритъ въ папу, какъ въ управителя Христова, но не вѣритъ въ него, какъ въ царя итальянскаго.

Посему-то я всегда и оправдывалъ самаго послѣдовательнаго религіознаго инквизитора и гонителя—Максимиліана Робеспьера; онъ стоитъ гораздо выше Діоклетіана, Кальвина, Филиппа II и др., чему, конечно, обязанъ успѣхамъ философіи и гуманности въ XVIII вѣкѣ. Тѣ жгли своихъ противниковъ, онъ рубилъ головы людямъ не за то, что они *не такъ* вѣрили, какъ онъ, а просто за то, что они не вѣрили ни во что, кромѣ разума. Онъ очень послѣдовательно казнилъ Анахарсиса Клоотса и его товарищей, понимая, что какъ только изъ подъ ногъ человѣка выдернутъ треножникъ мистики, такъ онъ и падетъ въ самое жалостное положеніе.

Все, что намъ дорого и изъ-за чего мы такъ обильно льемъ кровь ближняго, а иногда и свою, все имѣетъ глубокіе корни въ безуміи и не имѣетъ *ихъ развѣ его*... Безконечность и безсмертіе, честь и слава, воля человѣческая и воля Божія, обѣ свободныя, одна подчиненная другой и *обѣ другъ другу не мѣшающія, несмотря на необходимость*, въ коей обѣ движутся [1]). Будто это можно понять, не сойдя съ ума?... Да и зачѣмъ воздерживаться, когда все зоветъ къ безумію, все жило и живетъ имъ.

Пусть же великое и покровительствующее безуміе, хранящее и утѣшающее, исправляющее и ведущее насъ чрезъ вѣка и океаны, пусть же оно и впредь сопровождаетъ насъ во вѣки вѣковъ, пока родъ человѣческій не поглотится геологическимъ переворотомъ. И пусть передъ его торжественнымъ шествіемъ не-

---

[1]) Насчетъ замѣчательнаго остро-безумнаго сочетанія совершеннаго произвола съ совершенной необходимостью, какъ о сильнѣйшемъ признакѣ, пишу особый аргументъ.

сется, какъ и прежде, то лучезарное, то въ облакахъ, то полное, то съ ущербомъ, *свѣтило разума*, пребывающее, какъ луна, все въ томъ же разстояніи отъ земнаго шара, какъ бы онъ ни торопился.

А посему, наставникъ и другъ, Семенъ Ивановичъ, воскликнемъ вмѣстѣ съ латинскимъ классикомъ, но относя слова его къ святому безумію рода человѣческаго: Tu urbes peperisti, tu homines dissipatos in societates convocasti! [1]).

Т. Левіаѳанскій.

---

[1]) Не знаю, помнитъ ли теперь кто-нибудь небольшую повѣсть мою «Докторъ Круповъ». Она была напечатана въ 1847 году въ «Современникѣ» и имѣла нѣкоторый успѣхъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, *Круповъ* явился во французскомъ переводѣ въ одномъ парижскомъ Revue. *Двадцать* лѣтъ спустя, въ 1867 году, меня просили прочесть что-нибудь въ близкомъ кругу друзей, собиравшихся то у насъ, то у извѣстнаго физіолога *Шифа* во Флоренціи. Я вспомнилъ переводъ *Крупова* и прочелъ его. Слушатели были очень довольны, Шифъ настоятельно требовалъ, чтобы я перепечаталъ его. Одинъ итальянскій литераторъ просилъ текстъ для перевода на итальянскій языкъ. Мой Круповъ, какъ Лазарь, снова ожилъ. Перечитывая его, мнѣ пришли въ голову «рефлексіи и контроверзіи» прозектора Левіаѳанскаго и я ихъ написалъ собственно для Шифа.

Карлъ Фогтъ, смѣясь, требовалъ отвѣта Левіаѳанскому, обвиняя его въ скрытомъ деизмѣ, на томъ основаніи, что онъ своего бога спряталъ въ *фонарь*, котораго вовсе нѣтъ. Но я побоялся, что одна и та же шутка утомитъ.

Мимоѣздомъ.

(Отрывокъ).

..... Ѣхавши какъ-то изъ деревни въ Москву, я остановился дни на два въ одномъ губернскомъ городѣ. На другое утро явилась ко мнѣ жена одного крестьянина изъ нашей вотчины, который торговалъ тутъ. Она была въ отчаяніи, мужъ ея сидѣлъ шестой мѣсяцъ въ острогѣ, и до нея дошелъ слухъ, что его скоро накажутъ. Я разспросилъ дѣло; никакой важности въ преступленіи его не было.

Я знавалъ когда-то товарища предсѣдателя, честнѣйшаго человѣка въ мірѣ и большого оригинала; отправляюсь прямо къ нему въ уголовную палату; присутствіе еще не начиналось, мой старичекъ съ своимъ добродушнымъ лицомъ и съ синими очками на глазахъ сидѣлъ одинъ одинехонекъ, читая страшной толщины дѣло. Мы съ нимъ не видались года три, онъ обрадовался мнѣ, и я ему обрадовался, не потому, чтобы мы другъ друга особенно любили, а потому, что человѣкъ всегда радуется, когда увидитъ знакомыя черты послѣ долгаго отсутствія. Я сказалъ ему о причинахъ моего появленія. Онъ велѣлъ подать дѣло; резолюція была подготовлена, я попросилъ его обратить вниманіе на нѣкоторыя «облегчающія обстоятельства», онъ согласился въ возможности уменьшить наказаніе.

Поблагодаривши его, я не могъ удержаться, чтобы не сказать ему, дружески взявши его за руку:

— «Владиміръ Яковлевичъ, ну, а если-бъ я не пришелъ, да не попросилъ бы васъ перечитать дѣло, мужика-то бы наказали строже, нежели надобно».

— Что дѣлать, батюшка, отвѣчалъ старикъ, поднимая свои синія очки на лобъ,—совѣсть у меня чиста; я, не читавши всего дѣла, никогда не подпишу протокола, но, признаюсь, какъ огня боюсь отыскивать облегчающія причины.

— «Ну, васъ нельзя обвинить ни въ снисходительности, ни въ особомъ желаніи облегчить участь подсудимаго».

— Совсѣмъ напротивъ. Я двадцатый годъ служу въ этой палатѣ, а всякой разъ, какъ придется подписывать строгій приговоръ, такъ мурашки по тѣлу пробѣгутъ.

— «Такъ отчего же вы не любите облегчающихъ обстоятельствъ?»

— Ведутъ далеко, вотъ что; право, вы, нынѣшніе, все только вершки хватаете,—ну, вѣдь, вы чай служили тамъ гдѣ-нибудь въ министерствѣ, а дѣла навѣрно въ руки не брали; но вамъ оно все темная грамота. Не хотите ли позаняться у насъ въ архивѣ, прочтите дѣла хоть за два послѣдніе года, впередъ пригодится,—и судопроизводство узнаете, и людей тоже. Тутъ и поймете, что такое отыскивать оправданія и куда это ведетъ.

— «Благодарю за доброе предложеніе; однако прежде, нежели я переѣду въ вашъ архивъ на нѣсколько мѣсяцевъ, скорѣе не прочтешь двухъ полокъ, объясните теперь еще болѣе непонятное для меня отвращеніе ваше отъ облегчающихъ обстоятельствъ. Хлопотъ, что ли, много, времени не достаетъ рыться въ каждомъ дѣлѣ?»

— Господи, прости мои прегрѣшенія, да что я, батюшка, въ вашихъ глазахъ турка или якобинецъ какой, что изъ лѣни (замѣтьте, якобинцевъ во всемъ обвиняли прежде, но исключительно Владиміру Яковлевичу принадлежитъ честь обвиненія ихъ въ лѣни) стану усугублять участь несчастнаго; говорю вамъ, далеко поведетъ.

— «Воля ваша, я готовъ согласиться, что я непростительно тупъ, но не понимаю васъ».

— О... о... охъ эти мнѣ петербургскіе чиновники, портфельчикъ эдакой сафьянной съ золотымъ замочкомъ подъ мышкой, а плохіе дѣльцы. Да помилуйте, возьмите любое дѣло, да начните отыскивать облегчающія обстоятельства, отъ одного къ другому, отъ другого къ третьему, такъ къ концу-то и выйдетъ, что виноватаго вовсе нѣтъ. Что же за порядки?

— «Тѣмъ лучше».

— Такъ это, по вашему, за все по головкѣ гладить. Это гдѣ-нибудь въ Филадельфіи хорошо, гдѣ люди другъ друга ѣдятъ; какъ же въ благоустроенномъ обществѣ виноватаго не наказать?

— «Да какой же онъ виноватый, когда вы сами найдете ему оправданіе?»

— Ну, да эдакъ и всякаго оправдаешь, коли дать волю мудрованіямъ. Я развѣ затѣмъ тутъ посаженъ? Я стараго покроя человѣкъ, мое дѣло буквальное исполненіе; да и такъ не хорошо,—ну, какъ же видишь, что человѣкъ укралъ. Воръ есть, а

тутъ пойдетъ... да онъ отъ голоду укралъ, да мать больна, да отецъ умеръ, когда ему было три года, онъ по міру съ тѣхъ поръ ходилъ, привыкъ бродяжничать... и конца нѣтъ; такъ вора и оставить безъ наказанія? Нѣтъ, батюшка, собственное сознаніе есть, улики есть,—прошу не гнѣваться, XV томъ свода законовъ, да статейку. Вотъ оттого эти облегчительныя обстоятельства для меня ножъ вострый, мѣшаютъ ясному пониманію дѣла. Теперь я, знаете, понаторѣлъ и попривыкъ, а бывало сначала, ей Богу, измучишься, такой скверной нравъ. Ночью придетъ дѣло въ голову, вникнешь, поразсудишь, не виноватъ да и только, точно на смѣхъ уснуть не даетъ, кажется изъ чего хлопотать, не то, что родной или другъ, а такъ бродяга, мерзавецъ, бѣглый... Поди ты, а сердце кровью обливается. Оправдай этого, оправдай другого, а тамъ третьяго... На что же это похоже, я себя на службѣ не замаралъ, честное имя хочу до могилы сохранить. Что же начальство скажетъ, все оправдываетъ, словно дуракъ какой-нибудь, да и самому совѣстно. Я думалъ, думалъ, да и пересталъ искать облегчающихъ причинъ. Наша служба мудреная, не то что въ гражданской палатѣ,—довѣренность засвидѣтельствовалъ, купчую совершилъ, духовную утвердилъ, отпускную скрѣпилъ, да и спи спокойно. А тутъ подумаешь, такой-то Еремѣй, вотъ двѣ недѣли тому назадъ, тутъ стоялъ, говорилъ, а идетъ теперь по Владимірской; такая-то Акулина идетъ тоже, да и знаете того... на ногахъ... ну, и сдѣлается жаль. Понимаете теперь?

— «Понимаю, понимаю, добрѣйшій и почтеннѣйшій Владиміръ Яковлевичъ. Прощайте, этого разговора я не забуду».

— Пожалуйста, батюшка, по Питеру-то не разсказывай такого вздору, ну, что скажетъ министръ или особа какая:—«Баба, а не товарищъ предсѣдателя».

— «О, нѣтъ, нѣтъ, будьте увѣрены,—я вообще съ особами ни о чемъ не говорю».

Москва, май, 1846.

Долгъ прежде всего.

ПОВѢСТЬ.

«Я считалъ бы себя преступнымъ, если-бъ не исполнилъ и въ сей настоящій годъ *священнаго долга* моего и не принесъ бы Вашему Превосходительству напусерднѣйшаго поздравленія съ наступающимъ высокоторжественнымъ праздникомъ».

I.

За воротами.

Сыну Михайла Степановича Столыгина бѣло лѣтъ четырнадцать... но съ этого начать невозможно; для того, чтобъ принять участіе въ сынѣ, надобно узнать отца, надобно сколько-нибудь узнать почтенное и доблестное семейство Столыгиныхъ. Мнѣ даже хотѣлось бы основательно познакомить читателей моихъ съ нимъ, но не знаю, какъ лучше приняться.

Мнѣ приходило въ голову начать съ историческихъ преданій ихъ знаменитаго рода. Я хотѣлъ слегка упомянуть, какъ Трифонъ Столыгинъ успѣлъ въ двѣ недѣли три раза присягнуть, разъ Владиславу, разъ Тушинскому вору, разъ не помню кому,—и всѣмъ измѣнилъ; я хотѣлъ описать ихъ богатыя достоянія, ихъ села, въ которыхъ церкви были пышно украшены благочестивыми и смиренными приношеніями помѣщиковъ, повидимому, не столь смиренныхъ въ свѣтскихъ отношеніяхъ, что доказывали полуразвалившіяся, кривыя, худо крытыя и подпертыя шестами избы; но боясь утомить вниманіе ваше, я скромно рѣшаюсь начать не дальше какъ за воротами большаго московскаго дома Михайла Степановича Столыгина, что на Яузѣ. Ограда около дома каменная, вороты толстаго дерева, съ одной стороны калитка истинная, съ другой—ложная, для симметріи, въ ней вставлена доска, на доскѣ сидитъ обтерханый старикъ, повидимому нищій.

Старикъ этотъ, впрочемъ, не былъ нищій, а дворникъ Михайла Степановича.

Пятьдесятъ второй годъ пошелъ съ тѣхъ поръ, какъ красивый русый юноша Ефимка вышелъ въ первый разъ за эти ворота съ метлою въ рукахъ и горькими слезами на глазахъ. Дядя Михаила Степановича, объѣзжая свои помѣстья, привезъ его изъ Симбирска, не потому что ему особенно нуженъ былъ мальчикъ, а такъ, ему понравился добрый видъ Ефимки, онъ и рѣшился устроить его судьбу. Устроилъ онъ ее прочно, какъ видите. Ефимка мелъ юношей, мелъ съ пробивающимся усомъ, мелъ съ окладистой бородой, мелъ съ просѣдью, мелъ совсѣмъ сѣдой и теперь мететъ съ пожелтѣвшей бородой, съ ногами, которыя подгибаются, съ глазами, которые плохо видятъ. Одно сберегъ онъ отъ юности—названіе Ефимки; впрочемъ страннѣе этого патріархальнаго названія было то, что онъ дѣйствительно не развился въ Ефима. По мѣрѣ того какъ онъ свыкался съ своей одинокой жизнію, по мѣрѣ того какъ страсть къ двору и къ улицѣ у него дѣлалась сильнѣе и доходила до того, что онъ вставалъ раза два, три ночью и осматривалъ дворъ съ пытливымъ любопытствомъ собаки, несмотря на то, что вороты были заперты и двѣ настоящихъ собаки спущены съ цѣпи,—въ немъ пропадала и живость и развязность, кругъ его понятій становился уже и уже, мысли смутнѣе, тусклѣе. Разъ, лѣтъ за двадцать до нашего разсказа, ему взошла въ голову дурь—жениться на кучеровой дочери; она была и не прочь, но баринъ сказалъ, что это вздоръ, что онъ съ ума сошелъ, съ какой стати ему жениться, — тѣмъ дѣло и кончилось. Ефимка потосковалъ, никому не говорилъ о томъ ни слова и сталъ попивать. Къ старости онъ сдѣлался кроткимъ, тихимъ звѣремъ, страдавшимъ отъ холода и отъ боли въ поясницѣ, веселившимся отъ сивухи и нюхательнаго табаку, который ему поставлялъ сосѣдній лавочникъ за то, чтобъ онъ мелъ улицу передъ лавочкой. Другихъ сильныхъ страстей у него не было, если мы не примемъ за страсть его безусловной послушливости всѣмъ, кто хотѣлъ приказывать, и безграничнаго страха передъ Михайломъ Степановичемъ.

Нельзя сказать, чтобы сношенія Ефимки съ Михайломъ Степановичемъ были особенно часты или важны; они ограничивались строгими выговорами, сопряженными съ сильными угрозами за то, что мостовая портится, за то, что тротуарные столбы гніютъ, за то, что за нихъ зацѣпляются телѣги и сани; Ефимка чувствовалъ свою вину и со вздохомъ поминалъ то блаженное время, когда улицъ не мостили и тротуаровъ не чинили по очень простой причинѣ, потому что ихъ не было.

Сношеніе другого рода, болѣе пріятное и торжественное, по-

вторялось всякой годъ одинъ разъ. Въ Свѣтлое Воскресеніе вся дворня приходила христосоваться съ бариномъ; причемъ Михайло Степановичъ, обыкновенно угрюмый и раздраженный, мѣнялъ гнѣвъ на милость и дарилъ своихъ слугъ ласковымъ словомъ—отчасти въ предупрежденіе другихъ подарковъ.

— А помнишь, говорилъ ежегодно Михайло Степановичъ Ефимкѣ, обтирая губы послѣ христосованья, помнишь, какъ ты меня возилъ на салазкахъ и дѣлалъ снѣговую гору? Сердце прыгало отъ радости у старика при этихъ словахъ и онъ торопился отвѣчать:

— «Какъ же, батюшка, кормилецъ ты нашъ, мнѣ-то не помнить, оно, вѣдь, еще при покойномъ дядюшкѣ вашей милости, при Львѣ Степановичѣ было, помню, вотъ словно вчера».

— Ну, оно вчера не вчера, прибавлялъ Михайло Степановичъ, улыбаясь, а небось пятой десятокъ есть. Смотри же, Ефимка, праздникъ праздникомъ, а улицу мети, да пьяныхъ много теперь шляется, такъ ты, какъ смеркнется, вороты и запри. Что не крадутъ ли булыжникъ?

— «Словно глазъ свой берегу, батюшка, и ночью выхожу разъ, другой поглядѣть», отвѣчалъ дворникъ,—и баринъ давалъ знакъ, чтобъ онъ шелъ съ краснымъ яйцомъ, даннымъ ему на обмѣнъ.

Этимъ періодическимъ разговоромъ ограничивались личныя сношенія двухъ ровесниковъ, жившихъ лѣтъ пятьдесятъ подъ одной крышей. Ефимка бывалъ очень доволенъ аристократическими воспоминаніями и обыкновенно вечеромъ въ первый праздникъ, не совсѣмъ трезвый, разсказывалъ кому-нибудь въ грязной и душной кучерской, какъ было дѣло, прибавляя: «Вѣдь, подумаешь, какая память у Михайла-то Степановича, помнитъ что,—а, вѣдь, это сущая правда, бывало меня заложитъ въ салазки, а я вожу, а онъ-то знай кнутикомъ погоняетъ, ей Богу, а сколько годовъ подумаешь», и онъ, качая головою, развязывалъ онучи и засыпалъ на печи, подложивши свой армякъ (постели онъ еще не успѣлъ завести въ полвѣка), думая вѣроятно о суетѣ жизни человѣческой и о прочности нѣкоторыхъ общественныхъ положеній, напримѣръ, дворниковъ.

Итакъ, Ефимка сидѣлъ у воротъ. Сначала онъ медленно, больше изъ удовольствія, нежели для пользы подгонялъ грязную воду въ канавѣ метлой, потомъ понюхалъ табаку, посидѣлъ, посмотрѣлъ и задремалъ. Вѣроятно, онъ довольно долго бы проспалъ, въ товариществѣ дворной собаки плебейскаго происхожденія, черной съ бѣлыми пятнами, длинною жесткою шерстью и изгрызаннымъ ухомъ, котораго сторонки она приподнимала врозь, чтобъ сгонять мухъ, если бы ихъ обоихъ не разбудила женщина среднихъ лѣтъ.

Женщина эта, тщательно закутанная, въ шляпкѣ съ опущеннымъ вуалемъ, давно показалась на улицѣ; она медленно шла по противуположному тротуару и съ безпокойнымъ вниманіемъ смотрѣла, что дѣлается на дворѣ Столыгина. На дворѣ все было тихо, казачекъ въ сѣняхъ пощелкивалъ орѣхи, кучеръ возлѣ сарая чистилъ хомутъ и курилъ изъ крошечнаго чубука, однако и этого довольно было, чтобъ отстращать ее; она прошла мимо и черезъ четверть часа явилась на томъ тротуарѣ, на которомъ спалъ Ефимъ. Собака заворчала было, но вдругъ бросилась со всѣми собачьими изъявленіями радости къ женщинѣ, она испугалась ея ласкъ и отошла, какъ можно скорѣе. Осмотрѣвши еще разъ, что дѣлается на дворѣ, она рѣшилась подойти къ Ефиму и назвать его.

— «А-сь», пробормоталъ Ефимъ, «чего вамъ?» Онъ не былъ такъ счастливъ, какъ его пріятель съ раздвоеннымъ ухомъ, и не узналъ, кто съ ними говоритъ.

«Ефимушка, продолжала незнакомка, вызови сюда Кирилловну».

— «Настасью Кирилловну, а на что вамъ ее?» спросилъ дворникъ, что-то запинаясь.

— «Да ты меня развѣ не узнаешь?»

— «Ахъ, ты, мать пресвятая Богородица», отвѣчалъ старикъ и вскочилъ съ лавки, «глаза-то, какіе стали, матушка... Экъ я кого не спозналъ, простите матушка, изъ ума выжилъ на старости лѣтъ, такъ ужъ никуда не гожусь».

«Послушай, Ефимъ, мнѣ нѣкогда, коли можно, вызови Настасью».

— «Слушаю, матушка, слушаю, отчего же нельзя, — оно все можно, я сейчасъ для тебя-то сбѣгалъ бы,—да вотъ, мать ты моя родная, и старикъ чесалъ пожелтѣлые волосы свои,—да какъ бы то есть Титъ-то Трофимовичъ не свѣдалъ?»

Женщина смотрѣла на него съ состраданіемъ и молчала; старикъ продолжалъ:

— «Боюсь, охъ боюсь, матушка, кости старыя, лѣта какія, а, вѣдь, у насъ кучеръ Неппадистъ, не приведи Господь, какая тяжелая рука, такъ въ конюшнѣ Богу душу и отдашь, христіанскій долгъ не исполнишь».

Старикъ еще не кончилъ своей рѣчи, какъ изъ воротъ выскочила старушонка худощавая, подслѣпая, вся въ морщинахъ, съ сѣдыми волосами.

— Ахъ, матушка, не извольте слушать, что вамъ старый сычъ этотъ напѣваетъ, пожалуйте ко мнѣ, я проведу васъ, — вѣдь, изъ окна матушка узнала, походку-то вашу узнала, такъ сердце-то и забилось, ахъ, молъ, наша барыня идетъ, шепчу я

сама себѣ, да на половину къ Анатолію Михайловичу бѣгу, а тутъ попался казачекъ Ванюшка, преядовитой у насъ такой, шпіонишка мерзкой, что, спросила я, баринъ-то спитъ?—Спитъ еще — чтобъ ему тутъ право, не при васъ будь сказано. Все это она такъ проворно говорила съ пресильной мимикой, что Марья Валеріановна не успѣла раскрыть рта и, наконецъ, ужъ перебила ее вопросомъ:

«Настасьюшка, да здоровъ ли онъ?»

— Ничего, матушка, ну только худенькой такой. Какое и житье-то! Вѣдь, аспидъ-то нашъ, на то и взялъ ихъ, чтобъ было надъ кѣмъ зло изливать, человѣконенавистникъ, ржа, которая, на что желѣзо, и то поѣдомъ ѣстъ. У Натоль же Михайловича, изволите знать какой нравъ, весь въ маменьку, не то что наше холопское дѣло, выйдешь за дверь да самого обругаешь вдвое, прости Господи, ну, а они все къ сердцу принимаютъ. Марья Валеріановна утерла наскоро слезу и шепнула:

«Пойдемъ же, Настасьюшка».

Настасья строго наказала Ефимкѣ, если Титъ подошлетъ казачка спросить, съ кѣмъ она говорила за воротами и съ кѣмъ взошла, сказать со швеей молъ, съ Ольгой Петровной, что живетъ у Покровскихъ воротъ. Послѣ этого, она повела Марью Валеріановну черезъ дворъ на заднее крыльцо, потомъ по темной лѣстницѣ, которую врядъ ли мели когда-нибудь послѣ отстройки дома. Лѣстница эта шла въ маленькую каморку, отведенную Настасьѣ; эта каморка была цѣль ея желаній, предметъ домогательствъ ея въ продолженіи пятнадцати лѣтъ. Ни у кого въ домѣ не было особой комнаты, кромѣ у Тита. Михайло Степановичъ, наконецъ, дозволилъ занять ее, съ условіемъ не считать ее своею, никогда въ ней не сидѣть, а такъ покамѣстъ положить свои пожитки. Въ этой маленькой комнатѣ стоялъ небольшой деревянный столъ, окрашенный временемъ, на немъ покоился покрытый полотенцемъ самоваръ, въ сосѣдствѣ чайника и двухъ опрокинутыхъ чашекъ. На стѣнѣ висѣли двѣ головки, рисованныя чернымъ карандашемъ, одна изображала поврежденную женщину, которая смотрѣла изъ картины, страшно вытаращивъ глаза, вмѣсто кудрей у нея были черви,—должно думать, что цѣль была представить Медузу. Другая представляла какого-то жандарма въ каскѣ, вѣроятно выходившаго изъ воды, судя по голому плечу, лице у него было отвратительно правильно, носъ въ родѣ іонійской колонны, опрокинутой волютами внизъ, голову онъ держалъ крѣпко на сторону, разумѣется, этотъ жандармъ былъ — Александръ Македонскій.

Но передъ этими картинами, нарисованными дѣтской рукой, остановилась Марья Валеріановна и не могла болѣе удержи-

ваться. Она закрыла глаза платкомъ и Настасья плакала ото всей души, приговаривая:

— Да, это онъ, мой голубчикъ, въ именины подарилъ.

«Ну, какъ кто взойдетъ сюда, Настасьюшка, что тогда дѣлать?»

— Не извольте безпокоиться, матушка, фискала-то нашего дома нѣтъ. Вишь, староста пріѣхалъ, да обозъ съ дровами, что ли, пришелъ, такъ онъ и пошелъ въ трактиръ принимать; самый вредный человѣкъ и преалчной, никакой совѣсти нѣтъ, чаю пары двѣ выпьетъ съ французской водкой, какъ слѣдуетъ, да потребуетъ бутылку бѣлаго, рыбы, икры; какъ чрево выноситъ, небось седьмой десятокъ живетъ, да, вѣдь, что, матушка, какой неочестливой и сына-то своего приведетъ и того угощай. Ну, да онъ угодитъ еще подъ красную шапку, сынъ-то озорникъ. Покуда старой-то песъ живъ, такъ все шито и крыто, а какъ Богъ по душу пошлетъ, мы все выведемъ, и какъ синенькая у кучера пропала...

Длинная рѣчь in Titum осталась неоконченною. Молодой человѣкъ лѣтъ тринадцати, стройный, милый и блѣдный отъ внутренняго движенія, бросился, не говоря ни слова, на шею Марьи Валеріановны и спряталъ голову на ея груди; она гладила его волосы, смѣялась, плакала, цѣловала его...

«Ну, привелъ же Богъ, привелъ же Богъ, говорила она. Да, дай же посмотрѣть на тебя...» и она всматривалась долго, съ тѣмъ упоеніемъ, преданнымъ, святымъ, съ какимъ можетъ смотрѣть одна любовь матери. Она была счастлива, онъ такъ хорошъ, черты его такъ невинно чисты и открыты, она молилась ему.

«Дружокъ ты мой, какой ты худенькой, говорила она ему, здоровъ ли ты?»

— «Я здоровъ, маменька, отвѣчалъ молодой человѣкъ, я только боюсь, что папаша узнаетъ, спроситъ меня?»

— И, батюшка, вмѣшалась няня, что это ужъ такой умникъ и не умѣете держать отвѣтъ. Правду сказать, это только вашъ папаша воображаетъ, что его въ свѣтѣ никто не проведетъ, а его вся дворня надуваетъ.

Молодой человѣкъ не отвѣчалъ, но сдѣлалъ движеніе, которое дѣлаютъ всѣ нервные люди, когда ножъ скрипитъ по тарелкѣ.

II.

Дядюшка Левъ Степановичъ.

Кажется, что и хорошо я началъ мой разсказъ, а опять приходится отступить, далеко отступить, иначе не объяснишь сцены, происходившей въ маленькой комнаткѣ Настасьи.

Начнемъ-те тамъ, гдѣ оканчиваются воспоминанія Ефимки: онъ возилъ молодого барина въ салазкахъ при жизни «дяденьки». Дяденька Левъ Степановичъ уже потому заслуживаетъ, чтобы начать съ него, что, несмотря на всю патріархальную дикость свою, онъ первый *ручной* представитель Столыгиныхъ. Этимъ онъ обязанъ слѣпой любви родителей къ его меньшему брату. Степушку никогда бы не рѣшились они отправить на службу, отдать въ чужія руки; Левушку, напротивъ, родители не жалѣли и, какъ только онъ кончилъ курсъ своего воспитанія, то есть, научился читать по русски и писать вопреки всѣмъ правиламъ орѳографіи, его отправили въ Петербургъ. Послуживши лѣтъ десять въ гвардіи, онъ перешелъ въ гражданскую службу, былъ совѣтникомъ, былъ впослѣдствіи президентомъ какой-то коллегіи, и въ большей близости съ кѣмъ-то изъ временщиковъ. Патронъ его, долго умѣвшій искусно удержаться въ силѣ въ классическое время паденій и успѣховъ, воцареній и низверженій, послѣ Петра I и Екатерины II, потерялъ, наконецъ, равновѣсіе и исчезъ въ своихъ малороссійскихъ вотчинахъ. Помощникъ и ставленникъ его, Левъ Степановичъ, премудро и во время умѣлъ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы патрона, премудро успѣлъ жениться на племянницѣ другого временщика, которую тотъ не зналъ куда дѣвать, и, наконецъ, что премудрѣе всего вмѣстѣ, Левъ Степановичъ, получивъ аннинскую кавалерію, вышелъ въ отставку и отправился въ Москву для устройства имѣнія, уважаемый всѣми, какъ честный, добрый, солидный и дѣловой человѣкъ.

Не надобно думать, чтобъ въ его удаленіи былъ одинъ разсчетъ или дипломатія; причина столько же сильная звала его воротиться къ болѣе родной средѣ. Въ Петербургѣ, несмотря на успѣхи по службѣ, ему все было что-то неловко, точно въ гостяхъ; ему захотѣлось покоя въ почетномъ раздольи помѣщичьей жизни, захотѣлось пожить на своей волѣ; родители его давно померли, Степушка былъ отдѣленъ, имѣнье, доставшееся Льву Степановичу, было одно изъ богатѣйшихъ подъ Москвою, верстъ сотню по Можайкѣ отъ города. Какъ же не ѣхать ему было въ свои березовыя и липовыя рощи, въ свой старый отцовскій домъ, гдѣ подобострастная дворня и испуганное село готово было его встрѣтить съ страхомъ и трепетомъ, поклониться ему въ землю и подойти къ ручкѣ?

Въ Москвѣ онъ остался недолго, заложилъ на Яузѣ, вмѣсто деревяннаго дома, каменныя палаты и уѣхалъ въ Липовку, изрѣдка наѣзжая присмотрѣть за постройкой. За хозяйство Левъ Степановичъ принялся усердно; онъ и на службѣ своего имѣнья не разстроилъ, а, напротивъ, къ родовымъ тысячѣ душамъ прикупилъ тысячи полторы; но теперь, не вдаваясь въ агрономическія разсужденія, онъ разомъ сдѣлался смышленымъ помѣщикомъ съ той снаровкой, съ которой изъ лейбъ-гвардіи капитановъ сталъ въ годъ времени дѣловымъ совѣтникомъ. Удвоивая доходы, онъ улучшилъ состояніе крестьянъ. Онъ и хлѣбомъ поможетъ, и овса на посѣвъ дастъ, и корову или лошадь дастъ взамѣну падшей, ну, да послѣ держи ухо востро. Вдругъ никто не думаетъ, не гадаетъ, баринъ съ старостой и съ десятскими на дворъ. «Ей ты, Акулька, покажи-ка горшки для молока», не вымыты, тутъ бабѣ и расправа. «А ты, Нефедъ, покажь-ка соху, да и борону, выведи лошадь-то», словомъ поучалъ ихъ, какъ неразумныхъ дѣтей, и мужички разсказывали долго послѣ его смерти «о порядкахъ стараго барина», прибавляя, «точно, бывало, спуску не даетъ, ну, а только умница былъ, все зналъ наше крестьянское дѣло досконально и праваго не тронетъ; то есть, учитель былъ».

Дворовыхъ онъ держалъ безъ числа и мѣры. У него были мальчики, единственно употребляемые днемъ на то, чтобъ чистить клѣтки соловьевъ, а ночью ходить по двору, чтобъ собаки не лаяли близъ господскаго дома. У него были дѣвочки, которыхъ все назначеніе состояло въ томъ, чтобъ зимой стирать воду съ оконницъ, а лѣтомъ носить уголья и тазики для варенья. Нельзя сказать, чтобъ такое количество прислуги его вводило въ особенно важныя траты; все, начиная съ самыхъ личностей, было домашнее, рожь и гречиха, горохъ и капуста, и не одинъ кормъ... Умретъ корова, выдѣлаютъ кожу, сапожникъ сошьетъ портному сапоги, въ то время какъ портной ему кроитъ куртку изъ домашняго сукна цвѣту маренго-клеръ и широкія панталоны изъ небѣленаго холста, которымъ были обложены рабочія бабы. Притомъ у Льва Степановича былъ неотъемлемый талантъ воспитывать дворню, талантъ, совершенно утраченный въ наше время; онъ вселялъ съ юныхъ лѣтъ такой страхъ, что даже его фаворитъ и долею лазутчикъ, камердинеръ Титъ Трофимовъ, гроза всей дворни, не всегда обращавшій вниманіе на приказы барыни, сознавался въ минуты откровенности и сердечныхъ изліяній, что ни разу не входилъ въ спальню барина безъ особаго чувства страха, особенно утромъ, не зная, въ какомъ расположеніи Левъ Степановичъ. Дивиться нечему. Выгоды и почетъ барскаго фавера очень не даромъ доставались, Титу особенно, потому, что онъ часто попадался на глаза. Левъ Степановичъ былъ человѣкъ

характерный, сдерживать себя не считалъ нужнымъ, и, когда утромъ онъ выходилъ къ чаю съ красными глазами, сама Марѳа Петровна долго не смѣла начать разговоръ. Въ эти «характерныя» минуты сильно доставалось Титу,—побьетъ его бывало, да и пошлетъ къ барынѣ: «Поди, говоритъ, покажи ей свою рожу и скажи, вотъ молъ, какъ дураковъ учатъ, людей дѣлаютъ изъ скотовъ». Для Марѳы Петровны, въ ея скучной и однообразной жизни, подобные случаи служили развлеченіемъ, даже она находила своего рода удовольствіе въ униженіи гордаго и высокомѣрнаго Тита.

Дѣйствительно, развлеченій въ ея жизни было мало, особенно свѣтскихъ! Дѣтей имъ Богъ не далъ. Пыталась она и ворожить, и заговариваться, и пить всякую дрянь, и къ Троицѣ-Сергію ходила пѣшкомъ, и Титову сестру посылала въ Кіево-Печерскую Лавру, откуда она ей принесла колечко съ раки Варвары мученицы, но дѣтей все не было. Нельзя сказать, чтобъ Левъ Степановичъ особенно былъ оттого несчастенъ, однако онъ сердился за это, какъ за безпорядокъ, и упрекалъ въ минуты досады свою жену довольно оригинальнымъ образомъ, говоря: «У меня жену Богъ даровалъ глупѣе таракана; что такое таракапъ? нечистота! а дѣтей выводитъ». При этомъ видно было гордое сознаніе, что онъ своей стороны, себя, въ этомъ не винитъ,—да и въ самомъ дѣлѣ, безъ вопіющей несправедливости мудрено было винить Льва Степановича, взявъ во вниманіе хоть одно разительное сходство съ нимъ поваровыхъ дѣтей. Главное, что сердило Льва Степановича, это отсутствіе цѣли въ хозяйствѣ и устройствѣ имѣнія. «Я, говорилъ онъ, денно и нощно хлопочу, и запашку удвоилъ, и порядокъ завелъ, и лѣсъ берегу, и денегъ не трачу; а подумаю на что, самъ не знаю; точно управляющій братнина сына, а тотъ возьметъ все, да и спасибо не скажетъ, я его знаю, по матери пошелъ, баба продувная была, и въ немъ хамовой крови довольно. Оно, конечно, это мой долгъ, на то я и поставленъ Богомъ въ помѣщики, чтобы хозяйничать, на томъ свѣтѣ съ меня спросится; все же лучше, если бы былъ настоящій наслѣдникъ!»

И Левъ Михайловичъ грустно качалъ головою, сидя на жесткихъ креслахъ, обитыхъ черной кожей, приколоченной мѣдными гвоздочками. Марѳа Петровна горько плакивала отъ подобныхъ разговоровъ и за свѣтскія лишенія прибѣгала къ духовнымъ утѣшеніямъ.

Возлѣ самаго господскаго дома, иждивеніемъ Льва Степановича, была воздвигнута каменная церковь о трехъ предѣлахъ. Спальня выходила окнами къ колокольнѣ; при первомъ благовѣстѣ Марѳа Петровна поспѣшно одѣвалась и являлась ранѣе всѣхъ въ храмъ Божій. Левъ Степановичъ приходилъ позже и то по большимъ праздникамъ и въ воскресные дни. Марѳа же Петровна являлась при всѣхъ богослуженіяхъ, на похоронахъ, кре-

стинахъ, бракосочетаніяхъ. Левъ Степановичъ становился впереди, подтягивалъ клиросу и бдительнымъ окомъ смотрѣлъ за порядкомъ, самъ дралъ за уши шалившихъ мальчишекъ и черезъ старосту показывалъ, когда надо было креститься и когда класть земные поклоны. Онъ былъ любитель и знатокъ богослуженія, онъ на домъ къ себѣ призывалъ молодого діакона и мѣсяца три всякій день училъ кадить и дѣлать возгласъ, поднимая орарь съ полуоборотомъ на амвонѣ; діаконъ дѣйствительно такъ мастерски дѣлалъ возгласъ и полуоборота, что можайскіе купцы пріѣзжали любоваться и находили, что іеродіаконъ Савина монастыря далеко будетъ пониже липовскаго.

Монастырь этотъ былъ верстъ тридцать отъ усадьбы Льва Степановича. Онъ постоянно посылалъ туда не столько богатыя, сколько постоянныя приношенія,—возовъ десять прошлогодняго и нѣсколько сгорѣвшаго сѣна, овесъ, негодный на сѣмяна, сырыя и почернѣвшія дрова. Марѳа Петровна, съ своей стороны, дѣлала приношенія тоже болѣе цѣнныя по усердію, нежели по чему иному; она посылала въ монастырь розовую и мятную воду, муравьиный спиртъ, сушеную малину (иноки, не зная, что съ ней дѣлать, настаивали ее пѣннымъ виномъ), нѣсколько банокъ грибовъ, въ уксусѣ искусно уложенныхъ такъ, что съ которой стороны ни посмотришь, все видно одни бѣлые грибы, а какъ ложкой ни возьмешъ, все вынешь или березовикъ или масленокъ. Иноки иногда посѣщали благочестивый домъ богоприбѣжнаго помѣщика и всегда находили радушный пріемъ Марѳы Петровны, которая любила ихъ и какъ-то боялась.

Другихъ гостей почти никогда не являлось у Столыгиныхъ. Кромѣ ихъ двоихъ, еще проживали у нихъ дядя Марѳы Петровны съ своей женой. Ѣхавши изъ Петербурга, Левъ Степановичъ пригласилъ къ себѣ дядю своей жены, не главнаго, а такъ дядю-старика, оконтуженнаго въ голову во время турецкой кампаніи, вслѣдствіе чего онъ потерялъ память, умъ и глаза. Настоящій дяда, не зная, куда его дѣть, намекнулъ Льву Степановичу, который хотя уже тогда и былъ въ отставкѣ, но все же не смѣлъ поперечить особѣ. Слѣпой старикъ былъ женатъ на молдаванкѣ, у которой въ домѣ лежалъ раненый; она была не первой молодости и, несмотря на большой римской носъ и на огромные орлиные глаза, отличалась великимъ смиреніемъ духа. Ее Столыгинъ употреблялъ на пріемъ талекъ, холстины, орѣховъ, на чищеніе ягодъ, сушеніе травъ, вареніе грибовъ. Марѳа Петровна, призрѣвая родственниковъ, была увѣрена, что этимъ загладитъ всѣ свои грѣхи, а можетъ, сдѣлаетъ доступною и свою молитву о дарованіи дѣтей. Обращеніе, сложившееся между хозяевами и гостями, было простое, патріархальное. Марѳа Петровна называла

старика дядей, но жену его не только не называла теткой, но говорила ей «ты» и въ иныхъ случаяхъ позволяла цѣловать у себя руку. Левъ Степановичъ говорилъ обоимъ «ты» и обращался съ ними такъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ людьми, вполнѣ зависящими отъ насъ,—съ холоднымъ презрѣніемъ и съ оскорбительнымъ выказываніемъ своего превосходства. Онъ ихъ трактовалъ, какъ мебель или вещь, не очень нужную, но къ которой онъ привыкъ.

Утро слѣпой обыкновенно проводилъ въ своей комнатѣ во флигелѣ, гдѣ курилъ сушеной вишневой листъ, перемѣшанный съ венгерскими корешками. Въ часъ, дѣвка, приставленная за нимъ, надѣвала на него длинный синій сюртукъ, повязывала бѣлый галстухъ и приводила въ столовую. Здѣсь онъ дожидался, сидя въ углу, торжественнаго выхода Льва Степановича. Горе бывало старику, если онъ опоздаетъ, тутъ доставалось не только ему, но и Танькѣ, служившей при немъ корнакомъ, и молдаванкѣ. Старику повязывали на шею салфетку и сажали его за столъ, гдѣ онъ смиренно дожидался, пока Левъ Степановичъ ему пришлетъ рюмку настойки, въ которую онъ ему подливалъ воды. За столомъ старикъ не смѣлъ ничего просить, да не смѣлъ ни отъ чего и отказаться; даже больше двухъ стакановъ квасу (хозяева пили кислыя щи, но для дяди съ теткой приносили людского квасу, кислаго какъ квасцы) ему не дозволялось пить. Подадутъ ли дыню, Левъ Степановичъ вырѣжетъ лучшую часть, а корки положитъ ему на тарелку. Марѳа Петровна дѣлала тоже съ зрячей молдаванкой, прибавляя, что это сущій вздоръ и почти грѣхъ думать, что Богъ такъ создалъ дыню, что одну закраинку можно употреблять въ снѣдь.

Въ рѣдкія минуты, когда Левъ Степановичъ былъ веселъ, слѣпой старикъ служилъ предметомъ всѣхъ шутокъ и любезностей Льва Степановича. «А, добро пожаловать», кричалъ онъ, «добро пожаловать, отецъ Ксенофонтій! — Эй, Васильичъ (такъ называлъ онъ дядю), не видишь, что ли, отецъ Ксенофонтій идетъ тебя благословить».—«Не вижу, государь мой, не вижу», отвѣчалъ слѣпой. «Да вотъ съ правой-то стороны»—и онъ посылалъ Тита благословлять старика и тотъ ловилъ его руку. Левъ Степановичъ хохоталъ до слезъ, не догадываясь, что самое забавное въ этой комедіи состояло въ томъ, что выжившій изъ ума старикъ съ тою остротой слуха, которая общца всѣмъ слѣпымъ, очень хорошо зналъ, что отецъ Ксенофонтій не входилъ и представлялъ только для удовольствія покровителя, что обманутъ. Но верхъ наслажденія для Столыгина состоялъ въ томъ, чтобы накласть на тарелку старику чего-нибудь скоромнаго въ постный день, и когда тотъ съ спокойной совѣстью съѣдалъ, онъ его спрашивалъ, что это ты на старости лѣтъ, въ Молдавіи, что ли, въ турецкую пе-

решелъ, въ какой день утираешь скоромное. У старика дѣлались спазмы, онъ плакалъ, полоскалъ ротъ, дѣлался больнымъ,—это очень забавляло Столыгина.

Иногда Левъ Степановичъ будилъ въ старикѣ что-то похожее на чувство человѣческаго достоинства, и онъ дрожащимъ голосомъ напоминалъ Льву Степановичу, что ему грѣшно обижать слѣпца и что онъ все-таки дворянинъ и премiеръ-маiоръ по чину.

— «Ваше высокородiе, отвѣчалъ Столыгинъ, у котораго кровь бросалась въ лицо отъ такой дерзкой оппозицiи, да ты бы ѣхалъ въ полкъ, — ну, я тебѣ пришелся не по нраву, прости великодушно, а ужъ переучиваться мнѣ поздно, мнѣ не подъ лѣта; да и что же, я тебя не на веревочкѣ держу, ступай себѣ въ Молдавiю, въ женино имѣнье».

— Левъ Степановичъ, робко прибавляла Марфа Петровна,— вѣдь, какъ бы то ни было, онъ мнѣ дядя и вамъ сродственникъ.

— «Вотъ? Въ самомъ дѣлѣ? возражалъ еще болѣе разъяренный Столыгинъ. Скажите, пожалуйста, новости какiя! А знаешь ли ты, что если бы онъ не былъ твой дядя, такъ у меня не только бъ не сидѣлъ за столомъ, да и подъ столомъ».—Испуганная маiорша дергала мужа за рукавъ, начинала плакать, прося простить неразумнаго слѣпца, не умѣющаго цѣнить благодѣянiй. У старика текли по щекамъ тоже слезы, но какъ-то очень жалкiя, онъ походилъ на безпомощнаго ребенка, обижаемаго грубой и пьяной толпой.

Послѣ обѣда баринъ ложился отдохнуть. Титъ долженъ былъ стоять у дверей и, когда Левъ Степановичъ ударитъ въ ладоши, подать ему графинъ кислыхъ щей. Иногда въ это время Титъ бѣгалъ въ дѣвичью и приказывалъ по именному назначенiю той или другой горничной налить ромашки и подать барину, что «де на животѣ не хорошо», и горничная съ какимъ-то страхомъ бѣжала къ Агафьѣ Ивановнѣ. Агафья Ивановна, ворча сквозь зубы, сыпала вонючую траву въ чайничекъ. Мареа Петровна никогда не навѣщала мужа во время его гастрическихъ припадковъ; она ограничивала свое участiе развѣдыванiемъ, кто именно носила ромашку, для того, чтобы при случаѣ припомнить такую услугу и такое предпочтенiе.

Левъ Степановичъ, запивши кислыми щами или ромашкой сонъ, отправлялся побродить по полямъ и работамъ и часовъ въ шесть являлся въ чайную комнату, гдѣ у стѣны уже сидѣлъ на большихъ креслахъ слѣпой маiоръ и вязалъ чулокъ, единственное умственное занятiе, которое осталось у него. Иногда старикъ засыпалъ, Левъ Степановичъ, разумѣется, этого не могъ вынести и тотчасъ кричалъ горничной: «Танька, не зѣвай», и Танька будила старика, который, проснувшись, увѣрялъ, что онъ и не думалъ спать, что онъ и по ночамъ плохо спитъ отъ поясницы.

Послѣ чая, Столыгинъ вынималъ довольно не новую колоду картъ и игралъ въ дураки съ женою и молдаванкой. Если онъ бывалъ въ хорошемъ расположеніи, то середи игры разсказывалъ въ тысячной разъ отрывки изъ аристократическихъ воспоминаній своихъ; какъ покойникъ графъ его любилъ, какъ ему довѣрялъ, какъ совѣтывался съ нимъ; но притомъ дружба дружбой, а служба службой. «Бывало задастъ такую баню, и бумаги всѣ по полу разбросаетъ и раскричится. Ну, иной разъ и чувствуешь, что правъ, да и не отвѣчаешь, надо дать мѣсто гнѣву. Онъ же у насъ терпѣть не могъ, какъ отвѣчаютъ; тогда было жутко, а теперь съ благодарностью вспоминаю».

Всего же болѣе любилъ онъ останавливаться съ большими подробностями на томъ, какъ графъ его посылалъ однажды съ бумагой къ князю Григорью Григорьевичу... «Утромъ всталъ я часовъ въ пять. Титъ, тогда мальчишкой былъ, не разъѣдался еще какъ теперь, что гадко смотрѣть,—ну, только и тогда былъ прелѣнивой и преглупой. Вхожу я въ переднюю, насилу его растолкалъ, чтобы скорѣй за парикмахеромъ сбѣгалъ. Парикмахеръ пришелъ, причесалъ меня... Тогда носили вотъ такъ, три пукли одна надъ другой; я надѣлъ мундиръ и отправляюсь къ князю. Вхожу въ переднюю, говорю офиціанту, что вотъ по такому дѣлу отъ графа къ его свѣтлости присланъ. Офиціантъ посмотрѣлъ на меня, видитъ съ двумя лакеями пріѣхалъ—и говоритъ: «раненько изволили пожаловать, князь не встаетъ раньше десяти, а въ десять я, молъ, камердинеру доложу». А можно, говорю я ему, гдѣ-нибудь обождать? «Какъ не можно, комнатъ у насъ довольно. Вотъ пожалуйте въ залу». Я взошелъ, люди полы метутъ, да пыль стираютъ, я сѣлъ въ уголокъ и сижу. Часика такъ черезъ два, вышелъ секретарь ли, камердинеръ ли и прямо ко мнѣ. «Вы отъ графа?»—«Я, батюшка, я»,—«Пожалуйте за мною къ его свѣтлости въ гардеробную». Вхожу я, князь изволитъ въ пудермантелѣ сидѣть и одинъ парикмахеръ въ шитомъ французскомъ кафтанѣ причесываетъ, а другой держитъ на серебряномъ блюдѣ помаду, пудру и гребенки. Князь, взявши бумагу, такимъ громкимъ ласковымъ голосомъ мнѣ и молвили:

— «Благодари графа, я сегодня доложу объ этомъ дѣлѣ. Мнѣ графъ говорилъ о тебѣ, что ты дѣловой и усердный чиновникъ, старайся впередъ заслужить такой отзывъ».

— Свѣтлѣйшій, молъ, князь, жизнь свою предпочитаю положить за службу.

— «Хорошо, хорошо, сказалъ князь и изволилъ со стола взять табакерку, золотую, государыня тебѣ жалуетъ въ поощреніе». Какъ это онъ изволилъ сказать, у меня слезы въ три ручья. Я хотѣлъ было руку поцѣловать, но онъ отдернулъ. Я его въ плечо, князь

взглянулъ на меня, да пальчикомъ парикмахеру показалъ, — да оба такъ и вспрыснули отъ смѣха. Я ничего не понимаю, что за причина. А дѣло-то было просто, цѣлуя свѣтлѣйшаго въ плечо, я весь вымарался въ пудрѣ. Князь потомъ за ея величества столомъ разсказывалъ объ этомъ, ей-Богу». И во всемъ лицѣ Льва Степановича распространялась гордая радость.

Но большей частію, вмѣсто аристократическихъ разсказовъ и воспоминаній, Левъ Степановичъ угрюмый и «гнѣвный», какъ выражалась молдаванка, притѣснялъ ее и жену за игрой всевозможными мелочами, бросалъ, сдавая, карты на полъ, дразнилъ молдаванку, съ бѣшенствомъ критиковалъ каждый ходъ и такъ добивалъ вечеръ до ужина. Въ десятомъ часу Левъ Степановичъ отправлялся въ спальню, замѣчая: «ну, слава Богу, вотъ день-то и прошелъ», какъ будто онъ ждалъ чего-то, или какъ будто ему хотѣлось поскорѣе скоротать свой вѣкъ.

Передъ спальней была образная, маленькая комната, которой восточный уголъ былъ уставленъ большими и драгоцѣнными иконами, въ кіотѣ краснаго дерева. Двѣ лампадки горѣли безпрестанно передъ образами. Левъ Степановичъ всякой вечеръ молился иконамъ, кладя земные поклоны или, по крайней мѣрѣ, касаясь перстомъ до земли. Потомъ онъ отпускалъ Тита. Титъ, пользуясь единственнымъ свободнымъ временемъ, отправлялся на село къ Исаю рыбаку или къ обручнику Никифору, всего же чаще къ старостѣ, который на мірской счетъ покупалъ для дворовыхъ сивуху. Титъ бралъ съ собою кого-нибудь изъ лакеевъ, особенно же Митьку цирюльника, отлично игравшаго на гитарѣ.

Долго жилъ такъ доблестный помѣщикъ Левъ Степановичъ, Богъ знаетъ, для чего устраивая и улучшая свое имѣнье, усугубляя свои доходы и не пользуясь ими. Домъ его съ селами и деревнями составлялъ какой-то особенный міръ, разобщенный со всѣмъ остальнымъ міромъ, чертою, проведенной генеральнымъ межеваніемъ. Даже «Московскія Вѣдомости» не получались въ Липовкѣ. Войны раздирали Европу, миры [заключались, троны падали; въ Липовкѣ все шло нынче какъ вчера, вечеромъ игра въ дурачки, утромъ сельскія работы, та же жирная бужанина подавалась за обѣдомъ. Титъ все также стоялъ у дверей съ квасомъ, и никто не только не говорилъ, но и не зналъ и не желалъ знать всемірныхъ событій, наполнявшихъ собою весь свѣтъ.

Но такъ какъ всему временному есть конецъ, то пришелъ конецъ и этому застою, и притомъ очень крутой. Однажды послѣ обѣда, Левъ Степановичъ, употребивши довольно разсольника съ потрохами, жирной индѣйки и разныхъ сдобныхъ и слоеныхъ пирожковъ и смочивъ все это кислыми щами, перешелъ въ гостиную закусить обѣдъ арбузомъ и выпить княжевишной наливки.

Освѣжившись арбузомъ и разгорячившись наливкой, онъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа пошелъ въ кабинетъ уснуть. Но какъ нарочно въ залѣ засталъ Настьку, говорившую въ дверяхъ передней съ извѣстнымъ намъ музыкантомъ и цирюльникомъ Митькой. Левъ Степановичъ былъ чрезвычайно ревнивъ во всемъ, что касалось до горничныхъ. Ему что-то померещилось не совсѣмъ хорошее въ выраженіи Митькина лица. Онъ закричалъ страшнымъ голосомъ и схватилъ въ углу стоящую палку. Митька, горячая голова, какъ всѣ артисты, ударился бѣжать. Столыгинъ за нимъ, со всѣмъ грузомъ индѣйки, потроховъ, подъ квасомъ и арбузомъ; Митька отъ него, онъ за нимъ, Митька на чердакъ по узенькой лѣстницѣ, Столыгинъ сунулся было, но увидѣлъ, что судьба его не создала матросомъ. На крикъ барина сбѣжалась вся дворня. Багровый отъ гнѣва, сбиваясь въ словахъ и буквахъ, баринъ велѣлъ поймать Митьку, гдѣ бы онъ ни былъ, и посадить въ колодку, пока онъ рѣшитъ его судьбу; отдавши приказъ, онъ усталый и запыхавшись удалился въ кабинетъ.

Случай этотъ распространилъ ужасъ и безпокойство въ домѣ, въ людскихъ, въ кухнѣ, на конюшнѣ и, наконецъ, во всемъ селѣ. Агафья Ивановна ходила служить молебенъ и затеплила свѣчку въ дѣвичьей передъ иконой всѣхъ скорбящихъ заступницы. Молдаванка, сбивавшаяся во всѣхъ чрезвычайныхъ случаяхъ на поврежденную, бормотала сквозь зубы «о царѣ Давидѣ и всей кротости его», какъ передъ громовымъ ударомъ.

Титу не пришлось долго Митьку искать; онъ сидѣлъ босикомъ въ питейномъ домѣ, уже выпивши на сапоги сивухи, и громко кричалъ:

— «Не хочу служить аспиду такому, хочу царю служить, въ солдаты пойду, у меня нѣтъ ни отца, ни матери, за народъ послужу, а ужъ я ему не слуга, и назадъ не пойду, а силой возьметъ, такъ грѣхъ надъ собой совершу, ей Богу, совершу».

«Митрій, Митрій, ты не горлань, говорилъ ему Титъ, и такого вздора не ври; барина рука длинная, она тебя вездѣ достанетъ, а ты лучше ступай со мной, а не то, вѣдь, и руки свяжемъ, на то барской приказъ».

Краснорѣчіе Тита побѣдило, наконецъ, Митьку и онъ, протестуя и говоря, что завтра же грѣхъ совершитъ, пошелъ, прибавляя:

— «Нѣтъ, Титъ Трофимовичъ, вязать меня не нужно, я не воръ и не собака, чтобы меня на веревкѣ водить,—мы дойдемъ и безъ веревки». На дорогѣ Митька во весь голосъ пѣлъ «Ай, барыня, барыня!» съ тѣми богатыми варіантами, которыми изобилуютъ всѣ передни.

Неумытный Титъ, посадивъ своего друга въ колодку, побѣжалъ къ дверямъ съ кислыми щами. Въ пять часовъ Марѳа

Петровна присылала узнать, проснулся ли баринъ; Титъ молча помахалъ рукой и приложилъ палецъ къ губамъ. Въ шесть пришла сама Марѳа Петровна къ дверямъ. «Кажется, еще не изволили просыпаться», доложилъ Титъ. Марѳа Петровна тихо отворила дверь и такъ вскрикнула вдругъ, что Титъ опрокинулъ кувшинъ съ кислыми щами. Закричать было немудрено. Старый баринъ лежалъ, растянувшись, возлѣ кровати, одинъ глазъ былъ прищуренъ, другой совершенно открытъ съ тупымъ и мутно стекляннымъ выраженіемъ; ротъ былъ перекошенъ и нѣсколько капель кровавой пѣны текло по губамъ. Съ минуту продолжалась совершенная тишина, но вдругъ, откуда ни возьмись, хлынула въ комнату вся дворня; грозный Титъ не препятствовалъ, а стоялъ какъ вкопанный. Марѳу Петровну вынесли въ обморкѣ и положили ей подъ ложечку образъ, въ которомъ были мощи св. Антипія; молдаванка вбѣжала въ комнату съ какимъ-то неестественнымъ хныканьемъ и, поскользнувшись въ лужѣ кислыхъ щей, чуть не сломила ногу.

Титъ, какъ болѣе сильный характеръ, первый пришелъ въ себя и снова тѣмъ повелительнымъ голосомъ, которымъ отдавалъ барскіе приказы лѣтъ двадцать, сказалъ: «Ну, что тутъ зѣвать! Сенька, втащи сюда корыто да воды. А ты, Ларивонъ, сбѣгай-ка за батюшкой. Да нѣтъ ли у васъ, Агафья Ивановна, мѣднаго пятака на правой глазъ-то ему надобно положить»... И все пошло какъ по маслу.

Освобожденный арестантъ Митька, безъ малѣйшаго злопамятства, приготовлялся, какъ записной грамотей, ночью читать взапуски псалтырь съ земскимъ и пономаремъ, просилъ только молдаванку дать ему табаку позабирательнѣе на случай, если сонъ клонить будетъ.

Дворня была испугана. Она доставалась человѣку неизвѣстному; къ нраву стараго барина примѣнились, теперь приходилось вновь начинать службу и какъ, и что будетъ, и кто останется въ Липовкѣ, кто поѣдетъ въ Питеръ, на какомъ положеніи, все это волновало умы и заставляло почти жалѣть покойника.

Черезъ два дня, послѣ необыкновенныхъ напряженій, написалъ Титъ, будущему обладателю слѣдующее письмо:

«Все Милостивѣйшій Государь,
Государь батюшка и единственный заступникъ
нашъ Михайло Степановичъ.

«По приказанію Ея Превосходительства тетушки вашей, а нашей госпожи Марѳы Петровны. Преемлю смѣлость начертать Вамъ, батюшка Михайла Степановичъ сіи строки, такъ какъ по большему огорченію они сами писать силъ не чувствуютъ Богу

же угодно было посѣтить ихъ великимъ несчастіемъ утратою ихъ и нашего отца и благодѣтеля о упокоеніи души коего должны до скончанія дней нашихъ молить Господа и Дядюшки вашего нынѣ въ бозѣ представившагося Его Превосходительства Льва Степановича, изволившагося скончатся въ двадцать третье мѣсяца число, въ 6 часовъ по полудни. Онагоже тѣлу выносъ завтрашняго числа.

«Такъ какъ мы по извѣстности ваши, то батюшка и все милостивѣйшій Государь, могите призрѣть насъ яко сиротъ отца лишенныхъ и неоставить милосердіемъ вашимъ недостойныхъ подданныхъ а мы чувствуемъ какъ обязаны усердствіемъ Вашему здоровью до конца нашей жизни, что покойному дядюшки такъ и вамъ все едино, какъ вся дворня такъ и выборный Трофимъ Кузминъ съ міромъ.

«Прибывая Ни жайщіи рабъ вашъ Титъ—если изволите помнить что при покойномъ Дядюшкѣ камардинеромъ находился».

Село Липовка. 1794 года Іюня 25 дня.

III.

Нѣжный братецъ покойнаго дядюшки.

Михайлъ Степановичъ былъ сынъ брата Льва Степановича, Степана Степановича. Въ то время, какъ Левъ Степановичъ посвящалъ дни свои блестящей гражданской дѣятельности, получалъ высокіе знаки милости и цѣловалъ свѣтлѣйшее плечо, карьера его меньшаго брата разыгрывалась на иномъ поприщѣ, не столько громкомъ, но болѣе сердечномъ.

Любимецъ родителей, баловень и «нѣженка», какъ выражалась дворня, онъ постоянно оставался въ деревнѣ подъ крыломъ материнскимъ. Въ двѣнадцать лѣтъ старуха няня мыла его еще всякую субботу въ корытѣ и приносила ему съ села лепешки, чтобы онъ хорошенько позволилъ промылить голову и не кричалъ бы на весь домъ, когда мыльная вода попадала въ глаза. Лѣтъ четырнадцати, признаки ранняго совершеннолѣтія начинали ясно оказываться въ отношеніяхъ Степушки къ дѣвичьей. Матушка его, не слышавшая въ немъ души, не токмо не препятствовала развитію его раннихъ способностей, но даже не безъ удовольствія смотрѣла на удаль сынка и исподволь помогала ему, что при ея средствахъ и гражданскихъ отношеніяхъ къ дѣвичьей не представляло непреоборимыхъ трудностей. Нѣжныя чувства, питаемыя съ такого нѣжнаго возраста, вскорѣ поглотили всего Степушку; любовь, какъ выражаются поэты, была единственнымъ призваніемъ его, онъ до кончины своей былъ вѣренъ избранному пути буколико-эротическаго помѣщика.

Степушка не долго пользовался покровительствомъ родителей. Ему было семнадцать лѣтъ, когда онъ лишился матери, года черезъ три спустя умеръ его отецъ. Смерть родителей и честное преданіе ихъ тѣла землѣ не доставили Степану Степановичу столько безпокойствъ и сердечныхъ мукъ, какъ пріѣздъ брата; онъ вообще не отличался храбростью, брата же онъ особенно боялся. Не зная, что дѣлать, онъ совѣщался съ своими подданными и не могъ безъ содроганія вздумать, какъ они будутъ дѣлить дворовыхъ, къ числу которыхъ принадлежала и дѣвичья. Онъ взялъ нѣкоторыя мѣры, всѣхъ горничныхъ велѣлъ запереть въ поваровой комнатѣ, оставивши на лицѣ только такихъ, которыя имѣли значительныя недостатки въ лицѣ, сильную шадровитость, косые глаза. Левъ Степановичъ все понялъ, обдѣлилъ брата, закупивъ его пустыми уступками, предоставилъ ему почти весь прекрасный полъ и, благословляемый имъ, уѣхалъ назадъ.

Проводивши брата, Степанъ Степановичъ принялся, съ своей стороны, за устройство имѣнья. Онъ купилъ двухъ музыкантовъ и приказалъ имъ учить дворовыхъ дѣвокъ пѣть. Хоры составились хоть куда, учители играли [одинъ на торбанѣ, другой на кларнетѣ. Въ праздничные дни сгоняли послѣ обѣдни крестьянскихъ дѣвокъ и бабъ на лужекъ передъ домомъ для хороводовъ и пѣсней. Степанъ Степановичъ, откушавши, выходилъ въ сѣни, въ халатѣ на распашку, окруженный горничными, тутъ онъ садился, горничныя готовили чай и обмахивали мухъ павлиновыми перьями. Благодѣтельный помѣщикъ угощалъ гостей цареградскими стручками, пряниками, брагой и грошевыми серьгами, иногда самъ участвовалъ въ хороводахъ, но чаще засыпалъ подъ конецъ; чай имѣлъ на него очень сильное вліяніе, хотя онъ и подливалъ французской водки, чтобы ослабить его дѣйствіе.

Матеріальной частью хозяйства Степанъ Степановичъ, какъ всѣ сентиментальныя натуры, заниматься не любилъ; староста и поваръ управляли вотчиной; до барина доступъ былъ не легокъ, кому и случалось съ нимъ молвить слово, остерегался проболтаться, баринъ все разсказывалъ горничнымъ. Случилось разъ, что крестьянка, съ большими черными глазами, пожаловалась барину на старосту. Степанъ Степановичъ, не давая себѣ труда разобрать дѣла и вѣчно увлекаемый своимъ нѣжнымъ сердцемъ, велѣлъ старосту на конюшнѣ посѣчь. Староста обмылся пѣнничкомъ и кротко вынесъ наказаніе, не думая оправдываться, несмотря на то, что онъ въ дѣлѣ былъ правъ; тѣмъ не менѣе желаніе мести сильно запало въ его душу. Спустя недѣлю, другую, староста черезъ повара доложилъ барину, что де, несмотря на барское приказаніе, такая-то баба сильно балуется и находится въ очень близкихъ отношеніяхъ съ своимъ мужемъ, возвратив-

шимся съ работы въ городѣ. Поступокъ этотъ, такъ грубо неблагодарный, глубоко огорчилъ Степана Степановича и онъ велѣлъ бабу назначить безъ очереди въ работу. Похудѣвъ, состарясь черезъ годъ, она на себѣ носила доказательства, что приказъ былъ исполненъ въ точности. Послѣ этого примѣра никто, кромѣ горничныхъ, не смѣлъ дѣлать оппозицію старостѣ и повару.

Веселая сельская жизнь Степана Степановича стала скоро извѣстной въ околодкѣ; явились сосѣди, одни съ цѣлью его женить на дочери, другіе обыграть, третьи, болѣе скромные, познакомились потому, что имъ казалось пить чужой пуншъ пріятнѣе своего. Онъ поддавался всему, весьма вѣроятно, что его бы женили и обыграли, но нѣжное сердце его спасло. Посѣщая одного изъ своихъ сосѣдей, онъ увидѣлъ у него горничную,—такъ сердце у него и опустилось... Онъ пріѣхалъ домой разстроенный, влюбленный, да какъ! Ѣсть пересталъ, а пить сталъ вдвое больше. Подумалъ онъ, подумалъ, видитъ, что такой страсти переломить невозможно; опостылѣла ему дѣвичья, и, если онъ дозволялъ себѣ кой-какія шалости, то больше, чтобы не отставать отъ привычекъ, нежели изъ удовольствія.

Присталъ Степанъ Степановичъ къ сосѣду, чтобы тотъ продалъ Акульку; сосѣдъ поломался, потомъ согласился съ условіемъ, чтобы Столыгинъ купилъ отца и мать,—я, говоритъ, христіанинъ и не хочу разлучать того, что Богъ соединилъ. Степанъ Степановичъ на все согласился и заплатилъ ему три тысячи рублей; по тогдашнимъ цѣнамъ на такую сумму можно было купить пять Акулекъ и сталько же Дуняшекъ съ ихъ отцами и матерями.

Сельская Брунегильда поняла, именно по суммѣ, заплаченной за нее, ширь своей власти и въ полгода привела своего господина въ полнѣйшую покорность. Померкло вліяніе повара, слабла сила старосты. Отецъ Акулины Андреевны былъ сдѣланъ дворецкимъ, мать ключницей, да она и имъ потачки не давала, а держала ихъ въ страхѣ и повиновеніи,—и всего этого было ей мало, ей хотѣлось открыто и явно быть помѣщицей, она стала питать династическіе интересы. И года черезъ два Степанъ Степановичъ поѣхалъ въ четвероместной колымагѣ покойнаго родителя своего въ церковь и обвѣнчался съ Акулиной Андреевной. Бракъ ихъ, не такъ, какъ бракъ Льва Степановича, не остался безплоднымъ. Въ сѣняхъ господскаго дома, когда новобрачные воротились, сперва подошли къ ручкѣ и поздравили новую барыню ея родители, а потомъ кормилица въ золотомъ повойникѣ поднесла десятимѣсячнаго сына; бракъ ихъ былъ благословенъ заблаговременно. Грудной ребенокъ этотъ, Михайло Степановичъ, котораго Ефимка возилъ на салазкахъ, а онъ его кнутикомъ подгонялъ.

После свадьбы баринъ сдѣлался призракъ. Акулина Андреевна приняла бразды правленія сильной рукой. Она съ глубокимъ политическимъ тактомъ взяла всѣ мѣры, чтобы упрочить свое самовластіе; но какъ всегда бываетъ, взявши всѣ мѣры, она все-таки упустила изъ виду одну изъ возможныхъ причинъ переворота, и на ней-то все оборвалось. Мало знакомая съ врачебной наукой, она не только не ограничивала, но развивала въ Степанѣ Степановичѣ его страсть къ наливкамъ и сладкимъ водкамъ; она не знала, что человѣческое тѣло только до извѣстной степени противодѣйствуетъ алкоголю. Лѣтъ черезъ семь послѣ бракосочетанія, синій Степанъ Степановичъ, отекшій отъ водяной, полунѣмой отъ паралича, отдалъ Богу душу, — около того времени, когда Левъ Степановичъ отдѣлывалъ свой домъ на Яузѣ.

Получивъ вѣсть о смерти брата, Левъ Степановичъ, въ первыя минуты горести, попробовалъ опровергнуть бракъ покойника, потомъ законность его сына, но вскорѣ увидѣлъ, что Акулина Андреевна взяла всѣ мѣры еще при жизни мужа и что седьмую часть ей выдѣлить во всякомъ случаѣ придется, и сыну имѣніе предоставить, да еще заплатить протори. Больно было Льву Степановичу, но онъ покорился несправедливой судьбѣ и, какъ настоящій практическій человѣкъ, тотчасъ придумалъ иной образъ дѣйствія. Онъ написалъ къ вдовѣ письмо, полное родственнаго участія, звалъ ее въ Москву для окончанія дѣлъ и для того, чтобы показать ему наслѣдника его брата, а можетъ и его собственнаго, печься о которомъ онъ считалъ священной обязанностью, ибо Богомъ и закономъ назначенъ ему въ опекуны. Весьма вѣроятно, что Акулина Андреевна не повезла бы своего сына по письму дяди, но послѣ смерти Степана Степановича люди стали что-то грубо поговаривать, а иногда даже и перечить съ такимъ видомъ, что Акулинѣ Андреевнѣ показалось безопаснѣе переѣхать въ Москву. Левъ Степановичъ плакалъ при свиданіи съ Мишей, благословилъ его образомъ и взялъ на себя всѣ хлопоты по опекѣ и по управленію имѣніемъ.

Акулину Андреевну провести было не легко; но ее устранилъ совершенно неожиданный случай. Своей седьмой частью она прельстила одного поручика изъ ординарцевъ при московскомъ главнокомандующемъ, и сама прельстилась его ростомъ, его дебелой и свирѣпой красотой, совершенно противоположной аркадскому покойнику. Акулина Андреевна не могла удержаться, чтобы не выйти за него замужъ. Роли перемѣнились. Поручикъ съ четвертаго дня началъ ее бить и ужъ Акулина Андреевна на этотъ разъ стала пить подслащенныя наливки. Левъ Степановичъ сильно покровительствовалъ поручику и выхлопоталъ ему прибыльное мѣсто по коммиссаріатской части, гдѣ-то на Черномъ морѣ.

Левъ Степановичъ требовалъ, чтобы племянникъ его остался въ Москвѣ для полученія приличнаго его званію воспитанія. Мать не хотѣла оставить его; но поручикъ прикрикнулъ и уговорилъ ее, основываясь на томъ, что мѣсто получилъ по ходатайству Столыгина и что его дружбу надо беречь на черный день.

IV.

Троюродные братья.

Мишѣ было лѣтъ десять. Воспитаніе его не было сложно; простое, деревенское воспитаніе того времени, оно ограничивалось съ физической стороны—развитіемъ непобѣдимаго пищеваренія, съ нравственной—укорененіемъ вѣрнаго взгляда на отношеніе столбоваго помѣщика къ дворовымъ и крестьянамъ. Воспитаніе это не столько было отвлеченно и книжно, какъ практично, и потому самому имѣло несомнѣнный успѣхъ. Десятилѣтній мальчикъ былъ окруженъ толпой оборванныхъ, грязныхъ и босыхъ мальчишекъ, которыхъ онъ тѣснилъ, билъ и на которыхъ жаловался матери, бравшей всегда его сторону.

Одинъ болѣе свободный товарищъ его игръ былъ сынъ сельскаго священника, отличавшійся бѣлыми волосами, до того рѣдкими, что не совсѣмъ покрывали кожу на черепѣ, и способностью въ двѣнадцать лѣтъ выпивать чайную чашку сивухи, не пьянѣя. Онъ иногда обижалъ Мишу, не дозволялъ ему себя тотчасъ поймать въ горѣлкахъ, обгонялъ его въ запуски, самъ ѣлъ найденныя ягоды. Мишу это оскорбляло и Акулина Андреевна не могла оставаться равнодушной къ такому нарушенію приличій; она обыкновенно подзывала къ себѣ поповича и поучала его слѣдующимъ образомъ: «Ты, толоконной лобъ, ты помни, дуракъ, и чувствуй, съ кѣмъ я тебѣ позволяю играть; ты, вѣдь, воображаешь, что Михайло-то Степановичъ дьячковъ сынъ».

Матушка попадья, бывало, какъ услышитъ подобное слово, тотчасъ, не вступая въ дальнѣйшее разбирательство дѣла, поймаетъ сына за бѣдные волосенки, какъ-то приправленные на маслѣ, приносимомъ для лампады Тихвинской Божіей матери,—и довольно удачно представляетъ, будто безпощадно деретъ его за волосы, приговаривая: «Ахъ, ты грубіянъ эдакой, поганый, вотъ истинно дурья порода. Простите, матушка Акулина Андреевна, изволите сами знать, какой умъ въ нашихъ дѣтяхъ, въ срамѣ и запустѣніи живутъ; а ты благодари, дуракъ, барыню, что изволитъ обучать», и она наклоняла его масленную голову и сама кланялась. Миша послѣ подтрунивалъ надъ пріятелемъ, но поповичъ, съ досадой улыбаясь, говорилъ: «Вѣдь, все вретъ, мать-то, такъ для барыни въ угоду горячку поритъ, примѣръ дѣлаетъ».

Левъ Степановичъ недолго продержалъ у себя племянника; цѣль его была достигнута, онъ его разлучилъ съ матерью и могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ, имѣніемъ. Онъ думалъ отдать Мишу въ пансіонъ; но двоюродная тетка Льва Степановича выпросила его къ себѣ воспитывать съ своимъ сыномъ, который, говорила она, былъ одинъ и скучалъ. Льву Степановичу не очень хотѣлось, но онъ побаивался княгини и согласился. Побаивался онъ ее потому, что она сильно любила болтать и имѣла большія связи въ Петербургѣ; что она могла ему сдѣлать болтовней и связями, не знаю, да и онъ не зналъ, а трусилъ. Княгиня была богата, держала большой домъ и занималась дѣланіемъ визитовъ. При сынѣ находился французъ гувернеръ, рекомендованный самимъ Вольтеромъ Шувалову, Шуваловымъ княгинѣ Дашковой, Дашковой нашей княгинѣ. Онъ безусловно управлялъ воспитаніемъ. Гувернеръ не былъ глупый человѣкъ, какъ всѣ французы, и не умный человѣкъ, какъ всѣ французы; онъ имѣлъ всѣ забавные недостатки своей страны: лгалъ, острилъ, былъ дерзокъ и не золъ, высокомѣренъ и добрый малый. Онъ смотрѣлъ съ улыбкой превосходства на все русское, отроду не слыхалъ, что есть нѣмецкая литература и англійскіе поэты, зато зналъ на память Корнеля и Расина, всѣ литературные анекдоты отъ Буало до энциклопедистовъ, онъ зналъ даже древніе языки и любилъ въ рѣчи поразить цитатомъ изъ Георгикъ или изъ Фарсалы.

Само собою разумѣется, что нашъ гувернеръ былъ поклонникъ Вовенарга и Гелвеція, упивался Жанъ-Жакомъ, мечталъ о совершенномъ равенствѣ и полномъ братствѣ, что не мѣшало ему ставить передъ своей звучной фамиліей Дрейякъ смягчающее «де», на которое онъ не имѣлъ права. Онъ съ улыбкой сожалѣнія говорилъ о католицизмѣ и вообще о христіанствѣ и проповѣдывалъ какую-то религію собственнаго изобрѣтенія, состоявшую изъ поклоненія закону тяготѣнія. Безъ тяготѣнія, говорилъ онъ, морща лобъ отъ усилій,—былъ бы хаосъ и атомы разлетѣлись бы; тяготѣніе поддерживаетъ *великій* порядокъ, въ которомъ раскрывается великій художникъ. При развитіи этихъ глубокихъ и ясныхъ истинъ, онъ никогда не забывалъ прибавить, что поэтому Платонъ и называлъ Бога геометромъ, а Ньютонъ снималъ шляпу, когда произносилъ имя Божье. Сверхъ своей религіи тяготѣнія, которою онъ былъ совершенно доволенъ, онъ упорно не хотѣлъ суда на томъ свѣтѣ и язвительно смѣялся надъ людьми, вѣрившими въ адъ, хотя противъ безсмертія души онъ не только ничего не имѣлъ, но говорилъ, что оно крайне нужно для жизни.

Ученье съ де-Дрейякомъ шло весело и легко. Онъ могъ всегда говорить безъ различія времени, предмета, возраста и пола, а потому его ученики отлично выучивались, сначала слушать по-

французски, а потомъ говорить. Воспитаніе почти въ этомъ и состояло.

Миша сначала погрустилъ въ домѣ княгини и, утирая слезы, поминалъ о Липовкѣ. Онъ очень хорошо замѣтилъ, что первая роль не ему принадлежитъ, онъ былъ «братецъ», онъ былъ «cher cousin», въ то время какъ князь былъ самимъ собою. Различіе это Миша равно видѣлъ и въ обращеніи княгини, и въ обращеніи гостей, и еще болѣе въ обращеніи дядьки. Старикъ безъ возраженія исполнялъ приказы князя, а Мишѣ часто говорилъ, что ему нѣкогда, что онъ можетъ послать кого-нибудь помоложе. Самолюбивый мальчикъ, глубоко оскорбленный всѣмъ этимъ, дулся, сидѣлъ въ углу, смотрѣлъ изъ-подлобья. Дрейякъ это относилъ къ дикости, другіе вовсе не замѣчали.

Видя безуспѣшность своихъ протестацій, Миша вдругъ сдѣлался шелковый, ласковъ, веселъ, привѣтливъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ былъ любимецъ Дрейяка. Сама княгиня не могла надивиться, какой онъ не глупой мальчикъ, «точно можно сказать, c'est un miracle ce qu'en a fait мой Дрейякъ, онъ совсѣмъ sauvage былъ, ну, и теперь эдакой *дурнушка*, а право премилой мальчикъ». Въ словѣ *дурнушка* выражалось сознаніе матери, что ея сынъ не такъ уменъ, не такъ даровитъ и она торопилась утѣшиться его красотой. Молодой князь не любилъ учиться, онъ былъ разсѣянъ и зѣвалъ за уроками; добрый, очень добрый, раскрытый всякому чувству и благородный по натурѣ, онъ былъ вялъ, и умъ его дремалъ еще безпробудно, да и не знаю, просыпался ли въ послѣдствіи когда-нибудь. Лѣнь и невниманіе князя поощрили Мишу и Миша бросился на занятія со всѣмъ усердіемъ, которое даетъ зависть и затаенное желаніе превосходства. Дрейякъ чуть не плакалъ, видя, какъ ловко Миша цитируетъ мѣста изъ Кандида, изъ дѣвы Орлеанской, изъ Жана Фаталиста...

Мало по малу воспитаніе молодыхъ людей пришло къ концу. Они писали французскія записочки правильнѣе русскихъ. При всей своей лѣни, даже князь зналъ довольно хорошо греческую миѳологію и французскую исторію, больше въ то время не требовалось; тогда у насъ еще не выдумывали своей литературы, о русскихъ журналахъ и не снилось никому, развѣ одному Новикову; русской исторіи тоже еще не было открыто. Знали только, что царствовалъ мудрый правитель Олегъ, о которомъ сама императрица изволила писать пьесу, знали еще, благодаря Вольтеру, нѣкоторыя невѣрныя подробности о царствованіи Петра I. У княгини было таки небольшое собраніе русскихъ книгъ, сочиненія Сумарокова, «Россіада» Хераскова, «Камень вѣры» Стефана Яворскаго и томовъ сорокъ записокъ вольнаго экономическаго общества, но молодые люди никогда не развертывали этихъ книгъ.

Княгиня свезла дѣтей въ гвардію и сама поселилась въ Петербургѣ. Служба тогда была легкая. Изрѣдка приходилось надѣть мундиръ, въ кои вѣки доставалось побывать въ караулѣ, это даже нравилось какъ разнообразіе. Остальное время, кромѣ родственныхъ визитовъ, визитовъ къ важнымъ людямъ, обѣдни по воскресеньямъ въ домовой церкви княгининаго брата и скучнаго обѣда у самой княгини, было въ полномъ распоряженіи молодыхъ людей. Князь радовался мундиру, радовался волѣ, пылко бросался на всѣ наслажденія, на всѣ удовольствія; отроду не останавливавшійся ни на чемъ и отроду ни на чемъ не останавливаемый, онъ часто обжигался, былъ обманутъ, ссорился, и при всемъ этомъ былъ славный товарищъ и лихой малый. Столыгинъ былъ скромнѣе; онъ глядѣлъ на своего товарища съ какимъ-то снисхожденіемъ, порицая внутри все, что дѣлалось. Изъ всѣхъ исторій Столыгинъ выходилъ чистымъ, такъ мастерски онъ умѣлъ себя держать. Князь любилъ его, вѣрилъ въ его дружбу, признавалъ его превосходство и съ дѣтскимъ простосердечіемъ прибѣгалъ во всякомъ трудномъ случаѣ къ Мишѣ за совѣтомъ.

Князь былъ хорошъ собою, румяный, нѣжный, отрочески мужественнаго вида, съ легкимъ пухомъ на губахъ, съ чистымъ голубымъ взглядомъ, онъ нравился особенно сангвиническимъ дѣвицамъ и молодымъ вдовамъ. Столыгинъ, бравшій не столько красотою, сколько дерзкою рѣчью, любезностью и злословіемъ, не могъ простить своему другу его высокій ростъ, его красивыя черты и старался всякой разъ затьмить его остротами и колкостями.

Они занялись исключительно волокитствомъ; отъ боярскихъ палатъ до швеи иностраннаго происхожденія и до отечественныхъ охтенокъ, ничего не ускользало отъ нашихъ молодыхъ людей. Къ тому же князь успѣлъ раза два проиграться въ пухъ, надавать векселей за страстную любовь, побить какихъ-то соперниковъ, упасть изъ саней мертво пьяный, словомъ сдѣлать все, что въ тѣ счастливыя времена называлось службою въ гвардіи.

Когда Столыгинъ замѣтилъ, что, несмотря на все его краснорѣчіе, князь рѣшительно беретъ верхъ у женщинъ, онъ сталъ его подбивать ѣхать въ Парижъ. Дѣйствительно, только этого рукоположенія и не доставало нашимъ друзьямъ.

Сначала, какъ водится, княгиня не хотѣла пустить, потомъ сама имъ выпросила отпускъ. Надзоръ за дѣтьми снова былъ порученъ Дрейяку, успѣвшему въ антрактѣ образовать еще двухъ русскихъ помѣщиковъ греческою миѳологіей и французскою исторіей. Тогда еще существовали пространство и даль, не такъ, какъ теперь, мѣсяца два тащились они до Парижа.

...Улицы кипѣли народомъ, тамъ-сямъ стояли отдѣльныя группы, что-то читая, что-то слушая; крикъ и пѣсни, громкіе разговоры, грозные возгласы и движенія—все показывало ту лихорадочную возбужденность, ту удвоенную жизнь, то судорожное и страстное настроеніе, въ которомъ былъ Парижъ того времени; казалось, что у камней бился пульсъ, въ воздухѣ была примѣшана электрическая струя, наводившая душу на злобу и безпокойство, на охоту борьбы, потрясеній, страшныхъ вопросовъ и отчаянныхъ разрѣшеній, на все, чѣмъ были полны писатели XVIII вѣка. И все это выговорилось, заявилось, выказалось путникамъ, прежде нежели запыленный и тяжелый дормезъ остановился у отеля въ улицѣ Сентъ-Оноре, и двое крѣпостныхъ слугъ стали отстегивать пряжки у вожжей...

И вотъ, Михайло Степановичъ, напудренный и раздушенный, въ шитомъ кафтанѣ, съ крошечною шпажкой, съ подвязанными икрами, весь въ кружевахъ и цѣпочкахъ, острить въ Версалѣ, какъ острилъ въ Петербургѣ; онъ толкуетъ о тьерсъ-эта, превозноситъ Неккера и пугаетъ смѣлостью опасныхъ мнѣній двухъ старыхъ маркизъ, которыя отъ страха хотятъ ѣхать въ Берри, въ свои имѣнія. Его замѣтили. Нѣсколько колкостей, удачно имъ сказанныхъ, повторялись.

— «Знаете, что меня всего болѣе удивляетъ въ этомъ marquis hyperboréen, сказалъ разъ, сдавая карты, пожилой аббатъ съ сухимъ и строгимъ лицомъ, не столько умъ—умомъ насъ, слава Богу, не легко удивить—нѣтъ, меня поражаетъ его способность все понимать и ни въ чемъ не брать участія; для него жизнь, кипящая возлѣ, имѣетъ тотъ же интересъ, какъ сказанія о Сезострисѣ. Это какой-то посторонній всему».

«Скиѳъ въ Аѳинахъ», замѣтилъ какой-то ученый.

— «Совсѣмъ нѣтъ, возразилъ аббатъ,—у скиѳа было бы что-нибудь свое, дикое, а онъ съ виду и съ рѣчи похожъ на меня съ вами. Признаюсь вамъ, я могъ бы ненавидѣть такого человѣка, если-бъ я не жалѣлъ его. Это болѣзненное произведеніе образованія, привитаго къ корню, не нуждавшемуся въ немъ. Будьте увѣрены, что у него нѣтъ будущности».

«Помилуйте, изъ него выйдетъ отличный дипломатъ, онъ даже лицомъ похожъ на Кауница».

«Въ самомъ дѣлѣ похожъ», подхватила пожилая дама, старавшаяся скрыть свои годы,—и гиперборейской маркизъ былъ забытъ.

Пока Столыгинъ занималъ собою гостиныя, князь успѣлъ отбить маленькую актрису у сына какого-то посла, подраться съ нимъ на шпагахъ, обезоружить его, простить и въ тотъ же вечеръ ему спустить пятьсотъ червонцевъ. Но маленькая актриса была очень мила и очень благодарна своему рыцарю.

Путешествіе князя и Столыгина окончилось прежде, нежели они предполагали, виною этого былъ Дрейякъ. Де-Дрейякъ, котораго прислуга въ трактирѣ звала мсье ле-Шевалье, одобрительно и не безъ заднихъ мыслей улыбался «успѣхамъ человѣчства и торжеству разума надъ предразсудками»; но онъ, какъ всѣ благоразумные люди, больше успѣха любилъ безопасность и больше торжества ума и разума—покой. А тутъ вышелъ вотъ какой случай. Погода разъ была чудесная, Дрейякъ пошелъ гулять утромъ; но только что онъ вышелъ на бульваръ, какъ услышалъ за собой какой-то нестройный гулъ; онъ остановился и, сдѣлавъ изъ руки зонтикъ отъ свѣта, началъ всматриваться; сначала онъ увидѣлъ облако пыли, блескъ пикъ, ружей, наконецъ вырѣзалась нестройная, пестрая масса людей. Прежде, нежели Дрейякъ что-нибудь понялъ, высокій плечистый мужчина безъ сюртука, съ засученными рукавами, съ тяжелымъ желѣзнымъ ломомъ, повязанный краснымъ платкомъ, поровнявшись съ нимъ, спросилъ его громовымъ голосомъ: «Ты съ нами?» Дрейякъ, блѣдный и ужъ нѣсколько нездоровый, не могъ сообразить, какое можетъ имѣть послѣдствіе отказъ и потому медлилъ съ отвѣтомъ; но новый знакомецъ былъ нетерпѣливъ, онъ взялъ нашего шевалье за шиворотъ и, сообщивъ его тѣлу движеніе, весьма непріятное, повторилъ вопросъ. Дрейякъ, вмѣсто отвѣта, уронилъ трость; учтивая дама, почтеннаго размѣра, съ сѣдыми космами, торчавшими изъ-подъ чепчика, подняла ее и, показывая болѣе и болѣе густѣвшей массѣ народа, замѣтила:

«Да это акапаристъ, аристократъ, посмотрите, какой набалдашникъ, золотой и съ рѣзьбою, что вы толкуете съ нимъ, на фонарь его!»

— «На фонарь», сказали нѣсколько голосовъ спокойнымъ, подтверждающимъ тономъ, исполненнымъ наивнаго убѣжденія, что дѣйствительно его необходимо повѣсить на фонарь, что это просто аксіома. Человѣка три выступили было съ очень враждебнымъ намѣреніемъ, дѣло остановилось за веревкой. Мальчикъ лѣтъ двѣнадцати обѣщался тотчасъ принести. Дрейякъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы сказать:

— Помилуйте, что вы? съ молодыхъ лѣтъ я питался писаніями нашихъ великихъ писателей и примѣрами римской и спартанской республики.

— «Хорошо, очень хорошо», закричали нѣсколько человѣкъ, слышавшихъ только слово «республика».

— Я съ вами, продолжалъ ободренный ораторъ,—я принадлежу народу, я изъ народа, какъ же мнѣ не быть съ вами? И остановившаяся кучка двинулась впередъ грозно и мрачно, принимая новыя толпы изъ всѣхъ переулковъ и улицъ и бра-

таясь съ ними. Долго спустя раздавался еще на бульварѣ ревъ, похожій на морскія волны, гонимыя вѣтромъ въ скалистый берегъ, ревъ, иногда утихавшій и вдругъ раздававшійся торжественно и страшно.

Дрейяку удалось завернуть, подъ самымъ суетнымъ предлогомъ, въ переулокъ, вылучивъ счастливую минуту, когда все вниманіе его сосѣдей обратилось на аббата, котораго толкали впередъ три торговки; онъ далъ оттуда стречка и пришелъ домой полумертвый, съ потухшими глазами и съ изорванным кафтаномъ. Дома онъ легъ въ постель, велѣлъ налить какой-то тизаны и въ первый разъ признался, что дорого бы далъ, если бы былъ на варварскихъ, но покойныхъ берегахъ Невы. Тизана помогла ему, онъ началъ приходить въ себя и собирался было прочесть въ Титѣ Ливіи о народномъ возмущеніи противъ Тарквинія старшаго, какъ вдругъ раздался ружейный залпъ, прогремѣла пушка, еще разъ, и еще,—а тамъ выстрѣлы въ разбивку; временами слышался барабанъ и дальній гулъ, и гулъ, и барабаны, и выстрѣлы, казалось, приближались. По улицѣ бѣжали блузники, работники съ крикомъ: «*а ла Бастиль, а ла Бастиль!*» Передъ окнами остановили офицера изъ Royal Allemand, стащили съ лошади и повели. «О, Боже мой, Боже мой, пощади насъ и помилуй», бормоталъ Дрейякъ, измѣняя закону тяготѣнія и забывая, что Платонъ Бога называлъ «великимъ геометромъ». Тутъ онъ вспомнилъ, что прислуга его называетъ шевалье, и это проклятое «де» передъ фамильей. «Всѣ люди, говорилъ онъ гарсону, который вошелъ, чтобы вынести чайникъ, равны,—всѣ люди братья и могутъ отличаться только гражданскими добродѣтелями, любовью къ народу и къ неотъемлемымъ правамъ человѣка».

Михайлъ Степановичъ ходилъ смотрѣть взятіе Бастиліи; Дрейякъ былъ увѣренъ, не видя его вечеромъ, что онъ убитъ и уже начиналъ утѣшаться тѣмъ, что нашелъ славную турнюру, какъ извѣстить объ этомъ княгиню, когда явился Столыгинъ, помирая со смѣху при мысли, какъ его версальскіе пріятели обрадуются новости о взятіи Бастиліи.

Дрейякъ объявилъ, что дольше въ Парижѣ не останется и, несмотря на всѣ споры и просьбы, опираясь на полномочіе княгини, отстоялъ свое мнѣніе съ тѣмъ мужествомъ, которое можетъ дать одинъ сильный страхъ; дѣлать было нечего, дѣти воротились. И маленькая француженка очутилась какъ-то въ то же время на Литейной и сильно хлопотала объ отдѣлкѣ своей квартиры и топала ножкой съ досады, что лакей Кузьма ничего не понимаетъ, что она говоритъ.

Разъ вечеромъ князь засталъ Михайла Степановича въ слишкомъ огненномъ разговорѣ съ Mademoiselle Nina. Князь былъ не

въ духѣ, разсердился и обошелся колко, сухо съ Столыгинымъ. Столыгинъ и уступилъ бы, да на бѣду онъ взглянулъ на плутовскіе глазки маленькой француженки, — глазки помирали со смѣху и, щурясь, какъ будто говорили: «какая-жъ ты дрянь». Взглядъ этотъ подзадорилъ его. Ссора разгорѣлась. Князь, не помня себя, выбросилъ Столыгина за дверь и разругалъ его такъ, что на этотъ разъ маленькая Нина ничего не поняла, а Кузьма все понялъ.

Они дрались. Дуэль кончилась почти ничѣмъ. Столыгинъ ранилъ князя въ щеку. Это подражаніе цезаревымъ солдатамъ въ фарсальской битвѣ врядъ было ли случайно, зато оно и не прошло ему даромъ; раны на щекѣ невозможно было скрыть. Княгиня узнала черезъ людей о дуэли и приказала Столыгину оставить ея домъ.

Такимъ образомъ, лѣтъ двадцати восьми отроду, Столыгинъ очутился впервые на собственныхъ ногахъ.

Привычный къ роскоши княгинина дома, онъ такъ испугался своей бѣдности, хотя онъ очень прилично могъ жить своими доходами, что сдѣлался отвратительнѣйшимъ скрягой. Онъ дни и ночи проводилъ въ придумываніи, какъ бы разбогатѣть. Одна надежда у него и была на смерть дяди, но старикъ былъ здоровъ, почеркъ его писемъ былъ оскорбительно твердъ.

Онъ было принялся хозяйничать, дядя вручилъ ему бразды правленія послѣ его выѣзда изъ дома княгини, но какъ-то неловко,—и зналъ-то онъ плохо сельское дѣло, и время терялъ на мелочи. Но человѣкъ этотъ, какъ говорятъ, родился въ рубашкѣ. Къ нему повадился ходить какой-то отставной морской офицеръ, основываясь на томъ, что онъ служилъ вмѣстѣ съ его вотчимомъ въ Севастополѣ и зналъ его родительницу. Морякъ имѣлъ процессъ и зналъ, что черезъ связи Столыгина можетъ его выиграть. Столыгинъ обѣщалъ ему, чтобъ отдѣлаться отъ него, поговорить съ тѣмъ и съ другимъ, и, разумѣется, не говорилъ ни съ кѣмъ. Но морякъ привыкъ выжидать погоды, онъ всякой день сталъ ходить къ Столыгину. Ему отказывали, — онъ возвращался; его не пускали,—онъ прогуливался около дома и ловилъ Столыгина на улицѣ. Наконецъ, Михайло Степановичъ, выведенный изъ терпѣнія, исполнилъ его просьбу. Офицеръ былъ безмѣрно счастливъ.

«Чѣмъ вы намѣрены заниматься?»—спросилъ его Столыгинъ, перебивая длинное и скучное изъявленіе флотской благодарности.

— «Искать частной службы, по части управленія имѣніемъ», отвѣчалъ морякъ. Михайлъ Степановичъ посмотрѣлъ на него и почти покраснѣлъ отъ мысли, какъ онъ до сихъ поръ не поду-

малъ употребить его на дѣло. Дѣйствительно, человѣкъ этотъ былъ для него кладъ.

Морякъ, какъ нарочно, отчасти уцѣлѣлъ для благосостоянія хозяйства Столыгина; онъ леталъ на воздухъ при взрывѣ какого-то судна подъ Чесмой, онъ былъ весь израненъ, поломанъ и помятъ; но, несмотря на пристегнутый рукавъ вмѣсто лѣвой руки, на отсутствіе уха и на подвязанную челюсть, эта хирургическая рѣдкость сохранила неутомимую дѣятельность, безпрерывно разлитую желчь и сморщившееся отъ худобы и злобы лицо. Онъ былъ исполнителенъ и честенъ, онъ никого бы не обманулъ, тѣмъ болѣе человѣка, которому былъ обязанъ важной услугой; но многимъ именно эта честность и эта исполнительность показались бы хуже всякаго плутовства.

Михайлъ Степановичъ предложилъ ему ѣхать осмотрѣть его имѣніе. Морякъ отправился.

V.

Наслѣдникъ.

Столыгинъ ждалъ моряка съ часу на часъ со всѣми его проектами и планами, когда вмѣсто его пришло краснорѣчивое письмо Тита. Онъ немедленно поскакалъ въ Москву. Въ Москвѣ его ожидала новая радость, которой онъ не могъ и предполагать. Титъ Трофимовъ и староста, пріѣхавшіе поклониться новому барину, извѣстили его о смерти Марѳы Петровны.

— А что, есть завѣщаніе? спросилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ Михайлъ Степановичъ.

— «Покойная тетушка письмо только изволила вашей милости оставить», отвѣчалъ Титъ, вынимая бумажникъ.

— Ты бы съ этого и началъ, болванъ, замѣтилъ Столыгинъ, поспѣшно вырывая изъ рукъ Тита письмо.

Лицо его просвѣтлѣло при чтеніи, онъ видѣлъ ясно, что смерть такимъ сюрпризомъ подкосила стариковъ, что они не успѣли сдѣлать «никакихъ глупыхъ распоряженій».

— Кто при домѣ въ деревнѣ остался? За коимъ чортомъ вы оба пріѣхали? спросилъ Михайлъ Степановичъ.

— «Агафья Петровна, ключница, батюшка, и покойной тетушки дядюшка маіоръ съ супругой».

— Они-то первые и растащутъ все. Да гдѣ же бумаги?

— «Въ кабинетѣ покойнаго барина, дверь вотчинной печатью запечатана и десятской приставленъ въ калидорѣ».

— Я завтра собираюсь въ Липовку, будьте готовы.

— «Милости просимъ, батюшка, отвѣчалъ, низко кланяясь, староста.—Лошади дожидаются, моихъ тройка на *вашемъ* дворѣ, да крестьянскихъ еще двѣ придутъ подъ вечеръ въ Рогожскую».

— Хорошо, ступай. А ты, эй! Титъ! Сейчасъ съ Ильей Антипычемъ (такъ назывались остатки морского офицера, задержанные въ Москвѣ вѣстью о кончинѣ Льва Степановича) въ домѣ все по описи прими, слышишь?

— «Слушаю, батюшка», отвѣчалъ Титъ густымъ голосомъ.

На другой день баринъ и первый министръ его отправились въ подмосковную. На границѣ Липовской земли ждали Михайла Степановича дворовые люди и депутація отъ крестьянъ съ хлѣбомъ и солью. Староста и Титъ Трофимовъ, ѣхавшіе впереди въ телѣгѣ, остановили дормезъ и доложили Михайлу Степановичу, что этотъ большой камень и эта большая яма означаютъ границу его владѣній. Онъ вышелъ изъ кареты; подданные повалились въ ноги, старикъ, сѣдой какъ лунь, съ длинной бородой и съ лицемъ буонаротіевскихъ статуй, поднесъ хлѣбъ и соль. Михайло Степановичъ указалъ Титу, чтобы онъ принялъ хлѣбъ, и дребезжащимъ голосомъ сказалъ крестьянамъ, что благодаритъ ихъ за хлѣбъ, за соль, но надѣется, что они усердіе свое докажутъ на дѣлѣ.

— А что, на оброчныхъ есть недоимка?

— «Есть невеликое, батюшка, дѣло», отвѣчалъ староста.

— А ты чего смотрѣлъ, у меня чтобы слово недоимка не было извѣстно. Слышишь! Какой оброкъ платятъ, неслыханное дѣло, дядюшка такъ попустилъ отъ старости. Я чай вамъ, православные, передъ сосѣдями совѣстно такъ мало платить.

«Они легко могутъ платить еще по десяти рублей съ тягла», замѣтилъ морякъ.

— Еще бы, подмосковные мужики. Видите, что люди говорятъ.

— «Какъ вашей милости взгодно будетъ, какъ изволите, батюшка, установить, наше крестьянское дѣло сполнять», сказалъ буанаротьевской старикъ и мужики снова поклонились въ землю, благодаря за доброе намѣреніе лишить ихъ стыда такъ мало платить.

— Объ этомъ я поговорю завтра. Собери утромъ на барской дворъ стариковъ.

— Это что за рожи? продолжалъ помѣщикъ, обращая привѣтствіе къ дворовымъ. Откуда это покойникъ набралъ ихъ, одинъ Титъ на человѣка похожъ. Кто это въ засаленомъ нанковомъ сюртукѣ, на-право-то?

— «Земской Василій Никитинъ, отвѣчалъ староста —то есть онъ, батюшка, по ревизіи записанъ Львомъ, да покойный дядюшка, взявши во дворъ, изволили Васильемъ назвать».

— Сюда отъ него виномъ пахнетъ. Дорогу къ кабаку вы не будете у меня знать.

Послѣ этой рѣчи онъ быстрыми шагами пошелъ по дорогѣ съ морякомъ, который шелъ возлѣ безъ фуражки. Староста и Титъ плелись, нѣсколько отступя и не глядя другъ на друга, а за ними дворовые, крестьяне, дормезъ и телѣга. Никто почти ничего не говорилъ, на сердцѣ у всѣхъ было тяжело, неловко. Когда они шли по селу, дряхлые старики, старухи выходили изъ избъ и земно кланялись, дѣти съ крикомъ и плачемъ прятались за вороты, молодыя бабы съ ужасомъ выглядывали въ окна. Одна собака какая-то, смѣлая и даже разсерженная процессіей, выбѣжала съ лаемъ на дорогу, но Титъ и староста бросились на нее съ такимъ остервененіемъ, что она, поджавши хвостъ, пустилась во весь опоръ и успокоилась, только забившись подъ крышу послѣдняго овина. Такъ достигли господскаго дома. Тутъ дожидались священникъ съ женою и съ сотами отъ пчелокъ своихъ, тощій, плѣшивой діаконъ и причетники съ волосами, которыхъ расчесать не было возможности. Слѣпой маіоръ и молдаванка, повязанная бѣлымъ платкомъ и закутанная въ черную шаль покойной благодѣтельницы, встрѣтили въ сѣняхъ новаго обладателя Липовки.

Михайло Степановичъ учтиво обошелся со всѣми, но всѣмъ какъ-то стало жаль Льва Степановича больше, нежели прежде. Онъ попросилъ священника отслужить молебенъ съ водоосвященіемъ и потомъ панихиду о покойникѣ; освѣдомился, говѣютъ ли крестьяне, и отправился въ запечатанный кабинетъ, сопровождаемый морякомъ. Онъ нашелъ все въ порядкѣ и деньги и ломбардные билеты. Говорятъ, что онъ нашелъ еще записку, въ которой дядюшка изъявлялъ желаніе отпустить на волю дворовыхъ, но онъ, справедливо замѣтивъ моряку, что, стало-быть, дядя раздумалъ, если самъ не написалъ отпускныхъ, и что въ такомъ случаѣ отпустить ихъ было бы противно желанію покойника,—сжегъ эту записку на свѣчѣ.

На другой день Михайло Степановичъ возвѣстилъ маіору и его супругѣ, что, свято исполняя волю покойной тетушки, поручившей ему не оставить ихъ, онъ имъ жалуетъ двѣ тысячи рублей. При чемъ онъ вручилъ билетъ (по которому проценты были взяты). Потомъ онъ имъ объявилъ, что, сколько не желалъ бы, но не можетъ по разнымъ соображеніямъ оставить за ними комнаты и совѣтуетъ имъ переѣхать въ Москву. «Кириллѣ Васильевичу часто можетъ быть, прибавилъ онъ, нужда въ докторѣ, ему непремѣнно надобно жить въ городѣ». Молдаванка хотѣла было просить Михайла Степановича позволить имъ остаться, хоть въ людской избѣ, но встрѣтивъ холодные глаза его съ рыжева-

тыми рѣсницами, она не смѣла вымолвить ни слова и пошла укладывать свои пожитки.

Осмотрѣвши прочія имѣнія и повелѣвъ безпрекословно слушать во всемъ моряка, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отправился снова за границу. Гдѣ онъ былъ, что дѣлалъ въ продолженіи цѣлыхъ четырехъ лѣтъ? Трудно сказать. И что собственно его привязывало къ заграничной жизни?...

Когда онъ воротился въ Москву, морякъ подалъ ему отчеты. Другіе проживаются въ путешествіи, Михайло Степановичъ нашелъ во всемъ приращеніе, безъ всякаго труда, безъ всякихъ пожертвованій почти; онъ чрезвычайно мало давалъ моряку. Даже теперь, воротившись изъ путешествія, онъ отдѣлался золотыми нортоновскими часами, которые купилъ по случаю и о которыхъ разсказывалъ моряку, чтобъ поднять ихъ цѣну, что они принадлежали адмиралу Элфингстону.

Одинъ одинехонекъ жилъ Михайло Степановичъ въ огромномъ и запустѣломъ домѣ на Яузѣ. Что-то страшно угрюмое было въ его существованіи. Онъ ни съ кѣмъ не знался, рѣдко выѣзжалъ, ничего не дѣлалъ, былъ скупъ до отвратительности и скрытно, прозаически, дешево развратенъ. Каждую недѣлю пріѣзжалъ изъ Липовки морякъ и Столыгинъ оставлялъ его дня на два, подъ предлогомъ разныхъ дѣлъ, а въ сущности изъ потребности живого человѣка. Дворню свою онъ страшно тѣснилъ. У него въ воображеніи все носился домъ княгини и онъ хотѣлъ достигнуть чего-то подобнаго, не тратя денегъ; задача была невозможная, на всякомъ шагу онъ видѣлъ, что ему не удается, бѣсился и вымещалъ это на слугахъ. При всей своей скупости онъ серьезно имѣніемъ не занимался, иногда только, безъ всякой нужды, онъ врывался въ управленіе моряка, распространялъ ужасъ и трепетъ, брилъ лбы, наказывалъ, бралъ во дворъ, обременялъ совершенно ненужными работами—тамъ дорогу велитъ проложить, тутъ сарай перенести съ мѣста на мѣсто... Показавши такимъ образомъ свою власть, онъ снова предоставлялъ моряку управленіе крестьянами.

Сверхъ моряка, являлся къ Столыгину раза два въ недѣлю высокій, подслѣпый мѣняла въ безконечномъ сюртукѣ; моргая глазами и пошевеливая плечомъ, онъ называлъ всѣ камни и всѣ вещи наизнанку, что вовсе ему не мѣшало быть тонкимъ знатокомъ. Черезъ него Михайло Степановичъ помѣщалъ свои деньги, за баснословные проценты. Мѣняла, не удовлетворяясь куртажемъ за безносыхъ адонисовъ, за новые антики и старыя картины,—занимался въ свободное время пріятною должностью сводчика. Михайлѣ Степановичу не хотѣлось выступать ростовщикомъ, да не хотѣлось тоже и капиталъ оставлять на одни несча-

стные пять процентовъ, которые тогда платилъ ломбардъ, такъ онъ и прибѣгалъ къ услугамъ мѣнялы. Несмотря на всѣ предосторожности его, мѣняла все-таки надулъ Столыгина. Завелся процессъ. Ни одинъ сенатскій секретарь, ни одинъ герой, посѣдѣвшій въ чернилахъ, вскормленный на справкáхъ и сандаракѣ, не догадался бы никогда, чѣмъ окончится этотъ процессъ.

Хожденіе по дѣлу было поручено Столыгинымъ знаменитому тогда въ Москвѣ стряпчему, отставному статскому совѣтнику Валерьяну Андреевичу Трегубскому. У стряпчаго была дочь, скромная, запуганная отцемъ, дикая отъ одиночества и очень не дурная собою. Михайлѣ Степановичу она приглянулась, онъ любилъ эти скромныя волокитства, не вовлекавшія въ большія траты. Молодая дѣвушка, совершенно неопытная и подбиваемая безпрерывно кухаркой, шла, сама не зная какъ, прямо на свою гибель. Кухарка статскаго совѣтника, помогавшая Столыгину за бѣленькую бумажку и за золотыя серьги, которыя онъ обѣщалъ, но все не приносилъ, вдругъ испугалась могущихъ быть изъ этой связи послѣдствій и разъ вечеромъ, немного напившись, все разсказала отцу, разумѣется, кромѣ собственнаго участія. Старикъ разомъ убѣдился въ справедливости доноса и въ томъ, что предупредить поздно, но поправить самое время.

Сказать по правдѣ, новость эта больше обрадовала его, нежели опечалилa; тѣмъ не менѣе онъ съ свирѣпостью напалъ на дочь, разбранилъ ее, оттаскалъ по обычаю праотцевъ за косу, заперъ въ чуланъ, словомъ, сдѣлалъ все, что требовала оскорбленная любовь родителя. Исполнивъ эту тяжелую, хотя и святую обязанность, онъ снова сдѣлался, чѣмъ былъ,—стряпчимъ, и принялся дѣлать повальный обыскъ въ комнатѣ дочери. Нашелъ онъ и записочки, и вещицы разныя, все пересмотрѣлъ внимательно, все перечиталъ раза два, три. Прочтенное явнымъ образомъ доставляло ему удовольствіе. Онъ взялъ письмо къ себѣ, принялся самъ писать, писалъ долго, подгибая третій палецъ подъ перо и наклоняя правый глазъ къ самой бумагѣ. И перемарывалъ онъ, и перечитывалъ, и прибавлялъ, и сокращалъ, наконецъ, удовлетворенный редакціей, онъ раза два до кашля понюхалъ табаку и принялся переписывать набѣло. Переписавши, онъ взялъ свѣчу и отправился къ дочери.

Бѣдная дѣвушка, оскорбленная, униженная, пристыженная, заплаканная сидѣла въ углу. Старикъ на все на это считалъ какъ нельзя лучше.

— «Убила, говорилъ онъ ей, убила старика отца, сѣдины покрыла позоромъ»,

Дѣвушка стояла ни живая, ни мертвая и шептала блѣдными губами: «Простите, простите».

— «Поди сюда, закричалъ отецъ, возьми перо, пиши, тутъ— ну же».

«Батюшка!»

— «Да ты еще не слушаться, опозорила отца, да и изъ повиновенія вышла, тебѣ говорятъ, пиши», и онъ диктовалъ: «дочь статскаго совѣтника Марья Валерьяновна Трегубская».

Дѣвушка писала въ лихорадкѣ, въ безуміи; когда отецъ взялъ у нее перо, руки ея опустились, она упала на колѣни передъ пустымъ стуломъ и прижала къ нему голову. Почтенный старецъ вышелъ, не говоря ни слова. Онъ думалъ, что ему больше придется ломаться. Онъ былъ даже нѣсколько сконфуженъ легкой побѣдой.

На другой день Столыгинъ получилъ отъ статскаго совѣтника длинное письмо. Онъ сообщалъ ему, что вѣсть о томъ, что Михайло Степановичъ, опутавъ коварными обѣщаніями, повергъ его дочь въ гибель несчастія и лишилъ его послѣдней опоры и послѣдняго утѣшенія, поразила его въ самое сердце; что онъ находитъ, наконецъ, положеніе жертвы его соблазна сомнительнымъ. А потому полагаетъ, что онъ навѣрно свой поступокъ покроетъ Божіимъ благословеніемъ черезъ бракъ, которымъ возвратитъ ей честь, а себѣ спокойствіе совѣсти, которое превыше всѣхъ благъ земныхъ. Буде же (чего Боже сохрани) Михайлѣ Степановичу это не угодно, то онъ съ прискорбіемъ долженъ будетъ сему дѣлу дать гласность и просить защиты у недремлющаго закона и у высокихъ особъ, Богомъ и монархомъ поставленныхъ невиннымъ въ защиту и сильнымъ въ обузданіе. Въ подкрѣпленіе же просьбы, сверхъ свидѣтельства домашнихъ, онъ съ душевнымъ прискорбіемъ приведетъ разные документы, собственною Михайла Степановича рукою писанные. Въ заключеніи, оскорбленный отецъ счелъ нужнымъ присовокупить, что преступная дочь его есть съ тѣмъ вмѣстѣ его единственная наслѣдница, какъ дома, что въ Хамовнической части, въ третьемъ кварталѣ, за № 99, такъ и капитала, имѣющаго ей достаться, когда Господу Богу угодно будетъ прекратить грѣшные дни его.

Михайло Степановичъ задохнулся отъ гнѣва и отъ страха; онъ очень хорошо зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, ему представились траты, мировыя сдѣлки, грѣхъ пополамъ. О бракѣ онъ и не думалъ, онъ считалъ его невозможнымъ. Въ своемъ отвѣтѣ онъ просилъ старика не вѣрить клеветамъ, увѣрялъ, что онъ ихъ разсѣетъ, говорилъ, что это козни его враговъ, завидующихъ его спокойной и безмятежной жизни, и главное уговаривалъ его не торопиться въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ честь его дочери.

Валеріанъ Андреевичъ не даромъ лѣтъ сорокъ былъ стряпчимъ; онъ видѣлъ, что Столыгинъ выигрываетъ время, что, слѣд-

ственно, ему его терять не слѣдуетъ. Между разными дѣлами, ввѣренными его хожденію, былъ у него на рукахъ длинный, запутанный процессъ о горныхъ заводахъ одного графа, находившагося въ большой силѣ. Трегубской отправился къ нему и вдругъ, докладывая ему о теченіи дѣла, подобралъ нижнюю губу, опустилъ щеки, сдѣлалъ пресмѣшной видъ и началъ капать слезами. Графъ удивился, встревожился, сталъ спрашивать; старикъ просилъ прощенія, извинялся своимъ нѣжнымъ сердцемъ и безмѣрнымъ горемъ, наконецъ, разсказалъ всю исторію, показалъ письма Столыгина и просьбы дочери. Графъ, забывая вовсе ненужныя въ то время воспоминанія собственныхъ продѣлокъ, принялъ сердечное участіе въ горѣ несчастнаго старца и сказалъ ему, отпуская его: «Будь покоенъ, негодяю этому даромъ это не пройдетъ. Оставь письмо дочери у меня. Да кстати, апелляціонную записку по моему дѣлу окончи поскорѣе». Старикъ успокоился.

Черезъ нѣсколько дней предводитель дворянства пригласилъ къ себѣ Михайла Степановича по «экстренному и конфиденціальному дѣлу». Освѣдомившись о состояніи его здоровья и объ урожаѣ озимыхъ хлѣбовъ, предводитель спросилъ его, какъ онъ намѣренъ окончить неосторожный пассажъ свой съ дѣвицей Трегубской, присовокупляя, что ему велѣно посовѣтовать Михайлѣ Степановичу кончить это дѣло, какъ слѣдуетъ дворянину и христіанину. Столыгинъ пустился въ рядъ объясненій. Предводитель выслушалъ ихъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ и замѣтилъ, что все это совершенно справедливо, но что онъ тѣмъ не менѣе увѣренъ, что Михайло Степановичъ оправдаетъ довѣріе высокихъ особъ и поступитъ, какъ христіанинъ и дворянинъ; что, впрочемъ, онъ его проситъ дать себѣ трудъ прочесть письмо, полученное имъ по поводу этой непріятной исторіи.

Михайло Степановичъ прочелъ письмо и положилъ его на столъ, молча и съ измѣнившимся лицомъ.

«Не угодно ли вамъ будетъ теперь, спросилъ его предводитель, подписать вотъ эту бумажку?» Столыгинъ взялъ перо. «Позвольте—позвольте, съ жаромъ замѣтилъ предводитель, вѣжливо вырывая изъ его руки перо, это перо не хорошо, вотъ это гораздо лучше». Столыгинъ взялъ лучшее перо и нѣсколько дрожащей рукой подписалъ. Думать надобно, что первая бумага была очень краснорѣчива и вполнѣ убѣждала въ необходимости подписать вторую. Предводитель, прощаясь, сказалъ Столыгину, что онъ искренно и сердечно радъ, что дѣло кончилось келейно и что онъ такъ прекрасно, какъ истинный патріотъ и настоящій христіанинъ, рѣшился поправить поступокъ или лучше пассажъ.

Черезъ недѣлю Михайло Степановичъ былъ женатъ. Несмотря на то, что Москва классическая страна бракосочетаній, но

я увѣренъ, что со времени знаменитаго кутежа, по поводу котораго въ лѣтописяхъ въ первый разъ упоминается имя Москвы, и до нашихъ дней, не было человѣка, менѣе расположеннаго и менѣе годнаго къ семейной жизни, какъ Столыгинъ. Благодѣтельное начальство исправило эти недостатки отеческимъ вмѣшательствомъ своимъ.

Трудно себѣ представить хуже, нелѣпѣе и неловче положенія бѣдной новобрачной. Перейдя, по распоряженію высшаго правительства, изъ затворничества, въ которомъ ее держалъ старый писарь, въ чужой домъ, въ которомъ не было въ ней нужды, въ которомъ ничего не перемѣнилось отъ ея появленія,—положеніе ея собственно ухудшилось. Столыгинъ ее держалъ не какъ жену, а какъ крѣпостную фаворитку. У ней не было ни одной знакомой, Столыгинъ запретилъ ей принимать какихъ-то родственницъ, раза два являвшихся изъ-за Москвы рѣки позавидовать ея счастію; она сама не хотѣла дѣлить досуги съ племянницей моряка, которую Столыгинъ хотѣлъ ввести по части супружеской тайной полиціи. Она никуда не выѣзжала, иногда только Михайло Степановичъ предлагалъ женѣ проѣхаться въ каретѣ одной, и тутъ кучеру и лакею давалась инструкція, какими улицами ѣхать.

Нѣсколько лѣтъ оставалась она потерянной, оскорбляемой и безгласной. Существо доброе, готовое любить, готовое на всякую преданность, она отдавалась молча своей судьбѣ и, вспоминая страданія, выносимыя отъ отца, она думала, что такъ и надобно, что такое положеніе женщины на свѣтѣ.

Первый утѣшитель, явившійся ей, былъ малютка Анатоль, родившійся черезъ годъ послѣ ея свадьбы; впослѣдствіи онъ же и развилъ, и воспиталъ, и освободилъ ее.

Рожденіе сына на нѣсколько степеней поправило положеніе Марьи Валеріановны. Столыгинъ былъ доволенъ сходствомъ. Онъ до того расходился въ первыя минуты радости, что съ благосклонной улыбкой спросилъ Тита: «Ты видѣлъ маленькаго?» и когда Титъ отвѣчалъ, что не сподобился еще этого счастія, онъ велѣлъ кормилицѣ показать Анатоля Михайловича Титу. Титъ подошелъ къ ножкѣ новорожденнаго и со слезами умиленія три раза повторилъ: «Настоящій папенька, вылитой папенька, папенькинъ портретъ».

Михайло Степановичъ, очень довольный, тутъ же отдалъ приказъ, чтобы люди вставали, когда проходитъ кормилица съ маленькимъ бариномъ; а кормилицѣ, напротивъ, разрѣшилъ сидѣть даже въ своемъ присутствіи, чего, впрочемъ, она никогда не дѣлала, повинуясь инструкціямъ моряка. Кормилица была изъ Липовки. За двѣ недѣли до родовъ Марьи Валеріановны, приказалъ

Столыгинъ моряку выслать для выбора двухъ, трехъ здоровыхъ, красивыхъ и недавно родившихъ бабъ съ ихъ дѣтьми. Морякъ выслалъ шесть, и мѣра эта оказалась вовсе неизлишней; отъ сильнаго мороза и слабыхъ тулуповъ, двѣ лучшія кормилицы, отправленныя на пятой день послѣ родовъ, простудились и такъ основательно, что потомъ сколько ихъ старуха птичница ни окуривала калганомъ и сабуромъ, все-таки водяная сдѣлалась; у третьей на дорогѣ съ ребенкомъ родимчикъ приключился, вѣроятно отъ дурного глаза и, несмотря на чистый воздухъ и прочія удобства зимняго пути, въ пошевняхъ онъ умеръ, не доѣзжая Реполовки, гдѣ обыкновенно липовскіе останавливались. Такъ какъ у матери отъ этого молоко поднялось въ голову, то она и оказалась неспособною кормить грудью. Остались три для выбора, согласно желанію Михайла Степановича. Изъ нихъ онъ самъ съ повивальной бабкой избрали женщину, дѣйствительно замѣчательную. Будучи третій годъ замужемъ, она еще не утратила ни красоты, ни здоровья и была то, что называется кровь съ молокомъ, со сливками даже, можно сказать. На организмъ, который не только безнаказанно, но такъ торжественно вынесъ бѣдность, работу, отца, мать, жнитво, мужа, двухъ снохъ, старосту, свекровь и барщину, можно было слѣпо положиться. Кормилица на барскомъ дворѣ въ два мѣсяца сдѣлалась вдвое толще и румянѣе. Такъ что свекровь, приходившая иногда изъ деревни, не могла безъ ненависти видѣть ее, и всякой разъ бормотала, выходя изъ воротъ: «Вишь разъѣлась на барскихъ чаяхъ какая. Дай срокъ, воротишься домой, спустимъ жиръ... Погоди». Говорятъ, что простодушная старушка добросовѣстно сдержала обѣщаніе.

Для дворни малютка сдѣлался новымъ источникомъ гоненій и несчастій. Стукъ во время его сна, сквозной вѣтеръ, отворенная дверь,—все это выводило изъ себя Столыгина. Что вынесла бѣдная няня, та самая Настасья, которая послужила невольной причиной смерти Льва Степановича, мудрено себѣ представить. Кормилицѣ дозволялось иногда спать, Настасья должна была день и ночь быть на лицо. Она раздѣвалась разъ только въ недѣлю— въ банѣ. Настасьѣ было приказано, чтобы лѣтомъ въ дѣтской не было мухъ; она отвѣчала за крикъ ребенка, за то, что онъ падалъ, начиная ходить, за насморкъ, который дѣлался отъ прорѣзыванія зубовъ... И подите, изслѣдуйте тайны сердца человѣческаго,—Настасья любила до безумія ребенка, существованіемъ котораго отравлялась вся жизнь ея, за котораго она вынесла сколько нравственныхъ страданій, столько и физической боли. Марья Валеріановна, сколько могла, вознаграждала ее и лаской, и подарками, но сама чувствовала, какую бѣдную замѣну она ей

даетъ за лишенія всякаго покоя, за вѣчный страхъ, вѣчную брань и вѣчное преслѣдованіе.

Пока ребенокъ былъ звѣркомъ, баловству со стороны Михайла Степановича не было конца; но когда у Анатоля начала развиваться воля, любовь отца стала превращаться въ гоненіе. Болѣзненный эгоизмъ Столыгина, раздражительная капризность и избалованность его не могли выносить присутствія чего бы то ни было свободнаго; онъ даже собаченку, не знаю, какъ попавшуюся ему, до того испортилъ, что она ходила при немъ, повѣся хвостъ и опустя голову, какъ чумная.

Марья Валеріановна, до тѣхъ поръ кроткая и самоотверженная, явилась женщиной съ характеромъ и съ волей непреклонной. Она не только рѣшилась защитить ребенка отъ очевидной порчи, но, уважая въ себѣ его мать, она сама стала на другую ногу. Эту оппозицію тотчасъ замѣтилъ Михайло Степановичъ и рѣшился сломить ее во что бы то ни стало.

Пяти-шести лѣтній Анатоль былъ свидѣтелемъ грубыхъ, отвратительныхъ сценъ, нервный и нѣжный мальчикъ судорожно хватался за платье матери и не плакалъ, а послѣ ночью стоналъ во снѣ и, проснувшись, дрожа всѣмъ тѣломъ, спрашивалъ няню: «папаша еще тутъ, ушелъ папаша?» Марья Валеріановна чувствовала необходимость положить предѣлъ этому и не знала какъ. Обстоятельства, какъ всегда бываетъ, помогли ей.

Въ гостиной стояла горка, на которой были разставлены всякія ненужности, взятыя у мѣнялы, для поощренія его. Анатоль, тысячу разъ игравшій этой дрянью, подошелъ къ горкѣ и взялъ какую-то фарфоровую куклу.

— «Не тронь!» закричалъ отецъ. Анатоль посмотрѣлъ на него съ испугомъ, оставилъ куклу и черезъ двѣ минуты опять ее взялъ. Михайло Степановичъ подошелъ къ нему, схватилъ за руку и дернулъ его съ такой силой, что онъ грянулся объ полъ и разбилъ себѣ до крови лобъ. Мать и няня бросились къ нему.

— «Оставьте его, это вздоръ, капризы», закричалъ отецъ.

Няня пріостановилась въ недоумѣніи, но мать, не обращая никакого вниманія на слова мужа, подняла Анатоля и понесла его, говоря:

— Пойдемъ, дружокъ мой, въ дѣтскую, папаша боленъ.

— «Да ты слышала, или нѣтъ, что я сказалъ? спросилъ Михайло Степановичъ,—оставь его».

— Ни подъ какимъ видомъ, отвѣчала оскорбленная мать,—какъ можно оставить ребенка съ человѣкомъ въ припадкѣ безумія?

— «Это что значитъ?» спросилъ Столыгинъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ бѣшенства.

— То, отвѣчала Марья Валеріановна,—что есть всему мѣра, и, если вы сошли съ ума, то мой долгъ положить предѣлъ вашему вредному вліянію на ребенка.

Михайло Степановичъ не далъ ей кончить, онъ ударилъ ее. Анатоль взвизгнулъ и помертвѣлъ.

Марья Валеріановна, пришедши въ спальню, бросилась на колѣни передъ образомъ и долго молилась, обливаясь слезами; потомъ она поднесла Анатоля къ иконѣ и велѣла ему приложиться, одѣла его, накинула на себя шаль и, выславъ Настю и горничную зачѣмъ-то изъ дѣвичьей, вышла съ Анатолемъ за ворота, незамѣченная никѣмъ, кромѣ Ефима. На дворѣ смерклось; Марья Валеріановна почти никогда не выходила вечеромъ на улицу, ей было страшно и жутко; по счастью извозчикъ, ѣхавшій безъ сѣдока, предложилъ ей свои услуги, она кой-какъ усѣлась на калиберѣ, взяла на колѣни Анатоля и отправилась къ отцу въ домъ. Сходя съ дрожекъ, она сунула извозчику въ руки цѣлковый и хотѣла взойти въ ворота, но извозчикъ остановилъ ее, онъ думалъ, что она ему дала пятакъ, и сказалъ: «Нѣтъ, барыня, постой, какъ можно», и разглядѣвши, что это не пятакъ, а цѣлковый, продолжалъ тѣмъ же тономъ и нисколько не потерявшись, «какъ можно цѣлковый взять съ двоихъ, синенькую слѣдуетъ получить, матушка». Она бросила ему какую-то монету и взошла въ ту несчастную калитку, изъ-за которой лѣтъ шесть тому назадъ, Богъ знаетъ подъ вліяніемъ какой чары, вышла на первое свиданіе съ человѣкомъ, котораго судьба избрала на то, чтобы мучить ее цѣлую жизнь.

Когда Михайло Степановичъ пришелъ въ себя, онъ понялъ, что переступилъ нѣсколько границу. «Ну, да что же дѣлать, думалъ онъ, у меня нравъ такой, пора въ самомъ дѣлѣ привыкнуть; сердитъ меня, какъ нарочно, et ensuite elle devient impertinente, я не могу своего сына воспитывать по моимъ идеямъ». Утѣшивши себя такими разсужденіями, онъ отправился въ гостиную, однако на лицѣ его было видно, что какъ ни убѣдительны они были, но совѣсть не совсѣмъ была покойна. Большая гостиная была пуста и мрачна, освѣщенная двумя сальными свѣчами. Онъ посидѣлъ на диванѣ—пусто, нехорошо.

— «Сенька!» закричалъ онъ и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, одѣтый казачкомъ, показался въ дверяхъ.—«Скажи Наськѣ, чтобы привела Анатолія Михайловича».

Казачекъ вышелъ, но долго не возвращался; слышны были голоса, шопотъ, шаги. Титъ, блѣдный какъ смерть, стоялъ въ залѣ; Настасья съ заплаканными глазами ему объясняла что-то, Титъ качалъ головой и приговаривалъ: «Господи Боже мой, прости наши прегрѣшенія». Черезъ нѣсколько минутъ казачекъ взошелъ съ докладомъ:

— Анатолія Михайловича дома нѣтъ, ихъ барыня изволили взять съ собою.

— «Что... о... о... о?»

Казачекъ повторилъ.

— «Что ты врешь, пошли Наську и Тита».—Наська и Титъ взошли.

— «Куда барыня пошла?» спросилъ Столыгинъ.

— Не могу доложить, отвѣчала старуха, дрожа всѣмъ тѣломъ; меня изволили послать за водой, изволили надѣть желтую шаль,— я думала такъ, отъ холоду...

— «Молчи и отвѣчай только на то, что я спрашиваю. Ну, а ты, старой разбойникъ, ты чего смотрѣлъ, Титъ Трофимовичъ, домоправитель? Кто пошелъ за барыней?»

— Виноватъ, батюшка, Михайло Степановичъ, Богъ попуталъ на старости лѣтъ, я не видалъ.

— «Виноватъ, батюшка! передразнилъ его Столыгинъ, входившій болѣе и болѣе въ ярость,—позови, старый дуракъ, Кузьку и Оську, да дурака Ефимку и кучеровъ».

Люди переглянулись съ ужасомъ другъ на друга, они очень хорошо знали, что значитъ приглашеніе кучеровъ...

На другой день утромъ Титъ, Настасья и двое лакеевъ валялись въ ногахъ у Маріи Валеріановны, утирая слезы и умоляя ее спасти ихъ. Столыгинъ велѣлъ имъ или привести барыню съ сыномъ или готовиться въ смирительный домъ и потомъ на поселеніе. Сѣдой и толстый Титъ ревѣлъ какъ ребенокъ, приговаривая:

— Сгубитъ онъ насъ, матушка, со свѣта Божьяго сгонитъ.

— Марья Валеріановна, говорила Настасья, спаси ты насъ, заступница наша, или ужъ оставь меня здѣсь.

— Я домой не пойду, прибавилъ старикъ,—я съ Каменнаго моста брошусь въ воду, одинъ конецъ.

Марья Валеріановна долго молчала, тяжело ей было, она еще разъ взглянула на эти растерянныя и отчаянныя лица, встала и сказала грустнымъ голосомъ:

— Такъ и быть, я спасу васъ. Я не могу допустить, чтобы онъ замучилъ васъ за меня. Я возвращусь теперь, можетъ, на свою собственную гибель, только молите же Бога, чтобы не на гибель малютки!

— Мать ты наша родная! говорилъ Титъ,—иверской Божіей матери отслужимъ молебенъ, всей дворней свѣчу десятифунтовую поставимъ.

Марья Валеріановна явилась домой не какъ виновная и бѣглая жена, а съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и своего призванія быть защитницей сына. Она покойно и твердо объявила Сто-

лыгину, что возвратилась только для того, чтобы спасти совершенно невинныхъ людей отъ его бѣшенства, но что она рѣшилась не жертвовать болѣе сыномъ необузданности такого отца.

— «Охъ, говорилъ Михайло Степановичъ, притворившійся больнымъ, — охъ, ma chére, зачѣмъ это ты употребляешь такія слова, мое ухо не привыкло къ такимъ выраженіямъ. У меня отъ заботъ, отъ болѣзни (онъ жаловался на аневризмъ, котораго у него, впрочемъ, не было) бываютъ иногда черныя минуты,—надобно кротостью и добрымъ словомъ остановить, а не раздражать, я самъ оплакиваю несчастный случай», и онъ остановился, какъ бы подавленный сильными чувствами.

Но на Марью Валеріановну его рѣчи болѣе не дѣйствовали. Весь prestige, окружавшій его, исчезъ, она чувствовала себя настолько выше, настолько сильнѣе его, что у ней начала развиваться жалость къ нему.

Послѣ этой исторіи Столыгинъ сталъ себя держать попристойнѣе. Марья Валеріановна съ сыномъ жила большую половину года въ деревнѣ; такъ какъ это значительно уменьшало расходы, то мужъ и не препятствовалъ. Смерть добраго старика Валеріана Андреевича, случившаяся черезъ нѣсколько лѣтъ, снова запутала и окончательно разстроила жизнь, устроенную Маріей Валеріановной.

Онъ умеръ вскорѣ послѣ московскаго пожара. Старикъ оставался все время войны въ Москвѣ, довольно счастливо скупая, долею у французовъ, долею у казаковъ, разныя серебрянныя и золотыя вещицы. По выходѣ непріятеля, онъ подавалъ просьбу о денежномъ вспоможеніи для поправленія дома, сожженнаго богопротивнымъ врагомъ во время нашествія галловъ и съ ними дванадесяти языкъ. Но, несмотря на то, что его просьба была совершенно несправедлива, онъ получилъ отказъ. Это его сильно огорчило, онъ помаячилъ еще годикъ, да и умеръ, оставивши Марьѣ Валеріановнѣ домъ, золотыя и серебрянныя бездѣлушки и толстую пачку ломбардныхъ билетовъ.

Марья Валеріановна въ это время была въ Петербургѣ, куда Столыгинъ переѣхалъ во время приближенія непріятеля. Домъ ихъ на Яузѣ сгорѣлъ. Морякъ отстраивалъ его медленно, потому что Столыгинъ скупился на деньги. Старикъ передъ смертью звалъ дочь проститься. Она поѣхала, но не застала его. Морякъ, имѣвшій уже свои инструкціи, распоряжался въ домѣ ея отца, какъ на кораблѣ, взятомъ въ плѣнъ. Марья Валеріановна молчала, но билеты ломбардные прибрала. Михайло Степановичъ не давалъ почти вовсе денегъ на воспитаніе сына, да и, сверхъ того, она хотѣла на всякой случай имѣть капиталъ въ своихъ рукахъ.

Это обстоятельство снова ее поссорило съ мужемъ. Переписка ихъ приняла горькій тонъ. Видя непреклонность жены, Столыгину пришла въ голову мысль воспользоваться разлукой ея съ сыномъ, чтобы поставить на своемъ.

Онъ писалъ моряку во всякомъ письмѣ, чтобы все было готово для его пріѣзда, что онъ на дняхъ ѣдетъ, и нарочно оттягивалъ свой отъѣздъ. Возвратившись, наконецъ, въ свой домъ на Яузѣ, онъ прервалъ всѣ сношенія съ Маріей Валеріановной, строго запретилъ людямъ принимать ее или ходить къ ней въ домъ. «Я долженъ былъ принять такія мѣры, говорилъ онъ, для сына; я все бы ей простилъ, но она женщина до того *эгрированная*, что можетъ пошатнуть тѣ фундаменты морали, которые я съ такимъ трудомъ вывожу въ сердцѣ Анатоля».

Разумѣется, ему никто не вѣрилъ, кромѣ моряка, да и тотъ болѣе вѣрилъ изъ дисциплины и подчиненности, нежели изъ убѣжденія, и защищалъ Столыгина только слѣдующимъ выразительнымъ аргументомъ. «Все же, вѣдь, какъ тамъ угодно, а она супруга Михайла Степановича, а Михайло Степановичъ, какъ бы то ни было, все же ея супругъ есть!..»

Поврежденный.

ПОВѢСТЬ.

I.

...Въ одну очень тяжелую эпоху моей жизни, послѣ бурь и утратъ и передъ еще большими бурями и утратами, встрѣтилъ я одно странное лицо, котораго слова и сужденія мнѣ сдѣлались больше понятны спустя нѣкоторое время.

Человѣкъ этотъ попался мнѣ на дорогѣ, точно какъ эти мистическія лица чернокнижниковъ, пилигримовъ, пустынниковъ являются въ средневѣковыхъ разсказахъ для того, чтобы приготовить героя къ печальнымъ событіямъ, къ страшнымъ ударамъ, впередъ примиряя съ судьбой, вооружая терпѣніемъ, укрѣпляя думами.

Дѣло было на Корниче.

Я приплылъ на лодкѣ изъ Ниццы въ небольшой городокъ; оттуда я собирался ѣхать сухимъ путемъ, но лошади единственнаго ветурина только что воротились, надобно было имъ дать отдохнуть, по его словамъ, «два маленькихъ часа», что значило, по крайней мѣрѣ, четыре очень большихъ. Мнѣ было некуда торопиться и совершенно все равно, днемъ позже или раньше пріѣду въ Геную. Я заказалъ себѣ завтракъ и пошелъ бродить по берегу.

Какое счастіе, что есть на свѣтѣ полоса земли, гдѣ природа такъ удивительно хороша и гдѣ можно еще жить до поры до времени свободному человѣку.

Когда душа носитъ въ себѣ великую печаль, когда человѣкъ не настолько сладилъ съ собою, чтобы примириться съ прошедшимъ, чтобы успокоиться на пониманіи, ему нужна и даль, и горы, и море, и теплый, кроткій воздухъ; нужны для того, чтобы грусть не превращалась въ ожесточеніе, въ отчаяніе, чтобы онъ не зачерствѣлъ. Хорошій край нужнѣе хорошихъ людей. Люди готовы сострадать, но почти никогда не умѣютъ; отъ ихъ состра-

данія становится хуже, они бередятъ раны, они не ловки. Сверхъ того, люди бѣсятъ или разсѣиваютъ; къ чему еще бѣситься, къ чему, съ другой стороны, бѣжать отъ печали, это также робко и слабо, какъ глупо бѣжать отъ наслажденій, когда они еще веселятъ.

Досадно, что я не пишу стиховъ. Рѣчи объ этомъ краѣ необходимъ ритмъ, такъ, какъ онъ необходимъ морю, которое мѣрными стопами, вовѣки не скончаемыхъ гексаметровъ, плещетъ въ пышный карнизъ Италіи. Стихами легко разсказывается именно то, чего не уловишь прозой... Едва очерченная и замѣченная форма, чуть слышный звукъ, не совсѣмъ пробужденное чувство, еще не мысль... Въ прозѣ просто совѣстно повторять этотъ лепетъ сердца и шопотъ фантазіи.

День былъ удивительный, жаръ только что начинался, яркое утреннее солнце освѣщало маленькій городокъ, померанцовую рощу и море. Пригорокъ былъ покрытъ лѣсомъ маслинъ. Я легъ подъ старой, тѣнистой оливой, недалеко отъ берега и долго смотрѣлъ, какъ одна волна за другою шла длинной, выгнутой линіей, подымалась, хмурилась, начинала закипать и разливалась, пропадая струями и пѣной, въ то время какъ слѣдующая съ тѣмъ же важнымъ и стройнымъ видомъ хмурилась и закипала, чтобы разлиться. Намъ такъ чуждо все безкорыстное, такъ дешево все настоящее, что и въ вѣчномъ колыханіи природы человѣкъ невольно ждетъ чего-то—слѣдующей волны, развязки... Вотъ теперь, кажется, что-то да выйдетъ... Кажется, что теперь, а волна опять разлилась и шумитъ, шурстя камнями, которые утягиваетъ съ собой въ глубь, чтобы при первомъ вѣтрѣ выбросить ихъ снова на берегъ.

Волна моей жизни, думалось мнѣ, тоже перегнулась и течетъ вспять, я чувствую, какъ она отступаетъ, касается каменьевъ, дна и берега, какъ увлекаетъ меня назадъ, не обращая вниманія ни на ушибы, ни на усталь, и нашептывая въ утѣшеніе:

Погоди немного
Отдохнешь и ты!

... Наша жизнь вовсе не наша, все дѣлается помимо насъ.

Человѣкъ растетъ, растетъ, складывается и прежде, нежели замѣчаетъ, идетъ ужъ подъ гору. Вдругъ какой-нибудь ударъ будитъ его и онъ съ удивленіемъ видитъ, что жизнь не только сложилась, но и прошла. Онъ тутъ только замѣчаетъ тягость въ членахъ, сѣдые волосы, усталь въ сердцѣ, вялость въ чувствахъ. Помочь нечѣмъ. Узелъ, которымъ организмъ связанъ и затянутъ—личность—слабѣетъ. Жгучія страсти выдыхаются въ успокоивающія разсужденія, дикіе порывы въ благоразумныя отмѣтки,

сердце холодѣетъ, привыкаетъ ко всему, мало требуетъ, мало даетъ, химическое сродство, гдѣ можетъ, утягиваетъ составныя части въ минеральный міръ и замѣняетъ ихъ чѣмъ-то мертвымъ, каменнымъ. Безличная мысль и безличная природа одолѣваютъ мало по малу человѣкомъ и влекутъ его безостановочно на свои вѣчныя, неотвратимыя кладбища логики и стихійнаго бытія...

II.

...Когда я пришелъ въ гостиницу, на дворѣ уже было очень жарко, я сѣлъ на балконѣ. Передъ глазами тянулась длинной ниткой обозженная солнцемъ дорога, она шла у самаго моря, по узенькой нарѣзкѣ, огибавшей гору. Мулы, звоня бубенчиками и украшенные красными кисточками, везли боченки вина, осторожно переступая съ ноги на ногу; медленное шествіе ихъ нарушилось дорожной каретой, почталіонъ хлопалъ бичемъ и кричалъ, мулы жались къ скалистой стѣнѣ, возчики бранились, карета, покрытая густыми слоями пыли, приближалась больше и больше и остановилась подъ балкономъ, на которомъ я сидѣлъ.

Почталіонъ соскочилъ съ лошади и сталъ откладывать, толстой трактирщикъ въ фуражкѣ національной гвардіи отворилъ дверцы и два раза привѣтствовалъ княжескимъ титуломъ сидѣвшихъ въ каретѣ, прежде нежели слуга, спавшій на козлахъ, пришелъ въ себя и, потягиваясь, сошелъ на землю.

Такъ спятъ на козлахъ и такъ аппетитно тянутся только русскіе слуги, подумалъ я и пристально посмотрѣлъ на его лицо; русые усы, сдѣлавшіеся свѣтлобурыми отъ пыли, широкій носъ, бакенбарды, пущенные прямо въ усы на половинѣ лица, и особый національный характеръ всѣхъ его пріемовъ убѣдили меня окончательно, что почтенный незнакомецъ былъ родомъ изъ какой-нибудь тамбовской, пензенской или симбирской передней. Какъ ни философствуй и не клевещи на себя, но есть что-то шевелящееся въ сердцѣ, когда вдругъ неожиданно встрѣчаешь въ дальней дали своихъ соотечественниковъ. Между тѣмъ изъ кареты выскочилъ человѣкъ лѣтъ тридцати съ сытымъ, здоровымъ и веселымъ видомъ, который даетъ беззаботность, славное пищевареніе и не излишне развитые нервы. Онъ посадилъ на носъ верховые очки, висѣвшіе на шнуркѣ, посмотрѣлъ направо, посмотрѣлъ налѣво и съ дѣтскимъ простодушіемъ закричалъ спутнику въ каретѣ:

«Чудо какое мѣсто, ей Богу, прелесть, вотъ Италія такъ Италія, небо-то, небо синее, яхонтъ? Отсюда начинается Италія!»

— «Вы это шестой разъ говорите съ Авиньона», замѣтилъ его товарищъ усталымъ и нервнымъ голосомъ, медленно выходя изъ

кареты. Это былъ худощавый, высокій человѣкъ, гораздо постарше перваго; онъ почти весь былъ одного цвѣта, на немъ былъ свѣтлозеленый пальто, фуражка изъ небѣленаго батиста, подъ цвѣтъ бѣлокурымъ волосамъ, покрытымъ пылью, слабые глаза его оттѣнялись свѣтлыми рѣсницами и, наконецъ, лицо завялое и болѣзненное было больше изжелта-зеленоватое, нежели блѣдное.

Печальная фигура посмотрѣла молча въ ту сторону, въ которую показывалъ его товарищъ, не выражая ни удивленія, ни удовольствія.

«Вѣдь это все оливы, все оливы»,—продолжалъ молодой человѣкъ.

— «Оливовая зелень прескучная и преоднообразная, возразилъ свѣтлозеленый товарищъ,—наши березовыя рощи красивѣе».

Ба, подумалъ я, да это старые знакомые, это Ноздревъ и Межуевъ, переложенные на новые нравы и ѣдущіе не въ Заманиловку, а въ Сенъ-Ремо.

Молодой человѣкъ покачалъ головой, какъ будто хотѣлъ сказать: неисправимъ, хоть брось! и взглянулъ наверхъ. Лицо его показалось мнѣ знакомо, но сколько я ни старался, я не могъ припомнить, гдѣ я его видѣлъ. Русскихъ вообще трудно узнавать въ чужихъ краяхъ, они въ Россіи ходятъ по-нѣмецки безъ бороды, а въ Европѣ по-русски, отращивая съ невѣроятной скоростью бороду.

Мнѣ не пришлось долго ломать головы. Молодой человѣкъ съ тѣмъ добродушіемъ и съ той беззаботной сытостью въ выраженіи, съ которыми радовался оливамъ, бѣжалъ ко мнѣ и кричалъ по-русски:

«Вотъ не думалъ, не гадалъ—истинно говорятъ: гора съ горой не сходится... Да вы меня, кажется, не узнаете? Старыхъ знакомыхъ забывать стали?»

— Теперь-то очень узнаю; вы ужасно перемѣнились: и борода, и растолстѣли, и похорошѣли, такіе стали кровь съ молокомъ.

«In corpore sano, mens sana, отвѣчалъ онъ, отъ души смѣясь и показывая рядъ зубовъ, которому бы позавидовалъ волкъ,—и вы перемѣнились, постарѣли... А что? жизнь-то кладетъ свои нарѣзки? Впрочемъ, мы четыре года не видались; много воды утекло съ тѣхъ поръ».

— Не мало. Какъ вы сюда попали?

«Ѣду съ больнымъ...»

Это былъ лекарь московскаго университета, исправлявшій нѣкогда должность прозектора; лѣтъ пять передъ тѣмъ, я занимался анатоміей и тогда познакомился съ нимъ. Онъ былъ добрый, услужливый малой, необыкновенно прилежный, усердно зани-

мавшійся наукою à livre ouvert, т. е. никогда не ломая себѣ головы ни надъ однимъ вопросомъ, который не былъ разрѣшенъ другими, но отлично знавшій всѣ разрѣшенные вопросы.

— А! такъ этотъ зеленый товарищъ вашъ больной; куда же вы его дѣли?

«Это такой экземпляръ, что и въ Италіи у васъ не скоро сыщешь. Вотъ чудакъ-то. Машина была хороша, да немного повредилась (при этомъ онъ показалъ пальцемъ на лобъ), я и чиню ее теперь. Онъ шелъ сюда, да чортъ меня дернулъ сказать, что я васъ знаю, онъ перепугался; ипохондрія, доходящая до маніи; иногда онъ цѣлые дни молчитъ, а иногда говоритъ, говоритъ—такія вещи, ну просто волосъ дыбомъ становится, все отвергаетъ, все,—оно ужъ эдакъ черезъ край; я самъ, знаете, не очень бабьимъ сказкамъ вѣрю, однакожъ все же есть что-то. Впрочемъ, онъ претихой и предобрый; ему ѣхать за границу вовсе не хотѣлось. Родные уговорили, знаете, съ рукъ долой, ну да и языка-то его побаивались,—лакеи, дворники все на откупу у полиціи, поди тамъ оправдывайся. Ему хотѣлось въ деревню, а имѣніе у него съ сестрой недѣленое; та и перепугалась—коммунизмъ, говоритъ, будетъ мужикамъ проповѣдывать, тутъ и собирай недоимку. Наконецъ, онъ согласился ѣхать, только непремѣнно въ южную Италію, Magna Grecia! Отправляется въ Калабрію и вашъ покорный слуга съ нимъ въ качествѣ лейбъ-медика. Помилуйте, что за мѣсто, тамъ, кромѣ бандитовъ да поповъ, человѣка не найдешь; я вотъ проѣздомъ въ Марселѣ купилъ себѣ пистолетъ-револьверъ, знаете, четыре ствола такъ повертываются».

— Знаю. Однакожъ, должность ваша не изъ самыхъ веселыхъ: быть безпрестанно съ сумасшедшимъ.

«Вѣдь, онъ не въ самомъ дѣлѣ на стѣну лѣзетъ или кусается. Онъ меня даже любитъ по своему, хотя и не дастъ слова сказать, чтобы не возразить. Я, впрочемъ, совершенно доволенъ; получаю тысячу серебромъ въ годъ на всемъ готовомъ, даже сигарокъ не покупаю. Онъ очень деликатенъ, что до этого касается. Чего-нибудь стоитъ и то, что на свѣтъ посмотришь. Да, послушайте, надобно вамъ показать моего чудака».

— Богъ съ нимъ совсѣмъ. Кстати, вы не только другихъ не знакомьте, но и сами будьте осторожны, со мной вѣрноподданнымъ дозволяется только грубить, а не то, васъ, пожалуй, послѣ возвращенія изъ Италіи въ такую Калабрію пошлютъ, гдѣ ни поповъ, ни разбойниковъ нѣтъ. А, можетъ быть, и peggio—такое зададутъ arpeggio.

«Ха, ха, ха—экъ языкъ-то, языкъ, все тотъ же, все съ ядомъ, все бы кусаться, вотъ небось этого не забыли—arpeggio. Не боимся мы, наше дѣло медицинское; ну, позовутъ къ Леон-

тію Васильевичу, что же? Я скажу откровенно: помилуйте, генералъ, на дорогѣ встрѣтилъ человѣка, безъ живота лежитъ, не можетъ дальше ѣхать, ну, я ему лауданума съ мятой далъ, это обязанность званія, долгъ человѣчества. Онъ, вѣдь, и пойметъ, что это вздоръ, ну, да умный человѣкъ, скажетъ: ну, впередъ будьте осторожны, я говорю для вашего собственнаго блага, это отеческій совѣтъ,—такъ и отпуститъ. Нынче у насъ какъ-то меньше смотрятъ за этимъ, ей-Богу; у Излера пресса лежитъ такъ, какъ Петербургскія вѣдомости, просто на столѣ лежитъ».

— И притомъ еще отборные нумера, не такъ, какъ здѣсь сплошь да рядомъ.

«Смѣйтесь, смѣйтесь, много небось вы здѣсь выиграли февральской революціей?»

— У... у... да вы преопасный человѣкъ, вы ужъ разрѣшили эдакъ о мятежахъ и злоумышленникахъ говорить,—смотрите, до добра это не доведетъ.

«Я притащу моего паціента,—ну, что вамъ въ самомъ дѣлѣ, черезъ часъ разъѣдитесь; онъ предобрѣйшій человѣкъ и былъ бы преумный».

— Если-бъ не сошелъ съ ума.

«Это несчастіе... вамъ, ей Богу, все равно, а ему разсѣяніе и нужно и полезно».

— Вы уже меня начинаете употреблять съ фармацевтическими цѣлями, замѣтилъ я, но лекарь уже летѣлъ по коридору.

Я не подчинился бы его желанію и его русской распорядительности чужою волею, но меня, наконецъ, интересовалъ свѣтлозеленый коммунистъ-помѣщикъ и я остался его ждать.

Онъ взошелъ робко и застѣнчиво, кланялся мнѣ какъ-то больше, нежели нужно, и нервно улыбался. Чрезвычайно подвижные мускулы лица придавали странное и неуловимое колебаніе его чертамъ, которыя безпрерывно мѣнялись и переходили изъ грустно печальнаго въ насмѣшливое, а иногда даже въ простоватое выраженіе. Въ его глазахъ, по большей части никуда не смотрѣвшихъ, была замѣтна привычка сосредоточенности и большая внутренняя работа, подтверждавшаяся морщинами на лбу, которыя всѣ были сдвинуты надъ бровями. Не даромъ и не въ одинъ годъ мозгъ выдавилъ черезъ костяную оболочку свою такой лобъ и съ такими морщинами, не даромъ и мускулы лица сдѣлались такими подвижными.

«Евгеній Николаевичъ, говорилъ ему лекарь, позвольте васъ познакомить. Представьте, какой странный случай, вотъ гдѣ встрѣтился—старый пріятель, съ которымъ вмѣстѣ кошекъ и собакъ рѣзали».

Евгеній Николаевичъ улыбался и бормоталъ: —«Очень радъ... случай... такъ неожиданно... вы извините».

«А помните, продолжалъ лекарь, какъ мы собаченкѣ сторожа Сычёва перерѣзали пневмогастрическій нервъ,—закашляла голубушка».

Евгеній Николаевичъ сдѣлалъ гримасу, посмотрѣлъ въ окно и, откашлянувъ раза два, спросилъ меня:

— «Вы давно изволили оставить Россію?»

— Пятой годъ.

— «И ничего, привыкаете къ здѣшней жизни?» спросилъ Евгеній Николаевичъ и покраснѣлъ.

— Ничего.

— «Да-съ, но очень непріятная, скучная жизнь за границей».

«И въ границахъ», прибавилъ развязный лекарь.

Вдругъ, чего я никакъ не ожидалъ, мой Евгеній Николаевичъ покатился со смѣху и, наконецъ, послѣ долгихъ усилій, успѣлъ настолько успокоиться, чтобы сказать прерывающимся голосомъ:

— «Вотъ, Филиппъ Даниловичъ все со мной споритъ, ха, ха, ха... Я говорю, что земной шаръ или неудавшаяся планета, или больная; а онъ говоритъ, что это пустяки; какъ же послѣ этого объяснить, что за границей и дома жить скучно, противно», и онъ опять расхохотался до того, что жилы на лбу налились кровью. Лекарь лукаво подмигнулъ мнѣ съ такимъ видомъ превосходства, что мнѣ стало его ужасно жаль.

— «Отчего же не быть больнымъ планетамъ,—спросилъ пресерьезно Евгеній Николаевичъ,—если есть больные люди?»

«Оттого, отвѣчалъ лекарь за меня, что планета не чувствуетъ; гдѣ нѣтъ нервовъ, тамъ нѣтъ и боли».

— «А мы съ вами что? Да для болѣзни нервовъ и не нужно, бываетъ же виноградъ боленъ и картофель? Я того и смотрю, что земной шаръ или лопнетъ, или сорвется съ орбиты, полетитъ. Какъ это будетъ странно, и Калабрія, и мы съ вами, Филиппъ Даниловичъ, все полетитъ и вашего пистолета не нужно будетъ».—Онъ снова расхохотался и въ ту же минуту продолжалъ съ страстной настойчивостію, обращаясь ко мнѣ: «Такъ жить нельзя, вѣдь, это очевидно надобно, чтобы что-нибудь да сдѣлалось; лучше планетѣ съизнова начать; настоящее развитіе очень неудачно, есть какой-то фаутъ. При составѣ, что-ли, или когда мѣсяцъ отдѣлялся, что-то не сладилось, все идетъ съ тѣхъ поръ не такъ, какъ слѣдуетъ. Сначала болѣзни были острыя; каковъ былъ жаръ внутренній во время геологическихъ переворотовъ! Жизнь взяла верхъ, но болѣзнь оставила слѣды. Равновѣсіе потеряно, планета мечется изъ стороны въ сторону. Сначала ударилась въ количественную нелѣпость; ну, пошли ящерицы съ

домъ величины, папоротники такіе, что однимъ листомъ экзерциргаусъ покрыть можно, ну, разумѣется, все это перемерло, какъ же такимъ нелѣпостямъ жить? Теперь въ качественную сторону пошло,—еще хуже: мозгъ, мозгъ, нервы, развивались, развивались до того, что умъ за разумъ зашелъ. Исторія сгубитъ человѣка, вы, что хотите, говорите, а увидите—сгубитъ».

Послѣ этой выходки Евгеній Николаевичъ замолчалъ. Подали завтракъ, онъ очень мало ѣлъ, очень мало пилъ и во все время ничего не говорилъ, кромѣ «да» и «нѣтъ». Передъ концомъ завтрака онъ спросилъ бордо, налилъ рюмку, отвѣдалъ и поставилъ ее съ отвращеніемъ.

«Что, спросилъ лекарь, видно скверное?»

— «Скверное», отвѣчалъ паціентъ, и лекарь принялся стыдить трактирщика, бранить слугу, удивляться корыстолюбію людей, ихъ эгоизму, упрекалъ въ томъ, что трактирщики берутъ 35 процентовъ и все-таки обманываютъ.

Евгеній Николаевичъ равнодушно замѣтилъ, что онъ не понимаетъ, за что сердится лекарь, что онъ, съ своей стороны, не видитъ, отчего трактирщику не брать 65 процентовъ, если онъ можетъ, и что онъ очень умно дѣлаетъ, продавая скверное вино, пока его покупаютъ.

Этимъ нравственнымъ замѣчаніемъ кончился нашъ завтракъ.

III.

Поврежденный съ самаго перваго разговора удивилъ меня независимою отвагой больного ума. Онъ былъ явнымъ образомъ «надломленъ» и, хотя лекарь увѣрялъ меня, что онъ во всю жизнь не имѣлъ ни большого несчастія, ни большихъ потрясеній, я плохо вѣрилъ въ психологію моего добраго прозектора.

Мы поѣхали вмѣстѣ въ Геную и остановились въ одномъ изъ дворцовъ, разжалованныхъ въ нашъ мѣщанскій вѣкъ въ отели. Евгеній Николаевичъ не показывалъ ни особеннаго интереса къ моимъ бесѣдамъ, ни особеннаго отвращенія отъ нихъ. Съ докторомъ онъ безпрестанно спорилъ.

Когда темныя минуты ипохондріи подавляли его, онъ удалялся, запирался въ комнатѣ, рѣдко выходилъ, былъ желто-блѣденъ, дрожалъ какъ въ ознобѣ, а иногда, казалось, глаза его были заплаканы. Лекарь побаивался за его жизнь, бралъ глупыя предосторожности, удалялъ бритвы и пистолеты, мучилъ больного разводящими и ослабляющими нервы лекарствами, сажалъ его въ теплую ванну съ ароматической травой. Тотъ слушался съ желчной и озлобленной страдательностью, возражая на все и все исполняя, какъ избалованное дитя.

Въ свѣтлыя минуты онъ былъ тихъ, мало говорилъ, но вдругъ рѣчь его неслась какъ изъ прорвавшейся плотины, перерываемая спазматическимъ смѣхомъ и нервнымъ сжатіемъ горла, и потомъ скошенная середь дороги, она останавливалась, оставляя слушавшаго въ тоскливомъ раздумьи. Его странныя парадоксальныя выходки казались ему легкими, какъ таблица умноженія. Взглядъ его дѣйствительно былъ вѣренъ и послѣдователенъ тѣмъ произвольнымъ началамъ, которыя онъ бралъ за основу.

Онъ много зналъ, но авторитеты на него не имѣли ни малѣйшаго вліянія, это всего болѣе оскорбляло хорошо учившагося лекаря, который ссылался, какъ на окончательный судъ, на Кювье или на Гумбольдта!

— «Да отъ чего мнѣ—возражалъ Евгеній Николаевичъ—такъ думать, какъ Гумбольдтъ. Онъ умный человѣкъ, много ѣздилъ, интересно знать, что онъ видѣлъ и что онъ думаетъ, но меня-то это не обязываетъ думать, какъ онъ. Гумбольдтъ носитъ синій фракъ,—что-же и мнѣ носить синій фракъ? Вотъ, небось, Моисею такъ вы не вѣрите».

«Знаете-ли, говорилъ глубоко уязвленный докторъ, обращая рѣчь ко мнѣ, что Евгеній Николаевичъ не видитъ разницы между религіей и наукой,—что скажете?»

— «Разницы нѣтъ—прибавилъ тотъ утвердительно, развѣ то, что они одно и то же говорятъ на двухъ нарѣчіяхъ».

«Да еще то, что одна основана на чудесахъ, а другая на умѣ, одна требуетъ вѣры, а другая знанія».

— «Ну, чудеса-то тамъ и тутъ, все равно, только что религія идетъ отъ нихъ, а наука къ нимъ приходитъ. Религія такъ ужъ откровенно и говоритъ, что умомъ не поймешь, а есть, говоритъ, другой умъ поумнѣе, тотъ молъ сказывалъ вотъ такъ и такъ. А наука обманываетъ, воображая, что понимаетъ *какъ*;... а въ сущности, и та и другая доказываютъ одно, что человѣкъ неспособенъ знать всего, а такъ кое-что таки понимаетъ; въ этомъ сознаться не хочется, ну, по слабости человѣческой, люди и вѣрятъ, одни Моисею, другіе Кювье; какая повѣрка тутъ? Одинъ разсказываетъ, какъ Богъ создавалъ звѣрей и траву, а другой—какъ ихъ создавала жизненная сила. Противуположность не между знаніемъ и откровеніемъ въ самомъ дѣлѣ, а между сомнѣніемъ и принятіемъ на вѣру.

«Да на что же мнѣ принимать на вѣру какія-нибудь патологическія истины, когда я ихъ умомъ вывожу изъ законовъ организма?»

— «Конечно, было бы не нужно, да вѣдь ни вы, и никто другой не знаетъ этихъ законовъ, ну, такъ оно и приходится вѣрить, да помнить».

Въ мірѣ не было человѣка менѣе способнаго ладить съ нашимъ чудакомъ, какъ лекарь; онъ вовсе не былъ глупъ, но принадлежалъ къ числу тѣхъ свѣтлыхъ, практическихъ умовъ, умовъ подкожныхъ, такъ сказать, которые дальше разсудочныхъ категорій и общепринятыхъ мнѣній не только не идутъ, но и не могутъ идти. Онъ удивлялся, какъ я могъ иной разъ артистически наслаждаться разговорами Евгенія Николаевича и брать его сторону; я утѣшалъ его, говоря: «свой своему поневолѣ братъ».

«Однако, нѣкоторые законы организма намъ извѣстны», возражалъ защитникъ наукъ.

— «Какіе же, напримѣръ?»

«Мало ли, я не знаю, — да чтобы далеко не искать — вотъ вамъ общій законъ, все родившееся должно умереть».

— «Зачѣмъ же? возразилъ Евгеній Николаевичъ,—что за долгъ умирать? Да это и не законъ, это такъ, фактъ, внутренней необходимости никакой нѣтъ въ смерти; неужели вы думаете, что медицина не дойдетъ до того, чтобы продолжать жизнь до безконечности?»

При этомъ вопросѣ и я, грѣшный человѣкъ, взглянулъ на него почти такъ же, какъ докторъ.

— Я много встрѣчалъ людей, замѣтилъ я въ свою очередь,— вѣрющихъ и не вѣрющихъ въ безсмертіе души, но вы первый, который не вѣрите въ смертность тѣла.

— «Какъ не вѣрить, я не то говорю,—я только не вижу никакой серьезной необходимости въ смерти. Жить значитъ ѣсть окружающее; если пища будетъ поддерживать химическій процессъ, онъ и продолжится. Если пища будетъ мѣшать костямъ каменѣть, хрящу дѣлаться костью, крови становиться гуще или жиже, нежели надобно, на что же умирать? Родившееся должно жить; оно умираетъ не потому, что родилось, а потому, что не ту пищу нужно. Слѣдуетъ ли теперь изъ того, что мы плохіе повара, что смерть нельзя удалить на безконечное время? Жизнь лучше не проситъ, какъ продолжаться».

«Со стороны послушаешь, точно будто и дѣло—сказалъ Филиппъ Даниловичъ.—А вотъ какъ намъ быть съ этимъ, если медицина дойдетъ до того, что людей будутъ лечить отъ смерти; а планета, которая по вашему сильно хирѣетъ, совсѣмъ зачахнетъ и умретъ. Странное будетъ положеніе, переѣзжать придется на луну, или прямо на Венеру».

Вопросъ этотъ нѣсколько смутилъ Евгенія Николаевича, онъ задумался, походилъ по комнатѣ и потомъ съ видомъ человѣка, доискавшагося до важнаго разрѣшенія, отвѣтилъ:

— «Tout bien pris, болѣзнь не такъ глубока, я, можетъ, ошибался; во-первыхъ, ужъ то хорошо, что болѣзнь спеціальная—

одинъ только родъ человѣческій сю пораженъ. Да и родъ-то человѣческій не весь боленъ. Это мѣстная болѣзнь, эндемическая въ одной Европѣ. Такъ, какъ холера идетъ съ береговъ Инда, чума съ береговъ Нила, желтая лихорадка съ устьевъ Миссисипи, такъ болѣзнь историческаго развитія идетъ изъ Европы. Какъ только люди коснутся этой проклятой земли, такъ ихъ мозгъ и поражается болѣзнію. Съ пелазговъ, съ грековъ начиная и до нашего времени. Англія разнесла заразу по всему земному шару. Чего, Австралія совсѣмъ негодный материкъ, и тотъ не оставляютъ въ покоѣ. Въ Африкѣ жить нельзя европейцу, такъ по закраинѣ поселились,—вотъ вамъ за холеру, да за чуму; это ужъ не зубъ за зубъ, а челюсть за зубъ».

— Вы такъ разсуждаете, сказалъ я ему, шутя и взявъ его за обѣ руки...

— «Не обвиняйте меня, пожалуйста, не обвиняйте, возразилъ онъ съ чувствомъ, и не шутите надъ моими мыслями. Я самъ шутилъ надъ Руссо, и знаю, какъ Вольтеръ ему писалъ, что учиться ходить на четвереанькахъ поздно. Трудомъ тяжелымъ и мученическимъ дошелъ я до того, что понялъ, откуда все зло, понялъ, и самъ оробѣлъ; я никому не говорилъ, молчалъ, но когда страданія и плачъ людей становились громче и громче, зло очевиднѣе и очевиднѣе, тогда я пересталъ прятать истину. Мы погибшіе люди, мы жертвы вѣковыхъ отклоненій и платимъ за грѣхи нашихъ праотцевъ, гдѣ насъ лечить! Будущія-то поколѣнія, можетъ, опомнятся».

«Итакъ, à la fin des fins, выздоровленіе человѣка начнется тогда, когда вмѣсто прогресса люди пойдутъ вспять, съ цѣлью зачислиться со временемъ въ орангъ-утанги», сказалъ лекарь, закуривая свѣжую сигару.

— «Приблизиться къ животнымъ не мѣшаетъ, послѣ неудачныхъ опытовъ сдѣлаться ангелами. Всѣ звѣри разсчитаны по средѣ, въ которой жить должны, перестановки почти всегда гибельны. Рѣчная вода для насъ пріятнѣе и чище морской, а пустите въ нее какого-нибудь морского моллюска,—онъ умретъ. Человѣкъ вовсе не такъ богато одаренъ природой, какъ воображаетъ; болѣзненное развитіе его нервовъ и мозга увлекаетъ его въ жизнь ему несвойственную, высшую, въ ней онъ гибнетъ, чахнетъ, мучится. Гдѣ люди переломили эту болѣзнь, тамъ они успокоились, тамъ они довольны и были бы счастливы, если бы ихъ оставили въ покоѣ. Посмотрите на эти ряды поколѣній гдѣ-нибудь въ Индіи, природа имъ дала все съ избыткомъ, язва государственной и политической жизни прошла, болѣзненное преобладаніе ума надъ другими отправленіями организма утихло; всемірная исторія ихъ забыла, и они жили такъ, какъ людямъ

хорошо живется, такъ, какъ людямъ возможно жить, до проклятой Остъ-Индской кампаніи, которая все перепортила».

«Впрочемъ, замѣтилъ лекарь, толпа почти такъ и у насъ живетъ».

— «Это было бы важнѣйшее доказательство въ мою пользу, то, что вы называете толпой, это-то и есть человѣческій родъ; но толпѣ не даютъ жить такъ, какъ она хочетъ,—вотъ бѣда-то въ чемъ. Снизу кишитъ задавленное работой, изнуренное голодомъ населеніе, сверху вянетъ и выбивается изъ силъ другое населеніе, задавленное мыслію, изнуренное стремленіями, на которыя такъ же мало отвѣта, какъ мало хлѣба на голодъ бѣдныхъ. А между этими двумя болѣзнями, двумя страданіями, между лихорадкой отъ другой жизни и чахоткой отъ сумасшедшихъ нервъ, между ними лучшій цвѣтъ цивилизаціи, ея балованныя дѣти, единственные люди, кой-какъ наслаждающіеся, кто же они? Наши помѣщики средней руки и здѣшніе лавочники. Но природа себя въ обиду не даетъ... Она клеймитъ за измѣну не хуже всякаго палача... продолжалъ онъ, ходя по комнатѣ, и вдругъ остановился передъ зеркаломъ.—Ну, посмотрите на эту рожу—ха, ха, ха, вѣдь это ужасно, сравните любого крестьянина нашего со мной, новая varietas, которую Блуменбахъ проглядѣлъ, «кавказско-городская», къ ней принадлежатъ чиновники и лавочники, ученые, дворяне и всѣ эти альбиносы и кретины, которые населяютъ образованный міръ,—племя слабое, безъ мышцъ, въ ревматизмѣ, и при томъ глупое, злое, мелкое, безобразное, неуклюжее—точь въ точь я, старикъ въ тридцать пять лѣтъ безпомощный, ненужный, который провелъ всю жизнь какъ крессъ-салатъ, выращенный зимой между двухъ войлоковъ,—фу, какая гадость! Нѣтъ, нѣтъ, такъ продолжаться не можетъ, это слишкомъ нелѣпо, слишкомъ гнило. Къ природѣ... Къ природѣ на покой,—полно строить и перестраивать вавилонскую башню общественнаго устройства; оставить ее да и кончено, полно домогаться невозможныхъ вещей. Это хорошо влюбленнымъ дѣвочкамъ мечтать о крыльяхъ, von einer besseren Natur, von einem andern Sonnenlichte. Пора домой на мягкое ложе, приготовленное природой, на свѣжій воздухъ, на дикую волю самоуправства, на могучую свободу безначалія».

«Такъ это уже просто въ разсыпную по лѣсамъ?» замѣтилъ Филиппъ Даниловичъ.

— «Люди всегда будутъ жить стадами», отвѣтилъ докторально нашъ чудакъ.

— Евгеній Николаевичъ—прибавилъ я—а, вѣдь, какъ люди-то надуютъ философію исторіи и ученіе о совершенствованіи, когда они вылечатся отъ хронической болѣзни historia morbus и начнутъ жить мирными стадами?

— «Да, да, съ восторгомъ подхватилъ онъ — Кондорсе-то съ своей книжкой, ха! ха!»

И Евгеній Николаевичъ, раскраснѣвшійся въ лицѣ, съ жилами, налившимися кровью на лбу, вдругъ сморщился, сдѣлалъ серьезный видъ и упорно замолчалъ.

IV.

— Вы тамъ что ни толкуйте, Филиппъ Даниловичъ, а въ исторіи вашего больнаго есть какія-нибудь странныя событія, сказалъ я разъ доктору, гуляя съ нимъ по мраморной террасѣ у моря.

«Ну, да какъ не быть чего-нибудь, кто же до тридцати пяти лѣтъ доживалъ безъ какихъ-нибудь непріятностей».

— Какія же, однако, были у него непріятности?

«Я важнаго ничего не знаю. Вы сами видите, какой организмъ, нервы почти наружѣ, всякая всячина его раздражаетъ, крови нѣтъ, отъ природы слабъ, пищевареніе скверное, матери было за сорокъ лѣтъ, когда онъ родился, да еще по смерти отца, форсепсомъ полуживого достали. А тутъ петербургскій климатъ, богатство, англійская болѣзнь, глупое холенье довоспитали. Съ родными онъ никогда особенно близокъ не бывалъ; оно и не мудрено, онъ давно уже занимается болѣзнію земного шара, и излеченіемъ рода человѣческаго отъ исторіи, а тѣ думаютъ, какъ бы побольше денегъ слупить съ крестьянъ. Разумѣется, хозяйство шло у него черезъ пень-колоду; сестра жила на его счетъ, и теперь на его счетъ всю семью содержитъ, да это его и не заботитъ, благо конца нѣтъ деньгамъ. Сначала, говорятъ, онъ жилъ покойно, занимался науками, не выходилъ почти никогда изъ своей половины, пристрастился къ музыкѣ, читалъ всякую всячину, только на службу никакъ не хотѣлъ. Потомъ говорили, какая-то дѣвчонка обманула его и обобрала. Онъ все становился пасмурнѣе, тяжеле для окружающихъ, ипохондрія развивалась, они его и спровадили».

— Какая же это дѣвчонка его обманула?

«У васъ такъ ужъ въ головѣ и вертятся Вертеръ и Шарлотта, письма, пистолеты, — мечтатели и вы страшные; успокойтесь, исторія эта очень проста, Шарлотта была сестрина горничная. Онъ презастѣнчивой и отроду не подходилъ близко къ женщинѣ, не знаю ужъ, какъ тамъ ихъ Богъ свелъ, только говорятъ, онъ ее любилъ, воображалъ, что чудо открылъ, кантатрису, а она какъ-то, сговорившись съ любовникомъ, обокрала его, — вотъ вамъ и весь романъ. Я видѣлъ ее передъ отъѣздомъ, такъ, неважная, а впрочемъ недурна, если-бъ мы дольше остались въ Петербургѣ, я, такъ и быть, приволокнулся бы за ней».

Больше я не могъ ничего добиться отъ моего патолога; мнѣ было досадно, что онъ, такъ играя, скользитъ по жизни, досадно, а, можетъ, и завидно...

Стройная, высокая генуэзска въ черномъ платьѣ и покрытая бѣлымъ, длиннымъ, прикрѣпленнымъ къ косѣ вуалемъ, шмыгнула мимо насъ, незамѣтно улыбнулась, прищурила глаза и быстро прошла. Ah che bellezza, che bellezza! закричалъ лекарь. Она обернулась и поблагодарила его тѣмъ граціознымъ, легкимъ, чисто итальянскимъ движеніемъ руки, которымъ они кланяются, и, какъ будто этого было мало, кивнула своей прекрасной головкой. Лекарь бросился за ней.

Я оставилъ его и пошелъ въ Stabilimento della Concordia.

Это самое изящное, самое красивое кафе во всей Европѣ. Тамъ, бродя между фонтанами, цвѣтами, при гремящей музыкѣ и ослѣпительномъ освѣщеніи, переходя изъ мраморныхъ залъ въ садъ и изъ саду въ залы, разкрытыя al fresco, середь энергическихъ, вороныхъ головъ римскихъ изгнанниковъ, середь безконечныхъ савойскихъ усовъ и генуэзскихъ породистыхъ красавицъ, я продолжалъ думать о поврежденномъ.

Вспоминая его рѣчи и разсказъ лекаря, я пошелъ къ одному изъ маленькихъ столиковъ въ саду и спросилъ граниту. Увидя меня, человѣкъ, сидѣвшій за ближнимъ столомъ, поспѣшно всталъ, выпилъ наскоро свою рюмку росоліо и собрался уйти. Это былъ слуга Евгенія Николаевича, который такъ по-русски тянулся на козлахъ.

— Для чего-жъ вы это идете? Я вамъ не мѣшаю, ни вы мнѣ.

— Помилуйте-съ, отвѣчалъ Спиридонъ, снявши шляпу,—оно нашему брату не приходится, то есть съ господами.

— Вѣдь, вы теперь не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ. Пожалуйста, надѣньте вашу шляпу и останьтесь, или я уйду.

Онъ остался и надѣлъ шляпу, но садиться не хотѣлъ никакъ.

— Да, вѣдь, вы сидѣли же прежде меня, почемъ вы знаете, кто были ваши сосѣди, можетъ князья какіе-нибудь? спросилъ я.

— Это точно-съ. Но, вѣдь, вы русскіе, а тѣ что же—тальянцы-съ.

— Voilà mon homme, подумалъ я, и потребовалъ у камеріера графинчикъ марсалы и двѣ рюмки.

— Что это вашъ Евгеній-то Николаевичъ здоровьемъ эдакъ разстроенъ; жаль его, такой, кажется, хорошій человѣкъ.

— Это-съ, позвольте вамъ доложить, такихъ господъ нарѣдкость, самый душевной-съ характеръ. Какъ же не жаль-съ, оченно даже жаль; мыслями все разстроиваются... такой нравъ-съ. Все изволютъ къ сердцу брать и никакой отрады не имѣютъ. Бывало, когда имъ на душѣ не хорошо сдѣлается, сядутъ за кла-

викордъ,—то есть такъ играли, что не уступятъ любому музыканту въ александрынскомъ оркестѣ. Господа, прекрасно одѣтые, барыни, настоящія, останавливались иной разъ на улицѣ. Бывало, въ передней сидишь, сердце радуется, каково нашъ-то отличается. Иногда такъ жалобно играютъ, что даже истома возьметъ,—отмѣнно играли. Ну, впрочемъ, какъ оставили музыку, такъ больше стали сбиваться, по нашему замѣчанію.

— Да развѣ онъ совсѣмъ не игралъ дома послѣднее время?

— Больше двухъ годовъ-съ. Разъ Софія Николаевна, сестрица ихъ, бывши въ ихъ комнатѣ, отворили клавикордъ и такъ взяли одну акорду: «Вечеркомъ красна дѣвица». А Евгеній Николаевичъ только глухо сказали: «Зачѣмъ это вы, сестрица, Боже мой». Да такъ, какъ пластъ и упали, потомъ сдѣлались спазмы, слезы и смѣхъ-съ,—съ полчаса продолжалось. Дохтуръ говоритъ: нервы у нихъ такъ разстроены, не могутъ слышать музыки. Такъ съ тѣхъ поръ нашъ домъ и замолкъ-съ. А имъ все хуже; въ лицѣ много перемѣны, старѣютъ... Такъ жаль, что сказать нельзя, больше все молчатъ, а иногда слово одно скажутъ: «Ты усталъ чай, Спиридонъ, поди-ка да лягъ», такимъ трогательнымъ голосомъ и взглядъ такой добрый у нихъ сдѣлается, и видно самимъ-то имъ плохо, наболѣло на сердцѣ; вотъ тѣ и богатства и все,—иной разъ доложить вамъ откровенно слеза прошибетъ.

— Мнѣ Филиппъ Даниловичъ говорилъ, что у Евгенія Николаевича какая-то исторія была съ горничной.

— Дѣло точно было-съ. И она, эта самая Ульяна, доводится мнѣ сродни, племянница, сестрина дочь. Наварила каши, чего сама не стоитъ,—а добрѣйшая душа была, ей-Богу-съ. Жаль, что баринъ тогда такъ къ сердцу приняли и огорчились. Просто дуру слѣдовало проучить и все тутъ; и она благодарить стала бы потомъ, ей всего было лѣтъ восьмнадцать, какой умъ въ эти лѣта, къ тому же баловство-съ.

— Да въ чемъ же дѣло-то?

— Извольте видѣть, Ульяна эта у Софіи Николаевны при комнатѣ находилась, и барыня ее жаловали, умница такая была. Былъ у насъ тоже-съ человѣкъ Ѳедоръ, человѣкъ пьющій, но впрочемъ игралъ на скрыпкѣ отмѣнно; только рука ужъ очень дрожала отъ горячихъ напитковъ, а чести былъ примѣрной. Вотъ Ѳедоръ этотъ возьми и обучи пѣсни пѣть Ульяну, голосомъ она брала-съ и на музыку препонятливая. Такъ это шло годъ, другой и никто подумать не могъ, что за катавасія выйдетъ. Баринъ нашъ слышали нѣсколько разъ, какъ Ульяна поетъ, и говорятъ сестрицѣ: вѣдь, это кладъ, дайте ей, молъ, вольную, а я ее пѣвицей сдѣлаю. Вотъ извольте замѣтить, какая душа, не хотѣли, чтобы, обучимшись, крѣпостной осталась. Сестрица имъ въ глаза

смотрѣли: «сейчасъ, молъ, Енюша», и отпускную совершила. Учитель ходилъ изъ нѣмцовъ, иной разъ съ нами вступалъ въ разговоръ, шинель когда подаешь или что, пріостановится, не гордой, былъ простой,—вотъ какъ вы теперь изволите примѣромъ со мной разговаривать,—ну, говорилъ онъ, а помѣщикъ вашъ въ музыкѣ собаку съѣлъ, мнѣ у него учиться приходится и голосъ у фрейленъ Юльхенъ оченно прекрасенъ; да и глаза-то у нея не дурны, философъ-то вашъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Ну, такъ, бывало, посмѣемся для балагурства, а то въ самомъ-то дѣлѣ онъ у насъ велъ себя, какъ красная дѣвица, только къ церкви не былъ прибѣженъ и постовъ не соблюдалъ. Однако, мы стали замѣчать ужъ и промежъ себя, что Евгеній Николаевичъ очень руководствуются Ульяной. Ужъ и сестрица-то перепужались, что, молъ, много воли заберетъ. Но только она никому вреда никогда не дѣлала и смысла не имѣла о томъ; такъ дѣтской, пустой нравъ, безъосновательной,—поетъ себѣ, бывало, день-деньской да конфетъ накупитъ, а грубаго слова никто не слыхалъ, со всѣми преласковая была. Къ тому случаю у Евгенія Николаевича будь камердинеромъ Архипъ. Съ дѣтства при нихъ состоялъ, только былъ года четыре помоложе, казачкомъ такъ поступилъ съ малолѣтства къ Евгенію Николаевичу на половину. И кто его знаетъ, какой человѣкъ, не то что дурной, а безалаберной и нерегулярной. Пить пойдетъ, весь домъ поитъ до положенія ризъ и съ себя все спуститъ, часы, жилетку, исподнее. Баринъ его жаловали очень, съ дѣтства, напримѣръ, росли вмѣстѣ и, что ему давали, невѣроятно, они же забывчивы. Евгеній Николаевичъ ему вѣрили, какъ самому себѣ. Вотъ этотъ самый Архипъ и сбилъ съ толку Ульяну. Мудрено ли глупую дѣвку съ ума свести, а ужъ это до добра въ домѣ никогда не доводитъ; на сторонѣ развѣ мало есть, слава Богу, этого снадобья довольно, Петербургъ не клиномъ сошелся. Сначала все шло благополучно, вдругъ только случись такая бѣда, что у насъ въ домѣ отродясь не бывало: у барина изъ шкатунки пропало двѣ тысячи рублевъ. Евгеній Николаевичъ, изволите видѣть сами, какой человѣкъ, самый безсчетный, они бы, можетъ, и не догадались, но деньги-то слѣдовало сестрицѣ отдать, они ихъ и приготовили съ вечера, утромъ хвать-похвать, а денегъ нѣтъ. Поднялся въ домѣ гвалтъ, Архипъ нашъ суетится, ищетъ, платья швыряетъ, волосы на себѣ рветъ—денегъ нѣтъ. Баринъ-то и ничего, словно не его дѣло, но Софія Николаевна расходилась, говоритъ,—это дѣло Ѳедьки музыканта, онъ все пьянъ, откуда деньги беретъ. Такъ-съ женское разсужденіе, видите—на вино эдакой кушъ укралъ. Взялъ я смѣлость и говорю: вы меня простите, барыня, а только Ѳедоръ человѣкъ слабый, точно, но воромъ не будетъ, я его съ малолѣтства знаю. Ты, говоритъ,

молчи, да за себя отвѣчай, и Ѳедора отправили при запискѣ во вторую адмиралтейскую. Жаль мнѣ стало старика, такъ, мочи нѣтъ, сошелъ я въ людскую, да и говорю: ребята, если воръ дома, слѣдуетъ его сыскать и выдать, а стараго человѣка и невиннаго не приходится отдать на терзаніе, хоша на то и барская воля, но мы, въ очистку себя и его, вора поймать должны. Всѣ наши говорятъ въ одно слово, какъ не сыскать вора, коли дома. Ну, думаю, постой, не уйдешь ты, голубчикъ, отъ нашего глаза, а самъ пошелъ наверхъ и присматриваюсь часокъ-другой, такъ, какъ будто не мое дѣло. Вижу я-съ эдакъ въ Архипѣ перемѣну, э, братъ, это не модель,—суетится слишкомъ Архипъ, ищетъ послѣ обѣда за диваномъ, изволите знать, у насъ что называются турецкимъ диваномъ, подушки по стѣнѣ. Что, молъ, ты это Архипъ хлопочешь? Да что, говоритъ, все эти проклятыя деньги, такая бѣда.

— Да какъ же, молъ, деньгамъ попасть за диванъ?

А онъ мнѣ въ отвѣтъ: — Да вотъ, молъ, подите съ полоумнаго спрашивайте отчетъ, все побросаетъ, а потомъ ищи за нимъ, да еще чего добраго скажутъ, что кто-нибудь укралъ.

Посмотрѣлъ я ему въ глаза, вижу взглядъ не хорошъ, ну, думаю, была не была—то есть Ѳедора мнѣ было смерть жаль, да и на домъ похула не хороша,—я таки, не говоря худого слова, хвать его въ грудь, да и на полъ, тутъ я его колѣнкой прижалъ да и говорю: «ну, признавайся, мошенникъ, твое это дѣло, а другихъ не марай и за себя не губи». Онъ такъ оторопѣлъ, что ни слова. На этотъ шумъ выходитъ баринъ. Я ему докладываю: батюшка, молъ, Евгеній Николаевичъ, извольте меня на поселенье послать, какъ угодно, а деньгамъ вашимъ воръ никто иное, какъ Архипъ. — Да ты, братецъ, пьянъ, баринъ-то мнѣ въ отвѣтъ— оставь его, какъ воромъ называть?

— Нѣтъ-съ, говорю, воля ваша, а я не пьянъ и до квартальнаго надзирателя его не пущу. Что Ѳедора, невиннаго человѣка, сестрица ваша отправила въ часть, это Богъ разсудитъ. А воръ вашихъ денегъ вотъ.

— Баринъ эдакъ пріостановился, подумалъ и такимъ тихимъ и грустнымъ голосомъ сказалъ: Архипъ, неужели въ самомъ дѣлѣ? Не выдержалъ Архипъ, въ три ручья залился, рванулся отъ меня и барину въ ноги. «Виноватъ, говоритъ, кругомъ виноватъ и запираться не намѣренъ. Запутался я въ одномъ нечистомъ дѣлѣ, мнѣ приходилось въ острогъ идти или выкупиться, ну, лукавый подтолкнулъ меня. Готовъ я всякое наказаніе принять, а деньги ваши, Евгеній Николаевичъ, еще цѣлы». При этомъ онъ, въ азартѣ, расплаканный, вытащилъ изъ кармана ассигнаціи, завернутыя въ бумажку, и подалъ.

Баринъ все время не говорили ни слова, только взявши деньги, они вздрогнули и вышли вонъ. А Архипъ такъ и взвылъ: посажу себѣ пулю въ лобъ, не хочу больше горе мыкать, лучшаго я не достоенъ. Господи, что я надѣлалъ, вѣдь деньги-то были завернуты въ Ульянино письмо,—сгубилъ я себя и ее.

«Спиридонъ», позвалъ баринъ изъ кабинета,—я взошелъ. А Архипъ такъ и остался на колѣняхъ, расплаканный, индо самому мнѣ жаль его стало. Баринъ стояли близъ дверей, прислонимшись къ стѣнѣ, такой страшной, будто не живой, губы посинѣли; они два раза хотѣли что-то сказать,—и не могли, голоса не было, потомъ они такъ ручку приложили ко лбу,—плохо-съ имъ было. Собрались съ силами, наконецъ, и говорятъ такимъ глухимъ голосомъ:—«Спиридонъ, никто въ домѣ не знаетъ, что было. Такъ вотъ поди сюда, вотъ отпускная Архипа и еще отпускная—тутъ они остановились, однако такъ и не сказали — такъ ты имъ отдай, да устрой, чтобы сейчасъ изъ дому переѣхали, только сейчасъ, не мѣшкая, возьми, сколько надобно, денегъ изъ тѣхъ. Да ты, Спиридонъ, сдѣлай это все помягче, понимаешь: ну, да хорошо, ступай», прибавилъ онъ, видя, что слова-то не выходятъ.

Ну, ужъ какъ бѣдная Ульяна плакала, у меня сердце надорвалось. И взять ничего не хотѣла своего, у меня ничего, говоритъ, нѣтъ собственнаго. Хоть бы взглянуть еще разъ на него, прощенья бы попросить, руку бы поцѣловать. Вѣдь, какъ добръ-то онъ былъ ко мнѣ, какъ ласково смотрѣлъ,—пусть бы, кажется, побилъ меня, все лучше бы было. Ну, я говорю, послушай Уля, о томъ надобно было думать прежде, а теперь убирай-ка свои пожитки. Пока я съ ней хлопоталъ, привелъ полицейской Ѳедора и комиссаръ съ нимъ, говоритъ, сколько мы его не принимались сѣчь, не признается, видно деньги не онъ укралъ. Я посмотрѣлъ, Ѳедоръ въ лицѣ не хорошъ. Комиссаръ говоритъ: барынѣ слѣдуетъ допросить другихъ, на кого есть подозрѣніе; она пошла къ братцу, что-то по-французски потолковали, вдругъ она выходитъ въ залъ и говоритъ комиссару: «Представьте, какой случай, братъ мой нашелъ деньги, мнѣ право совѣстно, что васъ даромъ обезпокоили».—«Помилуйте, это наша обязанность», говоритъ комиссаръ, а она ему красненькую, да Ѳедора приказала чаемъ напоить.

Я вечеромъ взошелъ съ докладомъ, баринъ сидѣлъ за столомъ, опершись на обѣ руки. Увидѣвши меня, онъ какъ съ испуга вскочилъ, поднялъ руку и сказалъ: «Не нужно». Съ тѣхъ поръ и помину не было объ этой исторіи. Тѣмъ дѣло почитай и кончилось. Ну, только Ѳедоръ слегъ въ постель, да мѣсяца черезъ два и померъ. Невинную душу загубила Софья Николаевна. Наше крѣпостное дѣло, не приведи Богъ!

— Я не понимаю въ этой исторіи одного, какъ же Ульяна могла такъ сблизиться съ Архипомъ,—изъ вашихъ словъ видно, что она Евгенія Николаевича любила.

— Да еще какъ-съ. Вотъ теперь третій годъ пошелъ, какъ она выбыла изъ дома, безъ слезъ ни разу не говорила о баринѣ и Архипъ ей совсѣмъ опостылѣлъ; онъ, впрочемъ, ушелъ въ солдаты охотникомъ, мы объ немъ не слыхали послѣ. Все вѣтренность-съ и баловство. По нашему простому разсужденію, извольте видѣть, Ульяна и не подумала, ей и въ голову не приходило, что она барину въ самомъ дѣлѣ что-нибудь значитъ. Вѣдь, все же онъ былъ баринъ, не могла же она его не бояться, быть его ровней, не могла эдакъ вольной духъ имѣть съ нимъ, какъ съ Архипомъ, они же по характеру всегда серьезны бывали. Изволите сами знать, молодость кипитъ, все бы смѣхи да дурачества. Ну, Архипъ мелкимъ бѣсомъ, бывало, разсыпается, и пляшетъ, и на торбанѣ играетъ, и кроновскимъ пивомъ подчуетъ, и мороженымъ угощаетъ,—всякой подъ Богомъ ходитъ, оно нехорошо потачку давать, но такъ къ слову, по человѣчеству разсудить, такъ оно и понятно. Въ самый день нашего отъѣзда, утромъ изъ ресторацін съ Сучка, гдѣ мы обыкновенно чай пивали, прибѣгаетъ за мной половой, говоритъ, барыня васъ требуетъ какая-то. Что, думаю, за пропасть, однако пошелъ. Смотрю, Ульяна сидитъ и опять заливается слезами. Дяденька, говоритъ, уладьте, какъ хотите, мнѣ бы хоть взглянуть на Евгенія Николаевича, и что у нихъ за сердце, за жесткое, что гнѣваются такъ долго; меня, говоритъ, въ театръ въ хористки взяли, ему вѣдь я обязана, что пѣть обучилъ. Хоть бы поблагодарить, слово одно сказать, камень точно на сердцѣ. Да еще Василиса говоритъ, что и болѣзнь ихъ все черезъ меня,—жизнь мнѣ не мила. Не хотѣлось мнѣ долго барина безпокоить, но вижу, она никакого интереса не имѣетъ, а сильно кручинится, думаю, что же, головы не сниметъ. Вхожу въ кабинетъ, Евгеній Николаевичъ какъ обыкновенно сидятъ въ задумчивости, видъ ничего, добрый. Я эдакъ, немного позамямшись, говорю: да вотъ еще, Евгеній Николаевичъ, я осмѣлюсь доложить, такъ ужъ оченно меня просила... Вдругъ у нихъ глаза такъ сверкнули, лицо перемѣнилось. Я поскорѣе за чемоданъ. Она потомъ, бѣдняжка, въ людской спряталась, чтобы въ окно взглянуть, когда мы поѣдемъ, тутъ я Филиппу Даниловичу ее показывалъ...

— Я вамъ очень, очень благодаренъ, сказалъ я Спиридону; ну, пойдемте-ка въ наше Croce di Malta, да выпьемте послѣднюю рюмку марсалы за здоровье бѣдной Ульяны. Мнѣ ее жаль, несмотря ни на что.

— Точно-съ, не наше дѣло чужіе грѣхи судить, и за ваше, сударь, здоровье, съ тѣмъ вмѣстѣ, прибавилъ Спиридонъ...

С. Еленъ, возлѣ Ниццы. Зимой, 1851.

Трагедія за стаканомъ грока.

Тебѣ, другъ мой Тата, дарю я этотъ разсказъ въ память нашего свиданія въ Неаполѣ.

28 сентября, 1863 г.

Очерки, силуеты, берега безпрерывно возникаютъ и теряются, вплетаясь своей тѣнью и своимъ свѣтомъ, своей ниткой въ общую ткань движущейся съ нами картины.

Этотъ мимоидущій міръ, это проходящее, все идетъ и все не проходитъ, а остается чѣмъ-то *всегдашнимъ*. Мимо идетъ, видно, *вѣчное*, оттого оно и не проходитъ. Оно такъ и отражается въ человѣкѣ. Въ отвлеченной мысли—нормы и законы; въ жизни—мерцаніе едва уловимыхъ частностей и пропадающихъ формъ.

Но въ каждой задержанной былинкѣ несущагося вихря тѣ же мотивы, тѣ же силы, какъ въ землетрясеніяхъ и переворотахъ, и буря въ стаканѣ воды, надъ которой столько смѣялись, вовсе не такъ далека отъ бури на морѣ, какъ кажется.

I.

Я искалъ загородный домъ. Утомившись одними и тѣми же вопросами, одними и тѣми отвѣтами, — я взошелъ въ трактиръ, передъ которымъ стоялъ столбъ и на столбѣ красовался портретъ Георга IV—въ мантіи, шитой на манеръ той шубы, которую носитъ бубновый король, въ пудрѣ, съ взбитыми волосами и съ малиновыми щеками. Георгъ IV, повѣшанный какъ фонарь и нарисованный на большомъ желѣзномъ листѣ, не только видомъ напоминалъ путнику о близости трактира, но и какимъ-то нетерпѣливымъ скрежетомъ петлей, на которыхъ онъ висѣлъ.

Сквозь сѣни былъ виденъ садъ и лужайка для игры въ шары; я прошелъ туда. Все было въ порядкѣ, то есть совершенно такъ, какъ бываетъ въ загородныхъ трактирахъ подъ Лондономъ. Столы и скамьи подъ трельяжемъ, раковины въ видѣ

руинъ, цвѣты, посаженные такъ, чтобы вышелъ узоръ или буква; лавочники сидѣли за всѣми столами съ супругами (можетъ быть, не съ своими) и тяжело напивались пивомъ, сидѣльцы и работники играли шарами тяжести и величины огромнаго пушечнаго ядра, не выпуская изъ рта трубки.

Я спросилъ стаканъ гроку, усаживаясь въ стойло подъ трельяжемъ.

Толстый слуга въ очень истертомъ и узкомъ черномъ фракѣ, въ черныхъ и лоснящихся панталонахъ, приподнялъ голову и вдругъ, какъ обожженный, повернулся въ другую сторону и закричалъ: «Джонъ—водки и воды въ 8-й №». Молодой, неловкій и рябой до противности малый принесъ подносъ и поставилъ передо мной.

Какъ ни быстро было движеніе толстаго служителя, но лицо его мнѣ показалось знакомо; я посмотрѣлъ,—онъ стоялъ спиной ко мнѣ, прислонясь къ дереву. Фигуру эту я видѣлъ; но какъ ни ломалъ себѣ голову, вспомнить не могъ; удрученный, наконецъ, любопытствомъ и улучивъ минуту, когда Джонъ побѣжалъ за пивомъ, я позвалъ слугу.

— Yes, Sir! отвѣчалъ спрятавшійся за дерево слуга, и, какъ человѣкъ, однажды рѣшившійся на трудный, но неотвратимый поступокъ, какъ комендантъ, вынужденный сдать крѣпость,—онъ бодро и величественно подошелъ ко мнѣ, нѣсколько помахивая грязной салфеткой.

Эта величественность и показала мнѣ, что я не ошибся, что я имѣю дѣло съ старымъ знакомымъ.

...Три года тому назадъ останавливался я на нѣсколько дней въ одномъ аристократическомъ отелѣ на Isle of Wight. Въ Англіи эти заведенія не отличаются ни хорошимъ виномъ, ни изысканной кухней, а обстановкой, рамами, и на первомъ планѣ—прислугой. Офиціанты въ нихъ совершаютъ службу съ важностію нашихъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ прежняго времени—и современныхъ камергеровъ при нѣмецкихъ заднихъ дворахъ.

Главнымъ Waiter'омъ въ Royal Hotel былъ человѣкъ неприступный, строгій къ гостямъ, взыскательный къ живущимъ; онъ бывалъ снисходителенъ только къ людямъ привычнымъ къ отельной жизни. Новичковъ онъ не баловалъ и вмѣсто ободренія—взглядомъ обращалъ назадъ дерзкій вопросъ, «какъ могутъ котлета съ картофелемъ и сыръ съ латукомъ стоить 5 шилл.?» Во всемъ, что онъ дѣлалъ, была обдуманность, потому что онъ ничего не дѣлалъ спроста. Въ градусѣ поворота головой и глазами и въ тонѣ, которымъ онъ отвѣчалъ Yes, Sir, можно было до мелочи знать лѣта, общественное положеніе и количество издерживаемыхъ денегъ господина, который звалъ.

Разъ, сидя одинъ въ кабинетѣ съ открытымъ окномъ, я его спросилъ: позволяютъ ли здѣсь курить. Онъ отступилъ отъ меня къ двери—и, выразительно глядя на потолокъ, онъ мнѣ сказалъ голосомъ, въ которомъ дрожало негодованіе:

— «Я, Sir, не понимаю, Sir, что вы спрашиваете?»

— Я спрашиваю, можно-ли курить здѣсь? сказалъ я, поднимая голосъ, что всегда удается съ вельможами, служащими въ Англіи за трактирнымъ столомъ.

Но это былъ не обыкновенный вельможа, — онъ выпрямился, но не потерялся, а отвѣчалъ мнѣ съ видомъ Каратыгина въ Коріоланѣ:

— «Не знаю, въ мою службу, сэръ, этого не случалось, *такихъ* господъ не бывало—я справлюсь у говернора»...

Не нужно и говорить, что губернаторъ велѣлъ меня за такую дерзость конвоировать въ душный smoking room, куда я не пошелъ.

Несмотря на гордый нравъ и на постоянно бдящее чувство своего достоинства и достоинства Royal Hotel, главный Waiter сдѣлался ко мнѣ благосклоненъ, и этому я обязанъ не личнымъ достоинствомъ, а мѣсту рожденія, — онъ узналъ, что я русскій. Имѣлъ ли онъ понятіе о вывозѣ пеньки, сала, хлѣба и казеннаго лѣса, я не могу сказать,—но онъ положительно зналъ, что Россія высылаетъ заграницу огромное количество князей и графовъ, и что у нихъ очень много денегъ. (Это было до 19 февраля 1861 г.).

Какъ аристократъ по убѣжденіямъ, по общественному положенію и по инстинктамъ, онъ съ удовольствіемъ узналъ, что я русскій. И желая поднять себя въ моихъ глазахъ и сдѣлать мнѣ пріятное, онъ какъ-то, граціозно играя листкомъ плюща, висѣвшаго надъ дверью въ садъ, обратился ко мнѣ съ слѣдующей рѣчью:

— «Дней пять тому назадъ я служилъ вашему великому князю,—онъ пріѣзжалъ съ ея величествомъ изъ Осборна».

— А!

— «Ея величество, His Highness, кушали лончь; вашъ эрчдюкъ очень хорошій молодой человѣкъ», прибавилъ онъ, одобрительно закрывая глаза,—и, ободривъ меня такимъ образомъ, поднялъ серебряную крышку, подъ которой не простывала цвѣтная капуста.

Когда я поѣхалъ, онъ указалъ мизинцемъ дворнику на мой дорожный мѣшокъ, но и тутъ, желая засвидѣтельствовать свою благосклонность, схватилъ мою записную книжку и самъ ее донесъ до кеба. Прощаясь я ему подалъ гафкрону—сверхъ взятаго за службу; онъ ее не замѣтилъ, и она какимъ-то чародѣйствомъ опустилась въ карманъ жилета, такой бѣлизны и крахмальной упругости, которыхъ мы съ вами не допросимся у прачки...

...Ба! — сказалъ я, сидя въ стойлѣ трактирнаго сада служителю, подававшему мнѣ спички; да мы старые знакомые!..

Это былъ *онъ*.

— «Да, я *здѣсь*»—сказалъ Waiter,—и вовсе не былъ похожъ ни на Каратыгина, ни на Коріолана.

Это былъ человѣкъ, разбитый глубокимъ горемъ, въ его видѣ, въ каждой чертѣ его лица выражалось невыносимое страданіе, человѣкъ этотъ былъ убитъ несчастьемъ. Онъ сконфузилъ меня. Толстое румяное лицо его, откормленное до арбузной упругости и полноты мясами Royal Hotel'я, висѣло теперь неправильными кусками, обозначая какъ-то мускулы въ лицѣ; черные бакенбарды его, подбритые на поллицѣ, съ необыкновенно удачнымъ выемомъ къ губамъ, одни остались памятникомъ инаго времени.

Онъ молчалъ.

— Вотъ не думалъ... сказалъ я чрезвычайно глупо.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ видомъ пойманнаго на дѣлѣ преступника и потомъ окинулъ глазами садъ, деревянныя скамьи, пиво, шары, сидѣльцевъ и работниковъ. Въ его памяти очевидно воскресалъ богатый столъ, за которымъ сидѣли русскіе эрцдюкъ и ея величество, за которымъ стоялъ онъ самъ, благоговѣйно нагнувшись и глядя въ садъ, посаженный по кипсеку и вычищенный какъ будуаръ... воскресала вся столовая, съ ненужными вазами и кубками, съ тяжелыми, толстыми шелковыми занавѣсами и его собственный безукоризненный фракъ воскресалъ, и бѣлыя перчатки, которыми онъ держалъ серебряный подносъ со счетомъ, приводившимъ въ уныніе неопытнаго путника...

А тутъ—гамъ играющихъ въ шары, глиняныя трубки, плебейскій джинватеръ и вѣчное пиво draft.

— «Тогда, Sir, было другое время, сказалъ онъ мнѣ, а теперь другое!..»

«Waiter, закричалъ нѣсколько подгулявшій сидѣлецъ, стуча оловянной стопкой по столу, пинту гафанафъ, да скорѣе, please!»

Мой старый знакомый взглянулъ на меня и пошелъ за пивомъ; въ его взглядѣ было столько униженія, стыда, презрѣнія къ себѣ, столько помѣшательства, предшествующаго самоубійству, что у меня морозъ пробѣжалъ по жиламъ. Сидѣлецъ сталъ расплачиваться мѣдью, я отвернулся, чтобы не видѣть лишній пенсъ.

Плотина была прорвана,—ему хотѣлось сказать мнѣ что-нибудь о переворотѣ, низвергнувшемъ его изъ Royal Hotel'я въ «Георга IV». Онъ подошелъ ко мнѣ безъ моего зова и сказалъ:

— «Я очень радъ васъ видѣть въ полномъ здоровьи».

— Что намъ дѣлается!

— «Какъ это вамъ вздумалось прогуляться въ наши захолустья?»

— Домъ ищу.

— «Домовъ много, вотъ тутъ, пройдя шаговъ десять направо, да еще другой. А насчетъ того, что со мной случилось, это точно замѣчательно».

— «Все, что я заработалъ съ малыхъ лѣтъ, все погибло, все до фардинга... Вы вѣрно слышали о Типерарскомъ банкрутствѣ— именно тутъ-то все и погибло. Я въ газетахъ прочиталъ, сначала не повѣрилъ, бросился какъ поврежденный къ солиситору; тотъ говоритъ: «оставьте всякое попеченіе, вы не спасете ничего, а только послѣднее израсходуете,—вотъ, напримѣръ, мнѣ за совѣтъ потрудитесь 6 шилл. 6 пенсовъ отдать». Ходилъ я, ходилъ по улицамъ—день цѣлый ходилъ; думаю, что-жъ тутъ дѣлать, со скалы да и въ море — самому утопиться да и дѣтей утопить; я даже испугался, когда ихъ встрѣтилъ. Слегъ я больнымъ, — это въ нашемъ дѣлѣ первѣйшее несчастіе; черезъ недѣлю воротился къ службѣ,—разумѣется лица нѣтъ, а внутри словно рана не даетъ покоя.—Говерноръ раза два замѣтилъ, что видъ у меня печальный, что сюда, молъ, не съ похоронъ ѣздятъ, гости не любятъ печальныя физіономіи. А тутъ середь обѣда я уронилъ блюдо, отроду подобнаго случая не бывало. Гости хохочутъ, а содержатель вечеромъ отзываетъ меня въ сторону и говоритъ: «Вы ужъ себѣ поищите другое мѣсто,—у насъ нельзя служить невоздержному человѣку».—Какъ, говорю я,—я былъ боленъ.—«Ну такъ и лечитесь, а здѣсь для *такихъ* мѣста нѣтъ». Слово за слово пошло крупно; онъ мнѣ въ отместку ославилъ по всѣмъ отелямъ пьяницей и буяномъ. Какъ ни бился, нѣтъ мѣста. Перемѣнилъ я имя, какъ какой-нибудь воръ, и сталъ искать хоть на время мѣсто,—нѣтъ какъ нѣтъ; между тѣмъ все, даже серьги и брошка жены—ей ихъ подарила герцогиня, у которой она жила четыре года въ должности Upperlady-maid—все пошло на крючекъ. Пришлось закладывать платье, — это у насъ первая вещь, безъ платья ни въ одно хорошее заведеніе не примутъ. Служилъ я иногда во временныхъ буфетахъ, и въ этой бродячей жизни совсѣмъ обносился. Я и самъ не знаю, какъ меня принялъ хозяинъ Георга IV, — и онъ взглянулъ съ отвращеніемъ на свой старый фракъ... Кусокъ хлѣба могу для дѣтей заработать, и жена... она теперь... онъ пріостановился—она стираетъ на другихъ, не надобно ли вамъ, Sir, вотъ карточка... она очень хорошо стираетъ. А прежде никогда... никогда... она... ну, да что толковать, — гдѣ-же нищимъ выбирать работу. Лишь бы *милости* не просить,—а только тяжело...»

Слеза, дрожавшая на рѣсницѣ, блеснула и капнула на его грудь, уже не покрытую жилетомъ изъ лубка или латуни съ бѣлой эмалью.

— Waiter! кричали съ другой стороны.

— «Yes, Sir!»

Онъ ушелъ и я тоже.

II.

Такой искренней, разрушающей боли я давно не видалъ. Человѣкъ этотъ явнымъ образомъ подавался подъ тяжестью удара, разрушившаго его существованіе, и, конечно, страдалъ не меньше всѣхъ падшихъ величинъ, прибиваемыхъ со всѣхъ сторонъ къ англійскому берегу...

Не меньше?.. Да полно, такъ ли? Не больше ли въ десять, во сто разъ страдалъ онъ, чѣмъ Людвигъ Филиппъ напр., жившій возлѣ «Георга IV?»

Крупныя страданія, передъ которыми обыкновенно останавливаются цѣлыя столѣтія, пораженныя ужасомъ и состраданіемъ, большею частью достаются крупнымъ людямъ. У нихъ бездна силъ и бездна врачеваній. Удары топора въ дубъ раздаются по цѣлому лѣсу, раненое дерево стоитъ себѣ, потряхивая верхушкой, а трава грядой падаетъ, подрѣзанная косой, и мы, не замѣчая, топчемъ ее ногами, идучи за своимъ дѣломъ. Я наглядѣлся на столько несчастій, что сознаю себя знатокомъ, экспертомъ въ этомъ дѣлѣ, и потому-то у меня перевернулось сердце при видѣ обнищавшаго слуги, у меня, видѣвшаго столько *великихъ нищихъ*.

...Знаете ли вы, что значитъ вездѣ, и особенно въ Англіи, слово *нищій* — beggar, — произнесенное имъ самимъ? Въ этомъ словѣ заключается все: средневѣковое отлученіе и гражданская смерть, презрѣніе толпы, отсутствіе закона, судьи... всякой защиты, лишеніе всѣхъ правъ... даже права просить помощи у ближняго...

...Усталый, оскорбленный, возвращался этотъ человѣкъ въ свою конуру изъ «Георга IV», преслѣдуемый своими воспоминаніями, съ своей открытой раной въ груди, — и тамъ его встрѣчала старшая горничная герцогини, сдѣлавшаяся по его милости прачкой. Сколько разъ, должно быть, безсильный, чтобъ наложить на себя руки, то есть покинуть дѣтей на голодную смерть, онъ искалъ облегченья у единаго утѣшителя бѣдныхъ и страждущихъ, у Джина, у оклеветаннаго джина, снявшаго на себя столько бремени, столько горечи и столько жизней, которыхъ продолженіе было бы одно безвыходное страданіе, одна боль въ невидимой мглѣ...

...Все это очень хорошо, да почему этотъ человѣкъ не сталъ выше своего несчастія? Въ сущности быть напыщеннымъ лакеемъ въ Queen's Hotel или скромнымъ половымъ «Георга IV» разница не Богъ знаетъ какая...

— Для философа, но онъ былъ трактирнымъ слугой, въ ихъ числѣ рѣдко бываютъ философы,—я помню только двухъ: Эзопа и Ж. Ж. Руссо,—да и то послѣднiй въ молодыхъ лѣтахъ оставилъ свою профессiю. Впрочемъ, спорить нельзя, гораздо было бы лучше, если бы онъ *могъ* стать выше своей бѣды, — ну, а если *не могъ*?

Да зачѣмъ-же не могъ?

Ну, ужъ это вы спрашивайте у Маколея, Лингарда и пр..., а я вамъ лучше когда-нибудь разскажу о другихъ *нищихъ*.

— Да, я зналъ *великихъ нищихъ*, — и потому-то, что я ихъ зналъ, я и жалѣю слугу въ «Георгѣ IV», а не ихъ.

Скуки ради.

I.

Я сѣлъ въ вагонъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа: ѣхать въ путь, когда не хочется, скучно, ѣхать на леченіе — еще скучнѣе; но чувствовать себя ко всему этому совершенно здоровымъ... этого и выразить нельзя...

Быть не въ духѣ, скучать, капризничать можно, когда кто-нибудь этимъ огорчается, занимается, когда кто-нибудь развлекаетъ, а сидѣть въ вагонѣ и знать, что никому дѣла нѣтъ до этого, что никто не обращаетъ вниманія, это выше силъ человѣческихъ.

Я попробовалъ придраться къ сосѣду за то, что у него дорожный мѣшокъ великъ, и нарочно сказалъ ему: «вашъ *чемоданъ* мнѣ мѣшаетъ». Дуракъ извинился и переложилъ, съ кротостью, мѣшокъ на другое мѣсто.

Поэты говорятъ, что вынести они могутъ многое, но что имъ надобно *пропѣть* свое горе. Пропѣть *кому-нибудь*—пѣть безъ уха слушающаго такъ-же трудно, какъ легко пѣть безъ голоса... Уха-то, уха пригоднаго у меня недоставало. Впрочемъ, подумалъ я, поэты для большаго удобства поютъ чернилами, — а я буду капризничать карандашемъ... Затѣмъ, я вынулъ изъ кармана только что купленный *Memorandum* и еще разъ окинулъ взглядомъ сосѣдей. Ихъ было четверо — четыре въ четырехъ углахъ. Когда это они успѣли забиться, сейчасъ насъ спустили изъ *salle d'attente*! Что за безобразныя рожи! Надобно правду сказать, родъ человѣческій некрасивъ. Черезъ двѣ станціи трое вышли и, едва я успѣлъ броситься въ уголъ, взошли трое другихъ, еще хуже,— такъ и видно, что черепъ имъ жметъ мозгъ, какъ узкій сапогъ, что мысль ихъ похожа на китайскія ножки, на которыхъ ходить нельзя—слаба, мала, тѣсна... А жиру вволю. Средній классъ во Франціи очень потолстѣлъ за послѣдніе двадцать лѣтъ.

Впрочемъ, на какомъ же основаніи ждалъ я Аполлоновъ Бельведерскихъ въ случайномъ наплывѣ, который зачерпывала желѣзная дорога, chemin faisant, почти не останавливаясь!

Красота вообще рѣдкость, есть цѣлые народы изъ *меньшихъ братій*, у которыхъ никакой нѣтъ красоты, напр., обезьяны со своими ирландскими челюстями, молодыми морщинами и выдавшимися зубами; лягушки съ глазами на выкатѣ и ртомъ до ушей... Да и часто ли встрѣчается красивая лошадь, собака? Одна природа постоянно красива, потому что мы на нее смотримъ издали, съ благородной дистанціи, къ тому же она намъ посторонняя и мы съ ней не ведемъ никакихъ счетовъ, не имѣемъ никакихъ личностей, смотримъ на нее, какъ чужіе, и просто не видимъ тѣхъ безобразій, которыя намъ бросаются въ глаза въ человѣческихъ лицахъ и даже въ звѣриныхъ, имѣющихъ съ нашими родственное сходство. А присмотришься къ лицамъ и, при всемъ ихъ безобразіи, не отвернешься. Лицо — послужной списокъ, въ которомъ все отмѣчено, паспортъ, на которомъ визы остаются. И какъ это все умѣщается между темемъ и подбородкомъ, все, съ малѣйшими подробностями, нескромностями и обличеніями, все вываяно бѣдными средствами мышцъ, жира, оболочекъ и костей! Не даромъ мнѣ Фанъ Муйденъ говорилъ: «чѣмъ больше я рисую, тѣмъ больше меня занимаютъ лица, одни лица, головы, физіономіи; что за неисчерпаемое богатство оттѣнковъ выраженій» и невольныхъ исповѣдей, прибавилъ я.

Рѣшительно, я слишкомъ строго осудилъ тѣсные лбы, тѣснящіе черепа, толстые носы, глупые глаза, ненужные, усы,—все оттого, что былъ не въ духѣ. Очень много уже бѣдъ было со мной еще до вагона. Передъ самымъ отъѣздомъ оторвалась пряжка у чемодана. Господи, какъ смѣшно, безпомощно стоитъ нашъ братъ передъ такой бѣдой... Если-бъ насъ между Расиномъ и Шиллеромъ немного учили шилу да иглѣ, взялъ бы да починилъ, а тутъ комическое отчаяніе и мрачныя разсужденія. Только что я успокоился на томъ, что безъ пряжки можно обойтиться, стоитъ запереть чемоданъ,—ключъ пропалъ! Сейчасъ былъ здѣсь, вотъ на этомъ столѣ, какъ теперь вижу: перерывалъ, перебрасывалъ все,—ключа нѣтъ, и я, утомившись, сѣлъ на стулъ, самоотверженно скрестивъ руки на груди. Рази молъ, судьба, если еще есть стрѣла.

Какое счастіе было въ старые годы, когда при ремнѣ, при ключѣ состоялъ камердинеръ, и на немъ можно было взыскать, зачѣмъ перегорѣлъ ремень и зачѣмъ самъ потерялъ ключъ. Ничего не можетъ быть вреднѣе для здоровья, какъ именно то, что нельзя вымѣстить на комъ-нибудь бѣду, поди тутъ и берегись.

Лонже, знаменитый физіологъ, Лонже *de l'institut*, его авторитета не отведетъ никто,—разъ подымался со мной въ Монпелье по улицѣ, идущей вверхъ отъ медицинской школы. «Куда вы торопитесь,—сказалъ онъ мнѣ, останавливаясь:—не у всѣхъ такія

легкія, какъ у васъ, я вотъ не могу перевести духа. Погодите минуту, я вамъ разскажу, отчего я задыхаюсь: это очень любопытно. Вы, вѣрно, знаете стараго дурака (здѣсь онъ назвалъ одного академика, котораго имя такъ громко, что я не хочу обозначить его даже предательскими заглавными буквами), *il est tout ramolli,* а все презлая бестія; меня онъ терпѣть не могъ и вралъ на меня всякую чушь; я долго спускалъ ему, но, наконецъ, рѣшился ему дать урокъ. Какъ, говорю я ему, *вы*, негодный старикашка... и взялъ его за плечо (при этомъ онъ сдѣлалъ на мнѣ повтореніе манипуляціи,—я хоть и не *ramolli,* но чуть не вскрикнулъ), говорили то-то и то-то, да въ засѣданіи института, знаете ли что такихъ негодяевъ, клеветниковъ, какъ вы... А старикъ, перетрусивши, растерялся, началъ извиняться, увѣрялъ, что онъ не то говорилъ, что онъ впередъ не будетъ. Я бросилъ его и выбѣжалъ внѣ себя на улицу; вѣтеръ былъ скверный, я пришелъ домой и на другой день, *monsieur,* у меня сдѣлалась *pleurésie*, *monsieur*, и вотъ отчего я задыхаюсь. Не будь этотъ уродъ такой подлый, я бы ему далъ пинка, два пинка, и этимъ вся первая буря разрѣшилась бы покойно и естественно, и у меня не было бы плерези и я не задыхался бы! Экой извергъ!»

А ключей все нѣтъ, что же я буду дѣлать безъ нихъ? „*Sonner pour l'homme de charge trois fois*", вставъ тихо и торжественно, подошелъ я къ звонку, жму три раза пуговку,—входитъ горничная.—Нѣтъ ли, *madame*, веревки перевязать чемоданъ?—«*De la ficelle, autant que monsieur voudra*». Она приноситъ веревку, я шарю въ карманѣ, чтобы сыскать франкъ, и нахожу ключъ.—Фу, какъ глупо! Я съ ненавистью посмотрѣлъ на его бородку, на его дырочку, даже швырнулъ его на полъ, потомъ поднялъ и бросился въ омнибусъ. Мелкій дождь, начавшійся съ утра, продолжался.

Въ омнибусѣ, очень сальномъ и пропитанномъ особымъ, но сквернымъ запахомъ, который распускался во весь букетъ въ сырую погоду, были отмежеваны мѣстечки для тощихъ и почти безпозвоночныхъ французовъ. Втѣснившись кое-какъ и открывая окно, я сказалъ молодому человѣку, сидѣвшему противъ меня:

— «Какъ это странно, что въ Парижѣ такіе же скверные и неудобные омнибусы, какъ были лѣтъ двадцать тому назадъ; въ Лондонѣ, въ Швейцаріи вездѣ омнибусы гораздо лучше».

Молодой человѣкъ сконфузился, даже покраснѣлъ.

— Да,—сказалъ онъ,—конечно, *этотъ* омнибусъ не изъ лучшихъ, но есть прекрасные другой компаніи; впрочемъ, обратите вниманіе на лошадей: какія лошади!

Лошади были посредственныя, но патріотизмъ великъ. Что вы сдѣлаете со страной, которая такъ упорно, такъ ревниво, такъ

глупо, такъ упрямо вѣритъ, что она краса всей планеты, что Парижъ «образцовый хуторокъ» человѣчества и фонарь, зажженный на планетѣ, по свѣту котораго она гордо несется по своей орбитѣ? Дѣло вовсе не въ томъ, чтобы быть хорошимъ или счастливымъ, а въ томъ, чтобы вѣровать въ свое превосходство и счастье.

II.

Между тѣмъ, мои сосѣди—не въ омнибусѣ, а въ вагонѣ—поразговорились...

— Ну, что же скажете?

— Я боюсь одного, что Примъ—*un ambiteux* и эгоистъ...

— Это можетъ быть. Въ генералахъ нѣтъ никогда проку... Замѣтьте, у насъ всѣ генералы были реакціонеры: Ламорисьеръ, Шангарнье,—одинъ Шаросъ остался вѣрнымъ демократіи, но зато онъ былъ полковникъ, а не генералъ.

— Все же онъ будетъ вынужденъ провозгласить республику, а это что-нибудь...

— Никогда не провозгласитъ,—замѣтилъ третій уголъ нѣсколько хриплымъ голосомъ. Голосъ этотъ издавалъ сѣдой, подстриженный подъ гребенку, господинъ лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ Пелисье.

— Да на какой имъ чортъ республика? Одно слово, названіе. Испаніи надобно *либеральную власть*, порядокъ и свободу, а не республику. Я знаю Испанію.

— А вы бывали тамъ?

— Да, т.-е. не то, чтобы въ самой Испаніи, но бывалъ въ Байонѣ. Я *работаю въ Маконахъ* и по этой части бывалъ въ Байонѣ.

— А я такъ думаю, что если *только Англія*, стоящая на дорогѣ всякаго прогресса, не воспрепятствуетъ, то испанцы провозгласятъ республику.

— Вы ошибаетесь самымъ глубочайшимъ образомъ. Испанецъ слишкомъ гордъ, чтобы быть безъ короля. Грандъ какой-нибудь, весь покрытый звѣздами, какъ они представляютъ себя на фотографическихъ карточкахъ, перешедши спальней Эскуріала,—никогда не согласится быть простымъ гражданиномъ.

— Да, вѣдь, рано или поздно,—замѣтилъ нѣсколько подавленный глубокими политическими знаніями говорящаго молодой человѣкъ,—Европа будетъ же республикой.

— Европа?.. Никогда,—замѣтилъ рѣшительно Пелисье, работавшій въ Маконахъ, и даже провелъ рукой, какъ будто срѣзывая всякую возможность.

— Что же вы говорите,—а Швейцарія?

— Тутъ-то я васъ и ждалъ. Помилуйте, будто это республика? Я самъ бывалъ въ Женевѣ, насчетъ Божоле,—чортъ знаетъ что такое. Вся Швейцарія клочекъ земли, да и то еще негодный, покрытый горами да скалами, и этотъ клочекъ раздѣленъ на двадцать, что ли, клочечковъ, изъ которыхъ каждый, милостивый государь, считаетъ себя туда же самодержавнымъ, свободнымъ государствомъ, имѣетъ свой судъ, свою расправу, и настоящее правительство не мѣшайся... Вѣдь, это смѣшно! Ни силы, ни приличія, ни войска; правительство не пользуется никакимъ уваженіемъ. Знаете ли, кто президентъ швейцарскаго союза?.. Навѣрное нѣтъ. Да и я не знаю, — вотъ вамъ и республика. Я люблю, чтобы правительство было правительствомъ,—главное, чтобы оно дѣйствовало, l'action *c'est tout*. Гдѣ же дѣйствовать, когда каждый кантонъ кричитъ о себѣ, тянетъ на свою сторону. Силы нѣтъ, воли нѣтъ. Я самъ люблю свободу, но надобно признаться: республика просто не идетъ какъ-то къ современнымъ нравамъ, къ развитію промышленности и просвѣщенія.

— Позвольте! А Сѣверные Штаты?

— Я ихъ ненавижу, я... я ихъ терпѣть не могу. Для меня люди, занимающіеся однѣми денежными выгодами, одной наживой—не люди. Разумѣется, этимъ торгашамъ не нужно правительство: имъ достаточно конторы, факторіи. У нихъ нѣтъ души, сердце не бьется, нѣтъ этого *élan*, какъ у насъ. Ну, что же, заступились они за Польшу?

Молодой человѣкъ, подавленный Пелисье, замолчалъ и взялъ газету; я сдѣлалъ то же.

Папа зоветъ протестантовъ и католиковъ на вселенскій соборъ и совѣтъ, чтобы положить предѣлъ и преграду избаловавшемуся уму человѣческому; конгрессъ мира въ Бернѣ кладетъ прочное основаніе... Война готовится со всѣхъ сторонъ... Все мой Пелисье, работающій въ Маконахъ...

Цугъ. Въ высшее народное училище вызывается учитель чистой математики. Желающій обязанъ представить, сверхъ удостовѣренія своихъ знаній, свидѣтельство о католическомъ вѣроисповѣданіи. Вотъ это хорошо.

Франція. Двѣ женщины—мать и дочь, обвиняемыя содержательницей пансіона, у которой онѣ жили на харчахъ, въ томъ, что онѣ, вопреки условія, взяли съ собой на работу съѣстные припасы (тѣ, которые онѣ имѣли право съѣсть), были, несмотря на честное поведеніе и крайнюю бѣдность, осуждены на три мѣсяца тюремнаго заключенія... И это не дурно... но скучно, однообразно. Великій Пелисье! Дѣйствительно республика не идетъ къ современнымъ нравамъ. *Il faut de l'action!*

III.

— Все по глупости-съ,—оправдывается русскій человѣкъ, когда ему рѣшительно оправдаться нельзя.

— Ты, стало-быть, дуракъ! — говоритъ ему на этой властьимущій.

— Не всѣмъ быть умнымъ, надо кому-нибудь быть «дуракомъ»,—отвѣчаетъ онъ, если имущій власть безъ боя.

Хотя, собственно, настоятельной крайности въ дуракахъ нѣтъ, но, пожалуй, можно согласиться съ этимъ извиненіемъ. Только отчего же, въ свою очередь, нѣтъ такой ясно сознанной потребности *въ умныхъ?* Мудрено ли послѣ этого, что міромъ владѣютъ «нищіе духомъ»,—тамъ, какъ большинство, тутъ, какъ одинъ за всѣхъ.

Въ сущности, все дѣлается по глупости, только никто не признается въ этомъ, кромѣ русскаго человѣка, и всѣ ищутъ всегда и во всемъ умныхъ причинъ и объясненій и потому идутъ всякій разъ направо, когда слѣдуетъ идти налѣво,—и запутываются дальше и дальше въ безвыходныхъ соображеніяхъ и затемняющихъ объясненіяхъ.

Люди выбиваются изъ силъ, отыскивая тайныя пружины, спрятанныя причины, глубокіе замыслы, сокровенныя связи, злостныя цѣли, коварные планы, обдуманныя ковы, — всего этого *вовсе нѣтъ* и придумано послѣ. Міръ идетъ гораздо наивнѣе и проще, чѣмъ кажется сквозь призму критики и рефлексій.

Девять десятыхъ всѣхъ злодѣйствъ дѣлаются по глупости и наказываются по двойной,—и это не особенность злодѣйствъ, а вообще всѣхъ поступковъ, особенно крупныхъ. Въ самыхъ рѣшительныхъ событіяхъ жизни умъ не участвуетъ, или участвуетъ, помогая глупости. Не по уму же люди, напримѣръ, играютъ въ карты, въ карты *по уму* играютъ одни шуллера,—оттого-то они и выигрываютъ всегда, пока ихъ кто-нибудь не поколотитъ по глупости. Не умомъ же собиралъ Спорженъ и легіонъ другихъ торговыхъ богослововъ въ Лондонѣ тысячи занятыхъ англичанъ на слушаніе неимовѣрнѣйшаго вздора, проповѣдываемаго ими.

«Вы,—кричалъ Спорженъ въ *Crystal Palace*,—вы, ищущіе со вниманіемъ и за дорогую цѣну ягненка для питанія вашего тѣла и часто обманутые корыстнымъ торговцемъ, мы вамъ предлагаемъ агнца, вѣчно свѣжаго, въ питаніе души вашей и предлагаемъ даромъ (онъ забылъ цѣну за входъ)...»

Гдѣ же тутъ искра ума?

Гдѣ искра ума въ гомеопатіи?

Гдѣ искра ума въ Юмопатіи и всѣхъ заклинателяхъ, вызывателяхъ?

Отчего весь міръ видитъ ясно, просто, что война величайшая глупость, и идетъ рѣзаться?..

Мудрено понять и мудрено-то именно потому, что глупо!

Свѣтъ стоитъ между недошедшими до ума и перешедшими его, между глупыми и сумасшедшими, и стоитъ довольно давно и прочно, если же и не устоитъ, такъ не умъ же будетъ въ этомъ участвовать, а безсмысленныя физическія силы.

Дѣйствуютъ страсти, страхи, предразсудки, привычки, невѣдѣніе, фанатизмъ, увлеченіе, а умъ является на другой день, какъ квартальный послѣ событія; производитъ слѣдствіе, дѣлаетъ опись и въ этомъ еще останавливается на полдорогѣ: ограниченный, тамъ—впередъ идущими обязательными статьями закона, тутъ — опасностью далеко уйти по неизвѣстной дорогѣ, всего больше лѣнью, происходящей, можетъ быть, отъ инстинкивнаго сознанія, что дѣлу не поможешь, что вся работа все жет сводится на патологическую анатомію, а не на леченіе!

Отъ этой лѣни и небрежности мы всю жизнь бродимъ въ какомъ-то пріятномъ полумракѣ и умираемъ въ сумрачномъ мерцаніи. Всѣ мы ужасно похожи на докторовъ, довольствующихся знаніемъ, что они не знаютъ, что дѣлаютъ, но что снадобья хороши.

Мы повторяемъ, сто лѣтъ, двѣсти лѣтъ, какой-нибудь вздоръ и чувствуемъ, что что-то неладно, да такъ и идемъ мимо, за недосугомъ, страшно озабоченные чѣмъ-то другимъ.

Что же это за другое дѣло?..

Объ этомъ люди еще не подумали, а должно быть *дѣло нешуточное!..*

IV.

Поѣздъ остановился. Кто-то сталъ отворять дверцы вагона; сначала взошелъ громкій смѣхъ, вслѣдъ за нимъ явился небольшого роста свѣженькій старичекъ, почти совершенно плѣшивый, съ мягкими щеками, тонкими морщинами и очками, изъ-за которыхъ продолжали смѣяться сѣрые, прищуренные глаза. На немъ было два черныхъ сюртука: одинъ весь застегнутый, другой весь разстегнутый; онъ бросилъ небольшой мѣшокъ въ уголъ и махнулъ рукой провожавшему его товарищу; тотъ, все еще смѣясь, прокричалъ: «Вы большой чудакъ, докторъ. *Bon voyage, docteur!*» и ушелъ.

Докторъ протеръ очки, устроился, протянулся, потянулся и приготовился соснуть, какъ вдругъ мой Пелисье разразился рядомъ ругательствъ и, бросая газету, обратился къ доктору и ко мнѣ, какъ къ старѣйшимъ по лѣтамъ, со словами:

— Это возмутительно, это чортъ знаетъ что такое: вотъ вамъ французскіе судьи, которымъ завидуетъ вся Европа. Представьте себѣ, этихъ арабовъ, людоѣдовъ, извергововъ, приговорили не къ гильотинѣ, не къ смерти, а къ каторжной работѣ. *C'est trop fort; ça n'a pas de nom.*

Докторъ улыбнулся и прибавилъ:

— Я по профессіи за леченіе, а не за убійство.

— Да-съ, но позвольте: есть справедливость или нѣтъ? Есть казнь въ законѣ или нѣтъ? Если есть, то послѣ этого примѣра кого же прикажете казнить?

— Что за бѣда,—замѣтилъ докторъ,—если послѣ этого никого не будутъ казнить? Людоѣдство вещь печальная, но очень рѣдкая, кромѣ Африки, а казнятъ безпрестанно во всемъ образованномъ мірѣ и во всемъ необразованномъ. Вѣдь, коли на то пошло, все же больше смысла въ томъ, чтобы убить человѣка въ безуміи голода, для того, чтобы его съѣсть, чѣмъ убить его на сытый желудокъ и для того, чтобы бросить въ яму и залить известью.

— Ну это радикалъ, и въ самомъ дѣлѣ чудакъ, — подумалъ я и сложилъ газету.

На этотъ разъ сконфузился Пелисье. Онъ долго смотрѣлъ, вылупя глаза, на улыбающагося доктора и, наконецъ, вымолвилъ:

— Я васъ не понимаю; по вашему, этимъ дикимъ звѣрямъ такъ и позволить ѣсть котлеты изъ убитыхъ дѣтей?

— Я этого не говорилъ. Да, сверхъ того, они навѣрно отказались бы отъ этихъ котлетъ, если бы у нихъ были бараньи. Когда человѣкъ нѣсколько дней не ѣлъ, онъ ѣстъ безъ спроса.

— Голодъ не оправданіе.

— Нѣтъ, но облегчаетъ виновность, пока нѣтъ средствъ отучить голодныхъ отъ привычки ѣсть.

— А до тѣхъ поръ какъ же прикажете наказывать такихъ извергововъ?

— Какъ волковъ; вы сами называете ихъ дикими звѣрями, а наказывать хотите, какъ образованныхъ людей.

— Я никогда не слыхивалъ ничего подобнаго, замѣтилъ совсѣмъ сбитый съ толку Пелисье.—Послѣ этого страшно по улицѣ ходить; встрѣтится голодный и откуситъ палецъ.

— Полноте. Вѣдь, мы не въ Алжирѣ, а во Франціи. На что же централизація, цивилизація, полиція, юстиція, администрація? Развѣ мы не затѣмъ жертвуемъ волей, словомъ, умомъ, платимъ налоги, содержимъ духовное воинство и свѣтскую армію, чтобъ онѣ насъ защищали отъ голодныхъ, дикихъ, воровъ, безумныхъ людей и бѣшенныхъ собакъ? Если человѣкъ и умретъ гдѣ-нибудь на чердакѣ или въ подвалѣ,—то онъ падаетъ жертвой для поддержанія порядка. Ни въ чемъ торжество общественнаго строя

не выражается такъ мощно, какъ въ перенесеніи нуждъ до послѣдняго предѣла. И если у насъ умирающій съ голода похожъ на *съѣденнаго* по иному способу, то онъ никогда не лишенъ духовной пищи и похожъ на тѣхъ мучениковъ, которыхъ намъ представляютъ великіе художники,—снизу его обдираютъ, а сверху его зоветъ хоръ летающихъ ангеловъ, такъ что вы по лицу видите, что операція ему скорѣе доставляетъ удовольствіе.

— Ну, а въ Алжирѣ, чѣмъ вы украсите, выкупите голодную смерть? Тамъ наши французы и тѣ дичаютъ въ зуавовъ.

— Я въ такія тонкости не вхожу. Если ихъ религія не удерживаетъ, долгъ не удерживаетъ, пусть страхъ казни удержитъ.

— Пристращать висѣлицей умирающаго съ голода трудно, одно—*embarras du choix.*

— А позоръ?

— Это еще мудренѣе растолковать полудикимъ. Сегодня одного разстрѣливаютъ за побѣгъ изъ какого-нибудь легіона, куда его взяли насильно съ обязанностью убивать кого попало. Завтра будутъ вѣшать Фатиму за людоѣдство,—толкуй имъ различіе. Для ихъ тупости, имъ все кажется, что они побѣжденные и падаютъ на полѣ сраженія.

— *Vous vous moquez du monde.* Нашли, что защищать,—замѣтилъ уже взволнованнымъ голосомъ Пелисье.

— Я согласенъ съ вами, — отвѣчалъ, смѣясь, докторъ, — что лучше было бы всей семьѣ, проголодавши мѣсяцъ и ничего не ѣвши четыре дня, завернуть головы въ бурнусы и умереть. Да какъ имъ растолковать корнелевское *qu'il mourût!* Для того, чтобъ они поняли, надобно ихъ непремѣнно откормить, а откормить ихъ, — они не станутъ ѣсть сосѣднихъ дѣтей. Это логическій кругъ!—и веселый докторъ опять расхохотался.—Посмотрѣли бы вы своими глазами на этихъ урабовъ, какъ ихъ называлъ одинъ солдатъ, которому я рѣзалъ ногу.

— А вы бывали въ Алжирѣ?—спросилъ Пелисье, усталый и очень встревоженный болтовней доктора.

— Лѣтъ десять жилъ тамъ полковымъ врачемъ сначала, потомъ въ лазаретѣ. Кстати я вспомнилъ этого солдата, разскажу вамъ лучше пресмѣшной анекдотъ объ немъ. Старый солдатъ, онъ еще при Бюжо дѣлалъ всякія экспедиціи, наконецъ-таки, потерялъ ногу. Долго лежалъ онъ въ лазаретѣ и ужасно любилъ разсказывать свои похожденія. Прихожу я разъ въ палатку, фельдшеръ катается—хохочетъ. «Докторъ,—говоритъ,—сдѣлайте одолженіе, попросите ветерана разсказать исторію, которую сейчасъ кончилъ».

— *Eh bien, mon vieux,*—говорю я, и сѣлъ возлѣ койки. Онъ поломался, какъ вызванная пѣвица.—Самая обыкновенная исто-

рія: это молодежь все хохочетъ,—неопытность, ничего еще не видѣла. — Ну, да вы исторію-то, — говорю я ему. — Это было уже давненько. Мы стояли близъ Орана; дѣла никакого не было... Люди сильно скучали; продовольствіе было скверное. Капитану жаль насъ стало. Хотѣлъ позабавить солдатъ и велѣлъ охотникамъ сдѣлать небольшую *razzia* на урабскую деревушку и тѣмъ способомъ отогнать барановъ. Деревушка не то, чтобъ бунтовала,—такъ, не любила насъ, ну мы, разумѣется, и усмирили. Урабы—это народъ коварный, лукавый; силой не взяли, а внутри хранили злобу. Недѣли черезъ двѣ они подстерегли одного изъ нашихъ, который барановъ отгонялъ, веревку ему на шею, да на большой дорогѣ и повѣсили. Капитанъ, разумѣется, дѣлаетъ рапортъ полковнику. Полковникъ взбѣсился; приказываетъ отыскать, во что бы ни стало, убійцу. Ну, гдѣ его сыщешь: всѣ эти урабы на одно лицо, и не то, что наши, не выдаютъ другъ друга,—къ тому же, уйдетъ въ горы, и поминай, какъ звали. Посылаетъ капитанъ меня и двоихъ солдатъ. «Приведите непремѣнно убійцу: хоть изъ земли достаньте». Походили мы день, другой,—ни слуху, ни духу. Съ пустыми руками возвращаться къ начальству неловко. Сѣли мы, эдакъ, на дорогѣ и разсуждаемъ. Вдругъ намъ навстрѣчу спускается какой-то урабъ. Одинъ изъ товарищей—проказникъ былъ большой—и говоритъ: Богъ намъ послалъ его на выручку, да съ тѣмъ бросился на ураба; за горло его и кричать: «зачѣмъ убилъ нашего солдата». Урабъ руками, ногами; мы его повалили, связали и представили. Капитанъ доволенъ, насъ съ убійцей къ полковнику, полковникъ самъ вышелъ: люблю, говоритъ, молодцы... Нарядили тотчасъ судъ. Привели нашего ураба. Полковникъ разсвирѣпѣлъ, кричитъ на него: «зачѣмъ ты, собака, убилъ фузильера?» Тотъ ему отвѣчаетъ,—то-есть ничего не отвѣчаетъ: онъ по французски ни слова не зналъ, а бормочитъ что-то, да руками разводитъ и показываетъ на небо.—«А, говоритъ полковникъ, такъ онъ еще запирается»,—взялъ да и приговорилъ его къ разстрѣлянію. Ну, его и разстрѣляли.—А ужъ потомъ какъ мы хохотали, — убилъ-то фузильера не онъ, а совсѣмъ другой.

— Ну, господа, извините, одиннадцать часовъ, пора спать...— и докторъ задернулъ лампочку, освѣщавшую вагонъ.

V.

Въ казино, подъ пѣніе чувствительнаго и разбитаго тенора, подъ говоръ играющихъ въ карты, подъ шелестъ женскихъ платьевъ и шумъ бѣгающихъ гарсоновъ, какой-то господинъ спалъ за листомъ газеты. Надъ газетой было видно что-то въ родѣ

лоснящагося страусоваго яйца и по немъ-то я узналъ защитника алжирскихъ людоѣдовъ, ѣхавшаго со мной въ вагонѣ.

Когда докторъ проснулся, я завелъ съ нимъ рѣчь и, между прочимъ, напомнилъ ему о томъ, какъ онъ встревожилъ Пелисье, «работающаго въ Маконахъ».

— У меня такая глупая привычка, — сказалъ докторъ, — и, несмотря на лѣта, она не проходитъ. Меня сердитъ театральное негодованіе и грошевая нравственность этихъ господъ. Долею — все это ложь, комедія, а долею — того хуже: они сами себя уважаютъ за то, что не надѣлали уголовщины; имъ кажется достоинствомъ, что, выходя отъ Вефура, они не ѣдятъ дѣтей и, получая десять процентовъ съ капитала, не воруютъ платки. Вы иностранецъ, вы мало знаете нашихъ буржуа *pur sang*.

— Догадываюсь, впрочемъ.

— Я въ вагонѣ разсказалъ алжирскую шалость, когда-нибудь я вамъ разскажу и не такія проказы парижанъ. Тутъ поневолѣ забудешь Фатиму и ея голодную семью... Мнѣ, на старости лѣтъ, всего лучше идетъ роль того доктора, который ходилъ въ романѣ Альфреда де-Виньи лечить разсказами своего нервнаго паціента отъ «синихъ чертиковъ». Жаль, что я не такъ серьезенъ, какъ мой собратъ.

— Я лечусь у васъ у одного, докторъ, къ тому же и у меня головныя боли безъ нервности и безъ всякихъ голубыхъ и синихъ чертей.

VI.

...7 часовъ утра. Проклятый дождь, не перестаетъ четвертый день, мелкій, англійскій, съ туманомъ... воздухъ точно распухъ. Здѣсь такой дождь не на мѣстѣ—сéрдитъ.

И какая скверная привычка у кошекъ пѣть ночью свои нѣжности, истинная любовь должна быть скромнѣе.

А, можетъ, докторъ столько же виноватъ въ моей безсонницѣ, сколько кошки и дождь.

Поразсказалъ онъ мнѣ вчера удивительныя вещи. Какой шутъ однакожъ человѣкъ, живетъ себѣ припѣваючи, зная очень хорошо, что за картонными и дурно намалеванными кулисами совершаются вещи, отъ которыхъ волосы не станутъ дыбомъ развѣ у плѣшивыхъ, у прежнихъ нашихъ помѣщиковъ и у юго-американскихъ охотниковъ по бѣглымъ неграмъ. Много онъ видѣлъ и много думалъ, его нѣсколько угловатый юморъ ему достался не даромъ. Когда другой докторъ, и именно Трела, былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ его посылалъ по тюрьмамъ, гдѣ содержались побѣжденные работники, въ ожиданіи ссылки безъ суда. Онъ съ Корменей былъ въ Тюльерійскихъ подвалахъ,

въ фортахъ, и одинъ въ марсельскомъ Шато д'Ифъ. Въ декабрьскіе дни 1851 г. онъ попался, неосторожно перевязывая своему товарищу рану, нанесенную жандармомъ, и за это былъ приговоренъ къ Каенѣ. Въ понтонахъ военнаго корабля, стоявшаго на готовѣ въ Брестѣ, его случайно нашелъ адмиралъ, у котораго онъ спасъ дочь, и выхлопоталъ ему дозволеніе ѣхать въ Алжиръ. Его разсказъ я непремѣнно запишу, но не сегодня, сегодня я въ дурномъ расположеніи, скажешь что-нибудь лишнее, а это грѣшно.

Пойду обѣдать въ маленькій ресторанъ напротивъ.

Надобно сказать, что здѣсь *обѣдаютъ* подъ скромнымъ названіемъ *завтрака* въ *одиннадцатомъ* часу — не вечера, а утра! И, можетъ, это меньше удивительно, чѣмъ то, что я ѣмъ, какъ будто всю жизнь прямо съ постели садился за столъ. А говорятъ, что боленъ!

Меня одно лишаетъ аппетита—это *table d'hote*, затѣмъ-то я и хочу идти въ небольшой ресторанчикъ. Мнѣ за *table d'hot*'омъ все ненавистно, начиная съ крошечныхъ кусочковъ мяса, которые нарѣзываетъ скупой за хозяина, напомаженный и важный оберъ-форшнейдеръ, до гарсоновъ, разодѣтыхъ, какъ будто они на чьихъ-нибудь похоронахъ или на своей свадьбѣ, до огромныхъ кусковъ живаго, но попорченнаго мяса (дѣло на водахъ), одѣтыхъ въ пальто и поглощающихъ маленькіе кусочки, одѣтые въ соусъ... Мнѣ совсѣмъ не нужно знать, какъ ѣстъ этотъ худой, желтый, съ какой-то черню на лицѣ нотаріусъ изъ Ліона, ни того, что синяя бархатная дама въ критическихъ случаяхъ вынимаетъ цѣлую челюсть зубовъ, жевавшихъ когда-то пищу другому желудку. А тутъ еще англичанинъ, который за десертомъ полощетъ ротъ съ такими взрывами гаргаризацій, что кажется, будто въ огромномъ котлѣ закипаетъ смола или какой-нибудь металлъ... Словомъ сказать, я ненавижу *table d'hote*. И въ ресторанѣ ѣдятъ другіе, но они сами по себѣ, а я самъ по себѣ; а за *table d'hote* есть круговая порука, какое-то соучастіе, прикосновенность, незнакомое знакомство и въ силу его разговоръ и взаимныя любезности.

Два часа. День на день не приходится. Сегодня я и въ маленькомъ ресторанѣ почти ничего не ѣлъ. Стыдно сказать отчего. Я всегда завидовалъ поэтамъ, особенно «антологическимъ»: напишетъ контурчики, чтобъ было плавно, выпукло, округло, звучно, безъ малѣйшаго смысла: «Рододендронъ-Рододендронъ» — и хорошо. Въ прозѣ люди требовательнѣе и, если нѣтъ ни таланта, ни мысли, то требуютъ хоть какого-нибудь *доноса*. А мнѣ именно приходится написать такую «антологическую прозу».

Передо мной въ ресторанъ вошла женщина съ двумя дѣтьми въ траурѣ и съ ними высокій господинъ тоже въ черномъ.

Возлѣ столика, за который я сѣлъ, обѣдали четыре *commis voyageurs* изъ Парижа; они толковали свысока о казино и съ снисхожденіемъ о пѣвицахъ, въ которыхъ цѣнили вовсе не голосъ, — они говорили что-то другъ другу на ухо и разражались вдругъ громкимъ хохотомъ.

Слушать и смотрѣть на комми *en négligé,* между собой—моя страсть, но мнѣ не долго пришлось питать ее.

— Ты плачешь? — спросила женщина въ траурѣ; мальчикъ лѣтъ восьми-девяти поднялъ на нее глаза, полные слезъ, и сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ!» Мать взглянула на мужчину, улыбаясь,—она, видимо, извинялась за слёзы ребенка. Мужчина положилъ ему большой кусокъ чего-то на тарелку и прибавилъ: «будь же уменъ и ѣшь».

— Я не хочу ѣсть,—отвѣчалъ мальчикъ.

— Мой другъ, это глупо,—сказалъ мужчина.

— Ты съ утра ничего не ѣлъ, кромѣ молока, — прибавила мать, и просила взглядомъ, чтобы мальчикъ ѣлъ. Мальчикъ принялся за котлету, взглянувъ на мать съ невыразимымъ горемъ; крупная слеза капнула въ тарелку. Женщина и господинъ сдѣлали видъ, что не замѣтили, и начали говорить между собой. Другой ребенокъ—гораздо моложе—болталъ, шумѣлъ и ѣлъ. Мать погладила старшаго, онъ взялъ ея руку и поцѣловалъ, задержавъ слезы.

«Башмаковъ не успѣла она износить»—и маленькій Гамлетъ это понялъ.

Господинъ велѣлъ подать какого-то особеннаго вина, чокнулся съ матерью и, наливая дѣтямъ, улыбаясь, сказалъ старшему:

— Не будь же плаксивой дѣвочкой и выпей браво твое вино.

Мальчикъ выпилъ.

Когда они пошли, мать надѣла на мальчика шарфъ, чтобъ онъ не простудился, и обняла его. Въ ея заботѣ было раскаяніе и примиреніе съ собой,—она, казалось, просила прощенія, пощады у него *и у него.*

И, можетъ, она во всемъ права.

Но мальчикъ не виноватъ, что помнитъ другого, что ему хотѣлось *доносить башмаки*—и что новые его жали, такъ, какъ не виноватъ въ томъ, что испортилъ мнѣ обѣдъ.

Пойду въ казино искать доктора,—онъ, навѣрное, спитъ или читаетъ какую-нибудь газету.

VII.

— Скажите, докторъ, какъ вы при всемъ этомъ сохранили столько здоровья, свѣжести, силъ, смѣха?

— Все отъ пищеваренія. Я съ ребячества не помню, чтобъ у меня сильно животъ болѣлъ, развѣ, бывало, объѣшься неспѣлыхъ ягодъ. Съ такимъ фундаментомъ не трудно устроить психическую діэту, особенно съ наклонностью смѣяться, о которой вы говорили. Человѣкъ я одинокій, семьи нѣтъ. Это, съ своей стороны, очень сохраняетъ здоровье и аппетитъ. Я всегда считалъ людей, которые женятся безъ крайней надобности, героями или сумасшедшими. Нашли геройство—лечить чумныхъ, да подъ пулями перевязывать раны. Во-первыхъ, это всякій человѣкъ съ здоровыми нервами сдѣлаетъ, а потомъ, выждалъ часъ, другой перестанутъ стрѣлять, прошло недѣли двѣ—нѣтъ чумы, аппетитъ хорошъ,—ну и кончено. А, вѣдь, это подумать страшно, на вѣки вѣчные, хуже конскрипціи, — та все же имѣетъ срокъ. Я рано смекнулъ это и рѣшился, пока розы любви окружены такими безчеловѣчными шипами, которыми ихъ оградилъ по папскому оригиналу гражданскій кодексъ, я своего палисадника не заведу. Охотниковъ продолжать родъ человѣческій всегда найдется много и безъ меня. Да и кто же мнѣ поручилъ продолжать его и нужно ли, вообще, чтобъ онъ продолжался и плодился, какъ пески морскіе,—все это дѣло темное, а бѣда семейнаго счастья очевидна.

— Что вы на это рѣшились—дѣло не хитрое, хитрое дѣло въ томъ, что вы выдержали. Впрочемъ, тутъ темпераментъ.

— Темпераментъ — темпераментомъ... ну, однако, безъ воли ничего не сдѣлаешь. Вы, можетъ, думаете, что монахи первыхъ вѣковъ были холоднаго темперамента? Все зависитъ отъ того, что приму играетъ, да отъ воспитанія воли.

— Однако, докторъ, вы вѣрите, кажется, въ *libre arbitre,* — это почти ересь?

— *Libre arbitre,* воля, — все это слова. Я не вѣрю, а вижу, что если человѣкъ захочетъ стоять на столбу—простоитъ, захочетъ ѣсть траву и хлѣбъ — и ѣстъ одну траву да хлѣбъ, возлѣ жареныхъ рябчиковъ. А *чѣмъ* онъ хочетъ, волей или неволей, это все равно. Конечно, воля не съ неба падаетъ, а также изъ нервъ растетъ и воспитывается, какъ память и умъ, главное дѣло въ томъ, *что она воспитывается.* Человѣкъ привыкаетъ попридерживать себя или распускаться, давать отпоръ внѣшнему толчку или пасовать передъ каждымъ. Всякій можетъ сдѣлаться нравственнымъ Митридатомъ и выносить ядъ жизни, лишь бы *оба* пищеваренія были исправны.

— Какъ, ужъ два пищеваренія?

— Непремѣнно! *Желудочное и мозговое.* Безъ хорошаго мозговаго претворенія и съ хорошимъ желудкомъ далеко не уѣдешь. Безъ него нельзя понять, что съѣдобно и что не съѣдобно, что существенно и что нѣтъ, что необходимо и что безразлично, наконецъ, что возможно и что невозможно. Безъ здороваго мозга, мелочи и призраки заѣдаютъ людей и портятъ имъ желудокъ. Мелочамъ конца нѣтъ, какъ мухамъ; прогналъ однѣхъ — другія насѣли, а призраки хуже мухъ: это мухи внутри, ихъ и прогнать нельзя, развѣ однимъ смѣхомъ. Но люди не понимающіе—больше люди угрюмые, серьезные — все берутъ къ сердцу, всѣмъ обижаются, ни черезъ что не умѣютъ переступить, ни надъ чѣмъ не умѣютъ смѣяться, смѣхъ просто ихъ оскорбляетъ. Года два тому назадъ умеръ одинъ изъ старыхъ товарищей моихъ, извѣстный хирургъ, и умеръ оттого, что его не позвали къ принцессѣ, сломавшей ногу. Въ началѣ его болѣзни я зашелъ къ нему. Два часа битыхъ толковалъ онъ мнѣ, желтый, исхудалый, о своихъ правахъ на принцессину ногу и все повторялъ одно и то же на сто ладовъ. Человѣкъ лѣтъ семидесяти, большая репутація, большое состояніе,—ну, что ему было такъ сокрушаться о принцессиной ногѣ, сломитъ еще кто-нибудь изъ нихъ ногу или руку—онѣ же теперь все сами кучерами ѣздятъ — пришлютъ и за нимъ. Я постарался навести его на другой разговоръ.—Куда, все свое говоритъ. А тутъ вошелъ мальчикъ и подалъ газету; больной взялъ ее, что-то прочелъ, глаза его сверкнули, губы затряслись, и онъ, улыбаясь, ткнулъ пальцемъ въ газету и сунулъ мнѣ ее въ руку. Лента почетнаго легіона была дана хирургу, починившему ногу принцессы. Чтобъ бѣдняка какъ-нибудь разсѣять, я ему говорю: «Погода сегодня славная, поѣдемте-ка въ Анверъ, у меня тамъ есть знакомый *chef*, отлично дѣлаетъ бульябесъ и котлеты *à la Soubize*».—Что вы, говоритъ, смѣетесь надо мной, у меня желудокъ ничего не варитъ, а вы подчуете провансальской кухней? Это вы, *cher ami*, ужъ не утѣшаете ли меня въ лентѣ... ха, ха, ха!.. Нужно очень мнѣ ленту, мнѣ досадно, мнѣ больно, что во мнѣ оскорблены права, заслуги тридцатилѣтней дѣятельности... а лента... ха, ха, ха... хорошо выдумали; *à la Soubize*... чеснокъ—это почетный легіонъ провинціальныхъ *cordon bleu*!—и онъ расхохотался, увѣренный, что сдѣлалъ чрезвычайно ядовитый и удачный каламбуръ. Дѣло пропащее: ни мозгъ, ни желудокъ не находятся въ исправности, какой же тутъ можетъ быть выходъ. Замѣтьте, мимоходомъ, патологическую особенность, что люди большей частью выносятъ гораздо легче настоящія бѣды, чѣмъ фантастическія, и это оттого, что настоящими бѣдами рѣдко бываетъ задѣто самолюбіе, а въ само-

любіи источникъ болѣзненныхъ страданій. Наши братья, обыкновенно, мало обращаютъ вниманія на душевную причину болѣзней, да если и обращаютъ, то очень неловко, оттого и леченіе не идетъ. Для меня типъ докторскаго вмѣшательства въ психическую сторону паціентовъ составляетъ серьезный совѣтъ человѣку, дрожащему и обезумѣвшему отъ страха, *не бояться заразы*. Настоящій врачъ, милостивый государь, долженъ быть и поваръ, и духовникъ, и судья, — всѣ эти должности врозь нелѣпы, а соедините ихъ, и выйдетъ что-нибудь путное, пока люди остаются недорослями.

— Итакъ, послѣ теократіи, іатрократія, вы не мѣтите ли, какъ вашъ предшественникъ, докторъ Франсія, въ генералъ-штабъ - архіатры врачедержавной имперіи? Человѣкъ надѣлалъ мерзостей, его отдаютъ въ судебную лечебницу, и дежурный врачъ приговариваетъ его къ двумъ ложкамъ рициноваго масла, къ овсяному супу на недѣлю или, въ важномъ случаѣ, къ ссылкѣ мѣсяца на три въ Карлсбадъ. Осужденный протестуетъ, дѣло идетъ въ кассаціонный медицинскій совѣтъ и онъ смягчаетъ Карлсбадъ на Виши.

— Смѣйтесь, сколько хотите, а что же, лучше, что-ли, запирать въ Мазасъ, посылать въ Каену и, вмѣсто рициноваго масла, прописывать денежные штрафы? Но до пришествія царства врачебнаго далеко, а лечить приходится безпрерывно, и я на долгой практикѣ испыталъ, что знай себѣ, какъ хочешь, терапію, безъ—какъ бы это сказать—безъ своего рода философіи...

— У васъ она есть, докторъ, это я еще въ вагонѣ замѣтилъ, и преоригинальная.

— Худа ли, хороша ли, но я не нахожу надобности мѣнять ее.

— Какъ же вы дошли до нея?

— Это длинная пѣсня.

— Да, вѣдь, времени довольно до второго стакана.

— Вы подмѣтили, что я люблю поболтать, и эксплуатируете меня.

— Лучше болтать, чѣмъ играть цѣлое утро и цѣлый вечеръ въ домино, какъ наши сосѣди.

— Эге, такъ вы еще не освободились отъ порицаній и пересудъ безразличныхъ дѣйствій людскихъ. Не играй они въ домино, что же бы они дѣлали? Жизнь дала имъ много досуга и мало содержанія, надобно чѣмъ-нибудь заткнуть время утромъ до обѣда, вечеромъ до постели. Моя философія все принимаетъ.

— Даже алжирское людоѣдство?

— Оно только зацѣпляется за европейское. Дошелъ я до моей философіи не въ одинъ день, да и не то, чтобы вчера. Первый разъ я порядкомъ подумалъ о жизни лѣтъ сорокъ тому назадъ,

шедши отъ Шарьера; фирма его и теперь дѣлаетъ превосходные хирургическіе инструменты, можетъ, лучше англійскихъ,—вы это на всякій случай замѣтьте—прямо по *Rue de l'Ecole de Médecine*, въ окнахъ увидите всевозможныя пилы, ножницы. Отъ Шарьера я вышелъ часовъ въ пять, съ сильнымъ аппетитомъ и пошелъ *Au boeuf à la mode*, возлѣ Одеона, да вдругъ среди дороги остановился и, вмѣсто *Au boeuf à la mode*, повернулъ въ Люксембургскій садъ. У меня въ карманѣ не было ни одного су! Какое варварство, что часть этого сада уничтожаютъ; вѣдь, въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, такіе сады прибѣжища, лодки спасенія для утопающихъ. Иной, безъ сада, походитъ по узкимъ переулкамъ, вонючимъ, непріятнымъ, да и пойдетъ въ Сену, а тутъ по дорогѣ садъ, воробьи летаютъ, деревья шумятъ, трава пахнетъ; ну, бѣднякъ и не пойдетъ топиться. Вотъ тутъ-то въ саду, на пустой желудокъ, я и расфилософствовался. Ну, думаю, почтенные родители очень безцеремонно надули тебя въ жизнь; безъ твоего спроса и вѣдома втолкнули тебя въ какой-то омутъ, какъ щенятъ толкаютъ въ воду: «спасайся, какъ знаешь, а не то тони». Какъ я ни думалъ, вижу, выплывать надобно. Надобно затѣмъ, зачѣмъ и щенокъ барахтается, чтобы не идти ко дну, просто привыкъ жить. До этого случая нужда меня не очень давила. Прежде мнѣ изъ дому посылали немного денегъ. Отецъ мой умеръ года четыре тому назадъ, все поправлялъ какія-то бреши въ состояніи, сдѣланныя спекуляціями, и кончилъ свои поправки тѣмъ, что ничего не оставилъ. У него былъ братъ, старый полковникъ, обогатившійся на войнѣ и имѣвшій деньги въ амстердамскомъ банкѣ, онъ помогалъ нашей семьѣ и радовался моей карьерѣ, говоря, что Наполеонъ уважалъ Ларе и Корвизара. Разумѣется, онъ мысленно меня назначалъ въ полковые доктора. О дядѣ я долженъ вамъ разсказать кое-что. Меньше меня ростомъ, съ огромной львиной головой, сѣдыми всклокоченными волосами и черными усами, которые онъ подстригалъ подъ щетку, онъ былъ отчаянный бонапартистъ, никогда не давая себѣ никакого отчета, что собственно было хорошаго въ имперіи. Подумать объ этомъ ему казалось бы святотатствомъ. Послѣ іюльской революціи онъ съ презрительной улыбкой говорилъ:

«Это все не то, это не надолго», пристегивая толстую трость съ бѣлымъ набалдашникомъ къ верхней пуговицѣ сюртука, застегнутаго по горло. «Мы этихъ *barbouilleurs de lois*, этихъ подъячихъ, адвокатовъ въ Сену бросимъ; люди безъ сердца, безъ достоинства; намъ надобно имперію, чтобы отомстить за 1814 и 1815 годы».

— И, замѣтилъ я, утратить тѣ небольшія свободы, которыя пріобрѣли на баррикадахъ.

«Что?—закричалъ дядя, и лицо его побагровѣло.—Что? Какъ, у меня въ домѣ!.. Что ты сказалъ?»

Я съ нимъ никогда не спорилъ и тутъ уступилъ бы, если бы онъ не взбѣсилъ меня крикомъ, а потому я повторилъ сказанное.

«Кто ты такой?» кричалъ полковникъ, свирѣпо подходя ко мнѣ и отвязывая палку отъ пуговицы совершенно безуспѣшно, палка вертѣлась, какъ веретено, и все туже прикрѣплялась къ пуговицѣ.—«Ты сынъ моего брата, или чей ты сынъ? Чей? Развратили мальчишку эти доктринеры. Неужели ты не чувствуешь кровавую обиду вторженія варваровъ въ Парижъ, *des kalmuk, des keiserlich*, и проклятый день Ватерлооской битвы?»

— Нѣтъ, не чувствую! — сказалъ я хладнокровно и совершенно искренно.

Левъ отпрянулъ, отдулся и тѣмъ голосомъ, которымъ командовалъ «*en avant*» своему отступившему полку подъ Лейпцигомъ, закричалъ: «Вонъ, вонъ изъ моего дома!»

Я вышелъ и съ тѣхъ поръ отъ дяди ни гроша. Онъ только матери написалъ письмо, исполненное сожалѣнія (а отчасти и упрековъ), что она родила и воспитала изверга, который не принимаетъ Ватерлооскую битву за лично ему данную пощечину и не стремится ее отомстить. «Куда мы идемъ съ такой негодной молодежью?» заключилъ левъ. Мать моя могла что-нибудь посылать иной разъ, но я не хотѣлъ: у нея самой едва въ хозяйствѣ концы сводились.

— Походилъ я въ саду на тощій желудокъ и вспомнилъ стараго фармацевта, искавшаго помощника. Я прямо къ нему, нанялся изъ-за обѣда и постели, стоявшей между кухней и лабораторіей. Мѣсяца четыре я вынесъ, но потомъ терпѣніе лопнуло. Старикъ полуслѣпой, полуглухой, съ деньгами и безъ наслѣдниковъ, дрожащими руками обвѣшивалъ на всѣхъ медикаментахъ; ну, на какой-нибудь соли, которой унцъ стоитъ двадцать сантимовъ, и на той украдетъ на полъ-сантима. Мнѣ было это очень противно и я, только скрѣпя сердце, молчалъ. Наконецъ, старый отравитель говоритъ мнѣ и разъ, и два: «Вы вѣшаете безъ всякаго разсчета, вы меня разоряете! Вы должны съ меня примѣръ брать».—«Послушайте, почтенный *père Philippe*, я глупыя микстуры дѣлать готовъ, а воровать на вѣсѣ не хочу, развѣ недовольно слишкомъ 50%, да *taxa laborum*»?—«А я, сказалъ старикъ, кашляя, задыхаясь и утирая грязнымъ платкомъ давно вертѣвшуюся табачную каплю на концѣ носа, а я у себя въ домѣ хочу быть хозяиномъ и всякому студенту *bon à rien* не позволю дѣлать дерзкія замѣчанія».—«Особенно, замѣтилъ я, когда они справедливы». Затѣмъ я взялъ шляпу и, насвистывая пѣсню, пошелъ вонъ. Это былъ второй урокъ философіи.

VIII.

— Третій урокъ образовалъ меня по сердечной части.

— Тутъ-то я васъ и ждалъ.

— И совершенно ошибетесь. Въ моей жизни все было очень просто, и романъ мой меньше сложенъ, чѣмъ всѣ повѣсти, перемежающіяся по фельстонамъ газетъ. Года три послѣ того, какъ я бросилъ стараго отравителя, былъ я интерномъ въ *Maternité* и на дежурствѣ.

— Помилуйте, докторъ, тамъ часто оканчиваются романы, но ни одинъ, сколько я знаю, не начинался.

— А мой не только начался, но почти и кончился въ этомъ *«арьергардѣ любви»*, какъ ее называла *m-me Обержинъ*, съ которой я васъ сейчасъ познакомлю. Провозился я цѣлый день и, усталый, какъ собака, бросился на диванъ, закуривъ трубку и взявъ книгу Сивьяля о болѣзняхъ мочевыхъ путей. Едва я успѣлъ заснуть и выронить трубку и книгу, кто-то дернулъ за колокольчикъ: «Это вы, бригадье?» кричу я ему, то-есть нашему сторожу или консіержу, котораго, шутя, мы называли «бригадье» за его необыкновенно военную и суровую посадку. Мы, смѣясь, говорили, что правительство его намѣренно посадило консьержемъ въ *Maternité* для того, чтобъ отстращивать родильницъ и дѣлать ихъ больше осторожными. «Я, говоритъ, я».

— Что у васъ?

— Пожалуйте сейчасъ въ № 21.

— Не дадутъ проклятыя уснуть. Вы бы прикрикнули, бригадиръ; куда торопится, могла бы подождать до утра. А что *m-me Обержинъ* тамъ?

— Она-то и послала за вами.

Я вытеръ лицо мокрымъ полотенцемъ и побѣжалъ въ № 21. M-me *Обержинъ* сидитъ, по обыкновенію, разставивши ноги. Она столько учила своихъ паціентокъ сидѣть на больничныхъ креслахъ, что сама приняла эту посадку. За занавѣсью слышно, что-то охаетъ и стонетъ слабо, очень слабо. «Никакой силы нѣтъ, говоритъ шопотомъ *m-me Обержинъ*, и ребенокъ неправильно лежитъ».—«А вотъ мы его научимъ шалить до рожденья», говорю я ей. *M-me Обержинъ*, старшая повивальная бабка наша, была отличнѣйшая женщина и со всѣми нами пріятель и товарищъ. Черезъ ея руки прошли не только нѣсколько поколѣній, нечаянно родившихся въ Парижѣ, но два, три выпуска интерновъ. Жирная, рослая, сильная, всегда готовая врать вздоръ, смѣшить и хохотать, никогда не заспанная и всегда готовая уснуть, она какъ нарочно была создана для своей должности. Смолоду, вѣроятно,

она не только принимала дѣтей, но страсти мало по-малу ушли въ жиръ и, если случались кой-какія бездѣлицы, то это ужъ, какъ *hors d'oeuvre*. Удивляться нечему, самыя наши занятія наводили на щекотливые предметы, да и потомъ ночи, цѣлыя ночи, просиживаемыя въ ожиданіи... Какъ живая, она передо мной, съ ся сѣрыми смѣющимися глазами, съ бѣлокурымъ усомъ на одной губѣ и клокомъ такихъ же волосъ на противоположной сторонѣ подбородка; этотъ клочекъ она любила крутить, какъ гусаръ, — славная была женщина!

Подхожу я къ кровати, отдернулъ немного занавѣсъ и говорю:

— Извините, сударыня, я пришелъ подать вамъ нужную помощь! Молодая женщина закрыла лицо и рыдала.—Успокойтесь, говорю я ей, хлебните немного воды.

— Я очень страдаю,—отвѣчала она едва внятнымъ образомъ,— и очень боюсь.

— Вѣрю, вѣрю, но это гораздо легче, чѣмъ вы думаете, не вы первая, не вы послѣдняя, *du courage*; дайте-ка вашу руку, — эге, да у васъ порядочная лихорадочка, — и я попросилъ *m-me Обержинъ* приблизить свѣчу. Испуганное, болѣзненное лицо больной какимъ-то гаснущимъ взглядомъ просило у меня помощи... и... и прощенія. Такого выраженія я никогда не видывалъ и даже смутился. Роды были тяжелы, мучительны, долги. Наконецъ, «рекрутъ», какъ *m-me Обержинъ* называла всѣхъ новорожденныхъ мужскаго пола, хлебнулъ воздуха и запищалъ.

— Что, кисло и холодно? проговорила *m-me Обержинъ*, пошлепывая его и повертывая съ необыкновенной ловкостью — пріучишься и кислымъ дышать.

— Ну,—прибавила она, обращаясь ко мнѣ,—что вы уставили глаза на родильницу, осматривайте, годный ли рекрутъ.

— Онъ-то годенъ, а вы посмотрите сами на больную: какъ свѣча на дворѣ, того и гляди потухнетъ при легчайшемъ вѣтеркѣ.

— Да она и то чуть ли не умираетъ,—сказала *m-me Обержинъ* и сама взяла ея руку, чтобы узнать, какъ бьется пульсъ.

Мы сдѣлали, что могли, чтобъ задержать отлетавшую жизнь, наконецъ, она раскрыла глаза—слабые, мутные, долго вглядывалась и потомъ едва внятно спросила: «гдѣ?»

Я взялъ у *m-me Обержинъ* «рекрута» и поднесъ ей; она зарыдала и опять лишилась чувствъ. Умирающая, хрупкая, тщедушная женщина сильно потрясла меня. Видалъ я и прежде нея и родильницъ, и красавицъ. Какія красавицы лежали у насъ въ отель Дье; была одна креолка—фу!

Я невольно улыбнулся, думая, въ какихъ необычныхъ мѣстахъ докторъ мой изучалъ прекрасный полъ и его красоты.

— Словомъ, видалъ довольно, но ни одна не сдѣлала на меня такого впечатлѣнія. Я почти не отходилъ отъ больной. Старуха наша все замѣтила и дня черезъ два говоритъ мнѣ, ущипнувъ въ плечо: «Вѣроломный Артюръ! И ты туда же, хочешь фуражировать въ нашемъ аріеръ-гардѣ, *glaner* на полѣ битвы, между ранеными и убитыми — ха-ха-ха!» — И смѣхъ, и слова непріятно подѣйствовали на меня, я какъ-то отшутился и ушелъ въ свою комнату; хотѣлъ позаняться, отдохнуть и, не знаю какъ, часа черезъ два очутился опять въ № 21. *M-me Обержинъ* спала на кушеткѣ, окончивъ свою третью чашку кофе, въ который она прибавляла, чтобъ не сильно дѣйствовалъ на нервы, бенедиктинской водки; я обрадовался ея сну, и на цыпочкахъ подошелъ къ больной. Спала и она: если-бъ не легкое, едва уловимое дыханіе, можно бы положить въ гробъ. Я скрестилъ руки и смотрѣлъ, смотрѣлъ, что за чистыя линіи, что за профиль! Послѣ я видѣлъ что-то такое въ картинахъ Ванъ-Дика, въ головкахъ Андрея Дель-Сарто, — красота, вообще, сила, но она дѣйствуетъ по какому-то избирательному сродству.

— Я магнитизмъ отрицаю, а, пожалуй, тутъ есть что-нибудь похожее на магнитизмъ. Красота и звукъ голоса—принадлежности чисто личныя и дѣйствуютъ тоже совсѣмъ лично; умъ, знаніе и все такое—мое и не мое, а черты мои, мой голосъ—совершенно мои. Мнѣ всегда казалось, что, именно, по ихъ личности и переходимости, они и дѣйствуютъ такъ неотразимо на нашу страстную, т. е. тоже личную, сторону. Пока я стоялъ и смотрѣлъ, т. е. все больше и больше подвергался вліянію магнитизма, *m-me Обержинъ* подкралась ко мнѣ и говоритъ: *Tu es donc bien pincé, mon petit chat?* Придется мнѣ тебѣ помогать, коварный измѣнникъ! Я взялъ ея руку и въ какомъ-то азартѣ отвѣчалъ ей: «Помощи мнѣ никакой ненадобно, но я чувствую, что стою на краю пропасти!» Добрая женщина посмотрѣла на меня съ какимъ-то материнскимъ участіемъ и съ тѣхъ поръ ни разу не заикалась объ этомъ. Больная поправлялась медленно. Тяжелая плита лежала на ея груди, и, по мѣрѣ того, какъ грудь становилась крѣпче, плита давила тяжелѣе. Никто не приходилъ навѣстить бѣдняжку, справиться, жива ли она; никто не писалъ, не сдѣлалъ опыта что-нибудь прислать, какъ обыкновенно дѣлаютъ,—варенья, конфектъ. Между тѣмъ, подошло время выписываться. Тревога и горе росли. Послѣ долгихъ усилій, она мнѣ призналась, что ей, просто, некуда идти, что матери ея нѣтъ въ Парижѣ, а что *онъ* оставилъ ее, «не по моей винѣ», прибавила она, заливаясь слезами. Что тутъ было дѣлать? Спасти ее надобно было, — я предложилъ ей переѣхать къ знакомой мнѣ старушкѣ. Не принять она не могла, иначе ей пришлось бы переѣхать на улицу. Въ небольшомъ пе-

реулкѣ Латинскаго квартала вылечилъ я какъ-то случайно, долго пачкая, одну старушку; она была одинокая, вся въ ревматизмахъ, но умереть боялась ужасно. Она имѣла ко мнѣ собачью привязанность и была увѣрена, что я одинъ могу еще разъ вылечить отъ смерти. Она отдавала въ наймы довольно удобную и и свѣтлую мансарду. Ходить въ нее надобно было черезъ какой-то чердакъ, въ которомъ вѣчно висѣло сырое бѣлье и пахнуло щелокомъ,—но на войнѣ, какъ на войнѣ,—въ самой комнатѣ было недурно. Перевезъ я туда мою вандиковскую головку и ея рекрута. Что же, въ самомъ дѣлѣ, родился безъ отца, такъ и погибать? Вы, пожалуйста, не полагайте, что я хочу похвастаться особенной доблестью,—всѣ такого рода подвиги подтасованы, по пристрастью къ матери, одни безъ смысла любятъ ея дѣтей, другіе ненавидятъ. Вандиковская головка никогда ни разу не поминала даже издали объ отцѣ ребенка. Я ни однимъ словомъ не заикался о моей любви. Она удивляла меня: въ ней все было полно такта, граціи, чуткости. Только въ Парижѣ, и притомъ въ прежнемъ, неперестроенномъ, не въ вновь крещеномъ, а въ старомъ полуязыческомъ Парижѣ, встрѣчались такія чудеса. Я проводилъ съ ней вечера, читалъ ей Бальзака и Гюго: чуть ли это не было лучшее время моей жизни, въ родѣ весенняго утра — теплаго, свѣтлаго, но въ которомъ еще чувствуется свѣжесть, да оно и прошло, какъ мартовское солнце.—Докторъ пріостановился.—Вы, вѣрно, не ждете, что мы при развязкѣ?

- Конечно, нѣтъ.

— Прошло около мѣсяца. Маргарита, такъ звали ванъ-диковскую головку, настолько оправилась и окрѣпла, что стала выходить въ хорошую погоду. Разъ возвращается она домой страшно разстроенная, на лицѣ мертвая блѣдность и пятна, руки дрожатъ. Я хотѣлъ спросить, но, вглядѣвшись, до того испугался, что не нашелъ словъ. Она бросилась къ люлькѣ, взяла рекрута и зарыдала истерически. Теперь, думаю, будетъ легче. И, въ самомъ дѣлѣ, она черезъ двѣ, три минуты взяла мою руку и сказала: «Я видѣла *его*... онъ... онъ требуетъ, чтобы я малютку отдала въ воспитательный домъ; онъ прежде говорилъ это, съ этого началась наша ссора. Будто малютка можетъ мѣшать. Онъ его даже не видалъ ни разу и говорилъ объ немъ такъ холодно, такъ равнодушно. Онъ негодяй!» вскрикнула она и прижала къ себѣ ребенка, какъ будто его вырывали у ней силой. Потомъ бросилась на колѣни передо мной и, захлебываясь слезами, говорила: «Ты, ты меня не разлучишь съ нимъ, ты такъ добръ,—о, я тебя знаю, я все оцѣнила, я оцѣнила твое молчаніе. Ты меня любишь, возьми меня, спаси менѣ и его, я буду тебя любить, не отнимай у меня ребенка!» И она положила его мнѣ на колѣни и рыдала, ухва-

тившись обѣими руками за меня. Я взялъ малютку, слезы катились изъ глазъ моихъ. Она встала, взглянула на меня, улыбнулась, да, улыбнулась съ какимъ-то торжествомъ и бросилась ко мнѣ на шею. Я уложилъ ее въ постель, укрылъ и вышелъ на улицу,—я не могъ не выйти! Прощаясь, она мнѣ сказала: «Ты мнѣ прости, не сердись, вѣдь я сумасшедшая!» И вотъ я опять очутился въ пустынныхъ аллеяхъ Люксенбургскаго сада; свѣжій ночной вѣтеръ пронималъ, но мнѣ было не до того; я сѣлъ на скамью; что происходило во мнѣ, этого, я думаю, и Бальзакъ не могъ бы описать, а у него именно былъ талантъ описывать эти сложныя мудреныя блаженства, сбивающіяся на страданія, и страданія, сбивающіяся на блаженства. Для меня было ясно, что въ ней говорило *dépit*,—оскорбленная мать, она *бѣжала* отъ него ко мнѣ, она пряталась за своимъ рекрутомъ, но горячія губы ея горѣли на моей щекѣ, но горячія слезы едва обсохли на ней, но она улыбалась мнѣ, и будто можно любить такого *негодяя*? Она его такъ называла. Когда я пришелъ къ ней, было уже утро. Дѣло приняло плохой оборотъ. Лихорадочное молоко отравило ребенка, онъ кричалъ и бился въ корчахъ; выбившись изъ силъ онъ уснулъ, уснула и мать. Я взялъ ребенка на руки,—онъ все спалъ, долго спалъ; потянулся раза два и сталъ тяжелѣе и холоднѣе. Тихо, тихо положилъ я его въ люльку, покрылъ и сѣлъ у изголовья матери. Она проснулась,—мое лицо, тишина; она бросилась къ люлькѣ и съ крикомъ грохнулась безъ чувствъ на землю. На другой день она была въ бѣлой горячкѣ.

— И умерла?—спросилъ я.

— Нѣтъ, она выздоровѣла и потомъ ушла къ «отцу рекрута», выбывшаго изъ строя,—препятствій больше не было. Ей не легко было покинуть меня, она писала мнѣ письмо—Ж. Зандъ такого не напишетъ—потомъ забыла, да и я потомъ забылъ.

IX.

И вотъ мы опять несемся, поправивши и укрѣпивши наши пищеваренія и кровотворенія, въ обратный путь, и я съ ужасомъ думаю, что въ Ліонѣ придется разстаться съ докторомъ: онъ поѣдетъ направо, я налѣво. Со мной цѣлая тетрадь, въ которую я внесъ половину его разсказовъ и, главное, его подстрочныхъ замѣчаній къ нимъ. Со временемъ и я издамъ *«Слышанное и незабытое, записанное и напечатанное, — изъ воспоминаній другого»*.

Вы зачѣмъ это записывали?—спросилъ докторъ.

— Такая мода теперь у насъ. Съ тѣхъ поръ какъ судъ изъ письменнаго сдѣлался словеснымъ, мы все словесное записываемъ.

— И печатаете потомъ?

— Отчасти, отобравши плевелы.

— Какая же польза отъ этого? Совсѣмъ не нужно печатать такъ много.

— Все для исправленія нравовъ.

— Книгами-то! Хорошо выдумали. Во-первыхъ, книгъ никто не читаетъ.

— А во-вторыхъ, любезный докторъ, книгъ читаютъ очень много.

— Ну, то-есть никто въ пропорціи къ вовсе неграмотному большинству, къ большинству едва грамотному, но не берущему никакихъ книгъ въ руки, кромѣ приходо-расходныхъ. А во-вторыхъ, хотѣлъ я сказать, людей совсѣмъ не надобно исправлять и перепначивать. Оно же и не удается никогда. Умнѣе станутъ,— сами кое въ чемъ поисправятся, хотя все же останутся людьми, а такъ съ чего же? Для удовольствія моралистовъ? И то нѣтъ. Начни люди въ самомъ дѣлѣ исправляться, моралисты первые останутся въ дуракахъ, кого же тогда исправлять?

— Отчего же вы не можете допустить, что иной разъ человѣкъ, просто жалѣя другихъ, любя ихъ, старается ихъ исправить по крайнему разумѣнію?

— Мудрено что-то. Не спрашивая человѣка, хочетъ ли онъ, можетъ ли онъ измѣниться, говорятъ ему: видишь молъ, какой ты негодяй, тебѣ надобно сдѣлаться вотъ такимъ отличнымъ, *какъ я*, развившійся подъ другими условіями, въ другомъ нравственномъ климатѣ, въ другомъ историческомъ кряжѣ, достигай же до меня, и когда достигнешь, я тебя въ награду назову *меньшимъ* братомъ и притомъ братомъ безкорыстнымъ, титулярнымъ, потому что наслѣдствомъ я буду все-таки пользоваться одинъ. Хороша любовь! Животныхъ люди считаютъ больше посторонними или ужъ очень дальними родственниками, и съ ними умнѣе обходятся, или просто на просто ихъ ѣдятъ или пользуются ихъ глупостью, не стараясь исказить ихъ самобытности и характера, а скорѣе признавая его. Иногда берутъ крутыя мѣры, когда звѣри на насъ смотрятъ, какъ мы на нихъ, и принимаютъ насъ тоже за съѣстной припасъ, но, вообще, откровенно пользуются ихъ особенностями и кабалятъ ихъ въ свою крѣпостную работу. Весь пріемъ не тотъ. Отъ лошади мы требуемъ, чтобы она была хорошей лошадью, и вовсе не стремимся стереть ея характеръ, воспитывая въ ней ея общеживотную натуру и стараясь изъ нея сначала образовать хорошаго звѣря вообще, а потомъ ея спеціальность. Нѣмцу же или англичанину толкуютъ, что онъ прежде всего *человѣкъ*, онъ и старается съ самаго начала не походить на себя. Животныхъ мы наблюдаемъ, а людямъ все внушаемъ,

ну и выходитъ вздоръ. Примѣры на всякомъ шагу. Мы знаемъ, что кошка личной собственности не признаетъ, авторитетовъ еще меньше, что она ни къ полицейскимъ должностямъ, ни къ военной дисциплинѣ собачьей страсти не имѣетъ, и не ходимъ съ ней на охоту, не ставимъ ее сторожемъ при вещахъ, квартальнымъ при стадѣ, а, напротивъ, соглашая ея эгоистическіе вкусы съ нашей потребностью, предоставляемъ ей удовольствіе охотиться по мышамъ, которыя намъ почему-то всегда мѣшаютъ. Отчего же никто не исправляетъ кошки, не прививаетъ ей голубиныхъ добродѣтелей, не внушаетъ ей любовь къ мышамъ и птицамъ, не внушаетъ даже военнаго духа, вслѣдствіе котораго загрызть мышей должно, но ѣсть унизительно, а слѣдуетъ послѣ сраженія набрать побольше мышиныхъ труповъ и зарыть въ яму...

— Ха, ха, ха! Я, докторъ, и это запишу.

— И это будетъ такъ же безполезно, развѣ для препровожденія времени.

— Вы мнѣ напоминаете одного нашего генерала, который, разсуждая о революціонныхъ движеніяхъ 1848 года, говорилъ, что, по его мнѣнію, вся эта кутерьма была сдѣлана для «изощренія въ стилѣ журналистовъ».

— Не помните ли вы его фамилію?

— Нѣтъ.

— Экая досада, я записалъ бы ее. Это умнѣйшій генералъ у васъ послѣ Суворова; а вы хотѣли надъ нимъ посмѣяться!

— Нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ.

— *Lyon Perrache—Lyon Perrache! Les voyageurs pour Amberieux Culos, ligne de Chambery, ligne de Genève! Changement de voiture.—Les voyageurs de l' Expresse—Arseille—Lyon continuent immédiatement.*

Я вышелъ изъ кареты, люди выгружали багажъ. Я подошелъ еще разъ къ окну, докторъ протянулъ обѣ ноги на мое мѣсто и повязалъ себѣ на голову фуляръ.

Экспрессъ двинулся.

Досадно, запрутъ меня теперь въ ящикъ съ какими-нибудь часовщиками изъ Шо-де-фона, или съ ліонскими комми, «работающими въ шелкахъ», или, чего Боже сохрани, съ путешествующими дамами, которыя закроютъ всѣ окна, займутъ всѣ мѣста необычайнымъ количествомъ *ручнаго* добра, который онѣ таскаютъ съ собой...

. . . Съ тѣхъ поръ, какъ поднялся вопросъ объ освобожденіи женщинъ отъ супружеской зависимости, онѣ вовсе *не крѣпки* дома и ужасно легко отрываются отъ «ложа и стола», какъ выражается римское право. Встрѣчъ онѣ никакихъ не боятся, мы ихъ боимся. Сама природа, кажется мнѣ, споспѣшествуетъ къ уравненію прекраснаго пола съ просто поломъ; Швейцарія, напр.,

окружаетъ, по крайней мѣрѣ, городскую часть женскаго населенія какимъ-то нимбомъ, удаляющимъ всякую опасность временнаго перемирія и *entente cordiale* между враждебными станами.

Я замѣтилъ это (въ другой формѣ) ѣхавшему со мной члену женевскаго большого совѣта. Онъ не то чтобъ очень доволенъ былъ моимъ замѣчаніемъ и совершенно неожиданно возразилъ:

— Но зато, какъ онѣ *свѣжи*.

Въ этомъ неоспоримомъ достоинствѣ устрицъ и сливочнаго масла искалъ онъ облегчающей причины.

X.

— Послѣдній тунель и *post tenebras lux.*

Женеву я знаю съ давнихъ лѣтъ. Я ее слишкомъ знаю.

— Скажите, пожалуйста, какъ бы мнѣ сдѣлать, -говорила одна дама, соотечественница наша, не безъ угрызенія совѣсти,—какъ бы сдѣлать, чтобы полюбить Швейцарію?

Задача была не легкая, несмотря на то, что есть множество причинъ, по которымъ Швейцарію слѣдуетъ любить.

— А вы куда ѣдете?—спросилъ я ее.

— Въ Женеву.

— Какъ можно, вы ужъ лучше поѣзжайте въ другое мѣсто

— Куда же?

— Въ Люцернъ, или что-нибудь такое.

— Неужели тамъ лучше?

— Нѣтъ, гораздо хуже, но тамъ вы скорѣе дойдете до разрѣшенія вашей задачи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ Женевѣ все хорошо и прекрасно, умно и чисто, а живется туго. Начнешь разсуждать,—ясно какъ дважды два, что въ наше сѣренькое время мало мѣстъ лучше въ Европѣ; а наймешь квартиру,—такъ и тянетъ куда-нибудь, лишь бы изъ Женевы вонъ.

Достоинствъ Женевы кто не знаетъ. Каподистрія въ тѣ веселыя времена, когда Европа танцовала свою исторію на конгрессахъ и вся пахла *fleur d'orange'мъ* и бѣлыми лиліями, сравнивалъ Женеву съ ладанкой, въ которой бережется *кабардинская струя*, напоминающая *что-то* Европѣ своимъ запахомъ. Каподистрія былъ правѣе покойнаго императора Павла I, называвшаго движеніе въ Женевѣ «бурями въ стаканѣ». Конечно, привыкнувъ брать за единицу мѣры пространство отъ Петербурга до Камчатки, Женева можетъ показаться не только стаканомъ, но и рюмкой,—но одной рюмки мохуса было дѣйствительно достаточно, чтобы во всей Европѣ поняли, что извѣстный мохусъ существуетъ. Въ ней, какъ въ фокусѣ, усиленно и сокращенно

отражается все движеніе и всѣ движенія современной исторіи, съ тѣмъ преувеличеніемъ, которое имѣютъ Альпы на выпуклыхъ картахъ и капли подъ микроскопомъ.

Вы видите,—я далекъ отъ того, чтобы клеветать на рюмку, служившую вѣка цѣлые гаванью всѣмъ преслѣдуемымъ за грѣхъ мысли, бѣжавшимъ въ нее съ четырехъ сторонъ, на рюмку, изъ которой вышелъ Руссо и со дна которой Вольтеръ мутилъ Европу. Но что же мнѣ дѣлать, когда при всемъ этомъ *чего-то въ ней не достаетъ.*

Наружно женевцы давно бросили свой отталкивающій піэтизмъ, свою канцелярскую, педантскую обрядность. Женева въ этомъ даже опередила Англію,—въ ней человѣкъ можетъ, не теряя честнаго имени, кредита, мѣста, уроковъ и приглашеній на обѣды, не явиться нѣсколько воскресеній къ предикѣ. Но за спавшей съ души коростой кальвинизма осталась постно сморщенная кожа. Эти формы безъ содержанія, эти рябины прошлой болѣзни уцѣлѣли вмѣстѣ съ сухой раздражительностью, съ пріемами прежней нетерпимости. Женева похожа на разстриженнаго патера, потерявшаго вѣру, но не потерявшаго клерикальныя манеры.

Кто-то сказалъ, что въ каждомъ женевцѣ остается на вѣки-вѣковъ слѣдъ двухъ простудъ, двухъ холодныхъ дуновеній *бизы* и *Кальвина,*—и кто бы ни сказалъ, это совершенно вѣрно, но онъ забылъ прибавить, что къ двумъ прирожденнымъ простудамъ прибавляются разные пограничные оттѣнки и осложненія: савойскіе—немного съ зобомъ внутри, французскіе—съ *coup d'état'*-скими поползновеніями и централизаціонными стремленіями. Все это вмѣстѣ составляетъ въ общемъ швейцарскомъ характерѣ, тоже больше свѣжемъ, чѣмъ любезномъ, особый оттѣнокъ женевскій, конечно, очень хорошій, но не то, чтобы чрезвычайно пріятный.

Женевецъ—гражданинъ и буржуа, гражданинъ раздражительный, буржуа агрессивный, нѣсколько хищный и всегда готовый сдать сдачу — крупной, мѣдной монетой дурного чекана. Между собой у нихъ расплата идетъ свирѣпѣе и быстрѣе, чѣмъ съ нашимъ братомъ. Иностранца, особенно туриста, пока не замѣчаютъ въ немъ наклонности къ осѣдлой жизни, щадятъ, какъ хорошую оброчную статью и выгодный транзитный товаръ. Такихъ соображеній между жителями быть не можетъ. На другіе кантоны женевцы смотрятъ свысока, они *нарочно* не знаютъ по-нѣмецки. Вообще надобно замѣтить, что у швейцарцевъ два, три, даже четыре патріотизма, и, стало-быть, столько же ненавистей. Есть патріотизмъ федеральный и есть кантональный; федеральный, въ свою очередь, раздвоенъ на романскій и германскій. Какъ

добрые родственники, граждане разныхъ кантоновъ любятъ собираться на семейные праздники, вмѣстѣ покушать и попить, пострѣлять въ цѣль, попѣть духовную музыку и послушать свѣтскихъ рѣчей, послѣ чего, какъ *настоящіе* родственники, они возвращаются по домамъ съ той же завистью и нелюбовью другъ къ другу, съ которой пришли, съ тѣми же пересудами и взаимными антипатіями.

Въ германской Швейцаріи вы встрѣчаете на каждомъ шагу ту природную, наивную, англо-саксонскую грубость и безсознательную неотесанность, которая очень непріятна, но не оскорбительна, которая сердитъ, не озлобляя, такъ, какъ сердитъ неповоротливость осла, слона. Женевецъ, заимствуя у нѣмецкихъ кантоновъ это патріархальное свойство, усложняетъ его, переводя на французскій языкъ, не имѣющій столько емкости или выразительности по этой части, и, мало этого, онъ возводитъ простодушную, сосѣдскую грубость въ квадратъ преднамѣренной дерзостью и сознательнымъ *sans façon.* Онъ наступаетъ на ногу, зная, что это очень больно; онъ скорѣе потому-то и позволяетъ себѣ это маленькое удовольствіе, что знаетъ.

То, что у нѣмецкаго нѣмца идетъ до приторности, чѣмъ онъ производитъ въ непривычномъ морскую болѣзнь и что называется словомъ, не переводимымъ ни на какой языкъ, словомъ *Gemüthlichkeit*,—это до такой степени отсутствуетъ въ женевцѣ, что вы отъ него бѣжите и безъ морской болѣзни. Къ тому же, женевецъ особенно скученъ, когда онъ веселъ, и пуще всего, когда разострится. Вѣроятно, во времена женевскихъ *либертиновъ* они были размашистѣе, смѣялись смѣшно и острили не тупымъ концомъ ума; но они выродились.

Такъ, какъ у женевцевъ слѣда нѣтъ нѣмецкой *задушевности*, такъ у нихъ нѣтъ признака сельскаго, горнаго элемента, сохранившагося въ другихъ мѣстахъ Швейцаріи; женевцамъ не нужно ни полей, ни деревьевъ,—имъ за все и про все служитъ издали *Mont Blanc* и вблизи озеро. Если онъ хочетъ гулять за городомъ, у него есть на то пароходы съ фальшивящей музыкой и двигающимся рестораномъ. Богатые уѣзжаютъ въ загородные дома, но бѣдное населеніе женевское не имѣетъ ничего подобнаго маленькимъ мѣстечкамъ возлѣ Берна, Люцерна, разнымъ Шенули, Гютчли, Ютли; есть кое-гдѣ несчастныя пивныя съ кеглями,— вотъ и все. Впрочемъ, надобно и то сказать, женевцу некогда много ѣздить *ins Grüne*; все время, остающееся отъ промысла, онъ посвящаетъ дѣламъ отечества, выбираетъ, выбирается, поддерживаетъ однихъ, топитъ другихъ и постоянно сердится. Къ тому же его торговыя дѣла именно и идутъ бойко только въ то время, когда людямъ въ городѣ душно. Главный промыселъ Же-

невы, такъ же, какъ и всей городской Швейцаріи, стада туристовъ, прогоняемыя горами и озерами изъ Англіи въ Италію и изъ Италіи въ Англію. Нашихъ соотечественниковъ, дѣлающихъ также свои два пути по Швейцаріи, и больше, чѣмъ когда-нибудь, не такъ дорого цѣнятъ, «не стоятъ столько», по американскому выраженію, какъ прежде, до 19 февраля 1861 г. Англичане и американцы *котируются* выше. Женева къ торговлѣ пространствами, вершинами и долинами, водами и водопадами, пропастями и утесами прибавляетъ торговлю временемъ и продаетъ каждому путешественнику часы и даже цѣпочку, несмотря на то, что у всякаго есть свои [1]).

Въ отправленіи своей коммерціи съ иностранцами, женевскій торговецъ является во всей своей оригинальности, онъ сердится на свою жертву за ея опыты самосохраненія и, мало что сердится, въ случаѣ упорства, оскорбляетъ бранью и крикомъ. Иностранецъ, который не поддается, въ глазахъ женевца что-то въ родѣ вора.

XI.

Чтобъ подражать въ болтовнѣ моему уѣхавшему доктору и быть истымъ туристомъ, я долженъ бросить, заговоривъ о женевцахъ, взглядъ на ихъ исторію. Дальше 1789 г. мы, разумѣется, не пойдемъ, скучно и не очень нужно. Рѣзче этой черты исторія на Западѣ не проводила, это своего рода экваторъ.

Передъ этимъ годомъ генеральнаго межеванія, Женева жила набожной и скупой семьей, двери держала назаперти и безъ большого шума, но съ большой упорностью, молилась Богу по Кальвину и копила деньги. Опекуны и пастыри много переливали изъ пустого въ порожнее по части богословскихъ препираній съ католиками. Католики меньше болтали, больше интриговали и, когда отчаянные кальвинисты торжественно ихъ побили въ контроверзѣ, католики уже обзавелись землицей и всякимъ добромъ. Извѣстно, что католическіе клерикалы имѣютъ, при своей бездѣтности, то драгоцѣнное свойство хрѣна, что, гдѣ они пустятъ корни, ихъ выполоть трудно. Кальвинисты побились, побились, да такъ и оставили хрѣнъ въ своемъ огородѣ.

Въ тѣ времена въ Швейцаріи было много добродушно патріархальнаго; нѣсколько семействъ, перероднившихся, покумив-

[1]) Въ Женевѣ до того усовершенствовали теперь измѣреніе времени, что узнать, который часъ, если не невозможно, то чрезвычайно трудно. Какъ ни посмотришь, все разный часъ: одинъ циферблатъ показываетъ парижское время (оно вѣрно отстаетъ au jour d'aujourd'hui), другое бернское (полагать надобно, совсѣмъ нейдетъ), наконецъ, женевское (по карманнымъ часамъ Кальвина на томъ свѣтѣ).

шихся другъ съ другомъ, пасли кантоны тихо и выгодно для себя, какъ свои собственныя стада. Разные почтенные старички съ клюками, такъ, какъ они являются въ святъ день послѣ обѣда потолковать нараспѣвъ не въ гётевскомъ Фаустѣ, а въ *Фостѣ* Гуно, завѣдывали Женевой, какъ своей кладовой, распоряжаясь всѣмъ и употребляя на себя всѣ рабочія силы своихъ племянниковъ, дальнихъ родственниковъ и меньшихъ братій. Къ роскоши они ихъ не пріучили, а работать заставляли до изнеможенія, «въ потѣ, молъ, лица твоего снискивай хлѣбъ», все по писаніямъ. Метода эта къ концу XVIII вѣка перестала особенно нравиться племянникамъ, потому что дяди богатѣли, а они исполняли писанія. Какъ дяди ни доказывали, что женевецъ женевцу рознь, что одни женевцы—*граждане*, другіе—*мѣщане*, а третьи—только *уроженцы*, племянники не вѣрили и начинали поговаривать, что они равны дядямъ. «Вы правы, мы всѣ равны передъ Богомъ, — отвѣчали дяди, — а о суетныхъ, земныхъ различіяхъ, если они и есть, стоитъ-ли толковать!» — «Стоитъ и очень», отвѣчали тѣ изъ племянниковъ, которыхъ старые скряги не совсѣмъ сломали, и стали отлынивать отъ благочестиваго острога. «Вы люди свободные, толковали имъ дяди, не нравится дома, свѣтъ великъ, ступайте искать хлѣба, гдѣ хотите, а мы васъ даромъ кормить не будемъ, а будемъ молиться за васъ Богу, чтобъ очистить души ваши отъ навожденія общаго врага нашего».

— Ничего, думали про себя старички, пусть помаются, да поучатся, пусть поголодаютъ, да перебѣсятся, воротятся и опять будутъ работать на нивѣ нашей.

Взяли племяннички котомки и длинныя палки и пошли смотрѣть свѣтъ: кто съ запятокъ, кто съ козелъ, кто съ булавой *швейцара* въ рукѣ, кто съ бурбонскимъ ружьемъ на плечѣ, кто съ исторіей и географіей подъ мышкой, кто кондитеромъ, кто часовщикомъ, кто трактирнымъ слугой, кто слугой вообще; жены и сестры ихъ шли въ *француженки*, по части выкроекъ и воспитанія.

Тѣ, которымъ повезло, весело ѣхали домой и сами зачислялись въ дяди, но не всѣ остальные возвращались къ особенному удовольствію набожныхъ сродниковъ. Жившіе въ Вѣнѣ и въ Москвѣ, въ Неаполѣ и Петербургѣ, конфетчиками и буфетчиками, гувернерами въ Россіи или «свиццерами» въ Римѣ — еще ничего. Но другіе, встрѣтившіеся въ Парижѣ съ безпорядками, и притомъ не съ той стороны, съ которой были ихъ храбрые соотечественники, стрѣлявшіе по народу изъ оконъ Тюльерійскаго дворца 10-го августа 1792 года, возвратились никуда негодными. Вмѣсто молитвенниковъ въ черныхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ, они начитались гнѣвнаго *père Duchêne* и мяг-

каго «Друга народа». Старые родственники, сдѣлавшіеся еще закоснѣлѣйшими раскольниками, такъ и ахнули. «Ахъ, говорятъ, вы богоотступники, мошенники, вотъ мы васъ!» — «Вы погодите ругаться, благочестивые старцы, отвѣчаютъ племянники, мы, вѣдь, не прежніе, мы раскусили васъ, *pas si boeuf* [1]), давайте-ка прежде дѣлить наслѣдство, *Liberté*, *Fraternité*, *Egalité ou»*... Старики и кончить не дали. Давно отупѣвшіе отъ ханжества и стяжанія, они совсѣмъ рехнулись при видѣ такой черной неблагодарности племянниковъ. Страхъ на нихъ нашелъ такой, вспомнили площадь, на которой они поджарили и отляпали невинную голову Серве,—ну, думаютъ, какъ «наши-то» съ безстыжихъ глазъ ограбятъ, потузятъ да еще, пожалуй... Фу! какъ отъ бизы, такъ морозъ по кожѣ и деретъ.

По счастью, Францiя явилась на выручку. Первому консулу было какъ-то нечего дѣлать, за неимѣніемъ двухъ, трехъ тысячъ какой-нибудь арміи *Sambre et Meuse* для гуртового отправленія на тотъ свѣтъ, онъ вдругъ отдалъ слѣдующій приказъ:

Article I. Женевская республика перестала существовать.

Article II. Департаментъ Лемана началъ существовать. *Vive la France!*

Великая армія, *освобождавшая* народы, заняла Женеву и тотчасъ освободила ее отъ всѣхъ свободъ. Пользуясь досугомъ, старички стали забираться и прятаться все выше и выше, запираться все крѣпче и крѣпче въ неприступныхъ домахъ, въ узкихъ и вонючихъ переулкахъ... Другіе, посмышленнѣе, принялись укладываться, да, не говоря худого слова,... за Альпы, да за Альпы.

Хорошимъ людямъ все на пользу, — добровольное заключеніе и добровольное бѣгство послужило старичкамъ какъ нельзя лучше. Оставшіеся, желая отмстить за порабощеніе отечества, принялись продавать непріятелю военные и съѣстные припасы по страшно патріотическимъ цѣнамъ. Во время имперіи никто не торговался (кромѣ Талейрана, и то только, когда онъ продавалъ свои ноты и мнѣнія). Недостало денегъ въ одномъ мѣстѣ, контрибуцію въ другомъ, двѣ контрибуціи въ третьемъ, ясно, что комиссаріатскіе Вильгельмы Телли въ убыткѣ не остались. Освобожденные, въ свою очередь, реакціей 1815 года отъ своихъ страховъ, эмигранты возвращались (точно также разжившись разными дипломатическими и другими аферами) къ затворникамъ, и давай другъ на другѣ жениться, для того, чтобъ составить плотную аристократію.

Какой вѣтеръ вѣялъ тогда, вы знаете: Байронъ чуть отъ него

[1]) Истое женевское выраженіе.

не задохнулся, Штейны и Канинги казались якобинцами, и Меттернихъ былъ *человѣкъ минуты.*

Объявляя обратно первому консулу о томъ, что департаментъ Лемана пересталъ существовать, а женевская республика снова начала существовать, священный союзъ резонно потребовалъ, чтобы во вновь воскресающей республикѣ ничего не было республиканскаго. Это-то старичкамъ и было на руку. Для либерально-учено-литературной наружности имъ за глаза было довольно м-мъ Сталь въ Коппетѣ, Декандоля въ ботаникѣ и Росси въ политической экономіи... Снова принялись они общипывать и брать голодомъ понурившихъ голову племянниковъ, снова завели богословскіе скачки и бѣги съ католиками, которые еще больше накупили земель. Скряжническую жизнь свою старики выдавали за олигархическую неприступность,—мы, де, имѣемъ наши знакомства при разныхъ дворахъ, а по другую сторону *Pont des Bergues* никого не знаемъ. Замкнутые въ горной части и лѣпясь около собора, они не спускались внизъ, предоставляя черни селиться въ С.-Жерве. Какъ всегда бываетъ, взявши всѣ мѣры, они не взяли самой важной: не строить имъ надобно было *Pont des Bergues*, не поправлять, а подорвать его порохомъ,—не подорвали.

По этому мосту прошла революція 1848 года.

Докторъ, умирающій и мертвые.

(Ницца, мартъ, 1869 года).

I.

Докторъ.

— Ну, что новаго, любезный гипербореецъ? Выраженія въ родѣ «любезный гипербореецъ» принадлежали у доктора къ послѣднимъ запоздалымъ листочкамъ старофранцузскаго древа познанія добра и зла.

— Новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что въ журналахъ ваше правительство такъ честятъ, какъ этого съ 2 декабря не бывало. Да не зовите вы меня, Бога ради, гиперборейцемъ. Во-первыхъ, мнѣ отъ этого слова всякій разъ становится холодно, а во-вторыхъ, жутко: такъ и кажется, что мы живемъ во времена Монтескье, близъ отель Ледисьеръ, гдѣ останавливался le Grand Tzar hyperboréen!

— Все забываю, что по новымъ учебникамъ васъ слѣдуетъ называть не гиперборейцами, а *туранцами.*

— Это все же лучше.

— Еще-бъ.... тутъ, сверхъ моды, комплиментъ.

— Конечно, не предумышленный!

— Въ этомъ-то и букетъ. Наши мудрецы выдумали это имя вамъ на смѣхъ, на зло, чтобъ васъ филологически обругать. Это была единственная помощь, которую Франція оказала Польшѣ. Нечего сказать, ловко придумали. Назвать васъ туранцами, имѣющими аріанскіе элементы, значитъ признать ваши притязанія на Азію и на Европу. Вотъ обидѣли-то. Въ одномъ мы съ вами никогда не спорили, — это въ томъ, что люди еще очень глупы. Какъ у васъ должны хохотать надъ нами. Все, что мы противъ васъ дѣлаемъ, вамъ же идетъ въ прокъ. Наша ненависть полезнѣе для васъ всѣхъ союзовъ. Мы вамъ не можемъ простить взятія Парижа, хотя себя никогда не упрекали за вступленіе въ

Москву; это еще понятно, но не удивительно-ли, что и нѣмцы, взявшіе съ вами Парижъ, тоже сердятся на васъ за это. Изъ нелюбви къ вамъ, Европа всклепала на васъ неслыханную силу, а вы и повѣрили ей. Англія до того болтала о вашихъ замыслахъ въ Индіи, что вы въ самомъ дѣлѣ пошли въ какую-то Самарканду... Гдѣ же здравый смыслъ?... Стоитъ петербургскому кабинету забыть на недѣлю Турцію; двадцать европейскихъ газетъ напомнятъ ему восточный вопросъ и поддразнятъ Константинополемъ и всевозможными сербами и булгарами. Въ отмщеніе за Польшу выдумали, что у васъ съ поляками нѣтъ славянскаго сродства, что вамъ, стало, и жалѣть ихъ нечего. Я завидую вамъ, мой милый монголъ.

— Вы таки придерживаетесь grattez un Russe.

— И скоблить ненадобно. Татарскія степи такъ и сквозятъ сквозь французскія обои et cela a son charme. Я это не въ вину вамъ ставлю; напротивъ, съ вами, т. е. съ удавшимися, оттого и легко, что ступай, куда хочешь, ни забора, ни запрета, ни надгробнаго креста, ни верстоваго столба; однѣ пустоты, да размѣры...

— Добавьте кое-гдѣ вѣхи, кое-гдѣ верблюды съ Европейской кладью второй руки, немного подсохнувшей, немного подмоченной... кругомъ спитъ какое-то многое множество непробуднымъ сномъ.

— Спящіе еще проснутся. Вотъ мы такъ на яву бредимъ, это плохо; мозги такъ *парализированы*, что новой мысли прохода нѣтъ. Голова загружена, какъ мѣняльная лавка; все, что не идетъ вмѣстѣ, навалено рядомъ; чего не набито тутъ! Дѣйствительныя богатства и курьезная ненужная мебель, неудавшіяся машины воспоминаній, заклинаній, прорицаній, химическіе сосуды и церковные снаряды, микроскопы, ороскопы, допотопные звѣри, нежившіе уродцы, мыльные пузыри, надутые утопіями, лопаются въ облакахъ архивной пыли... Кабы у насъ въ головѣ да ваши пустыри!... Вы извините меня, вы еще народъ лѣнивый, не умѣете ими пользоваться. Съ нашей дѣятельностью, съ нашей привычкой, мы чудеса бы настроили...

— Если-бъ посчастливилось не наткнуться на дикихъ звѣрей.

— Дикіе звѣри выведутся, они отступаютъ передъ образованіемъ. Много ли у васъ осталось бѣловѣжскихъ зубровъ?

Бѣда въ томъ, что наши дикіе звѣри, все звѣри высоко образованные.

— Это-то и хорошо. Опасно не то, когда звѣрь остается звѣремъ, а когда онъ отъ образованія становится скотиной и бьется между двумя крайними типами—русскаго плута и кроткаго дурака. Цивилизація подчистила у насъ все дикое, по крайней

мѣрѣ, засыпала песочкомъ да землицей, изъ нихъ и образовался толстый пластъ грязи, въ которомъ пропадаетъ всякое движеніе и вязнутъ всякія колеса. Кое-гдѣ по этимъ болотамъ есть дощечки; но горе, если вы ступили возлѣ: васъ затянетъ съ головой, и вы незамѣтно сдѣлаетесь лягушкой, и вамъ покажется хорошо, какъ дома, въ этой вязкой глинѣ; въ ней все есть: своя глупость и свой умъ, свои герои и свои геніи, свои интересы и заботы. Можетъ, дренажъ и возможенъ, но поди, расчищай такія понтійскія болота. Исторія не крѣпка землѣ. Если-бъ это было не такъ, цивилизація не переѣзжала бы съ мѣста на мѣсто. Старые мозги труднѣе двигать, чѣмъ города и народы; новый умъ на нихъ не дѣйствуетъ. Особенно трудно двигать нравственныхъ людей, знающихъ, что они нравственны и честны. Подите, объясните какому-нибудь нелицепріятному судьѣ, что глупо, закрывши книгу Кетле, прикидывать на своемъ безмѣнѣ справедливости, сколько годовъ каторжной работы вытягиваетъ какой-нибудь бѣшенный или отчаянный поступокъ. Эти господа опаснѣе всѣхъ дикихъ звѣрей вмѣстѣ. Будь у насъ въ 1848 году дикіе звѣри на мѣсто *честнѣйшаго* Ламартина и *честнѣйшихъ* товарищей его, не то бы было.

— Возвратились, докторъ, къ вашимъ баранамъ.

— Ужъ, конечно, въ этомъ случаѣ не къ козламъ. Ха, ха, ха. Вотъ вы меня и сбили. О чемъ, бишь, рѣчь-то шла? Какъ этотъ Ламартинъ попадется на языкъ, та́къ нить мысли и потеряна. Ну, да оно и хорошо: я что-то заврался. Кстати... ну, т. е., оно не совсѣмъ кстати, но такъ и быть, я лучше разскажу вамъ по поводу Ламартина пресмѣшную вещь. Вы знаете, что осенью 1848 я былъ на югѣ Франціи. Какъ-то въ торговый день сижу я послѣ завтрака въ маленькомъ кафе и чита́ю; крестьянъ бездна, толкуютъ о выборахъ, о политикѣ. Услышавъ, что я докторъ и изъ Парижа, одинъ высокій старикъ въ вязаномъ колпакѣ, должно быть человѣкъ солидный и съ авторитетомъ, подсѣлъ ко мнѣ и сталъ разспрашивать меня о новостяхъ. Выслушавъ, онъ подвинулся поближе, чокнулся стаканомъ, утеръ носъ и, понизивъ голосъ, сказалъ мнѣ, въ полслуха и глядя на меня испытующими глазами:

— У насъ поговариваютъ, что все дѣло мутитъ *одна особа*... Самъ-то *дюкъ*...

Я посмотрѣлъ на него.

— Ну, le duc Rollin очень хорошій человѣкъ, да его-то полюбовница, что ли, очень забрала силу и сбиваетъ его.

— Не слыхалъ я, говорю ему, ни разу не слыхалъ.

Старикъ хитро улыбнулся и прибавилъ:

— А мы вотъ и вдали живемъ, да не только слышали объ

этомъ, ни и имя этой Иродіады знаемъ,—ее прозываютъ la Martine.

Не выдержалъ я и, какъ старика ни жаль было, расхохотался. Что мнѣ пуще всего понравилось, это названіе Иродіады Ла-Мартинъ. Иродіада, добро бы уже Нинонъ-де-Ланкло. Да-съ, милостивый государь, этотъ вопросъ былъ сдѣланъ не въ Рязани, не въ Казани, а въ какихъ-нибудь ста километрахъ отъ Марселя и Авиньона. И это въ то самое время, когда у тѣхъ же крестьянъ готовились спрашивать, нуженъ ли республикѣ президентъ и, если нуженъ, то кого они хотятъ въ президенты? Ну, какъ же послѣ этого не бросить весь политическій хламъ... А что вы давеча поминали о газетахъ?

— Старая пѣсня, только голоса погромче. Винятъ правительство за все, за послабленія и за деспотизмъ, за разливы и за засухи.

— То-то, чай, доволенъ, потираетъ себѣ руки.

— Ну, не думаю, ужъ очень бранятся.

— Что ему брань, когда отъ него ждутъ урожая и теплой погоды? Религія правительства и страсть къ опекѣ были-бъ цѣлы. Вѣра во власть; вотъ въ чемъ все дѣло и вся сила. Я разъ посадилъ блоху въ голову одной старушкѣ, у которой лечилъ золотушныхъ внучатъ. Жаль, говорю ей, что наши короли утратили цѣлебную силу лечить золотуху. Будь по старому, вмѣсто того, чтобъ меня звать да на аптеку тратиться, добѣжали бы со внучатами до оперы, сегодняко роль ѣдетъ слушать Малибранъ,... дѣтей посадили бы на столбики да на ступеньки. Онъ бы передъ Figaro qua, Figaro là, погладилъ бы ихъ по головкѣ и снялъ бы золотуху какъ рукой. Что вы, отвѣчаетъ мнѣ старушка, развѣ тогда короли были *такіе*, развѣ они ѣздили въ оперу; тогда какое житье-то ихъ было! Это. говорю я, извините, я не большой охотникъ до Людовика Филиппа, ну а все же ведетъ онъ себя почище. Тѣ-то, матушка, были все страшные блудники, да норовили все съ насиліемъ, съ убійствомъ. Старушка только качаетъ головой. Я тогда молодъ былъ, языкъ-то чесался...

— Ну, докторъ, я не замѣчаю, чтобъ и теперь пересталъ.

— Досада беретъ. Кричатъ себѣ о рабствѣ, о притѣсненіяхъ, а сами-то такъ и наклевываютъ на него. Интегралъ, взятый отъ тридцати милліоновъ безконечно малыхъ бонапартистовъ, по неволѣ, долженъ быть Наполеономъ. Поговорите четверть часа съ любымъ французомъ, о чемъ хотите, что его занимаетъ: о Рейнѣ, о почетномъ легіонѣ, о будущемъ его дочери, о притязаніяхъ его работниковъ; и вы возстановите по зубу, по косточкѣ, по волоску, по чешуйкѣ и допотопныхъ маршаловъ, и флецовыхъ архіереевъ, и легистовъ diluviei testes, и трепетныхъ мѣщанъ либераловъ, и

весь кодексъ, писанный Камбасересомъ съ компаніей раскаявшихся якобинцевъ, и coup d'état, и вчерашній день. Отъ чешуйки до чешуйки, отъ плебисцита до плебисцита, отъ сенатскаго рѣшенья до сенатскаго рѣшенья—вы невольно дойдете до постояннаго соотвѣтствія правительства или полиціи съ темпераментомъ французовъ, такъ, какъ онъ выработался революціонными горячками, военными кровопусканіями à la Бруссе, романтическимъ постомъ и діэтой во время реставраціи, и жирнымъ разговѣньемъ при королѣ гражданинѣ и при пѣсняхъ Беранже.

— Вы хотите сказать, что Франція имѣетъ право на имперію такъ, какъ виновный на наказанье.

— Нѣтъ, не хочу и вамъ не совѣтую употреблять этотъ жаргонъ уголовныхъ палатъ и прокурорскихъ рѣчей. Какія тутъ наказанія, какія вины: простая логическая, фактическая послѣдовательность, идущая по пятамъ за событіями и дѣлами. Человѣкъ напился пьянъ, на другой день у него болитъ голова: это вовсе не наказаніе, а послѣдствіе. Откуда это, изъ какой нѣмецкой философіи откопали вы такое чудовище, какъ «право на казнь?»

— Докторъ, вы забыли вашихъ классиковъ: это сказалъ не нѣмецъ, а Платонъ.

— «Божественный», такъ и видно, что не простой смертный. Онъ совѣтовалъ поэтовъ выгонять изъ своего воспитательнаго дома, возведеннаго въ образцовую республику; а, небось, не догадался дать имъ въ безвозвратныхъ провожатыхъ всѣхъ идеалистовъ, любомудровъ. Я сколько ни принимался читать философскіе трактаты, изданные послѣ Вольтера и Дидро, все вздоръ. Они мнѣ всегда напоминаютъ *философскій камень*, худшій изъ всѣхъ камней, потому что онъ вовсе не существуетъ, а его ищутъ. Въ наукѣ ли, въ засѣданіи какомъ, если человѣкъ хочетъ городить пустяки, общіе взгляды, недосказанныя гипотезы, онъ сейчасъ оговоривается тѣмъ, что это только философское, т. е. не дѣльное воззрѣніе.

— Какія вамъ книги, докторъ! вы величайшій философъ безъ книгъ, вы все по зубу, да по косточкѣ.

— А какъ же иначе? Геологи не берутъ цѣлый Монбланъ въ лабораторію, а такъ, верешки, да осколочки. Мелочь-то, мелочь-то надобно обсудить, да понять; а крупное само дастся. Къ этому-то и ведетъ врачебная наука. Медицинская практика великое дѣло. Насъ зовутъ, когда машина совсѣмъ испортилась, такъ, какъ часы отдаютъ чистить, когда колеса свинтились да перетерлись; а съ нами не худо бы было совѣтываться прежде болѣзни, да и не объ однихъ завалахъ да почечныхъ разстройствахъ.

Если-бъ передъ революціями, вмѣсто того, чтобъ собирать адвокатовъ и журналистовъ, дѣлали консиліумы, не было бы столько промаховъ! Люди, видящіе сотни человѣкъ въ день не одѣтыхъ, а раздѣтыхъ,—люди, щупающіе сотни разныхъ рукъ, ручекъ, рученокъ и ручищъ, повѣрьте мнѣ, знаютъ лучше всѣхъ, какъ бьется общественный пульсъ. Публично на банкетахъ и собраніяхъ, въ камерахъ и академіяхъ, все театральные греки и римляне, что тутъ узнаешь? Посмотрите-ка на нихъ съ точки зрѣнія врача. Куда дѣнутся ваши Бруты и Фабриціи! Гнилаго зуба, мигрени достаточно, чтобъ ихъ свести au naturel. Доктору все раскрыто; что больной не доскажетъ, то здоровые добавятъ; что и здоровые умолчатъ, стѣны, мебель, лица дополнятъ. Духовника боятся, съ нимъ и умирающій и всѣ другіе кокетничаютъ; съ докторомъ никто. Ему ничего не говорятъ на духу, но во всемъ исповѣдуются.

Подумайте, какіе медики нашли бы вамъ пульсъ девяностыхъ годовъ у нашихъ либераловъ сорокъ восьмого. Возьмите портреты тѣхъ... Мирабо, Дантонъ felis leo... Мара собака, бульдогъ, Робеспьеръ felis catus... барсъ, кошка, да какая кошка! Черты, глаза, разъ замѣченные, остаются на вѣки въ мозгу. Гошъ, Марсо... въ этихъ лицахъ горитъ огонь, эти люди объяты страстью; они отдались, они всѣ *тутъ*, у нихъ нѣтъ дома, семьи, неба; у нихъ нераздѣльная республика и отечество въ опасности, у нихъ все въ общемъ ураганѣ, на трибунѣ, на полѣ битвы. Дантонъ погибъ за то, что на мигъ забылъ со своей молодой красавицей женой, что «отечество въ опасности». Робеспьеръ, усталый отъ казней, пріостановился на минуту, призадумался, пошелъ прогуляться въ поле, за городъ, и очутился безъ головы. Какъ въ такой горячкѣ не надѣлать чудесъ, не разрушить міръ и не сотворить другой. Головы валятся, ряды солдатъ валятся, стѣны валятся, а небосклоны становятся все шире и шире. Одно преступленіе за другимъ, одно безуміе за другимъ, и ихъ никто не замѣчаетъ изъ-за величія лицъ, изъ-за свѣта событій. Всѣ диссонансы, все свирѣпое, кровавое, темное, тонетъ въ яркихъ краскахъ восходящаго солнца.

— Докторъ, дайте вашу руку; я пульса щупать не буду.

— Вспомните теперь, напримѣръ, сводный портретъ временнаго правительства 48 года. Людямъ этимъ надобно было себѣ сшить бѣлые жилеты съ отворотами à la Robespièrre, чтобъ ихъ приняли за якобинцевъ; одинъ крошечный Луи-Бланъ по человѣчески одѣтъ, а тѣ—круглая шляпа, сюртукъ и по *сюртуку* трехцвѣтный шарфъ... вмѣсто «отцевъ отечества» вышли какіе-то квартальные на слѣдствіи. Впереди сухая фигура Ламартина... зачѣмъ онъ тутъ? Какого «падшаго ангела» пришелъ отпѣвать

или подымать старый Нарцисъ? А тутъ эти не *сами*, а *братья*... Съ кѣмъ имѣю честь говорить, съ вами или съ вашимъ братомъ?— Съ моимъ братомъ, отвѣчаетъ Гарнье Пажесъ jun., Кавеньякъ не Годефруа. Вы не подумайте, что я врагъ этихъ людей. Я ихъ почти всѣхъ зналъ, кого лечилъ, съ кѣмъ спорилъ, съ кѣмъ соглашался. Честные люди, добрые люди; но люди, попавшіе не на мѣсто, люди, ну знаете, люди безъ sacré feu, какъ выражается одинъ нѣмецкій потентатъ, пьющій съ нами воды. У иныхъ сердце было золотое; да золотое-то для домашняго обихода, для жены, для пріятелей. Дѣти нашли брошенное безъ надзора ружье и храбро схватились за него, никакъ не думая, что оно заряжено,—ружье выстрѣлило, они переполошились; сперва испугались шума, надзиратели какъ бы не услышали; потомъ испугались другъ друга, что выдадутъ. Это не я! кричатъ одни. И не я,—кричатъ другіе. Ружье само выстрѣлило, кричатъ третьи. И въ голову ни одному не пришло, что старые надзиратели сами давно убѣжали, и что надзирателей, кромѣ ихъ, совсѣмъ нѣтъ. Ну, какъ же имъ было дѣлать республики? Вы когда-нибудь на досугѣ почитайте двѣ книжки: изъ нихъ многому научитесь. Одна изъ нихъ называется «Буржскій процессъ», а другая «Донесеніе слѣдственной коммиссіи».

— Господи, какое русское заглавіе!

— Составленное Бошаромъ объ іюньскихъ дняхъ. Прочитавши ихъ, вы перестанете многому дивиться, а это очень важно. Человѣкъ дивится только тому, чего не понимаетъ; а вѣдь сознаться надобно, какъ ни горько, намъ только остается, что *кой-что понять*.

— И другимъ объяснить, докторъ.

— Это дѣлается само собою. Вы зажигаете спичку для себя, а человѣкъ посмотритъ который часъ... Кстати, дайте-ка посмотрѣть и на свои. Поздно. Прощайте. Доброй вамъ ночи.

— И вамъ, докторъ, хорошаго сна.

II.

Умирающій.

I.

— Докторъ, а вы все время февральской революціи были въ Парижѣ?

— Все время.

— Вотъ бы разсказали.

— Что я могу разсказать. Я никогда не бралъ прямого участія въ политикѣ.

— Тѣмъ лучше, вы-то и можете разсказывать, какъ безпристрастный свидѣтель.

— Я не говорилъ, что я не имѣлъ своихъ пристрастій... Впрочемъ, я какъ-то печально встрѣтился съ 24 февралемъ. Совершенная случайность, но она имѣла на меня вліяніе, ее-то я вамъ и разскажу вмѣсто исторической лекціи.

... Сильно не въ духѣ пробирался я между каменьями баррикады. На моихъ рукахъ часъ тому назадъ умеръ старикъ, котораго я очень любилъ, очень уважалъ. Обстоятельства, при которыхъ онъ умеръ, перевернули всю внутренность мою. Нашего брата трудно удивить агоніей. Мы съ молодыхъ лѣтъ привыкаемъ къ смерти, нервы крѣпнутъ, притупляются въ больницахъ, на военныхъ перевязкахъ, во время заразъ; а смерть моего паціента такъ перетряхнула меня, что я нѣсколько дней не могъ съ ней справиться, потомъ махнулъ рукой, какъ человѣкъ машетъ на все, когда видитъ свое безсиліе.

Пока я искалъ, куда поставить ногу между каменьями, гляжу—бѣжитъ нашъ лаборантъ изъ Hôtel Dieu, съ веселымъ лицомъ, безъ шляпы, съ пукомъ какихъ-то листовъ. Увидѣвъ меня, онъ прокричалъ мнѣ:—Побѣда, докторъ, побѣда. Nous l'avons. Вотъ читайте, и знаете, кто набиралъ? Самъ Прудонъ, въ типографіи «Реформы». Я сейчасъ оттуда, несу раздавать нашимъ! Прощайте!—Онъ было ударился бѣжать, но наткнулся въ упоръ на двухъ всадниковъ, которые хотѣли тоже проѣхать по разгороженному мѣсту баррикады. Одинъ былъ въ кепи и кабанѣ; другой въ круглой шляпѣ, надвинутой на брови. Vive la République! закричалъ имъ во всю горловую мочь лаборантъ и приставилъ пальцы къ носу. Военный схватился за рукоятку сабли, всадникъ въ круглой шляпѣ остановилъ его руку; оба пожали плечами. Лаборантъ громко и звонко хохоталъ. Всадники, словно, передумали, поворотили лошадей и тихо поѣхали назадъ. Военный показывалъ что-то пальцемъ вдали и объяснялъ: штатскій слегка качалъ головой.

Исхудалое, мрачное лицо, мѣстами почернѣвшее какъ бронза, умирающаго старика не выходило у меня изъ головы.

Прежде чѣмъ продолжать, я васъ вотъ что спрошу: Вы вѣрно встрѣчали въ Россіи послѣднихъ могиканъ нашей революціи, непримиримыхъ, неисправимыхъ стариковъ девяностыхъ годовъ?

— Встрѣчалъ и не одного, и признаюсь вамъ, имѣю къ нимъ пристрастіе...

— Тѣмъ лучше... я ихъ ставлю ужасно высоко. Такихъ людей больше нѣтъ. Должно быть на людей бываетъ урожай, какъ на виноградъ. Кажется, условія тѣ же, а одинъ годъ изъ десяти вино лучше, говорятъ, отъ кометы. Въ Англіи комета на людей была во время Кромвеля, а у насъ въ концѣ XVIII вѣка. И замѣтьте, что люди этихъ двухъ crus похожи другъ на друга. Пуритане, доканчивавшіе свой вѣкъ въ Швейцаріи и Голландіи, сильно сбивались на старыхъ якобинцевъ, только что одни все говорили по Исаію и Езекіилу, а другіе по Тациту и Плутарху. Въ началѣ моей практики, нашихъ стариковъ еще было много; теперь чуть ли не всѣ ушли, да и пора: новая Франція для нихъ чужая. Они страдали, были въ тягость другимъ, были просто не на мѣстѣ. Дѣло въ томъ, что они въ сущности были моложе внучатъ. Тѣ все ихъ учили уму-разуму, а старики учились дурно. Какъ сохранили эти люди свѣжесть души, своего рода наивность и вѣру? это потерянный секретъ. Я, бывало, смотрю и дивлюсь, какъ сѣдой, пожелтѣлый старикъ, едва двигающій ноги, а туда же, какъ влюбленный мальчикъ, хранитъ свою святыню, имѣетъ свои завѣтныя на памяти и свои завѣтныя слова, отъ которыхъ въ семьдесять, въ восемьдесять лѣтъ ихъ глаза горятъ и голосъ дрожитъ; привычные утописты, они вѣрили въ свой практическій смыслъ и, отдавши все общему дѣлу, серьезно считали себя эгоистами. Ихъ жиденькіе наслѣдники скучали съ ними, думали, что они позируютъ; а этотъ поднятый тонъ происходилъ просто оттого, что душа ихъ была поднята и привыкла гордо хранить свое убѣжденье въ тяжелое время.

... Теперь я долженъ вамъ сказать нѣсколько словъ о жизни человѣка, со смерти котораго я началъ мой разсказъ. Умершаго паціента моего звали по крещенью и метрикѣ Лукасомъ Ральеромъ, но по собственному усовершенствованію гражданиномъ Тразеасъ - Гракхомъ Ральеромъ. Лѣтъ двадцати онъ попался въ тюрьму по дѣлу «послѣднихъ римлянъ»; это было въ 1796, какъ вы знаете. Судъ, приговорившій Рома и Гужона съ товарищами къ гильотинѣ, испугался ихъ великаго самоубійства и на скорую руку объявилъ Тразеаса-Гракха, вмѣстѣ съ множествомъ людей, захваченныхъ для уголовнаго corps de ballet, невинными. Ральеръ вовсе не хотѣлъ быть оправданнымъ, а самъ явиться обвините-

лемъ: съ этой цѣлью онъ писалъ судьямъ записки съ разными нѣжностями, въ родѣ: «убійцы республики, изверги и измѣнники рода человѣческаго»; но его не слушали,—жертвъ было больше не нужно. Ральера вытолкали противъ воли изъ тюрьмы. Онъ бросился въ журнализмъ и мстилъ своимъ перомъ за смерть Рома и его друзей, à la sequelle corrompue de l'infâme Cabarus. Бараса и Таліена онъ не подорвалъ, а самъ посидѣлъ еще раза два въ тюрьмѣ и чуть не отправился въ одну изъ депортацій, которыя дѣлались тогда на томъ разсчетѣ, на которомъ давали элексиръ Леруа, для героическаго очищенія общественнаго организма. Призадумался мой Тразеасъ-Гракхъ, видя, какъ всякій день «Наполеонъ больше и больше просвѣчивалъ сквозь Бонапарта», и, наконецъ, какого-то нивоза an. VIII или IX, взялъ паспортъ во имя «единой и нераздѣльной республики» и оставилъ Францію. Паспортъ этотъ онъ потомъ переплелъ въ сафьянъ, берегъ всю жизнь, иногда показывая близкимъ знакомымъ. Ральеръ отправился прямо въ Петербургъ. Въ оригинальномъ рѣшеніи этомъ помогъ ему опять-таки указующій перстъ du grand maître. Какъ-то вечеромъ въ 92 году Ральеръ сидѣлъ у Терони-де-Мерикуръ; туда пришелъ Ромъ и съ нимъ какой-то юноша. Юношу Ромъ воспитывалъ и любилъ, какъ сына. Онъ говорилъ объ немъ съ восторгомъ, какъ о будущемъ представителѣ безсмертныхъ началъ революціи въ Россіи. Мальчикъ этотъ долженъ былъ получить тысячъ тридцать крестьянъ и клялся Рому ихъ освободить. Ральеръ сблизился съ нимъ. Молодой человѣкъ много разъ звалъ Ральера въ Россію просвѣщать полуварваровъ; онъ рѣшился воспользоваться его приглашеніемъ.

Это было въ концѣ царствованія Павла. Прежде, чѣмъ Ральеръ отыскалъ le citoyen comte Strogonoff, онъ однимъ добрымъ утромъ встрѣтилъ на улицѣ Павла. Замѣтивъ что-то якобинское въ покроѣ его кафтана, онъ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и велѣлъ узнать, кто онъ такой? Узнавъ, что онъ гражданинъ французской республики, Тразеасъ-Гракхъ по имени, императоръ тутъ же велѣлъ отставить одного генерала, одного полковника, двухъ таможенныхъ приставовъ и десятокъ квартальныхъ, за допущеніе въ столицу такого Тразеаса-Гракха. Ральера схватили, свезли въ крѣпость. Черезъ часъ въ крѣпость явился оберъ-полиціймейстеръ; черезъ часъ и пять минутъ—тройка съ фельдъ-егеремъ. Оберъ-полиціймейстеръ объявилъ, что государь приказалъ его отправить на житье въ Пермь, и потомъ сталъ допрашивать его, зачѣмъ онъ пріѣхалъ, какого званія и проч. «Справедливѣе было бы, замѣтилъ Ральеръ, сперва спросить, а потомъ ссылать». Полиціймейстеръ испугался, писарь записалъ. Ральера усадили въ кибитку, адъютантъ проводилъ до заставы, и они

помчались... На другой день они были километровъ за триста отъ Петербурга, когда нагнала ихъ другая тройка, скакавшая во весь опоръ. Адъютантъ, сидѣвшій въ ней, кричалъ фельдъегерю, чтобъ онъ остановился, и билъ ямщика, чтобъ тотъ обгонялъ. Подскакавши, онъ соскочилъ съ телѣги, велѣлъ Ральеру выйти и объявилъ ему слѣдующее отъ имени императора: государь находитъ замѣчаніе французскаго подданнаго Ральера совершенно вѣрнымъ, относитъ къ глупости и нерадѣнію по службѣ оберъ-полицій мейстера, что онъ сперва не допросилъ его, въ силу чего приказываетъ выслать означеннаго Ральера за границу, давъ ему сто червонцевъ на дорогу. Ральеръ отказался отъ денегъ и помчался тѣмъ же порядкомъ въ Петербургъ; на заставѣ его уже ждалъ третій адъютантъ съ третьимъ приказомъ Павла. «За отказъ отъ денегъ слѣдовало бы иностранца Ральера строжайше наказать, но, такъ какъ онъ показываетъ столько-же безкорыстія, сколько первое замѣчаніе разсудительности, предложить ему на выборъ: ѣхать въ ссылку въ Сибирь, или опредѣлиться въ женское учебное заведеніе учителемъ французскаго языка съ обязанностью носить армейскій прапорщичій мундиръ». Онъ не поѣхалъ и заказалъ себѣ мундиръ. Послѣ смерти Павла Ральеръ добрался до Строгонова. Онъ тотчасъ сообщилъ ему проектъ преобразованія Россіи, основанный на уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, дворянства, чиновъ, привилегій, на превращеніи церквей въ школы, а аршиновъ въ метры.

Строгоновъ находилъ его проектъ замѣчательнымъ, но преждевременнымъ. Ральеръ надулся и воспользовался первой войной съ Франціей, чтобъ уѣхать въ Молдо-Валахію. Тамъ онъ проповѣдывалъ Рома и монтаньяровъ дѣтямъ какого-то владѣтельнаго принца, обучалъ ясскихъ аристократовъ французскому языку и пѣнію марсельезы. Изъ Яссъ онъ поѣхалъ въ Польшу, къ какому-то магнату, князю и поклоннику Робеспьера; въ его домѣ онъ встрѣтилъ сироту француженку, ея красота тронула моего героя, онъ предложилъ ей руку и сердце на томъ условіи, чтобъ въ церкви не вѣнчаться. La belle enfant разсудила, что чѣмъ менѣе цѣпей, тѣмъ лучше, и согласилась. Черезъ три года она его бросила, уѣхавъ съ сыномъ поклонника Робеспьера, оставляя въ знакъ памяти новорожденнаго; черезъ тринадцать лѣтъ она сама, брошенная магнатомъ, поселилась въ Парижѣ и упросила Ральера отпустить къ ней le cher fils для воспитанія въ la belle France. Въ Парижѣ она умерла, обобранная до нитки какимъ-то высокимъ итальянскимъ баритономъ и двумя тощими аббатами. Сынъ остался въ школѣ.

Наконецъ, послѣ всѣхъ скитаній и Ральеръ, какъ настоящій французъ, все-таки очутился въ Парижѣ послѣ 1830 года, смяг-

ченный возстановленіемъ *трехъ цвѣтовъ*. Онъ свысока смотрѣлъ на конституціонную монархію и былъ увѣренъ, что новая измѣна Мотье (онъ иначе не называлъ Лафайета) и «узурпація» старшаго сына Филиппа-Эгалите непрочны, и что республика настоящая, la bonne et la vraie, за плечами. Но видно интриги Бараса и Кабаргосъ пережили ихъ, и Ральера, замѣшаннаго въ дѣло Барбеса и Бланки, усадили въ Mont Saint Michel. Ему было тогда уже за шестьдесятъ.

... A propos къ Mont Saint Michel, я помню въ старые годы, въ Версали или въ Сенъ-Клу, въ комнатѣ Маріи Амеліи, висѣлъ превосходный видъ Mont Saint Michel. Для меня всегда было странно, почему она выбрала именно этотъ видъ, а не что-нибудь другое... морское и гористое, ну Сенъ-Мало, что-ли? Какъ будто пріятно засыпать съ такими memento власти передъ глазами и просыпаться, думая: а вотъ нашъ добрый cousin Пакье еще вчера законопатилъ въ это птичье гнѣздо на скалѣ двѣ-три безпокойныя головы; а Барбесъ тамъ сидитъ столько-то; мой мужъ можетъ выпустить ихъ всѣхъ, онъ добрый человѣкъ, но затрудняется въ выборѣ и, чтобъ не сдѣлать несправедливости, не выпускаетъ никого...

— А мнѣ кажется, докторъ, она вовсе этого не думала, а просто смотрѣла, да любовалась на волны и камни. Такъ, какъ люди, ѣдящіе страсбургскіе пироги, не думаютъ о разныхъ непріятностяхъ, причиняемыхъ гусямъ для ожиренія ихъ печени.

— J'aime ça... вы правы; и это уже чистый туранизмъ: въ самомъ дѣлѣ, ей и въ голову, вѣроятно, не приходило, что за этими стѣнами томятся люди, она все на чаекъ смотрѣла.

Итакъ, снабдивши старика ревматизмомъ во всѣхъ суставахъ, правительство лѣтъ черезъ шесть возвратило, сколько его осталось, «семьѣ и обществу». Старика взялъ къ себѣ его сынъ, который уже успѣлъ сдѣлаться большимъ дѣльцомъ и извѣстнымъ нотаріусомъ въ Парижѣ. Я лечилъ у него въ домѣ и меня призвали къ старику. Старикъ очень привязался ко мнѣ, ему не съ кѣмъ было души отвести, а я слушалъ его съ любовью. За то, могу васъ увѣрить, рѣдко кто знаетъ больше меня подробностей о процессѣ Рома и Гужона. Молодой Ральеръ, Изидоръ, былъ не глупый, не злой человѣкъ, даже либеральничалъ, но при этомъ онъ все же былъ больше нотаріусъ, чѣмъ что-нибудь другое. Ему и въ голову не приходило становиться на дорогѣ реакціи; онъ сторонился передъ ней, пожимая плечами и предоставляя исторіи самой вырабатываться, какъ знаетъ. Къ тому же онъ былъ въ ложномъ положеніи. Онъ ничего не имѣлъ, кромѣ кой-какихъ знаній и того *пятна*, которое въ глазахъ честныхъ и умѣренныхъ людей положилъ на него нераскаянный старикъ.

Мѣсто свое, тепло насиженное со всей кліентеліею тестя, онъ получилъ въ приданное за женой. Жена его во всю жизнь имѣла одинъ капризъ: ей вздумалось выйти замужъ за Изидора. Ральеръ былъ хорошъ собой, какъ-то удачно чесался à la Louis-Philippe и могъ танцовать отъ 10 вечера безъ устали до 5 утра. Капризъ былъ не силенъ, но отецъ сначала поперечилъ; тогда она рѣшила во чтобъ ни стало поставить на своемъ и поставила. Это была чистая парижанка средняго круга, не хуже, не лучше тысячи другихъ. Она была правильно красива, имѣла видъ образованія, большой эгоизмъ, бездну тщеславія и совершеннѣйшую пустоту внутри. Мужу она не позволяла ни на минуту забывать, что она ему вмѣстѣ съ своей персоной, сладкой и холодной, какъ meringue russe, съ своей правильной любовью, безъ излишествъ и отказовъ, принесла очень «хорошее общественное положеніе».

Мысль поселить старика у нихъ въ домѣ принадлежала ей, она смертельно боялась, что онъ на волѣ скомпрометируетъ опять ея Изидора и его общественное положеніе. Матеріально она ему все приготовила, обчистила его и пріодѣла. Она, понимая, что между старикомъ и ею не было ничего общаго, высказывала тѣмъ сильнѣе свои чувства. Мнѣ приходилось не разъ внутренно улыбаться, когда m-me Матильдъ, провожая послѣ обѣда прищуренными глазами старика, уходившаго къ себѣ, опираясь на костыль, подъ предлогомъ трубки, говорила мнѣ: «Какъ это мило имѣть въ домѣ такого почтеннаго старика, vénérable vieillard; я такъ люблю, когда «papa» за столомъ, это такъ трогательно, такъ патріархально. Старикъ съ почтенными сѣдинами такъ же необходимъ для семейной картины, какъ дѣтскія бѣлокурыя головки. Жаль, что у папа такіе нехорошіе принципы, но онъ жилъ въ ужасное время, когда все было ниспровергнуто, и тронъ, и алтарь. Мнѣ, знаете, просто страшно, когда онъ говоритъ о религіи и о всемъ такомъ, я стараюсь просто не слушать. Это такъ прекрасно имѣть религію, неправда ли?» Нотаріусъ не перечилъ ей, не перечилъ и отцу. Онъ сидѣлъ весь день и часть вечера въ своемъ студіумѣ, искалъ законы, писалъ черновые и принималъ разныхъ княгинь и маркизъ въ первую минуту зачатія подложной духовной, исправленнаго брачнаго контракта, и безъ шума откладывалъ плоды своихъ совѣтовъ въ разныя желѣзныя дороги. Старику было не по себѣ у нихъ, онъ не шелъ ни къ кабинету сына, ни къ гостиной его жены, скучалъ, слабѣлъ, становился мрачнѣе и, мнѣ кажется, жалѣлъ Mont Saint Michel. Раза два ему хотѣлось уйти куда-нибудь на свободу и покой, но жена нотаріуса и слышать не хотѣла; она рѣшительно находила неприличнымъ имѣть старика отца на сторонѣ. «То положеніе, которое занимаетъ (и съ такимъ достоинствомъ) мой Изидоръ, говорила

она,—положеніе, которое создать и упрочить стоило жизни моему бѣдному отцу, обязываетъ ко многому; оно требуетъ des ménagements и великій тактъ поведенія. Это не капиталъ, съ котораго рента ростетъ, какъ трава, пока мы спимъ; тутъ все зависитъ отъ нравственнаго кредита. Что же вы думаете — хорошо, когда пальцемъ укажутъ на papa, прибавляя, что это отецъ Изидора, и тутъ пойдутъ всѣ эти комментаріи, разспросы: отчего онъ не ужился у своего сына, и какъ онъ его отпустилъ, вѣрно его сноха выжила? Къ тому же нашъ добрый старикъ, онъ опасенъ внѣ дома съ своими идеями съ того свѣта и фразами изъ Chevaliers de la maison rouge Дюма. Его посадятъ, если не опять въ тюрьму, то въ сумасшедшій домъ. За нимъ надобно смотрѣть какъ за ребенкомъ, и я со всей охотой, со всей преданностью дѣлаю все это для отца моего Изидора». Жена плакала, Изидоръ принимался умолять старика; старикъ угрюмо соглашался и шелъ къ себѣ читать по новому изданію Монитера девяностыхъ годовъ процессъ Рома, дѣлая на маржахъ отмѣтки, поправки и собираясь торжественно уличить въ криводушіи редакторовъ, изъ которыхъ ни одного не было въ живыхъ.

II.

Пока старикъ собиралъ неопровержимыя доказательства, что гарантіи, даваемыя закономъ всякому преступнику, не были взяты въ уваженіе при процессѣ послѣднихъ римлянъ «и великихъ патріотовъ», онъ получилъ первое предостереженіе. У него отнялись рука и нога. Немного спустя, какъ всегда бываетъ, когда судьба или ея представители хотятъ прекратить человѣка или журналъ, второе предостереженіе. Я намекнулъ m-me Ральеръ, что положеніе не безъ опасности; она вскочила съ какимъ-то ужасомъ.—«Боже мой! я всегда этого боялась».—Разсудите, замѣтилъ я: семьдесятъ шестой годъ. — «Нѣтъ, нѣтъ, вы этого, докторъ, не поймете, онъ *кончитъ такъ»;* и она побѣжала къ мужу въ какомъ-то истерическомъ раздраженіи.

Пріѣзжаю я разъ къ старику утромъ и застаю его очень печальнымъ и неспокойнымъ.

— Мнѣ, говоритъ онъ, съ вами надобно особо поговорить.

— Къ услугамъ вашимъ, у меня времени довольно.

— Посмотрите сперва, не подслушиваетъ ли кто?

Я посмотрѣлъ: разумѣется, никто не подслушивалъ.

— Теперь заприте дверь и сядьте ко мнѣ поближе. Вотъ въ чемъ дѣло, я думаю, почти увѣренъ...

— Ваше положеніе, замѣтилъ я, не безъ опасности (старикъ презрительно улыбнулся); но живутъ и не такіе больные годы цѣлые у насъ теперь въ Hôtel Dieu.

Ральеръ строго посмотрѣлъ на меня изъ-подъ нависшихъ бровей:

— Извините, сказалъ онъ, у меня нѣтъ достаточно силъ и времени, чтобъ дослушать эту, вѣроятно, очень интересную исторію о вашемъ паціентѣ. Вы, докторъ, кажется человѣкъ умный и меня немного знаете; не можете же вы думать, что я не умѣю покориться неизмѣннымъ законамъ естества? Я пожилъ довольно, слишкомъ довольно. Меня занимаетъ совсѣмъ другое. Съ того дня, когда великій учитель мой Ромъ прижалъ меня къ своей груди и сказалъ мнѣ: «Храни эти чувства», я ихъ хранилъ во всѣхъ обстоятельствахъ моей трудной, скитальческой жизни. Съ ними я хотѣлъ бы отойти. Пока машина исправна, я ничего не боюсь; ну, а сломается (онъ указалъ пальцемъ на свой высокій, покрытый морщинами лобъ),—что же я сдѣлаю? Изидоръ хорошій человѣкъ, но слабый, и не туда направленъ умъ... Матильда женщина добрая, хорошая мать, но женщина не свободная отъ фанатическихъ предразсудковъ и, еще меньше, отъ мнѣнія пустыхъ людей. Послѣ перваго случая со мной, я какъ-то послѣ обѣда возвратился опять въ столовую; дверь въ гостиную была отворена, тамъ сидѣлъ молодой откормленный аббатъ; Матильда съ жаромъ говорила съ нимъ и наливала ему въ рюмку ликеру. Аббатъ слегка качалъ головой и то закрывалъ глаза, то поднималъ ихъ къ небу. Увидя меня, Матильда сконфузилась, да сконфузился и я; показалъ ей пальцемъ, чтобъ она меня не замѣчала, и ушелъ къ себѣ.

... Черезъ нѣсколько минутъ я подхожу къ окну. Аббатъ стоялъ на тротуарѣ и дружески толковалъ съ нашей Бабетой.

— Вы знаете?

— Какъ же не знать.

— Аббатъ благословилъ ея и подарилъ ей какую-то медальку. Эге, да это комплотъ, подумалъ я, и комплотъ противъ меня. Они хотятъ загнать въ папское стадо потерянную овцу. Дѣло лестное, овца недюжинная... Но они считаютъ безъ хозяина... меня смертью не испугаешь.—Старикъ началъ сердиться и повторялъ:—нѣтъ, нѣтъ, вѣдь, я не принцъ Беневентскій, я никогда не примирялся съ конкордатомъ,—нѣтъ, я не принцъ Беневентскій!—И, выбившись изъ силъ, онъ заснулъ середь рѣчи. Во снѣ больной, вѣроятно, продолжалъ ту же нить мыслей... Раскрывши глаза, онъ сказалъ мнѣ:—Докторъ, вы честный человѣкъ, вы не были равнодушны ни ко мнѣ, ни къ великимъ началамъ революціи. Могу ли я считать на васъ, что вы не оставите меня въ послѣднія минуты, что вы будете здѣсь... возлѣ моей кровати, что вы не допустите къ моему одру чернаго таракана (Caffard).

— Здѣсь я буду, сказалъ я ему, за это я вамъ отвѣчаю и сдѣлаю все человѣчески возможное, чтобъ желаніе ваше исполнилось. Но теперь успокойтесь; вамъ необходимо отдохнуть, вы очень взволнованы. Вечеромъ я опять заѣду. Больной взялъ меня за руку и, сколько могъ, сжалъ ее, чтобъ поблагодарить.

— Не безпокойтесь объ устали; скоро я буду имѣть досугъ для того, чтобъ отдохнуть отъ всего. А теперь дайте мнѣ вотъ эту шкатулку, что стоитъ на комодѣ.

Я подалъ; онъ съ уваженіемъ отперъ, вынулъ изъ нея черепаховую табакерку, портретъ въ этюи и еще что-то въ кожаномъ мѣшечкѣ.

— Табакерка Рома, его портретъ, дѣланный ученикомъ измѣнника Давида, «барона Давида», и шейный платокъ Гужона, покрытый его кровью... Это всѣ мои сокровища. Я съ ними не разлучался съ 96 года; я ихъ завѣщаю вамъ, докторъ, берегите ихъ и оставьте при мнѣ до тѣхъ поръ, пока не потухнетъ мое зрѣніе.

Старикъ отеръ слезы. Да, признаюсь вамъ, и не одинъ старикъ. Я опять старался его успокоить, но угомонить его было трудно; онъ не отпускалъ меня и держалъ то за руку, то за сюртукъ.

— Ну, спасибо вамъ; что я безъ васъ могъ бы сдѣлать въ моемъ положеніи противъ заговора, въ которомъ участвуютъ всѣ? Вчера Бабета приноситъ мнѣ изображеніе казни одного великаго мученика и говоритъ мнѣ: «Я приширлю это изображеніе къ вашей занавѣси; это облегчитъ васъ и заставитъ подумать о спасеніи души вашей. Когда мой отецъ былъ очень боленъ, ему бабушка положила такое изображеніе на подушку и ему стало легче».—Бабета, сказалъ я ей, искренно жалѣю, что вашъ родитель кончилъ жизнь въ мракѣ предразсудковъ. Я этого казненнаго человѣка уважаю: онъ твердо умеръ за свои убѣжденія, убитый судейскими Барасами и римскими военно-судными комиссіями; но, когда вы приносите его изображеніе какъ лекарство или колдовство, я прошу васъ удалиться съ нимъ; у меня въ комнатѣ не мѣсто знакамъ фанатизма, ниспровергающимъ право ума человѣческаго и гармоніи законовъ природы... На мои слова Бабета отвѣчаетъ мнѣ: «Ужъ хоть бы Богъ передъ смертью раскрылъ ваше сердце. Я вамъ изъ жалости говорю: вы кончите безъ покаянія и попадете въ адъ, словно вы не крещеный».— M-me Куртилье, говорю я ей, человѣкъ отвѣчаетъ за свою старость и смерть, пока не сошелъ съ ума. Что касается до Бога и ада, это вопросы нерѣшенные и вовсе меня не занимающіе, какъ выходящіе изъ круга нашей дѣятельности.—«Такъ вы еретикомъ и пойдете туда», прибавила она, ворча и убираясь вонъ.

Это все аббатъ ее научилъ; іезуиты вездѣ ищутъ себѣ агентовъ и соглядатаевъ.

Старикъ уснулъ, бормоча что-то о Лойолѣ... а я на цыпочкахъ вышелъ вонъ, тихо, тихо притворивши дверь.

III.

Прямо отъ старика я прошелъ въ студію нотаріуса. Въ канцеляріи былъ величайшій безпорядокъ. Ни одного ожидающаго, зѣвающаго, скучающаго посѣтителя на лавкахъ, ни одного писца на своемъ мѣстѣ. Самого Изидора не было въ кабинетѣ, несмотря на то, что это былъ пріемный часъ. Я имѣю непреодолимое отвращеніе къ конторамъ, канцеляріямъ и всякимъ мастерскимъ и людскимъ бюрократіи,—и самое ненавистное для меня въ нихъ, это ихъ бездушный порядокъ, ихъ запыленное и потертое однообразіе; потому я почти обрадовался, увидя анархію Изидоровой готовальни. Молодой клеркъ стоялъ на столѣ и читалъ громко газету; около него собрались всѣ писцы, положивъ перья свои за ухо, въ томъ родѣ, какъ ружья берутъ отъ дождя. Одинъ старшій письмоводитель, старичекъ крошечнаго роста, съ сморщившимися мелкими складочками, которыя придавали ему видъ печенаго яблока, сидѣлъ поодаль. Беззубый, въ красномъ парикѣ, подобранномъ полосками всѣхъ рыжихъ цвѣтовъ, отъ темно-бураго до красно-желтаго, онъ постоянно жевалъ какія-то зернышки и журилъ молодыхъ писарей. Теперь онъ для сохраненія уваженія къ своему общественному положенію сидѣлъ одинъ на своемъ мѣстѣ и говорилъ шамшая: «Шалунъ, перестань читать; здѣсь не кафе. Перестань, сорванецъ. Сейчасъ воротится самъ и увидитъ...»
Мое появленіе остановило чтеніе и смѣхъ.

— Что у васъ за mardi gras сегодня?

— Вы, докторъ, развѣ не знаете, что творится на свѣтѣ, замѣтилъ стоявшій на столѣ, соскочилъ на полъ и подалъ мнѣ торжественно газету.—Я вамъ совѣтую ѣхать домой, вы вѣрно найдете приглашеніе. Тюльерійскій дворецъ занемогъ.

— Перестанешь ли ты, проклятый болтунъ. Совсѣмъ отъ рукъ отбился; вотъ, докторъ, что значитъ подрывать авторитеты, замѣтилъ старикъ, сердясь, какъ сердятся нянюшки на рѣзвыхъ дѣтей.

Я взялъ газету, съ утра дѣло банкета разыгралось и приняло огромные размѣры. Оппозиція требовала отдать министровъ подъ судъ. Гизо шпынялъ надъ ней, президентъ камеры бросилъ петицію подъ столъ, а тонъ журналовъ и оппозиціи поднимался, грозилъ. На улицахъ, на перекресткахъ собирались группы.

— И вотъ, докторъ, эдакой праздникъ doyen d'âge не позволяетъ намъ праздновать, болталъ клеркъ.—Вѣрно нашъ père

Бонкокъ, подхватилъ другой, въ половинѣ съ Гизо въ какихъ-нибудь акціяхъ и боится потерять. Какъ нашъ Бертранъ совсѣмъ оборвется со своимъ Роберъ Макеромъ...

— Кто, кто, Роберъ Макеръ? спрашивалъ не на шутку разсердившійся и испугавшійся старикъ.

— Будто вы не знаете, père Бонкокъ: Фредерикъ Леметръ.

Снова взрывъ смѣха, и вдругъ все умолкло, вошелъ Изидоръ. Онъ хотѣлъ быстро пройти въ кабинетъ, но, увидя меня, остановился и, мягко указывая рукой на дверь, пропустилъ меня впередъ. Тамъ онъ устало опустился въ большое сафьянное кресло, указалъ мнѣ на другое и, пробормотавъ:

— Что за день! что за день! спросилъ объ отцѣ.

— Я не скрою отъ васъ, отвѣчалъ я,—больной плохъ. Всего хуже то, что онъ поддерживаетъ себя въ тревожномъ состояніи, въ раздраженіи; на это быстро потратятся очень сочтенныя силы его.

— Какъ такъ?

Я разсказалъ ему, что счелъ нужнымъ. Нотаріусъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, потомъ остановился передо мной и, скрестивши руки на груди, сказалъ:

— Ей Богу, голова идетъ кругомъ, есть отъ чего съ ума сойти. Кажется, я привыкъ ко всякаго рода самымъ запутаннымъ положеніямъ, но это слишкомъ; все разомъ — и нѣтъ времени сообразить... Тутъ разваливается цѣлый общественный строй отъ упрямства двухъ стариковъ; уличный безпорядокъ и шумъ грозитъ Богъ знаетъ чѣмъ. Дома умираетъ отецъ, котораго я люблю, но котораго несчастный ригоризмъ, совсѣмъ не принадлежащій нашему времени, ставитъ меня въ страшнѣйшую алтернативу. Я съ вами, докторъ, буду откровененъ, мы люди нашего вѣка; вы не можете думать, чтобъ у меня были какіе-нибудь предразсудки... Между нами будь сказано, я полагаю, что во всемъ домѣ одна Бабета въ самомъ дѣлѣ имѣетъ дѣтскую вѣру и держится церкви; но тутъ одно проклятое обстоятельство... Если я могу его устранить, я сдѣлаю все такъ, чтобъ кончина старика была тиха и покойна; только сладить трудно.

— Въ чемъ же дѣло?

— Какъ въ чемъ, любезный докторъ? Слухъ о тяжелой болѣзни отца разнесся, не могу же я сказать тогда, что онъ кончилъ *скоропостижно*, не успѣлъ исполнить обряды. Его прошедшее, его мнѣнія слишкомъ извѣстны, чтобъ *они* захотѣли смотрѣть сквозь пальцы. Будь это просто такъ кто-нубудь, я поѣхалъ бы къ Афру, прекраснѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ. Я сладилъ бы съ нимъ въ четверть часа; но тутъ онъ упрется: почитатель Рома, нераскаянный якобинецъ, умеръ безъ отреченья,

безъ примиренья,—онъ для примѣра другимъ, для угрозы, не позволитъ его хоронить съ должной церемоніей.

— Что же, отецъ вашъ этого-то и хочетъ.

Нотаріусъ поднялъ голову наверхъ, какъ это дѣлаютъ лошади въ упряжи.

— Въ моемъ общественномъ положеніи это безусловно невозможно—*безусловно*. Есть обязанности, которымъ слѣдуетъ подчинять самыя справедливыя стремленія сердца. У меня дѣти, я долженъ объ нихъ думать, и это далеко не все: мое положеніе, мое достояніе, это *депо*, ввѣренное мнѣ женщиной, ихъ матерью, я его именно потому долженъ хранить какъ святыню, что съ меня нельзя требовать никакого отчета. Понимаете теперь?...

— Нѣтъ, не понимаю.

— Вамъ хорошо, вы одни и васъ зовутъ, когда тѣло нездорово; отъ васъ хотятъ *только* физической помощи. Наши паціенты посложнѣе, отъ насъ требуютъ не одного знанія, но неукоризненной нравственности, огромнаго такта въ поведеніи и самаго строгаго соблюденія приличій. Ну, какъ же имя, особенно женское, аристократическое, пойдетъ въ мою студію послѣ гражданскихъ похоронъ моего отца? Вы не подозрѣваете чудовищную силу предразсудковъ въ нашемъ обществѣ! На словахъ мы всѣ кощунствуемъ; а на дѣлѣ—величайшіе трусы. Незаконнорожденному, подкидышу скорѣе простятъ его рожденіе, чѣмъ отцу, который бы не окрестилъ своихъ дѣтей. Да что тутъ толковать, я душевныя немощи знаю столько, сколько вы тѣлесныя. Отца я люблю, уважаю, хотя и не дѣлю его эксцентричностей, и сдѣлаю все, *что могу*—nul n'est tenu à l'impossible.

— Я всталъ.

— А что? Отецъ не говорилъ вамъ, что онъ писалъ свою волю? Вы понимаете, добавилъ нотаріусъ, подымая плечи, — я не за наслѣдство боюсь: оно, кажется, состоитъ изъ Ромовой табакерки и его портрета.

— Ими вашъ отецъ распорядился, онъ ихъ завѣщалъ мнѣ...

— Спорить изъ-за наслѣдства, надѣюсь, мы не будемъ, замѣтилъ онъ съ невыразимо сдержанной улыбкой. Нѣтъ, я насчетъ письменнаго заявленія о похоронахъ.

— Можетъ и писалъ, замѣтилъ я, желая его помучить.

Туча пробѣжала по лицу нотаріусу.—Онъ вамъ читалъ?

— Нѣтъ.

Лицо нотаріуса прояснилось; мы разстались.

IV.

... На другой день весь Парижъ былъ на ногахъ, били раппель; все шло и двигалось. Министерство Одилона Барро было смыто мгновенно, какъ глина и грязь первой волной. Правительство уступало, никто не зналъ куда итти, и всѣ шли скорыми шагами. Пріемный часъ мой проходилъ; ни одного больного: въ такіе дни, я всегда замѣчалъ, всѣ бываютъ здоровы. Въ 49 году, 13 іюня сдѣлало перерывъ въ холерѣ. Я хотѣлъ выйти взглянуть, взялъ уже шляпу, вдругъ колокольчикъ и самъ Изидоръ in propria persona явился передо мной. Онъ никогда не бывалъ у меня.

— Я къ вамъ заѣхалъ, говоритъ онъ, на минуту, чтобъ сказать, что дѣло я *почти* уладилъ, и легче чѣмъ думалъ. Вотъ что намъ помогло... и онъ указалъ пальцемъ на улицу, по которой шли колонны вооруженныхъ людей, громко покрикивая: Vive la réforme! A bas Guizot.—Духовенство сконфужено до высочайшей степени, боится революціи, какъ огня, и со страху кокетничаетъ съ нами. Если *наша* возьметъ, а въ этомъ почти нѣтъ сомнѣнія, все сойдетъ съ рукъ безъ хлопотъ. «Успокойтесь, сказалъ мнѣ самъ архіерей, я поговорю съ вашимъ священникомъ и постараюсь убѣдить его. Если состояніе больного препятствуетъ, мы охотно возьмемъ на себя спасеніе его души. Церковь volentem ducit, nolentem trahit. Скажите вашей доброй супругѣ, что я молюсь за него и чтобъ и она молилась; скажите, что я посылаю ей пастырское благословеніе и очень цѣню, что въ нашъ суетный вѣкъ она прибѣжна къ храму Господню. Вклады ея мнѣ извѣстны и такъ же то, что ея мѣсто въ церкви рѣдко бываетъ пусто въ воскресные дни». Онъ очень, очень милый человѣкъ.

— А хорошо, сказалъ я ему, что вашъ батюшка не будетъ присутствовать на своихъ похоронахъ.

— Вы не къ намъ ли? Мой экипажъ у вашего подъѣзда, я васъ довезу.

— Благодарю васъ, мнѣ хочется пройтись.

— Ходить теперь не совсѣмъ удобно: il y a trop de peuple souverain на улицахъ. До свиданія.

... Утромъ я засталъ старика въ забытьи. Жизнь отступала тихо, надежды не было никакой. Мнѣ говорили, что онъ слышалъ шумъ на улицѣ, раппель спрашивалъ: что такое? узналъ марсельезу, билъ тактъ и двигалъ губами; потомъ опять заснулъ. Я поѣхалъ къ двумъ-тремъ больнымъ, съѣлъ котлету и воротился въ сумеркахъ къ старику. У дверей больного стояла добрая Ба-

бета и горько плакала. Этотъ агентъ римской церкви и алгвазилъ ордена Игнатія Лойолы любила старика и жалѣла его отъ чистаго сердца.

— Докторъ, говорила она мнѣ, онъ отходитъ; не берите на вашу душу часть грѣха, уговорите его, пока время есть, покаяться и примириться съ святой церковью. У него, вѣдь, было золотое сердце, онъ любилъ насъ, бѣдныхъ и безъ всякой гордости, сколько могъ, всегда помогалъ. За что же, помилуйте, за что же его праведная душа должна итти въ адъ? Неужели вы такой безчувственный, что вамъ не жаль?

— Бабета, успокойтесь, chère enfant, душа его въ адъ не пойдетъ; сами же говорите, что она праведная.

— Безъ отпущенія никакая не войдетъ въ рай, говорила она, и бѣдная заливалась слезами. Во время моего отсутствія у старика былъ еще ударъ. Сынъ сидѣлъ возлѣ на креслахъ и, все что-то обдумывая, глядѣлъ на потолокъ. Онъ во время моего отсутствія привелъ въ порядокъ бумаги отца. Я, осмотрѣвши больного, сказалъ Изидору, что остаюсь по обѣщанію до послѣдняго дыханія старика, что надежды нѣтъ никакой и что это вопросъ нѣсколькихъ часовъ, больше или меньше...

Изидоръ замѣтилъ, что онъ ничего письменнаго насчетъ распоряженій не нашелъ.

Старикъ только минутами приходилъ въ себя и то не совсѣмъ. Разъ, всмотрѣвшись въ меня, онъ узналъ, обрадовался и сказалъ:

— А вы слышали марсельезу на улицѣ и барабанъ? Ихъ оправдаютъ! съ торжествомъ прибавилъ онъ.

Въ комнатѣ было совершенно тихо; вдругъ брякнулъ залпъ и за нимъ опять тишина. Старикъ раскрылъ мутные глаза, прислушался и сказалъ:

— Вандемьеръ; я не вѣрю корсиканцу.

Это былъ знаменитый залпъ на бульварѣ. Часа черезъ два народное море заревѣло по улицамъ. Изидоръ пошелъ узнать, что дѣлается. Старикъ много разъ раскрывалъ глаза, будто припоминалъ что-то... Изидоръ возвратился взволнованный. Онъ мнѣ сказалъ, что строятъ баррикады и покрикиваютъ: «Да здравствуетъ республика!» Мнѣ хотѣлось сообщить это умирающему и въ минуту, когда онъ снова услышалъ шумъ и барабанъ, я сказалъ ему:

— Республика, республика.

— Une et indivisible, повторилъ онъ слабо, но внятно.

Затѣмъ началась послѣдняя борьба жизни. Сынъ подошелъ къ кровати, опустился на колѣни и взялъ старика за руку. Бабета тихо вошла въ комнату и плакала, удерживая рыданья; Мотильды, по нашему обычаю, не было въ комнатѣ. Изидоръ сдѣлалъ какой-то знакъ, Бабета бросилась вонъ и забыла затворить дверь.

Послѣ сильнаго вздоха, больной открылъ большіе глаза, видно было, что сознаніе на минуту возвратилось. Онъ узналъ опять меня и сына. Толпы народа шумѣли больше прежняго; старикъ указалъ головой и потомъ обвелъ глазами комнату, и вдругъ, какъ ужаленный змѣей или преслѣдуемый звѣремъ, вскрикнулъ; лицо его исказилось отъ ужаса, онъ вырвалъ руку у сына и, усиливаясь спрятаться подальше въ постели, указывалъ мнѣ въ противуположную сторону.

— Черный! черный! проговорилъ онъ, и голова его склонилась, рука повисла, пульса не было.

Я взглянулъ на то мѣсто, на которое онъ указалъ. Въ дверяхъ, не входя въ комнату, стоялъ аббатъ, за нимъ Матильда; Бабета держала свѣчу. Сынъ показалъ, что все кончено, и покрылъ глаза платкомъ. Аббатъ развернулъ маленькую книжку, которая у него была въ рукахъ, и сталъ въ носъ бормотать полатыни...

Привыкнувшій ко всему, этого я не могъ выдержать, и глядя въ упоръ на Изидора, сказалъ ему:

— Это уже изъ Лукреціи Борджіа, только постановка не удалась, поторопились! Я закрылъ покойнику глаза, поцѣловалъ его лобъ; на лицѣ его осталось выраженіе гнѣва и отвращенія, можетъ, умирая, онъ и меня считалъ однимъ изъ заговорщиковъ, однимъ изъ негодяевъ!

Съ плитой на сердцѣ вышелъ я на улицу и встрѣтилъ, какъ вамъ сказалъ, лаборанта и двухъ всадниковъ.

III.

Мертвые.

I.

— Вчера, началъ докторъ, разставшись съ вами,—я долго рылся въ бумагахъ и нашелъ тамъ, наконецъ, старую газету, которую искалъ. Статья клерикальнаго журнала и моя назидательная бесѣда съ Марастомъ хорошо замкнутъ мой разсказъ о старомъ якобинцѣ.

Докторъ развернулъ листъ и прибавилъ:—Позвольте прочесть, я ужасно люблю эту статейку.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Чего стоитъ одно заглавіе: «Le catholicisme est-il démocratique et républicain?» Католическая церковь не можетъ быть связана ни съ какой формой земной и проходящей власти; она свя-

зана съ небомъ и властью, которая не проходитъ. Католическая церковь не враждуетъ съ *свободой*, она сама основана на высшемъ изъ всѣхъ освобожденій, на освобожденіи отъ грѣхопаденія; она не враждуетъ съ *равенствомъ*, призывая малыхъ, сирыхъ и неимущихъ рядомъ съ сильными міра сего; она не враждуетъ съ *братствомъ*, называя братомъ во Христѣ каждаго христіанина и повелѣвая любить ближняго и врага. Нечестивыя стѣны, отдѣлявшія жизнь гражданскую отъ жизни церкви, разлетаются какъ прахъ въ такіе великіе дни, въ которые гласъ Божій смѣшивается съ гласомъ народнымъ. И вотъ почему для насъ не было ничего удивительнаго въ томъ, что вожди народнаго движенія послѣ побѣды пришли къ алтарю воздать Богу богово и нашли архипастыря возносящаго къ небу теплыя молитвы о народѣ и народныхъ властяхъ. Domine fac salvam Rempublicam раздалось въ то же время во всѣхъ церквахъ великаго града.

«Да, времена, въ которыя мы живемъ, глубоко знаменательны, и еще на дняхъ мы видѣли торжественное зрѣлище, которое сильно потрясло насъ и надолго запечатлѣлось въ сердцахъ нашихъ. Едва бушующее народное море отступило съ львинымъ ревомъ своимъ въ берега, какъ на Монмартрскую пажить Господню постучался новый гость, сопровождаемый неутѣшнымъ сыномъ, опиравшимся на руку подруги своей. Она-то примирила почившаго старца съ тѣмъ, который принимаетъ всякое раскаяніе и прощаетъ всякій грѣхъ за ревность о дѣлѣ ближняго. Хоронили по всѣмъ правиламъ католическаго культа Люкаса Ральера, отца извѣстнаго въ Парижѣ нотаріуса и легиста. Родившись въ тѣ несчастныя времена, когда легкомысліе Аруэта и вѣрующее невѣріе Жанъ-Жака считались наукой, а ненависть къ церкви любовью къ народу и образованію, Ральеръ въ молодыхъ годахъ дерзко закрылъ себѣ врата церкви. Гордость полъ-вѣка воспрещала ему сознаться въ своей ошибкѣ, и только въ послѣдніе дни, благодаря кроткому вліянію добродѣтельной жены своего сына, старецъ смирился передъ Искупителемъ, и церковь поспѣшила принять духъ его съ миромъ. Отецъ Амарантъ произнесъ нѣсколько (но какихъ) словъ на текстъ: «Онъ сказалъ вертоградарю, что не пойдетъ на работу, — и пошелъ»... — Да, заключилъ краснорѣчивый аббатъ С.-Сульпицція: усопшій гражданинъ работалъ въ вертоградѣ Христа, зане работалъ для страждущихъ... Ты былъ нашъ, враждуя на ны. Мы ждали тебя долготерпѣливо и дождались, гряди же, какъ невѣста Ливанская на пріуготовленное ложе... А мы повторимъ отъ всей души и всего помышленія литію архипастыря... И еще помолимся о державномъ народѣ французскомъ и испросимъ благословенія Господня на нашу христолюбивую республику, на ея градоначаль-

никовъ, военачальниковъ и представителей. Народъ, сильно тронутый словами Амаранта, разошелся съ крикомъ: Vive la République! Vive l'église».

II.

... Мѣсяца три спустя, мнѣ было нужно повидаться по очень важному дѣлу съ Марастомъ. Я былъ съ нимъ хорошо знакомъ и помѣщалъ время отъ времени обозрѣнія медицинскихъ книгъ и отчеты о засѣданіяхъ Медицинской Академіи въ «National'ѣ». Это былъ медовый мѣсяцъ его президентства; добраться до президента было не легко. Пріѣзжаю въ первый разъ,—отказываютъ; пріѣзжаю во второй—дома нѣтъ.

— А какъ вы думаете, гдѣ онъ?

— Въ Собраніи.

— Я сейчасъ оттуда, его тамъ нѣтъ.

— Стало, уѣхалъ.

— Очень вѣроятно, а когда онъ воротится?

— Да вамъ который часъ назначенъ?

— Никакого; мнѣ нужно видѣть Мараста по дѣлу, я докторъ такой-то. Одинъ huissier съ цѣпью позвалъ другаго huissier съ цѣпью; это былъ важнѣе и, слѣдственно, грубѣе: высокій, плѣшивый, рыхлый подагрикъ, павшій на ноги, въ замшевыхъ сапогахъ, съ тѣмъ театральнымъ величіемъ, за которымъ человѣкъ прячетъ совершенную пустоту своего ремесла, онъ объявилъ, глядя не на меня, а куда-то въ уголъ, что у Monsieur le Président надобно письменно просить свиданія и прибавилъ:

— Если-бъ президентъ всѣхъ принималъ, ему надобно было бы 48 часовъ въ сутки, да и тѣхъ, можетъ, не хватило бы. Хотите бумаги и чернилъ? вотъ все, что нужно, прибавилъ онъ и указалъ маленькимъ пальцемъ на столъ. Я вынулъ изъ кармана свою карточку и написалъ на ней: «Мнѣ васъ нужно по дѣлу; меня къ вамъ не пускаютъ. Я прійду завтра въ девять утра узнать, когда васъ можно видѣть?» Huissier улыбнулся и не могъ удержаться, чтобъ не сказать: это не дѣлается такъ.

На другое утро та же исторія. Huissier говорилъ, что онъ карточку положилъ съ другими, что приказа никакого не было. Шутка эта стала мнѣ надоѣдать.

— Позовите кого-нибудь изъ секретарей, сказалъ я, немного приподнявъ голосъ.

— Ни одного еще нѣтъ.

— Зачѣмъ нѣтъ, долженъ быть дежурный; что за безпорядокъ. Я сажусь здѣсь и буду ждать часъ, два; а потомъ, прошу покорно замѣтить, что, если не прійдетъ секретарь, я не возвращусь, а послѣдствіе этого вы возьмете на себя.

Подагрикъ, нѣсколько огорошенный, отправился во внутреннія комнаты, беззвучно ступая по паркету съ осторожностью слона, идущаго по льду. Черезъ минуту онъ воротился съ чернымъ фракомъ, видимо заряженнымъ на всякую дерзость; онъ еще издали, для тону громко сморкаясь, спросилъ:

— Гдѣ онъ? que diable, и срѣзался. Я его зналъ корректоромъ въ «Насіоналѣ» и вмѣстѣ съ нимъ поправлялъ мои статьи.

— Зачѣмъ, говорю я ему, Марастъ играетъ въ прятки и поставилъ какихъ-то гиппопотамовъ съ цѣпями въ свою охрану. Мнѣ его нужно видѣть по дѣлу, которое столько же интересуетъ его, какъ меня.

— Видѣть теперь президента невозможно; у него Ламартинъ и Гарнье Пажесъ, поѣзжайте домой; я черезъ два часа пришлю вамъ отвѣтъ. Черезъ два часа, даю честное слово. Вы слышали, что затѣваютъ Косидьеръ и Луи-Бланъ?

— Не слыхалъ, но не хочу у васъ отнимать времени. Итакъ, черезъ два часа...

Эксъ-корректоръ сдержалъ слово. Хоть не черезъ два часа, но въ тотъ же день явился ко мнѣ, гремя палашемъ и шпорами, зацѣпляясь каской за двери, драгунъ и подалъ огромный пакетъ, въ которомъ лежала крошечная бумажка, и на ней: «Г. президентъ проситъ васъ пріѣхать завтра въ 11 часовъ утра, время его утренней закуски».

Когда я на другой день вошелъ въ пріемную залу, тамъ стояли сидѣли, ходили, говорили, молчали обычныя лица всѣхъ офиціальныхъ переднихъ. У дверей во внутреннія комнаты красовались часовые изъ національной гвардіи съ ружьями у ногъ, лакеи въ ливреяхъ сновали взадъ и впередъ, какіе-то офицеры главнаго штаба пробѣгали въ такомъ вооруженіи и такъ озабоченно и быстро по залѣ, какъ будто сейчасъ начнется канонада, и непріятель уже занялъ Монмартрскія высоты. Нѣсколько человѣкъ въ нечищенныхъ пальто и ярко красныхъ шейныхъ платкахъ сильно ораторствовали; полагаю, что эти представители демократическаго равенства сословій были просто шпіоны, которыхъ Марастъ захватилъ съ собой изъ Hôtel de Ville. Словомъ, это была пріемная временщика, Меттерниха, при царѣ-народѣ; но пріемная не обходившаяся, не обтершаяся; словно въ ней пахло краской и двери скрипѣли на петляхъ.

Офиціантъ громко назвалъ меня по фамиліи и пригласилъ въ столовую. Въ углу большой залы былъ накрытъ столъ на четыре прибора, ломившійся отъ тяжелаго серебрянаго платò. У окна стоялъ Паньеръ, я подошелъ къ нему и едва успѣлъ, улыбаясь, сказать: tempora mutantur, какъ двери отворились à deux battants и, предшествуемый главнымъ huissier, сопровождаемый

секретаремъ и офиціантами, вошелъ Марастъ. Часовые брякнули на караулъ; щегольски одѣтый, въ небрежномъ утреннемъ костюмѣ, раздушенный, съ пышно-взбитыми сѣдыми волосами, Марастъ былъ свѣжъ и румянъ, какъ американское яблоко; въ лицѣ его, отъ природы очень красивомъ, была какая-то фосфоричность отъ упоенія собою. Онъ слегка извинился передо мной и, указавъ рукой на стулъ, прибавилъ:

— Мы, любезный докторъ, переговоримъ за котлеткой, если вы думаете, что дѣло не повредитъ пищеваренію.

Офиціантъ торжественно снялъ какую-то крышку и передалъ ее другому, который торжественно понесъ ее на другой столъ. Я взглянулъ на Паньера и подумалъ: съ какимъ бывало веселымъ аппетитомъ ужинали мы съ нимъ въ небольшой столовой третьяго этажа, у издателя «Насіоналя», и какъ интересно болтали съ милой, умной M-me Marast, которой, видно, не по этикету было являться такъ рано...

О дѣлѣ мы переговорили.—«Romanée gelée», сказалъ хозяинъ, тихо и ни къ кому не обращаясь; и въ ту же минуту выросъ, какъ изъ-подъ земли, мажоръ д'омъ, у котораго въ рукахъ была бутылка, покоившаяся на боку въ тростниковой колыбели.

— Знаете, докторъ, кого я часто поминаю и кого ужасно жаль: это нашего папа Ральера. И какъ странно, что онъ умеръ въ ту самую минуту, когда воскресала республика, которой онъ такъ ждалъ, которую такъ любилъ. Славный былъ старикъ, и какъ бы онъ былъ счастливъ; мѣсяцъ бы пожить какой-нибудь. Это былъ удивительный человѣкъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Паньеру, вы его знали?

— Очень, отвѣчалъ Паньеръ.

— Такихъ-то людей, непоколебимыхъ и сильныхъ, намъ теперь очень, очень нужно.

— Будто? замѣтилъ я, улыбаясь.

Едва уловимое движеніе пробѣжало по лицу Мараста.

— А вы знаете подробности о его кончинѣ и похоронахъ?

— Ничего не знаю, кромѣ того, что онъ умеръ въ ночь 24 февраля; что же особеннаго?

Я передалъ ему вамъ извѣстныя подробности, не забылъ даже упомянуть и о статьѣ въ клерикальномъ журналѣ.

По мѣрѣ того, какъ я разсказывалъ, фосфоричность Мараста исчезла, онъ безпокоился, дѣлалъ видъ мигрени и, наконецъ, нетерпѣливо кроша двумя пальцами хлѣбъ, сказалъ:

— Вы мнѣ позвольте замѣтить, любезнѣйшій докторъ, мнѣ кажется, что вы напрасно такъ обвиняете Изидора Ральера. Вы дѣйствительно не вошли въ его положеніе; я его знаю очень хорошо за прекраснаго человѣка и преданнаго республиканца...

Я улыбнулся.

— Я говорю, *что я его знаю*, сказалъ, нѣсколько прищуривая глаза, Марастъ.

— Въ нашемъ царствѣ всеобщей подачи голосовъ позвольте мнѣ имѣть мое смиренное мнѣніе.

— У васъ взглядъ непрактическій, докторъ. Исполненіе религіозныхъ обрядовъ большинства народа до нѣкоторой степени обязательно для всѣхъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о притѣсненіи совѣсти, это дѣло декорума. Зачѣмъ человѣку высокомѣрно выдѣлять себя въ какое-то оскорбительное a parte... Это очень хорошо понималъ человѣкъ, котораго авторитетъ трудно отвести: Робеспьеръ. Онъ говорилъ, что атеизмъ—аристократія.

— И выдумалъ свою церковь, въ которую вербовалъ гильотиной; да и то не навербовалъ...

— Вы знаете, что я гильотину не оправдываю, но все же его религія была лучше атеизма Геберта.

— Какъ кому, это дѣло вкуса: а послѣдній крикъ умирающаго Ральера у меня въ ушахъ.

— Что же, вы думаете, что мы могли бы, какъ въ 93, закрыть церкви, дѣйствительно насилуя совѣсть огромнаго большинства французовъ? Хороши мы были бы, если-бъ съ самаго начала затронули такую опасную струну съ народомъ, который надобно всѣми средствами пріучить къ республикѣ, воспитать къ свободѣ и пониманью права.

— Вы были не совсѣмъ того мнѣнія о немъ три мѣсяца тому назадъ, въ вашихъ энергическихъ premiers Paris.

— Три мѣсяца немного времени, а посмотрите, сколько у меня прибавилось сѣдыхъ волосъ. Перо публициста и дѣятельность государственнаго человѣка могутъ имѣть общую цѣль; но они далеки, какъ практика и теорія; а эту даль только тотъ можетъ измѣрить, кто самъ окунулся въ омутъ дѣлъ.

Затѣмъ Марастъ быстро всталъ и пригласилъ меня въ кабинетъ. Когда мы проходили въ двери, часовые опять взяли на караулъ. Вѣроятно, Марасту это не было непріятно; имѣлъ же онъ, вѣроятно, право сказать имъ, чтобъ они стояли смирно и не дурачились.

Ему было совѣстно и досадно; онъ подалъ Паньеру и мнѣ сигары и, потрепавъ меня дружески по плечу, сказалъ ему:

— Что намъ дѣлать съ нашимъ неисправимымъ эскулапомъ, вотъ enfant terrible съ сѣдыми волосами?

— Скажите, спросилъ я, смѣясь, гражданинъ Паньеръ, давно ли это нашъ президентъ сдѣлался изъ вольтеріанцевъ клерикаломъ и проповѣдуетъ церковные обряды?

— Что вы дурачитесь, докторъ! Ну, какой тутъ клерикализмъ; а вотъ, вамъ, что за охота говорить при секретарѣ. Онъ очень хорошій молодой человѣкъ, но въ душу не заглянешь, а въ нашемъ положеніи надобна осторожность и осторожность; да тутъ офиціанты еще. Неужели вы не понимате, что мое *общественное положеніе*, которое только и держится на нравственномъ вліяніи...

— И священное депо, ввѣренное вамъ, сказалъ я, невольно вспоминая фразеологію Изидора.

— Да, да, депо, ввѣренное самимъ народомъ мнѣ и моимъ товарищамъ, накладываетъ на меня обязанности, и, во-первыхъ, не дозволяетъ мнѣ ссориться съ духовенствомъ.

— Я не подумалъ объ этомъ за столомъ, сказалъ я, откланиваясь.

Марастъ любезно проводилъ меня за двери. Часовые брякнули на караулъ.

25 марта, 1869 г., Ницца.

IV.

Эпилогъ.

— Мнѣ, докторъ, хочется вамъ повторить вопросъ, который сдѣлалъ какой-то математикъ, прослушавши очень внимательно симфонію: Что же это доказываетъ?

— И музыкантъ не умѣлъ ему, вѣроятно, ничего отвѣтить. Не легко и мнѣ, а все-таки я думаю, что моя симфонія, или Marche funèbre, доказываетъ кое-что; доказываетъ хоть бы, напримѣръ, и то, что Франція совсѣмъ не такая уже революціонная страна, какой себѣ представляли ее иностранцы и мы сами. Мы взбалмошные консерваторы и капризные рутинисты. Мы часто стоимъ на одномъ мѣстѣ съ видомъ скораго марша и отступаемъ съ крикомъ атаки. Малѣйшій вѣтеръ колышетъ и рябитъ наше море, но на вершокъ, не больше. Девяностые годы захватили глубже, такъ мы восемьдесятъ лѣтъ пятимся, чтобъ войти въ старое, узкое и жесткое русло. Революціонная пьеса доиграна, но костюмы намъ понравились и мы мирно ходили въ нихъ по улицамъ, какъ дѣти въ мундирахъ. Входъ за кулисы только легокъ въ театрахъ. Нигдѣ не хранятъ лучше семейныя тайны и физическіе недостатки, какъ у насъ. Насъ ужасно трудно застать въ расплохъ. Что мудреннаго узнать англичанина, не дающаго себѣ труда играть роль; или нѣмца, довѣряющаго свои чувствованія знакомому по table d'hôte'у. Раскусите-ка насъ.

Мы для ближайшихъ знакомыхъ дѣлаемъ туалетъ, и такія неглиже всегда по модѣ и къ лицу. Бываютъ иногда «дурные четверть часа», когда все, спрятанное подъ манишками, выступаетъ наружу; тутъ и ловите. Пропустили—ваша бѣда. Я самъ дожилъ до сѣдинъ, плохо понимая, что дѣлается вокругъ, и потомъ въ три дня выучился больше, чѣмъ во всю жизнь, и выучился на всю жизнь.

— Вы говорите?...

— Разумѣется, объ іюньскихъ дняхъ.

— Вы соціалистъ?

— Я докторъ медицины.

— Это не мѣшаетъ.

— Мѣшаетъ, и очень. Быть разомъ больнымъ и врачемъ—дѣло плохое. Одилонъ Барро говорилъ, что законъ не знаетъ Бога; а ужъ врачъ и подавно не долженъ имѣть никакой религіи; иначе онъ неодинаково будетъ относиться къ больнымъ.

— Вольно вамъ соціализмъ считать религіей?

— А какъ же? Можетъ онъ когда-нибудь и выростетъ изъ стихаря, даже есть обѣщающіе зачаточки; но это еще нерѣшенное дѣло; великая революція имѣла не меньше его зачатковъ, а такъ и состарѣлась на своихъ цивическихъ литургіяхъ и политическихъ процессіяхъ. Все тѣ же идолопоклонники и иконоборцы; только иконы другія; а средства защиты и нападенія, какъ встарь, чисто богословскія, основанныя на вѣрѣ во что-нибудь невѣроятное, подтверждаемой доказательствами, ничего не доказывающими, и силой, доказывающей, что разсужденіемъ ничего не сдѣлаешь, а кулакомъ очень много.

— Ничего подобнаго нѣтъ въ современной борьбѣ капитала съ работой; какія тутъ литургіи, да крестные ходы?

— Помилуйте, да тутъ все литургія, кромѣ самого предмета. Одни хотятъ увѣрить другихъ, что эти другіе... не имѣютъ права на необходимое, тогда какъ они сами имѣютъ лишнее, и дивятся, какъ тѣ не понимаютъ, что въ этомъ-то и состоитъ свобода. Другіе укоряютъ въ грабежѣ тѣхъ, которые также безсознательно имѣютъ деньги, какъ укоряющіе ихъ не имѣютъ. Гдѣ же тутъ логика? Одно богословіе, примѣненное къ земнымъ предметамъ. Иконоборцы капитала и его идолопоклонники такъ и стоятъ на своемъ диспутѣ, все больше и больше отравляя его и поддразнивая другъ друга.

— Куда же это приведетъ?

— Туда, куда приводятъ всѣ религіозныя препинанія: не къ *дѣлу*, а къ *крови*.

— И будто это такъ неминуемо?

— Я не фаталистъ, но, кажется, миновать трудно. Одинъ станъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ; другой свирѣпѣетъ, и оба не понимаютъ другъ друга...

— Надобно посредниковъ.

— А гдѣ же ихъ взять? Примирившихся и непримиримыхъ бездна, но примирителей нѣтъ. Примирившіеся резонеры всего хуже; что они примутся объяснять, то остается на вѣки мутнымъ и безжизненнымъ, какъ замерзнувшая лужа. Это наша язва. Вы ее найдете почти во всѣхъ журналахъ. Мишле говоритъ о томъ, какъ схоластика и монашеское воспитаніе образовали цѣлую породу *дураковъ*. Журнализмъ, парламентаризмъ, неудавшіяся революціи и революціонное похмѣлье выростили въ наше время слой умниковъ, заговаривающихъ всякое дѣло до безсмыслія. Они все объясняютъ, все понимаютъ; но всякій жизненный вопросъ выходитъ изъ ихъ мозговой реторты, какъ зеленый листъ, опущеный въ хлоръ, блѣднымъ, увядшимъ. Ихъ неистощимая верва, запугивающее умничанье однихъ, дѣловая наторѣлость другихъ дѣлаютъ изъ нихъ казовый конецъ нашего времени; и это большое несчастіе. Это не дилетанты, а адвокаты всего на свѣтѣ. Ихъ задача состоитъ въ томъ, чтобъ одержать верхъ въ преніи, выиграть дѣло; а въ чемъ оно, имъ все равно.

... Я прерываю философствованіе моего доктора, или лучше, не продолжаю его потому, что и тутъ, какъ почти во всемъ, обстоятельства нагнали насъ и опередили...

Разсказъ доктора о гражданинѣ Ральеръ я писалъ въ началѣ марта 1869 г. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, гроза, давно собиравшаяся, разразилась безъ ударовъ и потрясеній. Удушливая тяжесть атмосферы Парижа и Франціи измѣнились. Равновѣсіе, устроившееся отъ начала реакціи послѣ 1849 г., нарушилось окончательно.

Явились новыя силы и люди.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Изъ римскихъ сценъ.

Однимъ сентябрьскимъ днемъ грустныя думы рядомъ съ туманной, сырой погодой навели на меня сильную печаль. Чтобъ разсѣяться, я вздумалъ читать, но книга выпадала изъ рукъ на второй страницѣ... Перебравъ нѣсколько, мнѣ попалась, наконецъ, такая, которая поглотила меня до глубокой ночи,—то былъ Тацитъ. Задыхаясь, съ холоднымъ потомъ на челѣ, читалъ я страшную повѣсть,—какъ отходилъ въ корчахъ, судорогахъ, съ рѣчью предсмертнаго бреда вѣчный городъ. Не личность цезарей, не личность ихъ окружавшихъ клевретовъ поражала меня,—страшная личность народа римскаго далеко покрывала ихъ собой. Мелькомъ и съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ говоритъ Тацитъ о гоненіи христіанъ, на которыхъ Неронъ сложилъ извѣстный пожаръ. До того назареевъ даже не гнали. Я зналъ, что въ то время апостолъ Павелъ былъ въ Римѣ; это дало мнѣ поводъ раскрыть Апостольскія Дѣянія, и, рядомъ съ мрачнымъ, окровавленнымъ, развратнымъ, снѣдаемымъ страстями Римомъ, предстала мнѣ эта бѣдная община гонимыхъ, угнетенныхъ проповѣдниковъ Евангелія, сознавшая, что ей вручено пересозданіе міра; рядомъ съ распадающеюся весью, которой все достояніе въ воспоминаніи, въ прошедшемъ,—святая хранилищница благой вѣсти, вѣры и надежды въ грядущее. Я долго думалъ о времени, предварившемъ ихъ встрѣчу. Есть особое состояніе трепета и безпокойства, мучительнаго стремленія и боязни, когда будущее, чреватое цѣлымъ міромъ, хочетъ развернуться, отрѣзать все былое, но еще не разверзалось; когда сильная гроза предвидится; когда ея неотразимость очевидна, но еще царитъ тишина,—настоящее тягостно въ такія мгновенія, ужасъ и стремленіе наполняютъ душу, трудно подымается грудь, и сердце, полное тоски и ожиданія, бьется сильнѣе. Этотъ трепетъ передъ будущимъ неизвѣстнымъ, но близкимъ, это отрицаніе всѣхъ узъ, которыми сросся человѣкъ съ былымъ и существующимъ, это мученіе неизвѣстности, мученіе предчувствія и необладанія хотѣлось мнѣ уловить въ тогдашнемъ состояніи умовъ, не страданіе города, а отчаянный

крикъ человѣка—и врачеваніе его словомъ Евангелія. Здѣсь предлагается отрывокъ изъ тогда написанныхъ сценъ. Лициній—мой герой, онъ еще не имѣетъ понятія объ ученіи Христовомъ, но вѣяніе духа современности раскрыло въ немъ вопросы, на которые, кромѣ Евангелія, не было отвѣта. Отсутствіе религіи, неудовлетворительность философіи, наконецъ, очевидное разрушеніе Рима сломили его для того, чтобъ онъ воскресъ новымъ человѣкомъ. Мевій—благородная, прекрасная, античная натура, но не принадлежавшая къ тѣмъ организаціямъ, которыя шагаютъ за предѣлы понятій своего вѣка. Въ Лициніи предсуществуетъ романтическое воззрѣніе, Мевій — классикъ со всѣмъ реализмомъ древняго міра.

Ну посмотри, посмотри, Лициній, около себя», — сказалъ юный философъ Мевій другу своему, указывая на видъ съ холма:—«неужели ты не чувствуешь теплое, живое дыханіе природы и неужели это дыханіе матери не согрѣваетъ тебя? О, космосъ! мое сочувствіе къ тебѣ велико, я поклоняюсь тебѣ потому, что ты не хочешь поклоненія; ты все содержишь и все свободно въ тебѣ. Птица, червякъ, звѣрь,—каждый воленъ, каждый чувствуетъ себя дома, на мѣстѣ, всѣмъ хорошо. Какое блаженство существовать, существовать и понимать, что существуешь,—въ этомъ безконечное наслажденіе; существовать, любить—два великія начала и два великія окончанія природы, положивъ въ основу ей Венеру. Но послушай, Лициній, ни одной морщины не свелъ съ твоего чела этотъ видъ; что за странная грусть поселилась въ тебѣ, давно ли въ твоей груди обитали свѣтлые образы? Я перестаю узнавать тебя. Теперь даже, когда вся природа около насъ дышетъ нѣгой, когда все живое радостно припадаетъ къ лучамъ солнца, чтобъ сосать изъ нихъ огонь, ты одинъ, какъ чужой, какъ пасынокъ въ родительской храминѣ, стоишь мрачный и сосредоточенный въ себѣ».

Противоположность двухъ друзей была разительна. Одушевленныя черты Мевія, распростертыя руки, какъ бы раскрывшія объятія всему, и свѣтлое чело, и ясный взглядъ, разливавшійся на все окружающее, дѣлали его похожимъ на греческаго бога, полнота и гармонія, юность и избытокъ жизни громко говорили его чертами. О такомъ лицѣ думалъ Платонъ, когда сказалъ, что есть нѣчто изящнѣе тверди небесной, усыпанной звѣздами,—очи, разсматривающія эту твердь. Блѣдное, нѣжное и худое лицо Лицинія, болѣзненно-страдальческое выраженіе, скрещенныя на груди руки и глаза, свѣтящіяся какъ-то лихорадочно и независимо отъ окружающаго, однимъ своимъ свѣтомъ говорили совсѣмъ иное; казалось, душа, смотрящая такъ,—бездонная пропасть, въ которую утягивается вся природа и пропадаетъ безвѣстно; блѣдное и холодно-влажное чело его носило клеймо думъ тягостныхъ, безотходныхъ и мученій нестерпимыхъ.

Онъ отвѣчалъ Мевію: «Я не виноватъ, что природа на меня не такъ дѣйствуетъ, какъ на тебя, я завидую тебѣ, но перенять не могу; такъ, со слезою на глазахъ, я смотрю на дѣтскія игры; ихъ безотчетная радость, звонкій смѣхъ, совершенное поглощеніе игрой понятно, но оно невозможно, когда выйдешь изъ того возраста. Я, съ своей стороны, дивлюсь тебѣ, какъ такой дешевой цѣной ты сыскалъ миръ душѣ и наслажденіе; что птицѣ, червяку хорошо—не спорю: животныя—дѣти, у которыхъ нѣтъ совершеннолѣтія, нѣтъ ума, нѣтъ вопросовъ; бѣдные, обманутые, они беззаботно живутъ, не подозрѣвая, что вмѣстѣ съ груднымъ молокомъ сосутъ отраву. Но

на этомъ дѣтскомъ праздникѣ Изиды человѣкъ—чужой. Сверхъ этихъ глазъ, есть у него другіе, и они видятъ, чего бы не надобно видѣть, и въ душѣ тѣснятся вопросы, на которые плохо отвѣтили мудрецы всѣхъ вѣковъ. Я изучилъ ихъ и бросилъ; одни слова и уловки. Скажи мнѣ, объяснили ли они цѣль человѣка, для чего онъ? что послѣ? что прежде?»

Мевій. Цѣль! Да жизнь—вотъ и цѣль, мнѣ это ясно; ты ищешь какой-то другой цѣли, внѣ человѣка, внѣ природы. По какому праву?

Лициній. Оно законно. Я выстрадалъ себѣ это право, оно запечатлѣно морщинами на моемъ челѣ. Ты легко удовлетворяешься, мой другъ, но такое примиреніе не для всѣхъ: у нихъ въ груди зарождается демонъ, котораго не убаюкаешь эпикурейскою пѣснью. Жизнь—цѣль жизни! Да что мнѣ въ ней? Я принимаю только тѣ дары, которыхъ требую. Жизни я не просилъ... Я вдругъ проснулся изъ небытія; кто разбудилъ меня,—не знаю, по моей воли не было. Мнѣ втѣснено тяжелое бремя жизни—этой странной борьбы, не имѣющей конца, борьбы безпрерывной, утомительной. Въ груди лежитъ сознаніе моей нравственной свободы, моей безконечности, а я со всѣхъ сторонъ ограниченъ, униженъ тѣломъ. Я иногда возвращаюсь къ религіознымъ вымысламъ и вѣрю, что людей создалъ возмутившійся дерзкій Титанъ. Онъ затѣялъ беззаконное смѣшеніе вещества и ума, а мы страдаемъ, искупая нелѣпость, невозможность такого смѣшенія. Именно нелѣпость—она очевидна: вложить духъ, разумъ въ безволосую обезьяну и оставить ее обезьяной, чтобъ вся жизнь была страданіе отъ двухъ противоположныхъ влеченій, одного, не имѣющаго силы поднять на небо, другого—не имѣющаго силы стянуть на землю! Это аристофановская иронія!

Мевій. Одно слово. Зачѣмъ ты такъ дѣлишь духъ отъ тѣла, и точно ли они непримиримые враги, и мѣшаетъ ли тѣло духу, не оно ли чрево, изъ котораго духъ развился?

Лициній. Какъ не мѣшаетъ? Да кто же меня приковалъ ко времени и пространству, къ этимъ двумъ цѣпямъ, ежеминутно бряцающимъ на моихъ рукахъ и ногахъ? Мой духъ хотѣлъ бы обнять всю вселенную, разлиться по ней безпредѣльнымъ и вольнымъ, а онъ сидитъ въ этихъ костяхъ, въ этой оболочкѣ мяса. Я колодникъ, котораго пересылаютъ куда-то, не сказавши ему за что; время влачитъ скованнаго съ свирѣпой быстротой и само, кажется, не вѣдаетъ куда, не внемлетъ слезамъ, стенанью, не даетъ остановиться, кто на дорогѣ упалъ, того трупъ—хищнымъ птицамъ, и мимо. Духъ оскорбленный, униженный борется, но тѣлу дана сила грубая и дикая, которую не сломишь. Духъ понимаетъ свою свободу отъ временнаго, да время не понимаетъ ея. Оно идетъ безотвѣтно, тупо, однообразно. Могу ли я продолжить мигъ восторга? Могу ли я сжать мигъ горести? Нѣтъ. У кого во власти клепсидра? У случая, у судьбы. Судьба—слово безъ смысла. И чтобъ эта жизнь была цѣль. Коли она цѣль, за ней ничего, понимаешь ли—ничего! Я сдѣлаюсь прошедшее, жизнь промчится по моимъ костямъ, раздавитъ ихъ, и я не почувствую боли. Лучшее [?] царство Плутона, чтобъ я исчезъ, какъ звукъ лиры въ безконечномъ пространствѣ; если я не вѣченъ, Мевій, такъ и міръ умретъ когда-нибудь, одряхлѣвши, истощивъ свои силы, и не оставитъ слѣда и будетъ—ничего. Памяти не оставитъ по себѣ, потому что некому будетъ помнить.

Мевій. Въ этомъ можешь быть обезпеченъ; для вселенной нѣтъ смерти. Космосъ есть,—ты понимаешь ли, что въ этомъ словѣ заключена вѣчность? Это значитъ: міръ былъ и будетъ, потому что онъ есть. Онъ живетъ, обновляясь поколѣніями.

Лициній Да, онъ, какъ Хроносъ, пожираетъ своихъ дѣтей, бросая обглоданныя кости, чтобъ мы могли угадать свою судьбу. Когда я былъ въ Египтѣ, я посѣтилъ Ѳивы, этотъ стовратный городъ Гомера. Дворцы, столбы, аллеи сфинксовъ, грифы стоятъ, на скалахъ сидятъ страшные Мемноны, обелиски, испещренные цѣлыми рѣчами гіероглифовъ, стерегутъ ворота, въ которые никто не входитъ, и говорятъ что-то каменной рѣчью, которую никто не слушаетъ и никто не понимаетъ теперь. Тишина страшная—ни одного человѣка, и пустыя зданія, формы безсмысленныя, оттого что содержаніе выдохлось, черепы чего-то умершаго! Куда ушелъ народъ, толпившійся тутъ, работавшій? ушелъ— да куда? Гдѣ этотъ Пантеонъ или та Cloaca maxima, куда стекаетъ прошедшее—люди, царства, звѣри, мысли, дѣянія? Хроносъ съ ненасытной жадностью безпрестанно ѣстъ, но у него нѣтъ внутренностей, все, что онъ проглотитъ, исчезаетъ, и оттого онъ не сытъ и безпрестанно гложетъ.

Мевій. Ты послѣ спросишь, зачѣмъ сегодня волна нанесла кучу песку на берегъ, а завтра смываетъ его и какъ его отыскать въ морѣ. Все существующее существуетъ во времени, въ этомъ надо убѣдиться однажды навсегда. Одна жизнь вѣчна. Когда ты бродилъ по Ѳивамъ, зачѣмъ не взглянулъ вверхъ, ты увидѣлъ бы прекраснаго пестраго орикса; зачѣмъ ты не видалъ ни одного изъ красивыхъ цвѣтовъ, качавшихъ яркими и благоухающими вѣнчиками изъ-за трещинъ колоннъ и упавшихъ капителей, между которыми ползла, извиваясь и блестя чешуей, змѣя? Гдѣ тутъ запахъ смерти, пустоты: жизнь человѣческая перешла, жизнь природы, разлитая повсюду, осталась. Царства, дѣла рукъ человѣческихъ—падутъ; жизнь вѣчно юная цвѣтетъ на ихъ развалинахъ. Что за дѣло, куда ушли египтяне, чего жалѣть ихъ? Развѣ они въ продолженіе своей жизни не наслаждались по своему, не имѣли минутъ блаженства и сильныхъ ощущеній, развѣ они не любили, не трепетали отъ радости, развѣ жизнь не подносила свой кубокъ наслажденій и къ ихъ устамъ?

Лициній. А несчастные, задавленные обломками, присутствовавшіе при гибели родины,—тѣмъ много ли отпущено было наслажденій?

Мевій. Ихъ участь была горька, но тутъ ненавистная тебѣ смерть явилась благодѣтельнымъ геніемъ, успокоила ихъ въ могилѣ, замѣнивши новыми поколѣніями такъ, какъ замѣняетъ траву, скошенную на лугу. Ты слишкомъ много придаешь важности человѣку, это нравится гордости: онъ не больше, какъ листъ на деревѣ, какъ песчинка въ горѣ.

Лициній. Счастливъ ты, удовлетворяющійся такими объясненіями. Нѣтъ, я считаю жизнь каждаго человѣка важнѣе всей природы. Человѣкъ— носитель безсмертнаго духа, къ которому природа только рвется. Каждая слеза, каждое страданіе человѣка отзывается въ моемъ сердцѣ. Безчувственно жертвовать какому-то отвлеченному понятію о жизни людьми, не жалѣя ихъ. Варвары, приносящіе на жертву людей, закалаютъ ихъ, по крайней мѣрѣ, своимъ богамъ. . Я съ нѣкотораго времени боюсь произносить это слово, оно утратило великій смыслъ свой въ нашихъ устахъ. Для насъ боги—

какой-то сонъ, облекающій въ образы идеи и мысли. А чтó прежде была религія? Зачѣмъ я не могу дѣтски вѣровать, зачѣмъ я родился въ развратный вѣкъ, вѣрующій въ одно сомнѣніе? Что мнѣ дали философы? Ни одного полнаго рѣшенія, ни одной достовѣрности. Они лишили только покоя мою душу, приведя ее въ вѣчное колебаніе. Фетишизмъ давалъ больше положительнаго, нежели разъѣдающій духъ нашихъ учителей. Подкопавшись подъ пьедесталы боговъ, свергнувъ, осмѣявъ ихъ, что они поставили на эти пьедесталы? Скептическій взглядъ и удостовѣреніе, что мы ничего не знаемъ? Нѣтъ, еще кое-что: стоическую нравственность и ясной взглядъ.

Мевій. Ты всегда вдаешься въ крайности и требуешь несправедливаго. Чтó они поставили на пьедесталы, съ которыхъ сняли Олимпійцевъ,—помилуй, они поставили Нусъ, великій законъ, великую энергію всего развитія, они поставили живую душу міра,—многіе—хотя и не понимаю, для чего—доказывали бытіе боговъ.

Лициній. И въ томъ числѣ нашъ Цицеронъ. И нечего сказать, хорошо написалъ онъ въ ихъ пользу, не хуже, какъ за Архія поэта. И я такъ же, какъ ты, не могу понять, для чего они доказывали,—для изощренія въ діалектикѣ, вѣроятно. Доказывать можно только то, въ чемъ можно сомнѣваться. Неужели голосъ мощный, звучащій въ груди, не говоритъ громче всѣхъ философовъ? Что вышло изъ философскихъ доказательствъ? Холодный, безчувственный деизмъ, съ ихъ богами мы чужіе, нѣтъ связи между нами; одинъ Платонъ изъ всѣхъ провидѣлъ, какъ мало удовлетворяетъ такое признаніе боговъ. Я чувствую, что человѣкъ долженъ быть связанъ съ божествомъ, въ немъ успокоиться, любовью возноситься къ нему. Какъ?—не знаю, не понимаю какъ, отъ того-то я и страдаю; я ищу, жажду, и все—камень, все слова, все мертвое, до чего ни коснусь. У одного Платона и его учениковъ есть что-то, намекъ, приводящій въ трепетъ всю душу. Думалъ-ли ты когда-нибудь, что значитъ *Логосъ?* Тайна, тайна и мы умремъ, не разгадавъ ее. Пусть явится, кто-бъ онъ ни былъ, и откроетъ мнѣ эту тайну,—я обниму его ноги, облобызаю прахъ его сандалій. Предчувствіе мое меня мучитъ, знать, что не знаешь,—ужасно. Логосъ, Логосъ—профорикосъ, въ этомъ словѣ для меня заключено все — идея, событіе, гіероглифъ, связь міра и бога—и не могу понять. (*Молчитъ*).

Послушай, Мевій, что-то великое совершается. Этимъ путемъ міръ дальше идти не можетъ: онъ своими когтями разорвалъ свою грудь и пожираетъ свои внутренности; на такой пищѣ долго не проживешь. Бродятъ вопросы, никогда не являвшіеся прежде. Если бы можно было приподнять завѣсу—хоть для того, чтобъ взглянуть и умереть... (*Задумывается и молчитъ*).

Мевій. Мечтатель, милый мечтатель, люблю слушать его рѣчь; она имѣетъ какую-то магическую силу, какъ музыка, какъ лунный свѣтъ.

(Лициній садится на холмъ и не принимаетъ, повидимому, никакого участія въ разговорѣ Мевія съ подошедшимъ патриціемъ).

Патрицій. Я сейчасъ отъ Пизона.

Мевій. Много было?

Патрицій. Да всѣ наши.

Мевій. Эпихарисъ была?

Патрицій. Была и говорила, какъ вдохновенная богами пиѳія. Великая женщина! Имя ея пойдетъ до позднѣйшаго потомства, окруженное лучами славы. Странно, женскую руку избрали боги участвовать въ великомъ дѣлѣ, для котораго такъ долго не находилось достаточно крѣпкихъ рукъ мужчины.

Мевій. Что новаго о цезарѣ?

Патрицій. Каждое дыханіе Нерона—злодѣйство. На-дняхъ рабы убили какого-то сенатора. Отцы присудили всѣхъ рабовъ его, жившихъ у него въ домѣ и внѣ дома, казнить. Ты знаешь, на это есть прямой законъ. Неронъ, когда ему подали дѣло [1]), сказалъ: «Безумно нѣсколько сотъ человѣкъ казнить въ то время, какъ подозрѣніе падаетъ на двухъ - трехъ изъ окружавшихъ.»—«Императоръ», вскричало нѣсколько голосовъ, «законъ требуетъ ихъ казни».—«А я», возразилъ Неронъ, «требую казни этого закона, потому что онъ безсмысленъ».—Видишь-ли, какъ онъ пренебрегаетъ закономъ и какъ льститъ подлымъ рабамъ. И сенатъ поддался, но роптал больше, нежели когда-либо.

Мевій. Онъ безпрестанно ищетъ случая унизить патриція и отцовъ. Давича я встрѣтилъ недалеко отъ вновь строющагося дворца похороны. Чьи, ты думаешь? Тигръ околѣлъ у него въ звѣринцѣ, онъ велѣлъ его хоронить, какъ сенатора, завернувши въ латиклаву. Плебеи толпами шли за трупомъ гадкой кошки, съ рукоплесканіями и хохотомъ; тутъ какой-то ободранный разбойникъ взлѣзъ на камень и кричалъ: «божественный цезарь, доверши благое дѣло; ты посадилъ тигра въ сенатъ, посади же отцовъ въ звѣринецъ».—Толпа съ восторгомъ слушала эти нечестивыя рѣчи.

Патрицій. Подлое отродье подлыхъ корней. Плебей никогда не былъ римляниномъ,—это ложныя дѣти Италіи. Мевій, сегодня приходи непремѣнно къ Латерину, у него совѣщаніе; всѣ поняли, что пора приступить къ дѣлу, еще нѣсколько дней—и заговоръ непремѣнно будетъ открытъ. Отъ быстроты зависитъ успѣхъ. Мы утромъ для того сходились, но было какъ-то смутно и безтолково. Латеринъ поссорился съ Пизономъ. Ты знаешь его—воплощенный Брутъ, а Пизонъ туда же мѣтитъ въ цезари. Луканъ, который въ Неронѣ ненавидитъ соперника-поэта больше, нежели тирана, хотѣлъ выпить чашу вина за здоровье новаго цезаря, Латеринъ и Эпихарисъ чуть не растерзали его. Пизонъ надулся; тутъ, какъ на смѣхъ, Сульпицій-Асперъ сталъ требовать въ раздачу тѣмъ преторіанскимъ когортамъ, которыя пристанутъ къ намъ, какихъ-то полей близъ Рима. Пизонъ испугался за земли, находящіяся вѣка во владѣніи Калпурніевъ безъ всякихъ правъ, надулся вдвое и уѣхалъ къ себѣ на дачу, а Луканъ на него сочинилъ уморительное двустишіе,—однако, у Латерина будутъ всѣ.

Мевій. Латеринъ—великій гражданинъ. Когда я смотрю на его открытое чело, на его спокойный, величественный и грустный видъ, онъ мнѣ представляется однимъ изъ полководцевъ временъ нашей славы. Римъ не погибъ, если могъ создать еще такого гражданина. Ну, а что касается до Пизона и...

Патрицій. Всякій знаетъ, да они намъ нужны. Что мы сдѣлаемъ безъ Пизоновыхъ сестерцій? А, сверхъ денегъ, его происхожденіе глубоко

[1]) Историческій фактъ.

оцѣнено даже плебеями. Онъ—имя. Да, кстати, я было забылъ сказать, не знаю почему, пало подозрѣніе на старика пафлагонца—раба Пизона, знаешь, что игралъ на флейтѣ, будто онъ доноситъ. Пизонъ велѣлъ его отразить и еще двухъ.

Мевій. Что-жъ, онъ узналъ навѣрное?

Патрицій. Эти вещи доказывать и узнавать мудрено. Онъ предупредилъ... если они не успѣли донести что-нибудь важное, и лишилъ себя трехъ рабовъ безъ пользы, если они уже сдѣлали доносъ. Это обстоятельство заставляетъ еще болѣе торопиться. Мнѣ есть еще дѣла, и такъ сегодня ночью у Латерина.

Мевій. За мной дѣло не станетъ, моя жизнь принадлежитъ Риму, я буду умѣть принести ее на жертву; а странно на душѣ: вѣра и недовѣріе, страхъ и надежда. Да неужели это не сонъ, что разъ, два сядетъ солнце и въ третій взойдетъ надъ освобожденнымъ Римомъ и онъ, какъ фениксъ, воскреснетъ въ лучахъ прежней славы, пробудится отъ тяжелаго лихорадочнаго сна, въ которомъ грезилъ чудовищныя событія? И такъ скоро?

Лициній (встаетъ и подходитъ къ нимъ). Сонъ! И я скажу теперь — мечты! Домъ падаетъ, столбы покачнулись, скоро рухнутъ, а вы хотите поддержать его; чѣмъ? руками? — васъ раздавитъ, а зданіе все-таки упадетъ. Убить Нерона—дѣло возможное, ножемъ легко перерѣзать нить жизни; но трудно вызвать изъ могилы мертваго. Я участвовалъ въ заговорѣ, вы знаете, и пойду сегодня и буду дѣлать, что другіе хотятъ; но вѣра моя остыла. Римъ кончилъ свое бытіе, убійствомъ его воскресить нельзя; явится другой Неронъ. И вотъ уже есть желающій, Пизонъ,—этотъ ограниченный человѣкъ, сильный только деньгами и предками, протягиваетъ дерзкую руку. Мнѣ жаль Латерина, жаль васъ, жаль эту голубицу [1]), назначенную летать по поднебесью въ Элладѣ и залетѣвшую въ горящій домъ. Не то жаль, что вы погибнете, а жаль, что вы втупе употребляете вашу вѣру.. Что хотите? Воскресить Римъ? Зачѣмъ? Онъ былъ целѣнъ, римляне были хороши. Не законъ, начертанный на доскахъ, покорилъ ему міръ, а другой законъ, который онъ сосалъ съ молокомъ. Истинный Римъ былъ построенъ не изъ камня, онъ былъ въ груди гражданъ, въ ихъ сердцахъ; а теперь его нѣтъ, остался его остовъ, каменныя стѣны, каменныя учрежденія. И въ этомъ трупѣ, уже загнившемъ, тлѣетъ какая-то болѣзненная, лихорадочная, упорная искра жизни. Одряхлѣвшій Римъ одинъ ходить не можетъ, а вы, добрые люди, хотите отнять вожатаго у калѣки, чтобъ онъ упалъ въ первую канаву. Для кого вы работаете, на кого обопретесь? На плебеевъ что ли? Да они васъ ненавидятъ. Было время, плебей считалъ патриція за отца. Хорошо воспиталъ отецъ сына: онъ его ограбилъ, замучилъ на тяжкой работѣ, прогналъ изъ дома, раба принялъ на его мѣсто, рѣзалъ мясо его на куски за долги, морилъ въ тюрьмѣ, ругаясь надъ нимъ, спрашивалъ, глядя на закорузлую руку, — не четвероногій-ли онъ? [2]). Онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлался звѣремъ. Посмотрите вы на кровожаднаго барса, выходящаго иногда погулять на площади, послушайте его ревъ; цезари поняли его характеръ, они ему голодному, вмѣсто хлѣба, бросаютъ трупы гладіаторовъ, и

[1]) Эпихарисъ.
[2]) Острота Сципіона Африканскаго.

звѣрь, упоенный зрѣлищемъ крови, рукоплещетъ. При первомъ шагѣ онъ васъ растерзаетъ на части, и нечему дивиться. Вы сейчасъ бранили плебеевъ за то, что они ругались надъ сенатомъ, а сенатъ развѣ нѣсколько столѣтій не ругался надъ ними? На плебеевъ обопрется цезарь,—не вы, а вы обопретесь, можетъ, на патриціатъ. Хорошъ и этотъ крокодилъ, не имѣющій зубовъ, снѣдаемый нечистыми страстями, умирающій въ рукахъ рабовъ, египетскихъ поваровъ и нагихъ невольницъ! Въ основѣ своей Римъ носилъ зародышъ гибели. Время казни настало. Онъ богами посвященъ! Ремъ, облитый кровью, всталъ, онъ требуетъ наслѣдія, отчета; онъ не забылъ, что его зарѣзалъ родной братъ изъ корысти. Онъ одичалъ въ преисподней, безумье блеститъ въ его глазахъ, лишенныхъ свѣта нѣсколько вѣковъ, у него въ груди одно чувство—месть! Онъ, какъ Протей, является въ тысячѣ формъ: онъ Калигула, онъ Клавдій, онъ Неронъ, онъ нѣкогда кололъ булавкой въ языкъ Цицерона и таскалъ его окровавленную голову по площади, онъ былъ Катилина, онъ выводитъ теперь сенаторовъ на арену и заставляетъ бороться съ подлыми гладіаторами и онъ же—чернь, рукоплескающая около арены... Онъ—огонь, прокравшійся всюду и сожигающій со всѣхъ сторонъ ветхое зданіе, воздвигнутое на его размозженномъ черепѣ... Когда-нибудь пожаръ кончится, тогда тишина наляжетъ на эту полосу, будутъ объ Римѣ говорить, какъ о Карѳагенѣ, о Вавилонѣ. Звѣри поселятся, имъ ловко норы устраивать въ развалинахъ, стаи хищныхъ птицъ прилетятъ доѣдать неизъѣденное Хроносомъ. Поторжествуютъ животныя паденіе человѣка; нѣтъ, еще хуже, они будутъ жить, какъ дома, въ берлогахъ своихъ на великомъ римскомъ форумѣ.

Мевій. Остановись, наконецъ, дерзновенный! Что за ужасное воображеніе—слѣдъ беззаконныхъ, преступныхъ мечтаній. Римлянинъ не долженъ слушать такую рѣчь, полную отравы. Погибнуть лучше съ вѣрою въ Римъ, нежели дать мѣсто въ груди ядовитымъ пѣснямъ фурій.

Лициній. Мнѣ самому досадно: больше сказалось, нежели я хотѣлъ. Я, видишь ли, долго молчалъ; грудь отъ этого стала полна, ей надобенъ былъ истокъ, она не могла дольше хранить жгучія истины; мнѣ горько, Мевій, что я дерзкой рукой тронулъ твое сердце гражданина. Но не брани меня, плачь обо мнѣ; потерявши многое, у васъ осталась вѣра въ Римъ, для меня и Римъ пересталъ быть святымъ. А я люблю его, но не могу не видѣть, что стою у изголовья умирающаго. Если-бъ можно было создать новый Римъ—прочную, обширную храмину изъ незажившихъ остатковъ! Но кто мощный, великій, который вольетъ новую кровь въ наши жилы, юную и алую, который огнемъ своего генія сплавитъ въ одну семью патриціатъ и плебевъ, согрѣетъ ихъ своею любовью, очиститъ своей молитвой и, наполнивъ своимъ духомъ, всѣхъ гордою стопой поведетъ въ грядущіе вѣка? Но и Зевсъ, сойдя на землю, не сдѣлаетъ этого.

Мевій. Другъ, такія слова еще ужаснѣе; бѣшеные звуки твоей филиппики возбудили гнѣвъ, а эти слова... послушай (*съ отчаяніемъ*): скажи, что намъ дѣлать, что намъ дѣлать?

Лициній. Наконецъ-то ты увидѣлъ весь ужасъ настоящаго... Что дѣлать? Въ этомъ-то вся задача сфинксовъ. Во всѣ времена, отъ троглодитовъ до прошлаго поколѣнія, можно было что-нибудь дѣлать. Теперь *дѣлать нечего*. Да, нечего, и это худшая кара, которая можетъ пасть на

людей, хуже Сизифовой, хуже Танталовой. Бѣдные, несчастные! Фатумъ призвалъ насъ быть страдательными свидѣтелями позорной смерти нашего отца и не далъ никакихъ средствъ помочь умирающему, даже отнялъ уваженіе къ развратному старику. А, между тѣмъ, въ груди бьется сердце, жадное дѣяній и полное любви. Ни Эсхилу, ни Софоклу не приходило въ голову такого трагическаго положенія. Можетъ, придутъ другія поколѣнія, будетъ у нихъ вѣра, будетъ надежда, свѣтло имъ будетъ, зацвѣтетъ счастье, можетъ. Но мы—промежуточное кольцо, вышедшее изъ былого, не дошедшее до грядущаго. Для насъ темная ночь—ночь, потерявшая послѣдніе лучи заходящаго солнца и не нашедшая алой полосы на востокѣ. Счастливые потомки, вы не поймете нашихъ страданій, не поймете, что нѣтъ тягостнѣе работы, нѣтъ злѣйшаго страданія, какъ *ничего не дѣлать*! Душно!

(Лициній закрываетъ руками лицо. Мевій, глубоко взволнованный, молчитъ).

FORUM APII.

Кружокъ обдерганныхъ плебеевъ окружаетъ какую-то женщину; ее поставили на возвышеніе.

Голоса. Сама, сама ты видѣла?

Женщина. Братья мои, свидѣтельствуюсь богами—видѣла; святого-то мужа, какъ преступника, вели въ цѣпяхъ, поселяне его провожали. А онъ кротко, спокойно, просто все поучалъ своей вѣрѣ.

Голоса. Что-жъ онъ говорилъ, что?

Женщина. Онъ такъ утѣшительно говорилъ, такъ хорошо, не могу всего пересказать. Говорилъ онъ, что пора каяться, что новая жизнь началась, что Богъ послалъ Сына своего спасти міръ, спасти притѣсненныхъ и бѣдныхъ. Мы плакали, слушая его. Потомъ онъ взялъ моего маленькаго, посмотрѣлъ на него ласково и сказалъ: «Ты увидишь уже сильнымъ царство Христово».

Голоса. Слышите! слышите! Говорятъ, и слѣпые стали видѣть, и мертвые воскресаютъ!

1838 г. Владиміръ на Клязьмѣ.

Маріи Р..... [1]).

.....Итакъ, вы думаете, что все-таки печатать, несмотря на то, что одна повѣсть едва начата, а другая не кончена.. Оно въ самомъ дѣлѣ лучше: не напечатанная рукопись мѣшаетъ, это что-то неудавшееся, слабое, письмо, не дошедшее по адресу, звукъ, не дошедшій ни до чьего слуха.

Позвольте же вамъ и посвятить эти поблекшіе листья, захваченные на полдорогѣ суровыми утренниками. Новаго вы въ нихъ не найдете ничего; все вамъ знакомо въ нихъ, и оригиналы блѣдныхъ копій, и молодой смѣхъ былого времени, и грусть настоящаго, и даже то, что пропущено между строкъ.

Примите же ихъ, какъ принимаютъ старыхъ друзей послѣ долгой разлуки, не замѣчая ихъ недостатковъ, не подвергая ихъ слишкомъ строгому суду.

Лондонъ, 31 декабря, 1853.

---

[1]) Это посвященіе относится къ четыремъ разсказамъ: «Докторъ Круповъ», «Мимоѣздомъ», «Долгъ прежде всего» и «Поврежденный», изданнымъ отдѣльно подъ заглавіемъ: «Прерванные разсказы».

Примѣч. издат.

Между четвертой и пятой частью.

Два первые тома *Былого* и *Дум* составляютъ такой «отрѣзанный ломоть», что мнѣ пришло въ голову между ними и слѣдующими частями поставить небольшую кладовую для стараго добра, съ которымъ по *ту* сторону *берега* нечего дѣлать; она можетъ служить въ родѣ pièces justificatives или обвинительныхъ актовъ.

Общихъ статей, въ родѣ *Писемъ объ изученіи природы*, *Дилетантизма въ наукѣ* и пр., разумѣется, въ этой книгѣ нѣтъ [1]), нѣтъ также и повѣстей. Я выбралъ только тѣ статьи, которыя имѣютъ какое-нибудь отношеніе къ двумъ вышедшимъ томамъ *Былого* и *Думъ*. Тутъ на первомъ планѣ *Записки одного молодого человѣка*; какъ чертежи сравнительной анатоміи или лафатеровскіе профили, они показываютъ наглядно измѣненія, вносимыя въ физіономію мысли и слова двадцатью такими годами, которые я прожилъ между записками *молодого* человѣка, набросанными въ 1838 въ Владимірѣ на Клязмѣ, и думами *пожилого* человѣка, помѣченными въ Лондонѣ на Темзѣ.

Досадно, что у меня нѣтъ цензурныхъ пропусковъ и всего досаднѣе, что нѣтъ цѣлой тетради между первымъ напечатаннымъ въ *От. Зап.* отрывкомъ и вторымъ. Я помню, что въ ней былъ нашъ университетскій курсъ и что тетрадь оканчивалась *соборной* поѣздкой нашей въ Архангельское князя Юсупова, описаніемъ обѣда и пира возлѣ оранжереи, который продолжался еще дни два возлѣ Прѣсненскихъ Прудовъ.

Затѣмъ я помѣстилъ нѣсколько полемическихъ статей, во всей ихъ *правдѣ и кривдѣ*, въ костюмѣ сороковыхъ годовъ и во всей тогдашней односторонности.

Много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы боролись съ православной покорой славянофильской, и быстро текла вода съ 1848... Все сдвинула она, все подмыла... многое совсѣмъ снесла. Наша религія независимости не такъ исключительна и ревнива, какъ была, и недавно еще намъ казалось издали, что великороссійская любовь къ отечеству перестала быть ненавистью къ другимъ...

25 января, 1862 г.
Orsett House, Westbourne Terrace.

---

[1]) Я сдѣлалъ исключеніе для двухъ статей: *По поводу одной драмы* и *Капризы и раздумье*, обѣ имѣютъ тѣсное отношеніе къ личнымъ опытамъ и событіямъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на меня, на насъ.

Примѣчанія.

Стр. 1. «Легенда о святой Θеодорѣ» была впервые напечатана въ декабрьской книгѣ «Русской Мысли» за 1881 годъ Е. С. Некрасовой по подлинной тетради Герцена, найденной ею въ 1872 году среди книжнаго хлама на рынкѣ подъ Сухаревой башней въ Москвѣ. Эта толстая въ переплетѣ тетрадь, находящаяся теперь въ рукописномъ отдѣленіи Румянцовскаго музея, содержитъ, кромѣ «Легенды», обѣ помѣщаемыя ниже «Встрѣчи», а также «Отдѣльныя мысли» и «Отдѣльныя замѣчанія о русскомъ законодательствѣ», и цѣлый рядъ выписокъ изъ Гёте, Данте и др. Здѣсь же находилась утраченная теперь статья Герцена о зодчествѣ, которая въ тетради вырѣзана; уцѣлѣли только послѣднія строки ея, и подъ ними помѣта: «Владиміръ, 12 февр. 1838». Вся тетрадь писана въ Вяткѣ и во Владимірѣ; на первой ея чистой страницѣ, наверху, рукою Герцена написано: *6 марта 1836. Вятка (!).* — «Легенда», какъ показываетъ помѣтка въ концѣ ея, была написана во время ареста Герцена, въ Крутицкихъ казармахъ, въ Москвѣ, въ февралѣ 1835 года, и (вѣроятно, съ поправками) переписана въ эту тетрадь—вся собственноручно — въ Вяткѣ, въ мартѣ 1836 г. Текстъ, напечатанный Е. С. Некрасовой, исправленъ здѣсь по подлинной рукописи.

Стр. 4. Симеонъ Метафрастъ жилъ въ X вѣкѣ и писалъ житія мучениковъ и святыхъ, поэтому онъ и является первоначальнымъ авторомъ сказанія о св. Θеодорѣ.

Стр. 4. Константинъ VII Багрянородный былъ императоромъ византійскимъ съ 912 по 959 годъ.

Стр. 5. Діадохъ Проклъ — греческій философъ-неоплатоникъ V вѣка, придавшій неоплатонизму законченныя формы.

Стр. 5. Аполлоній Тіанскій, неопиѳагорейскій философъ, магъ и теургъ, современникъ Христа, своими путешествіями, прорицаніями, такъ называемыми чудесами и проч. возбудившій повидимому, среди своихъ современниковъ большое вниманіе и умершій въ Эфесѣ на 100 году жизни. Ему воздвигались храмы во многихъ городахъ Малой Азіи и Греціи и въ честь его чеканились медали.

Стр. 5. Сераписъ—египетскій Богъ ада и умершихъ (Озирисъ = Аписъ). Поклоненіе ему было распространено не только въ Египтѣ, но и въ Римѣ.

Стр. 9. Констансъ (Константъ), третій сынъ Константина Великаго (323—350), получившій отъ отца Иллирію, Италію и Африку съ титуломъ цезаря. Вступивъ въ борьбу со своимъ старшимъ братомъ, Константиномъ II, погибъ во время возстанія на западѣ.

Стр. 10. Ринальдо-Ринальдини—легендарный итальянскій разбойникъ, герой романа нѣмецкаго писателя Хр.-Авг. Вульпіуса «Rinaldo Rinaldini» (1797), переведеннаго почти на всѣ новѣйшіе языки и сдѣлавшагося прототипомъ многочисленныхъ разбойничьихъ романовъ, а самъ Ринальдо сдѣлался синонимомъ романтическаго разбойника.

Стр. 21. Обѣ помѣщенныя здѣсь «Встрѣчи» находятся въ той подлинной тетради Герцена, о которой сказано выше, въ примѣчаніи къ «Легендѣ о св. Θеодорѣ». «Первая встрѣча» была написана въ Крутицкихъ казармахъ въ декабрѣ 1834 г. и переписана въ тетрадь въ іюнѣ 1836 г. въ Вяткѣ. Первоначальное ея заглавіе было: «Германскій путешественникъ»; это заглавіе зачеркнуто въ тетради и сверху написано: «Первая встрѣча». Дѣло въ томъ, что въ началѣ 1836 г. Герценъ, очевидно, задумалъ написать рядъ очерковъ

подъ заглавіемъ «Встрѣчи»; введеніе, которымъ начинается «Вторая встрѣча», и должно было служить предисловіемъ ко всей этой серіи очерковъ. «Что могу я прислать для печати?»—писалъ Герценъ друзьямъ изъ Вятки.—1-е. «Встрѣчи»: это три статьи, изъ коихъ одна вамъ извѣстна—«Германскій путешественникъ» (поправленный) и двѣ другія: «Человѣкъ въ венгеркѣ», въ коемъ описана моя встрѣча въ Перми съ однимъ весьма несчастнымъ и весьма сильнымъ человѣкомъ; третья—«Шведъ» («Мысль и Откровеніе») (Анненковъ, Идеалисты 30-хъ годовъ, стр. 15). Третій очеркъ до насъ не дошелъ, а «Человѣкъ въ венгеркѣ» именно и есть «Вторая встрѣча». «Первую встрѣчу» Герценъ позднѣе еще разъ переработалъ и въ обновленномъ видѣ вставилъ въ свои «Записки одного молодого человѣка», напечатанныя въ «Отеч. Зап.» 1840—41 гг.; здѣсь «германецъ» замѣненъ полякомъ Трензинскимъ, подъ видомъ котораго выведенъ, по мнѣнію Н. Страхова, двоюродный братъ автора — «Химикъ» «Былого и Думъ». «Первая встрѣча» переписана въ тетради вся рукою Герцена, «Вторая»—чужой, вѣроятно женской, рукой, но съ собственноручными поправками автора. Оба очерка были напечатаны въ первый разъ Е. С. Некрасовой въ «Русской Мысли», 1882 г., янв. и дек.; текстъ ихъ здѣсь исправленъ по подлиннику.

Стр. 24. Луи-Бенжаменъ Франкеръ (1773—1849), французскій математикъ, большинство сочиненій котораго переведено на русскій языкъ и долго служило распространенными учебными пособіями и руководствами.

Стр. 26. Карлъ Нодье (1780—1844), французскій беллетристъ и филологъ.

Стр. 26. Баронъ Анахарсисъ (собственно, Жанъ-Батистъ) Клоотсъ (1755—1794) объѣздилъ Европу, всюду проповѣдуя всеобщую демократическую организацію всѣхъ народовъ по образцу древнихъ греческихъ республикъ, но при общемъ братствѣ всѣхъ національностей. Онъ былъ гильотинированъ по настоянію Робеспьера.

Стр. 27. Жакъ-Ренэ Геберъ (у Герцена: Эбертъ), французскій революціонеръ (1755—1794), прозванный «отцомъ Дюшеномъ» по названію издававшейся имъ газеты «Père Duchesne». Содѣйствовалъ гибели жирондистовъ и проповѣдывалъ культъ разума. Гильотинированъ по настоянію Робеспьера, какъ компрометировавшій дѣло революціи своими крайностями.

Стр. 32. Морганъ, леди Сидней (1785—1859), англійская писательница, прославившаяся своей книгой «Италія» (1821 г., 2 тома).

Стр. 32. Вольфгангъ Менцель (1798—1873), нѣмецкій писатель, пріобрѣвшій въ 30-хъ и 40-хъ годахъ печальную славу гнуснаго доносчика на писателей «Молодой Германіи» (Гейне, Бёрне, Гуцкова и др.), которыми и былъ по достоинству заклейменъ.

Стр. 33. Анри Ларошъ-Жакленъ (1772—1794), глава вандейцевъ. Былъ убитъ въ бою съ республиканскими войсками.

Стр. 33. Мальзербъ (у Герцена: Малербъ), Кретьенъ Гильомъ (1721—1794), ревностный роялистъ, бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ при Людовикѣ XVI и смѣло защищавшій послѣдняго во время его процесса въ конвентѣ. Былъ гильотинированъ.

Стр. 34. Саади—величайшій персидскій поэтъ (1184—1291), написавшій «Гюлистанъ» (Садъ розъ) и «Бостанъ» (Садъ плодовъ). Низами—великій персидскій поэтъ XII вѣка, написавшій «Диванъ» и 5 большихъ поэмъ, считающихся въ Персіи донынѣ недосягаемыми шедеврами. Низами—основатель персидскаго романтическаго эпоса.

Стр. 34. Іоганнъ-Генрихъ фонъ-Даннекеръ (1758—1841), нѣмецкій скульпторъ, бывшій въ дружбѣ съ Шиллеромъ и первый изваявшій его бюстъ въ натуральную величину, находящійся въ веймарской библіотекѣ.

Стр. 35. «Беллерофонъ» назывался англійскій корабль, на которомъ въ 1815 году былъ увезенъ на островъ св. Елены Наполеонъ I, находившійся тамъ подъ присмотромъ мѣстнаго англійскаго губернатора Гудзона Лоу (или Лова, какъ пишетъ Герценъ).

Стр. 35. Генералъ Максимиліанъ Ламаркъ (1770 — 1832) участвовалъ въ наполеоновскихъ войнахъ, а съ 1828 г., состоя депутатомъ, прославился какъ одинъ изъ лучшихъ оппозиціонныхъ ораторовъ, отстаивавшихъ законъ и народныя права.

Стр. 37. Подъ 9-мъ апрѣля подразумѣвается 9-е апрѣля 1835 г., когда Герценъ, отправляясь изъ Москвы въ ссылку, имѣлъ прощальное свиданіе со своей двоюродной сестрой (впослѣдствіи женой) Натальей Александровной За-

харьиной въ Крутицкихъ казармахъ («Крутицахъ»).

Стр. 42. Лонгвудомъ назывался домъ, въ которомъ жилъ Наполеонъ I на островѣ св. Елены.

Стр. 44. «Это было 22-го октября, 1817 г.» печатается по рукописи Герцена, найденной въ его перепискѣ съ невѣстой; впервые напечатана была Е. С. Некрасовой въ статьѣ: «Юношескіе литературные труды Герцена» («Сѣв. Вѣстникъ», 1895 г., № 9); въ рукописи Герцена стоитъ заголовокъ, приведенный здѣсь; въ письмѣ же, при которомъ статья посылалась невѣстѣ, она названа фантазіею.

Стр. 44. Эммануилъ Сведенборгъ (1668—1772), шведскій мистикъ, утверждавшій въ своихъ сочиненіяхъ, что неоднократно удостоивался видѣній Бога и божественныхъ откровеній.

Стр. 47. «Записки одного молодого человѣка» и продолженіе ихъ (въ текстѣ—глава III: «Годы странствованія»— стр. 69—97) подъ заглавіемъ «Еще изъ записокъ одного молодого человѣка» были напечатаны въ «Отеч. Запискахъ» 1840 г., № 12 (томъ XIII) и 1841 г. № 1 (томъ XIV).

Стр. 50. Августъ Коцебу (1761—1819), плодовитый нѣмецкій писатель, писавшій драмы, комедіи и пр. Убитъ студентомъ Карломъ Зандомъ, какъ доносчикъ.

Стр. 52. Жанъ-Франсуа Мармонтель (1723 -1799), французскій писатель, пользовавшійся въ свое время большимъ успѣхомъ, благодаря живости языка и романтичности мысли. Особенно славился его романъ «Инки» (Les Incas).

Стр. 54. Ломондъ — авторъ весьма распространенной въ свое время французской грамматики, выдержавшей въ подлинникѣ болѣе 40 изданій и переведенной на русскій языкъ.

Стр. 54. Августъ Лафонтенъ (1758—1831), плодовитый и популярный въ свое время нѣмецкій романистъ. Его романы проникнуты мѣщанско-морально-сантиментальнымъ направленіемъ.

Стр. 55. «Письмовникъ» Ник. Гавр. Курганова (1726—1796) выдержалъ 11 изданій (1769—1837) и служилъ какъ бы энциклопедіей для средней публики и грамотнаго люда во второй половинѣ XVIII, а въ глухихъ мѣстахъ и до второй половины XIX вѣка.

Стр. 55 Титъ Алексеевичъ Каменецкій (1790—1844) былъ съ 1815 по 1824 г. профессоромъ географіи и статистики въ Московскомъ университетѣ. Составленное имъ «Руководство къ географіи» имѣло значеніе лучшаго учебника въ свое время.

Стр. 55. Ив. Андреев. Геймъ (1759—1821) былъ 40 лѣтъ профессоромъ Московскаго университета, гдѣ преподавалъ географію, исторію, нѣмецкій языкъ и греческія и римскія древности. Онъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ рядъ учебныхъ книгъ по географіи и статистикѣ.

Стр. 58. Шарль Бате (1713—1780), французскій эстетикъ, бывшій профессоромъ краснорѣчія, въ Парижѣ и проповѣдовавшій подражаніе прекрасному въ природѣ.

Стр. 58. Жанъ-Франсуа Лагарпъ (1740—1803), французскій писатель и критикъ, важнѣйшій трудъ котораго «Cours de littérature».

Стр. 58. Николай Буало-Депрео (1636—1711), французскій поэтъ и критикъ, авторъ «Сатиръ», одъ, посланій, эпиграммъ и поэмы «Art poetique», которая, служа кодексомъ условныхъ правилъ поэзіи («ложно - классицизма»), имѣла громадное вліяніе на всю поэзію XVIII вѣка.

Стр. 58. Подъ родственницей изъ города Меленокъ, Владимірской губ., Герценъ здѣсь обозначаетъ свою родственницу Татьяну Петровну Пассекъ, которая фигурируетъ также и въ «Быломъ и Думахъ» подъ именемъ «Корчевской кузины».

Стр. 60. Жанъ - Пьеръ Флоріанъ (1755—1794), французскій писатель, писавшій басни, пасторали, романы («Нума Помпилій») и проч. Почти всѣ его сочиненія въ свое время были переведены на русскій языкъ.

Стр. 64. Графъ Филиппъ-Анри Сегюръ-д'Агессо (1753—1830), французскій историкъ, писавшій рядъ историческихъ сочиненій, въ томъ числѣ «Histoire ancienne», «Histoire romaine» и др.

Стр. 66. Фонтенель (1657—1757), французскій писатель, написавшій много драмъ, комедій, оперъ, басенъ и проч.

Стр. 69. Подъ именемъ города Малинова на слѣдующихъ страницахъ Герценъ нарисовалъ Вятку, гдѣ провелъ въ ссылкѣ 1835—38 годы.

Стр. 70. Карлъ Розенкранцъ (1805—1879), нѣмецкій философъ, одинъ изъ наиболѣе талантливыхъ и разностороннихъ учениковъ Гегеля, хотя и значительно отступившій отъ него влѣво.

Написалъ очень много сочиненій по философіи, логикѣ, психологіи, исторіи науки и литературы и пр. Его психологія, о которой говоритъ здѣсь Герценъ, вышла въ 1837 году. Въ 1844 г. онъ издалъ «Жизнь Гегеля».

Стр. 70. Алексѣй Леонтьев. Ловецкій (1787—1840), врачъ и профессоръ минералогіи и зоологіи въ Московскомъ университетѣ и физіологіи и патологіи въ московской медико-хирургической академіи, издавшій нѣсколько оригинальныхъ и переводныхъ сочиненій по своей спеціальности.

Стр. 72. Плано-Карпини, францисканскій монахъ, путешествовавшій въ XIII вѣкѣ въ азіатскихъ степяхъ и путевыя записки котораго очень важны для знакомства съ жителями тогдашней Азіи. особенно татарами.

Стр. 72. Дюмонъ-Дюрвиль, Жюль-Себастьянъ-Сезаръ, французскій контръ-адмиралъ (1790—1842), совершивъ 3 кругосвѣтныя путешествія, сдѣлалъ много географическихъ открытій. Его «Путешествіе вокругъ свѣта» переведено и на русскій языкъ (1835, 1843 и 1850 гг.). Погибъ во время крушенія поѣзда на желѣзной дорогѣ между Парижемъ и Версалемъ.

Стр. 73. Въ выноскѣ къ этой страницѣ говорится о повѣсти извѣстнаго беллетриста и этнографа В. И. Даля «Бѣдовикъ».

Стр. 84. Книгу «Mémorial de St.-Helène» (1821 — 23 гг.) издалъ графъ Эммануэль-Огюстенъ Ласказъ (1766—1842), который былъ личнымъ другомъ Наполеона I и сопровождалъ его на островъ св. Елены, гдѣ и писалъ, подъ диктовку Наполеона, означенную книгу —нѣчто въ родѣ мемуаровъ Наполеона.

Стр. 84. Альбрехтъ Тэеръ (1752—1828), славившійся въ свое время нѣмецкій агрономъ.

Стр. 88. Шпрудель—минеральный источникъ въ Карлсбадѣ, выдѣляющій изъ себя обильный осадокъ углекислоты.

Стр. 90. Христіанъ Раухъ (1777—1857), извѣстный нѣмецкій скульпторъ, основавшій въ Берлинѣ школу скульптуры, изваявшій бюсты Гёте, королевы Луизы прусской и др.

На стр. 90—96 повторяются уже ранѣе (стр. 26—35) изложенныя въ разсказѣ «Первая встрѣча» подробности о свиданіи «германскаго путешественника» (здѣсь Трензинскаго) съ Гёте.

Стр. 93. Жанъ Жуанвиль (1224—1318), французскій историкъ, другъ и совѣтникъ Людовика IX, сопровождавшій его въ первомъ крестовомъ походѣ и написавшій «Histoire de St. Louis».

Стр. 95. Парацельсъ (1493—1541), швейцарскій врачъ, естествоиспытатель и профессоръ въ Базелѣ, основатель фармацевтической химіи, пользовавшійся большой славой и авторитетомъ въ XVI вѣкѣ.

Стр. 102. Джорджъ (у Герцена ошибочно названъ Чарлсомъ) Фоксъ (1624—1691), основатель религіозной общины квакеровъ, былъ сперва сапожникомъ въ Ноттингемѣ. За распространеніе своихъ религіозныхъ идей подвергался частымъ гоненіямъ и преслѣдованіямъ.

Стр. 105. Первая часть романа «Кто виноватъ?» была первоначально напечатана въ «Отеч. Запискахъ» 1845 г., № 12 (томъ 43-й, отдѣлъ I, стр. 195—245). Подъ ней стояла дата: 1842. Затѣмъ въ тѣхъ-же «Отеч. Зап.» 1846 г., № 4 (томъ 45-й, отдѣлъ I, стр. 155—192) былъ напечатанъ «Эпизодъ между первою и второю частью»: «Владиміръ Бельтовъ». Вполнѣ романъ былъ приложенъ къ № 1 «Современника» 1847 г., а затѣмъ имѣлъ 4 отдѣльныя изданія: въ Лондонѣ 1859 г. и въ С.-Петербургѣ 1866, 1871 (не поступало въ продажу, такъ какъ было задержано) и 1891 (въ «Семейной библіотекѣ», №№ 13 и 14).

Стр. 108. «Нѣсколько выраженій я вспомнилъ (они напечатаны курсивомъ)» —это замѣчаніе Герцена («курсивомъ») относится къ заграничн. изданію 1859 г.

Стр. 108. Фульгэмъ — пригородная мѣстность близъ Лондона, гдѣ въ 1859 г. жилъ Герценъ на дачѣ Паркъ-Гоузъ.

Стр. 114. Христофъ-Вильгельмъ-Гуфландъ (1762—1836), нѣмецкій врачъ, лейбъ-медикъ прусскаго короля и профессоръ берлинскаго университета. Изъ его многихъ сочиненій особенную популярность имѣло «Макробіотика или искусство продлить человѣческую жизнь» переведенное и на русскій языкъ проф. И. Заблоцкимъ.

Стр. 156. «Новая Элоиза»—романъ Жанъ-Жака Руссо. Фоблазъ — герой крайне скабрезнаго романа Луве де-Куврэ.

Стр. 164. Жанъ-Батистъ Массильйонъ (1663 — 1742), епископъ клермонскій, прославившійся своими проповѣдями, переведенными и на русскій языкъ.

Стр. 165. Здѣсь приводятся выдержки изъ славившейся въ началѣ XIX в. поэмы Иппол. Ѳед. Богдановича (1743—1802) «Душенька».

Стр. 169. «Paul et Virginie» («Поль и Виргинія»)—знаменитый въ свое время романъ Бернардена де-Сенъ-Пьера (1737—1814), переведенный неоднократно и на русскій языкъ.

Стр. 169. Себастьянъ ле-Претъ де-Вобанъ (1663—1707), французскій маршалъ, знаменитый въ свое время инженеръ, прославившійся устройствомъ крѣпостей, ихъ обороной и осадой.

Стр. 177. Шарль Боннэ (у Герцена —Боннетъ), естествоиспытатель и философъ (1720—1793).

Стр. 178. Іоганнъ-Бернгардъ Базедовъ (1723—1790), нѣмецкій педагогъ, послѣдователь Руссо и Коменскаго, требовавшій наглядности въ воспитаніи и произведшій реформу въ воспитательномъ дѣлѣ.

Стр. 178. Людвигъ-Генрихъ Николаи (1737—1820), нѣмецкій писатель и педагогъ. Съ 1769 г. былъ воспитателемъ цесаревича Павла Петровича, а впослѣдствіи президентомъ Спб. академіи наукъ.

Стр. 178. Мальтъ-Брёнъ—французскій ученый первой половины XIX в., написавшій много географическихъ сочиненій.

Стр. 178. Паскаль Паоли (1726—1807), знаменитый корсиканскій патріотъ, много лѣтъ боровшійся за независимость острова Корсики.

Стр. 178. Пьеръ-Шарль Левекъ (1736—1812), французскій историкъ, по рекомендаціи Дидро Екатеринѣ II ставшій учителемъ спб. кадетскаго корпуса. Кромѣ другихъ историческихъ сочиненій, написалъ «Histoire de Russie», вышедшую въ 1812 г. 4-мъ изданіемъ.

Стр. 180. Каспаръ Гаузеръ—загадочная личность. Въ 1828 г. онъ былъ найденъ близъ Нюренберга при запискѣ, въ которой было только сказано, что онъ родился въ 1812. Гаузеръ былъ лишенъ самыхъ элементарныхъ представленій о чемъ-либо, такъ какъ ничему не былъ обученъ и съ дѣтства, по его разсказу, жилъ въ подземной тюрьмѣ. Въ 1833 г. онъ былъ убитъ неизвѣстно кѣмъ и личность его навсегда осталась неустановленной.

Стр. 180. Любимъ Матеи (Aimé Matthei), врачъ, получившій медицинское образованіе въ Лейденѣ, а затѣмъ, какъ доцентъ, преподававшій физіологію въ Россіи. Ум. въ 1792 г.

Стр. 185. Азаисъ—малоизвѣстный французскій философскій писатель начала XIX вѣка.

Стр. 196. Офренъ—французскій актеръ XVIII вѣка, игравшій на сценѣ парижскаго театра «Comedie Française».

Стр. 234. Докторъ Франческо Антомарки (1780—1838) лечилъ въ 1818—21 гг. Наполеона I на островѣ св. Елены и отказался подписать протоколъ вскрытія тѣла Наполеона, такъ какъ, по мнѣнію Антомарки, императоръ умеръ не отъ рака, а отъ господствующей на островѣ лихорадки. Онъ издалъ въ 1823 г. книгу «Les derniers moments de Napoléon». Во время польскаго возстанія 1831 г. Антомарки управлялъ больничными заведеніями Варшавы.

Стр. 246. Джіованни-Батисто Рубини (1795—1854), знаменитый въ свое время итальянскій пѣвецъ-теноръ. Полина Віардо-Гарсіа (род. 1821)—знаменитая пѣвица, извѣстная также и своей многолѣтней дружбой съ И. С. Тургеневымъ.

Стр. 267. Евтропій—римскій историкъ, жившій въ IV в. по Р. Х. Былъ императорскимъ секретаремъ въ Византіи и составилъ по достовѣрнымъ источникамъ очеркъ римской исторіи отъ основанія Рима до 364 г. по Р. Х. въ 10 книгахъ («Breviarium ab urbe condita»).

Стр. 281. Перепечатывая въ 1862 г. свои автобіографическія «Записки одного молодого человѣка», впервые появившіяся двумя частями въ «Отеч. Зап.» (декабрь 1840 г. и авг. 1841 г.), Герценъ писалъ въ предисловіи: «Досадно, что у меня нѣтъ цензурныхъ пропусковъ, и всего досаднѣе, что нѣтъ цѣлой тетради между первымъ напечатаннымъ въ «Отеч. Зап.» отрывкомъ и вторымъ. Я помню, что въ ней былъ нашъ университетскій курсъ и что тетрадь оканчивалась *соборной поѣздкой нашей въ Архангельское князя Юсупова, описаніемъ обѣда и пира возлѣ оранжереи*, который продолжался еще дня два возлѣ Прѣсненскихъ Прудовъ». Упоминаемая здѣсь тетрадь содержала, очевидно, ту автобіографическую повѣсть «О себѣ», которую Герценъ писалъ въ 1838 г. во Владимірѣ и о которой онъ не разъ говоритъ въ своихъ письмахъ къ невѣстѣ и друзьямъ за это время. Въ январѣ 1838 г. онъ въ письмѣ къ невѣстѣ такъ излагалъ планъ этой повѣсти: «Первая часть — до 20-го іюля 1834 года. Тутъ я дитя, юноша, студентъ, другъ Огарева, мечты о славѣ, вакханаліи — и все это оканчивается грустной, но гармоничной нашей прогулкой на кладбище (она уже написана).

Вторая начнется моей фантазіей «22 октября». Въ началѣ марта онъ сообщаетъ: «Написалъ VIII главу въ свою жизнь и написалъ очень хорошо, и ужъ, конечно, не догадаешься о чемъ: о любви къ Люд. П.; вообще идетъ прекрасно (я пишу по твоему приказу). Далѣе описана самая черная эпоха, отъ 9-го іюля 1834 г., до 20-го, но halte là». Однако, онъ на этомъ не остановился; 30 марта онъ пишетъ: «Да, это поэма юности, и она хороша. *Въ IX главѣ описана студенческая оргія и прогулка»*. Е. С. Некрасова («Юношескіе литер. труды Герцена», «Сѣв. Вѣстн.», 1895 г. № 9, стр. 118—119) правильно указала на то, что эта IX глава сохранилась въ воспоминаніяхъ Т. Пассекъ: это—отрывокъ, напечатанный въ I томѣ ея записокъ подъ заглавіемъ «Послѣдній праздникъ дружбы». Пассекъ предпослала этому отрывку слѣдующія вступительныя слова: «Въ послѣднихъ числахъ мая 1833 г. одинъ товарищескій вечеръ завершилъ этотъ отдѣлъ ихъ юности... Изъ замѣтокъ, найденныхъ мною въ бумагахъ Вадима (т. е., В. В. Пассека) и одного изъ его товарищей, вотъ что сказано объ этомъ вечерѣ». Въ слогѣ отрывка и во многихъ отдѣльныхъ выраженіяхъ легко узнать Герцена. Е. С. Некрасова, кажется, справедливо полагаетъ, что копія, которую воспроизвела Пассекъ, представляла собою исправленную редакцію IX главы; такъ, замѣчаніе о необходимости изучать картинную галлерею въ одиночествѣ и притомъ въ теченіе многихъ дней вставлено, повидимому, уже послѣ декабря 1839 г., когда Герценъ пришелъ къ этому выводу послѣ неудачной попытки въ одинъ пріемъ ознакомиться съ Эрмитажемъ (объ этомъ онъ писалъ женѣ изъ Петербурга въ дек. 1839 г.).

Стр. 281. Упсальскій баронъ—Николай Христофоровичъ Кетчеръ.

Стр. 282. «Видите-ли у камина *худощаваго молодого человѣка»*—т. е. Алексѣя Николаевича Савича.

Стр. 282. «Онъ держалъ за пуговицу *молодого человѣка»*, т. е. Н. Сазонова.

Стр. 283. «Одинъ съ длинными волосами и прелестнымъ лицомъ a la Schiller и прихрамывающій a la Byron» —Николай Михайловичъ Сатинъ.

Стр. 283. ...«другой съ прекрасными задумчивыми глазами, съ нѣсколько театральными манерами»,—Вадимъ Васильевичъ Пассекъ.

Стр. 283. «Молодой человѣкъ, въ сѣромъ халатѣ, на диванѣ»—Никъ, т. е. Николай Платоновичъ Огаревъ.

Стр. 283. ...«худощавый юноша съ выразительнымъ, умнымъ взоромъ», Саша, т. е. Александръ Ивановичъ Герценъ.

Стр. 284. Кардиналъ Джузеппе Меццофанти (1774—1849) отличался необыкновенной способностью къ языкознанію: онъ говорилъ на 58 языкахъ, а читалъ и понималъ разговоръ на втрое большемъ количествѣ языковъ.

Стр. 285. Подъ именемъ «Никъ» обозначенъ ближайшій другъ Герцена, Ник. Плат. Огаревъ.

Стр. 290. «Сашей» названъ здѣсь самъ авторъ.

Стр. 292. Повѣсть «Сорока-воровка» была первоначально напечатана въ «Современникѣ» 1848 г., № 7 (томъ IX), а впослѣдствіи перепечатана въ литературномъ сборникѣ «На нѣсколько часовъ» (Спб., 1867, т. II). Черновая редакція этой повѣсти помѣщена въ «Русской Старинѣ» 1889 г., № 4. Фабула повѣсти была разсказана Герцену извѣстнымъ московскимъ актеромъ М. С. Щепкинымъ, которому авторъ и посвятилъ повѣсть.

Стр. 295 — 296. «Opium et Champagne»—французскій водевиль того времени.

Стр. 297. Рашель, Элиза, знаменитая французская актриса (1810—1858). Сестра ея—Юдиѳь (Iudith) была весьма малоизвѣстной и недаровитой актрисой. —Не менѣе знаменита, но гораздо ранѣе Рашели, была и актриса Анна Марсъ (1779—1849), долго бывшая любимицей публики при первой имперіи. Ея «Признанія» переведены и на русскій языкъ (1860 г.).—Алланъ и Плесси были французскія актрисы, игравшія съ успѣхомъ въ 30 и 40-хъ годахъ въ Петербургѣ, въ Михайловскомъ театрѣ.

Стр. 311. Повѣсть «Докторъ Круповъ» была первоначально напечатана въ «Современникѣ» 1847 г., № 5 (томъ III, отд. I). Затѣмъ первая глава этой повѣсти была перепечатана, подъ заглавіемъ «Левка» въ изданномъ А. П. Сувориной и Е. I. Лихачевой литературномъ сборникѣ для дѣтей всѣхъ возрастовъ «Для чтенія» (Спб., 1867).

Стр. 321. Баронъ Христіанъ Вольфъ (1679—1754) былъ профессоромъ философіи и естествознанія въ университетѣ въ Галле, но въ 1723 г. былъ изгнанъ оттуда за вольнодумство, а въ

1740 г. вновь возвращенъ въ Галле и занялъ каѳедру математики и естествознанія. У него учился и Ломоносовъ, который перевелъ на русскій языкъ его «Теоретическую физику» (Спб., 1746; 2-е изд. 1760). Раціоналистическая философія Вольфа пользовалась большой славой и господствовала въ Германіи до Канта. Петръ Великій совѣтовался съ Вольфомъ объ учрежденіи въ Петербургѣ академіи наукъ.

Стр. 336. Матвѣй Яковл. Мудровъ (1772—1831), врачъ и профессоръ (съ 1808 г.) терапевтической клиники въ московскомъ университетѣ и патологіи въ московской медико-хирургической академіи. Организовалъ и устроилъ клиники при московскомъ университетѣ. Устинъ Евдоким. Дядьковскій (1784—1841), врачъ и профессоръ московскаго университета (съ 1812 г.) и московской медико-хирургической академіи (съ 1826 г.). Былъ извѣстенъ, какъ хорошій врачъ и ученый.

Стр. 336. Михаилъ Григор. Павловъ (ум. въ 1840 г.) былъ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ профессоромъ сельскаго хозяйства въ московскомъ университетѣ, издавалъ журналы: «Мнемозина», «Атеней» и «Русскій Земледѣлецъ». Павловъ много сдѣлалъ для развитія въ Россіи философскихъ идей, распространяя и популяризируя въ своихъ сочиненіяхъ идеи Шеллинга.

Стр. 358. Подъ «княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ» здѣсь, очевидно, подразумѣвается фаворитъ Екатерины II, графъ Григ. Григ. Орловъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ при дворѣ и достигшій высшихъ почестей, но съ 1772 г. уступившій свое мѣсто Потемкину.

Стр. 364. Брунегильда—франкская (Австразіи) королева VI в., отличавшаяся своей жестокостью.

Стр. 367. «Георгики»—стихотворенія Виргилія, посвященныя земледѣлію. «Фарсала» («Pharsalia»)—эпическая поэма Лукана (I в. по Р. Х.). Лука Вовенаргъ (1715—1747), французскій моралистъ, главное сочиненіе котораго «Réflections et maximes» переведено и на русскій языкъ.

Стр. 368. «Кандидъ»—философскій романъ Вольтера, «Орлеанская Дѣва» («La pucelle d'Orleau»)—его-же сатирическая и скабрезная поэма. «Жакъ-фаталистъ» — скабрезно-философскій романъ Дидро.

Стр. 388. Корниче (La Corniche)—славящаяся красотами природы береговая дорога въ Ривьерѣ, тянущаяся у скалистаго берега Средиземнаго моря отъ Ниццы до Генуи.

Стр. 392. Magna Grecia — Великая Греція—общее названіе всѣхъ древнихъ греческихъ колоній въ южной Италіи, впослѣдствіи употреблявшееся, какъ названіе всей южной Италіи.

Стр. 392—393. Леонтіемъ Васильевичемъ звали извѣстнаго генерала Дубельта (1792—1862), бывшаго съ 1835 г. начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, а съ 1839 г. управляющимъ III отдѣленіемъ. Дубельтъ въ свое время былъ предметомъ общаго ужаса въ виду его дѣятельности, безконтрольной и безапеляціонной.

Стр. 393. Ив. Ив. Излеръ—извѣстный въ 40-хъ и 50-хъ гг. петербургскій антрепренеръ-увеселитель.

Стр. 407. «Трагедія за стаканомъ грока» напечатана впервые въ сборникѣ: «Еще разъ» 1866 г.

Стр. 409. Осборнъ—лѣтняя резиденція англійской королевской семьи на островѣ Уайтѣ.—Лончь—завтракъ у англичанъ.

Стр. 414. Статья «Скуки ради» была напечатана подъ псевдонимомъ *I. Ніонскій* (отъ швейцарскаго города Ніонъ, гдѣ жилъ Герценъ лѣтомъ 1868 г.) въ «Недѣлѣ» за 1868 г. № 48 и за 1869 г. №№ 10 и 16. Она составляетъ начало статьи, напечатанной въ «Сборникѣ посмертныхъ статей» какъ самостоятельное произведеніе подъ заглавіемъ «Докжаръ, умирающій и мертвые» и перепечатываемой въ настоящемъ изданіи ниже.

Стр. 417. Генералъ Хуанъ Примъ (1814—1870) послѣ низверженія королевы Изабеллы (1868) былъ испанскимъ министромъ-президентомъ и подготовилъ избраніе въ испанскіе короли итальянскаго принца Амедея, но еще до прибытія послѣдняго въ Испанію былъ убитъ неизвѣстными лицами.

Стр. 417. Генералъ Ламорисьеръ (1806—1865) былъ однимъ изъ усмирителей іюньскаго (1848) возстанія рабочихъ въ Парижѣ.—Генералъ Шангарнье (1793—1877), легитимистъ, жившій во время 2-й имперіи внѣ Франціи, но въ 1870 г. явившійся участвовать въ войнѣ съ Пруссіей. — Полковникъ Шаррасъ (1810—1865), республиканецъ и знатокъ стратегіи, написавшій замѣчательныя исторіи войнъ 1813 и 1815 гг.—

Маршалъ Пелисье (1794—1864), бонапартистъ, бывшій главнокомандующимъ французской арміей въ Крыму (1854—55) и за взятіе Севастополя получившій титулъ герцога Малаховскаго.

Стр. 417. Маконъ—главный городъ французскаго департамента Соны и Луары, славящійся своимъ виномъ. Господинъ, выведенный здѣсь Герценомъ и охарактеризованный имъ, какъ *«работающій въ Маконахъ»*, очевидно, тамошній виноторговецъ.

Стр. 418. Божоле—мѣстность во Франціи между рѣками Луарой и Соной, гдѣ приготовляется высоко цѣнимое вино, вывозимое оттуда ежегодно въ большомъ количествѣ.

Стр. 419. Подъ «Юмопатіей» Герценъ разумѣетъ здѣсь тотъ успѣхъ, которымъ пользовался въ 60-хъ годахъ англійскій спиритъ и медіумъ Юмъ, имѣвшій много поклонниковъ.

Стр. 422. Маршалъ Бюжо (1784—1849) былъ въ 1848 г. начальникомъ парижскаго гарнизона и былъ смѣненъ 24 февраля письменнымъ приказомъ Луи-Филиппа, не позволившаго ему бомбардировать Парижъ. Ранѣе былъ губернаторомъ и командующимъ войсками въ Алжирѣ.

Стр. 424. Вефуръ—владѣлецъ моднаго ресторана въ Парижѣ.

Стр. 424. Луи-Мари Кормененъ (въ текстѣ ошибочно напечатано: Корменей), франц. публицистъ и юристъ (1788—1868), дѣятельно участвовавшій въ выработкѣ конституціи 1848 г., а съ 1855 г. бывшій членомъ франц. Института. Онъ написалъ выдержавшія въ 10 лѣтъ 25 изданій «Lettres sur la liste civile», «Livre des orateurs» (18 изданій), «Административное право» и др.

Стр. 429. Докторъ Гаспаръ-Родригъ Франціа или Франсіа (1756—1840), ставъ съ 1814 г. диктаторомъ Парагвайской республики и отличаясь необыкновенной жестокостью, правилъ крайне деспотически и надолго отрѣзалъ Парагвай отъ всякихъ сношеній съ другими странами.

Стр. 432. Жанъ Сивьяль (1792—1867), извѣстный въ свое время хирургъ, изобрѣтатель литотрипсіи.

Стр. 444. Михаилъ Серве (1511—1553), врачъ и богословъ, жившій въ Женевѣ. Онъ открылъ легочное кровообращеніе, но въ своихъ сочиненіяхъ отрицалъ троичность Бога и др. догматы, за что, по настоянію Кальвина, и былъ сожженъ.

Стр. 450. Франсуа-Жозефъ-Викторъ Бруссе (1772—1838), французскій медикъ, основатель системы леченія посредствомъ усиленныхъ кровопусканій (бруссеизмъ).

Стр. 457. Бланки, Луи-Огюстъ, извѣстный французскій революціонеръ (1805—1881), почти половину своей жизни просидѣвшій въ тюрьмахъ за свою агитаторскую дѣятельность.—Другой видный франц. революціонеръ 1848 г. былъ Арманъ Барбесъ (1810—1870). «Барбесовское дѣло», о которомъ здѣсь говорится, была предпринятая Барбесомъ попытка возстанія, 12 мая 1839 г., за что онъ былъ приговоренъ сперва къ смерти, а затѣмъ къ пожизненному тюремному заключенію.

Стр. 459. «Chevalier de la maison rouge»—историческій романъ Ал. Дюма-отца изъ эпохи первой французской революціи. — «Мониторъ» — офиціальная газета французскаго правительства (съ 1793 по 1871 г.).

Стр. 460. Принцъ (правильнѣе: князь) Беневентскій, титулъ, пожалованный Наполеономъ I его министру иностранныхъ дѣлъ Талейрану, который во время революціи отрекся отъ католицизма, а при имперіи снова къ нему вернулся.

Стр. 461. Жакъ-Луи-Давидъ (1748—1825), славившійся въ свое время французскій живописецъ, бывшій главой классической школы въ живописи. Во время революціи онъ былъ приверженцемъ Марата и Робеспьера, что не помѣшало ему при имперіи Наполеона I превратиться въ придворнаго живописца и получить баронскій титулъ. При реставраціи былъ изгнанъ изъ Франціи. Лучшія его картины: «Смерть Марата» «Клятва Горацієвъ», «Велизарій» и др.

Стр. 463. Роберъ Макеръ—типъ мошенника, выведеннаго на парижскую сцену.

Стр. 463. Дени-Огюстъ Аффръ состоялъ съ 1840 г. парижскимъ архіепископомъ. Убитъ во время іюньскаго возстанія 1848 г., взойдя для умиротворенія народа на баррикады.

Стр. 465. Одилонъ Барро (1791—1873) политическій дѣятель, бывшій министромъ при Луи-Филиппѣ и Наполеонѣ III. Былъ либераломъ при Луи-Филиппѣ, но при республикѣ и второй имперіи сталъ реакціонеромъ.

Стр. 467. Въ драмѣ Виктора Гюго «Лукреція Борджіа» есть аналогичная сцена, на что и сдѣлано здѣсь указаніе.

Стр. 467. Арманъ Марастъ (1800—1852) былъ въ 40-хъ годахъ публицистомъ и, избранный въ 1848 г. въ члены временнаго правительства французской республики, явился представителемъ буржуазныхъ интересовъ. Былъ предсѣдателемъ учредительнаго собранія и участвовалъ въ составленіи республиканской конституціи. Остался извѣстенъ своими интригами противъ чистыхъ республиканцевъ.

Стр. 470. Маркъ Коссидьеръ (1809—1861), французскій политическій дѣятель, участвовавшій въ 30-хъ и 40-хъ годахъ во всѣхъ республиканскихъ заговорахъ и возстаніяхъ въ Парижѣ, а 24 февраля 1848 г. сталъ префектомъ полиціи въ Парижѣ. Впослѣдствіи бѣжалъ въ Англію и издалъ свои мемуары.

Стр. 476. Помѣщаемый здѣсь отрывокъ напечатанъ впервые Т. П. Пассекъ въ ея воспоминаніяхъ «Изъ дальнихъ лѣтъ», т. II, стр. 71. Этотъ отрывокъ представляетъ собою первую половину 2-ой сцены «Лицинія» по сценарію Герцена, помѣщенному выше. «Лициній» былъ написанъ во Владимірѣ въ концѣ 1838 и началѣ 1839 г.—написанъ пятистопными ямбами, и, вѣроятно уже позднѣе, по возвращеніи въ Москву, переложенъ въ прозу—согласно шутливому совѣту Бѣлинскаго, какъ объ этомъ разсказываетъ Герценъ («Былое и Думы», т. I, гл. 16).

Стр. 485. Посвященіе «Маріи Р.» относится къ Маріи Каспаровнѣ Рейхель, урожденной Эрнъ, съ которою Герценъ подружился еще въ Вяткѣ, во время своей ссылки 30-хъ годовъ, и которая впослѣдствіи, ставъ близкимъ другомъ не только Герцена, но и его жены, вмѣстѣ съ ними уѣхала за границу въ 1847 году. Она часто фигурируетъ въ перепискѣ Герцена и его невѣсты (VII томъ).

Стр. 486. Тетрадь воспоминаній Герцена, о пропажѣ которой онъ здѣсь сожалѣетъ и въ которой описана его поѣздка съ друзьями въ подмосковное имѣніе кн. Юсупова—Архангельское—впослѣдствіи нашлась и была напечатана Т. П. Пассекъ въ I томѣ ея воспоминаній (см. прим. къ стр. 271), откуда и воспроизведена въ настоящемъ томѣ на стр. 281—291.

